

**САНДРА
БРАУН**
Зависть

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Сандра Браун

Зависть

OCR AngelBooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129546

Зависть: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-11226-X

Оригинал: SandraBrown, "Envy"

Перевод:

Владимир А. Гришечкин

Аннотация

В руки Марис Мадерли – дочери владельца крупного издательства – попадает неподписанная рукопись, которая завораживает ее с первых же страниц. Марис решает разыскать автора загадочной рукописи, не подозревая, что ее ждет...

Содержание

Пролог	5
1	26
2	48
3	61
4	86
5	135
6	160
7	180
8	202
9	229
10	264
11	284
12	317
13	343
14	365
15	386
16	401
17	423
18	454
19	475
20	513
21	533
22	551

23	564
24	593
25	608
26	625
27	640
28	659
29	683
30	708
31	728
32	775
33	791
34	812
35	833
36	855

Сандра Браун

Зависть

Пролог

Ки-Уэст, Флорида

1987 г.

Галеты, сардины и маринады составляли его меню, лишь изредка дополняемое твердым сыром и зеленью. Лучшей еды и придумать было нельзя.

Так считал Хатч Уокер, и ничто в мире не могло бы его разубедить.

В тот вечер он сидел на веранде своей конторы по прокату яхт и катеров, жевал галету и, прищурившись, всматривался в морскую даль, пытаясь разглядеть на горизонте вспышки молний.

Вспышки молний означали шторм. Правда, погода на побережье стояла по-прежнему тихая, но Хатч знал – шторм где-то там, за горизонтом. Пока он только собирается с сила-

ми, но пройдет совсем немного времени, и шквалистый ветер погонит к суше напитавшиеся влагой облака.

Но здесь, в гавани, было по-прежнему спокойно. Тонкий серпик луны висел в небе, опрокинувшись на спину и выставив вверх остренькие рожки, крупные звезды соперничали с огнями мигающих неоновых реклам на берегу, но Хатча обмануть было трудно. Перемену погоды он чувствовал безошибочно, и ни один барометр был ему не указ. Шторм Хатч мог предсказать задолго до того, как на горизонте появлялись первые тучи и упругий ветер начинал надувать паруса яхт и катамаранов. Обычно его прогнозы сбывались в девяноста пяти случаях из ста, но сейчас Хатч был абсолютно уверен, что буря начнется еще до наступления утра.

Коричневые от никотина зубы Хатча с хрустом впились в огурец. Рот его наполнился приятным вкусом рассола, и Хатч, откусив кусочек сыра, блаженно улыбнулся. Хатч не понимал людей, питавшихся в ресторанах и выкладывавших колоссальные деньги за крошечные порции того или сего, когда они могли есть так, как он, – вкусно, обильно, дешево.

Конечно, те, кто ходил по ресторанам, платили не столько за еду, сколько за все, что этим походам сопутствовало, – за парковку машин, чистые тарелки, крахмальные скатерти, смазливый морды официантов и за многое другое. Но больше всего денег им приходилось тратить, конечно, на блюда под заумными французскими названиями, а на самом деле это были всего лишь зажаренное в тесте филе тунца, яблоч-

ный пирог, салат из мидий или суп с креветками. Хатч Уокер сталкивался с такой картиной буквально во всех портах мира, а в последнее время эта глупая мода докатилась даже до Ки-Уэста; с недавних пор все рыбные блюда в городе стали называться на французский манер, над чем Хатч не уставал потешаться.

Воскресный день клонился к вечеру, улицы Ки-Уэста опустели, да и туристский сезон шел на убыль. «Благодарю тебя, господи, за твои маленькие милости!» – подумал по этому поводу Хатч и, глотнув из жестянки «Пепси», громко рыгнул, выразив этим свое презрение ко всем туристам вообще и в особенности – к бездельникам-северянам, наводнявшим Ки-Уэст с ранней весны до начала осенних штормов. Каждый год они приезжали сюда тысячами, мазали друг друга вонючим кремом для загара, щелкали фотоаппаратами, жужжали видеокамерами и визгливо кричали на своих слюнявых отпрысках, которым мороженое и чудеса Диснейленда в Орландо были куда понятнее и ближе, чем самый красивый морской закат в мире.

К дуракам, которые как проклятые вкальвали одиннадцать с половиной месяцев в году, чтобы потом провести у моря две жалких недели, Хатч не испытывал ничего, кроме презрения. В эти отпускные недели они ухитрялись выложиться так, как не выкладывались за целый год, и все лишь для того, чтобы потом иметь возможность похвастаться, будто они «прекрасно провели время». А смешнее всего было

то, что ради этого отдыхающие готовы были платить любые деньги.

К несчастью, единственное обстоятельство, мешавшее Хатчу чувствовать свое полное превосходство над этим странным народом, заключалось в том, что его собственное благосостояние зависело именно от туристов. И для него это была серьезная моральная проблема. Ежегодное туристское вторжение было ему неприятно, даже отвратительно, но без него Хатчу было бы нечем зарабатывать себе на жизнь.

Да, как ни печально, но предприятие Уокера «Морские прогулки и рыбалка» существовало исключительно за счет туристов. Это Уокер обеспечивал их аквалангами и другим спортивным инвентарем, это он давал им напрокат моторные яхты и катера, это он возил их на морскую рыбалку, чтобы каждый выложивший денежки турист имел возможность запечатлеть свою обожженную солнцем харю рядом с только что пойманным благородным тунцом, который зачастую выглядел так, словно это соседство оскорбляло его куда больше, чем сам факт поимки.

Сегодня дела Уокера шли не особенно хорошо, зато на побережье было тихо и спокойно. Это было неплохо, совсем неплохо, особенно по сравнению с жизнью на борту торгового судна, где в каютах было тесно, душно и грязно, а уединения не существовало в принципе. В свое время Хатч нахлебался такой жизни досыта, и возвращаться к ней у него не было никакого желания. Нет, дайте Хатчу Уокеру возмож-

ность немного посидеть в тишине, и он будет совершенно счастлив!..

Вода в заливе была неподвижна, как в деревенском пруду, и отражения береговых огней на ее черной поверхности почти не дрожали. Никаких звуков тоже не было слышно – лишь изредка поскрипывала мачта на одной из стоящих у причала яхт, приглушенно звонил телефон, да из ночного клуба доносились обрывки музыки, но они не мешали Хатчу. Ему нравились такие спокойные дни, пусть даже это означало, что он ничего не заработает. По его глубокому убеждению, тишину нельзя было купить ни за какие деньги, а раз так, следовало особенно дорожить тем, что достается даром.

Сегодня Хатч собирался прикрыть лавочку пораньше и уйти домой, но одна из его лодок до сих пор не вернулась с моря. Это была двадцатипятифутовая моторная яхта, которую Хатч сдал двум соплякам – если, конечно, так можно говорить о парнях двадцати с небольшим лет. Впрочем, по сравнению с ним они, конечно, были еще зелеными юнцами. На прогулку с ними отправилась и девица, но она была одна, и Хатч невольно задумался, как парни собираются ее делить. На его взгляд, подобное сочетание было весьма взрывоопасным, однако он вспомнил о групповом сексе и успокоился. Каждому – свое, философски подумал он, однако преодолеть своей неприязни к клиентам так и не смог.

Юнцы были подтянутыми, загорелыми и омерзительно самоуверенными. Хатч подумал, что за всю жизнь ни один из

них не проработал честно ни дня. Но это, решил он, не должно его касаться. Главное, пусть не пробуют надуть его при расчете, а откуда у них деньги – не его дело. Впрочем, с расчетом не должно было возникнуть проблем, поскольку парни не были приезжими. Быть может, они не жили в Ки-Уэсте всегда, но Хатчу приходилось сталкиваться с ними в городе и не в сезон.

Когда за час до заката троица грузилась на яхту, Хатч заметил, что все они уже были изрядно навеселе. С собой они взяли два больших контейнера-холодильника – несомненно, тоже с виски или чем-то подобным. Если судить по тому, с каким трудом они поднимали их на борт, контейнеры были тяжелыми, как якоря. Никакого рыболовного снаряжения парни не попросили. Таких компаний Хатч повидал на своем веку немало и был готов голову прозакладывать, что троица намерена остановиться в нескольких милях от берега и предаться безудержному пьянству. Хатч даже задумался, не слишком ли он рискует, сдавая яхту таким людям, однако его касса была почти пуста, и это помогло ему убедить себя в том, что не так уж они и пьяны.

Как бы там ни было, Хатч строго предупредил молокососов, чтобы они не вздумали пить на борту. Ответом ему были улыбки столь же ослепительные, сколь и фальшивые. Парни заверили его, что у них и в мыслях такого не было, а один даже поклонился ему в пояс – с трудом сдерживая смех, вызванный идиотскими нотациями. Второй ограничился тем,

что отсалютовал Хатчу на военный манер и сказал: «Есть, сэр! Будет исполнено, сэр!»

Помогая девушке подняться в лодку, Хатч от души надеялся – она знает, на что идет. И она, несомненно, знала. Хатч много раз видел ее в городе, и всякий раз с разными мужчинами. Ее купальные трусы состояли практически из двух довольно тонких шнурков, таким же крошечным был и лифчик. Он практически ничего не скрывал, и Хатч даже подумал, что девица могла бы не трудиться его надевать.

Впрочем, в лифчике она оставалась недолго. Прежде чем яхта успела выйти из гавани, один из юнцов сорвал с девушки лифчик и взмахнул им над головой, словно военным трофеем. Ее попытки вернуть себе крошечный предмет туалета сразу же превратились в игру, состоявшую в основном из шлепков, щипков и недвусмысленных ласк.

Наблюдая за этим с берега, Хатч только покачал головой и подумал – ему очень повезло, что у него никогда не было дочери, о нравственных добродетелях которой ему пришлось бы заботиться.

Вскоре в жестянке осталась только одна сардина. Выловив ее из масла двумя пальцами, Хатч положил рыбу на галету, украсил последней веточкой укропа, добавил кусочек сыра и щедро полил соевым соусом. Положив сверху вторую галету, он отправил сэндвич в рот и стряхнул крошки с бороды. Сосредоточившись на приятных ощущениях, Хатч совершен-

но случайно бросил взгляд на вход в гавань. Увиденное заставило его поперхнуться. С трудом проглотив застрявший в горле кусок сухой галеты, больно царапнувший горло, Хатч пробормотал:

– Он что, ни хрена не соображает?!

Раздавшийся сразу за этим рев лодочной сирены едва не сбросил его с кресла. Впрочем, усидеть на месте Хатч все равно бы не смог. К моменту, когда почти не пострадавший бутерброд провалился наконец к нему в желудок, Хатч уже выскочил из сарая, служившего ему в качестве офиса, и спустился на причал. При этом он орал во всю глотку и размахивал руками, подавая сигнал рулевому – несомненно, одному из тех болванов-туристов из засушливых штатов, которые до приезда сюда видели воду только в поилке для скота. Рулевой входил в гавань слишком быстро, к тому же он нарушил закон о соблюдении тишины, что могло обойтись ему в кругленькую сумму – или пару деньков в каталажке.

В следующую секунду Хатч узнал лодку. Это была его лодка – самая лучшая и самая большая моторная яхта в его маленьком флоте!

– Ах ты... – Хатч грубо выругался, разом использовав почти половину своего запаса бранных слов, усвоенных им в бытность моряком торгового флота. «Ну погоди, кретин, я до тебя доберусь, – злился он. – Ты у меня пожалеешь, что родился на свет!» Правда, со стороны он выглядел уродливым старым грибом – ко всему прочему, Хатч слегка приво-

лакивал ногу, пострадавшую в результате давней стычки с вооруженным ножом кубинцем, – однако он был еще крепок и не сомневался, что сумеет надрать задницы паре пьяных бездельников.

Между тем яхта миновала буйки, но скорости не снизила. Чудом не зацепив корму сорокадвухфутового катера, она продолжала мчаться к берегу на полном ходу. Катер закачался на поднятой яхтой волне; привязанный к трапу прогулочный ялик с силой ударил носом в борт полированного красавца, и сидевшие на палубе за рюмочкой виски владелец и его гости с проклятьями бросились к леерам.

Увидев это, Хатч погрозил кулаком стоявшему за штурвалом яхты парню. Этот идиот правил точно на причал, словно собрался протаранить его. До столкновения оставались считанные секунды, когда рулевой вдруг заглушил двигатель и резко повернул руль вправо. Яхта грузно повернулась, и из-под ее борта взлетела вверх пенная волна.

Хатч едва успел отскочить, когда яхта ударилась бортом о причал. Парень в рубке бросил штурвал и, чуть не кубарем скатившись по ступенькам мостика, спрыгнул на скользкую палубу. Спускаясь на настил причала, он споткнулся о плохо пригнанную доску, упал и прополз несколько футов на карачках.

Он хотел подняться, но Хатч налетел на него, как ястреб. Схватив парня за плечи, он перевернул его на спину, точно рыбу, которую собрался потрошить. Окажись у него под ру-

кой нож, и Хатч, возможно, не удержался бы и распорол молокососу брюхо от шеи до пупа – в такой он был ярости. К счастью для обоих, ножа у Хатча не было, но на проклятья и угрозы он бы не поспешил.

Но гневные слова застряли у него в глотке прежде, чем он успел произнести их вслух. До этой секунды Хатч думал только о своей лодке – о том, что могло бы случиться, если бы ее скорость была чуть больше или роскошный океанский катер – не катер, а целый пароход! – стоял на якоре чуть ближе к середине гавани. О молодом человеке, который стоял за штурвалом, Хатч совершенно забыл.

Теперь же он ясно видел, что лицо парня разбито и окровавлено, левый глаз закрылся багровой опухолью, майка была изорвана в клочья, а ее жалкие остатки прилипли к мокрому телу.

– Помогите мне! Помогите, пожалуйста! О боже! – Парень оттолкнул Хатча и вскарабкался на ноги. – Они остались там! – с отчаянием выкрикнул он, показывая рукой в направлении океана. – Там, понимаете? Я не смог их найти. Они... Они...

Однажды Хатч стал свидетелем нападения акулы на человека. Беднягу удалось вытащить из воды до того, как хищная бестия оттащила ему вторую ногу. Человек был еще жив, но в очень плохом состоянии. Испуг и болевой шок действовали на него так сильно, что он только бессмысленно бормотал, продолжая истекать кровью. В конце концов он умер,

хотя Хатч сделал все, чтобы как можно скорее доставить его к врачу.

Парень, на его взгляд, был примерно в таком же состоянии. В его глазах Хатч ясно видел хорошо ему знакомое выражение дикой, неконтролируемой паники. Значит, все произошедшее не было ни шуткой, ни глупостью, ни пьяной выходкой. Молодой человек – а это был тот парень, который шутовски салютовал в ответ на нравоучения, – был близок к самой настоящей истерике.

– Ну-ка, успокойся, сынок, – сказал Хатч и, взяв парня за плечи, слегка потряс. – Что там у вас случилось? И где твои друзья?

Молодой человек закрыл лицо руками, которые, как заметил Хатч, тоже были разбиты и ободраны до крови. Всхлипывая и размазывая по лицу слезы, он пробормотал:

– Они там... в воде...

– Они упали за борт?

– Да. О господи!

– Этот ублюдок чуть не угробил мой катер! Какого черта он несся словно на пожар?! – сказал какой-то мужчина в шлепанцах, который приблизился к ним по причалу и остановился, уперев руки в заплывшие жиром бока. От него за милю несло одеколоном, какой показался бы чересчур сильным любой уважающей себя проститутке. Кроме шлепанцев, на мужчине были только узенькие плавки «Спидо», почти целиком скрытые отвисшим животом, поросшим к тому

же черной курчавой шерстью. На правом запястье мужчины болтался массивный золотой браслет. Говорил он с характерным гнусавым акцентом уроженца северо-востока страны. Одного этого было достаточно, чтобы Хатч почувствовал к мужчине сильнейшую неприязнь.

– Парнишка ранен, – проговорил он, нарочито растягивая слова на южный манер. – Произошел несчастный случай...

– Черта с два – несчастный случай! Он же надрался в стельку! Этот болван повредил наш катер! – Это сказала незаметно подошедшая к ним подруга владельца катера – ярко накрашенная тридцатилетняя женщина в бикини и босоножках на высоком каблуке. Ее слишком ровный загар и чересчур полные груди вряд ли могли быть естественными. Обеими руками женщина прижимала к себе по карликовому пуделю с розовыми бантами на макушке. Обе собачки возбужденно лаяли на незнакомцев.

– Позвоните, пожалуйста, в «Службу 911», – сказал Хатч.

– Но я желаю знать, как этот подонок собирается... – начал мужчина.

– Позвони в «911», жирный ублюдок!

Внутри офис Хатча насквозь провонял сардинами, кукурузным маслом, мокрой пенькой, сырой рыбой и соляжкой. К тому же сейчас в нем было жарко и душно, ибо обычно в старом лодочном сарае находился только сам Хатч. Все свободное место было загромождено ящиками и коробками со сна-

стями и рыболовным снаряжением, бухтами канатов, дополнительным оборудованием и запчастями. Почетное место занимал металлический шкаф-картотека, в котором Хатч хранил консервный нож и початую бутылку виски. Стол, за которым Хатч работал (и обедал), был куплен на распродаже спасенной после кораблекрушения мебели и обошелся ему всего в двадцать пять долларов.

Парень, который разбил его лодку, сидел у стола на продавленном кресле и плакал, закрыв лицо руками. Его только что вырвало в туалете, но Хатч был уверен, что эта тошнота была следствием пережитого потрясения и не имела отношения к порции виски, которую он незаметно сунул бедняге. Правда, и до этого парень выпил немало – он сам признался в этом сотруднику береговой охраны, который его допрашивал. Полицейский из городского отдела полиции, приехавший на берег первым, уже расспросил его о том, как и почему он повредил стоящий в гавани катер. Служащего же береговой охраны интересовало, что произошло на борту яхты и как двое из троих туристов оказались в воде.

Парень назвал имена своих спутников, их возраст и адреса, и Хатч, сверившись с договором о прокате лодки, подтвердил сказанное. Сам он чувствовал себя неуютно оттого, что в его сарае находятся посторонние. Хатч, впрочем, понимал – ему следует радоваться, что его не попросили подождать снаружи, пока представители закона допрашивают парня. Несмотря на то что час был довольно поздний, причал

и окрестности гавани уже кишели зеваками, которых тянет к месту трагедии, как мух к свежей куче навоза. Полиции в гавани тоже хватало – нельзя было даже плюнуть, чтобы не попасть кому-нибудь на мундир.

В свое время Хатч имел возможность близко познакомиться с полицейскими участками во многих портах мира и испытывал стойкое отвращение к полицейской форме, удостоверениям и значкам. В теперешней жизни он старался не иметь дела с властями. Если человек не может жить в соответствии с собственными правилами и понятиями о том, что хорошо, а что плохо, зачем тогда вообще жить? Подобные взгляды часто приводили его в камеры предварительного задержания на всех континентах, однако таково было жизненное кредо Хатча, и он стойко его придерживался.

Это, впрочем, не мешало ему понимать: данный случай находился целиком в компетенции полиции и береговой охраны. Хатч знал, что, допросив парня, власти не станут медлить и организуют широкомасштабный поиск пропавших. В этом им отказать было нельзя – у них были для этого и техника, и специально подготовленные люди.

Вместе с тем Хатч ясно видел, что парень находится на грани нервного срыва. К счастью, копы это тоже понимали и старались действовать как можно мягче. Ведь стоило немного перегнуть палку, и у парня началась бы истерика, после чего добиться от него сколько-нибудь вразумительных ответов стало бы невозможно. Единственным выходом в данной

ситуации было дать парню немного прийти в себя и только потом осторожно расспросить обо всем, что случилось.

На парне были только плавки и теннисные туфли, из которых на грубый дощатый пол натекли целые лужи морской воды. Хатч дал ему старое шерстяное одеяло, но парень сбросил его вместе с изорванной в клочки майкой.

Вдруг снаружи послышались быстрые шаги и взволнованный голос что-то неразборчиво прокричал. Это заставило парня вскинуть голову и с надеждой посмотреть на дверь. Но шаги стихли в отдалении, и искорка надежды в глазах парня погасла. Впрочем, сотрудник береговой охраны, который как раз колдовал над кофеваркой Хатча, успел перехватить взгляд молодого человека и правильно его истолковал.

– Не волнуйся, сынок, – сказал он. – Как только нам что-то станет известно, мы сразу тебе сообщим.

– Они должны быть живы! – Голос парня звучал хрипло – совсем как у человека, который долго кричал, стараясь перекрыть шум ветра и волн. Время от времени он вовсе срывался, и отдельные слоги были едва слышны. – Мне кажется, я просто не заметил их в темноте. Там... в море... Там было просто дьявольски темно! Я кричал и звал, но... – Его глаза перескакивали с лица Хатча на лицо офицера и обратно. – Почему они не откликнулись? Почему не звали на помощь? Неужели они... – Сказать вслух то, чего все боялись, ему не хватило сил.

Офицер береговой охраны задумчиво прихлебывал горя-

чий кофе.

Хлюп, хлюп, хлюп. Этот звук действовал Хатчу на нервы сильнее, чем скрип железа по стеклу, но он промолчал. Теперь от него ничего не зависело, дело было в руках закона. Конечно, его яхта была застрахована. Разумеется, без разбирательства и долгой бумажной волокиты не обойтись, но Хатч не сомневался, что в конечном итоге ему возместят все убытки. Быть может, он даже получит немного больше, чем потерял.

С парнем, конечно, не все было так просто. Никакая страховка не способна была снова сделать его жизнь беззаботной и веселой после того, как двое приятелей утонули у него на глазах. А в том, что они утонули, Хатч почти не сомневался. Шансов выжить у них практически не было.

Правда, ему приходилось слышать о людях, которые, свалившись за борт, ухитрились несколько часов держаться на плаву и выжить, но эти случаи можно было пересчитать по пальцам одной руки, и пальцев бы более чем хватило. Из опыта Хатчу было известно, что для упавшего в воду утопление было едва ли не самой легкой смертью. Во всяком случае – самой быстрой. Смерть от переохлаждения была медленной и мучительной. Что же касалось акул, то для них оказавшийся за бортом человек был всего лишь добычей, лакомым кусочком, за которым даже не нужно гоняться.

Наконец офицер береговой охраны допил кофе и, поглядев на скопившуюся на дне гушу так, словно собирался га-

дать, спросил:

– Почему же ты не вызвал помощь по радио?

– Я вызвал, то есть... Я пытался, но не сумел включить передатчик.

Офицер снова принялся рассматривать трещины и щербинки на чашке.

– Несколько лодок слышали твой «SOS». Они пытались передать, чтобы ты оставался на месте и никуда не уходил, но ты не послушался.

– Я их не слышал. Боюсь, что... – Парень поднял голову и бросил опасливый взгляд в сторону Хатча. – Боюсь, я не очень внимательно слушал, когда он объяснял, как пользоваться радио.

– Это была серьезная ошибка.

– Да, сэр...

– Насколько я понял, тебя вряд ли можно назвать опытным моряком?

– Опытным? Нет, сэр, что вы!.. Правда, мне уже случалось выходить в море, но... Раньше никаких неприятностей не было.

– Так-так, понятно... А теперь расскажи мне о драке.

– О какой драке?

Этот ответ заставил офицера нахмуриться.

– Не пудри мне мозги, сынок, – промолвил он. – У тебя под глазом синяк, разбит нос и рассечена губа. Суставы пальцев тоже разбиты и содраны в кровь. Поверь мне, я знаю, что

такое хорошая кулачная драка и какие после нее остаются следы. Поэтому не крути и отвечай честно – из-за чего все произошло?

Плечи молодого человека опустились еще ниже и затряслись от рыданий, а из глаз и из носа потекло, так что некоторое время он не мог ничего говорить.

– Вы подрались из-за девушки? – осведомился офицер уже помягче. – Мистер Уокер сказал мне, что ваша спутница была очень хороша собой. Как выразился мистер Уокер, такую не стыдно пригласить на любую вечеринку. Она была с кем-нибудь из вас?

– Вы имеете в виду, была ли она чьей-то девушкой? Нет, не сказал бы... Это... просто знакомая.

– И вы с приятелем сцепились из-за ее... благосклонности?

– Нет, сэр. То есть не совсем... Я хочу сказать, что все началось совсем не из-за нее, а...

– Из-за чего же?

Парень высморкался, но ничего не ответил.

– Лучше тебе рассказать все сейчас, приятель, – сказал офицер. – Потому что когда мы найдем... то, что найдем, мы не отстанем от тебя до тех пор, пока ты не скажешь правду.

– Мы... напились.

– Это я уже понял.

– ...И... и... – Парень снова поднял голову, посмотрел на Хатча, на офицера и сказал серьезно, почти торжественно:

– Он мой лучший друг!

– Хорошо. Что же произошло?

Молодой человек слизнул сукровицу с разбитой губы.

– Он... он как будто взбесился. Я никогда его таким не видел.

– Каким – таким?

– Злым. Жестоким. Он как будто... действительно сошел с ума.

– Сошел с ума?

– Да.

– Что же ты сделал, что твой друг так разозлился?

– Ничего! Сначала он пошел вниз... с девушкой. Я остался наверху, чтобы дать им побыть наедине. Ну... вы понимаете...

– Они занимались сексом?

– Ну да. Я хотел, чтобы мой друг получил удовольствие. И вдруг он как выскочит, как бросится на меня!

– Без всякой причины? Он напал на тебя без всякой причины?..

– Даже без предупреждения. – Молодой человек снова опустил голову. – Это должна была быть праздничная вечеринка, понимаете? Мы договорились устроить себе праздник, и... Я не понимаю, почему все так закончилось. Богом клянусь, не знаю!

Он снова начал всхлипывать, закрыв разбитое лицо руками, а офицер поглядел на Хатча, словно хотел попросить

разъяснений. Но Хатч ничего не мог сказать. Он не был отцом этого парня. Он не был ни офицером береговой охраны, ни полицейским, и это была не его проблема.

Когда Хатч так ничего и не сказал, офицер спросил, что он может добавить к рассказу юноши.

– Ничего, – коротко ответил Хатч.

– Может быть, вы видели или слышали, как они ссорились?

– Нет. Я видел только, что им очень хорошо втроем. Офицер снова повернулся к молодому человеку:

– Насколько мне известно, близкие друзья не набрасываются друг на друга без причины. Даже если перед этим они очень много выпьют. Они могут, конечно, сгоряча сцепиться, но такие ссоры обычно быстро заканчиваются, не так ли?

– Наверное, – мрачно ответил юноша.

– Вот почему я хочу, чтобы ты рассказал все. Слышишь меня?! Из-за чего вы сцепились? Парень с трудом сглотнул.

– Он... просто напал на меня.

– И все?

– И все.

– Почему?

– Но послушайте, я ведь только защищался! Клянусь!.. – пробормотал юноша. – Я не хотел с ним драться, это была просто вечеринка.

– Почему твой друг напал на тебя?

Молодой человек покачал головой:

– Не знаю.

– Ты врешь, сынок, и мы оба это понимаем. Ты знаешь, почему твой друг бросился на тебя. Скажи мне... Что рассердило твоего лучшего друга настолько, что он накинулся на тебя с кулаками?

Молчание длилось, наверное, добрых полминуты, потом юноша что-то пробормотал себе под нос.

Хатч не был уверен, что расслышал правильно. Ему помешал первый удар грома, от которого задребезжало стекло в единственном окне. Кроме того, ему еще никогда не приходилось слышать такого странного ответа.

Должно быть, офицер береговой охраны подумал так же. Покачав головой, он подался вперед, чтобы лучше слышать.

– Повтори-ка, что ты сказал, сынок...

Молодой человек выпрямился и вытер нос тыльной стороной ладони. Потом он откашлялся и несколько раз моргнул здоровым глазом.

– Он завидовал мне, – произнес он. – В этом все дело. Зависть – вот причина, по которой он на меня напал...

П.М.Э.

Остров Санта-Анна, Джорджия.

Февраль 2001 года

1

– Он просто обязан где-то быть!.. – Марис Мадерли-Рид нетерпеливо постучала карандашом по блокноту, на котором успела нарисовать полтора десятка звездочек и заштрихованных треугольников и набросать примерный эскиз обложки для новой книги.

– Вы сказали – П.М.Э., правильно?

– Совершенно точно.

– Прощу прощения, мэм, но в справочном регистре Джорджи нет таких инициалов. Я проверила дважды.

Идея эскиза обложки к мрачному повествованию автора о его отношениях с приемной дочерью пришла в голову Марис, пока она ждала ответа телефонистки.

– А в соседних штатах?

– Увы, мэм. Я проверила базы данных по всем Соединенным Штатам.

– Может быть, эти инициалы принадлежат не частному лицу, а означают фирму или учреждение?

– Я заглянула и в «Желтые страницы», мэм.

– Значит, П.М.Э. – владелец незарегистрированного номера?

– Не исключено. Под этими инициалами или аббревиатурой у нас абонентов нет. Это все, что я могу сказать, мэм. Если бы у вас была хотя бы фамилия...

– К сожалению, фамилии я не знаю.

– Тогда, к сожалению, больше я ничем не могу помочь.

– И все равно – спасибо...

Положив трубку, Марис некоторое время разглядывала свой эскиз, потом энергично перечеркнула его несколькими жирными линиями. Какой бы роскошной ни вышла обложка, сама книга ей не нравилась. Недвусмысленный подтекст этого опуса ее смущал и раздражал, и Марис опасалась, что многие читатели разделяли бы ее чувства.

Однако редактор, работавший с рукописью, был уверен, что издательству следует непременно приобрести право на издание. Тема практически гарантировала книге скандальную популярность, многократные приглашения на телевизионные передачи и радио-шоу, отзывы в газетах и журналах и, возможно, телевизионную экранизацию, что практически означало бесплатную рекламу. Но даже если бы книга и не сделала сенсации, затронутая в ней щекотливая тема способна была обеспечить стабильные продажи. Все члены издательского совета «Мадерли-пресс» были согласны с редактором, и Марис оставалось только подчиниться. Точнее, она не стала возражать слишком категорично, а это означало, что теперь Марис могла при случае потребовать от издательского совета ответных уступок.

А такое одолжение ей могло понадобиться. Марис поняла это, как только дочитала до конца пролог романа «Зависть», обнаруженный ею в стопке неотцензированных рукопи-

сей. Рукописи эти валялись в ее кабинете месяцами, занимая целых три полки в стенном шкафу и собирая пыль в ожидании дня, когда личное расписание позволит Марис просмотреть их и... отправить разочарованным авторам стандартное письмо с отказом. Каждый раз Марис очень живо представляла, как начинающие писатели, злясь и чертыхаясь, читают эти стандартные и не оставлявшие никаких надежд ответы, и чувствовала себя обязанной уделить каждому из авторов хотя бы пятнадцать минут своего времени.

Кроме того, она никогда не забывала, что среди кучи макулатуры может оказаться новый Стейнбек, Фолкнер или Хемингуэй. Шансов, конечно, было ничтожно мало, но какой редактор не мечтает в душе о подобной возможности?

Марис, впрочем, была бы довольна и счастлива, если бы ей удалось откопать хотя бы приличный бестселлер. И пятнадцать страниц пролога, которые она проглотила на одном дыхании, давали на это надежду. По совести сказать, начало романа понравилось ей даже больше, чем находящиеся в издательском портфеле рукописи авторов с именами. Ничего лучшего Марис не читала уже давно.

Пролог возбудил ее любопытство, как и положено прологу или первой главе. Рукопись, что называется, «цепляла», и Марис захотелось узнать, что будет дальше. Но она не знала даже, был ли роман написан целиком. Неизвестно Марис было и то, первый ли это опыт, пробовал ли себя автор в других жанрах, что он уже издал и издал ли вообще.

Ни на один из этих вопросов ответов у нее было. Марис не знала даже, был ли автор мужчиной или женщиной, хотя инстинкт подсказывал ей, что верно скорее первое. Внутренний монолог Хатча Уокера был написан со знанием дела, с тонким пониманием мужской психологии и как нельзя лучше соответствовал характеру персонажа. Больше того, именно таким, «мужским» языком должен был владеть старый моряк, много повидавший, но сохранивший в сердце романтическую жилку.

С другой стороны, рукопись явно была прислана человеком, который мало что знал о современном издательском деле. Он ухитрился нарушить буквально все правила представления нового произведения солидному издателю. В бандероль не был вложен ни конверт с маркой и адресом отправителя, ни сопроводительное письмо, из которого можно было узнать номер почтового ящика, контактный телефон, обычный или электронный адрес корреспондента. Все, что было у Марис, это инициалы и название острова где-то в Джорджии, о котором ей никогда не приходилось слышать. Интересно, как автор рассчитывал продать свою рукопись, если не оставил даже адреса, по которому с ним можно было бы связаться?!

Потом Марис заметила, что почтовый штемпель на бандероли был четырехмесячной давности. Если автор разослал свой пролог сразу в несколько издательств, рукопись вполне могла быть куплена кем-то другим, а значит, все ее вол-

нения были напрасны. Марис хорошо это понимала, однако вывод, который она сделала, был скорее парадоксальным, чем рациональным. Надо немедленно разыскать этого человека, решила она. Внутреннее чутье подсказывало Марис, что впервые за много лет она отыскала новое имя, способное вспыхнуть на современном литературном небосклоне звездой самой первой величины. А значит, она должна сделать все, чтобы заключить с ним контракт. Если из-за ее лени или небрежности новое имя попадет к какому-то другому издателю, она себе этого не простит.

– Ты еще не готова? – В дверях кабинета показался Ной, одетый в новенький смокинг от Армани. Марис посмотрела на мужа и почувствовала горделивое волнение.

– Ты отлично выглядишь. Нет, что я говорю – не отлично, а просто превосходно. Великолепно. Блестяще.

Тут взгляд Марис упал на настольные часы, и она поняла, что совершенно забыла о времени. Они действительно опаздывали. Нервно пригладив волосы, она виновато улыбнулась.

– Извини, я что-то заработалась. Сейчас попробую быстро привести себя в порядок.

Ной, за которого Марис вышла почти два года тому назад, вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь. Бросив на стол профессиональный издательский журнал, он подошел сзади к креслу Марис и принялся умело разминать ей шею и плечи, которые – он знал – к вечеру буквально сводило от усталости.

– У тебя был тяжелый день, дорогая? – участливо спросил он.

– Не сказать чтобы очень тяжелый, – ответила Марис. – За весь день только одна встреча, и та была короткой. В основном я занималась тем, что разгребала авгиевы конюшни в своем кабинете. – И она указала на груды отвергнутых рукописей в мусорной корзине и около нее, которые ожидали прихода уборщиц.

– Ты читала всю эту дребедень? – удивился Ной. – Господи, Марис, ну зачем это тебе?! Ведь «Мадерли-пресс» не имеет дела с рукописями, которые поступают не через агентов, – это официальная издательская политика, и...

– Я знаю, но, коль скоро я сама и есть Мадерли, я имею право иногда нарушать правила. Особенно если мне этого хочется.

– Похоже, я женился на анархистке, которая не признает установленного порядка, – шутливо сказал Ной, наклоняясь, чтобы поцеловать Марис в шею. – Но если уж ты планируешь вооруженное восстание или революцию, не лучше ли избрать для этого какую-нибудь благую цель – например, повышение продаваемости наших тиражей или снижение издательских расходов? Лично мне кажется, не стоит бунтовать только ради того, чтобы старший вице-президент компании официально получил право тратить время на ерунду.

– Старший вице-президент... – повторила Марис. – Омерзительное название! Когда я его слышу, мне представляется

пожилая редакционная тетка, у которой во рту мятные таблетки от кашля и которая носит с деловым костюмом кроссовки, чтобы не уставали ноги.

– А вот и нет! – рассмеялся Ной. – Вице-президент издательского дома – это молодая, дерзкая, успешная женщина, похожая на тебя. И которая, к сожалению, как и ты, слишком много работает.

– Ты забыл добавить – умная и сексуальная, – с усмешкой уточнила Марис.

– Это само собой разумеется, – ответил Ной. – И вообще, перестань, пожалуйста, уводить разговор в сторону. Ответь прямо – какой смысл самой копаться в этой графоманской ерунде, когда существуют литературные агенты и агентства? На худой конец, эту работенку можно было бы поручить кому-то из младших редакторов. Результат будет тот же, но тогда, по крайней мере, тебя не будет мучить совесть...

– Отец учил меня относиться с уважением к каждому, кто пытается писать, – даже к графоманам, – возразила Марис. – Если бог не наградил кого-то талантом, одни их усилия заслуживают того, чтобы кто-то уделил им хотя бы немного внимания.

– Вот я и говорю, что младшие редакторы могли бы... Впрочем, я, пожалуй, не стану развивать эту мысль – ведь так можно дойти до черт знает чего!

– До чего же?

Ной заговорщически оглянулся на дверь и, понизив голос,

сказал:

– До критики самого Дэниэла Мадерли, самого уважаемого человека не только в нашем издательстве, но и во всей книгоиздательской индустрии!

Марис только головой покачала. Несмотря на все аргументы Ноя, она собиралась и дальше просматривать присланные рукописи. Марис считала, что не имеет права поступаться принципами, на которых столетие назад создавался издательский дом «Мадерли-пресс». Что касалось Ноя, то он мог смеяться над ними сколько угодно хотя бы потому, что не носил фамилии Мадерли. Он принадлежал к семье благодаря узам брака, а не по крови, и иногда это обстоятельство давало себя знать. Во всяком случае, только этим Марис могла объяснить его прохладное отношение к традициям.

В жилах же исконных Мадерли, несомненно, текла не кровь, а чернила и типографская краска. Так, во всяком случае, можно было подумать, поскольку вся история семьи была связана с книгоизданием. И основой их успеха на этом поприще были как раз уважение к любому написанному слову и к писательскому труду.

– Кстати, взгляни на сигнальный экземпляр, – сказал Ной. Марис взяла со стола журнал, который он принес с собой, и открыла на заложенной странице.

– Отличное фото, – заметила она, сравнивая стоящего перед ней мужа и помещенную в журнале фотографию.

– Просто хороший фотограф, – пожал плечами ее супруг.

– Просто хорошая натура.

– Спасибо, дорогая.

– «Ною Риду всего сорок, но выглядит он намного моложе», – вслух прочла Марис начало статьи и, откинув голову назад, снова оглядела мужа. – Гм-гм, пожалуй, я согласна. Ты выглядишь ровно на тридцать девять и ни днем старше.

– Не смешно.

– «Нет никаких сомнений, что это результат ежедневных упражнений в тренировочном зале, недавно оборудованном на шестом этаже здания „Мадерли-пресс“, – продолжала читать она. – Любопытно, что именно мистер Рид – горячий сторонник здорового образа жизни – и является автором этого нововведения, благодаря которому он поддерживает превосходную спортивную форму. Мистер Рид высок, мускулист, подтянут и производит очень приятное впечатление...» По-моему, – заметила Марис, – эта журналистка влюблена в тебя по уши. Скажи честно, у тебя не было с ней романа?

Ной усмехнулся:

– Конечно, нет.

– В таком случае она – одна из тех, кто поклонялся тебе из почтительного далека.

В день их свадьбы Марис пошутила, что сегодня все незамужние женщины, несомненно, оплакивают самого перспективного в Нью-Йорке холостяка, и ее удивляет, почему ворота собора Святого Патрика не украшены траурным крепом.

– Слушай, – добавила она, – эта корреспондентка пишет хоть что-нибудь о твоей деловой хватке и о твоём вкладе в работу издательства?

– Пишет. Только об этом дальше.

– Так, посмотрим... «... Чуть тронутые сединой виски, которые придают ему респектабельный вид», и так далее, и тому подобное. Да ты, оказывается, красавчик и умеешь быть обаятельным! Кстати, ты уверен, что... Ага, вот, кажется, несколько строк по делу. «... Ной Рид является одним из вице-президентов издательского дома „Мадерли-пресс“. Кроме него в руководство издательства входят его тесть мистер Дэниэл Мадерли – живая легенда книжного бизнеса, и его супруга миссис Марис Мадерли-Рид, которая, по словам самого Ноя Рида, наделена великолепным редакторским чутьем. Мистер Рид заявил нашему корреспонденту, что именно ей компания обязана своей репутацией „фабрики бестселлеров“...» Марис не сдержала довольной улыбки.

– Ты и правда это сказал?

– Да, это и еще многое другое, о чем эта дурочка не написала.

– Что ж, большое тебе спасибо.

– За что? За то, что я сказал правду?

Марис дочитала статью-панегирик до конца, потом отложила журнал в сторону.

– Очень, очень мило, – проговорила она. – Не понимаю только, как в своем стремлении превознести тебя до небес

эта журналисточка проглядела два важных факта твоей биографии.

– Каких же?

– Во-первых, она не упомянула о том, что ты сам – превосходный писатель.

– Ну, дорогая, мой «Побежденный» вышел так давно, что о нем уже никто не помнит.

– И все равно я считаю, что об этом следовало упомянуть, и не только в этой статье, но и в любой другой, которая посвящена тебе.

– Какой же второй факт? – поспешно спросил Ной тоном, к которому он прибегал, стоило Марис упомянуть о первом и единственном романе, который он написал и опубликовал.

– Она ничего не написала о том, что ты – талантливый массажист, способный поднять мертвого из могилы. Ной ухмыльнулся:

– Я рад, что сумел тебе помочь.

Прикрыв глаза, Марис наклонила голову набок.

– Чуть ниже, пожалуйста, – промурлыкала она. – Да-да, здесь. О, как приятно!..

Она чувствовала, как благодаря его сильным пальцам сведенные судорогой мышцы снова приобретают эластичность и Упругость, а напряжение долгого рабочего дня оставляет ее.

– Ты вся в узлах, – сообщил Ной. – Так тебе и надо – в другой раз не будешь копать в этом мусоре до потери со-

знания.

– А знаешь, здесь не все мусор! – с воодушевлением возразила Марис. – Как раз сегодня я наткнулась на рукопись, которая меня заинтересовала.

– Ты шутишь, Марис.

– Ничего подобного.

– Роман или публицистика?

– Роман. Точнее – только его начало, пролог, но очень любопытный. Действие начинается...

– Извини, мне ужасно интересно, что ты там нашла, – перебил Ной, – но, если мы не хотим опоздать, тебе лучше поторопиться.

Он чмокнул ее в макушку и хотел отойти, но Марис оказалась проворнее. Схватив его за руки, она опустила их к себе на плечи.

– Сегодняшний прием – обязательный? – осведомилась она.

– Более или менее, – отозвался Ной.

– А не могли бы мы его пропустить? В кои-то веки... Папа, например, сказал, что не придет.

– Именно поэтому нам придется там быть. «Мадерли-пресс» заказало столик, и если никто не явится, это будет слишком заметно. К тому же один из наших авторов тоже получит награду...

– Но с ним будут его агент и редактор. Одного его не оставят – группа поддержки будет при нем. – Марис положила

руки Ноя себе на грудь. – Давай скажем, что заболели, а? Поедем домой, выключим телефон и факс, отгородимся от всего мира и откроем бутылочку вина. Залезем в джакузи и станем кормить друг друга пищей, а потом займемся любовью... Хочешь, прямо в джакузи, хочешь – в любой другой комнате, но только не в спальне. Спальня мне уже надоела!

Рассмеявшись, Ной слегка стиснул ее груди.

– Это что, сюжет из твоего пролога? – С этими словами он высвободил руки из ее пальцев и шагнул к двери.

Марис разочарованно застонала:

– Мне казалось, от такого предложения ты вряд ли сумеешь отказаться!

– Очень соблазнительное предложение, Марис, очень! Но если мы не придем на прием, это может вызвать подозрения.

– Ты прав. Мне бы не хотелось, чтобы про нас думали, будто мы до сих пор ведем себя как молодожены, которые готовы отдать все на свете за хороший секс в ванне.

– Но ведь это правда!

– Тогда что же тебе мешает?

– Тебе ли не знать, что существует профессиональный долг и ответственность перед компанией. Очень важно, чтобы все, кто имеет отношение к книгоизданию, говорили о «Мадерли-пресс» только в настоящем или в будущем времени и никогда – в прошедшем.

– ...И поэтому мы обязаны присутствовать на каждом мало-мальски значительном событии, связанном с издатель-

ским бизнесом, – торжественно закончила Марис.

– Совершенно верно.

Их деловые расписания и в самом деле изобиловали завтраками, обедами, ужинами, встречами, приемами и вечерами, которые им приходилось посещать то поодиночке, то вдвоем, а то и вместе с Дэниэлом Мадерли. Ной считал очень важным, практически жизненно необходимым, чтобы они с Марис постоянно вращались в издательско-литературных кругах – в особенности теперь, когда ее отец уже не мог участвовать в делах компании так активно, как когда-то.

А Дэниэл Мадерли в последнее время действительно заметно сдал. Он больше не посещал приемы и званые вечера для избранных и не произносил речей, хотя приглашения продолжали поступать в едва ли не больших количествах. До сих пор ему ежедневно звонили из ресторана «Времена года» и осведомлялись, понадобится ли мистеру Мадерли постоянно зарезервированный за ним столик, или сегодня его можно отдать кому-нибудь другому.

На протяжении без малого четырех десятилетий Дэниэл Мадерли оставался в издательском бизнесе силой, с которой нельзя было не считаться. Именно благодаря ему «Мадерли-пресс» стало авторитетным издательством, на которое равнялись многие. Именно «Мадерли-пресс» устанавливало правила книгоиздательского бизнеса, диктовало моду, порождало или хоронило тенденции, а книги издательского дома неизменно оказывались в верхних строках списков

бестселлеров. Имя Дэниэла Мадерли стало синонимом издательского успеха не только на внутреннем рынке, но и за рубежом. Казалось, так будет продолжаться вечно – настолько устойчивым, незыблемым казалось его положение в авангарде первой издательской десятки, но годы напряженной работы не могли не сказаться, и в последние несколько месяцев Дэниэл Мадерли начал понемногу «притормаживать», как он сам выразился.

Однако его добровольная «полуетставка» вовсе не означала, что его любимому детищу пришел конец. Напротив, еще никогда оно не было таким сильным, таким влиятельным и никогда не стояло на ногах так крепко. Но чтобы лишний раз продемонстрировать это конкурентам, Ной считал совершенно необходимым как можно чаще появляться на литературных тусовках. Дэниэл Мадерли, конечно, уже не мог выдержать такого напряженного графика, поэтому почетная обязанность «почтить своим присутствием» вечера и торжества по поводу вручения разного рода литературных наград ложилась на плечи его зятя и дочери.

– Сколько времени тебе нужно? – спросил Ной, поглядев на часы. – Я должен сказать шоферу, когда мы спустимся.

Марис покорно вздохнула:

– Минут двадцать, я думаю.

– Я буду щедр и дам тебе целых двадцать пять минут, – отозвался Ной и, послав Марис воздушный поцелуй, вышел из кабинета.

Но Марис не спешила вставать из-за стола. Вместо того чтобы броситься в туалетную комнату и начать приводить себя в порядок, она связалась с секретаршей и попросила ее сделать один звонок. Во время разговора с мужем у Марис появилась идея, как можно отыскать автора «Зависти», и она решила привести ее в исполнение не откладывая.

Ожидая соединения, Марис глядела в окна кабинета. Они занимали все пространство от пола до потолка, открывая великолепную панораму юго-восточной части города. На Манхэттен опускались мягкие летние сумерки. Солнце уже зашло за зубчатую стену небоскребов, и на авеню Америки начинала сгущаться тьма. В обращенных на восток окнах зажигались яркие огни, и от этого здания из стекла и бетона начинали сверкать, словно гигантские драгоценные камни. В ближайших окнах Марис даже различала людей, которые торопливо убирали бумаги, заканчивая свой рабочий день.

Прошло еще минуты две, и улица внизу наполнилась возвращавшимися домой служащими и их автомобилями. Такси лавировали в плотных потоках частных машин, с непосижимой ловкостью втискиваясь в узкие промежутки между автобусами и доставочными грузовичками. Курьеры верхом на мотоциклах и велосипедах (несомненно, все как один одержимые манией самоубийства) играли в смертельные гонки с дорогими авто. Вращающиеся двери небоскребов выплевывали на тротуары все новые и новые порции пешеходов, которые, расталкивая друг друга и размахивая кей-

сами и сумками, как таранами, пробивали себе дорогу к дверям ближайшего супермаркета. На противоположной стороне улицы, у касс мюзик-холла «Радио-Сити», начала образовываться длинная очередь, и Марис вспомнила, что сегодня там будет выступать Тони Беннет. Ей, Ною и отцу прислали билеты в директорскую ложу, но из-за сегодняшней церемонии вручения литературных премий им пришлось отказаться от посещения – концерта.

Марис опомнилась и только собралась привести себя в порядок, как подал сигнал ее телефон.

– Можете говорить, мэм, – сообщила секретарша.

– Спасибо, Джейн, – ответила Марис. – Вы мне больше не нужны, можете идти домой. До завтра. – С этими словами она нажала на аппарате мигающую красную кнопку. – Алло?..

– Помощник шерифа Дуайт Харрис слушает. Говорите!

– Здравствуйте, мистер Харрис. Спасибо, что смогли поговорить со мной. Меня зовут Марис Мадерли-Рид.

– Повторите, пожалуйста, – попросил помощник шерифа. Марис еще раз назвала себя.

– Так-так, понятно...

Марис немного помолчала, давая Харрису время что-то сказать или спросить, но он никак не отреагировал, и ей пришлось перейти прямо к делу:

– У меня к вам несколько необычная просьба, мистер Харрис. Мне нужно связаться с человеком, который, по моим

сведениям, проживает в вашем округе на острове Санта-Анна.

– Да, это действительно в нашем округе.

– Ведь это в Джорджии, я не ошиблась?

– Совершенно верно, мэм. – На этот раз в голосе помощника шерифа прозвучало что-то похожее на гордость.

– Скажите, Санта-Анна – это и правда остров? Самый настоящий?

– Да, это остров в океане, хотя и не очень большой. Он находится всего в двух милях от побережья. А кто из жителей вам нужен?

– К сожалению, я знаю только инициалы – П.М.Э.

– П.М.Э.?..

– Да. Вы знаете человека с таким именем?

– Не могу сказать, мэм. Это мужчина или женщина?

– К сожалению, этого я тоже не знаю.

– Не знаете, значит... – После небольшой паузы помощник шерифа спросил:

– Если вы не знаете даже, мужчина это или женщина, тогда зачем вам этот... человек?

– У меня есть к нему деловое предложение.

– Бизнес?

– Да, бизнес.

– Угу...

Марис поняла, что уперлась в стену, и попробовала начать сначала:

– Я подумала, что вы, наверное, многих знаете и слышали о ком-то...

– Нет.

Марис стало ясно, что так она ничего не добьется, а между тем время истекало. Ее ждал Ной, и в ее распоряжении оставалось всего минут десять.

– Что ж, мистер Харрис, – сказала она, – извините за беспокойство.

– Никакого беспокойства, мэм.

– Может быть, вы на всякий случай запишете мои координаты? – предложила она. – Вдруг вы что-то вспомните или узнаете... Я была бы весьма признательна, если бы вы сообщили мне любую информацию о человеке с такими инициалами.

– Хорошо, мэм, я записываю...

После того как Марис продиктовала Харрису свое имя и телефонные номера, помощник шерифа спросил:

– Послушайте, мэм, не могли бы вы все же сказать, что у вас за дело? Если речь идет об алиментах или о нереализованном ордере на арест, я должен...

– Нет-нет, – перебила Марис. – Мое дело не имеет никакого отношения к... к правосудию. Я же сказала – у меня к мистеру П.М.Э. сугубо деловое предложение. Я бы хотела, чтобы он... э-э-э... сотрудничал с фирмой, которую я возглавляю.

– Что ж, ладно... – Помощник шерифа не скрывал свое-

го разочарования. – Мне действительно жаль, мисс Мадерли-Рид, что я не смог вам помочь.

Марис еще раз поблагодарила его и, положив трубку, поспешила в крошечную туалетную комнату, куда можно было попасть прямо из ее кабинета. Там в небольшом шкафчике висело на плечиках вечернее платье для коктейлей, которое Марис утром принесла с собой из дому. На низком туалетном столике и в его ящиках лежали все необходимые принадлежности и косметика, которую Марис предпочитала иметь под рукой, так как частенько сразу после работы отправлялась с Ноем на прием или коктейль. Сейчас Марис достала все необходимое и занялась собой.

Когда минут через десять она спустилась в вестибюль, Ной громко присвистнул и чмокнул Марис в щеку.

– Это просто чудо какое-то! – воскликнул он. – Ты выглядишь потрясающе!

Не удержавшись, Марис бросила быстрый взгляд на свое отражение в большом настенном зеркале. Кажется, ее усилия не пропали даром. Правда, она бы не сказала, что выглядит «потрясающе» (Ной, как всегда, немного преувеличил), однако, если учесть, с чего она начинала, результат действительно был впечатляющим.

Марис была одета в узкое, державшееся на тонких бретельках обтягивающее платье брусничного цвета с глубоким вырезом. Сегодняшнее мероприятие было официальным, и она, поразмыслив, вставила в уши золотые серьги-«гвозди-

ки» с бриллиантами и взяла крошечную сумочку от Джудит Лейбер в форме бабочки со сложенными крыльями и усыпанную мелкими блестками. Эту сумочку подарил Марис на Рождество отец. На плечи Марис набросила тонкую шаль, которую она купила в Париже в прошлом году, когда возвращалась с Франкфуртской книжной ярмарки.

Волосы Марис собрала в изящный низкий «конский хвост» и перевязала тонким шелковым шнурком в тон платью. Волосы у нее были густыми, блестящими, поэтому даже эта простая прическа выглядела шикарно и стильно, хотя на самом деле ни на что другое ей просто не хватило бы времени. Глаза и ресницы Марис пришлось подкрасить снова – как и губы, которые она обвела по контуру специальным карандашом. Кожа у нее всегда была светлой до прозрачности, поэтому на щеки, подбородок, лоб и шею Марис наложила едва различимый слой тонального крема. Поддерживающий лифчик – такое же чудо инженерной техники, как и мост Трайборо, – приподнимал ее груди таким образом, что они образовывали соблазнительную ложбинку в вырезе платья, и Марис слегка припудрила и подушила ее туалетной водой.

– «Ее слишком ровный загар и чересчур полные груди вряд ли могли быть естественными», – проговорила Марис задумчиво.

С любопытством поглядев на жену, Ной взял ее под руку и повел к выходу из здания.

– Что ты сказала? – спросил он, останавливаясь перед две-

рю и пропуская ее вперед. Марис негромко рассмеялась.

– Ничего, это я так... Цитирую одну рукопись, которую читала сегодня...

2

Дождь прекратился уже полчаса назад, но воздух оставался влажным. Вода собиралась в лужи, сверкала алмазными каплями на согнутых травинках, цветочных лепестках и тонком пушке, покрывавшем крупные спелые персики, которые словно ожидали, чтобы их кто-нибудь сорвал. Ветви вечнозеленых деревьев и кустарников опустились от тяжести задержавшейся в них воды чуть не до земли. Крупные капли стекали по глянцевитым, до блеска отмытым листьям пальм и с глухим звуком падали на раскисшую, точно губка, напитанную влагой почву. Любой, самый слабый порыв ветра мог бы стряхнуть дождевые капли с листвы, но воздух был неподвижен и густ, как кисель. Казалось, даже звуки глохли в нем, точно в вате. Тишина стояла такая, что ее можно было потрогать. Молчание природы нарушал только далекий гул прибоя и редкие крики чаек.

Помощник шерифа Харрис выбрался из взятого напрокат на причале Санта-Анны двухместного гольф-кара и, сняв шляпу, вытер со лба испарину. Подниматься по тропе, ведущей к дому, он не спешил. Харрис пытался убедить себя, что ему просто необходимо какое-то время, чтобы собраться с мыслями, однако в глубине души он знал, что это не так. На самом деле Харрис раздумывал, правильно ли он поступил, приехав сюда после захода солнца. Он не знал, чего ему сле-

дует ждать, и потому немного нервничал.

Харрису еще ни разу не приходилось бывать в окрестностях особняка, хотя он, конечно, много о нем слышал. Каждый, кто хоть раз приезжал на Санта-Анну, был знаком с историями о плантаторском доме, стоявшем на восточной оконечности островка – на длинном и узком мысу, очертаниями напоминающем палец, указывающий в сторону Африки. Некоторые из этих историй выглядели достаточно не правдоподобно, однако описание самого дома оказалось на удивление точным.

Дом или, точнее, особняк, был выстроен в характерном для Южной Каролины стиле и представлял собой двухэтажный каркасный дом на высоком фундаменте из крепкого, как гранит, красного кирпича. Шесть широких ступеней вели на крытую веранду, опоясывавшую дом с трех сторон. Входная дверь – как и противоураганные жалюзи в окнах обеих этажей – была выкрашена глянцевой черной эмалью. Балкон над входом поддерживали шесть колонн, высокую двускатную крышу венчали два дымохода.

Иными словами, дом выглядел именно так, как ожидал Харрис.

Чего он не ожидал, так это того, что дом покажется ему таким зловещим.

Холодная капля воды упала Харрису за шиворот, и он от неожиданности вздрогнул и выругался. Подняв голову, помощник шерифа увидел над собой несколько густых древес-

ных ветвей, которые грозили обрушиться на него настоящий дождь. Промокнуть уже после того, как дождь закончился, не входило в его планы, поэтому Харрис вытер шею платком, водворил на место шляпу и поспешно шагнул вперед, но снова остановился и огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что никто не заметил его испуга.

Но вокруг было безлюдно. Сумерки быстро сгущались, в низинах и ямах собирался туман, и по спине Харриса пробежал холодок. Это уже никуда не годилось! Обругав себя трусом, помощник шерифа решительным жестом надвинул шляпу на лоб и усилием воли заставил себя тронуться с места.

На этот раз он не остановился. Обходя лужи, Харрис вышел на засыпанную ракушечником дорожку, которая смутно белела в полумраке между рядами виргинских дубов, с ветвей которых свисали длинные бороды испанского мха. Деревья были старыми, их скрюченные корни во многих местах выползли на дорожку. Некоторые корни были толщиной с руку взрослого мужчины, и Харрис, запнувшись о них, несколько раз с трудом удерживался на ногах.

Несмотря на страх, который никак не желал отступить, помощник шерифа не мог не признать, что и дорожка, и сам дом производят впечатление если и не слишком приятное, то, по крайней мере, величественное. При ярком же свете здесь было, наверное, даже красиво – особенно если учесть, что особняк стоял на высоком обрыве и выходил задними

окнами на океан.

Харрис знал, что странный дом не всегда был таким большим. Первоначально он состоял всего из четырех комнат. Два столетия назад его построил здесь плантатор, выкупивший остров у колониста-англичанина, который в конце концов решил, что лучше умереть на родине от старости, чем от желтой лихорадки на недавно открытом американском континенте. Плантатор скоро разбогател – сначала на индиго, потом на торговле хлопком. Хижина из четырех комнат, которую он возвел на своем участке, была превращена им в бараки для рабов, а неподалеку от него началось строительство нового большого особняка.

Тогда, за несколько лет до Гражданской войны, этот особняк едва не стал седьмым чудом света. На Санта-Анне, во всяком случае, никогда ничего подобного не видывали. Строительные и отделочные материалы привозились с континента и сгружались на побережье. Оттуда камень и бревна доставляли к месту строительства упряжки мулов, с трудом продиравшиеся через густые заросли. Прошло не меньше десяти лет, прежде чем строительство было завершено, но особняк получился на редкость красивым и прочным – во всяком случае, он пережил и нашествие армии северян, и несколько жестоких ураганов, регулярно уничтожавших дома других обитателей острова.

Смертельный удар гордому дому нанесли не враги и не непогода. В начале двадцатого столетия на плантации напал

хлопковый долгоносик. Он уничтожил не только урожай, но и всю местную экономику, положив конец самому образу жизни, к которому привыкло население Санта-Анны.

Отдаленный потомок удачливого плантатора был, как видно, человеком неглупым. Во всяком случае, он сумел предугадать свою судьбу и, не дожидаясь неизбежного конца, повесился на крюке от люстры в обеденном зале особняка. Его родственники и домочадцы, спасаясь от кредиторов и неуплаченных налогов, бежали с острова под покровом ночной темноты, и с тех пор о них ничего не было слышно.

Проносились десятилетия, а дом все стоял заброшенным. Лес акр за акром захватывал и поля, которые когда-то были белы от созревшего хлопка, и прилегавшие к особняку сады. Комнаты, где когда-то кружились под звуки вальса и мазурки подтянутые офицеры и аристократки в кринолинах (рассказывали, что в особняке побывал сам Авраам Линкольн), наводнили крысы и прочая мерзость. Единственными, кто изредка заглядывал в старый дом, были шальные подростки, принявшие лишнюю дозу марихуаны или пива и искавшие места, где можно отоспаться без помех.

Так бы дом, наверное, и превратился в руины, если бы около полутора лет назад его не купил какой-то человек, о котором на острове ничего не знали. Он сразу же затеял ремонт, вылившийся в полномасштабную реставрацию и обошедшийся новому хозяину не меньше чем в миллион долларов. Харрис был уверен, что владельцем особняка и изряд-

ного куска прилегающей к нему земли стал какой-то северянин-толстосум, начитавшийся «Унесенных ветром» и решивший во что бы то ни стало превратить поместье во вторую Тару. Это его, впрочем, не удивило – островитяне всегда считали, что у янки денег куда больше, чем здравого смысла.

Но вскоре жители Санта-Анны переменили свое мнение. Они утверждали, что новый владелец особняка проявил себя человеком с отличным вкусом и не пожалел денег на полную перестройку имения. Харрис, однако, продолжал придерживаться мнения – этому парню придется сделать еще очень много, чтобы вернуть особняк в его золотой век. Сколько на это понадобится средств и времени, даже подумать было страшно. Задача – если взяться за нее как следует – была поистине титанической, и помощник шерифа нисколько не завидовал тому, кто отважился бы взвалить ее на свои плечи.

И дело было даже не в деньгах, а в невезении, которое накрепко срослось с этим домом, как будто над ним висело проклятие. Согласно местным легендам, призрак самоубийцы все еще обитал в доме и время от времени принимался раскачивать люстру в большом обеденном зале.

В привидения Харрис не верил. В жизни ему приходилось встречать людей, которые были куда страшнее, чем любой призрак или дух, поэтому он был уверен, что всякими дешевыми байками его не проймешь. И все же Харрис предпочел бы, чтобы ступени и веранда старого дома, куда он поднялся, чтобы постучать во входную дверь, были освещены получше.

Взявшись за полированное дверное кольцо, помощник шерифа несколько раз осторожно стукнул им о бронзовую пластину. Не дождавшись ответа, он постучал громче. Падающие с крыши капли отмеряли медленные секунды. Час был еще не поздний, но Харрис почему-то подумал, что владелец особняка вполне мог отправиться спать. Ведь говорят же, что деревенские жители ложатся намного раньше горожан, так почему бы и этому парню не поступить так же, коль скоро он поселился так далеко от цивилизации?

Харрис уже подумывал о том, чтобы вернуться в другой раз – лучше всего рано утром, как вдруг до его слуха донеслись шаги. Через несколько мгновений входная дверь, скрипнув, приоткрылась, но совсем ненадолго.

– Кто там?

Харрис попытался заглянуть в щелку, наполовину уверенный, что увидит там мертвеца, – до того сильно подействовали на него собственные воспоминания о связанной с домом мрачной истории. Не лучшим вариантом был и обрез двустволки, направленной на него разозленным владельцем, которого Харрис вытащил из постели.

К счастью, человек, открывший ему дверь, не был похож ни на удушенника, ни на потенциального убийцу. Его лицо даже показалось Харрису приветливым, хотя, быть может, помощник шерифа просто выдавал желаемое за действительность, так как в прихожей дома было гораздо темнее, чем снаружи. Одно хорошо – владелец не послал его ко

всем чертям.

Пока не послал...

– Добрый вечер, сэр, – вежливо начал Харрис. – Я – Дуайт Харрис из Саванны, первый помощник окружного шерифа.

Мужчина слегка приподнял голову и бросил взгляд через плечо Харриса на оставшийся на дорожке желтый гольф-кар. Надеясь снизить количество туристов и прочих нежелательных визитеров, общественный совет острова отказался от предложения властей округа установить регулярное паромное сообщение между Санта-Анной и побережьем, так что перебраться через пролив можно было только на лодке – собственной или взятой напрокат. Если кто-то все же попадал на остров, площадь которого равнялась девяти тысячам (плюс-минус несколько сотен) акров, передвигаться ему приходилось либо пешком, либо во взятом напрокат гольф-каре, многие из которых работали от аккумуляторов. Только постоянные обитатели острова ездили в нормальных автомобилях по узким местным дорогам, большинство из которых были специально оставлены не асфальтированными.

Харрис тоже был вынужден нанять гольф-кар – слава богу, хоть не электрический, – который, конечно, выглядел значительно менее внушительно, чем патрульная машина шерифской службы. Понимая, что из-за этого он тоже выглядит не особенно представительно, Харрис машинально поправил сползший на бедра пояс со служебным револьвером.

– Чем могу служить, мистер Харрис? – спросил человек за дверью.

– Для начала позвольте извиниться за столь поздний визит, – начал помощник шерифа. – Все дело в том, что мне самому позвонили достаточно поздно. Вами интересовалась одна девушка из Нью-Йорка...

– Вот как?

– Да. – Харрис сглотнул. – Она сказала, ей нужен человек с острова Санта-Анна с инициалами П.М.Э.

– Это странно.

– Мне тоже так показалось. – Помощник шерифа почувствовал, что у него пересохло в горле. – Она так и не смогла объяснить, в чем дело, поэтому я не стал ей говорить, что эти инициалы мне знакомы.

– А они вам знакомы? – уточнил мужчина, продолжая разглядывать Харриса в узкую щелку.

– Н-нет, не сказал бы. То есть мне показалось – я догадываюсь, кто бы это мог быть, однако полной уверенности...

– И тем не менее вы здесь.

– Поймите меня правильно, сэр, мне стало любопытно. К тому же, раз я работаю в службе шерифа, я должен знать, что происходит на вверенном мне участке. Но вы не беспокойтесь – мы здесь не лезем в чужую жизнь и уважаем право каждого на уединение.

– Я бы сказал – подобная практика достойна всяческого уважения.

– В прежние годы на Санта-Анне скрывалось множество людей... по самым разным причинам.

Эти слова вырвались у Харриса произвольно. Он тут же пожалел, что произнес их, но было поздно. Теперь мужчина за дверью решит, что его в чем-то подозревают, и вообще не станет с ним разговаривать. Или, чего доброго, накатает жалобу шерифу.

Последовала продолжительная пауза. Наконец Харрис слегка откашлялся и добавил:

– В общем, сэр, мне показалось, я должен уважить просьбу этой леди. Я кое-кого расспросил, и меня направили сюда.

– А что было нужно этой леди из Нью-Йорка?

– Она так и не сказала – только уточнила, что это не имеет отношения к нарушению закона. У нее к вам что-то вроде делового предложения. Я даже подумал – вдруг вы выиграли в какой-нибудь лотерее или в телевизионном тотализаторе.

– Никогда не играл на тотализаторе – ни по телевизору, ни на ипподроме.

– Я понимаю, сэр. Но я подумал – вдруг... – Харрис сдвинул шляпу на лоб и озадаченно почесал затылок. Он никак не мог понять, почему владелец особняка не приглашает его войти или почему он не включит свет над дверью. Харрис хотел быть вежливым, но это ничего ему не дало, и он спросил напрямик:

– Так вы – П.М.Э. или нет?

Мужчина покачал головой и, как показалось Харрису,

улыбнулся.

– Эта леди сказала хотя бы, как ее зовут?

– Что? Ах, леди... – Харрис выудил из нагрудного кармана форменной рубашки сложенный листок бумаги, который, к его стыду, оказался влажным от пота. Хозяин особняка, впрочем, не обратил на это внимания. Взяв бумагу из рук Харриса, он стал всматриваться в написанное.

– Здесь ее телефоны, – подсказал помощник шерифа, благословляя небеса за то, что он записал необходимую информацию не чернилами, а шариковой ручкой. Хорош бы он был, если бы буквы расплылись! – Видите, она оставила вам домашний, мобильный и служебный номера. Вот почему я решил, что дело может оказаться важным, и приехал к вам так поздно.

– Благодарю вас, шериф Харрис, вы были очень любезны.

– Я только помощник шерифа, сэр...

– Хорошо, пусть будет помощник.

И прежде чем Харрис успел что-то сказать, мужчина неожиданно захлопнул дверь перед самым его носом.

– И вам покойной ночи... – раздраженно пробормотал Харрис, почти ощупью спускаясь с крыльца. За время его беседы с хозяином особняка небо потемнело еще больше, а под дубами царил уже совершенно непроглядный мрак, однако Харрис больше не испытывал страха. Несмотря на все странности, мужчина, с которым он только что разговаривал, показался помощнику шерифа достаточно хорошо вос-

питанным. Точнее, он не проявил по отношению к нему ни агрессивности, ни враждебности. Быть может, этот мистер Икс и не был особенно любезен, но это, в конце концов, его личное дело.

Все же Харрис был рад, что его приключение наконец закончилось. Случись ему снова оказаться в подобной ситуации, он бы поступил совершенно иначе – во всяком случае, никакой неразумной инициативы он проявлять бы не стал. Что ему, в конце концов, за дело, что какой-то Мадерли-Рид из Нью-Йорка понадобился П.М.Э. из особняка на Санта-Анне? Кто он – мальчик на побегушках или помощник шерифа?

Вскарабкавшись на сиденье гольф-кара, Харрис обнаружил, что с дерева внутрь натекла вода. К тому моменту, когда он добрался до причала, где остался катер шерифской службы, его брюки промокли насквозь, что никак не улучшило его настроения.

Человек, у которого Харрис брал напрокат гольф-кар («Никакой арендной платы для служителей закона, сэр!»), с сомнением оглядел его и спросил:

– Ну как, нашли своего человека?

– Да, – ответил Харрис, протягивая ему ключи. – Спасибо за совет, Эйб. Кстати, хотел спросить – ты его когда-нибудь видел?

– Он изредка тут бывает, – ответил Эйб. – А что?

– Скажи, он не показался тебе... странным?

– Да нет... В общем – нет.

– Может быть, он шумит, скандалит? Или выпьет иногда лишнего?

– Нет, сэр. Этот парень держится особняком. Я, во всяком случае, ни разу не видел его пьяным.

– А как к нему относятся местные жители? Они его любят или наоборот?

– Послушайте, сэр, не залить ли вам пару галлонов бензина перед обратной дорогой?

Это было достаточно недвусмысленное предложение убираться и не совать нос в чужие дела, и Харрис решил ему внять. Ему все еще хотелось побольше разузнать о человеке, который не пускает служителей закона дальше порога, однако он был уверен, что ничего больше от Эйба не добьется. Да и никаких официальных оснований для расспросов у Харриса не было – только собственное любопытство.

Поэтому он как можно сердечнее поблагодарил Эйба за предоставленный гольф-кар.

– Не стоит благодарности, шериф, – откликнулся тот и выплюнул на асфальт табачную жвачку.

Во второй раз за вечер Харриса назвали шерифом, но он не стал поправлять Эйба. Ему это было даже приятно.

3

– Пожалуйста, еще один снимок. Улыбнитесь!.. Вот так, отлично!..

Марис и Ной послушно улыбнулись фотографу, который снимал их для «Пабблишинг уикли» – солидного профессионального издания, освещавшего прием по случаю вручения литературных премий. Во время перерыва на коктейль их сняли уже несколько раз – с другими издателями, с авторами-лауреатами и даже с ведущим популярного телевизионного шоу, который присутствовал на приеме в качестве почетного гостя. Лауреатом от «Мадерли-пресс» была в этот раз бывшая чемпионка страны по теннису, которая обзавелась «литературным негром» и накропала с его помощью роман о своей жизни в качестве звезды профессионального корта.

К чести организаторов приема следовало сказать, что поужинать гостям позволили относительно спокойно, однако сейчас, когда основные события остались позади, фотографы буквально атаковали Марис и Ноя, прося их позировать. Но снимок для «Пабблишинг уикли» был, к счастью, последним. Корреспондент нажал на спуск камеры и, сразу потеряв к ним всякий интерес, бросился в погоню за другой лауреаткой – известной «Королевой фитнеса», последний учебник которой возглавил список бестселлеров в разделе нехудожественной литературы.

ственной литературы.

Выйдя в роскошный вестибюль «Палас-отеля», Марис не сдержала вздоха облегчения.

– Ну, наконец-то!.. – проговорила она. – Скорей бы уж оказаться дома, принять душ – и спать.

– Еще один коктейль – и мы свободны, – ответил Ной.

– Еще один?! – удивилась Марис. – Но с кем?.. Ведь все, кажется, разошлись...

– Не здесь. В «Ле Чирк».

– Сейчас?!

– Именно сейчас. Ведь я же тебе говорил...

– Ничего ты не говорил!

– Ты просто забыла, Марис. Я сказал тебе об этом перед самым десертом – ты как раз тянулась за пирожным. Надя пригласила нас выпить с ней и одним из сегодняшних лауреатов.

– Я не поняла, что это сегодня. – Марис чуть не закрипела зубами от раздражения. Она терпеть не могла Надю Шуллер, и для этого у нее были все основания. Надя была литературным критиком и отличалась навязчивостью, редкой пронырливостью и привычкой лезть не в свои дела. Уже не в первый раз ей удавалось вырвать у Ноя обещание, уклониться от которого, не нарушая приличий, не было никакой возможности.

Надина колонка «Поговорим о книгах» печаталась сразу в нескольких популярных и специальных журналах и счита-

лась весьма и весьма авторитетной в издательских кругах. Во всяком случае, она помогала продавать книги, а это что-нибудь да значило. По мнению Марис – весьма пристрастному, впрочем, – подобная ситуация сложилась только потому, что Наде удалось стать единственным в стране литературным критиком, которого знали по имени не только писатели и издатели, но и читающая публика. Каким способом она сумела этого добиться, оставалось неизвестно, но Марис была уверена – тут не обошлось без шантажа, подкупа и услуг интимного характера, ибо профессионалом Надя была довольно посредственным. Что же касалось человеческих качеств, то Марис считала – в процессе эволюции они у Нади атрофировались начисто.

Пожалуй, лишь в умении добиваться своего любой ценой Наде отказать было нельзя. Она часто устраивала встречи, якобы полезные для обеих сторон, но Марис подозревала, что подобное сводничество было выгодно только самой Наде. Сосредоточившись на своей карьере, она упорно карабкалась все выше и не признавала отказов. О чем бы ни шла речь, Надя ни секунды не сомневалась – все ее предложения, проекты, просьбы должны быть исполнены без колебаний и промедления. Непокорным Надя прозрачно намекала на возможные последствия, что, учитывая ее репутацию, действовало практически безотказно. Именно поэтому Марис, для которой этот механизм не представлял тайны, старалась держаться от Нади подальше. Ной, однако, ничего не

замечал и, казалось, не хотел замечать.

– Ну пожалуйста, дорогой, давай не пойдем! – взмолилась Марис. – Хотя бы в этот раз!..

– Но ведь это займет совсем немного времени, – возразил он.

– Только не сегодня. Я ужасно устала.

– Знаешь что, давай попробуем найти компромисс. – Ной повернулся к ней и сочувственно улыбнулся. – Мне кажется, эта встреча может оказаться весьма полезной и продуктивной, и поэтому...

– Надя умеет делать вид, будто оказывает величайшую услугу, а между тем... Я уверена, что, если в этот раз мы пропустим встречу, никто не умрет и не разорится, – перебила Марис, с трудом сдерживая раздражение.

Ной покачал головой:

– Совершенно с тобой согласен. Мы, конечно, не разоримся, но я уверен: Надя не преувеличивает, и эта встреча действительно важна. А если дело выгорит, «Мадерли-пресс» станет еще богаче.

Этот аргумент на Марис подействовал.

– Ты говорил о компромиссе. Что же ты предлагаешь?

– Я отправлю тебя домой, а Наде объясню, что у тебя разболелась голова. Можно придумать и что-то более правдоподобное – например, сказать, что утром у тебя важные переговоры. Я приеду, как только освобожусь – думаю, на это понадобится не слишком много времени. Час, не больше. Обе-

щаю!

Марис просунула руку Нюю под смокинг и погладила под накрахмаленной рубашкой его грудь.

– У меня есть предложение получше, мистер Рид. Я отправлюсь с тобой и скажу мисс Шуллер, что она может пойти и броситься в Ист-Ривер. Потом мы вместе поедем домой. У меня действительно немного болит голова, но я знаю одно замечательное средство, которое мне поможет...

– Секс на ковре перед камином?

– Секс на ковре перед камином, – подтвердила Марис. – Или в любом другом месте. Жаль, что чулан слишком мал – это было бы романтично. – Она шагнула вперед и прижалась к Нюю.

– Ну как, Ной? Едем? – Надя Шуллер незаметно подошла к ним сзади, и Марис вздрогнула от ее резкого голоса. Интонациями, осанкой и властной повадкой Надя напоминала генерала, собирающегося отдать своей армии решительный приказ, разве что одета она была не в пример лучше, а на ее губах играла притворная улыбка. И, как ни странно, на эту удочку попадались многие. Надя умела быть очаровательной и милой, покоряя, обезоруживая, подчиняя. Этот артистический талант помог ей пробиться даже на телевидение, где она была частой гостьей в различных ток-шоу. Дэвид Леттермен Надю просто обожал, для нее же популярный ведущий был просто еще одним полезным знакомым. Надя очень любила фотографироваться со знаменитостями – актерами,

музыкантами, супермоделями и политическими деятелями, что приносило ей неплохие дивиденды в плане собственной популярности.

Благодаря этой и многим другим уловкам Наде удалось подняться довольно высоко и завоевать авторитет, который Марис считала совершенно незаслуженным. Увы, ей, как и многим, приходилось мириться с тем, что безапелляционные, зачастую ничем не подкрепленные суждения Нади принимались и широкой публикой, и даже специалистами за истину в последней инстанции. Именно поэтому ни агенты, ни издатели не могли позволить себе поставить Надю Шуллер на место – в противном случае их следующая книга могла получить разгромный отзыв в ее колонке.

Сегодняшней жертвой Нади, которую она крепко держала за руку, был известный романист. Он выглядел слегка ошалевшим, или – если слухи, ходившие о нем, были верны – просто одурел от наркотиков. Впрочем, не исключено было, что он никак не мог прийти в себя после атаки, которую предприняла против него очаровательная и соблазнительная мисс Шуллер.

– Боюсь, если мы не поторопимся, наш столик отдадут другим, Ной, – сказала Надя. – Ты готов?

– Гм-м... – Ной вопросительно поглядел на Марис.

– Ну, в чем дело? – Голос Нади вгрызался в череп, словно бормашина зубного врача. На этот раз она обращалась непосредственно к Марис, сразу поняв, что загвоздка именно в

ней.

– Ни в чем, Надя, – спокойно ответила Марис. – Просто мы с Ноем обсуждали один вопрос.

– Понимаю, понимаю. Я, кажется, влезла в разговор между мужем и женой. Так уж и быть, поворкуйте еще немного...

Марис внимательно посмотрела на Надю и подумала, что та могла бы выглядеть по-настоящему прелестно, если бы не некоторая жесткость застывших в улыбке черт и не цепкий взгляд, от которого, казалось, ничто не скроется. В остальном же придраться было решительно не к чему. Одевалась Надя с большим вкусом, ее кожа и ногти были в полном порядке, однако женственности в ней было маловато. «Мужик в юбке» – так можно было бы сказать про Надю Шуллер. «В шелковой юбке, дорогущих бриллиантах и безупречном макияже» – хотелось добавить Марис. Как и многим другим женщинам, ей было совершенно непонятно, что находят в Наде мужчины. А между тем критикесса меняла любовников как перчатки. Она пережевывала и выплевывала тех, кто не удовлетворял ее стандартам или оказывался бесполезен для ее дальнейшей карьеры, – иными словами, тех, в ком сохранилось хоть немного порядочности. Марис, впрочем, было наплевать на Надину сексуальную распущенность. Удивляло ее то, что поток мужчин, побывавших в ее постели (хотя, если верить слухам, собственно в постели Надя бывала редко), не иссякал, а напротив, с каждым годом возрастал все больше.

– Да, мы разговаривали о наших семейных делах, – подтвердила Марис. – Я как раз сказала Ною, что мне совсем не хочется ехать бог знает куда, чтобы выпить один-два лишних коктейля. – И она лучезарно улыбнулась Наде.

– Ты действительно выглядишь усталой, – парировала та и ответила приторно-сладкой улыбкой.

– Извини, Надя, – вмешался Ной в этот обмен любезностями, – но сегодня мы действительно не сможем никуда поехать. Я должен отвезти Марис домой и уложить в постель.

– Нет, дорогой, – покачала головой Марис, не желая разыгрывать перед Надей капризную стерву-жену. – Если хочешь, поезжай. Я не хочу тебе мешать. Можешь немного развлечься – сегодняшней прием был таким нудным!

– Речь идет вовсе не о развлечениях, – резко сказала Надя и нахмурилась. – Я собиралась предоставить вам обоим уникальную возможность поговорить тет-а-тет с одним из самых талантливых романистов нашего времени без его агента!

Почувствовав, что говорят о нем, талантливый романист неуклюже поклонился или, вернее, пошатнулся. До сих пор он не издал ни звука – только водил из стороны в сторону выпученными, налившимися кровью глазами, в которых застыло удивление новорожденного, впервые увидавшего большой мир. К разговору он явно не прислушивался. Марис с понимающим видом кивнула Наде.

– Именно это я и имела в виду, – сказала она и добавила, повернувшись к Ною:

– Поезжай, милый, я сама доберусь до дома.

Он с сомнением поглядел на нее:

– Ты уверена?

– Вполне. Я даже настаиваю.

– В таком случае – решено. – Надя с силой потянула знаменитого романиста за руку, и он последовал за ней, словно лунатик. – Вы пока попрощайтесь, а я пойду за такси. А ты, Марис, поезжай домой и постарайся отдохнуть как следует – у тебя действительно очень усталый вид.

Паркер Эванс смотрел в окно – в пустоту за оконным стеклом. Ему не было видно береговой линии, но если бы он сосредоточился, то расслышал бы шум прибоя. Небо было затянуто грозowymi облаками, и от этого в комнате было темно. Лампы не горели, и ни один луч света не рассеивал мрачный полумрак.

Из этого окна на первом этаже Паркеру была видна только узкая полоса газона, которая круто обрывалась к океану в нескольких ярдах от задней стены дома. Кромка обрыва казалась ступенькой перед спуском в черную пустоту. Не удивительно, что моряки во все времена опасались незнакомых обрывистых берегов.

Свет в комнате Паркер не включил специально, в противном случае на оконном стекле возникло бы отражение его лица, а он никогда не любил смотреть на себя. Уж лучше бурлящий мрак штормового неба и вспышки молний, лучше

фантазии и подсказанные воображением картины, чем что-то обычное, заурядное, земное.

И уж совсем не нужен был ему свет, чтобы прочесть записанные на листке бумаги телефоны. Ему вообще не нужно было их читать. Паркер уже давно знал их наизусть – даже номер ее мобильного.

Да, шесть месяцев ожидания в конце концов принесли свои плоды. Марис Мадерли-Рид пыталась разыскать его.

А ведь еще вчера Паркер был почти готов отказаться от первоначального плана и попробовать что-нибудь другое. Он почти не сомневался, что Марис прочла пролог «Зависти», но он ей не понравился, и она швырнула его в мусорную корзину, не дав себе труда прислать ему хотя бы формальный отказ.

Паркеру также приходило в голову, что его рукопись могла вовсе не попасть к ней. На почте могли перепутать адрес. Кроме того, на просмотре рукописей мог сидеть какой-нибудь младший редактор, который разбирается в литературе не больше, чем свинья в апельсинах. Наконец, многие издательства вообще отказывались от рассмотрения незаконченных авторских рукописей, предпочитая иметь дело с литературными агентствами.

О других препятствиях, которые могли помешать его рукописи попасть на стол к Марис, Паркер старался не думать. С каждым днем он все больше убеждался в том, что его план с самого начала был никуда не годен и ему нужно придумать

что-нибудь другое.

Но это было вчера. И снова Паркер убедился, как много может значить всего один день. Несомненно, рукопись все-таки попала на стол к Марис, она все-таки прочла ее и теперь пыталась связаться с ним.

Марис Мадерли-Рид. Мэрис Мэдерли-Рейд – как назвал ее помощник шерифа. Паркер от души надеялся, что Дуайт Харрис ничего больше не перепутал. Он сказал, что Марис разыскивала таинственного П.М.Э., чтобы сделать ему деловое предложение. Это могло означать и хорошие, и плохие новости. Или даже нечто среднее.

Например, она могла позвонить, чтобы лично сообщить автору – его рукопись никуда не годится, и она распорядилась отнести ее в туалет издательства. Впрочем, Паркер был уверен, что в случае отрицательного ответа Марис Мадерли-Рид действовала бы значительно мягче. Например, она могла сказать ему, что у него, безусловно, есть способности, но – «к сожалению» – подобный материал не укладывается в рамки текущей издательской деятельности и потому не может быть использован.

Подобные вещи, однако, не принято было сообщать лично. Как правило, издательства рассылали авторам стандартные письма, в которых выражали надежду на возможное сотрудничество в будущем. Тон подобных писем был, однако, настолько решительным, что даже завзятый графоман трижды подумал бы, прежде чем направить издательству свое

новое произведение. Вежливые же слова о несомненном таланте автора и возможном сотрудничестве с ним прибавлялись, по твердому убеждению Паркера, лишь для того, чтобы помешать отвергнутому бедняге выброситься из первого попавшегося окна.

Но миссис Мадерли-Рид не знала, куда и кому адресовать подобное письмо. Паркер предпринял все необходимые меры, чтобы она не могла списаться с ним. Следовательно, рассудил он, если бы Марис не собиралась публиковать «Зависть», она, скорее всего, не стала бы тратить силы и время и разыскивать его. Однако она поступила иначе, а значит, он вполне мог рассчитывать на благоприятный ответ.

Паркер, однако, прекрасно понимал, что радоваться и посылать за шампанским еще рано. Поэтому он постарался успокоиться, и несколько минут дышал глубоко и ровно, прислушиваясь к собственному сердцебиению. Успех или провал его плана зависел не от того, что он уже сделал, а от того, что ему предстояло сделать в самом ближайшем будущем.

Вот почему он стоял сейчас в темной комнате, вглядываясь невидящим взором в безлунную, непогожую ночь за окном. Он тщательно взвешивал все шансы, анализировал возможные варианты, стараясь выбрать самый правильный, самый эффективный ход.

Одним из его преимуществ было, несомненно, то, что Паркер уже знал, чем все должно закончиться. Цель, кото-

рую он перед собой поставил, не позволяла ему ни отступиться от задуманного, ни что-либо изменить. К тому же он уже зашел слишком далеко. Конечно, он мог бы просто остановиться, но... не хотел. Значит, оставалось только идти вперед, причем ни одной ошибки он себе позволить не мог. Как в хорошем романе, каждый его шаг, каждая новая глава, каждый поворот сюжета должны быть тщательно продуманы и выписаны с максимальной реалистичностью, ведь бестолковое или небрежное исполнение способно погубить даже самый лучший замысел.

Ну а чтобы его решимость довести дело до конца не ослабела, Паркеру достаточно было лишь вспомнить, сколько времени потребовалось ему, чтобы перейти от пролога к первой главе его саги.

Шесть месяцев и... четырнадцать лет.

Не открывая глаз, Марис потянулась к телефонному аппарату, но не сразу нашарила его на тумбочке. Телефон продолжал звонить. Приподнявшись на локте, Марис с трудом разлепила веки и, прищурившись, поглядела на светящееся табло будильника. На часах было половина шестого утра. «Какого черта?.. – все еще сонно подумала Марис. – Что за идиот звонит мне так рано?!»

В следующую секунду ее глаза широко раскрылись от ужаса. Вдруг, подумала Марис, это тот самый звонок, которого она так боялась – звонок, извещающий о том, что с ее отцом

случился инсульт, инфаркт или что-нибудь похуже?

В сильнейшей тревоге она схватила трубку и прижала ее к уху:

– Алло?

– Это миссис Мадерли-Рид?

– Да. Кто это?..

– Кто дал вам право вмешиваться в мою частную жизнь, черт бы вас побрал?

Застигнутая врасплох, Марис на мгновение растерялась.

– Простите, что вы сказали? – пролепетала она наконец. – Кто это?!

Она села и, спустив ноги на пол, включила лампу и повернулась, чтобы разбудить Ноя, но постель рядом была пуста. Простыни были не смяты, а подушка – взбита.

– Я имею в виду ваш звонок шерифу, – пояснил звонивший.

«Интересно, где Ной? Куда он подевался?»

– Простите, я что-то... Вы меня разбудили. О каком шерифе идет речь?

– Шериф, шерифская служба... Припоминаете? Марис негромко ахнула.

– Вы – П.М.Э.?

– Заместитель шерифа явился ко мне чуть ли не ночью и принялся вынюхивать, задавать разные вопросы. Кто вам...

– Я...

– ...Кто вам позволил...

– Мне...

– ...Лезть в чужую жизнь, леди?

– Да заткнитесь вы хоть на минуточку! – неожиданно рассердилась Марис. Ее тон заставил звонившего замолчать, но она по-прежнему ясно ощущала его гнев.

Переведя дух, Марис заговорила спокойнее.

– Я прочла пролог, и он мне понравился, – сказала она. – Я хотела поговорить с вами о вашем романе, но вы не оставили никаких координат. Вот почему я позвонила шерифу округа – я думала, он мне поможет...

– Пришлите его назад.

– Простите, что?

– Пролог. Пришлите его назад.

– Почему?

– Потому что это чушь собачья.

– Вовсе нет, мистер, мистер?..

– Мне вообще не следовало посылать вам рукопись.

– Напротив, я рада, что вы это сделали. Пролог меня очень заинтересовал. Он написан очень хорошо и... убедительно. Если остальные главы так же хороши, я готова обсудить условия, на которых мы могли бы приобрести права на издание вашего романа.

– Я не собираюсь его продавать.

– В таком случае вы могли бы остаться эксклюзивным правообладателем. Все это можно решить к обоюдному удовлетворению. Главное, чтобы вы...

– Вы меня не поняли. Роман не продается.

– Что вы имеете в виду? – растерялась Марис.

– Послушайте, леди, быть может, я и говорю с южным акцентом, но я говорю по-английски. Что вам не ясно?

Действительно, акцент в его речи слышался более чем отчетливо. Марис всегда нравились южные смягченные «р» и растянутые гласные, но агрессивная манера П.М.Э. была ей неприятна. И если бы не его бесспорный талант и не тот потенциал, который она видела в его рукописи, она бы без колебаний бросила трубку.

– Если вы не хотели публиковать свою книгу, зачем же вы тогда прислали в издательство пролог? – спросила она как можно мягче.

– Потому что со мной случился приступ слабоумия, – ответил П. М. Э., подражая ее нью-йоркскому акценту. – С тех пор прошло уже четыре месяца, леди. Я передумал.

Марис попробовала зайти с другой стороны.

– Скажите, у вас есть представитель? – спросила она. – Как с ним связаться?

– Представитель?

– Я имела в виду агента.

– Я не актер, чтобы иметь агента.

– Значит, это первая ваша вещь?

– Послушайте, миссис Рид, пришлите пролог обратно, и забудем об этом.

– Но почему?! Может быть, вы связались с другим изда-

тельством и успели с ним договориться? Так и скажите – я не обижусь.

– Мне наплевать, обидитесь вы или нет. Я никуда не посылал свою рукопись, кроме вас.

– Тогда почему...

– Знаете, если вам это так трудно сделать, можете не присылать мне пролог. Просто сожгите его, бросьте в мусорную корзину или используйте для своей кошки. Мне все равно.

– У меня нет никакой кошки... – начала Марис, но, почувствовав, что он вот-вот повесит трубку, быстро сказала:

– Подождите минутку, пожалуйста...

– Вообще-то, за разговор плачу я, а не вы.

– И все-таки я хотела вам сказать... Прежде чем вы окончательно решите не продавать вашу книгу, я хотела бы, чтобы вы узнали мое профессиональное мнение о ней. Я обещаю, что буду судить ваше произведение непредвзято и честно. И если я не увижу в нем никаких достоинств, я так и скажу. Единственное, о чем я прошу, это позволить мне оценить ваш роман. Пришлите мне полную рукопись, и уже через неделю вы будете знать...

– Полная рукопись уже у вас.

– Как это?

– Я что, говорю по-китайски?

– Вы хотите сказать, что, кроме пролога, у вас больше ничего нет?

– Я не хочу сказать, что у меня ничего нет. Пролог – это

все, что я написал. Остальное находится у меня в голове.

– О-ох... – Марис не сумела скрыть своего разочарования. Она почему-то решила, что книга давно готова или почти готова. Ей даже не приходило в голову, что вся рукопись может состоять из тех пятнадцати страниц, которые она держала в руках. – В таком случае, мистер, постарайтесь закончить ваш роман как можно скорее. А тем временем...

– А тем временем вы тратите мои денежки, – грубо перебил П.М.Э. – Если не хотите тратиться на обратную пересылку, просто порвите рукопись – и дело с концом. До свидания, миссис Мадерли-Рид. Да, еще одна просьба: пожалуйста, не подсылайте ко мне больше никаких шерифов – я этого не люблю.

Не сразу Марис поняла, что П.М.Э. дал отбой. Некоторое время она напряженно прислушивалась к коротким гудкам, потом опустила трубку. Разговор с П.М.Э. был таким странным, что она даже подумала, уж не приснился ли ей этот звонок.

Но она не спала. Все это происходило наяву. По манхэттенским стандартам была еще глубокая ночь, и если звонок в такой час мог и не разбудить ее полностью, то необъяснимое отсутствие мужа – могло. Почувствовав, как ее сердце болезненно сжалось от тревоги, Марис снова потянулась к телефону, гадая, куда ей позвонить сначала – в полицию или в бюро несчастных случаев «Службы спасения».

Только потом она вспомнила, что оставила Ноя в обще-

стве Нади Шуллер. Этого оказалось достаточно, чтобы ее тревога сменилась гневом, и Марис захотелось швырнуть в стену что-нибудь тяжелое.

Как бы там ни было, спать ей окончательно расхотелось. Отшвырнув одеяло, Марис вскочила с кровати и потянулась к висевшему на кресле халату, но тут дверь спальни распахнулась, и, зевая и потягиваясь, вошел Ной. Он все еще был в брюках от смокинга и в рубашке, но без запонок и без бабочки. Смокинг висел у него на плече, а в руке Ной нес ботинки.

– Мне показалось, я слышал телефонный звонок, – сказал он.

– Ты не ошибся, – сухо ответила Марис, недоумевая, что все это может означать.

– Это не от Дэниэла? Надеюсь, с ним ничего не случилось?

– Господи, Ной, где ты был всю ночь?! – воскликнула Марис, не ответив на его вопрос. – Почему ты в таком виде? Тон, каким она это сказала, заставил Ноя остановиться.

– Где? – переспросил он. – В кабинете, на диване. А что?

– Почему?

– Когда я вернулся, ты уже спала. Мне не хотелось тебя будить.

– И во сколько это было?

Ной раздраженно дернул бровью – допрос с пристрастием ему не нравился.

– Примерно в час. Может быть, в начале второго.

Марис почувствовала новый приступ раздражения.

– Ты говорил... нет, ты обещал, что вернешься домой через чар после меня, не позже!

– Мы выпили не по коктейлю, а по два, только и всего. Что тут такого ужасного?

– А разве проснуться в пять утра в собственной постели и увидеть, что твоего мужа нет рядом – разве это не ужасно?!

– Но ведь пока ты спала, ты не волновалась, не так ли?

– Да, пока я спала – я не волновалась, но это не имеет никакого значения! Твое отсутствие... – Марис осеклась. В ее голосе явственно прозвучали визгливые нотки, и она сразу припомнила карикатуру из какого-то журнала: женщина в бигуди, в бесформенном халате и мохнатых шлепанцах на босу ногу поджидает загулявшего супруга со скалкой в руках.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с собой. Следующие слова Марис произнесла почти спокойно, хотя гнев все еще продолжал сжимать ей горло:

– Если помнишь, Ной, я пыталась уговорить тебя поехать домой сразу после работы. Но ты решил, что нам непременно нужно быть на этом дурацком приеме. Когда он наконец закончился, я старалась спасти хотя бы остаток вечера, но ты предпочел отправиться в бар и распивать там коктейли с этой Вампиреллой и ее шизанутым писакой. И вот ты являешься домой в час ночи – кстати, откуда мне знать, что не позже? – и утверждаешь, что все нормально! Разве это... нормально?!

Ной бросил туфли на пол, расстегнул рубашку и стащил брюки.

– Каждая книга, которую выдает нагора этот «шизанутый писака», расходуется полумиллионным тиражом, – сказал он. – И это только твердый переплет. Тиражи его книг в мягкой обложке вдвое, втрое выше, и он уверен, что может добиться большего. Но есть одна закавыка. Дело в том, что он недоволен своим нынешним издателем и не прочь найти себе другого... – Ной вздохнул. – Надя устроила нам эту встречу, полагая, что она может оказаться полезной для обеих сторон. Так и вышло. Писатель ждет от нас издательское предложение. В ближайшее время его агент свяжется с нами, чтобы обсудить условия. Я надеялся удивить тебя этой новостью завтра, но...

Ной выразительно пожал плечами, потом подошел к кровати и сел на край.

– А чтобы ты не думала, будто я что-то от тебя скрываю, – добавил он, – я расскажу тебе все до конца. К концу вечера наш писатель – мне кажется, теперь я имею полное право называть его «нашим» – так надрался, что не мог самостоятельно сесть в такси. Нам с Надей пришлось отвезти его домой и уложить спать. Уверяю тебя – я лично проделывал все это без всякого удовольствия, но чего не сделаешь ради издательства? Потом мы с Надей вернулись, я высадил ее у «Трампа-Тауэр», а сам поехал домой. Увидев, как сладко ты спишь, я решил не беспокоить тебя и отправился к себе в

кабинет. Все. Позволю себе заметить только одно: на протяжении всего вечера я действовал исключительно в твоих – в наших с тобой – интересах.

С этими словами Ной прижал руку к груди и слегка склонил голову.

– Прости, если что не так, дорогая. Наверное, я где-то сгнул.

Его рассказ звучал вполне связно и правдоподобно, но Марис по-прежнему считала, что у нее есть основания сердиться.

– Почему ты не позвонил? – спросила она.

– Я знал, что мне следовало это сделать, но – опять же – я знал, как ты устала, и не хотел лишний раз тебя дергать.

Марис немного подумала.

– И все равно, – медленно сказала она, – мне очень не нравится, что теперь мы будем должниками такого человека, как мисс Шуллер.

– Я сам не люблю быть кому-то обязанным, – согласился Ной. – Но и портить отношения с Надей было бы неразумно. Если ты ей нравишься или, точнее, можешь быть ей полезен, она может многое для тебя сделать. Если же ты ей не нравишься, она вполне способна устроить тебе крупные неприятности.

– Причем в обоих случаях тебе не миновать ее постельки, особенно если ты – мужчина, – едко добавила Марис.

Это замечание вызвало у Ноя улыбку.

– Интересно узнать, почему многие женщины – а ты в особенности – выглядят такими красивыми, когда сердятся?

– Я до сих пор сержусь!

– А вот это напрасно. Поверь, мне действительно жаль, что я заставил тебя волноваться. Честное скаутское, я не хотел. – Он посмотрел на нее и нежно улыбнулся. – И еще, Марис, – никаких поводов для ревности нет и быть не может.

– Вот как? – парировала она. – А мне кажется, что, если учесть все интрижки, которые у тебя были до того, как мы поженились, оснований для ревности более чем достаточно.

– Но ведь и у тебя были увлечения, Марис.

– Два. Два за всю жизнь. А ты начинал новый роман каждую неделю, иногда не закончив старый.

Это было, конечно, преувеличение, но Ной ухмыльнулся, явно польщенный.

– Знаешь, подобное заявление я даже комментировать не буду. И потом, какая разница? Ведь женился-то я на тебе!

– И пожертвовал всеми этими приятными, ни к чему не обязывающими связями? Ни за что не поверю!

На этот раз Ной рассмеялся в голос и похлопал по простыне рядом с собой.

– Перестань болтать глупости, малышка. Не сверкай глазами и... просто прости меня, ладно? Ты ведь сама этого хочешь!

Марис прищурилась, изображая свирепость:

– Ты. Злоупотребляешь. Моим...

– Ну Марис же!..

Она неохотно шагнула к нему. Когда Марис оказалась в пределах его досягаемости, Ной взял ее за руку и, несильно потянув, заставил сесть рядом с собой. Отведя назад прядь упавших ей на щеку волос, он наклонился и поцеловал ее в висок.

Некоторое время Марис притворно сопротивлялась, но совсем недолго. Когда Ной наконец выпустил ее из объятий, она прошептала:

– Именно об этом я мечтала весь сегодняшний день...

– Тебе нужно было только сказать, – ответил Ной.

– Я и говорила.

– Действительно, говорила. – Он притворно вздохнул. – Что ж, позволь мне исправить мою ошибку и возместить нанесенный ущерб.

– Лучше поздно, чем никогда.

– Помнится, ты что-то там лепетала насчет ковра перед камином...

Через несколько секунд оба уже разделись догола и разлеглись на пушистом ковре в гостиной. Нежно покусывая ее плечи, Ной спросил:

– Кстати, кто звонил?

– Гм-м... Что ты сказал?

– Я имею в виду телефонный звонок, который разбудил нас обоих. Кто это был?

– Так, один придурок... Я тебе потом расскажу. – Пере-

хватив инициативу, Марис направила руку Ноя к себе в промежность, которая уже сделалась горячей и влажной. – А сейчас я хочу, чтобы ты говорил мне всякие непристойности. Начинай, пожалуйста. Например, с чем бы ты сравнил мой очаровательный пухленький задик?..

4

Отложив в сторону рукопись, Дэниэл Мадерли в задумчивости потеревил нижнюю губу.

– Ну, что скажешь? – спросила Марис. – Это действительно стоящая вещь или я ошибаюсь?

Утро было ясное и теплое, поэтому они завтракали на террасе городского дома Дэниэла в Верхнем Ист-Сайде. Кирпичная ограда террасы была украшена глиняными горшками с цветами, а от солнца ее защищали ветви столетнего платана.

Пока Дэниэл читал пролог «Зависти», Марис помогала экономке накрывать на стол. Максина поступила в услужение к ее родителям еще до того, как Марис появилась на свет, и за десятилетия стала полноправным членом семьи Мадерли. По своему обыкновению, Максина ворчала на Марис, прогоняла из кухни и учила правильно выжимать сок из апельсинов, но на самом деле старая экономка любила ее, как родную дочь. Марис знала это и никогда на нее не обижалась, а ворчание принимала как выражение привязанности и заботы. Максина фактически заменила ей мать, которая умерла, когда Марис училась в школе.

За завтраком Дэниэл все еще читал, поэтому омлет с помидорами и пшеничные тосты они съели в молчании. Но наконец рукопись была прочитана.

– Спасибо, Максина, – сказал Дэниэл, обращаясь к экономке, которая пришла убрать со стола и наполнить чашки свежим кофе. – А тебе, дочка, – добавил он, поворачиваясь к Марис, – я скажу: нет, ты не ошиблась. Написано превосходно.

– Я рада, что ты так считаешь, – ответила Марис. Она и в самом деле была рада, что их оценки совпали. Дэниэл Мадерли был, наверное, единственным человеком в мире, который прочел книг больше, чем она, и Марис всегда относилась с уважением к его мнению. Впрочем, по большей части разногласий между ними не возникало. Бывало, конечно, что они не сходились во мнении по поводу того или иного произведения, однако никогда их оценки не различались принципиально – хорошую прозу от плохой оба отличали безошибочно.

– Новое имя? – спросил Дэниэл.

– Я не знаю, – Марис пожала плечами.

– Как это?.. – удивился Дэниэл.

– Это довольно загадочная история. – Припомнив ночной звонок П.М.Э., Марис чуть заметно улыбнулась и рассказала отцу, как попала к ней рукопись и чем закончились ее попытки узнать имя автора.

– Действительно странно, – задумчиво сказал Дэниэл, когда она замолчала. – Говоришь, он подписался одними инициалами? Не будь его пролог так хорошо написан, я бы решил, что кто-то захотел подурачиться или подшутить над на-

ми. Да и шутка, согласишься, не самая удачная. Нормальный взрослый человек никогда бы не позволил себе такой глупости. – Он усмехнулся и, размешав сукразит в последней на сегодня чашке кофе (врач разрешил ему выпивать не больше трех чашек в день), добавил чуть более миролюбивым тоном.

– Впрочем, кое-кому такой подход может показаться не мальчишеским и глупым, а романтичным и таинственным.

Марис фыркнула:

– А по-моему, он просто зануда.

– Хорошие писатели часто бывают противоречивыми и неуравновешенными, – ответил Дэниэл. – Как и плохие, впрочем.

Потом он снова задумался. Пока отец размышлял, Марис незаметно его разглядывала. «Когда отец успел так состариться?» – с тревогой подумала она.

Правда, Марис не помнила отца молодым. Ее мать – вторая жена Дэниэла – была на пятнадцать лет младше своего супруга, поэтому, когда Марис появилась на свет, Дэниэл Мадерли был уже пожилым человеком, волосы у него всегда были седыми, а лицо – сухим и морщинистым, однако, несмотря на это, отец не производил впечатления старика. Он каждый день бегал в парке, неохотно, но неуклонно соблюдал диету и даже бросил курить сигареты, лишь изредка позволяя себе трубочку-другую. Дэниэл как будто чувствовал ответственность перед несовершеннолетней дочерью и постарался усилием воли замедлить процесс старения, на-

сколько это вообще было возможно.

И только в последнее время возраст начал понемногу брать свое. Правда, Дэниэл еще сопротивлялся, и довольно успешно, но уже чувствовалось, что победа будет не за ним. Морщин на лице прибавилось, волосы поредели и стали тонкими и легкими, как пух, а развившийся артрит вынуждал Дэниэла пользоваться при ходьбе тростью. Он, правда, старался обходиться без нее, утверждая, что палочка делает его похожим на инвалида. Это, конечно, было сильно сказано, и Марис с Максиной в один голос уверяли Дэниэла, что трость придает ему солидности, однако в глубине души обе знали, что он прав. Раньше Дэниэл неизменно производил впечатление человека сильного, уверенного, крепко стоящего на ногах; трость же – даже резная, массивная трость красного дерева с золотым набалдашником, подаренная ему немецкими издателями, – старила его. И дело было не только в трости или в артрите. Даже Марис, как ни старалась она закрывать глаза на несомненные признаки наступившей старости, стала замечать, что у отца все чаще дрожат руки, а реакции замедлились.

Пожалуй, только глаза оставались прежними – ясными, мудрыми, пронзительными. Марис снова убедилась в этом, когда Дэниэл вдруг повернулся к ней.

– Как ты думаешь, что все это значит? – спросил он.

– Что – все, папа?

– Подобное поведение, Марис. П.М.Э. не оставил ни ад-

реса, ни контактного телефона, а потом позвонил тебе ночью и заявил, что его пролог – чушь. Что ты по этому поводу думаешь?

Марис встала и, подойдя к горшку, в котором пышно цвела белая герань, принялась методично обрывать не замеченные Максиной засохшие листья. Вот уже несколько лет Марис убеждала экономку, что ей нужно завести очки, но та утверждала, что за тридцать лет ее зрение ни капельки не ухудшилось. На это Марис обычно замечала, что и тридцать лет назад Максина была слепа, как курица, и к тому же слишком самолюбива, чтобы это признать. На этом спор, как правило, и заканчивался.

Вертя в руках сухой черенок, Марис некоторое время обдумывала вопрос отца, потом сказала:

– Мне кажется, он хотел, чтобы его искали. И нашли. Не так ли?

Отцовская улыбка подсказала ей, что она не ошиблась. Это, кстати, был излюбленный прием Дэниэла. Таким своеобразным способом он помогал ей готовить уроки, когда она училась в школе. Сколько Марис себя помнила, отец никогда не давал ей готовых ответов, но поощрял думать самостоятельно, награждая улыбкой всякий раз, когда ей удавалось самой найти решение.

– Ведь он все-таки мне позвонил, – продолжала она, воодушевленная его молчаливым одобрением. – Если бы П.М.Э. не хотел, чтобы его нашли, он бы просто выбросил

мои телефоны. Но он позвонил, причем я почти уверена: он намеренно выбрал столь поздний – или ранний – час, чтобы получить психологическое преимущество.

– К тому же он протестовал слишком много и слишком горячо.

Нахмурившись, Марис вернулась к столу и опустилась на стул.

– Не знаю, папа... Мне показалось, он действительно очень разозлился. Особенно из-за прихода этого шерифа...

– Несомненно, так и было, и я его понимаю. И все же П.М.Э. не сумел удержаться, чтобы не позвонить тебе и не выслушать твое мнение о его книге.

– А книга может получиться захватывающая, – задумчиво сказала Марис. – Этот пролог... Он заставил меня задуматься о том молодом человеке. Кто он такой? Как он жил? Из-за чего подрался со своим другом?

– Зависть, – напомнил Дэниэл. – На мой взгляд – самое низменное из человеческих чувств.

– Низменные чувства и запретные вещи – самые сильные раздражители. Об этом свидетельствует вся история книгоиздания, – улыбнулась Марис. – Кто кому завидовал? Из-за чего? Автор заставляет читателя задуматься обо всех этих вопросах...

– ...И поэтому начинает свое произведение со столь интригующего пролога. Ход сильный, хотя и не новый. – Дэниэл покачал головой. – Что ты собираешься делать?

– Надо попытаться установить с ним профессиональный диалог. Если, конечно, это возможно. С таким типом работать будет непросто.

– Ты знаешь его телефонный номер? Откуда?

– Сработал определитель номера, когда он позвонил.

– Теперь они определяют и междугородные номера? – удивился Дэниэл. – О, чудеса современной технологии! В мое время...

– В твоё время?.. – рассмеялась Марис. – Твоё время ещё не кончилось, папа.

Наклонившись вперед, она потрепала его по руке, покрытой темными пигментными пятнами. Рука была сухой, горячей, живой, но Марис не обманывала себя. Она знала – придет день, когда отца не станет. Чего Марис не представляла, это того, как она переживет эту потерю. Ей до сих пор были памятны рождественские утра, когда, проснувшись еще до света, она спешила в отцовскую спальню и, вытащив Дэниэла из постели, умоляла как можно скорее пойти вниз, чтобы посмотреть, что принес в подарок Санта-Клаус.

И это было далеко не единственное приятное воспоминание, связанное с детством и с отцом. Марис хорошо помнила, как они вместе катались на коньках в Центральном парке, как ходили на ярмарки и рылись в книжных развалах, как пили чай в «Плазе» после детского утренника или читали у камина в его кабинете. Все её детство было неразрывно связано с отцом, и Марис долгое время была уверена, что ина-

че и быть не может. Только став старше, она поняла: не будь она единственным и к тому же поздним ребенком, ей, возможно, жилось бы совсем иначе. Смерть матери – а вернее, горе, которое они испытали, – могла бы развести их, но, к счастью, этого не случилось. Напротив, они стали еще ближе друг к другу. Правда, Дэниэл продолжал воспитывать Марис твердой рукой, но принуждать ее или наказывать ему приходилось крайне редко. Она всегда старалась его слушаться, и, хотя это не всегда у нее получалось, больше всего на свете Марис боялась чем-то огорчить отца.

Сейчас Марис припоминала только один случай, когда в подростковом возрасте попыталась восстать против его власти. Друзья пригласили ее в клуб, ходить в который Дэниэл строго-настрого запрещал. В тот раз желание казаться взрослой впервые оказалось сильнее дисциплины, и Марис, уловив минутку, выбралась из дома через окно.

Когда уже под утро она вернулась домой, то оказалось, что окно крепко заперто. Пришлось звонить у парадной двери.

Тогда Марис показалось – прошла целая вечность, прежде чем отец спустился вниз и отпер замки. Он не кричал, не читал ей нотаций. Спокойным, даже каким-то будничным тоном Дэниэл сказал, что она приняла не правильное решение и теперь ей придется за это расплачиваться.

Приговор был достаточно суров. Дэниэл запретил Марис выходить из дома в течение месяца, но куда хуже оказалось сознание того, что она заставила отца в ней разочароваться.

Больше Марис никогда не удирала из дома тайком.

Разумеется, отец ее баловал, но она никогда не была испорченной. Он разрешал ей тратить столько денег, сколько она хочет, но за это Марис должна была заниматься повседневными домашними делами и помогать Максине готовить и убирать. За ее школьными оценками Дэниэл также следил весьма и весьма внимательно, однако и здесь его подход отличался от общепринятого. Он хвалил дочь за успехи и крайне редко ругал за ошибки. Впрочем, учиться Марис нравилось. Учителя редко были ею недовольны, и у Дэниэла всегда был повод гордиться дочерью.

А Марис это чувствовала и старалась, старалась изо всех сил.

– Значит, – спросила она теперь, – ты считаешь, что мне следует заняться этим делом и добиться, чтобы этот П.М.Э. продал свою «Зависть» нам?

– Я уверен, дело того стоит, – твердо ответил Дэниэл. – Кроме того, я сомневаюсь, что ты сможешь поступить иначе. Автор бросил тебе вызов. Быть может, он сделал это непреднамеренно, но это ничего не меняет. Миссис Мадерли-Рид не из тех женщин, которые пугаются трудностей. Дайте ей испытать свои силы – и ничего другого ей не требуется...

Он почти точно процитировал одну из статей, недавно помещенную в одном из профессиональных журналов, и Марис ухмыльнулась.

– Мне кажется, я это уже где-то читала, – заметила она.

– Кроме того, – серьезно добавил Дэниэл, – перед хорошей книгой ты тоже никогда не могла устоять.

– Это верно, – согласилась Марис. – Быть может, именно поэтому я никак не могу успокоиться – ведь в последнее время я занимаюсь в основном производственными проблемами – книги попадают ко мне уже после того, как они отредактированы и доведены до ума. Нет, ты не подумай – мне очень нравится эта работа, но вчера, когда я читала этот пролог, мне вдруг стало ясно, как сильно я скучаю по настоящей редакторской работе. Когда берешь в руки последний, отшлифованный вариант текста, который необходимо поскорее запустить в производство, волей-неволей начинаешь торопиться, потому что знаешь – эта книга у тебя не одна; есть и другие, и их тоже надо подготовить к изданию. К тому же на этой последней стадии изменить все равно ничего нельзя – кроме грубых ошибок, разумеется, но таких ошибок наши редакторы не допускают. Другое дело, когда работаешь с автором один на один, помогаешь ему создавать характеры, указываешь на слабые места и нестыковки сюжета. Если бы ты только знал, как мне это нравится!..

– Я знаю. – Дэниэл улыбнулся. – Именно поэтому ты решила заниматься издательским бизнесом. Ты хотела стать редактором – и ты стала им, И не просто редактором, Марис, – ты стала настолько хорошим редактором, что я понял: я могу доверить тебе гораздо более сложную работу. Да, теперь твои служебные обязанности сильно отличаются от тех,

что были в самом начале, но ведь никто не мешает тебе вернуться к тому, что ты любишь. Я даже думаю, что тебе это будет не только приятно, но и полезно.

– Мне тоже так кажется, папа, но... Давай не будем делить шкуру неубитого медведя, – ответила Марис. – Я пока не решила, стоит ли «Зависть» того, чтобы расшибаться в лепешку, или нет. Как сказал мне П.М.Э., книга еще не закончена. Она даже не начата толком, если называть вещи своими именами, но моя интуиция...

– Которой я бесконечно доверяю, – вставил Дэниэл.

– ...Но интуиция подсказывает мне, что роман должен получиться очень хорошим. В прологе я почувствовала... рельеф, фактуру, подлинное качество! И если автор сумеет удержаться на этом уровне до конца, мы получим настоящий бестселлер, который сможет встать в один ряд с «Убить пересмешника» Харпер Ли и другими... Кроме того, «Зависть» тоже построена на южном материале, а ты знаешь, как я люблю наш американский Юг!..

– Под «другими» ты имеешь в виду «Побежденного»?

Марис неожиданно почувствовала себя воздушным шариком, из которого выпустили весь воздух.

– Да, – ответила она после секундной паузы. – В том числе...

Последовала еще одна коротенькая пауза, потом Дэниэл спросил:

– Кстати, как поживает Ной?

И как читательница, и как жена, Марис была весьма разочарована тем, что за первой книгой Ноя не последовала вторая. Дэниэл знал об этом, поэтому после упоминания о романе Ноя ему казалось только естественным спросить о нем самом.

– Ты прекрасно знаешь, как он поживает, папа, – ведь вы с ним перезваниваетесь по несколько раз на дню.

– Я спросил тебя как отец, а не как коллега по работе.

Не в силах вынести пристального взгляда Дэниэла, Марис отвернулась и некоторое время сосредоточенно изучала окружавшую веранду кирпичную стену. Стена была довольно высокой, и Марис не могла увидеть, что делается в соседнем дворе. Поэтому она притворилась, будто ее крайне заинтересовали маневры рыже-черного полосатого кота, который соскочил на стену с платана. Кот скоро исчез в соседнем дворе, но тут из кухни выглянула Максина.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она.

– Нет, спасибо, – ответил Дэниэл. – Кажется, у нас все есть.

– Если вам что-то понадобится, дайте мне знать.

Максина вернулась в кухню, а Марис еще некоторое время молчала, чертя пальцем по узорчатой обивке стула. Наконец она подняла голову и увидела, что Дэниэл сидит, подперев кулаком подбородок и слегка наклонив голову, будто прислушивается. Эта поза была хорошо знакома Марис – про себя она называла ее «позой доброжелательного вни-

мания». Отец всегда принимал такое положение, когда чувствовал, что ее что-то беспокоит или тревожит. Сам он никогда не расспрашивал и не понукал дочь – он просто ждал, пока она созреет и расскажет все сама. И Марис все чаще ловила себя на том, что в сходных обстоятельствах она поступает точно так же, очевидно, унаследовав или переняв у отца эту привычку.

– Вчера Ной пришел домой очень поздно, – ответила она и вкратце пересказала отцу содержание их с Ноем спора, опустив некоторые интимные подробности. – В конце концов мы, конечно, помирились, – закончила Марис, – но я все еще чувствую себя расстроенной.

– Может быть, все это действительно пустяки? – осторожно спросил Дэниэл после непродолжительного раздумья.

– А тебе как кажется?

– Ну, меня там не было... Однако его версия... гм-гм... выглядит весьма правдоподобно.

– Вот именно – версия!..

Дэниэл Мадерли нахмурился:

– Тебе действительно кажется, что Ной вернулся к своим холостяцким привычкам?

Зная, как глубоко отец уважает и ценит Ноя, Марис не хотела говорить о своих неясных подозрениях и чувствах, которые, будучи высказаны вслух, выглядели бы в лучшем случае просто как нытье, а в худшем – как случай самой обыкновенной женской паранойи. Кроме того, если бы Марис на-

чала плакаться отцу в жилетку, тем самым она поставила бы его в неловкое положение; ведь что ни говори, а Дэниэл был не только тестем Ноя, но и его работодателем и непосредственным шефом.

Ноя он пригласил к себе на работу четыре года назад, когда тот уже был самым грамотным, расторопным и удачливым издателем Нью-Йорка, за исключением, быть может, двух или трех человек, включая самого Дэниэла. Именно тогда Марис с ним и познакомилась, и вскоре их отношения стали достаточно близкими. Дэниэл несколько раз предупредил дочь о нежелательности и даже опасности подобного «служебного романа». Однако после того, как Ной, проработав в «Мадерли-пресс» немногим больше года, официально попросил руки Марис, он сдался и дал им свое благословение. От предложения Ноя уйти в отставку сразу после свадьбы Дэниэл просто-напросто отмахнулся, сказав, что Ной вполне устраивает его не только как зять, но и как вице-президент издательского дома.

С тех пор на протяжении почти двух лет Марис и Ною удалось не смешивать семейные и деловые проблемы, и если бы сейчас она заговорила с отцом о своих тревогах, это положение могло оказаться нарушенным. К тому же Дэниэл мог просто не захотеть разговаривать с ней на личные темы, не желая принять ту или другую сторону. Житейская мудрость и здравый смысл подсказывали ему, что в отношения между мужем и женой не могут вмешиваться ни тесть, ни отец, а к

голосу разума Дэниэл всегда прислушивался.

Но, с другой стороны, Марис необходимо было выговориться, а Дэниэл всегда был ее самым внимательным слушателем.

– Нет, я не думаю, чтобы Ной взялся за старое, да и ничего конкретного у меня нет.

– И все же тебя что-то беспокоит. Что именно?

– Не знаю. Мне кажется – что-то изменилось. Я имею в виду – в наших отношениях... – Марис вымученно улыбнулась. – У меня сложилось впечатление, что в последние пару месяцев Ной уделяет мне меньше внимания. Даже намного меньше, – уточнила она.

– И у идеальных пар медовый месяц не длится вечно, Марис.

– Я знаю, просто... – Она вздохнула. – Наверное, мои романтические представления о семейной жизни еще не выветрились до конца.

– Ну, это-то как раз не беда. Ты в этом не виновата, и никто не виноват. В браке бывают периоды некоторого охлаждения – от этого не застрахован ни один союз, даже самый счастливый.

– Я знаю. Мне только хотелось бы надеяться, что я ему еще не надоела, ведь скоро наша вторая годовщина... А для Ноя это своего рода рекорд.

– Ты знала, что он собой представляет, когда выходила за него замуж, – напомнил Дэниэл. – Ной всегда был дамским

угодником и не скрывал этого.

– Я смирилась с этим, потому что любила его. Иногда мне кажется, что я полюбила Ноя еще в колледже, когда прочла «Побежденного».

– Вот видишь! А он ответил на твое чувство, когда выбрал тебя из сотен других женщин.

Марис улыбнулась и слегка качнула головой.

– Да, ты прав, папа. Он действительно выбрал меня, но... Сейчас мне кажется – Ной стал меньше обращать на меня внимание, и я... чувствую себя потерянной.

– Боюсь, в этом есть и моя доля вины.

– Как так?

– Я слишком загрузил его работой. Мало того, что Ной исполняет свои обязанности, что само по себе непросто, он еще и делает то, что не успеваю сделать я. Надо смотреть правде в глаза, дочка, – я уже не тот, каким был прежде. Твоему мужу приходится работать и за себя, и за меня. Я предлагал ему нанять человека, который освободил бы его хотя бы от рутинных обязанностей, но...

– Но он отказался, конечно. Ной слишком самолюбив, чтобы признать – он взвалил на себя слишком большую тяжесть.

– Но я мог бы настоять... Ладно, Марис, так и сделаем – на днях я поговорю с Ноем еще раз и постараюсь убедить, что ему нужен помощник. А пока... пока, я думаю, вам обоим было бы полезно съездить куда-нибудь на несколько дней –

позагорать, расслабиться и прочее... Ты меня понимаешь?

Марис снова улыбнулась, по достоинству оценив отцовскую деликатность, но это была грустная улыбка. Практически те же слова Дэниэл сказал ей год назад, когда они с Ноем собирались в отпуск в Аррубу. Кроме отдыха, у этой поездки была и другая цель: Марис надеялась вернуться из отпуска беременной, однако, несмотря на все усилия, у них ничего не получилось, и эта неудача сильно подействовала на Марис. Она была разочарована и чувствовала себя несправедливо обойденной судьбой. Должно быть, именно тогда они с Ноем и начали отдаляться друг от друга, хотя трещина в их отношениях стала заметна только сейчас.

Дэниэл понял, что коснулся больной темы.

– Вам надо сменить обстановку, Марис, – убежденно повторил он. – Подальше от города, от всех дел, светских мероприятий. Я уверен, небольшой отдых – это именно то, что вам нужно.

Но Марис не разделяла отцовской уверенности, хотя она и не смогла возразить. Что-то подсказывало ей, что никакой отдых не поможет им с Ноем решить накопившиеся проблемы. И хотя их утренняя ссора благополучно разрешилась постелью, Марис чувствовала, что их близости чего-то не хватало. Их руки и тела совершали привычные движения, однако ни она, ни Ной не вкладывали в это настоящую нежность.

Сейчас, вспоминая утренние события, Марис с досадой думала о том, как ловко удалось ему отвлечь ее внимание с

помощью самой обыкновенной лести. Она была по-настоящему на него сердита, но стоило Ною сказать ей, как она соблазнительна и хороша собой, и Марис тут же растаяла, позволив тщеславию возобладать над здравым смыслом. Впрочем, если посмотреть на дело с другой стороны, то секс был самым простым и доступным средством положить конец их бессмысленному спору. Марис не хотела обвинять Ноя и дальше (ведь если пойти на поводу у ревнивого воображения, можно черт знает до чего дойти!), а ему было неприятно оправдываться, поэтому они и занялись любовью.

Будь это единичный случай, Марис бы так не расстраивалась, но секс после ссоры грозил перейти у них в привычку.

Чтобы не волновать отца, Марис сделала вид, будто обдумывает его предложение провести несколько дней где-нибудь в тропиках. Наконец она сказала:

– Знаешь, папа, вообще-то я собиралась уехать одна.

– Тоже неплохо, – одобрил Дэниэл. – А куда, если не секрет?

Иногда, когда Нью-Йорк ей слишком надоедал, Марис уезжала в их особняк на западе Массачусетса, стоявший в окружении живописной природы. Там она могла спокойно заниматься бумажной работой, размышлять или читать рукописи. Вдали от суеты, где ничто ее не отвлекало, Марис успевала за короткий срок не только восстановить силы, но и сделать многое другое. Такие поездки она предпринимала достаточно часто, поэтому Дэниэл решил, что Марис снова

собирается в Беркшир.

– Нет, – Марис покачала головой. – Я решила съездить в Джорджию. Мне кажется, из этого может что-то получиться.

Ной принял ее решение на удивление спокойно.

– Я тоже думаю, что тебе было бы полезно проветриться, – сказал он, когда Марис объявила ему о своем отъезде. – Только почему – Джорджия? Там что, какой-то новый курорт?

– Новый автор, – ответила Марис.

– Значит, ты собираешься работать? – прищурился Ной. – А я решил, ты едешь отдыхать.

– Одно другому не помешает, – сказала Марис как можно убедительнее. – Что касается нового автора, то... Помнишь, я рассказывала тебе про рукопись?

– Ту, которую ты нашла в своей мусорной куче?

Марис постаралась не обращать внимания на его скептический тон.

– Да. Я узнала, где живет автор, и... Хотя это было непросто! – с гордостью добавила она.

– Непросто? Он что, не оставил контактного телефона? – удивился Ной.

– Это долгая история, а у нас через десять минут важная встреча, – напомнила Марис. – Я потом расскажу тебе подробно, пока же я сама мало что знаю. Одно бесспорно – случай очень необычный. Этот человек совсем не похож на

тех молодых авторов, которые во что бы то ни стало мечтают опубликовать свои произведения.

– Разве он не хочет опубликовать свой роман? Зачем же он тогда прислал тебе рукопись?

– Дело в нем самом. Это упрямый, ершистый, даже грубый человек. К тому же он, похоже, и сам не понимает, насколько хорошо то, что он пишет. Придется его уговаривать, улещивать, в общем – гладить по шерстке, а по телефону сделать это довольно трудно. Вот почему я решила встретиться с ним лично.

– Понятно, – кивнул Ной, но Марис видела, что он почти не слушает ее. Сначала он перебирал телефонные сообщения, которые положил перед ним секретарь, потом бросил взгляд на наручные часы и, встав из-за стола, начал складывать в папку деловые бумаги. – Прости, дорогая, – проговорил он, – но нам пора на совещание. Когда ты планируешь уехать?

– Я собиралась отправиться в Джорджию завтра.

– Так скоро?

– Мне не терпится узнать, выйдет что-то из моей затеи или нет, а узнать это можно, только поговорив с автором. Обогнув стол, Ной чмокнул Марис в щеку.

– Тогда давай сходим вечером в ресторан; только ты и я, идет? – предложил он. – Если ты согласна, я скажу Синди, чтобы заказала для нас столик. Куда бы ты хотела пойти?

– Ты и вправду хочешь, чтобы я выбрала?

– Да, разумеется.

– Тогда давай останемся дома – просто закажем в ресторане какие-нибудь экзотические блюда. Я что-то соскучилась по тайской кухне...

– Отлично. А я выберу вино.

Они как раз выходили из кабинета, когда Ной неожиданно остановился:

– Фу ты черт! Я только что вспомнил – у меня встреча сегодня вечером.

– С кем?.. – протянула Марис разочарованно, и Ной назвал имя агента, представлявшего нескольких известных писателей.

– Если хочешь, – предложил он, – присоединяйся к нам. Я думаю, он будет рад тебя видеть. А потом поедем куда-нибудь вдвоем...

– Но мне нужно собрать вещи, – возразила Марис. – И сделать еще кое-какие дела. Я не могу весь вечер сидеть в ресторанах.

– Жаль, – огорчился Ной. – Но я уже дважды переносил нашу встречу. Если я сделаю это в третий раз, агент может решить, что я его избегаю.

– Конечно, – согласилась Марис. – Переносить нельзя. Во сколько ты планируешь вернуться?

Ной поморщился:

– Ты же знаешь этого парня – он обожает потрепаться о всяких пустяках, поэтому я боюсь, что могу вернуться на-

много позже, чем хотелось бы. – Почувствовав ее разочарование, он шагнул к ней. – Прости, Марис... – добавил Ной чуть тише. – Может быть, мне все-таки рискнуть и перенести встречу в третий раз?

– Нет-нет, этот человек нам нужен, – быстро сказала Марис. – Поезжай.

– Если бы ты заранее сказала, что хочешь развлечься, я бы...

– Простите, мистер Рид, – сказала секретарша Ноя, заглядывая в кабинет, – но вас и миссис Марис ждут в конференц-зале.

– Уже идем, – откликнулся Ной и повернулся к Марис:

– Труба зовет!..

– Да, разумеется.

– Ты не сердишься?

– Нет.

Ной крепко обнял ее.

– Ты – самая чуткая, самая отзывчивая жена в мире! Стоит ли удивляться, что я без ума от тебя? – шепнул он, целуя Марис и подталкивая к выходу. – А теперь поспешим, иначе нас начнут искать.

«ЗАВИСТЬ»

Глава 1

Штат Теннесси, Университет штата

1985 год

Члены студенческого сообщества всегда гордились тем, что здание их общежития было выстроено в форме незаконченного ромба. Оно напоминало своими очертаниями герб сообщества, и кое-кому это давало основания утверждать, будто такая форма была выбрана основателями студенческого братства специально, однако в действительности дело обстояло гораздо прозаичнее. В одна тысяча девятьсот девяностом году студенты решили построить собственное общежитие, однако, будучи ограничены в средствах, вынуждены были экономить буквально на всем. Тут-то им и подвернулся этот угловой участок, от которого владелец не чаял избавиться. Он просил за него смехотворно малую сумму, и это решило дело.

Таким образом, именно форма участка определила

архитектурное своеобразие нового здания. Только годы спустя кто-то из студентов подметил, что оно напоминает ромб – ромбическим был и герб сообщества студентов, однако, как уже говорилось, сходство было случайным.

В одна тысяча девятьсот двадцать восьмом году комитет по развитию университета принял решение превратить дорогу, пересекавшую студенческий городок на две равные части, в пешеходную зону с элементами ландшафтной архитектуры. Автомобильное движение решено было направить по боковой аллее, которая проходила прямо перед фасадом общежития.

Именно в результате этой, как бы сказал поэт, «слепой игры стихийных сил природы», а отнюдь не благодаря дальновидности основателей студенческого сообщества, общежитие оказалось на главном перекрестке университетского кампуса. Благодаря лому обстоятельству обитатели общежития чувствовали себя в привилегированном положении и отчаянно задирали нос, хотя особенно гордиться тут было нечем.

Общежитие было трехэтажным. Два крыла отходили от выходявшего прямо на перекресток фасада под углом в сорок пять градусов, образуя тесный и мрачный внутренний дворик, в котором с трудом помещались автостоянка на полтора десятка машин, асфальтированная баскетбольная площадка с разбитыми щитами и проржавевшими кольцами без сеток, несколько мусорных контейнеров, из

которых высыпался мусор, два угольных мангала и собачья будка с натянутым параллельно недостающей четвертой стене тросом, вдоль которого, громыхая цепью, бегал Самогон – желто-рыжий Лабрадор, охранявший подступы к автостоянке и служивший по совместительству живым талисманом студенческого братства.

Фасад здания выглядел куда как приличнее. Вымощенная кирпичом дорожка перед парадным входом была обсажена с обеих сторон бредфордскими грушами, которые каждую весну покрывались белоснежными цветами, образуя естественную декорацию для ежегодного весеннего слета выпускников. Фотографии груш в цвету регулярно появлялись на обложках университетских рекламных буклетов и брошюр, что вызывало законное негодование членов других студенческих сообществ. Чуть не каждый год кто-нибудь из них грозился спилить «чертовы груши» под корень, и тогда для охраны деревьев устанавливалось круглосуточное дежурство.

Осенью листья груш приобретали красивый рубиново-красный оттенок. Так было и в тот тихий октябрьский уик-энд. В Кампусе царили почти неестественный мир и покой, что случалось довольно редко, но в эту субботу университетская футбольная команда играла выездной матч, и добрая половина студентов отправилась поболеть за своих.

Если бы команда играла дома, парадные двери общежития были бы распахнуты настежь, из окон бы

неслась оглушительная музыка (из каждого – своя), а вестибюль, холлы и коридоры служили бы местом сбора для студентов, их девушек, родителей, друзей и выпускников.

В такие дни колонна автомобилей, на которых прибывали соперники (а также их девушки, родители и друзья), растягивалась на несколько миль, а поскольку дорога на стадион лежала через перекресток, обитатели дома-ромба получали отличную возможность наблюдать за процессией из окон собственных комнат. Обычно они так и делали, задирая болельщиков команды противников и без стеснения флиртуя с хорошенькими болельщицами. Болельщицы в ответ строили глазки. Время от времени кто-нибудь из них, откликнувшись на поступившее приглашение, на ходу соскакивал с автобуса, чтобы принять участие в вечеринке, бушующей в стенах общежития. Достоверно известно, что именно так было положено начало десятку бурных романов, два или три из которых впоследствии закончились браком.

В день игры студенческий городок одевался в красное. На тех, кто не носил университетских цветов, глядели косо. Отовсюду доносились грохот ударных и пронзительные голоса труб. По аллеям маршировали оркестры. Весь кампус верил, надеялся, веселился.

Но сегодня аллеи парка были практически пусты. Затянутое облаками небо грозило дождем, а холодный ветер не располагал к прогулкам на открытом воздухе. Те, кто не поехал болеть за свою команду, старались

использовать свободное время, чтобы отоспаться, подучить те или иные предметы, выстирать белье и доделать сотни других дел, до которых в обычные дни просто не доходили руки.

В коридорах старого здания-ромба тоже было тихо, безлюдно и сумрачно. В воздухе назойливо пахло прокисшим пивом и застарелым мужским потом. Лишь в холле первого этажа перед большим широкоэкранным телевизором, год назад пожертвованным кем-то из выпускников, собрались несколько студентов. По телевизору транслировали футбольный матч Национальной студенческой спортивной ассоциации. Спортивный тотализатор был в общежитии в большом почете, поэтому холл время от времени оглашался то радостным воплем, то стоном разочарования или проклятьями. Эти звуки летели по лестничным маршам и поднимались на второй и третий этажи, где находились жилые комнаты, но и они не тревожили сонного покоя пустых коридоров.

Но вот в одном из коридоров третьего этажа гулко хлопнула дверь, затем раздался вопль: «Ну ты и задница, Рурк!», за которым последовало быстрое «шлеп-шлеп-шлеп» обутых в пляжные тапочки ног.

Уклонившись от удара мокрым полотенцем, Рурк расхохотался.

– Так ты ее нашел?!

– Признавайся, чья это работа? – требовательно спросил Тодд Грейсон, протягивая приятелю пластмассовый стаканчик, из которого торчала его

зубная щетка. Судя по всему, кто-то использовал стаканчик в качестве плевательницы. Щетка тонула в густой бурой жидкости, в которой плавал размокший окурок.

Рурк сидел, развалиясь на колченогом диване, стоявшем прямо под койками, прикрепленными к потолку короткими цепями. Эти койки были изобретены приятелями в целях экономии свободного пространства, которого в крошечной комнате было не так уж много. Устав запрещал менять что-либо в обстановке комнат, но они пока не попались.

У дивана было всего три ножки, четвертую заменяла стопка кирпичей. Это уродство занимало в комнате почетное центральное место и символизировало «жизнь во всем ее... ик... разнообразии... ик... если ты понимаешь, что я хочу сказать», как выразился однажды Тодд после восьмой кружки пива. Приятели нашли этот диван в лавке местного старьевщика, когда подыскивали обстановку для своей комнаты, и купили его в складчину за десять долларов. Уже тогда диван был инвалидом. Его обивка была потерта и в нескольких местах прорвана, а на сиденье темнели пятна, происхождение которых так и осталось невыясненным, однако приятели сразу решили, что кошмарный диван будет прекрасно гармонировать с убранством доставшейся им убогой клетушки под самой крышей. Больше того, оба поклялись, что он останется там все годы учебы, после чего они торжественно передадут его по наследству следующим

обитателям комнаты.

Теперь Тодд, который столь философски обосновал право дивана на существование, буквально тряся от ярости.

– Ну, признавайся!.. Скажи, кто сюда наплевал? От хохота Рурк согнулся чуть не пополам.

– Тебе действительно так хочется узнать?!

– Неужели это Брейди? Клянусь богом, если это он, я тебя убью!..

Брейди жил в комнате чуть дальше по коридору. Он был отличным парнем, идеальным членом землячества. Такие, как он, по первому слову спешили к друзьям на помощь, без единой жалобы покидая теплую комнату, чтобы вытолкнуть из сугроба заглохший автомобиль. У Брейди было золотое сердце, но любовь к порядку не была в числе его достоинств.

– Нет, вряд ли это он.

– Тогда кто же? Кастро?.. Умоляю, скажи, что это не он! – простонал Тодд. – Одному богу известно, какие микробы водятся в этих его зарослях!

Упомянутый. Кастро не был кубинцем, по-настоящему его звали Эрни Кампелло. Кличку Кастро ему дали за то, что он носил бороду. Многие, впрочем, уверяли, что Эрни давно перещеголял Фиделя, так как волосы у него росли не только на подбородке, но и по всему телу, и предлагали переименовать его в Кинг-Конга.

Рурк снова расхохотался, потом сказал небрежно:

– Кстати, тебе звонила какая-то Лайза, забыл

фамилию. Гнев Тодда сразу остыл на пару десятков градусов.

– Лайза Ноулз?

– Да, что-то вроде этого.

– И когда?

– Десять минут назад.

– Она что-нибудь просила передать?

– Разве я похож на твоего личного секретаря?

– Ты похож на задницу с зубами. Что она сказала?

– Она сказала, что у тебя член толщиной с карандаш.

И длиной с окурочок. В общем, я не помню, прости, дружище. Впрочем, я записал номер, который она оставила, – он у тебя на столе.

– Ладно, спасибо... – нехотя сказал Тодд – Я перезвоню ей позже.

– Кто она такая, эта Лайза? Клевая телка?

– Ничего, только она встречается с каким-то Деллом.

Мы вместе занимаемся на семинаре по истории, и ей нужен конспект.

– Жаль, жаль...

Тодд покосился на приятеля и швырнул злополучный стакан и щетку в мусорную корзину. Ему и в голову не могло прийти, что, пока он принимал душ в общей ванной комнате в конце коридора, Рурк прокрался туда и вылил в его стакан для щетки содержимое плевательницы с лестничной площадки.

– Вот узнаю, кто так шутит, – голову оторву! – пригрозил он надевая майку и натягивая джинсы прямо на голое тело. Трусов он так и не нашел. – А ты все

валяешься? – проворчал он с неодобрением. – Тебе что, заняться нечем?

Рурк показал приятелю потрепанную книжку в бумажной обложке:

– «Великий Гэтсби». Я должен прочесть ее к понедельнику. Тодд презрительно фыркнул.

– Самый слюнявый роман во всей американской литературе – безапелляционно заявил он. – Давай лучше сходим пожрем.

– Годится! – Рурк скатился с дивана и сунул ноги в стоптанные кроссовки. Прежде чем выйти из комнаты, каждый из них слегка послюнил палец и приложил к попке рекламной красотки, украшавшей собой календарь на двери.

– Сейчас вернемся, лапочка!.. Не скучай!

Это было их место. Они были здесь завсегдатаями. Не успели Тодд и Рурк сесть за столик в студенческом кафе «У Джона Р.», как Джон Р. принес им графин пива.

– Спасибо, Джонни.

– Ты как всегда, на высоте, Джон.

Меню в кафе отсутствовало, да в нем и не было необходимости. Джон Р. хорошо знал вкусы обоих приятелей. Вернувшись за стойку, он начал сооружать для них пиццу. Стоимость пива и закуски автоматически записывалась на объединенный счет Тодда и Рурка, который они оплачивали, как только у них появлялись деньги. Подобным кредитом пользовались у Джона многие постоянные клиенты.

Джон Р. держал это кафе уже больше тридцати лет. История его была такова. Когда-то он поступил в университет учиться, но уже после первого семестра решил не сдавать экзамены, истратив все деньги за обучение на приобретение здания для кафе. Здание стоило дешево, так как к тому времени оно уже разваливалось и было обречено на снос. Джон Р., однако, решил не отягощать себя капитальным ремонтом, на который, впрочем, у него не было средств. Подперев самые шаткие стены бревнами, он выкрасил внутренность помещения купленной по дешевке темно-зеленой масляной краской, и кафе было готово. С тех пор оно ни разу не ремонтировалось, и преподаватели инженерно-строительных дисциплин часто использовали его в качестве наглядного пособия по изучению несущих балочных конструкций.

Немногочисленные лампы, освещавшие зал, были покрыты толстым слоем копоти и пыли, а линолеум на полу протерся до основы и задрался во многих местах, грозя падением неосторожному посетителю. Под столики, – очевидно, из боязни обнаружить там что-нибудь не особенно аппетитное, – уже давно никто не заглядывал; что же касалось туалета, то им рисковали пользоваться только те, кто не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы выйти на улицу.

Иными словами, заведение Джона вряд ли можно было назвать кафе. Строго говоря, оно едва дотягивало до звания забегаловки, однако студентов это не смущало. Для них заведение Джона было своего рода

клубом, в котором без труда можно было удовлетворить свои потребности в холодном пиве, горячей пище и в общении.

Вот почему в студенческом городке не было человека, который не знал бы Джона Р. В свою очередь Джон знал по именам буквально всех – включая первокурсников, чьи имена он выучивал уже к середине первого семестра. Впрочем, имя или прозвище могли выскользнуть из его памяти, однако никогда Джон не забывал, какую пиццу предпочитает тот или иной клиент. В случае с Тоддом и Рурком ему было даже проще, поскольку оба любили пиццу с толстым краешком, с макаронами, сыром и красным перцем.

Задумчиво жуя кусок пиццы, Рурк задумчиво спросил:

– Ты и в самом деле так думаешь?

– Как именно я думаю? И о чем?..

– О «Великом Гэтсби». Ты сказал, что это самый слюнявый роман в истории американской литературы.

Вытерев губы бумажной салфеткой, Тодд отпил пива.

– Конечно! Посуди сам... Ведь этот парень, Гэтсби, богат как Крез, и может получить все, что ни пожелает, но вместо того, чтобы жить по-человечески...

– Все – да не все. Он не может добиться женщины, которую любит.

– Зачем ему вообще понадобилась эта пустоголовая, эгоистичная, нервная дура, которая только и делает, что над ним издевается?

– Но ведь считается, что Дейзи воплощает для Гэтсби все, что нельзя приобрести за деньги.

– Например, респектабельность... – пробормотал Тодд и отправил в рот еще кусок пищи. – Но сам посудите: с его деньжищами ему должно быть абсолютно все равно, принимают его в обществе или нет. Но он решает добиться своего во что бы то ни стало, и в результате ему приходится платить за это по самым высоким ставкам. Совершенство ради совершенства... – Тодд покачал головой. – По-моему, дело того не стоит.

– Гм-м... – В целом Рурк был согласен с приятелем, хотя кое-какие возражения у него имелись. Некоторое время они обсуждали «Великого Гэтсби» в частности и творчество Фицджеральда вообще; потом разговор коснулся их собственных литературных амбиций.

– Как продвигается твоя рукопись? – спросил Рурк.

Целью жизни для каждого из приятелей был роман в семьдесят тысяч слов минимум. Для них он был даже важнее, чем успешное окончание университета. Увы, между ними и их мечтой непреодолимой преградой стоял профессор Хедли – страх и ужас каждого студента, отдавшего предпочтение словесности.

Тодд нахмурился.

– Проф меня достал! Ему, видишь ли, не нравится, как у меня выписаны персонажи! Он назвал их картонными фигурками. Отсутствие глубины, яркости, оригинальности, и все такое прочее... Надоело!..

– Насколько мне известно, он всем так говорит.

– И тебе тоже?

– Я еще не получил свой отзыв, – ответил Рурк. – Профессор Хедли вызвал меня к себе во вторник, в восемь часов утра. Чувствую, он меня разгромит в пух и прах! Мне повезет, если проф сжалится и оставит меня в живых.

Рурк и Тодд познакомились на семинаре по композиции, куда они записались сразу после поступления в университет. Вел семинар студент последнего курса, который, как вскоре решили приятели, был не способен отличить собственный член от обособленного деепричастного оборота. Всего через месяц занятий он велел всем участникам семинара подготовить пятистраничное эссе о «Посвящениях» Джона Донна*.¹ Разбирая работы, ведущий семинара внезапно заговорил с Рурком надменным «учительским» тоном, на который, строго говоря, не имел никакого права, так как официальным руководителем семинара числился профессор Хиггинс.

«Я вижу, вы не особенно хорошо знакомы с исследуемым текстом, иначе бы вы непременно обратили внимание на фразу: „По ком звонят колокола“», – сказал студент.

«Простите, сэр, – с невинным видом вмешался Тодд, предварительно подняв руку, как на занятиях в школе. – Разве там не сказано: „По ком звонит колокол“?»

С полувзгляда узнав родственную душу, Рурк первым подошел к Тодду после занятий. В тот день

¹ Джон Донн (1572–1631) – английский поэт и проповедник

и родилась их дружба. Через неделю они решили поселиться вместе в одной комнате, для чего им пришлось провести переговоры со своими соседями, с которыми их поселили при поступлении.

Любовь к книгам и желание писать и были тем фундаментом, на который опирались их отношения. Оба мечтали написать Великий Американский Роман. Лишь год спустя в их дружбе появились первые трещины. Когда же приятели их обнаружили, поправить что-либо и предотвратить обвал всего здания было уже нельзя.

В годы учебы в университете Рурк и Годд прилично успевали по всем предметам, однако наибольших успехов они достигли в дисциплинах, связанных с литературой. Оба любили спорт и показали себя неплохими спортсменами, играя в футбол и баскетбол, и хотя порой приятели принимались соперничать между собой прямо на площадке, команде это только шло на пользу.

Благодаря своей общественной активности оба пользовались в студенческом городке самой широкой известностью. Тогда даже выбрали в студенческий совет университета, а Рурк организовал бесплатную общественную столовую для малообеспеченных студентов. Время от времени оба писали информационные и критические статьи для студенческой газеты.

После одной из таких статей Рурка вызвал к себе декан колледжа журналистики. Работы Рурка ему

очень понравились, и он предложил молодому человеку оставить литературу и подумать о карьере репортера. Но Рурк отказался. Литература с большой буквы была его первой и единственной любовью.

О своем разговоре с деканом Рурк рассказывать Тодду не стал. Он, однако, от души радовался, когда приятель занял первое место в общенациональном студенческом конкурсе художественной прозы. Сам Рурк, разумеется, тоже принял в нем участие, однако его работа не удостоилась даже упоминания в итоговом отчете. Он был уязвлен, зависть снедала его, но Рурк сумел скрыть свои чувства.

В свободное же время оба они, как и большинство студентов, веселились и пьянствовали с друзьями и соседями по общежитию. За годы учебы каждый из них выпил столько пива, что по нему можно было кататься на лодке. Время от времени они выкуривали по сигаретке с марихуаной, однако ни тот, ни другой так и не увлеклись «травкой» и никогда не пробовали «серьезных» наркотиков. Они вместе страдали похмельем, одалживали друг другу одежду и деньги в период временных финансовых трудностей, вместе готовились к занятиям, а когда Рурк подхватил грипп и лежал в жару, именно Тодд отвез заболевшего приятеля в университетскую клинику, где ему оказали первую помощь.

Потом у Тодда умер отец, и Рурк получил возможность отплатить приятелю добром за добро. Он сам повез Тодда домой через границы двух штатов и

остался с ним на неделю, чтобы помочь организовать похороны и морально поддержать приятеля.

Не обходилось, правда, и без ссор. Однажды Рурк въехал на машине Тодда в пожарный гидрант и помял задний бампер. Несколько раз Тодд интересовался, когда его друг собирается возместить ущерб. Рурк реагировал на эти вопросы весьма болезненно – у него как раз были трудности с деньгами.

«Отстанешь ты наконец от меня со своим бампером?» – в сердцах бросил он однажды, когда Тодд снова спросил его о предполагаемых сроках ремонта.

«Почини бампер – тогда отстану!» – заявил Тодд, который в тот день тоже был не в лучшем настроении.

«Да засунь ты его себе в задницу!...»

Этот эмоциональный обмен репликами продолжался еще минут пятнадцать. Насколько приятели помнили, это была едва ли не самая серьезная ссора за все годы их дружбы. Как бы там ни было, на следующий день после нее Рурк занял в кассе взаимопомощи студенческой общины необходимую сумму и отогнал помятую машину в ремонт. Вопрос таким образом был закрыт, и Тодд больше никогда к нему не возвращался.

В следующий раз они поссорились из-за пропавшей книги Патрика Конроя.

Рурк специально ездил в Нэшвилл и отстоял два часа в очереди, чтобы своими глазами увидеть знаменитого романиста и получить от него подписанный экземпляр нашумевшей книги «Большой Сантини». Конрой очень нравился Рурку, он даже считал его лучшим из всех

современных писателей. А Конрой, узнав, что Рурк сам пробует писать, пожелал ему всяческих успехов на избранном поприще, что и нашло отражение в дарственной надписи на книге. Неудивительно, что Рурк берег книгу пуще глаза и считал ее своим самым большим сокровищем.

Но Тодд все-таки выпросил роман почитать. Он клятвенно заверил друга, что будет предельно аккуратен и вернет книгу, как только прочтет. Тодд божился, что положил книгу на место. Но книга исчезла бесследно. Рурк перерыл всю комнату, но так ее и не нашел.

Что случилось с надписанным экземпляром романа, так и осталось тайной. В конце концов приятели даже перестали из-за него препираться, но с тех пор Рурк никогда не одалживал книг приятелю, а Тодд в свою очередь его об этом не просил.

Наделенные привлекательной внешностью, Рурк и Тодд пользовались вниманием противоположного пола и никогда не испытывали недостатка в подругах. В их жизни девушки занимали одно из самых важных мест. Когда они не говорили о книгах, то в девяноста случаях из ста речь шла именно о женщинах, и если одному из них везло и подруга соглашалась остаться на ночь, другой без возражений отправлялся просить временного пристанища к соседям.

Однажды утром, после того как очередная гостя прошла «тропой стыда» (сначала по коридору, потом через вестибюль и на выход) и исчезла за дверями

общежития, Тодд странно посмотрел на Рурка и спросил:

– Она была не особенно хороша?

– Вчера ты рассматривал ее через доньшко пивного стакана, – улыбнулся Рурк.

– Согласен. – Тодд криво улыбнулся, потом вздохнул и добавил:

– Но что нехорошо глазам может оказаться вполне приличным на ощупь.

О женщинах они говорили много и бесстыдно, нисколько не стесняясь друг друга. Серьезные отношения их не привлекали. Только Рурк – и только один раз – был близок к тому, чтобы завязать роман, но из этого так и не вышло ничего путного.

Он встретил Кэти, когда была его очередь дежурить в общественной столовой. Кэти вызвалась ему помочь. У нее была очень приятная улыбка и гибкое, спортивное тело. Кроме того, она была умна, прекрасно училась и была способна поддерживать разговор практически на любую тему. Наделенная редким чувством юмора, Кэти смеялась над его шутками и шутила сама, однако главное ее достоинство заключалось в том, что она умела слушать и слушала очень внимательно, становясь серьезной каждый раз, когда речь заходила о действительно важных проблемах. В довершение всего она научила Рурка играть на пианино «Барабанные палочки» (одним пальцем), а он убедил ее прочесть «Гроздь гнева».

Целовалась Кэти самозабвенно и страстно,

но дальше этого дело никогда не заходило. Вскоре выяснилось, что она воспитывалась в католической семье и строго придерживалась правил и установлений, вбитых ей в голову набожным отцом, приходским священником, и всем укладом маленького провинциального городка, из которого она была родом. Как Кэти однажды объяснила Рурку, она ляжет в постель только с человеком, про которого будет твердо знать: они поженятся и проживут вместе до конца жизни.

Рурк не мог не уважать ее принципов, но его разочарование было слишком глубоким.

Как-то вечером Кэти позвонила ему в общежитие и сказала, что только что дочитала «Гроздь гнева» и хотела бы встретиться, если он не занят. Рурк заехал за ней, и они отправились кататься на машине, а потом остановились на окраине университетского парка.

Кэти понравился роман. Может быть, поэтому ее поцелуи в тот день были особенно страстными. В конце концов она даже задрала свитер и положила его ладонь на свою обнаженную грудь. И если, лаская ее и чувствуя, как она откликается на его прикосновения, Рурк не испытал полного сексуального удовлетворения, этот опыт был, без сомнения, самым значительным в его жизни. Он был достаточно умен, чтобы понять: Кэти пожертвовала ради него чем-то очень дорогим и важным.

Это заставило его задуматься, уж не влюбился ли он всерьез.

А через неделю Кэти его бросила. Заливаясь слезами, она сообщила ему, что собирается возобновить отношения с юношей, которого любила (платонически) еще в средней школе.

Рурк был застигнут врасплох и не на шутку разозлился.

– Можно мне хотя бы спросить, почему ты так решила? – сердито поинтересовался он.

– Все очень просто, – ответила Кэти, хлюпая носом. – Когда-нибудь ты будешь знаменит, Рурк. Я это точно знаю. А я... Я простая девчонка из провинциального городка в Теннесси. После университета я пару лет буду преподавать в начальной школе, потом выйду замуж, рожу ребенка и, может быть, даже стану председателем ассоциации родителей и учителей.

– Но в этом нет ничего плохого! – удивился Рурк.

– Конечно, ничего плохого нет, – ответила Кэти. – Просто я хотела, чтобы ты знал, что меня ждет. Больше того, мне это нравится... Во всяком случае, именно такой жизнью я хотела бы жить. Но все дело в том, что тебе это не подходит.

– Но зачем заглядывать так далеко вперед? – возразил Рурк. – Почему не отложить важные решения на то время, когда действительно придется что-то решать? А пока это время не настало, мы могли бы встречаться и проводить время вместе. И потом, кто знает, как сложатся наши судьбы? Я ведь могу и не стать великим и знаменитым!

– Если мы будем продолжать встречаться, – тихо

сказала Кэти, – я не выдержу и пересплю с тобой.

– Ну и что тут такого ужасного?

– Ничего ужасного, конечно, нет. Напротив, это было бы... Не договорив, она поцеловала его со сдержанной страстью, которую он привык ощущать в ней.

– Это было бы чудесно, – продолжила она, отдышавшись. – И мне очень, очень этого хочется, но я поклялась, что останусь девственницей до брака. И я не могу нарушить слово, поэтому я больше не могу с тобой встречаться.

Рурк не мог понять этого. Доводы Кэти казались ему глупыми, однако разубедить ее он так и не сумел. На протяжении нескольких недель Рурк был подавлен и болезненно реагировал даже на самые невинные реплики. Тодд, поняв, что готовый расцвести роман друга внезапно увял и засох, старался не докучать приятелю, однако в конце концов он решил, что надо вмешаться.

– Послушай, – сказал он Рурку, – будь мужчиной и возьми себя в руки. Что ты ходишь как в воду опущенный? Разве ты не знаешь, что лучшее лекарство от женщины – другая женщина?

Рурк, конечно, сорвался и наорал на приятеля, однако Тодду все же удалось убедить его в том, что предложенный им выход – единственно правильный. Рурк еще упирался, но Тодд практически силком вытащил его из комнаты и повел к «Джону». В тот вечер оба напились до чертиков и переспали с какими-то девчонками, чьих лиц наутро никак не могли

припомнить.

Рурк так и не излечился от своей любви к Кэти, однако «взять себя в руки» ему в конце концов удалось – главным образом потому, что другого выхода у него просто не было. Много раз после этого он вспоминал ее слова и убеждался, насколько она была права. Правда, Рурк еще не достиг известности, однако все остальные предсказания Кэти сбылись с поразительной точностью. Она перестала встречаться с ним, а в конце семестра неожиданно перевелась в колледж, находившийся в Теннесси в нескольких милях от городка, где учился ее школьный приятель. В прощальном письме Рурк совершенно искренне пожелал Кэти всего самого лучшего. Она в ответ прислала ему совсем коротенькую открыточку, в которой обещала, что будет всегда следить за его успехами.

«Как только твоя книжка выйдет, – писала Кэти, – я куплю сразу полсотни экземпляров, раздам подругам и стану хвастаться, что когда-то я встречалась со знаменитым Рурком Слейдом». После ее отъезда Рурк с легкостью вернулся к жизни, которую они с Тоддом вели до того, – к жизни, в которой женщины занимали второе место после литературных занятий. И в ту ненастную осеннюю субботу, когда оба сидели за столиком в кафе «У Джона», именно девушке суждено было положить конец их разговору о жестоких и несправедливых придирах профессора Хедли. Рурк как раз советовал приятелю «наплевать и забыть», когда Тодд, сидевший лицом ко входу, внезапно поднял

голову и сказал:

– Ты говоришь – это только его мнение... Что касается меня, то я совершенно уверен: та, что с краю, – настоящая красотка.

Быстро обернувшись через плечо, Рурк спросил.

– С какого краю?

– Ты что, ослеп? Я имею в виду ту, у которой кофточка сейчас лопнет.

– Действительно, она – ничего себе... – согласился Рурк Тодд улыбнулся девушке, и она улыбнулась в ответ.

– Привет, Кристи, – громко поздоровался Рурк.

– А, это ты?! Привет! – Кристи так сильно растягивала гласные на южный манер, что казалось – вместо четырех слов она сказала по меньшей мере десять. – Как дела?

– Отлично. А у тебя?

– Лучше и быть не может.

Когда Рурк снова повернулся к Тодду, тот полголоса бормотал ругательства в свой бокал с пивом.

– Сукин сын! Почему ты сразу мне не сказал?!

В ответ Рурк только улыбнулся и отхлебнул пива. Тодд продолжал с вождением разглядывать Кристи.

– Какие ляжки! Какие буфера! Редкостная красотка. Слушай, я что-то не помню – разве ты с ней встречался? Когда?..

– Я с ней не встречался.

– Значит, она тебе никто? Просто знакомая? – продолжал допытываться Тодд.

– Что-то вроде того.

– Так я и поверил! – фыркнул Тодд. – Неужели ты ни разу на нее не залез?

– Я...

– А ну-ка, признавайся!

– Нет, мы никогда не спали вместе. Просто целовались на одной вечеринке. Честно сказать, тогда мы оба были здорово пьяны.

Тем временем Кристи и ее спутница остановились возле стола для пула. Рурк и Тодд надменно презирали эту примитивную разновидность бильярда, но сейчас оба ревниво следили за девушками. Вот Кристи, неумело сжав кий, низко наклонилась над столом. При этом в вырезе ее тонкой кофточки Тодду открылся такой вид, что он не выдержал и заскрипел зубами.

– Черт, ну и топография!..

– Подбери-ка слюни, дружище, – одернул его Рурк. – Не позорься.

Поднявшись из-за стола, он подошел к хохочущей группе игроков. Не обращая внимания на устремленные на него недовольные взгляды, Рурк взял Кристи под локоть и повел к их столику. Придвигая ей стул, он сказал:

– Познакомься, Кристи, это Тодд, мой близкий друг. Мы живем в одной комнате. Тодд, это Кристи.

– Привет, Кристи, рад познакомиться. Хочешь пива? – Тодд вежливо привстал.

– С удовольствием, – ответила Кристи, и Тодд махнул рукой Джону, давая ему знак принести

очередную порцию пива и еще один бокал.

– Как насчет пиццы?

– Нет, спасибо.

Дождавшись, пока Тодд наполнит бокалы, Рурк сказал:

– Слушай, Кристи, мне очень жаль, но я должен бежать. Ты не против, если я оставлю тебя с Тоддом? Честное слово – он совершенно безвредный!

Кристи обиженно надула губки, и Рурк невольно подумал, что если бы сейчас кто-то сфотографировал ее для рекламы помады «Л'Ореаль», успех товару был бы обеспечен.

– Но ведь сегодня суббота! – капризно возразила она. – Куда ты идешь?

– Меня ждут Гэтсби, Дейзи и вся шайка-лейка, – нашелся Рурк. – Извини, но мне действительно нужно идти. – Он кивнул в сторону приятеля:

– А если он будет плохо себя вести, скажи мне, и я его взгрею.

Кристи игриво поглядела на Тодда:

– Думаю, я сама отлично с ним справлюсь.

– Нисколько не сомневаюсь, – вставил свое слово Тодд. – Можешь начать прямо сейчас.

Залпом допив пиво, Рурк оставил их наедине. Лишь через несколько часов он вернулся в общежитие и деликатно постучал в дверь их с Тоддом комнаты.

– Кто там? – раздался в ответ голос приятеля.

– Можно войти?

– Валяй.

Тодд был один. Он валялся на своей подвесной койке, свесив босую ногу вниз. Пьян он был изрядно, однако все же ухитрился пробормотать:

– Спасибо, Ру... Рурк, ты настоящий друг. Где ты был все это время?..

– В библиотеке.

– Ну и как Гэтсби?

– Отлично. Кристи давно ушла?

– Минут десять назад. Ты точно рассчитал время.

– С тебя пиво, старина, учти.

– Учту. Кстати, Кристи спрашивала, кто они – эти твои друзья.

– Какие друзья?

– Я спросил то же самое, и представляешь, что она ответила? «Те, к которым он пошел».

– Ты что, шутишь?

– Клянусь, нет! Я абсолютно уверен – она понятия не имеет, что существует «Великий Гэтсби». Впрочем, какая разница?! Вот трахается твоя Кристи так, словно сама изобрела секс.

Подойдя к окну, Рурк не без труда распахнул перекосившиеся створки.

– То-то я смотрю, здесь пахнет, как в конюшне.

– Кстати, пока тебя не было, звонил твой любимый профессор.

– Хедли?

– Он самый. Проф просил тебе передать, что в восемь утра он занят и ваша встреча переносится на девять.

– Что ж, мне же лучше – не нужно будет вскакивать ни свет ни заря.

Тодд широко зевнул и повернулся к стенке.

– Еще раз спасибо за Кристи, – пробормотал он. – Давно я так не трахался... Спокойной ночи, старина.

5

После совещания, на котором им с Ноем пришлось присутствовать, Марис поехала домой одна. Войдя в подъезд, она остановилась у почтового ящика, чтобы забрать почту, и вдруг почувствовала сильнейшее желание спросить у консьержа, не обратил ли он внимания, когда Ной вернулся домой. Она, однако, никак не могла придумать, в какой форме задать этот щекотливый вопрос, чтобы не поставить себя и мужа в неловкое положение.

Через полчаса из ближайшего ресторана доставили тайский ужин. Машинально жуя каких-то моллюсков в остром соусе, Марис бегло просмотрела принесенную с собой рукопись и, отметив места, которые автору следовало переработать, отложила в сторону для отправки ведущему редактору. Затем она в последний раз перелистала свое расписание и убедилась, что, перекраивая его по-новому, не пропустила ни одной встречи, ни одной важной конференции, которую следовало перенести на будущую неделю. Расписание было в полном порядке, но Марис все же подумала, что, учитывая упрямый характер П.М.Э., четырех дней, которые она отвела на поездку в Джорджию, может ей не хватить. Ведь П.М.Э. даже не подозревал, что она собирается к нему в гости!..

Марис, однако, была совершенно уверена, что она должна действовать агрессивно, напористо, опережая события и

не давая противнику опомниться. Даже простое соблюдение приличий могло бы поставить ее в заведомо проигрышное положение. Да, решила Марис, она поедет в Джорджию и встретится с ним вне зависимости от того, хочет он этого или нет.

И все же она до последнего тянула, откладывая неприятную обязанность позвонить П.М.Э. и уведомить его о своем приезде.

В конце концов Марис с тяжелым вздохом придвинула к себе аппарат, набрала номер, зарегистрированный ее определителем накануне ночью. Трубку взяли на пятом гудке.

– Алло?

– Говорит Марис Мадерли-Рид.

– Господи Иисусе!..

– Не «Господи Иисусе», а Марис Мадерли-Рид, – жестко повторила она.

На это П.М.Э. не сказал ничего, хотя она и ожидала какой-нибудь грубой реплики. Впрочем, его молчание было весьма красноречивым.

– Я подумала... – начала Марис и осеклась. Не так! Нельзя давать ему ни одной лазейки, ни одного повода для отказа. – Я решила приехать на Санта-Анну, чтобы лично встретиться с вами, – заявила она.

– Простите, что вы сказали?

– Я, кажется, говорю по-английски, а не по-китайски, – не без злорадства парировала Марис. – Или вы плохо слышите?

В трубке послышался какой-то странный звук, который при желании можно было принять за сдавленный смешок.

– Два – ноль в вашу пользу, – проговорил наконец П.М.Э. – Вы сегодня в ударе, миссис Мадерли-Рид.

– Приятно, что вы меня оценили.

– Значит, вы решили приехать на Санта-Анну? – повторил он, не скрывая насмешки.

– Я решила и приеду.

– Должен сразу вас предупредить, мэм, вам здесь может не понравиться. Такие люди, как вы...

– Такие люди, как я?..

– ...Такие люди, как вы, обычно отдыхают в более цивилизованной обстановке. Взять хотя бы такие острова, как Хилтонхед, Сент-Саймон, Амелия-Айленд...

– Я еду на Санта-Анну не отдыхать.

– А зачем же?

– Я хочу поговорить с вами...

– О чем? Я, кажется, вам уже все сказал.

– ...Поговорить с вами один на один.

– О чем же мы будем говорить? О флоре и фауне морского побережья Джорджии?

– Мы будем говорить о вашей книге, мистер.

– Я не собираюсь ее продавать, мэм. Я вам уже сказал. Если вы забыли, могу повторить...

– Вы сказали, что у вас нет никакой книги – что вы ее еще не написали. Какое же утверждение истинно?

Марис почувствовала, что поймала его. Очередная долгая пауза свидетельствовала, что и П.М.Э. тоже это понял.

– Я буду у вас завтра вечером, – добавила Марис, спеша закрепить успех.

– Ваши деньги – вам и решать, как их потратить, – отозвался П.М.Э., впрочем, уже не так уверенно.

– Не могли бы вы посоветовать мне, в каком отеле... – В трубке раздались короткие гудки, и Марис, быстро нажав на рычаг, набрала номер еще раз.

– Алло? Это опять вы?..

– Я хотела только спросить, какой отель в Саванне вы могли бы мне порекомендовать.

– Отель «Гребаная стерва»!.. Это как раз по вашему характеру. – П.М.Э. снова бросил трубку, но Марис только рассмеелась. Как справедливо заметил ее отец, П.М.Э. возражал и возмущался излишне громко. Кроме того, он не знал Марис – не знал, что чем больше он будет артачиться, тем крепче станет ее решимость приехать и встретиться с ним.

Уложив на диван дорожную сумку, она начала собирать вещи в дорогу, когда телефон неожиданно зазвонил. Марис была совершенно уверена, что это звонит ее таинственный автор, успевший за этот короткий промежуток времени изобрести тысяча и одну причину, по которой ее приезд стал бы неудобен или невозможен. Приготовившись отразить его запоздалую атаку, она взяла трубку и сказала самым приветливым тоном:

– Я слушаю...

Но это оказался вовсе не П.М.Э. Мужской голос, звучащий с явным бруклинским акцентом, спросил Ноя.

– Его сейчас нет.

– Ла-адно, – озадаченно протянул мужчина. – Я только хотел спросить, что делать с ключом.

– С ключом? – удивилась Марис. – С каким ключом?!

– Вообще-то, мой рабочий день уже закончился, но тут дело такое... Видите ли, мистер Рид дал мне двадцатку сверху, чтобы я непременно доставил ему ключ сегодня. Ведь вы – его жена, верно?..

– Да, то есть... А вы уверены, что вы звоните тому мистеру Риду? Моего мужа зовут Ной, Ной Рид...

– Он самый и есть! – заверил ее голос в трубке. – Он еще книжками занимается, и всяким таким...

– Да, – медленно сказала Марис. – Это мой муж. Но я все равно не понимаю...

– Сейчас все объясню, хозяйка. Так вот, ваш муженек дал мне адрес в Челси и сказал...

– Какой адрес?! – перебила Марис, и мужчина назвал ей адрес дома на 22-й улице в Вест-Энде.

– Квартира 3-Б, хозяйка... Мистер Рид просил меня срочно поменять замок на двери, потому как он перевез туда кое-какие вещи. Я все сделал, только вчера я забыл отдать ему второй ключ, а он сказано, что ему обязательно нужен еще один комплект. Вот я и пообещал ему, что сегодня подвезу

запасные ключи. – Мужчина откашлялся. – Короче-то говоря, я приехал, но квартира-то заперта, а управляющий домом куда-то отлучился. Правда, на двери висит записка с этим вот номером, только от того, что я вам позвонил, кажется, будет мало толку. Вы поймите меня правильно, хозяйка, не могу же я оставить ключи от квартиры мистера Рида соседям! Люди всякие бывают, мэм, вдруг у него чего-то пропадет?

– А что за вещи перевез в эту квартиру мистер Рид? – спросила Марис, чувствуя, как у нее холодеет в груди.

– Ну, всякие вещи... Мебель и прочее... Вы небось лучше меня знаете, какие вещи бывают в квартирах у богатых парней. Ковры там, картины разные... Я толком их и не рассматривал, хозяйка, потому что меня это не касается. А мистера Рида мне обижать не хочется – ведь он дал мне целых двадцать баксов сверху и попросил...

– Вы уже говорили, – нервно перебила его Марис. – А я дам вам еще столько же, если вы дождетесь меня. Я буду через пятнадцать минут.

Выскочив из дома, Марис бегом преодолела два квартала, отделявшие их дом от ближайшей станции подземки. Такси ловить не имело смысла, поскольку в этот час метро было и быстрее, и надежнее, а Марис не терпелось поскорее увидеть «ковры и разные картины», которые ее супруг перевез в квартиру в Челси, о которой она ничего не знала. Кроме того, она была не прочь выяснить, зачем ему вообще пона-

добилась эта квартира и для кого предназначался запасной ключ.

Плющ, цепляясь за старый кирпич, придавал дому уютный, обжитой вид. По обеим сторонам узкого крыльца цвели в ящиках ухоженные цветы. Ступени крыльца были тщательно выметены и застелены новенькой циновкой. Насколько успела заметить Марис, такими домами, воссоздающими дух старого Нью-Йорка, был в основном и застроен квартал.

Стеклянная дверь подъезда была не заперта. Толкнув ее, Марис оказалась в просторном вестибюле, где дожидался ее слесарь. Это был высокий, грузный мужчина, одетый в рабочий комбинезон цвета хаки, туго натянутый на его огромном животе, выпиравшем вперед на добрых два фута.

– Кто вас впустил? – спросила Марис, коротко поздоровавшись и назвав себя.

– Я все-таки мастер по замкам, – не без самодовольства ответил мужчина и фыркнул. – Только, по правде сказать, парадное-то было не заперто, а ждать снаружи мне показалось жарковато. Ну что, хозяйка, будем дела делать или разговоры разговаривать? – спросил слесарь.

Марис недоуменно посмотрела на него, потом вспомнила о своем обещании заплатить ему двадцать долларов. Протягивая деньги, она попросила мастера дать ей ключ.

– Нужно сперва его проверить, – ответил толстяк, ловко пряча деньги в карман. – Делать ключи совсем не так просто,

как кажется. Лично я никогда не отдаю ключ клиенту, пока не удостоверюсь, что все работает как надо.

– Ну хорошо, – сдалась Марис. – Только давайте скорее, я спешу.

– Лифта нет, – предупредил слесарь. – Придется подниматься пешком.

Марис только кивнула, давая ему знак идти первым.

– Вы могли бы проверить замок, оставить ключ в квартире и захлопнуть дверь, – сказала она. – Почему вы решили позвонить мне?

– Там не собачка, а засов, – пояснил мастер. – Он сам не захлопнется – его обязательно надо запираť ключом. Кроме того, мне это не нужно. Хозяева чего-то недосчитаются, а кто будет виноват? Я буду виноват, и иди потом доказывай, что я ни при чем.

К тому времени, когда они поднялись на третий этаж, толстяк сопел и отдувался, как паровоз. Но вот наконец они остановились перед нужной дверью. Мастер торжественно извлек из кармана ключ, вставил в замочную скважину и повернул.

– Вот пожалуйста! – сказал он, распахивая дверь. – Работает прекрасно!

И он отступил в сторону, пропуская Марис вперед.

– Выключатель на стене справа, как войдете, – предупредил он.

Нашарив выключатель, Марис включила свет.

– Сюрприз! Сюрприз!!!

Этот оглушительный вопль вырвался из глоток не менее пяти десятков людей, которых Марис тотчас же узнала. Открыв от удивления рот, она прижала руки к груди, к отчаянно колотившемуся сердцу.

Отделившись от толпы, Ной шагнул ей навстречу, улыбаясь во весь рот. Обняв Марис, он крепко поцеловал ее в губы.

– Поздравляю тебя с нашей годовщиной, дорогая!

– Но ведь она... До нее еще почти два месяца!

– Я помню, Марис, помню. Просто мне надоело, что каждый раз, когда я готовлю тебе сюрприз, ты ухитряешься узнать о нем заранее. Судя по твоей реакции, на сей раз у меня все получилось как нельзя лучше. – Он поднял голову и, поглядев за спину Марис, добавил:

– Огромное вам спасибо, сэр. Вы прекрасно справились со своей ролью.

– Не за что, мистер Рид, – ответил слесарь, вытаскивая из-под комбинезона подушку. Его бруклинский акцент куда-то пропал; теперь он говорил чистым и звучным голосом чтеца-декламатора.

Ной объяснил Марис, что это был профессиональный актер, специально нанятый, чтобы выманить ее сюда.

– Вы действительно почти убедили меня, что я застану своего мужа с другой женщиной, – сказала ему Марис.

– Поздравляю вас с годовщиной свадьбы, миссис Рид, желаю здоровья и счастья, – ответил довольный актер. Он це-

ремонно поклонился ей и поцеловал руку.

– Не уходите! – воскликнула Марис, заметив, что актер собирается спуститься по лестнице. – Побудьте с нами немножго. Я... мы вас приглашаем!

В конце концов его все же уговорили. Он отправился в большую комнату, где был организован шведский стол, а Марис спросила Ноя:

– Ты не против, дорогой?

– Если ты не против, тогда и я за, – ответил он серьезно. – Главное, чтобы тебе понравился праздник.

– Мне он очень нравится, но... Чья это все-таки квартира?

– Моя. Тут мистер слесарь сказал чистую правду.

– Действительно твоя?

– А ты думала – чья?

– Я... я не знаю.

– Вот что. Марис. Пойдем лучше выпьем шампанского.

– Но дорогой...

– Я тебе все объясню позже, обещаю.

Они выпили по бокалу искристой и очень холодной шампанского, и Ной провел Марис по комнатам, чтобы она могла поздороваться со всеми. Здесь были в основном члены редакционного совета издательского дома «Мадерли-пресс» и некоторые начальники отделов. Многие говорили Марис, как трудно им было хранить тайну, а одна из редакторш призналась, что чуть было не спросила ее, что она собирается надеть.

– Ной убил бы меня, если бы я проболталась, – закончила она.

– Что ж, зато я бы знала, что, когда идешь ловить с поличным мужа-изменника, надо одеться получше, – пошутила Марис. – Признаться, мне очень неловко, что в такой день я оказалась перед всеми в таком виде – костюм помят, волосы взъерошены, физиономия блестит...

– Я бы многое отдала, чтобы всегда выглядеть, как ты сейчас, – заметила редакторша.

Кроме сотрудников издательства, среди гостей было двое нью-йоркских писателей, с которыми Марис работала, а также несколько ее близких подруг, не имевших никакого отношения к книгоизданию – врач-анестезиолог с мужем, преподававшим химию в университете Нью-Йорка, директор-распорядитель крупного банка и кинопродюсер, снимавшая захватывающий сериал по одной из книг издательства.

Внезапно толпа раздалась в стороны, и Марис увидела отца. Дэниэл сидел, положив руку на золотой набалдашник трости. В другой руке он держал бокал шампанского.

– Папа!.. – в изумлении воскликнула Марис.

– Поздравляю с годовщиной, дочка! – ответил Дэниэл, слегка приподнимая бокал в приветственном жесте. – Как говорится, лучше раньше, чем позже!

– Не могу поверить, что ты тоже участвовал в этом... в этом заговоре! – воскликнула Марис, обнимая отца и целуя в сморщенную щеку, на которой играл легкий румянец, вы-

званный духотой и шампанским. – Ведь мы виделись только сегодня утром... но ты ни словечка мне не сказал!

– Это было нелегко, поверь, особенно если учесть, о чем мы с тобой говорили. – Дэниэл заговорщически подмигнул, и Марис сразу вспомнила о своих сомнениях и тревогах. Почувствовав, что тоже краснеет, Марис сказала негромко:

– Теперь я понимаю, почему в последнее время Ной казался мне таким рассеянным. Ну как можно быть такой душой?!

– Ты вовсе не дура, – ответил отец, сурово хмуря брови. – Глупо поступает как раз тот, кто не обращает внимания на тревожные симптомы.

Марис еще раз быстро поцеловала его и снова отправилась общаться с гостями. Ной не только устроил ей настоящий сюрприз, но и организовал блестящую вечеринку. Он пригласил людей, которые были ей приятны, а угощение заказал в ее любимом ресторане. Шампанское лилось рекой и было очень холодным – именно таким, как любила Марис. Музыкальные записи были подобраны по ее вкусу. Гости долго не расходились. Но вот наступил час, когда последняя пара ушла. Дэниэл уехал позже всех.

– У возраста есть свои преимущества, – заметил он, прощаясь с Марис и Ноем у дверей. – Их, конечно, не много, но только пожилой человек может позволить себе пить шампанское и засиживаться в гостях до поздней ночи, зная, что завтра ему куда идти не надо и он может как следует вы-

спаться.

В ответ Марис крепко обняла отца.

– Я люблю тебя, папа! – воскликнула она. – Мне казалось, я давно тебя знаю, а оказывается... Чуть не каждый день я узнаю о тебе что-нибудь новое!

– Что, например?

– Например, сегодня я узнала, что ты чертовски здорово умеешь хранить секреты.

– Постарайтесь обойтись без выражений, юная леди, иначе я велю Максине промыть вам рот с мылом!

– Что ж, это будет не в первый раз! – рассмеялась Марис. Снова обняв отца, она спросила, сумеет ли он самостоятельно спуститься по лестнице.

– Но ведь сюда-то я поднялся? – с упреком ответил Дэниэл, и Марис смутилась.

– Прости, что я заговорила, но... Пойми меня правильно – ведь я волнуюсь! Конечно, ты сумеешь спуститься сам... – Все же она сделала Ною знак, чтобы он нашел какой-то предлог и проводил Дэниэла хотя бы до площадки первого этажа.

– Машина уже пришла? – спросила она у мужа.

– Конечно, – ответил он. – Я только что проверил.

– Отлично. – Марис снова повернулась к отцу. – Так не забудь, папа: я возьму свой мобильный телефон с собой в Джорджию, и ты можешь звонить мне в любое время. Я уже сказала об этом Максине и теперь говорю тебе...

– Можешь не беспокоиться – Максина будет названивать

тебе по три раза на дню, – проворчал Дэниэл и кивнул зятю:

– Послушай-ка, Ной, выведи меня отсюда, иначе она решит, что мне пора пользоваться памперсами для взрослых.

Взяв Дэниэла под локоть. Ной вышел с ним в коридор.

– Я сейчас вернусь, дорогая, – сказал он Марис, обернувшись через плечо. – Ведь я еще не преподнес тебе главный подарок!

– Как?! – удивилась Марис. – Еще один?!

– Да, еще один. И пожалуйста – потерпи немного и постарайся не шарить по углам, пока меня не будет.

Они ушли, и Марис осталась в квартире одна. Только теперь у нее появилась возможность рассмотреть все как следует. Высокие окна гостиной выходили на крышу соседнего дома, на которой был разбит цветник. Обстановка была довольно милой, хотя и не такой дорогой, как утверждал «слесарь». Правда, на стенах действительно висели картины, пол был застелен пушистым однотонным ковром, а несколько кресел и диван выглядели очень уютно, однако главный упор был сделан на функциональность и удобство, а не на роскошь. Кухня, куда Марис тоже заглянула, показалась ей слишком узкой и маленькой даже по нью-йоркским стандартам. Рядом с гостиной находилась спальня, в которой она уже побывала. Дальше по коридору располагалась еще одна дверь. Марис решила, что это, вероятно, рабочий кабинет. Она уже направлялась туда, когда кто-то схватил ее сзади за талию.

– Я же сказал – сдержи свое любопытство! – сказал Ной и ткнулся носом ей в шею. – Помнишь сказку о Синей Бороде?..

– Конечно, помню, – откликнулась Марис. – Но я вовсе не вынюхивала, даже не собиралась! Когда же ты наконец скажешь мне, для чего тебе эта квартира?

– Всему свое время, Марис, потерпи еще немного.

– А мой подарок – тот, о котором ты говорил, – он находится за этой дверью?

– Возможно. – Ной сдержанно улыбнулся. – Давай-ка посмотрим... – Он подвел ее к закрытой двери и слегка подтолкнул вперед. – Вот теперь можешь открывать.

Это действительно был рабочий кабинет. Маленький, почти квадратный, он казался просторным благодаря огромному, во всю стену, окну. Здесь стояли диван, рабочий стол, удобное вращающееся кресло и книжный шкаф, лишь наполовину заполненный книгами. На столе Марис увидела компьютер, принтер, телефон и факс. Органайзер оцетинился остро заточенными карандашами, рядом с ним лежал желтый блокнот с отрывными листками.

– И что все это значит? – спросила Марис, поворачиваясь к мужу.

Ной положил руки ей на плечи.

– Я знаю, Марис, как ты волновалась из-за того, что я поздно возвращаюсь домой, и благодарен тебе за то, что ты не потребовала у меня отчета, как поступили бы на твоём

месте другие жены.

– Честно говоря... – неуверенно начала Марис. – Да, я волновалась. И не просто волновалась – у меня стали появляться всякие дурацкие... мысли.

– Прости меня, пожалуйста, Марис, но... Я хотел полностью обставить эту квартиру, прежде чем показывать ее тебе. Мне потребовалось несколько недель, чтобы привести все в порядок. А сколько времени я искал подходящую квартиру!.. На это ушло несколько месяцев.

– Подходящую для чего?

Ной улыбнулся.

– Отнюдь не для интимных встреч с посторонними женщинами, как ты, возможно, считала.

Марис опустила взгляд.

– Признаюсь, такие мысли действительно приходили мне в голову.

– Ты имела в виду Надю Шуллер?

– В списке подозреваемых она была на первом месте.

– Кошмар! – воскликнул Ной. – Марис, за кого ты меня держишь?!

Марис тряхнула головой, словно освобождаясь от наваждения.

– Я рада, что мои подозрения оказались беспочвенными.

– Но это, как я понимаю, только половина апельсина...

– Совершенно верно. – Марис улыбнулась. – Если эта квартира предназначалась не для того, чтобы встречаться с

Надей, тогда для чего же она?

Ной опустил голову, и Марис показалось, что он смутился.

– Для... для работы. Я собирался здесь писать.

– Писать? – повторила Марис, не веря своим ушам.

– Да. Это и есть мой подарок к нашей второй годовщине.

Я хочу снова вернуться к этому...

Несколько мгновений Марис стояла, потрясенная, не зная, что сказать. Наконец она опомнилась и бросилась к нему на шею.

– О, Ной, это чудесно, просто чудесно! Но когда... Что заставило тебя вновь взяться за перо? Ведь каждый раз, когда я заговаривала с тобой об этом, ты начинал сердиться или оправдываться. Что же произошло? Впрочем, не важно!.. Главное, ты снова будешь писать. Я счастлива, Ной!

Она крепко расцеловала его, и Ной облегченно рассмеялся.

– Вообще-то радоваться еще рано. Скорее всего, дело закончится грандиозным провалом.

– Ничего подобного! – горячо возразила Марис. – Я никогда не верила, что ты – «автор одной книги», хотя ты почти убедил себя в этом. Человек, способный написать такой замечательный роман, как «Побежденный»...

– Но ведь прошло столько лет, – перебил ее Ной. – Тогда у меня в душе бурлили страсти, а в глазах горел жадный огонь первооткрывателя.

– Возможно, теперь ты стал поспокойнее, но твой талант никуда не делся, – убежденно сказала Марис. – Поверь мне, у меня есть опыт общения с самыми разными авторами, и я знаю, что большой талант – такой, как у тебя, – нельзя истратить, написав одну, даже самую замечательную книгу. По моему глубокому убеждению, настоящий талант вообще не может исчезнуть. Напротив, с годами он только расцветает и становится крепче, как хорошее вино.

– Спасибо на добром слове, Марис, но... Короче говоря, поживем – увидим. – Ной с сомнением покосился на компьютер. – В любом случае можешь не сомневаться – я сделаю все, чтобы проверить твою теорию на практике.

– Надеюсь, ты решил сделать это не только потому, что я постоянно тебя пилила?

– Я очень люблю тебя, Марис, но даже ради тебя – только ради тебя – я бы не смог написать и самого короткого рассказа. Ведь ты сама прекрасно знаешь, что такое писательский труд. Он чем-то сродни самоистязанию, и если у тебя не лежит к этому душа, ты обречен с самого начала. Даже раньше – еще до того, как сядешь за стол и выведешь на бумаге первую строчку. – Ной задумчиво потер подбородок. – Мне самому странно, но меня и вправду тянет писать. А если ты будешь довольна, для меня это будет еще одним, мощным стимулом.

– Я буду не просто довольна – я буду счастлива! – Марис снова обняла его и поцеловала, как не целовала уже давно.

Ной ответил на ее поцелуй с неожиданной страстью. Он сбросил пиджак, и Марис почувствовала, как ее охватывает волнение. Эта квартира была ей незнакома, а она всегда питала слабость к новым местам. Они возбуждали ее. Почему бы не заняться здесь любовью, подумала Марис. Скажем, на диване или на ковре... Или даже на столе – в конце концов, они уже давно взрослые.

Подняв руку, она попыталась справиться с его галстуком, но Ной неожиданно отстранил ее и, сев за стол, включил компьютер.

– Знаешь, мне так хочется поскорее начать! – воскликнул он.

– Сейчас?

Ной повернулся к ней вместе с креслом и улыбнулся глуповато-счастливой улыбкой.

– Ты не возражаешь, дорогая? Я потратил несколько недель, чтобы оборудовать эту игровую комнату, но я еще ни разу не опробовал ее. По правде сказать, еще сегодня утром я кое-что здесь доделывал и едва успел к приходу официантов. Я... У меня есть несколько перспективных мыслей, и я хотел бы занести их в компьютер, пока они не пропали. Словом... можно я немного поработаю?

Он буквально излучал энтузиазм, и Марис попыталась улыбнуться.

– Конечно, можно, – сказала она. – Ведь именно этого я и хотела!.. Как я могу возражать? Работай, иначе я всю жизнь

буду винить себя в том, что из-за меня американская литература лишилась нового шедевра.

Она уже поняла, что на романтическое завершение приятного вечера надеяться нечего, и испытала жгучее разочарование. Но тут же Марис подумала, что жаловаться было бы грешно. Ведь она действительно очень хотела, чтобы Ной вернулся к писательству, и не просто хотела – она сама подталкивала его к этому чуть не с первых дней знакомства и теперь должна была бы радоваться, что ее усилия увенчались успехом.

Но как она ни старалась, никакой радости не чувствовала.

– Хорошо, – сказала она, пряча глаза. – В таком случае ты работай, а я поеду домой. Мне нужно еще уложить вещи.

– Тебе вовсе не обязательно уезжать, – возразил он. – Если хочешь, можешь остаться и... Но Марис покачала головой:

– Боюсь, я буду тебя отвлекать. К тому же у меня действительно есть кое-какие дела.

Ной взял ее за руку и поцеловал ладонь.

– Спасибо, Марис. Как тебе кажется, ты сумеешь сама поймать такси?

– Не говори глупости, конечно, сумею! – Облокотившись о спинку его кресла, Марис наклонилась к нему. – Ты устроил мне замечательный сюрприз, Ной. Спасибо тебе за все, а особенно – за это... – Она кивнула на экран компьютера. – Я буду очень ждать твоего следующего романа. Ведь ты знаешь, что произошло, когда я прочла твою первую книгу!

Они снова поцеловались, и руки Ноя скользнули по ее спине к бедрам. Даже когда Марис выпрямилась, он продолжал с вождением поглаживать ее ягодицы.

– Знаешь, мне тут пришло в голову, не отложить ли начало на завтра... – промурлыкал он, но Марис отрицательно покачала головой и ткнула пальцем в компьютер:

– Твори! А награда тебя найдет...

Через пятнадцать минут после разговора с Марис Ной уже входил в другую квартиру, которая находилась чуть дальше по улице – в полуквартале от его нового рабочего кабинета, которым он не собирался пользоваться. Если точнее, то от двери до двери было ровно семьдесят семь шагов, не считая ступенек. Дверь он открыл своим ключом. Бросив его на столик в небольшой прихожей, Ной заглянул в гостиную и остановился как вкопанный.

– Я решила начать без тебя, – сказала Надя Шуллер.

– Я вижу.

Надя лежала на диване, согнув одну ногу в колене и спустив на пол другую. Светло-розовый шелковый халатик, в который она была одета, распахнулся, под ним не было ничего. Глаза Нади были полузакрыты. Холеная, белая рука с длинными тонкими пальцами ритмично двигалась, сжимая и глядя мягкую плоть между бедрами.

– Я уже готова, так что если хочешь успеть – поспеши.

Подойдя к дивану, Ной наклонился и сжал между пальца-

ми ее напрягшийся сосок. Этого оказалось достаточно, чтобы Надя кончила. Глядя на ее судорожно вздрагивающее тело, Ной продолжал пощипывать ее грудь, пока Надя не выгнулась дугой, выжимая из своего оргазма последнюю каплю наслаждения.

Наконец она обмякла и, сладко потянувшись, поправила под головой мягкую диванную подушку.

– У тебя нет ни капли стыда, Надя.

– Я знаю. Но согласишься – такие вещи, как стыд, целомудрие, скромность, давно устарели. Сейчас в моде удовольствие – любым способом, любой ценой. Разве ты считаешь иначе?

– Отнюдь. – Ной начал поспешно раздеваться. – Кстати, – добавил он, – мой план отлично сработал. Вечеринка имела полный успех. Марис сбита с толку и ничего не подозревает.

– Расскажи-ка поподробнее...

– Все прошло, как я и рассчитывал. В конце концов Марис призналась, что у нее возникли кое-какие подозрения, но теперь...

– А кого она подозревала? – перебила Надя. – Кроме тебя, разумеется...

– Ты не поверишь, но она думала – я изменяю ей с тобой!

Это заявление заставило Надю замурлыкать от удовольствия.

– Но теперь, – продолжал Ной, – когда Марис убедилась, что я решил вернуться к писательству, она успокоится, и я

смогу уходить из дома в любое время дня и ночи, чтобы работать над несуществующей книгой.

– И приходите ко мне?

– Именно. Кроме того, я смогу без помех заниматься нашим с тобой проектом.

– Но Марис – это только часть проблемы, – напомнила Надя. – Как насчет Дэниэла?

– Он стар, Надя. И вот-вот впадет в маразм.

– Тем хуже, – возразила она. – Если он упрется, его уже ничем не сдвинешь. Он и раньше не соглашался продать «Мадерли-пресс», хотя ему предлагали, наверное, уже десятки раз.

Выдернув из брюк ремень, Ной сложил его вдвое и хлестнул Надю по бедрам.

– Не стоит из-за этого беспокоиться, дорогая. «Мадерли-пресс» будет продан, прежде чем Мадерли успеют понять, что к чему. Марис сейчас вообще не до того – она охотится за каким-то новым автором, рукопись которого выкопала в куче издательской макулатуры. Это ее отвлечет, а Дэниэл... Он практически устранился от дел, так что всеми контрактами занимаюсь я. О продаже издательского дома Марис и Дэниэл узнают не раньше, чем об этом напечатают в «Пабблишинг уикли», а тогда изменить что-либо будет уже невозможно. Я стану директором издательства вместо Дэниэла со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями; в частности, мне будет принадлежать десять тысяч ак-

ций «Уорлд Вью», а на банковском счету у меня будет десять миллионов чистыми. По-моему, ради этого стоит постараться.

– А мистер Мадерли и его дочка останутся ни с чем.

– Похоже, что так. Впрочем, меня это мало волнует...

За разговором Ной снял брюки и белье, и Надины глаза слегка расширились при виде его напрягшегося члена.

– Знаешь, – сказала она, – я почти готова позавидовать твоей жене.

– Можешь не завидовать – мы не были вместе уже очень давно.

– Странно. Мне казалось, сегодня вы должны отмечать вторую годовщину свадьбы.

– Марис решила отметить ее по-своему, а я – по-своему.

– Что это значит?

– Это значит, что завтра утром она вылетает в Джорджию – на встречу с этим своим идиотским автором, а я тем временем работаю над книгой.

Рассмеявшись, Надя взяла его член в руки и осторожно погладила.

– Что-что, а инструмент для работы у тебя имеется, – сказала она, не скрывая своего восхищения. – Посвятишь мне одну главу, а? Кроме того, я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне, как вы с Марис трахаетесь.

– Мисс Марис не трахается, она занимается любовью, – бросил Ной и, опустившись на колени, заставил Надю раз-

двинуть ноги.

– Как это мило... – проговорила она.

– Именно это мне в тебе и нравится.

– Говори, пожалуйста, конкретнее. Что именно тебе во мне нравится?

– То, что ты никогда не бываешь милой... – ответил он, бросаясь в атаку.

6

Остров Санта-Анна оказался почти сплошь покрыт лесом, который был гораздо гуще и темнее, чем тот, который рос возле их загородной усадьбы в Беркшире. Таких лесов Марис не видела никогда. Глядя на подступающие к дороге заросли, она невольно вспоминала жутковатые сказки братьев Гримм. Подлесок был практически непроходим, а кроны деревьев нависали низко над дорогой, заслоняя последний свет дня. С нижних ветвей свисали гирлянды седого мха, а в кустах время от времени раздавались шорохи и треск. Эти звуки, несомненно, свидетельствовали о близости каких-то животных. Порой Морис начинало казаться, что там бродит какое-то сказочное чудовище, и она поспешно отворачивалась от зарослей, страшась того, что она может увидеть, если станет вглядываться слишком пристально. Куда спокойнее было смотреть на дорогу и думать о том, что ждет ее в самое ближайшее время.

На Санта-Анну Марис приехала позже, чем рассчитывала. Из-за непогоды над Атлантой рейс до Саванны был отложен на три часа, поэтому когда она наконец зарегистрировалась в отеле и узнала, как попасть на остров, солнце уже опустилось к самому горизонту.

На берег Санта-Анны она высадилась уже в сумерках. Мягкий полумрак обволакивал окружающие предметы, ме-

няя их очертания, и Марис казалось, что вся природа насто-
рожилась и замерла, словно дикий зверь, почуявший при-
ближение человека, но еще не решивший, то ли броситься
на него, то ли отступить незамеченным.

Двигаясь по неровной и узкой дороге в астматически пых-
тящем гольф-каре, Марис чувствовала себя особенно уязви-
мой. Лес вставал глухой, грозной стеной и выглядел так же
неприветливо, как и мужчина в желтой ковбойке, у которого
она взяла напрокат это странное средство передвижения.

Когда, договорившись о цене, Марис спросила, как ей
лучше проехать к дому живущего на острове писателя, муж-
чина в ковбойке грубо спросил:

– А что у вас к нему за дело, мэм?

– Но вы его знаете? – не отступала Марис.

– Конечно, знаю.

– И знаете, где он живет?

– А то как же!

– Тогда объясните, как лучше туда проехать. Я задержа-
лась в пути, и мне не хотелось бы заставлять этого человека
ждать.

Мужчина смерил ее скептическим взглядом.

– Это правда, мэм? Сдается мне, вы что-то перепутали...

Не ответив, Марис развернула грубую карту острова, ко-
торую набросал ей владелец лодки, на которой она приехала
с материка.

– Мы находимся здесь, правильно? – Она показала на кар-

те причал. – Как мне лучше ехать?

– От причала идет только одна дорога, мэ, – насмешливо заметил мужчина.

– Я вижу, – согласилась Марис, изо всех сил стараясь оставаться спокойной. – Но если верить карте, вот в этом месте дорога разделяется... – Она ткнула пальцем в развилку, едва не прорвав ногтем тонкий листок.

– Вы ведь не здешняя, мэ? Я имею в виду – не из Джорджии и вообще не с Юга... Вы приехали откуда-то с Севера, правда?

– Допустим. А какое это имеет значение?..

Мужчина презрительно фыркнул, выплюнул табачную жвачку и, наклонившись к карте, провел треснувшим ногтем по правой дороге.

– Повернете, значит, направо и проедете примерно три четверти мили. Там к главной дороге примыкает другая. Она приведет вас прямо к дому – оттуда его уже будет видно. Ну а если все-таки проедете, то упретесь прямо в Атлантику. – Он ухмыльнулся, и Марис увидела, что нескольких зубов у него не хватает.

Коротко поблагодарив мужчину, Марис взгромоздилась на сиденье гольф-кара и тронулась в путь. «Деловой район» острова был весь сосредоточен у причала, на который она высадилась, и состоял из конторы по найму гольф-каров и бара Терри. Так, во всяком случае, значилось на вывеске, прибитой над затянутой москитной сеткой дверью.

Сам бар представлял собой крытое ржавой жестью покосившееся строение практически круглой формы.

Прямо перед дверью какой-то человек – вероятно, сам хозяин бара – жарил на огромном закопченном мангале бифштексы, время от времени отвлекаясь, чтобы отхлебнуть пива из бутылки с длинным горлышком. Марис он проводил долгим мрачным взглядом, который она чувствовала до тех пор, пока не свернула за поворот дороги.

Дорога была свободна. На ней не было ни машин, ни грузовиков, словно причал и несколько ветхих строений вокруг были последним оплотом цивилизации, и Марис неожиданно почувствовала себя одинокой и слабой. Она, несомненно, чувствовала бы себя значительно бодрее, если бы в доме таинственного П.М.Э. могла рассчитывать на теплый прием, однако надеяться на это не приходилось.

Наконец она почувствовала, как сквозь одуряющий аромат тропической зелени пробивается йодистый запах моря. Сообразив, что берег где-то близко, Марис стала чаще оглядываться, чтобы не пропустить поворот. И все-таки она проскочила его и была вынуждена возвращаться. Не без труда развернувшись, она съехала на примыкающую дорогу, больше похожую на звериную тропу. Гольф-кар подпрыгивал на корнях и ухабах, а ветви деревьев сплетались над головой так плотно, что Марис ехала, словно в каком-то зеленом тоннеле. До ночи было еще далеко, но здесь царил такой плотный мрак, что ей пришлось включить фары.

Лес по-прежнему обступал ее, таинственный, грозный и молчаливый, и Марис начала жалеть, что поспешила переправиться на Санта-Анну. С ее стороны было бы гораздо разумнее не пороть горячку, а остаться в отеле, заказать ужин в номер, а потом забраться в ванну с бокалом вина из мини-бара. Наутро она бы смотрела на мир совсем другими глазами. Быть может, она решила бы вообще не ездить на остров. Можно было бы позвонить П.М.Э. и попытаться убедить его встретиться где-нибудь на нейтральной территории.

Марис уже всерьез задумывалась, уж не вернуться ли ей в Саванну, когда в провале между деревьями неожиданно появился дом, и она сразу обо всем забыла.

Дом околдовал ее с первого взгляда. Он был прекрасен, не правдоподобно прекрасен, но его красота навевала печальные мысли. Особняк над морем был похож и на стареющую кинозвезду, на чье лицо наложили свою печать пролетевшие годы, и на бабушкино свадебное платье с пожелтевшими от времени кружевами, и на увядшую гардению, чьи лепестки почернели и съжились. И все же – в особенности сейчас, при последних отблесках дня, когда наступающая ночь скрывала следы разрушения, – дом был прекрасен и загадочен, как выцветшая акварель, воскрешающая в памяти любимые места и далекие воспоминания детства.

Остановив гольф-кар, Марис зашагала к дому по засыпанной смутно белеющим в темноте ракушечником дорожке, вдоль которой выстроились живописные виргинские дубы.

Вот и ступени веранды... Стараясь подавить в себе желание ступить как можно тише, Марис решительным жестом взялась за старомодное медное кольцо.

– Миссис Мадерли-Рид?

Этот вопрос, заданный совсем негромко, заставил ее вздрогнуть от неожиданности и выпустить дверное кольцо, которое звонко ударилось о медную пластинку. Отступив от двери на шаг, Марис повернулась в ту сторону, откуда раздался голос, и увидела в одном из выходявших на веранду окон бледное худое лицо.

– Значит, вы все-таки приехали... – сказал тот же голос.

– Здравствуйте.

Человек в окне продолжал молча ее разглядывать, и Марис почувствовала себя крайне неловко. Окно было забрано противомоскитной сеткой, и человек в доме видел ее гораздо лучше, чем она его, однако Марис сразу подумала, что зашла слишком далеко, чтобы смущаться и робеть.

– Да, это я, – громко ответила она.

Ей показалось – человек в окне негромко вздохнул.

– В таком случае – входите, – сказал он.

Толкнув тяжелую дверь, выкрашенную темной эмалью, Марис шагнула вперед и оказалась в просторной, слабо освещенной прихожей. В нос ей сразу ударил приятный запах старого дерева, воска и какого-то химического состава – не то скипидара, не то полироли. В следующую секунду сбоку отворилась какая-то дверь, и оттуда, вытирая руки тряпкой,

вышел высокий, немного сутулый человек. Одет он был в защитного цвета шорты до колен и просторную рубашку с закатанными рукавами. И рубашка, и шорты были покрыты какими-то темными пятнами. На ногах у него были стоптанные кроссовки с отрезанными пятками.

Поглядев за спину Марис поверх ее плеча, мужчина спросил:

– Вы приехали одна?

– Да, – ответила она.

– Тогда будьте добры – закройте дверь, а то комары налетят.

– О, простите... – Марис повернулась и закрыла входную дверь.

– Я рад, что на этот раз вы обошлись без помощника шерифа, – сказал мужчина. В его голосе Марис почудился упрек, и она решила, что обязана объясниться.

– Я позвонила в шерифскую службу просто от отчаяния, – начала она. – У меня не было другого выхода. Я только спросила у помощника Харриса, нет ли в его округе человека с инициалами П.М.Э., а он ответил, что не знает такого. Мне и в голову не могло прийти, что он явится к вам и начнет задавать вопросы. Вероятно, я должна извиниться за причиненное беспокойство, хотя я вовсе не хотела...

Мужчина негромко откашлялся. Очевидно, его кашель что-то означал, но Марис так и не поняла, приняты ее извинения или нет. Впрочем, это теперь занимало ее гораздо

меньше. Главное, ее не обругали последними словами и не выставили за дверь, да и П. М. Э. отнюдь не выглядел таким страшным, каким она его себе представляла. Марис казалось – он должен быть моложе и крепче, чем этот довольно пожилой человек, который стоял перед ней, продолжая машинально тереть руки тряпкой. Его тягучий южный акцент никуда не делся, однако сейчас П.М.Э. разговаривал с ней совсем не так энергично и напористо, как по телефону.

Впрочем, и особого дружелюбия он тоже не проявлял, а его голубые глаза разглядывали Марис настороженно и внимательно.

– Признаться по совести, я не знала, какой прием меня ждет, – добавила она, рассчитывая расположить его к себе своей искренностью. – Я боялась, что меня могут даже не впустить в дом...

Вместо ответа П.М.Э. окинул ее таким взглядом, что Марис снова стало не по себе. Она искренне жалела, что не задержалась в Саванне и не привела себя в порядок. Надо было по крайней мере переодеться, подумала она сейчас. Ее летний дорожный костюм был по сезону легким, однако, выбирая его, Марис совершенно упустила из вида, что лето в Нью-Йорке и лето в Джорджии могут так сильно отличаться друг от друга. Теперь же она чувствовала себя так, будто явилась на пляж в пальто. Кроме того, в пути костюм изрядно помялся и вряд ли выглядел пристойно.

– Далеко же вас занесло, миссис Мадерли-Рид!

Это замечание более или менее отражало ее собственные мысли, и Марис оставалось только кивнуть.

– Совершенно с вами согласна, хотя дело даже не в географии, – сказала она. – Если бы не гольф-кары, Санта-Анна вполне могла находиться и в прошлом столетии.

Казалось, эти слова его позабавили.

– Жизнь на нашем острове действительно во многих отношениях примитивна, – сказал он. – Но это сознательный выбор островитян и, смею вас заверить, не самый худший выбор.

Из этого высказывания Марис заключила, что для жителей острова она была «чужеродным элементом» и что преодолеть силы отторжения с помощью даже самых разумных аргументов будет непросто. Стремясь отвлечь его внимание от своей персоны, она огляделась по сторонам.

Большую часть прихожей занимала массивная и довольно крутая лестница на второй этаж. Наверху было темно, и Марис сразу пришли на ум десятки вопросов об истории дома, которая, как и верхняя площадка, скрывалась во мраке. Она понимала, что расспрашивать П.М.Э. сейчас – значит испытывать судьбу, и все же не удержалась и сказала:

– Какой удивительный дом! Вы давно здесь живете?

– Немногим больше года, мэм, – последовал ответ. – Когда я сюда переехал, это был не дом, а развалина.

– Много же вы успели сделать за каких-то двенадцать месяцев!

– А осталось сделать еще больше. Когда вы пришли, я как раз работал в обеденном зале. Не хотите ли взглянуть?..

– С удовольствием.

Он улыбнулся и, повернувшись, скрылся в ту же дверь, из которой вышел. Марис волей-неволей пришлось последовать за ним.

Первым, что бросилось ей в глаза, была массивная бронзовая люстра с хрустальными подвесками. Люстра слегка покачивалась из стороны в сторону, и Марис задумалась, отчего это может быть, поскольку ни малейшего сквозняка она не ощущала.

Перехватив ее взгляд, П.М.Э. сказал:

– Перестройку дома пришлось начать с системы вентиляции. Одно из воздуховодных отверстий находится прямо над люстрой. Воздух, который поступает оттуда, и раскачивает ее... По крайней мере, я предпочитаю думать, что все дело именно в этом.

Он загадочно рассмеялся и шагнул к стене, в которой темнел закопченный камин высотой почти с человеческий рост. Резная деревянная облицовка камина была тщательно очищена от старой краски, отполирована и подготовлена к обработке морилкой и лаком.

– Когда я взялся за эту работу, – пояснил П.М.Э., – я даже не представлял, сколько времени и сил она потребует. Взгляните сами: на этих столбиках было не меньше десяти слоев старой краски, оставшейся от прежних хозяев. Всю краску,

всю грязь пришлось счищать дюйм за дюймом, потом шпаклевать трещины, восстанавливать резьбу в тех местах, где она пострадала... Поверьте, это была поистине каторжная работа! Уж лучше бы я нанял профессионала-реставратора!

Марис подошла к камину и подняла руку, чтобы потрогать гладкое, лоснящееся дерево, но заколебалась и бросила вопросительный взгляд на П.М.Э.:

– Можно?..

Он кивнул, и Марис осторожно провела кончиками пальцев по вырезанным из дерева листьям и цветам.

– Первый владелец дома оставил дневник, в котором подробно описал процесс строительства дома, – сказал П.М.Э. – Облицовку камина, а также перила лестницы вырезал черный раб, которого звали Финеас.

– Мне очень нравится, – честно призналась Марис. – И я уверена, что, когда вы закончите, она будет еще красивее.

– Паркер тоже этого хочет. Он у нас педант.

– Паркер? Кто это?

– Хозяин дома.

Марис опустила руку и повернулась к нему, стараясь не выдать своего изумления.

– А я думала, что хозяин – вы... Он ухмыльнулся.

– Нет, я не хозяин, я здесь только работаю.

– С его стороны это было очень любезно.

– Что именно?

– Предоставить вам возможность творить в таком пре-

красном доме. Должно быть, мистер Паркер – очень щедрый человек.

Несколько секунд мужчина озадаченно разглядывал ее, потом начал хохотать.

– Простите, миссис Мадерли-Рид, но здесь, очевидно, имело место недоразумение. И это целиком моя вина! Вы, конечно, решили, что я и есть Паркер Эванс – человек, к которому вы приехали!

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы осмыслить услышанное, потом она тоже улыбнулась.

– П.М.Э... Паркер М. Эванс...

– Разве вы не знали, как его зовут?

– Нет. – Марис покачала головой. – Он мне не сказал.

– И вы никогда не слышали его имени раньше? Марис задумалась на секунду.

– Насколько я помню – нет. А разве я... Разве мы встречались?

Мужчина шагнул к ней и протянул руку.

– Меня зовут Майкл, Майкл Стротер. Еще раз простите, что не представился. Мне казалось, вы должны были сразу понять, что я – не Паркер.

– Рада познакомиться с вами, мистер Стротер.

– Просто Майкл, если не возражаете.

– Марис. – Она улыбнулась. Майкл Стротер понравился ей с первого взгляда, и Марис недоумевала, как она могла перепутать его с упрямым и раздражительным типом, с ко-

торым разговаривала по телефону. Во всяком случае, глаза у Майкла были спокойные и добрые, хотя Марис чувствовала, что он продолжает внимательно ее разглядывать. Что ж, ничего удивительного в этом не было – Марис не сомневалась, что Паркер Эванс наговорил о ней черт знает чего!

– Вы, вероятно, подрядчик, строитель? – поинтересовалась она.

– Строитель? – удивился Майкл.

– Да. Разве вы не сказали, что ремонтируете дом?

– По моему, нет... Майкл ненадолго задумался. – Просто мне захотелось попробовать свои силы в реставраторском искусстве, – пояснил он после небольшой паузы. – А вообще-то я работаю у Паркера уже довольно давно.

– И в каком качестве, если не секрет?

– В старые времена был такой термин – «прислуга за все». Вот это я и есть. Я и экономайзер, и секретарь, и помощник по хозяйству, и садовник, и повар...

– И реставратор, – добавила Марис.

– И реставратор, – согласился Майкл.

– Ну и как вы находите мистера Паркера? Он строгий хозяин?

Майкл Стротер снова улыбнулся:

– Вы и представить себе не можете!

Марис действительно чувствовала себя так, словно вместо твердого пола у нее под ногами оказалась зыбкая трясины. Все ее представления о том, что за человек – П.М.Э., он же

Паркер Эванс, рушились одно за другим. Правда, она всего лишь разговаривала с ним по телефону, да и то недолго, однако Марис он не показался человеком, способным пользоваться услугами «помощника по хозяйству».

– И все же мне хотелось бы встретиться с ним как можно скорее, – твердо сказала она.

Едва ли не в первый раз за все время Майкл отвел взгляд.

– Его здесь нет, Марис.

Марис отчасти ожидала чего-то в этом роде, однако это не спасло ее от жесточайшего разочарования – едва ли не самого сильного за последнее время.

– Куда же он делся? – спросила она растерянно. – Ведь он знал, что я приеду!

– Разумеется, он знал, – кивнул Майкл. – После вашего разговора он сказал, что вы показались ему, простите, «достаточно упрямой», чтобы приехать даже после того, как он предупредил, что вы только зря потратите время. Но я уверен – не родился еще тот человек, который сумеет переупрямить Паркера. Короче говоря, он решил уехать, чтобы вы не подумали, будто он вас ждет.

– Так он уехал? Куда?!

Решительно подойдя к мужчине в желтой ковбойке, у которого она арендовала гольф-кар, Марис схватила его за пуговицу и прошипела прямо в лицо:

– Почему вы не сказали, что мистера Эванса нет дома?

Мужчина довольно ухмыльнулся:

– Потому что вы соврали, леди. Вы сказали, что он вас ждет...

– А почему вы не сказали, что он здесь, у Терри?

– Вы спрашивали, как проехать к его дому, – я ответил.

Вот если бы вы спросили, как его найти....

Внутри у Марис все кипело, но она считала неразумным тратить свой пыл на этого самодовольного болвана. Уж лучше приберечь гневные слова для мистера Паркера, которому ей было что сказать. Несомненно, он знал, что мужчина в желтой ковбойке послал ее искать ветра в поле, – знал и потешался над ней втихомолку, а может быть, и в кругу своих приятелей-собутыльников. Терри, владелец покосившегося бара, несомненно, тоже был в курсе. Гриль перед дверями его заведения успел остыть, но когда Марис вошла внутрь, он стоял за стойкой, протирая стаканы сомнительной свежести полотенцем.

Крупно шагая по голому бетонному полу и прыгая через лужи какой-то мутной жидкости (Марис от души надеялась, что это было лишь пиво), она обогнула столы для пула и подошла к стойке. Тотчас в баре наступила тишина. Перестали щелкать бильярдные шары, смолкли музыка, звон посуды и разговоры, и только повизгивал, лениво вращаясь под потолком, едва видимый в табачном дыму вентилятор. Марис кожей чувствовала направленные на нее взгляды – в баре вот-вот должно было начаться представление, какого здесь

еще не видывали, – но старалась не подавать вида, что ее это волнует.

Мужчина в желтой ковбойке подошел сзади и встал у стойки на расстоянии нескольких футов от Марис.

Терри издевательски улыбнулся:

– Что угодно мисс с Севера?

– Пиво, пожалуйста.

Ухмылка сбежала с лица бармена – ничего подобного он не ожидал. Впрочем, Терри быстро справился с удивлением и, сунув руку в охладитель, достал бутылку с длинным горлышком. Откупорив ее, он протянул бутылку Марис. Смахнув с горлышка пену, Марис сделала большой глоток прямо из бутылки, потом со стуком поставила посудину на стойку.

– Мне нужен Паркер Эванс, – громко сказала она. – Он здесь?

Облокотившись о стойку, Терри наклонился к ней:

– А кто его спрашивает?

Собравшиеся в баре мужчины одобрительно зашумели и засмеялись. Терри тоже расплылся чуть не до ушей, несомненно, гордясь собственной находчивостью, однако он Марис не интересовал. Повернувшись к залу, она обвела взглядом едва различимые в темноте и табачном дыму лица посетителей.

Посетители – около двух десятков мужчин – откровенно разглядывали ее. В баре была только одна женщина, одетая в коротко обрезанные джинсовые шорты и застиранную до

прозрачности короткую майку, едва скрывавшую ее дряблые груди. В вырезе майки виднелась татуировка – головка кобры с развернутым клубуком. Одну руку женщина запустила в брюки сидевшего рядом кавалера, в пальцах другой дымился окурок гаванской сигары.

Стараясь справиться с волнением, Марис глубоко вздохнула и едва не поперхнулась. Воздух в баре был до того насыщен табачным дымом, запахами пива, горелого масла и мужского пота, что у непривычного человека могла запросто закружиться голова, но Марис постаралась отогнать от себя дурноту.

– Только дети играют в прятки, мистер Эванс! – сказала Марис.

Никто ей не ответил. Двое мужчин, сидевших за ближайшим столиком, заговорщически переглянулись, да какой-то пьянчужка салютовал ей из полумрака пивной бутылкой. Игроки у стола для пула тоже молчали. Они вообще не шевелились, и лишь один из них не спеша натирал мелом кий.

– Покажитесь же, будьте мужчиной! – добавила Марис чуть громче.

Снова никакого ответа. Поняв, что так она ничего не добьется, Марис шагнула к столику, за которым сидело трое мужчин в одинаковых клетчатых рубашках, и внимательно всмотрелась в их лица. Судя по их идиотским ухмылкам, эти трое вряд ли умели читать, не говоря уже о том, чтобы писать стоящую прозу.

– Я приехала специально, чтобы увидеться с вами!

– Как приехали, так и уедете! – Голос, раздавшийся из темного угла, вызвал в публике смешки.

Повернувшись в ту сторону, Марис взгляделась в лицо мужчины, сидевшего в одиночестве. На вид он был ровесником Майкла Стротера. Грубое, красное, обветренное лицо, наполовину скрытое короткой седой бородой, выдавало в нем моряка. На Марис он не смотрел. Взгляд его водянистых, в красных прожилках глаз был устремлен на бокал с какой-то темной жидкостью, который он крепко сжимал за скорузлыми от тяжелого труда пальцами.

– Послушайте, мистер Эванс, я прошу не так уж много!.. Уделите мне десять минут вашего времени. Всего десять минут, мистер Эванс!

– Подойди сюда и встань на четыре точки. Клянусь всеми ветрами, это будут лучшие десять минут в твоей жизни, – прогнусавил старик.

– Это ты хватил, Дуэйн!.. – крикнула женщина с татуировкой. – Я-то знаю, у тебя больше чем на пару минут не встает!

Снова раздался смех, на этот раз гораздо более громкий, а мужчина, в чьих штанах продолжала пребывать правая рука женщины, с размаху вlepил ей звонкий поцелуй.

– Ты права, – заявил он, – но и старина Дуэйн тоже прав. Вы, леди-янки, так и помрете, не узнав, что такое настоящий секс, пока вас не оседлает горячий южный парень.

С мужским шовинизмом Марис сталкивалась не впервые.

Когда ей было семнадцать, ее чуть не каждый день грубо лапали то в автобусе, то в вагонах подземки, так что до сих пор при одном воспоминании об этом у нее по коже бежали мурашки. Если она шла куда-то одна, ей свистели вслед шоферы такси и муниципальные рабочие в оранжевых касках, а сексуально озабоченные типы, которыми кишели нью-йоркские подворотни, буквально атаковали ее своими неприличными предложениями. С возрастом Марис стала относиться к этому спокойнее, но привыкнуть к сальностям так и не смогла. Грубые насмешки посетителей бара подействовали на нее, но совсем не так, как они рассчитывали. Вместо того чтобы стусеваться или испугаться, Марис не на шутку разозлилась.

Не скрывая своего презрения, она сказала:

– Кто бы вы ни были и где бы вы ни были, мистер Эванс, – вы трус. И точно не джентльмен, – добавила она после паузы.

Смех и хихиканье тотчас смолкли. Опустившаяся тишина была тяжелой и холодной, как резиновый фартук, которым Марис в детстве накрывали в рентгеновском кабинете. Любое другое оскорбление было бы встречено новым взрывом хохота, но только не обвинение в трусости и не джентльменстве. Юг крепко держался за свои традиции двухвековой давности.

Марис больше нечего было добавить, поэтому, произнеся свою заключительную реплику, она решительно направилась к выходу. Однако когда она проходила мимо столов для пу-

ла, бильярдный кий, описав в воздухе дугу, опустился перед ней напоподобие шлагбаума и загородил проход. Не успев затормозить, Марис с разгона налетела на него бедром.

Она не упала, хотя силы инерции заставили ее наклониться вперед. Выпрямившись, Марис сжала кий обеими руками и попыталась убрать его с дороги, но не смогла отклонить даже на дюйм. Тогда она повернулась, чтобы взглянуть на того, кто посмел преградить ей путь, и узнала мужчину, который натирал кий мелом.

– Я – Паркер Эванс. Что дальше?

И тут Марис по-настоящему растерялась. Ни дерзкий тон, которым были сказаны эти слова, ни враждебный взгляд глубоко посаженных глаз, в которых отражался красный неон пивной рекламы, не подействовали бы на нее сейчас – в такой она была ярости.

Но кое-что другое подействовало.

Паркер Эванс сидел не на стуле, а в инвалидном кресле на колесах, и его неподвижные ноги были накрыты клетчатым шотландским пледом.

Ядовито-зеленая машина Паркера Эванса была одновременно похожа и на гольф-кар, и на грузовой пикап. Ничего подобного Марис еще никогда не приходилось видеть, поэтому она отнеслась к неизвестному транспортному средству с опаской.

– Я называю его «Крокодилом», – хмуро сказал Паркер Эванс, жестом пригласив ее в кабину.

Марис подчинилась. Она была слишком потрясена тем обстоятельством, что П.М.Э. оказался инвалидом, поэтому безропотно открыла дверцу и села на пассажирское сиденье. На Паркера она старалась не смотреть. Все же краем глаза она видела, как он подтянулся на руках и перебрался за руль, потом приподнял с земли кресло, сложил его и ловко забросил в неглубокий кузов.

Только когда они тронулись, Марис обратила внимание, что «Крокодил» был полностью переделан на ручное управление. И газ, и тормоз включались специальными рычагами, с которыми Паркер управлялся с завидной легкостью, свидетельствующей о длительной практике. Отъехав от бара, он, однако, повернул не к своему дому, а к берегу.

– Я доведу вас до спуска на причал, – сказал он. – Провожать не буду – там слишком круто для моего кресла. Спуститься-то легко, а вот затормозить вовремя... Я либо опро-

кинусь, либо свалюсь в воду. Впрочем, вы, вероятно, считаете, что я этого заслуживаю.

Марис ничего не ответила.

– Даже если я сумею остановиться, назад мне не подняться, – добавил Паркер.

– До причала? – уточнила она.

– До того места, где вы оставили свою лодку, – объяснил Паркер.

– Но у меня нет никакой лодки. Меня переправил сюда за деньги какой-то человек, которого я нашла на том берегу. Он высадил меня и уплыл обратно.

– Почему?

– Я не знала, как долго я здесь пробуду. Мы договорились, что, когда мне нужно будет вернуться, я ему позвоню.

Нахмурившись, Паркер резко дернул рычаг тормоза и остановил «Крокодил». Несомненно, он рассчитывал избавиться от нее и теперь был недоволен, что из этого ничего не вышло. Марис, однако, была уверена, что Паркер постарается придумать какой-нибудь другой способ. Например, он мог задушить ее и сбросить тело с обрыва в море. Руки у него были крепкие, мускулистые, как бывает у многих людей, потерявших способность ходить, и Марис не сомневалась, что эта задача ему вполне по силам.

– Ладно, – сказал Паркер, разворачивая машину. – Можете позвонить от Терри. Хороший катер способен пересечь пролив за десять минут. Надеюсь, номер у вас записан?

– Может быть, мы все-таки поговорим, мистер Эванс? Он снова затормозил и повернулся к ней:

– О чем?

– Послушайте, не надо разыгрывать передо мной комедию! – вспыхнула Марис. – Я приехала сюда за тысячу миль совсем не для того, чтобы...

– Вы сделали это без приглашения – на свой страх и риск.

– Вы пригласили меня, когда прислали мне пролог.

Казалось, этот ответ его удивил. Он даже поднял руки, словно сдавался, однако Марис понимала – схватка только начинается. Паркер не собирался отступить, но и она тоже была упряма. Зная, что открытое столкновение ни к чему хорошему не приведет, Марис попробовала зайти с другой стороны.

– У меня был долгий, тяжелый день, мистер Паркер, и я очень устала, – сказала она примирительным тоном. – И больше всего на свете мне хочется не беседовать с вами, а принять горячую ванну и лечь спать. Но раз уж я здесь, давайте попробуем поговорить спокойно и разумно, как и подобает цивилизованным людям...

Паркер молча сложил руки на груди, и Марис подумала, что, возможно, он дает ей понять, что согласен ее выслушать. Впрочем, возможно, она ошибалась, и этот жест означал что-то вроде «собака лает – ветер носит»...

Как бы там ни было, она решила продолжать.

– Вы прислали нам ваше произведение, – начала Марис. –

Это значит – вы хотели, чтобы его кто-то прочитал. И, возможно, опубликовал. Рукопись попала ко мне, и я ее прочла. Как я уже говорила, пролог мне понравился, и теперь я предлагаю вам напечатать вашу книгу. Вы сказали – кроме пролога, у вас ничего нет, но это не страшно. Мы могли бы работать вместе. Вам придется только писать. Так давайте же обсудим условия, на которых вы согласны с нами сотрудничать. – Она позволила себе насмешливо хмыкнуть. – Или вы по-прежнему утверждаете, что ваша рукопись не продается?

Паркер не ответил. Сидя в прежней позе, он разглядывал ее в упор, и лицо его было совершенно непроницаемым. Марис, во всяком случае, никак не удавалось понять, о чем он думает. Может быть, Паркер обдумывал ее слова, а может быть, он как раз собирался сказать, что хороший пловец может вплавь добраться до противоположного берега, особенно если у него не будет другого выхода. Марис всерьез опасалась последнего, поэтому поспешила добавить:

– Я понимаю, что уже достаточно поздно, чтобы говорить о делах, но я обещаю, что отниму не слишком много вашего времени... Майкл сказал мне, что он...

– Я знаю, что сказал вам Майкл, – он позвонил мне к Терри, как только вы уехали. Он вел себя как последний дурак.

– А на меня он произвел совершенно противоположное впечатление.

– Обычно Майкл действительно ведет себя достаточно разумно – рассудительно, выдержанно, спокойно. Столп бла-

горазумия, глас здравого смысла – все это сказано про него. Просто вы застали его в не самый удачный момент. Бедняга разрывается на части – ведь ему нужно одновременно и отремонтировать дом, и готовить обед, и прибираться... Словом, суетится, как старая дева, к которой вот-вот явится первый в жизни мужчина.

Паркер слегка прикрыл глаза, но Марис чувствовала, что он продолжает рассматривать ее из-под полуопущенных ресниц.

– Должно быть, – добавил он, – вы совершенно вскружили ему голову!

– Ничего подобного! – возразила Марис. – Просто ваш Майкл – очень порядочный, хорошо воспитанный джентльмен.

– В отличие от меня! – Паркер хрипло рассмеялся.

– Я этого не говорила.

– Ну и напрасно. Потому что это правда, – протянул Паркер. – Я не воспитанный и не порядочный.

– Я знаю – вы можете быть таким, когда захотите.

– В том-то и дело, что я не хочу!

И прежде чем Марис успела отстраниться, он наклонился к ней, обхватил рукой за шею и резко привлек к себе. В следующую секунду Марис почувствовала его губы на своих губах.

Это было похоже скорее на нападение, чем на поцелуй. Паркер действовал агрессивно и дерзко. Его язык атаковал

сжатые губы Марис до тех пор, пока не сломил ее сопротивление и не раздвинул их силой.

Сердито мыча, Марис уперлась ему руками в грудь, но это его не остановило. Раз от раза, впрочем, его атаки становились более медленными и... нежными, а большой палец мягко скользнул по шее и щеке Марис, слегка коснувшись уголка ее рта.

Марис почувствовала, как ее гнев превращается в растерянность. Она никак не могла понять, что с ней происходит и почему этот грубый, насильно навязанный ей поцелуй кажется таким приятным!

Сколько прошло времени, она не знала. Наконец Паркер пошевелился и отпустил Марис, однако даже после этого их губы на протяжении целой минуты оставались на расстоянии какого-нибудь дюйма друг от друга. Но вот он выпрямился, и Марис, почувствовав свободу, торопливо отпрянула и, отвернувшись, стала смотреть в окно на воды пролива. Океан был совершенно неподвижен, но огни на противоположном берегу казались такими далекими и слабыми, словно они находились совсем в другом мире, и на мгновение Марис даже испугалась, сумеет ли она когда-нибудь вернуться туда, где был ее дом и где все было так спокойно, мирно, понятно.

Потом где-то в проливе загудел буксир. В заведении Терри снова включили радио, и надтреснутый тенорок известного певца затянул песню о любви и о жизни, которая вдруг пошла наперекосяк. Где-то совсем близко плескалась и хлю-

пала между камнями вода.

– Ничего не выйдет, мистер Эванс, – негромко сказала Марис. – Вы меня не напугаете.

Она повернула голову, чтобы взглянуть на него, и была поражена отсутствием всяких следов самодовольства на его лице. Впрочем, извиняться он тоже не собирался, однако ни насмешки, ни торжества не было в его чертах. Лицо Паркера по-прежнему было непроницаемо, и Марис подумала, что совершенно не понимает, как вести себя с этим странным человеком.

– Считайте, что я не обратила внимания на этот... на ваш поступок, как я не обратила внимания на насмешки и оскорбления, которыми меня осыпали в баре ваши друзья, – сказала она. – Но не обольщайтесь – я сделала это только потому, что знаю, почему вы так поступили.

– Знаете?

– Да, Паркер. Я разгадала ваш блеф.

– Блеф?

– Именно. Вы хотели напугать меня. Унизить. Оскорбить. Сделать так, чтобы я сама не захотела иметь с вами дело...

– Допустим. Ну и что?

– А то, что у вас ничего не выйдет!

– Ничего?

– Ничего.

– Вот и ладненько. Можете думать, как вам угодно, – мне от этого ни жарко, ни холодно. – Паркер несколько секунд

смотрел ей прямо в глаза, потом переключил передачу и тронул «Крокодил» с места. – Кстати, Майкл случайно не упоминал, что будет на ужин?..

На ужин был копченый окорок, салат и картофельное пюре. Едва почувствовав запах еды, Марис поняла, как отчаянно она проголодалась, однако ради соблюдения приличий старалась этого не показывать.

Комнату, в которой был накрыт стол, Майкл почему-то назвал «солярием».

– Странное название для застекленного крыльца, – заметил Паркер, подъезжая в своем кресле к тому концу стола, где перед прибором не было стула.

– Это было крыльцо с небольшой верандой, – объяснил Майкл Марис, накладывая ей в тарелку салат. – Оно выходит на берег моря, хотя сейчас, в темноте, его трудно разглядеть. Паркер придумал оборудовать его сдвижными стеклянными панелями, которые можно открывать и закрывать. Теперь он может писать здесь при любой погоде.

Только сейчас Марис заметила в углу комнаты массивный двухтумбовый стол с резными ножками, на котором стояли компьютер и принтер. Прочая же обстановка показалась ей довольно аскетичной, даже суровой. Старые плетеные кресла и диван выглядели достаточно прочными, но подушки почти на всех сиденьях отсутствовали; каменный пол устилали вылинявшая камышовая циновка, а единственная герань

в горшке на подоконнике смахивала на египетскую мумию, служа наглядным доказательством того, что без воды ничто живое существовать не может. Впрочем, она еще не сдалась и продолжала борьбу за существование. В целом же «солярий» выглядел как типичное жилище холостяка.

Или как приют одинокого писателя.

О том, что здесь обитает писатель, свидетельствовал не только компьютер, но и огромное количество книг, которые лежали везде – на столе, на полках, на подоконниках, даже на полу. Здесь были справочники, словари, произведения классических авторов, любовные романы, детективы, фантастика, вестерны, несколько биографий и автобиографий известных людей, сборники стихов, детские книги, исторические романы, самоучители, книги в твердом переплете, в бумажных обложках и даже без обложек. На многих корешках поблескивал серебром логотип «Мадерли-пресс», и Марис обрадовалась этим книгам, как старым знакомым. Потом ей пришло в голову, что столь пестрого собрания она, пожалуй, еще не встречала. Кроме того, многие книги были изрядно зачитаны, а значит, эта странная библиотека была выставлена здесь не для показухи – ею пользовались, и пользовались усердно.

– Вне зависимости от названия, мне здесь нравится, – сказала Марис, поудобнее устраиваясь в кресле. – Здесь очень приятно читать. И писать тоже, – добавила она, бросив быстрый взгляд в сторону Паркера. Он, однако, притворился,

будто ничего не заметил, и продолжал намазывать горчицу на сэндвич с ветчиной.

Обслужив обоих, Майкл сел за стол напротив Марис. К этому моменту она уже поняла, что для Паркера он был не столько «прислугой за все» (необходимость которой стала ей теперь очевидна), но и преданным другом.

– Спасибо, Майкл, – поблагодарила она. – Мне, право, очень неловко вас затруднять, но... Боюсь, что другого выхода у меня просто не было.

– Пустяки, Марис, – отмахнулся он. – Мы часто ужинаем довольно поздно. Кроме того, я всегда рад свежему человеку. У Паркера есть много достоинств, но собеседник из него никудышный. Когда он работает, он способен молчать часами... Ну а если ему все же случится заговорить, тогда хоть из дома беги!

Как бы в подтверждение этих слов, Паркер метнул на него свирепый взгляд:

– Ты зануда, Майкл! Был занудой, занудой и остался!

Марис не выдержала и рассмеялась. Несмотря на пикировку, свидетельницей которой она только что стала, ей было очевидно – эти двое нежно привязаны друг к другу.

– Я уже знаю, каким может быть мистер Паркер, если ему что-то не нравится, – сказала она. – Но я не обижаюсь. Можно даже сказать, что я привыкла к подобному обращению – ведь мне чуть не каждый день приходится сталкиваться с писателями. Вы и представить не можете, какой это обидчи-

вый, упрямый, капризный, самолюбивый народ! Бывает, мне от них достается, но я каждый раз утешаюсь мыслью, что их агентам приходится еще тяжелее!

Майкл кивнул с понимающим видом:

– Творческие личности... С ними действительно нелегко! Я испытал это на собственной шкуре. – Он покосился на Паркера. – Тонкая нервная организация, повышенная чувствительность, артистический темперамент и все такое...

– Вот именно. – Марис кивнула. – Но я не жалуясь. Из опыта я знаю, что чем хуже у человека характер, тем лучше он пишет. Да и мой отец тоже это подтверждает, а уж он-то повидал на своем веку столько авторов, что ими можно укомплектовать дивизию.

Она промокнула губы салфеткой и с удивлением обнаружила, что они все еще немного саднят после поцелуя. Когда перед ужином Марис мыла руки в большой ванной комнате, куда ее любезно проводил Майкл, она внимательно исследовала свое отражение в большом зеркале в массивной бронзовой раме, но не обнаружила ни красноты, ни припухлости. Сейчас же ей казалось, что вокруг рта у нее образовался красный ободок, который виден даже сквозь тонкий слой пудры, который она на всякий случай нанесла.

Но еще приметнее было выражение глаз, которое могло рассказать о ее чувствах куда больше, чем ей хотелось. Когда в ванной комнате Марис впервые заметила свой стран-

ный взгляд, она поступила предельно просто – погасила свет и вышла в коридор. Сейчас же ей не оставалось ничего другого, кроме как опустить ресницы и притвориться, будто ничего не происходит.

Не буду об этом думать, решила Марис, усилием воли переключаясь на другие, менее сложные проблемы.

Впрочем, менее сложными они были лишь по сравнению с тем, что творилось у нее в душе. Как их можно решить, Марис по-прежнему представляла очень слабо. По пути от причала к дому они с Паркером почти не разговаривали. Паркер правил, Марис глядела на дорогу, освещенную фарами «Крокодила», и думала о том, что только что между ними произошло.

Лишь раз, бросив взгляд в сторону чернеющего по сторонам дороги леса, Марис не сдержала восхищенного возгласа.

– Вот это да! – вырвалось у нее.

– В чем дело? – довольно нелюбезно отозвался Паркер, которого напугало ее неожиданное восклицание.

– Смотрите, там, в лесу! Светлячки!

– Жуки-фонарики, – поправил он. – Здесь их еще называют светоносками.

– Сто лет их не видела!

– К сожалению, инсектициды действуют на светлячков сильнее, чем на сельскохозяйственных вредителей.

– Да, действительно жаль. Когда я была маленькой, я часто видела их в лесу возле нашего загородного дома, хотя

они были не такими яркими. Я ловила их, сажала в стеклянную банку, завязывала марлей и ставила на ночь на тумбочку возле кровати.

– Я тоже.

– Вы тоже?! – искренне удивилась Марис, поворачиваясь к нему.

– А что тут такого? Мы с друзьями даже соревновались, кто больше наловит.

Значит, поняла Марис, было время, когда Паркер не был прикован к инвалидному креслу и мог гоняться за светлячками, да еще соревновался в этом с друзьями. Интересно, что же с ним случилось и в каком возрасте? Ей очень хотелось об этом спросить, но она не посмела.

Марис уже приходилось сталкиваться с такими, как Паркер, и она бесконечно уважала людей, перенесших ужасное несчастье, но сумевших не пасть духом и приспособиться к своему новому положению достойным образом. Среди них встречалось немало оптимистов, каких не встретишь и среди здоровых людей, и общаться с ними было одно удовольствие. А физические недостатки они с избытком компенсировали мужеством и силой духа.

Мужества Паркеру Эвансу было не занимать. Он напоминал Марис «Железных людей» – инвалидов-троеборцев, участников специальных олимпийских игр, – которые творили настоящие чудеса при помощи одной лишь силы рук – и силы воли. Но вместе с тем он был другим. Ей казалось –

случившееся с ним несчастье озлобило Паркера, заставило разочароваться в роде человеческом. Никакого другого объяснения его раздражительности она, во всяком случае, найти не могла. Что же с ним произошло, гадала Марис. Почему он стал таким?

Сейчас она снова посмотрела на него. Паркер подбирал с тарелки остатки окорока и, казалось, был целиком поглощен этим занятием, поэтому, когда он внезапно вскинул голову и посмотрел на нее в упор, Марис растерялась. Лишь в последний миг она совлала с собой и ответила на его взгляд таким же прямым и открытым взглядом.

Она уже давно заметила, что Паркер очень недурен собой, хотя пережитые страдания, разочарования и боль наложили на его лицо свой отпечаток, из-за которого он выглядел старше своих лет. В его редких улыбках чувствовалась горечь. Темно-русые, чуть выющиеся волосы еще не начали редеть, но на висках уже серебрилась седина. Серебристой была и двухдневная щетина, покрывавшая его впалые щеки и упрямый подбородок.

Особенно заинтересовали ее глаза Паркера. Сначала Марис даже затруднялась сказать, какого они были цвета. Пожалуй, их можно было назвать светло-карими, если бы не янтарно-желтые крапинки, придававшие его взгляду необыкновенную выразительность. Эти необычные глаза и способность смотреть на собеседника почти не мигая придавали его взгляду пронзительность и почти магнетическую силу.

Сейчас Паркер тоже смотрел на Марис так, словно видел ее насквозь, и в его глазах горел вызов. «Ну давай, спрашивай, – как будто говорил он, – ведь я знаю – тебе до смерти хочется спросить, как я оказался в этом кресле!»

Но Марис снова сумела справиться с собой. Конечно, ей очень хотелось спросить, что с ним произошло, но она сдержалась. Когда-нибудь потом, решила Марис, я спрошу, но не сейчас. Сейчас самое главное уговорить его закончить книгу.

– Скажите, вы написали еще что-нибудь, мистер Эванс?

Он едва заметно усмехнулся одними губами.

– Не хотите ли еще холодного чая с лимоном, миссис Мадерли-Рид?

– Нет, благодарю.

– А сандвич?

– Спасибо, я сыта. Так что вы мне ответите, мистер Эванс? Можете вы дать мне почитать хотя бы еще одну главу?

Паркер повернулся к Майклу и бросил на него многозначительный взгляд. Поняв намек, тот встал из-за стола и, извинившись, скрылся в доме. Как только дверь за ним закрылась, Паркер сказал:

– Я вижу, вы довольно упрямая женщина, миссис Рид.

– Дело скорее в привычке добиваться своего. Он снова ухмыльнулся.

– Я вовсе не собирался говорить вам комплименты!

– Я знаю.

Оттолкнувшись от стола, Паркер развернул кресло к окну

и некоторое время вглядывался в темноту за стеклом, словно надеялся разглядеть там что-то видимое ему одному. Марис его не торопила. Она понимала – Паркеру нужно время, чтобы тщательно взвесить все «за» и «против» и выбрать наилучший ответ. И если бы сейчас она напомнила о себе хоть словом, то уже утром ей пришлось бы возвращаться домой несолоно хлебавши – именно поэтому Марис сидела тихо, как мышка, и старалась не дышать.

Наконец Паркер повернулся к ней.

– Вам действительно понравился пролог? – спросил он.

– А вы считаете, я отправилась бы в такую даль, если бы он мне не понравился? – ответила Марис вопросом на вопрос.

– Я бы хотел, чтобы вы сказали только «да» или «нет», – холодно перебил ее Паркер.

– Только «да» или «нет»?.. Извольте. Ваш пролог действительно очень хорош, мистер Эванс.

Паркер смерил ее насмешливым взглядом.

– Не могли бы мы перейти на «ты»? К чему эти формальности – мистер Эванс, миссис Мадерли-Рид... особенно после «страстного поцелуя на берегу, под рокот волн и крик чаек, который сделал их гораздо ближе друг другу»? – процитировал он какой-то любовный роман. – Мое имя – Паркер, и я хочу, чтобы вы называли меня именно так.

– В таком случае зовите... зови меня просто Марис, – ответила она, прилагая огромные усилия, чтобы не опустить взгляд. – К тому же там не было чаек.

– А могли быть, – философски заметил Паркер. – Но это, в конце концов, не важно.

– Чайки?..

– Все не важно. Например – твое согласие. Я все равно собирался звать тебя просто Марис вне зависимости от того, понравится тебе это или нет.

Он, казалось, готов был на все, чтобы лишить Марис душевного равновесия, однако она была крепким орешком.

Даже для него...

– Где ты родился? – спросила Марис. – Я догадалась – ты откуда-то с Юга, но мне хотелось бы знать точнее.

– Ах, откуда-то с Юга?! Хо-отел бы йа-а зна-ать, ка-ак ты догада-алась!.. – проговорил он, старательно подчеркивая свой и без того бросающийся в глаза тягучий акцент.

Марис негромко рассмеялась.

– Я знаю, что такое южный выговор, однако региональные особенности произношения мне недоступны. Теоретически я знаю, что в Техасе слова произносят не так, как в Южной Каролине, практически же...

– Техасцы слова вообще не произносят – они их... мычат. И снова Марис рассмеялась.

– Значит, ты не из Техаса – это мы выяснили. Откуда же?

– А какое это имеет значение? – неожиданно ошетинился он.

– Дело в том, что в своей рукописи ты употребил несколько диалектизмов, которые мы обычно вычеркиваем и заме-

няем более употребительными словами.

– Вычеркивайте на здоровье. – Он пожал плечами. – Я и сам с ними борюсь, но иногда они все-таки проскальзывают.

– Пусть проскальзывают. Диалектизмы и разговорные слова придают прямой речи твоих персонажей особенный колорит.

– Но перебарщивать не стоит.

Марис кивнула в знак согласия.

– Я вижу, ты тоже об этом думал. Впрочем, большинство идиом в твоем тексте находятся на своем месте, и я не вижу необходимости что-то менять. – Облокотившись руками на стол, она слегка подалась вперед. – Ты много и вдумчиво работал над своим текстом. Почему ты не хочешь, чтобы его опубликовали?

Паркер опустил глаза.

– Наверное, я боюсь неудачи; провала...

– Это вполне объяснимо. Талантливые писатели, в особенности начинающие, зачастую начинают сомневаться в себе, в своих силах. От этого никуда не деться – только тупое бревно не боится неудач. – Движением руки Марис указала на прогибающиеся от тяжести книг полки. – Но разве все мы не выиграли от того, что большинство авторов не поддались этому страху?

Паркер тоже посмотрел на выстроившиеся на полках книги, потом пожал плечами.

– Но многие все-таки ломаются, не так ли? – спокойно

спросил он. – Насмешки критики, капризы читающей публики и случайные колебания спроса, желание во что бы то ни стало оправдать ожидания издателей и агентов, проклятые вопросы «Кому это нужно?» и «Есть ли у меня талант?» – все это погубило не одного автора. Я – да и ты, думаю, тоже – можем не сходя с места назвать с десяток достаточно известных писателей, которые допились до сумасшедшего дома или, не мудрствуя лукаво, вышибли себе мозги выстрелом из ружья.

Марис немного подумала, потом сказала:

– Да, бывают и такие, кто кончает с собой, не выдержав борьбы и сомнений. Но, на мой взгляд, это лишь немногим хуже, чем сделаться отшельником на крошечном островке.

Стрела попала в цель. Несколько долгих секунд Паркер напряженно размышлял, потом развернул кресло и подкатился к рабочему столу в углу. Включив компьютер, он буркнул через плечо:

– Это еще ничего не значит, ясно?

Марис кивнула, хотя ей было совершенно очевидно – они оба блефуют. Дело сдвинулось с мертвой точки, однако что будет дальше, предсказать было нельзя. Один поспешный шаг, одно неверное слово – и Паркер снова юркнет в свою раковину и накрепко замкнет створки.

«Как заставить черепаху высунуть голову? Очень просто: надо зажечь у нее под пузом спичку». Цитата из романа Харпер Ли «Убить пересмешника», – вспомнила она. Вот только

что станет такой спичкой для Паркера?

– Я написал первую главу.

– Ты хочешь сказать – кроме пролога?

– Да. Если ты так хочешь, я могу дать ее тебе почитать, но запомни – я тебе ничего не обещал!

– Конечно! – Марис встала из-за стола и, подойдя к нему, некоторое время смотрела, как принтер выплевывает одну за другой страницы рукописи.

– Твоя первая глава является продолжением пролога?

– Нет. Пролог – это уже самый конец истории.

– То есть ты возвращаешься в прошлое и описываешь то, что этому предшествовало?

– Да.

– Как далеко в прошлое?

– Года на три, на четыре. В первой главе рассказывается, как Рурк и Тодд учились в университете.

– Рурк и Тодд... – задумчиво повторила Марис, как бы пробуя имена на слух. Имена показались ей подходящими, и она спросила:

– А кто из них кто?

– Что ты хочешь сказать? – не понял Паркер.

– Ну, как звали юношу, который вернулся из поездки один и чуть не разбил яхту старины Уокера? Кто из двоих остался в живых, а кто свалился за борт?

Паркер широко улыбнулся – на этот раз без тени горечи.

– Ты не скажешь? Почему?.. – удивилась Марис.

– Если я скажу сейчас, тебе будет неинтересно читать остальные главы.

– Остальные?! Значит, ты уже решил написать эту книгу? Улыбка Паркера стала чуть более напряженной.

– Сначала поглядим, что ты скажешь.

– Поскорей бы!..

Он с сомнением посмотрел на нее:

– Не стоит так нервничать. В конце концов, это только одна глава.

Паркер вынул листы из лотка принтера, выровнял их легким ударом о край стола и только потом протянул ей. Марис хотела взять рукопись, но он не отпустил, и она недоуменно посмотрела на него.

– Знаешь, когда я тебя поцеловал, я вовсе не собирался тебя пугать, – сказал он и выпустил страницы. Прежде чем Марис нашлась что ответить, Паркер уже звал Майкла.

– Принеси телефон, чтобы она могла вызвать лодку! – распорядился он, когда Майкл появился на пороге. – Лодка как раз успеет прийти, пока ты довезешь ее до причала.

– Но ведь уже начала двенадцатого ночи! – всплеснул руками Майкл. – Не можешь же ты отсылать ее в такой час!

– Ничего, Майкл, со мной все будет в порядке! – растерявшись, воскликнула Марис – воскликнула, пожалуй, слишком громко и слишком поспешно, и Паркер с любопытством поглядел на нее.

– Не желаю ничего слушать! – Майкл упрямо покачал го-

ловой. – Вы останетесь сегодня здесь, Марис. Я приготовил вам комнату во флигеле.

Чтобы не попасться на глаза кому-то из знакомых, встречу решено было провести не в ресторане, а в отдельном кабинете на тридцать первом этаже небоскреба компании «Уорлд Вью». Эта просторная, отделанная натуральным деревом комната была обставлена стильной дорогой мебелью. Толстый ковер ручной работы на полу создавал ощущение уюта. На искусно подобранных букетах, стоявших в хрустальных вазах, еще блестели капельки воды; утопленные в стенах лампы струили мягкий, рассеянный свет; высокие панорамные окна, из которых открывался живописный вид на окрестности, были закрыты тяжелыми бархатными портьерами с золотыми кистями.

– Еще кофе, Надя? А вам, мистер Рид? – спросил мужчина, сидевший во главе полированного банкетного стола.

Надя Шуллер кивнула и сделала знак официанту в белых перчатках, который тотчас подошел, чтобы заново наполнить ее чашку. Ной от кофе отказался. Они только что позавтракали холодным супом вишисуаз, салатом из омара и маринованной спаржей. На десерт подали клубнику со сливками и лучший швейцарский шоколад, и он чувствовал себя совершенно сытым, хотя съел не так уж много.

– Благодарю, но я, пожалуй, воздержусь, – сказал он. – Давненько я так вкусно не завтракал.

– Я рад, что вам понравилось, – ответил Моррис Блюм и знаком отпустил официантов.

Ной и Надя переглянулись. Протокольная часть была закончена, начинался деловой разговор.

Кроме Морриса, в кабинете находилось еще пятеро представителей Совета директоров «Уорлд Вью». Почти полгода прошло с тех пор, как Надя Шуллер организовала предварительную встречу Блюма и Ноя. Разговор вышел коротким и откровенным: Моррис Блюм не стал вилять и откровенно заявил, что хотел бы купить издательский дом «Мадерли-пресс».

За это время адвокаты корпорации «Уорлд Вью» неплохо потрудились над проектом поглощения «Мадерли-пресс». Несколько месяцев они потратили, исследуя текущий рынок, анализируя его основные тенденции, прогнозируя возможную прибыль и планируя необходимые изменения в маркетинговой политике. Результаты их трудов – три внушительной толщины папки – легли Ную на стол месяц назад. Сегодня он должен был дать ответ на предложение Морриса.

– Итак, – начал Моррис Блюм, – мисс Шуллер сказала, что вы изучили наши материалы, и мне не терпится узнать, что вы скажете.

Моррис Блюм был высоким и худым, как палка. Впечатление болезненной бледности, постоянно покрывавшей его лицо, еще больше усиливалось благодаря совершенно голому черепу. Еще в молодости Моррис преждевременно облысел,

не помогли даже операции по пересадке волос. Редкие тускло-серые волосы продолжали расти у него только на затылке, но Моррис тщательно брил их каждое утро. Одевался он в дорогие костюмы консервативного покроя и всегда только одного цвета – серого, который предпочитал всем другим, что в сочетании с зеленовато-серым оттенком кожи делало его похожим на покойника.

Пять лет назад Моррис Блюм возглавил международный медиа-холдинг, который перешел к нему в результате насильственного поглощения нескольких корпораций. Тогда ему было всего тридцать шесть лет.

Под его руководством «Уорлд Вью» или «УВ», как его любовно называли на бирже фондовых бумаг, существенно расширил сферу своей деятельности, с успехом освоив такие направления, как спутниковая связь, предоставление товаров и услуг через Интернет, волоконно-оптическая связь и некоторые другие. Всего за четыре года активы компании возросли с полутора до шестидесяти миллиардов долларов. Это был неслыханный успех, и акционеры «Уорлд Вью» предпочитали смотреть сквозь пальцы на методы, к которым Моррис Блюм частенько прибегал для управления гигантской корпорацией.

Но почему гигант вдруг обратил внимание на карлика, каковым являлось по сравнению с ним издательство «Мадерли-пресс»?

Именно этот вопрос Ной и задал Моррису.

– Потому что «Мадерли-пресс» существует, – тут же ответил магнат, и все сидевшие за столом рассмеялись. Ной тоже не удержался от улыбки, по достоинству оценив откровенность лысого ублюдка. Он и сам умел быть таким – наглым, напористым, агрессивным.

– Насколько мне известно, не далее чем два месяца назад вы приобрели крупное английское издательство, – сказал он. – Наверное, под тем договором еще не просохли чернила, а вы уже замахиваетесь на новую покупку...

– Вы неплохо информированы, – Блюм с важным видом кивнул. – Мы решили, что издательский дом «Платт и Пауэрс» – хорошее вложение средств. По выпуску периодических изданий он занимает лидирующее положение на Британских островах. «Платт и Пауэрс» занимается буквально всем – от респектабельных политических журналов до самого жесткого порно... – Моррис хищно улыбнулся Наде. – Уверяю вас, мисс Шуллер, что первое направление мне ближе и понятнее, чем последнее, однако бизнес есть бизнес.

– Очень прискорбно, – откликнулась она, глядя на него поверх своей чашки с кофе.

Дождавшись, пока смолкнет смех, Блюм продолжал:

– Кроме всего прочего, в прошлом году «Платт и Пауэрс» выпустил двенадцать бестселлеров в твердых переплетах.

– Тринадцать, – подсказал шефу один из сидевших за столом директоров.

– Да, тринадцать бестселлеров в твердом переплете, – по-

вторил Блюм. – А в бумажных обложках – еще больше. Я уверен, что теперь, когда «Платт и Пауэрс» вошел в состав «Уорлд Вью», нам удастся без труда увеличить это количество и занять все первые строки в списках бестселлеров за текущий год. Для этого у нас есть все – и средства, и умение, и наработанные схемы.

– На днях я беседовала с двумя английскими писателями, которых вы переманили у других издательств, – вставила Надя Шуллер. – Они очень высокого мнения о вашей маркетинговой политике, благодаря которой их книги попали на американский рынок.

– Мы использовали для этого принадлежащие нам средства массовой информации, – объяснил Блюм. – С их объединенной мощью никто не может тягаться...

Он скрестил перед собой белые, бескровные пальцы и повернулся к Ною:

– «Платт и Пауэрс» – прибыльный и процветающий издательский дом, так что наши деньги не пропали даром, но тут есть одно «но»... Британский рынок значительно меньше, чем американский. Он к тому же характеризуется повышенной консервативностью, которая препятствует продвижению на него американской популярной литературы, а следовательно, его перспективность носит ограниченный характер. Отсюда вывод: нам нужно еще одно мощное издательство, способное подмять под себя книжный рынок по эту сторону океана. Мы остановили наш выбор на «Мадерли-пресс».

– И вы можете его обосновать? – поинтересовался Ной.

– Да, – твердо сказал Блюм. – «Мадерли-пресс» выпускает достаточно книг, которые нравятся широкой публике и приносят прибыль. Кроме этого, в вашем ассортименте присутствует и высокохудожественная литература, которая, хотя и убыточна в финансовом отношении, приносит дивиденды в виде издательского престижа. Иными словами, «Мадерли-пресс» подходит нам во всех отношениях. Именно такое – крупное, прибыльное и вместе с тем респектабельное издательство и нужно нашей маленькой компании.

Последнее замечание снова вызвало смешки у представителей «Уорлд Вью», не улыбнулся только Ной. Блюм, внимательно за ним наблюдавший, тоже сделался серьезным и кивнул в знак того, что готов выслушать противоположную сторону.

– Я внимательно изучил материалы, которые вы мне прислали, – начал Ной. – Ничего не скажешь – работу вы проделали грандиозную. Ваше предложение открывает совершенно фантастические перспективы, однако мне они кажутся вполне реальными. При соответствующей подготовке достичь поставленной цели будет нетрудно.

– Что ж, – вставил Блюм, – я рад, что вы так считаете.

– Да, я так считаю, – подтвердил Ной. – Однако, прежде чем мы начнем осуществлять этот план, я хотел бы уточнить пару вопросов.

– Для этого мы здесь и собрались, – ввернул один из ди-

ректоров «Уорлд Вью».

– Мы готовы вас выслушать, – сказал и Моррис. Ной кивнул.

– Как насчет монопольного законодательства? – спросил он. – Предполагаемое слияние может показаться властям не совсем законным, а мне не хотелось бы оказаться вовлеченным в длительную дискуссию с федеральным правительством.

– Уверяю вас, мы тоже этого не хотим, – заверил его Моррис. – Наши юристы работают в этом направлении, и похоже, что с точки зрения антимонопольных законов никаких претензий к нам быть не может. Вот послушайте, что скажет руководитель нашего юридического отдела. Прошу вас, мистер Хеллфер...

Один из присутствующих поднялся и добрых полчаса объяснял, как и почему в данном случае упомянутые законы не действуют. Он сыпал юридической терминологией налево и направо, но Ной не дал себя запутать и задал юристу несколько вопросов, на которые потребовал обстоятельных и подробных ответов. В конце концов юрист нехотя согласился, что возможность конфликта с законом все-таки существует, хотя и минимальная.

– Придется нам еще над этим поработать, – заметил Моррис Блум, явно недовольный тем, что его юристы оказались не на высоте. – Впрочем, мне кажется, эту проблему тоже можно будет решить к нашему общему удовлетворению. Что

еще вас беспокоит, мистер Рид?

Прежде чем ответить, Ной снял с лацкана пиджака невидимую постороннему глазу пылинку и небрежным щелчком поправил выбившийся из рукава манжет.

– Дело в том, – сказал он спокойно, – что издательство «Мадерли-пресс» не продается...

– И что он на это ответил? – поинтересовался Дэниэл.

– Нечто такое, что и повторять неудобно, – ответил его зять. – Во всяком случае, в цивилизованном обществе таких слов обычно не употребляют.

– Готов побиться об заклад, мистер Блюм поминал выжившего из ума старикашку, который не способен понять собственной выгоды, – улыбнулся Дэниэл. – То-то мне сегодня утром икалось!

– Ну, он не посмел выразиться так определенно, но что-то подобное, несомненно, было у него на уме, – признал Ной с улыбкой.

Вошла Максина, она принесла мужчинам виски со льдом.

– Одна порция – это его предел, – предупредила она Ноя, прежде чем отправиться на кухню.

– Я прослежу за этим, не беспокойся, – откликнулся он, заговорщически подмигнув тестю.

Когда первый стакан был опустошен, Ной подошел к бару и, достав оттуда бутылку, палил себе и Дэниэлу еще понемногу. Принимая стакан, Дэниэл благодарно кивнул.

– Будь добр, подай мне мою трубку.

Ной встал и, взяв со стола трубку и кисет с табаком, протянул тестю, который сидел на низком кожаном диване, положив ноги на журнальный столик. Набив трубку, Дэниэл чиркнул спичкой и выпустил к потолку струю ароматного дыма.

– Если Максина унюхает дым, будет скандал! – предупредил Ной.

– Я присягну на Библии, что это ты здесь накурил, – ухмыльнулся Дэниэл, выпуская изо рта еще один клуб дыма и задумчиво следя за тем, как он поднимается к потолку и тает между рожками хрустальной люстры. – Шавки пока только лают, но у них острые зубы, Ной, – сказал он после небольшой паузы.

– Вы имеете в виду «Уорлл Вью»? – уточнил Ной, пожимая плечами. – Мне кажется, для беспокойства нет никаких обстоятельств. Ведь я же ясно сказал Блюму, что «Мадерли-пресс» не будет продан ни при каких обстоятельствах.

– От него так просто не отделаться, – вздохнул Дэниэл. – Я немного его знаю. Настырный сукин сын!.. И неглупый к тому же.

– Про него говорят – он писает чистым льдом, – вставил Ной, и Дэниэл усмехнулся.

– Что ж, это неплохо его характеризует, но дело не в нем. Даже если Блюм решит, что овчинка не стоит выделки, и отступит, появятся другие – еще более злобные и упрямые.

– Пусть появляются. Я уверен, мы сумеем дать им всем хорошего щелчка!

Услышав это уверенное заявление, Дэниэл не сдержал улыбки. Имя Ноя Рида стало известно в издательском мире десять лет назад после публикации его романа «Побежденный». Книга ворвалась в списки бестселлеров и надолго утвердилась в верхних строках. В Соединенных Штатах не было издателя, который бы не мечтал заполучить эксклюзивные права на новые произведения перспективного молодого автора, но, ко всеобщему разочарованию, книгоиздание интересовало Ноя Рида куда больше, чем карьера преуспевающего литератора. Он лично следил за каждым этапом издания «Побежденного» и – по его собственным словам – получил от этого куда больше удовольствия, чем от процесса написания романа.

Когда Дэниэл впервые встретился со своим будущим зятем, он произвел на него впечатление умного, амбициозного молодого человека с хорошей деловой хваткой. Как было известно Дэниэлу, некоторые высказанные Ноем оригинальные идеи по поводу маркетинга «Побежденного» были с успехом использованы его издателем. Видя, что молодой человек умеет свежо и масштабно мыслить, Дэниэл предложил ему место редактора в своем издательстве и не прогадал. Уже в первый год своей работы в «Мадерли-пресс» Ноем в руки попала рукопись одного малоизвестного автора, которая после небольшой доработки и грамотной раскрутки пре-

вратилась в один из наиболее прибыльных бестселлеров издательского дома.

В последующие месяцы Ной еще не раз делом доказывал, что является превосходным редактором, однако наиболее ярко он проявил себя в решении деловых вопросов. Его изобретательная и новая маркетинговая политика была столь успешной, что другие издательства без стеснения ее копировали.

Кроме того; Ной умел блестяще вести переговоры. Даже литературные агенты отдавали ему должное, хотя именно они чаще всего страдали от его агрессивной напористости и молниеносной реакции. Однажды Ною удалось предотвратить забастовку на одной из типографий в Пенсильвании, куда Ной отправился лично, чтобы урегулировать конфликт с профсоюзами. Выступив в качестве посредника между профсоюзом и руководством полиграфической компании, он не только сумел устранить все разногласия между рабочими и работодателями, но и добился более выгодных условий на печатание тиражей для «Мадерли-пресс».

Иными словами, Ной Рид был работником весьма квалифицированным, деловым, практичным и дальновидным. Поэтому когда три года назад он явился с новым перспективным предложением, Дэниэл выслушал его с большим интересом. Идеи, которые высказал Ной в том разговоре, были поистине революционными, однако они несколько не противоречили принципам, на которых когда-то создавалось «Ма-

дерли-пресс», и Дэниэл невольно поймал себя на том, что и новая программа, и ее автор ему по душе.

Была и еще одна причина, которая заставляла Дэниэла склоняться в пользу предложения Ноя. Это было самое обыкновенное тщеславие, хотя он не признался бы в этом даже под страхом смерти. Дела было в том, что, глядя на Ноя, Дэниэл вспоминал себя молодого. Всего полвека назад и он был таким же решительным, агрессивным и самоуверенным (последнее качество Дэниэл тоже был склонен рассматривать скорее как достоинство, а не как недостаток), и это бесконечно ему импонировало.

Он, однако, не дал ответа немедленно, а попросил несколько дней на раздумье. Загвоздка заключалась в том, что для осуществления новой программы ему пришлось бы ввести Ноя – постороннего человека – в руководство компанией, которая на протяжении многих десятилетий управлялась исключительно членами одной семьи. С другой стороны, за последнее время издательский дом «Мадерли-пресс» увеличил производство чуть ли не в несколько раз, и им вдвоем с Марис стало нелегко отслеживать все текущие вопросы. Им необходим был помощник, облеченный соответствующими полномочиями, и Ной вполне мог им стать.

Марис, конечно, была в полном восторге от того, что ей придется работать бок о бок с автором ее любимой книги. До этого она встречалась с Ноем только один раз на каком-то литературном вечере, и он произвел на нее очень приятное

впечатление. Одного впечатления было бы, конечно, недостаточно, но Марис вот уже несколько лет была тайно влюблена в «Побежденного», и это решило дело. Именно с ее подачи Дэниэл создал специально для Ноя пост младшего вице-президента компании с правом подписи финансовых документов. И до сих пор он еще ни разу об этом не пожалел.

– Ты все еще придерживаешься своих прежних взглядов? – спросил он сейчас.

– Смотря каких, – осторожно уточнил Ной. – Человек, который с годами не меняется, утрачивает конкурентоспособность.

Дэниэл улыбнулся.

– Я говорю скорее об убеждениях, составляющих философию нашей компании.

Ной наградил тестя убийственным взглядом.

– Я хорошо знаю, как вы относитесь к идее слияния, Дэниел, – сказал он. – В самом начале нашего сотрудничества вы довольно недвусмысленно высказались по этому поводу. Тогда я вас поддержал, то же я думаю и сейчас.

– Теряешь конкурентоспособность? – усмехнулся Дэниэл. Ной поморщился.

– Несомненно, у идеи объединения с сильной корпорацией есть свои плюсы. Мы смогли бы значительно увеличить свои оборотные средства и получили бы большой простор для маркетинга и рекламы.

– Но потеряли бы свою самостоятельность.

– Я как раз собирался об этом сказать. Самостоятельность, независимость от кого бы то ни было, опора на свои силы – на этом фундаменте создавалось вашими предками «Мадерли-пресс». Я заучил этот семейный девиз еще до того, как стал вашим зятем...

Когда Марис начала встречаться с Ноем не только на работе, Дэниэл поначалу встревожился. Беспокоила его не столько десятилетняя разница между ним и дочерью (хотя в отдаленном будущем это тоже могло привести к осложнениям), сколько репутация отчаянного донжуана, которой пользовался Ной. Правда, никаких достоверных фактов Дэниэлу известно не было, однако слухов о подвигах Ноя на этом поприще ходило великое множество. Дэниэл же всегда считал, что дыма без огня не бывает.

Но даже это было не главное. Больше всего Дэниэлу хотелось знать, что Ной думает о своей женитьбе на дочери босса на самом деле и не является ли это событие всего лишь одним из пунктов намеченной им программы карьерного роста. Каждому было без лишних слов ясно, что, породнившись с семейством Мадерли, Ной со временем станет самым реальным претендентом на пост директора и совладельца издательского дома. Правда, Дэниэл давно решил, что при любом раскладе последнее слово должно остаться за Марис – последней из рода Мадерли, однако Ной от этого вряд ли проигрывал. Скорее наоборот.

Разумеется, Дэниэл понимал, что не ему решать, быть или

не быть этой свадьбе. Марис очень хотелось, чтобы Ной стал ее мужем, а Дэниэл доверял разуму и интуиции дочери. Безвременная кончина матери заставила Марис рано повзрослеть и набраться жизненного опыта, так что уже в ранней юности у нее сформировалась законченная, целостная система взглядов. Она умела принимать ответственные решения и делала это обдуманно и взвешенно, не полагаясь на одни лишь чувства и интуицию, но поверяя их здравым смыслом и расчетом. Дэниэл сам воспитал ее таким образом, и теперь ему казалось, что он совершит ошибку, попытавшись отговорить дочь от этого брака. Однако его отцовское сердце было не на месте, и несколько раз, не сдержавшись, он попробовал предостеречь Марис, указав ей на возможные скрытые мотивы и побудительные причины, толкавшие Ноя к этому шагу.

Но Марис только смеялась в ответ, и Дэниэл встревожился еще больше, так как ему показалось, что физиология берет в ней верх над разумом.

Успокоил его, как ни странно, сам Ной. Однажды, не сказав ни слова Марис, он приехал к своему будущему тестю и заявил, что если у Дэниэла имеются на его счет какие-то сомнения, то свадьба не состоится. Ной любил Марис всем сердцем (так, во всяком случае, он утверждал), но если, добавил он, Дэниэл не благословит их брак, он расстанется с ней, уйдет из издательства и навсегда исчезнет из их жизни.

В конце концов Ною удалось убедить Дэниэла в чистоте

своих помыслов и чувств, и Дэниэл согласился на этот брак почти что с легкой душой. Он, однако, не собирался пере-
кладывать все заботы о дочери на плечи тестя. Дэниэл счита-
л необходимым проявлять неусыпную бдительность, когда
дело касалось счастья Марис, и вчерашний разговор с ней
неожиданно заставил его вспомнить о своих давних опасе-
ниях. Правда, невнимательность Ноя имела вполне логичное
обоснование (сюрприз, который он готовил Марис к их вто-
рой годовщине), но Дэниэл чувствовал – здесь кроется что-
то еще.

И он догадывался, что это может быть. Марис не обмолви-
лась об этом ни словом, ни намеком, но Дэниэл давно знал,
что ей хочется иметь ребенка. Отсюда – неизбежное разоча-
рование в замужестве, которое так и не принесло ей желае-
мого. Впрочем, Марис была еще молода, да и два года супру-
жеской жизни – не такой уж большой срок, так что волно-
ваться по поводу отсутствия детей было, пожалуй, несколько
преждевременно. Сам Дэниэл не сомневался, что со време-
нем у них все получится, тем более что и Ной неоднократно
высказывал желание завести детей. У них все было еще впе-
реди, и никакой серьезной проблемы Дэниэл не видел.

Правда, ему и самому порой хотелось понянчить внука
или внучку, однако это желание казалось Дэниэлу слишком
эгоистичным. «Всему свое время, и каждому – свой срок» –
этого правила он старался придерживаться в последние го-
ды, и оно пока ни разу его не подводило.

– Да, скажи, пожалуйста, – проговорил Дэниэл, – от Марис ничего не слышно?

– Ничего, – ответил Ной. – Она уехала сегодня рано утром и с тех пор не звонила... – Он сверился со своими наручными часами. – Теоретически, Марис уже должна быть на месте, если ее ничего не задержало в пути. Будет очень жаль, если она проездит впустую – все-таки Джорджия находится от нас довольно далеко – и если в результате всех ее трудов получится пшик...

– Да нет, вряд ли, – возразил Дэниэл. – Кажется, ей очень понравился этот автор, и она надеется уговорить его отдать права на рукопись нам. Кстати, о писателях... Марис очень довольна твоим подарком, Ной; она сама мне сказала, когда звонила из аэропорта сегодня утром.

– Подарком?..

– Ну, новой квартирой, где мы были вчера вечером. И всем остальным – тоже.

– Ах, вы об этом!.. – Ной улыбнулся. – Марис легко угождать, не так ли?

– Писательский кабинет, который ты там оборудовал, очень много для нее значит, Ной. Вряд ли бы она была счастливее, если бы ты подарил ей кольцо с бриллиантом размером с мой кулак. Марис давно хотела, чтобы ты снова взялся за перо.

Ной нахмурился.

– Надеюсь, она не ждет от меня шедевра, который в счи-

таннные недели покорит весь мир? Мне бы очень не хотелось ее разочаровать.

– Пока ей вполне достаточно того, что ты решил попробовать.

– Что ж, как раз сегодня вечером я собирался съездить туда и поработать часа два или три. – Ной поставил пустой бокал на стол и поднялся.

– Может, поужинаешь со мной? А потом сыграем партию в шахматы...

– Очень соблазнительное предложение, Дэниэл, но я думаю, что, пока Марис в отъезде, мне стоит поднапрячься и выдавить из себя с десяток страниц. Ей будет очень приятно, к тому же существует только один способ писать: он состоит в том, чтобы писать, писать и писать... – Ной улыбнулся. – Может быть, налить вам еще, пока я не ушел?

– Спасибо, не стоит. Мне кажется, Максина измеряет уровень виски в бутылке линейкой.

– Тогда мне пора бежать, пока не разразилась гроза. – Ной надел пиджак и взял в руки кейс. – Могу я сделать для вас что-то еще? – спросил он.

– Вообще-то, да, – сказал Дэниэл. – Когда в следующий раз кто-то предложит тебе продать мой издательский дом, пошли этого человека к чертовой матери. Ной рассмеялся.

– Так и сказать?

– Так и скажи, – подтвердил Дэниэл. – На мой взгляд, это лучший ответ из всех возможных.

Два мартини с водкой почти не успокоили Надю, чьи нервы были натянуты как струна с тех самых пор, как Ной пересказал ей свой разговор с Дэниэлом Мадерли.

– Не доверяю я этому старому барсуку – процедила она сквозь зубы, вытягиваясь на диванчике в своей конспиративной квартире в Челси, предназначенной для романтических свиданий. О ней не знал даже личный бухгалтер Нади. Возможно, будь он помоложе, ему бы тоже посчастливилось здесь побывать, но Альберт Гринуэй был шестидесятипятилетним желчным стариком, который больше всего на свете любил цифры. – Быть может, Дэниэл только притворяется, будто впал в маразм, – добавила она. – Ты уверен, что он ничего не подозревает?

– Мой почтенный тесть не идиот, – ухмыльнулся Ной. – Но, как говорится, хитрил, хитрил, да сам себя перехитрил. Он привык полагаться на меня – я давно об этом позаботился, – поэтому относится ко мне с полным доверием.

– Я не сомневаюсь в твоих деловых качествах, но...

– Нет? – В голосе Ноя прозвучали нетерпеливые нотки.

– Нет, просто я боюсь, что наш план рухнет из-за какой-нибудь нелепой случайности. А мне очень хочется, чтобы сделка состоялась. Ради тебя...

– Я пошел на это ради нас.

Почувствовав, что напряжение понемногу отпускает ее, Надя повернулась к Ною, который расхаживал по комнате из

угла в угол.

– Черт бы тебя побрал!.. – проговорила она негромко. – Еще немного, и я... заплачу от умиления!

Ной подошел к ней и сел рядом. Их поцелуй был глубоким и страстным. Одновременно Надя расстегнула его рубашку и, даже когда они разжали объятия, продолжала пощипывать густые волосы на его груди.

– Наверное, – сказала она, – просто нервы разгулялись. Должно быть, все это от того, что Дэниэл Мадерли возглавляет свое издательство чертову уйму лет! Кстати, как давно он стоит у руля?

Ной ненадолго задумался.

– Сейчас ему семьдесят восемь. Его папаша окочурился, когда Дэниэлу было двадцать девять. С тех пор он и возглавляет «Мадерли-пресс».

– Значит, почти пятьдесят лет...

– Я умею считать, Надя.

– Я только хотела сказать, что он ни за что бы не стал живой легендой, если бы был слепым, глухим и глупым, как пробка. И не добился бы успеха, если бы не умел угадывать, что у кого на уме. Он умен, Ной. Очень умен и... опасен.

– Но не настолько, как был когда-то. Эта живая легенда создавалась десять, пятнадцать лет назад, когда Дэниэл Мадерли был в зените славы. Сейчас он просто проживает дивиденды, заработанные когда-то, – ведь репутация самого удачливого, самого хитрого, самого предприимчивого издателя

чего-нибудь да стоит. Но годы берут свое – я знаю это лучше, чем кто бы то ни было, потому что в последние два-три года мне приходится общаться с ним почти постоянно. Его время ушло, и он сам отлично это понимает. Как бы там ни было, это уже не прежний Дэниэл Мадерли, которого все боялись и уважали...

– Может быть. А может быть, он хочет, чтобы ты так думал.

Нои терпеть не мог, когда кто-то критиковал его действия или сомневался в его словах. Отстранив Надю, он быстро встал и вышел на кухню. Там Ной снова наполнил свой бокал ледяными кубиками и плеснул сверху скотча.

– Полагаю, что я знаю своего тестя лучше, чем ты, – холодно заявил он, вернувшись в комнату.

– Я в этом уверена, но...

– Если бы ты была уверена, ты не стала бы ко мне придирааться.

Он залпом проглотил виски и, со стуком поставив бокал на столик, на несколько мгновений задержал дыхание, стараясь справиться с приступом острого раздражения. Только потом он повернулся к Наде.

– И вообще, Дэниэл – моя забота. Твое дело Блум и компания. Ты должна поддерживать в них уверенность, что в конечном итоге все будет так, как мы запланировали.

– Завтра я ужинаю с Моррисом в «Радужной комнате».

– Отлично. Постарайся очаровать этого бледного червя.

Вскружи ему его лысую башку! Ешьте, пейте, танцуйте... Пусть Моррис будет счастлив и ни о чем не думает, а я тем временем займусь семейкой Мадерли. Я тесно общался с ними на протяжении трех последних лет и прекрасно их изучил. Мне хорошо известно, как они думают, и я способен предсказать, как они отреагируют в той или иной ситуации. Несмотря на это, наш замысел должен осуществляться со всеми предосторожностями; малейшая спешка может погубить все.

За все время Ной ни на йоту не отступил от намеченного плана; тем более он не собирался торопиться теперь, когда цель была так соблазнительно близка. Впрочем, и менять что-то он тоже не собирался. Ной просто не видел в этом смысла, поскольку пока все шло, как было задумано.

В первый раз он добился своего, когда Дэниэл Мадерли предложил ему место редактора в своем издательстве. С тех пор Ной честно гнул спину на компанию и сумел завоевать доверие старика. Дополнительные очки он заработал, когда сумел жениться на его инфантильной дочери, тем самым еще больше укрепив свои позиции в издательстве и став фактически одним из действующих директоров. Когда же настал подходящий момент, Ной через Надю связался с Блюмом и намекнул ему на возможность слияния. Насколько он мог судить, Моррис Блюм до сих пор пребывал в уверенности, что идея приобрести издательский дом «Мадерли-пресс» принадлежит ему и только ему. На самом деле Ной с самого

начала нацелился именно на «Уорлд Вью» как на наиболее перспективную корпорацию, в наибольшей степени соответствующую его амбициям.

До сегодняшнего дня все шло именно так, как планировал Ной. Иного, впрочем, он бы и не потерпел. Золотая птица счастья маячила уже совсем близко, а Ной Рид был не из тех, кто в азарте теряет голову и начинает совершать ошибку за ошибкой на последних метрах дистанции. Он твердо знал: чтобы действовать наверняка, необходимо удвоить осторожность и не допускать поспешных действий, как бы ни соблазнительно было добиться своего одним стремительным рискованным броском.

– Что ты кипятишься? – пожала плечами Надя. – Это Моррис поставил тебе крайний срок, а не я.

Этого Ной действительно не предусмотрел – не мог предусмотреть. И именно потому он был так взвинчен и напряжен. Встречаясь с Дэниэлом, Ной почти не слушал, что говорил ему тесть. Стараясь кивать в нужный момент и отделиваясь шутивными фразами, он вспоминал змеиную улыбку и вкрадчивый тон, каким Моррис сообщил, что дает ему еще две недели на принятие окончательного решения.

При этом Моррис Блюм не преминул напомнить Ною, что у него было достаточно времени, чтобы рассмотреть полученное предложение и либо согласиться, либо отказаться. В ответ Ной напомнил, что его тесть слишком упрям и ни за что не согласится продать «Мадерли-пресс».

«В таком случае, мистер Рид, вы должны предпринять решительные меры, способные заставить его переменить мнение», – заявил ему на это Моррис. А в конце встречи этот червяк не без ехидства добавил, что на «Мадерли-пресс» свет клином не сошелся и что другие издательства будут только рады стать подразделением такой солидной и перспективной корпорации, как «Уорлд Вью».

Самое неприятное заключалось в том что это была не пустая угроза. Ной лучше других знал, что, несмотря на видимость благополучия, многие издательства висят буквально на волоске. Им не хватало ни сил, ни свободных средств, чтобы конкурировать с медиа-гигантами, и каждое из них с радостью променяло бы свою независимость на финансовую стабильность, которую предлагала «Уорлд Вью». Что ж, их можно было понять. В отличие от «Мадерли-пресс», мелкие издательства боролись за свое существование, и им было не до сантиментов.

Сам Ной тоже не был сентиментален, и ему была непонятна фанатическая приверженность Дэниэла традициям и семейной истории. Он, однако, понимал, что старый Мадерли не откажется от своих принципов, какими бы идиотскими они ни были, и что обломать ему рога будет очень и очень непросто.

Увы, этого не понимал и не мог понять Моррис Блюм. Для него издательский дом «Мадерли-пресс» был лишь лакомым куском, который необходимо схватить, и чем скорее, тем

лучше. При этом ничто или почти ничто не мешало ему удовлетвориться каким-нибудь другим, не столь крупным и более покладистым издательством и в считанные месяцы превратить его в крупный издательский трест, который сотрет в порошок и «Мадерли-пресс», и остальных конкурентов.

А этого не понимал уже Дэниэл Мадерли, и Ной, как ни старался, не смог втолковать ему столь очевидной истины.

– Я помню про срок, – раздраженно бросил он Наде. – И постараюсь в него уложиться.

– А как насчет Марис?

– Она улетела по делам во Флориду.

– В Джорджию.

– Что?..

– Ты говорил – Марис поехала в Джорджию.

– Да какая разница! Главное, что она далеко, и никто не помешает мне спокойненько обработать старика. Я уже указал ему на выгодные стороны предложения об объединении с «Уорлд Вью»; теперь надо довести до его сведения, что он потеряет, если откажется.

– А что будет, когда Марис вернется?

– Она сделает то, что скажет ей отец.

– Я тебя не об этом спрашиваю...

О, господи!.. Ной устало вздохнул и, закрыв глаза, с силой потер переносицу. Только этого разговора ему не хватало! Как будто у него и так мало проблем!

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Надя... – Открыв глаза,

он опустил руку и посмотрел на нее. – Сама посуди: разумно ли будет требовать у Марис развода сейчас? Нет, нет и нет! С этим придется подождать по крайней мере месяц до тех пор, пока не будет подписан договор с «Уорлд Вью». Тогда, кстати, у Марис будет дополнительный стимул со мной развестись, – Нои снова вздохнул. – Неужели ты думаешь, что мне нравится жить с ней и лизать Дэниэлу задницу?

– Мне бы не понравилось, – заявила Надя.

– А поставь себя на мое место! Мне приходится еще тяжелее... – Он немного помолчал, надеясь, что Надя улыбнется, но она осталась серьезной.

– И все же... – проговорила она. – Может быть, тебе неприятно лизать задницу старому упрямцу, но как насчет задницы Марис? Вдруг ты будешь по ней скучать?

Нои сухо рассмеялся.

– Я не буду скучать о своей жене, Надя. Мне жаль терять хорошего редактора, но с деньгами Блюма я смогу нанять троих... нет, пять, десять таких, как она! Но даже если я не сумею найти подходящего редактора, у меня будут мои десять миллионов. Этого вполне достаточно, чтобы утешиться.

Лицо Нади неожиданно стало мрачным, почти угрюмым.

– Ты действительно хочешь, чтобы я вскружила Моррису голову? – спросила она.

– Фигурально выражаясь – да.

– А как насчет того, что ты говорил раньше? Ты сказал, что пойдешь на это ради нас... Это правда?

Вместо ответа Ной привлек ее к себе и поцеловал. Надя развела в стороны полы его рубашки и, приникнув губами к соску, принялась игриво его покусывать.

– Так это правда?..

– Сейчас я готов признаться в чем угодно – даже в том, что готовил покушение на президента.

Хрипло рассмеявшись, Надя погладила его через брюки.

– Не желаю делить тебя с этой школьницей! – проговорила она. – Мне хочется, чтобы ты принадлежал только мне.

– Мне... тоже... хочется. – Ной расстегнул брюки. Надя тотчас опустилась на колени и медленно провела кончиком языка по его напряженному члену. Ной закричал от удовольствия.

– Займись тем, что получается у тебя лучше всего, а Мадерли предоставь мне, – пробормотал он. – Вот увидишь, как я с ними разделяюсь.

9

Паркер сидел за компьютером уже несколько часов. Он давно проснулся и пытался работать, но никак не мог сосредоточиться на чем-то одном. Ум его то и дело принимался блуждать или прыгал с одного на другое, точно пущенный умелой рукой камешек по воде.

Майкл принес ему третью чашку кофе. Ставя ее на стол, он сказал:

– Твоя гостья вышла из флигеля и движется к нам по дорожке вдоль берега. Она часто останавливается и любуется морем, но скоро она будет здесь.

Паркер сам попросил Майкла проследить за Марис. Выслушав доклад, он кивнул, с интересом глядя на растекавшийся по столу кофе. Обычно Майкл был очень аккуратен, но сегодня с ним явно что-то случилось. Выплеснувшись из чашки, кофе подтек под блокнот с рукописными заметками, а теперь тонкий коричневый ручеек подбирался к клавиатуре.

Подняв голову, Паркер внимательно посмотрел на своего старшего товарища.

– Извини, сейчас я уберу, – сказал Майкл.

– Будь так любезен...

Майкл фыркнул.

– Послушай, – сказал Паркер, – если тебе хочется что-то

сказать – скажи, а не веди себя как мальчишка.

– Мне кажется, ты отлично знаешь, что я хочу сказать.

– Ты хочешь меня поздравить?

– Вовсе нет. Пора взглянуть на вещи трезво, Парк. Или ты действительно ждешь, чтобы тебя похвалили за удачную выдумку?

– Но ведь она здесь, не так ли?

– Да, она здесь, – подтвердил Майкл, но его лицо не выразило ни радости, ни воодушевления, и Паркер нетерпеливо дернул плечами.

– Ну что тебе опять не нравится? Ведь мы же с тобой обо всем говорили, и не раз! Я забросил наживку, и вот – рыбка клюнула, как мы и надеялись. Если ты в чем-то сомневаешься, почему ты не выбросил записку с телефонными номерами, которую принес тебе шериф?! Ведь ты передал ее мне, хотя мог этого не делать! Мне оставалось только позвонить, и вот – она приехала. Чем ты теперь не доволен?

Повернувшись, Майкл сердито затопал на кухню.

– Кажется, у меня булочки подгорели, – буркнул он через плечо.

Паркер вздохнул, вытер кофе тряпкой и, бросив на подоконник намокший блокнот, снова уставился на экран компьютера, но всякое желание работать пропало окончательно. Он никак не мог сосредоточиться на двух последних абзацах, которые написал. Сейчас они казались ему бессмысленными, простым нагромождением ничего не значащих слов и

не связанных между собою фраз. Пытаясь постичь их смысл, Паркер заставил себя прочесть абзацы слово за словом, но яснее они от этого не стали. С тем же успехом он мог читать текст на суахили.

Неожиданно Паркер понял, почему он перестал понимать написанное. Он нервничал, волновался, как школьник! Это было по меньшей мере странно, поскольку его план осуществился почти в точности так, как он задумывал. Правда, по ходу дела ему пришлось внести кое-какие уточнения, однако они были сделаны только для того, чтобы лучше приспособиться к характеру Марис. В целом же она реагировала на созданные им ситуации намного лучше, чем он ожидал.

Пожалуй, заманить ее на Санта-Анну оказалось даже слишком просто, подумал Паркер, вспоминая предшествующие события. Ему достаточно было только потянуть за ниточки, и вот уже Марис, как послушная марионетка, шагает по канату и отплясывает твист. Должно быть, из-за этого Майкл так надулся. Ведь она ничего не подозревала, и это превращало ее почти в жертву.

«Но она не жертва!» – упрямо подумал Паркер.

Да, ему пришлось кое-что предпринять, чтобы заставить Марис сделать то, что он хотел, однако, по большому счету, она всегда могла остановиться. Никто ее не вынуждал, не ставил в безвыходное положение – все зависело только от того, насколько понравится ей «Зависть» и понравится ли вообще.

Это обстоятельство и было причиной его волнения, и совсем не потому, что от этого зависело осуществление его плана. Мнение Марис интересовало Паркера как писателя – ему очень хотелось услышать, что она думает о тех двадцати страницах, которые вчера вечером она унесла с собой. Что, если Марис скажет – чушь собачья? Что, если она вежливо поблагодарит за возможность ознакомиться с продолжением, но скажет – оно ей не понравилось, и откланяется?

В этом случае его план полетит ко всем чертям, а самолюбие будет глубоко уязвлено.

Не в силах продолжать работу, Паркер повернулся вместе с креслом к окну и увидел Марис, которая медленно шла по дорожке, соединявшей флигель с особняком. Когда-то в этом небольшом уютном домике помешалась летняя кухня, но он решил устроить там комнаты для гостей. Правда, гости у него бывали редко, и Паркер не планировал увеличения их числа в обозримом будущем, однако распорядился, чтобы флигель был перестроен и оборудован всем необходимым.

И вот теперь в нем появилась гостья – или птичка, сама залетевшая в ловушку, которая должна была вот-вот захлопнуться.

Марис тем временем подняла голову, увидела его в окне «солярия» и, улыбнувшись, помахала рукой. Помахала? Паркер не помнил, когда в последний раз ему вот так махали рукой. Чувствуя себя полным дураком, он тоже поднял руку и помахал в ответ.

Меньше чем через минуту Марис уже входила в стеклянную дверь.

– Доброе утро. Паркер.

– Привет.

Ее кожа все еще казалась влажной, и пахло от нее каким-то душистым мылом – кажется, земляничным. Рукопись Марис держала в руке.

– Как здесь здорово! – воскликнула она и счастливо рассмеялась. – Вчера в темноте я так и не разглядела твою усадьбу толком, но сегодня... Это просто чудо! Теперь я понимаю, почему ты здесь поселился. – Она обернулась, чтобы бросить еще один взгляд на бархатную лужайку, белый пляж и лазурные просторы Атлантики. – Должно быть, тебе здесь так покойно...

– Извини, я забыл дать тебе фен.

Марис машинально заправила за ухо влажную прядь.

– Действительно, я его не нашла, – сказала она, – но в такое теплое утро это не важно. Мне было даже приятно, что волосы мокрые. Что касается твоею гостевого домика, го за исключением фена там есть все необходимое. Мне там было очень хорошо.

– Рад это слышать.

Паркер продолжал внимательно ее рассматривать. Как он и рассчитывал, его пристальный взгляд смутил Марис.

– ...И мебель. – добавила она несколько растерянно. – Вся мебель подобрана с большим вкусом, а главное – без той

пестроты, без смешения стилей, какие иногда встречаешь в домах, обставленных «под старину». Особенно мне понравилась кровать с коваными спинками и ванна на ножках в виде львиных лап.

– Это Майкл придумал.

– Блестящая идея!

– Да он у нас большой любитель железных кроватей, бронзовых ванн и резных каминов.

– Просто он внимателен к деталям.

– Вероятно.

Некоторое время оба неловко молчали, потом вдруг заговорили одновременно.

Паркер сказал:

– У тебя блузка мокрая. Марис сказала:

– Я прочла первую главу...

– Ну и что скажешь?

– Блузка?..

– Да. Она мокрая.

Марис опустила взгляд. Она была одета в ту же юбку и блузку, в которых приехала на Санта-Анну, и Паркер заметил это сразу, как только она вошла. Весь ее багаж остался в отеле в Саванне, и доставить его в усадьбу не представлялось возможным – во всяком случае, не вчера вечером, когда, поддавшись на уговоры Майкла, Марис согласилась переночевать в гостевом флигеле.

Именно поэтому сегодня ей пришлось надеть то, что было

на ней накануне; только жакет Марис оставила в домике, так как утро выдалось по южному жарким. И вот теперь спереди на блузке отпечатался влажный след, в точности повторявший кружевные узоры ее лифчика.

Выпрямившись, Марис нервно свернула страницы рукописи в трубочку, стараясь подавить подсознательное желание прикрыть ими грудь.

– Вчера я постирала кое-какие вещи, но они не успели высохнуть.

«Вещи, – подумал Паркер. – Она употребила множественное число. Это значит – лифчик и трусики. В чем же она спала?.. Гольшом?» От этих мыслей ему неожиданно стало жарко, и он почувствовал, как его лоб покрывается испариной.

– В домике есть калорифер, – заметил он.

– Наверное, это влажность виновата. – Марис неуверенно улыбнулась.

– Наверное.

Их взгляды на мгновение встретились, но Марис сразу же отвернулась. Паркер понял – ему таки удалось ее смутить, и это, пожалуй, было очень неплохое начало. Нет, просто отличное!.. Паркер собирался продержатъ ее в таком состоянии как можно дольше, надеясь ослабить возможное сопротивление. Жаль только, что Майкл не одобрял его стратегии.

Наклонившись вперед, Паркер вытащил из ее пальцев свернутую в трубку рукопись.

– Ты прочла?..

– Три раза.

Паркер удивленно приподнял брови:

– Вот как?

– Да. И надо сказать – у меня есть несколько замечаний.

– Каких же? – Он обиженно вздернул подбородок.

– Кто-нибудь будет завтракать? – спросил Майкл, появляясь в дверях. Перед собой он толкал ресторанный тележку на колесиках, на которой стояли тарелки с яичницей, беконом и большое блюдо с нарезанной ломтиками дыней. В плетеной корзинке, накрытой полотенцем, лежали свежесвепеченные булочки. В супнице дымился горячий бульон, а в мисках с овсянкой таяли кусочки сливочного масла.

У Паркера, который давно был голоден, рот наполнился слюной, а в животе заурчало; тем не менее он сердито покосился на Майкла, который, как назло, появился в самый неподходящий момент. Паркер, впрочем, был почти уверен, что Майкл подстроил это нарочно.

– Ладно, – проворчал он, – я с тобой потом поговорю.

– О чем? – притворно удивился Майкл, продолжая избегать его взгляда.

– Сам знаешь. – Паркер состроил ему свирепую гримасу, но Майкл и ухом не повел. Поклонившись Марис, он жестом пригласил ее за стол, на котором Паркер иногда обедал во время работы.

– Боже мой! – проговорила Марис, пока Майкл наполнял

ее тарелку. – Обычно я завтракаю тостами и кофе!..

Негромко фыркнув, Майкл напомнил ей, что завтрак – это самая важная из трех дневных трапез, так как от него зависит настроение на весь день.

– ...Как полопаешь, так и потопаешь. – Этим высказыванием он закончил свое короткое назидание, и лишь некоторое время спустя до Марис дошло, что Майкл слегка перервал известную поговорку.

– Возьмите булочку, Марис, а я налью вам бульона, – предложил Майкл. – Бульон из баранины, но я думаю – вам понравится.

Вот уже несколько лет Марис старалась избегать жирной пищи. Не то чтобы у нее были проблемы с весом или с сосудами – просто в Нью-Йорке считалось дурным тоном не заботиться о своем здоровье, поэтому вкус бульона – довольно жирного и приправленного какими-то незнакомыми специями – был ей незнаком. Впрочем, после нескольких ложек Марис поняла, что перед ней удивительно вкусная вещь.

– Вы так едите каждое утро? – спросила она, когда ее чашка опустела.

– Нет, просто сегодня – особый случай, – ответил Майкл.

– Он пытается произвести на тебя впечатление, – заметил Паркер.

– Что ж, ему это удалось. – И Марис улыбнулась Майклу такой улыбкой, что Паркер испытал что-то вроде приступа ревности.

– Было бы лучше, если бы вместо булочек ты принес ей фен, – проворчал он, низко наклонившись над своей тарелкой.

Закончился завтрак более или менее мирно. Майкл и Марис болтали о разных пустяках, и только Паркер, очистив свою тарелку в рекордно короткий срок, покатил свое кресло в кухню. Он продолжал нервничать, поэтому, когда Майкл сделал движение, чтобы отправиться за ним, Паркер поспешно сказал:

– Не беспокойся, я справлюсь...

На кухне он некоторое время сидел неподвижно, глядя в одну точку и стараясь дышать глубоко и ровно. Потом он взял со стола деревянный поднос, положил его на колени и, поставив на поднос кофейник с горячим кофе, вернулся в «солярий». Майкл и Марис вели светскую беседу о выращивании рододендронов, а Паркер готов был грызть ногти от нетерпения. Когда же они заговорили о сравнительных достоинствах «Кошек» и «Бульвара Сансет»*,² он едва не задушил обоих. Спора о том, следует ли разрешить женщинам играть в Национальной баскетбольной ассоциации, Паркер вынести уже не мог.

– Может быть, поговорим о моей книге? – вмешался он, довольно нелюбезно перебив обоих.

– Куда ты спешишь? – удивился Майкл. – Твоя книга никуда не убежит, да и Марис, я думаю, тоже.

² «Кошки» и «Бульвар Сансет» – известные бродвейские мюзиклы

– Позволю себе напомнить, что это не светский прием и не семейный завтрак. Мы здесь по делу.

– А жаль... – Майкл принялся собирать пустую посуду и составлять обратно на тележку. – Мне не часто удается поболтать с приличным человеком.

– А я, по-твоему, неприличный?

– Не особенно.

Рассмеявшись, Паркер скомкал салфетку и ловко закинул ее на тележку.

– Ладно, тащи это все на кухню и возвращайся скорее. Ты уже показал Марис, какой ты щедрый и гостеприимный хозяин, но я-то знаю: тебе не терпится узнать, что она скажет о моей «Зависти».

Майкл вышел, что-то бормоча себе под нос, а Паркер вернулся к Марис.

– Готов спорить на что угодно, этот не слишком лестный монолог посвящен мне, – сказал он, как только Майкл исчез в кухне и не мог их услышать.

– Он – твой родственник? – поинтересовалась Марис.

– Не по крови.

– Но он тебя любит.

Паркер остро взглянул на нее, но, когда он увидел, что Марис не пытается язвить, выражение его лица несколько смягчилось. Несколько секунд он раздумывал, потом медленно кивнул:

– Да, пожалуй. Я думаю, можно и так сказать...

- Разве ты никогда об этом не задумывался?
- Задумывался, но... не такими словами.
- Майкл всегда заботился о тебе?
- Нет, не всегда.
- Я имела в виду после... после несчастного случая...
- Несчастливого случая?!

Марис указала на его инвалидное кресло:

- Мне показалось...
- С чего ты взяла, что это был несчастный случай?
- Разве с тобой произошло что-то другое?

Из кухни появился Майкл, но, почувствовав, что мешает серьезному разговору, нерешительно остановился на пороге. Паркер махнул ему рукой. На этот раз он был почти благодарен ему за невольное вмешательство. А может – и даже скорее всего! – вольное. Мало что ускользало от внимания Майкла Стротера.

Набрав полную грудь воздуха, Паркер медленно выдохнул и повернулся к Марис, которая села на плетеный диванчик в углу, предварительно сдвинув в сторону несколько географических атласов.

– О'кей, давай с этим кончать, Марис. Что ты хочешь сказать?

Она рассмеялась.

- Это не суд, и я не судья, – сказала она.
- Нет?
- Совсем нет. Но свое мнение у меня имеется, и я хотела

бы его высказать. То, что я прочла, мне понравилось. Очень понравилось... – Она замолчала, переводя взгляд с него на Майкла и обратно.

– Что-то мне подсказывает, что следующее предложение ты начнешь с большого-пребольшого «но»... – заметил Паркер. Он старался говорить шутливым тоном, но голос его чуть заметно дрожал, и Марис снова улыбнулась.

– То, что я держу в руках, – только набросок, Паркер. Превосходный набросок, и все же это не совсем...

Майкл негромко кашлянул и, опустив голову, уставился на мыски своих кроссовок.

– Набросок?

– Именно... – Марис облизала пересохшие губы. – Да, написано очень хорошо, просто великолепно написано, но... Ты скользишь по поверхности, даешь только контуры, общие описания событий, тогда как они должны быть глубже, рельефнее.

– Понятненько...

– Да нет же, Паркер, это совсем неплохо, просто...

– Ты хочешь сказать – хуже некуда? – развернув кресло, Паркер покатился к стеклянной стене и остановился там спиной к Марис, неотрывно глядя на побережье, где легкие волны накатывались на песчаный пляж. На Санта-Анне сильный прибой случался крайне редко, и берег не был обезображен волноломами, дамбами и прочими инженерными сооружениями, уродующими континентальное побережье возле пор-

тов и поселков.

– Я вовсе не разочарована тем, что я прочла, – сказала за его спиной Марис. – Скорее наоборот...

В наступившей неловкой тишине ее негромкий голос прозвучал робко, почти испуганно. Из кухни доносился шум воды – там работала посудомоечная машина, но это был единственный звук, нарушавший безмолвие большого дома.

Неожиданно плечи Паркера начали трястись, и он поспешно закрыл ладонью рот, стараясь заглушить рвущиеся из груди звуки.

– О, Паркер, пожалуйста, не надо! – воскликнула Марис. Теперь она действительно не на шутку испугалась.

Этого он уже не выдержал. Повернувшись к ней вместе с креслом, Паркер захохотал во все горло. К нему немедленно присоединился Майкл.

Марис ничего не понимала.

– Твоя взяла, старый черт! – выдавил наконец Паркер. – С меня пятьдесят баксов.

– Я же говорил, – откликнулся Майкл, довольно хихикая. – Интуиция никогда меня не подводила!

Марис вскочила с дивана и с гневом посмотрела на обоих. Уперев кулаки в бока – чего, строго говоря, ей делать не следовало, так как тонкая блузка на груди тотчас натянулась, и мокрые кружева под ней обозначились яснее, – она сердито сказала:

– Несомненно, речь идет о какой-то очень веселой шутке!

Не хотите ли посвятить меня в подробности, чтобы и я могла посмеяться вместе с вами?

– Это не шутка, Марис. – Майкл перестал смеяться, и на лице его даже появилось виноватое выражение. – Это было... гм-м... что-то вроде эксперимента. Лучше сказать – испытания.

– Испытания?

– Несколько месяцев назад мы прочли о вас статью в одном профессиональном журнале. Мне показалось – вы действительно отличный редактор и знающий издатель. А Паркер начал спорить, что вы, скорее всего, ничего особенного собой не представляете и что статью заказал ваш отец...

– Я сказал не «заказал», а «заплатил», – вставил Паркер. – Он заплатил за публикацию. А потом ваш отдел рекламы состряпал хвалебную статью, в которой тебя превозносили до небес.

– Да, – с несчастным видом согласился Майкл. – Уж очень вас в ней хвалили, Марис!.. Вот Паркер и завелся. Он сказал, что своей репутацией вы, без сомнения, обязаны деньгам своего папеньки и что вы выглядите слишком молодой и... гм-м... неопытной...

– Я сказал – «глупой», – снова поправил Паркер.

– ...Чтобы отличить хороший текст от плохого, и что вы, наверное, не читаете ничего, кроме журнальных статей...

– О себе, – ввернул Паркер.

– Еще он сказал, – продолжил Майкл, бросив на него

предостерегающий взгляд, – что хорошим книгам вы предпочитаете хороший... гхм!..

– Подберите нужное слово и заполните пропуск! – с блаженной улыбкой заключил Паркер.

Все это Марис выслушала молча, и на ее лице не дрогнул ни один мускул. Наконец она повернулась к Паркеру, и он сразу понял, что, когда в книгах пишут «ее глаза метали молнии», это не просто метафора.

Глаза у Марис были серовато-синими – совсем как грозовые тучи, которые внезапно наползают с запада жарким летним полднем, закрывая солнце. Обычно они были спокойны, но могли отражать и гнев, и ярость. Сейчас ее глаза потемнели, словно туча, готовая метнуть вниз жаркую молнию.

– По-моему, ты обиделась, – спокойно заметил Паркер, небрежно пожимая плечами. – Но припомни: я сделал все, что только было в моих силах, чтобы помешать тебе приехать сюда. Но ты все равно притащилась... Когда вчера вечером я, – он покосился на Майкла и решил не упоминать про поцелуй, – пытался убедить тебя уехать, ты не послушалась.

Но этих объяснений было явно недостаточно, чтобы Марис простила его.

– По-моему, ты законченный сукин сын! – отчеканила она.

– По большей части – да, – согласился Паркер и скромно потупился.

– Ты пытался меня проверить!

– Грешен, – согласился Паркер. – Пытался.

– И если бы я начала хвалить твою рукопись, ты бы понял, что я лгу...

– Или что ты – паршивый редактор.

– Я-то знал, что это не так, – вмешался Майкл, стараясь как-то смягчить ситуацию. – Мне приходилось читать книги, которые редактировали вы, Марис. Вот почему я сказал Паркеру, что его мнение о вас как о неопытном или неумелом редакторе является ошибочным. Когда же он предложил поспорить на пятьдесят долларов, я согласился... – Он слегка пожал плечами. – Это был верный выигрыш, я ничем не рисковал.

Марис кивнула в знак того, что слышала, однако гнев ее несколько не остыл. Впрочем, на Майкла она почти не сердилась – больше всего ее пил Паркер, который сидел в своем инвалидном кресле и улыбался довольной улыбкой крокодила, который только что проглотил гнездо болотной утки вместе с утятами. Несомненно, он продолжал поддразнивать ее, и Марис решила – это не должно сойти ему с рук. Она готова была сказать ему какую-нибудь резкость, но не знала – какую; пока же она раздумывала, Паркер спросил:

– Ну что, теперь-то ты жалеешь, что приехала? Может, принести тебе телефон, чтобы ты могла вызвать катер и вернуться на континент?

Марис набрала полную грудь воздуха и неожиданно для себя выпалила:

– От чего умер отец Тодда?

Паркер почувствовал, как сердце в груди подпрыгнуло от облегчения и радости. Его улыбка, которая так раздражала Марис, была лишь способом скрыть собственные волнение и тревогу, однако этого она знать не могла.

– Он скончался внезапно или, может быть, он долго болел? – уточнила она.

– Так ты все-таки хочешь поговорить о книге? Марис пропустила этот вопрос мимо ушей.

– Как воспринял Тодд эту потерю? Он страдал или, наоборот, радовался, что его отец избавился от мучений? Любил ли он отца? Старался ли ему подражать? Или эта смерть освободила Тодда от морального ига и тирании отца? – Придвинув плетеный стул к креслу Паркера, Марис села ихватила у него из рук рукопись. – Надеюсь, ты понимаешь, к чему я подбираюсь?

– К тому, что мои персонажи страдают схематичностью.

– Именно! Ты должен сделать их объемными, облечь, так сказать, скелет плотью. Откуда родом были Тодд и Рурк, кем были их родители, в каких условиях они воспитывались и росли... Все это очень важно. Да, ты пишешь, что они оба хотели стать писателями, но не объясняешь, как появилось у них это желание. Почему они выбрали такой путь? Просто потому, что оба с детства любили литературу, или сам процесс писания был для них чем-то вроде катарсиса – способа дать выход своим чувствам, мыслям, переживаниям?

– Катарсиса?..

– Ты слушаешь меня или нет?

– Ладно, в следующий раз буду держать под рукой словарь.

– Ты отлично знаешь, что означает это слово! – отрезала она.

Паркер снова улыбнулся.

– Да, знаю. – Краем глаза он увидел, что Майкл тихонько встал и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Марис не обратила на это внимания – гнев все еще бурлил у нее внутри, и она не замечала ничего вокруг.

– Жизнь в общежитии студенческой общины...

– В другой главе об этом написано подробнее.

– Ага, значит, есть еще одна глава!

– Я работал над ней сегодня утром, – быстро нашелся Паркер.

– Отлично. Что касается первой главы, повторю: она мне очень понравилась, несмотря на... то, что я тебе только что сказала. Когда я ее читала, я буквально ощущала запах нестиранных носков. А эпизод с зубной щеткой – он просто великолепен! Мне даже не верится, что такое можно выдумать. Быть может, ты взял его из собственного опыта?..

– Над чем еще мне стоит поработать? – холодно осведомился Паркер, и Марис кивнула:

– Ага, понимаю, я задала слишком личный вопрос.

– Если вчера ты постирала свое белье, тогда в чем ты спа-

ла?

Марис даже задохнулась от возмущения. Слегка отдышавшись, она открыла рот, чтобы отбрызнуть наглеца, но передумала. Закрывая рот, она случайно клацнула зубами, и Паркер это услышал.

– Ни в чем, правда? – сказал он и ухмыльнулся.

Марис опустила глаза. Паркеру показалось, она смотрит на его ноги, и ему захотелось сказать: «Да, ноги у меня больные, но эта штука работает отлично. Если хочешь убедиться – можешь ее потрогать». Но он промолчал, испугавшись, что тогда она точно вызовет катер и уедет от него навсегда.

– Ты права, – проворчал он. – Не стоит задавать слишком личных вопросов.

Марис кивнула и, не поднимая головы, стала просматривать страницы рукописи, на полях которой сделала кое-какие пометки.

– Да, первую главу надо сделать более развернутой, – сказала она и исподтишка покосилась на Паркера, следя за его реакцией. Он ничего не ответил, и Марис со вздохом выпрямилась. – Ты знал, что я это скажу, правда?

Паркер кивнул:

– Как ты справедливо заметила, я скользил по поверхности, не углубляясь в детали.

– И ты сделал это только для того, чтобы проверить мою редакторскую квалификацию?

– Гм-м...

– Ты устроил мне что-то вроде экзамена, как при приеме на работу, правда?

– Что-то вроде того.

Улыбка Марис показалась Паркеру снисходительной, всепрощающей – так мать смотрит на свое непутевое дитя. Она явно решила быть «хорошим парнем» и не отвечать злом на зло. От этого Паркеру стало не по себе. Он бы предпочел, чтобы Марис пришла в ярость, накричала на него, обозвала подонком и мерзавцем, наконец, влепила ему пощечину. Если бы она проявила себя настолько же стервой, насколько он сам был мерзавцем, ему было бы легче исполнить то, что он задумал. Но она повела себя совершенно иначе. Они с Марис словно выступали в разных весовых категориях, причем она об этом даже не подозревала.

– У тебя есть полное право послать нас с Майклом к чертовой бабушке, а то и подальше, – сказал он.

– Мой отец не одобряет подобных выражений, – ответила Марис с достоинством.

– Значит, ты действительно «папенькина дочка»?

– Как правило, да, потому что он очень хороший отец. Мой папа – джентльмен и очень много знает. Мне кажется, ты бы ему понравился.

Паркер хрипло рассмеялся.

– Вряд ли, если, конечно, он настоящий джентльмен.

– Ошибаешься. Папе всегда нравились отважные и дерзкие люди. Думаю, он бы даже назвал тебя крутым.

Паркер снова улыбнулся.

– Разные люди вкладывают в это слово разный смысл.

– Как бы там ни было, папа прочитал твой пролог, и он ему понравился. Он сам сказал, чтобы я занялась этим проектом.

Кивком головы Паркер указал на страницы, которые она держала в руке.

– Так занимайся!..

Марис опустила голову и снова стала листать рукопись, просматривая свои пометки.

– Ты можешь не спешить, Паркер, – сказала она. – Объем тебе тоже никто не ограничивает. В случае необходимости рукопись можно будет сократить в процессе редактирования – я сама этим займусь. Единственный совет – не вываливай всю информацию о персонажах в первых же главах – лучше всего, если она будет равномерно разбросана по всему тексту, чтобы читатель постепенно узнавал, как жили герои, какими они были до того, как впервые увидели друг друга.

– Я уже знаю... – Паркер постучал себя согнутым пальцем по виску. – Вот здесь.

– Превосходно, Паркер, только читатели, к сожалению, не могут читать твои мысли.

– Тем хуже для них!

Марис выровняла страницы и отложила рукопись.

– Что ж, у меня пока все, – сказала она и улыбнулась. – Я рада, что выдержала ваше дурацкое испытание. Ты не представляешь, как сильно я соскучилась по такого рода работе.

Я и сама этого не сознавала, пока вчера вечером не начала работать с твоей рукописью. Мне всегда нравилось править текст по-своему, а потом спорить с автором, в особенности – с талантливым автором.

Паркер ткнул себя пальцем в грудь:

– Талантливый автор – это, очевидно, я?

– Очевидно и бесспорно.

Ее взгляд, такой открытый, искренний и серьезный, заставил Паркера внутренне поежиться. Отвернувшись, он долго смотрел на океан, чтобы не видеть ее глаз, не чувствовать... Ничего не чувствовать.

Похоже, это он выступал не в своей весовой категории. Наклонившись вперед, Марис легко тронула его за колено и сказала очень тихо, почти прошептала:

– Ты, наверное, не изменил своего решения и не скажешь мне, кто из твоих героев...

– Может, хватит, а?.. – Паркер рванул колеса инвалидного кресла и покатил в сторону своего рабочего стола. – Мне некогда. У меня не редактор, а настоящая стерва, которая навалила на меня целую гору работы!

«ЗАВИСТЬ»

Глава 4

1985 год

Вторник накануне Дня благодарения*³ выдался морозным и пасмурным. Как по заказу, холодный фронт понизил температуру до двадцати трех градусов, словно индейка и тыквенный пирог были несовместимы с теплой погодой.

Будильник Рурка был заведен на половину восьмого утра. В семь сорок пять он был уже побрит и одет в свой лучший костюм. Без десяти восемь он спустился в столовую, где, прихлебывая горячий кофе, в последний раз просматривал рукопись и гадал, что скажет профессор Хедли о работе, в которую он вложил столько труда и душевных сил.

От этого зависело многое – в частности, го, как пройдут предстоящие праздники. Он либо проведет

³ День благодарения – национальный праздник, ежегодно отмечаемый в США в четвертый четверг ноября. Дни с четверга по воскресенье являются выходными. Считается семейным праздником и отмечается традиционным обедом с фаршированной индейкой, клюквенным вареньем и открытым тыквенным пирогом

их спокойно и счастливо, с полным сознанием того, что его усилия не пропали даром, либо будет терзаться бесконечными сомнениями в собственных способностях.

Между тем время поджимало, и Рурк залпом проглотил остатки кофе. До объявления вердикта оставалось каких-нибудь полчаса, и каким бы ни был отзыв профессора – положительным, отрицательным или резко отрицательным, – Рурк знал, что выслушает его с облегчением. Неизвестность, томившая его со вчерашнею вечера, была хуже самого ругательного отзыва.

– Хочешь пирожок с джемом. Рурк?

Он поднял голову и увидел остановившуюся возле столика Мамочку Брен, распорядившуюся в студенческом общежитии буквально всем.

– Нет, Мамочка, спасибо, – ответил он. – Мне пора бежать.

Рурк давно понял, что Мамочка была, наверное, самой многострадальной женщиной в мире. Миссис Бренда Томпсон давно овдовела, однако, вместо того чтобы выращивать в саду пионы и судачить с соседками, она добровольно переселилась в общежитие, где обитало восемьдесят два молодых человека, которые вели себя, словно стая диких павианов.

Это сравнение Рурк придумал сам, и оно казалось ему весьма удачным. Члены студенческого братства не читили устоев, не уважали чужой собственности и никого не боялись. Для них не существовало ничего святого.

Бог, родина, семья – для них эти слова были в лучшем случае пустыми звуками. Любые проявления чувств тотчас становились объектом грубых насмешек.

В словаре студентов не было понятий «прилично – неприлично». Как и все самцы рода *Homo sapiens*, оказавшиеся в группе численностью свыше двух человек, они деградировали буквально на глазах. По сравнению с ними даже неандерталец показался бы образцом благовоспитанности и хороших манер. Все, что их матери запрещали им делать дома, молодые люди со смаком проделывали в общежитии и кичились друг перед другом своим недостойным поведением.

Но миссис Томпсон, как и подобает настоящей леди, не обращала внимания ни на их дикие выходки, ни на выражения, которыми студенты уснащали свою речь, ни на их персональные привычки. Ее долготерпение и заботу, с которой она относилась ко всем без исключения обитателям общежития, снискали ей всеобщую любовь и доверие. Миссис Томпсон и в самом деле была Мамочкой для восьмидесяти двух сорвиголов, однако в отличие от настоящих родителей она никогда не пыталась приучить их к порядку и дисциплине.

Она словно не замечала пьянства, ругани и богохульств, в упор не видела сновавших из комнаты в комнату полуодетых девиц и никогда не жаловалась, если ее подопечные включали свои стереосистемы на полную катушку. А когда студиозусы, решив наказать некую девицу за измену одному из «братьев», выбрали

в шерсти ее кошки аббревиатуру СЗУТ, обозначавшую название братства, Мамочка Брен сказала только, что еще никогда не видела таких ровных и красивых букв.

Впрочем, в ее присутствии, в особенности по средам, когда члены общины собирались в столовой на традиционную общую трапезу, студенты старались поддерживать видимость порядка. Откуда-то появлялись засаленные пиджаки и заляпанные кетчупом галстуки, и каждый, кто выругался, рыгнул или испортил воздух, спешил извиниться перед Мамочкой. Извинения неизменно принимались с благосклонной улыбкой, а уже через секунду с противоположного конца столовой доносился столь же оскорбительный звук.

Иными словами, в миссис Томпсон члены землячества обрели Идеал Матери.

Рурк давно подозревал, что Мамочка Брен относится к нему более тепло, чем к большинству обитателей общежития, хотя объяснить этого не мог. Во всяком случае, дело было не в поведении, поскольку Рурк был так же груб и так же плохо воспитан, как и большинство его товарищей. Однажды после вечеринки в честь окончания второго курса он заполз под стоявший в гостиной на первом этаже кабинетный рояль и там заснул. Очнулся Рурк от сильной рвоты, сотрясавшей все его тело. В гостиной было темно, холодно и сильно пахло «Джеком Дэниэлсом», извергнутым из его желудка.

Мамочка Брен появилась в гостиной внезапно.

Очевидно, она только что проснулась, так как была одета только в длинный фланелевый халат и шлепанцы на босу ногу. Включив свет, она наклонилась над Рурком и, потрепав по плечу, спросила, как он себя чувствует.

«Спасибо, мэм, хорошо», – ответил Рурк, хотя каждому было ясно, что ему очень плохо.

Но Мамочка не произнесла ни единого слова осуждения. С неколебимым спокойствием фронтовой сестры милосердия она взяла одеяло, которое кто-то набросил на уродливую, как смертный грех, но зато исполненную во всех анатомических подробностях надувную резиновую куклу, находившуюся в общей коллективной собственности обитателей общежития, и заботливо укрыла Рурка, которого уже начинало знобить от холода и подступающего похмелья.

С той ночи Мамочка Брен прониклась к нему особой симпатией. Быть может, все дело было в том, что, протрезвев, Рурк поблагодарил ее за помощь и извинился, а быть может, в том, что он собственноручно убрал под роялем и вычистил за свой счет испорченный ковер. Ни один человек в общежитии, похоже, не обратил внимания ни на то, что ковер был заблеван, ни на то, что он снова стал чистым. Но Мамочка заметила. Очевидно, именно это и убедило ее в том, что Рурк не совсем безнадежен и из него еще может выйти что-то приличное.

– Что-то ты сегодня рано, – заметила она теперь, ставя на стол бумажную тарелочку, на которой лежал

пирожок с джемом. Обычно Мамочка не разносила еду – студенты обслуживали себя сами, снимая с длинного транспортера дежурные блюда, приготовленные вечно недовольным, ворчливым поваром.

– Сегодня я встречаюсь с моим дипломным руководителем, – объяснил Рурк и взял с тарелки еще горячий пирожок. – Спасибо, Мамочка.

– На здоровье. – Она поглядела на разложенные на столе бумаги. – Это и есть та книга, которую ты пишешь?

– Да, мэм. То есть она еще не закончена.

– Я уверена, у тебя все будет отлично.

– Благодарю, мэм.

Она пожелала ему удачи и направилась к другому столику, за который как раз усаживался Дирк – еще один студент, который только что спустился в столовую со своего этажа. Этот парень слыл здесь первым красавцем; во всяком случае, девушки липли к нему, как мухи. («...К дерьму!» – обычно добавляли завистники). Впрочем, несмотря на зависть, которую Дирк вызывал во многих сердцах, в общечитии его любили. Трудно было ненавидеть такого отзывчивого и щедрого парня, к тому же вместо того, чтобы эксплуатировать свою внешность, извлекая из нее максимум выгоды, Дирк почти стеснялся ее.

Заметив Рурка, он приветливо кивнул ему, потряхнув золотистыми кудрями.

– Как дела, Шекспир?

– Как сажа бела, Дирк. Сегодня иду к Хедли –

получать фитиль в зад...

Рурка звали Шекспиром все, за исключением Тодда. Соседи по общежитию давно прознали о его страсти к литературе, а Шекспир был единственным писателем, фамилию которого они могли припомнить не напрягаясь. Рурк даже не пытался объяснить товарищам, что Шекспир писал пьесы, а он пишет романы, отлично понимая, что разница между белым стихом и прозой – как и многие другие отвлеченные теории – может оказаться его однокурсникам не по зубам. Слишком уж памятен ему был случай, когда на занятиях по английской литературе один из студентов, которому преподаватель показал портрет великого британца, заявил, что не обязан знать всех американских президентов.

Впрочем, втайне Рурк даже гордился своим прозвищем, но сегодня утром оно звучало как насмешка. Он был почти уверен, что профессор Хедли не оставит от его трудов камня на камне и ему придется начинать все сначала. А как, скажите на милость, начинать сначала, если окажется поколеблена сама вера в собственные литературные способности?..

Вспомнив о профессоре, Рурк бросил взгляд на часы и заторопился, хотя у него было еще целых пятнадцать минут. Сунув рукопись под мышку и на ходу дожевывая мамочкин пирожок, он почти выбежал из столовой и поспешил к выходу из общежития.

Только на улице Рурк понял, насколько сильно переменялась погода. Правда, пруд в центре

студгородка еще не замерз, но лужи покрылись хрустевшим под ногами ледком, холодный ветер забирался под джинсовую куртку, и Рурк пожалел, что не надел теплое полупальто, в котором обычно ходил зимой.

Здание филологического факультета – как и большинство университетских корпусов – было выстроено в георгианском стиле, который отличало наличие портика с колоннами. Колонны эти давно пожелтели, а кирпичные стены сплошь заросли плющом, который буквально за одну ночь стал из зеленого багрово-красным.

При виде знакомого здания Рурк невольно прибавил шаг, но не потому, что боялся опоздать, а потому, что боялся замерзнуть насмерть. Несмотря на то что он получил консервативное воспитание, включавшее, в частности, воскресные походы в церковь, его представления о происхождении, свойствах и точном местонахождении бога были более чем смутными. Он был далеко не уверен, что Верховное Существо, которому молва приписывала такие замечательные качества, как всеведение и вседеприсутствие, может всерьез интересоваться каким-то Рур-ком Слейдом, его надеждами и тревогами. Но сегодня любая помощь ему бы не помешала, поэтому, взбегая на ступеньки крыльца, он пробормотал коротенькую молитву, в которой про сил бога по возможности его помиловать и смягчить каменное сердце профессора Хедли.

В вестибюле Рурка обдало запахом теплой пыли,

которым тянуло от старых печей. Несомненно, по случаю холодов их раскочегарили на полную мощность, так как в здании было непривычно тепло. Скинув куртку, Рурк повесил ее на руку и легко взбежал по широкой лестнице на второй этаж.

В коридоре его приветствовали несколько студентов, занимавшихся у тою же научного рук водителя. Худой, длинноволосый парень в очках, как у Джона Леннона, даже подошел к нему и хлопнул по плечу:

– Привет, Слейд.

Рурк что-то пробурчал в ответ. По имени его звали только девушки. Что касалось остальных, то, кроме Тодда, вряд ли кто-нибудь из них помнил его имя.

– Выпьешь с нами кофе? – предложил «Джон Леннон». – Мы собираемся в десять часов в столовой – хотим создать учебную группу по подготовке к выпускным экзаменам.

– Не знаю, успею ли я освободиться к этому времени. Я как раз иду к Хедли на экзекуцию.

– Что, прямо сейчас? – удивился его собеседник.

– Да, а что?

– Не завидую тебе, приятель. Что ж, в любом случае – удачи.

– Спасибо. До скорого...

– Увидимся.

Рурк пошел дальше. Пирожок с джемом, проглоченный практически целиком, перекачивался в желудке, словно чугунное ядро. После кофе во рту остался горьковатый привкус, и Рурк пожалел, что не

запасся мятной жевательной резинкой.

Но вот наконец и кабинет профессора. Остановившись перед дверью с полированной латунной табличкой, Рурк одернул свитер и, набрав полную грудь воздуха, решительно выдохнул. Вытерев вспотевшие ладони о джинсы, он негромко постучал.

– Войдите.

Профессор Хедли сидел за рабочим столом, положив обутые в замшевые мокасины ноги на выдвинутый ящик. В зубах у него дымилась сигарета, а на коленях лежала стопка бумажных листов – несомненно, рукопись какого-нибудь будущего Драйзера или Хемингуэя. Кроме колен профессора, рукописи лежали буквально на всех горизонтальных поверхностях, и Рурк невольно подумал, что если всю эту бумагу переработать обратно в деревья, то получился бы довольно большой лес. В перерасчете на квадратный дюйм, профессорский кабинет был, несомненно, самым большим бумагохранилищем в мире.

– Доброе утро, профессор.

– Доброе утро, мистер Слейд.

Официальная нотка в голосе Хедли заставила Рурка насторожиться. Правда, профессор никогда не панибратствовал со студентами. Напротив, он держался с ними презрительно, почти брезгливо, а от его едких насмешек не были застрахованы даже старшекурсники.

Преподавательский метод профессора Хедли заключался в том, чтобы заставить учащегося почувствовать себя полным невеждой. Только после

того, как несчастный студент утрачивал последние крохи самоуважения и начинал считать себя тупицей из тупиц. Хедли начинал чему-то его учить и достигал порой впечатляющих успехов. Похоже, он считал, что только унижение способно разбудить в человеке стремление к знаниям.

Рурку, впрочем, удалось довольно быстро убедить себя, что холодность, с какой встретил его профессор, была только привычкой и что ему не стоит принимать ее на свой счет.

– Нет-нет, не закрывайте дверь, – сказал Хедли, глядя на него в упор.

– О, простите... – Рурк повернулся и открыл дверь, которую машинально захлопнул.

– Я-то прошу, а вот простите ли вы себе – еще вопрос... Рурк растерялся.

– Я... я не понимаю, сэр.

– У вас что, плохо со слухом, мистер Слейд?

– Со слухом? Нет, а что?..

– Я сказал, что вам надо просить прощения не у меня, а у себя... – Профессор посмотрел куда-то за спину Рурка и закончил:

– ...Потому что вы опоздали ровно на пятьдесят шесть с половиной минут.

Рурк обернулся. Позади него висели над дверью большие часы. Белый циферблат, крупные черные цифры... По циферблату зайцем прыгала секундная стрелка. Часовая была почти на девяти. Минутной оставалось три деления до двенадцати.

«Спятил старик!.. – подумал Рурк. – Нет, точно – у него что-то с мозгами. Быть может, это современная бумага выделяет какие-то ядовитые вещества?..»

Он слегка откашлялся.

– Простите, сэр, но я пришел вовремя. Вы назначили мне на девять, и я...

– Не на девять. На восемь, – поправил профессор.

– Да, сначала так и было, но потом вы мне позвонили и перенесли встречу на час вперед. Разве вы не помните?

– Я еще не сошел с ума, молодой человек, – насмешливо сказал профессор Хедли. – И память меня пока не подводит. Ни я, ни мой секретарь вам не звонили. – Он посмотрел на Рурка из-под густых черных бровей. – Это вы что-то перепутали. Мы должны были встретиться ровно в восемь ноль-ноль...

Он уже старик...

До самого недавнего времени Дэниэл Мадерли отказывался признавать себя пожилым человеком вопреки всему – даже здравому смыслу. Письма и рекламные брошюры, при-
сылаемые Американской ассоциацией пенсионеров, он вы-
брасывал в корзину не читая и никогда не пользовался нало-
говыми льготами, которые государство предоставляло своим
гражданам, достигшим преклонного возраста.

Но в последние годы Дэниэлу становилось все труднее и
труднее спорить с собственным отражением в зеркале. Куда
более громким голосом обладали суставы. Опровергать при-
водимые ими аргументы было еще тяжелее.

Дэниэл всегда гнал от себя мысли о старости, но сегодня
они неожиданно принесли ему что-то вроде извращенного
удовольствия. Если размышления о прожитой жизни не мо-
гут служить признаком возраста, тогда что же может? Точно
так же и забота о теле, которое понемногу начинало отказы-
вать, являлось недвусмысленным признаком того, что с го-
дами в организме что-то разладилось. Молодые, полные сил
люди обычно не замечают даже серьезных хворей, и только
старика мучительно раздумывают над каждым пигментным
пятнышком, над каждым выпавшим волоском.

Впрочем, это было как раз понятно. Дэниэл Мадерли луч-

ше, чем кто бы то ни было, знал, что у молодых просто не хватает времени, чтобы всерьез задуматься о конечности собственного бытия. Они слишком заняты тем, что живут, и тень неизбежной смерти не смущает их покой. Закончить школу, поступить в колледж, получить образование, устроиться на работу, стать профессионалом, жениться, развестись, вырастить детей – эти дела и заботы заполняли собой все их время, так что им было некогда на минуточку остановиться и вспомнить – ничто не вечно под луной.

Но даже если это происходило, мало кто из молодых раздумывал о бренности своей плоти всерьез. Для них смерть была делом слишком отдаленного будущего. Лишь изредка молодежь спохватывалась, что все в мире имеет конец, и испытывала по этому поводу легкое беспокойство, которое, впрочем, быстро забывалось, вытесненное повседневными делами и заботами.

А будущее тем временем незаметно приближалось, и в один прекрасный день вопрос о неизбежном внезапно вставал в полный рост, становясь самым главным.

Дэниэл, впрочем, еще не дошел до такого состояния, чтобы думать о смерти днем и ночью, однако ему было ясно – настало время позаботиться о том, чтобы его кончина не вызвала ненужных осложнений.

Верная Максина полагала, что по ночам ее обожаемый патрон спит, как ребенок, но это было не так или, вернее, не совсем так. В молодости Дэниэлу хватало четырех-пяти ча-

сов сна в сутки, чтобы чувствовать себя в отличной форме, а с возрастом он начал обходиться всего двумя-тремя часами. Поскольку это никак не сказывалось на его самочувствии, Дэниэл счел это естественным явлением и не считал нужным о нем распространяться. Ни Максина, ни Марис не догадывались, что большую часть ночи он не спит, а просто лежит, перечитывая свои возлюбленные книги – классические приключенческие романы, которые так нравились ему в детстве, бестселлеры других издательств, которые принесли кому-то отличный доход, и, конечно же, новые книги, выпущенные его собственным издательским домом.

Когда же Дэниэл не читал, то размышлял о своей жизни, вспоминая разные события и поступки, служившие для него источником гордости или жгучего стыда. Особенно часто Дэниэл думал о своем школьном товарище, который умер в относительно молодом возрасте от лейкемии. Родись он на несколько десятилетий позже, и его бы, скорее всего, спасли – спасли для долгой и счастливой жизни, однако ему не повезло, и Дэниэл от души скорбел о нем и о десятилетиях крепкой мужской дружбы, в которой им обоим было отказано по воле неумолимой Судьбы.

Не менее отчетливо Дэниэл помнил, какую боль он испытал, когда его первая любовь вышла замуж за другого. Теперь, оглядываясь назад, он не мог не понимать, что ее решение было единственно правильным для обоих, но тогда ему казалось – он умрет от горя. С тех пор Дэниэл никогда

больше ее не встречал, но знал, что она переехала с мужем в Калифорнию. Часто он гадал, как сложилась ее судьба и жива ли она еще.

Первая жена Дэниэла была очень красивой и умной женщиной, и, когда она умерла, он был близок к отчаянию. Почти два года он не жил, а существовал. Ему уже начинало казаться, что он никогда не будет счастлив, но тут Дэниэл повстречал Розмари. Именно она – тут не могло быть никаких сомнений – стала его самой большой и единственной любовью. Красивая, страстная, нежная, образованная, прекрасно воспитанная, очаровательная, она стала ему не только женой, но и другом. Дэниэлу довольно часто приходилось задерживаться на работе, да и дома он нередко бывал погружен в проблемы и заботы, связанные с управлением издательским домом, но Розмари никогда не жаловалась и не роптала. Дэниэл высоко ценил ее терпение, преданность и поддержку, однако теперь ему казалось – он не успел воздать Розмари должное за все, что она для него сделала, и это мучило его.

Теперь, задним числом, Дэниэл глубоко сожалел о том, что служебные обязанности не позволяли ему чаще бывать дома, с Розмари. Если бы можно было вернуть те дни, он бы многое сделал иначе, и в первую очередь – пересмотрел свою систему ценностей и приоритетов таким образом, чтобы уделять больше времени семье.

Но это были только мечты, несбыточные мечты, к тому

же в глубине души Дэниэл понимал: сумеи он каким-нибудь волшебным способом перенестись в прошлое, и он совершил бы те же самые ошибки.

К счастью, это было все или, вернее, почти все, о чем он теперь сожалел. По-настоящему неблагоприятных поступков Дэниэл совершил всего один или два. Однажды он уволил редактора просто потому, что тот осмелился с ним спорить. И вопрос-то был пустяковый, но разыграла гордыня, и Дэниэл был вне себя от ярости. Не ограничившись увольнением, он нашел способ «по секрету» сообщить другим издателям, что его бывший сотрудник оказался гомосексуалистом, а в те времена общественное мнение было настроено к разного рода извращениям крайне нетерпимо. Это был почти смертельный удар, но, не удовлетворившись им, Дэниэл распустил слух, будто нетрадиционная сексуальная ориентация редактора стала влиять на его работу, что было чистой воды ложью. На самом деле уволенный им человек был прекрасным работником, а его отношения с коллегами могли служить образцом для подражания, но авторитет Дэниэла в издательском мире был непререкаем. Никто не хотел взять беднягу даже младшим редактором. В конце концов он вынужден был уехать из города туда, где его никто не знал, и след его затерялся.

Так нелепая гордость Дэниэла погубила карьеру человека, который любил книги не меньше его самого и не мыслил себя вне своего дела. Исправить свою ошибку Дэниэл сначала не

захотел, а потом было уже поздно, и он знал – вину за этот поступок он унесет с собой в могилу.

В другой раз – через несколько лет после смерти Розмари – Дэниэл ввязался в интрижку, которой всегда стыдился. Холостяку, воспитывающему шестнадцатилетнюю дочь, нелегко встречаться с женщинами – это требует тщательного планирования, расчета, частого перекраивания рабочего и личного расписания. Кроме того, любовница Дэниэла безумно ревновала его к Марис. Она устраивала ему скандал за скандалом, требуя, чтобы он выбрал между ней и дочерью. И хотя выбор был очевиден, Дэниэлу пришлось приложить немалые усилия, прежде чем рассудок одержал верх мал похотью и ему стало ясно – он никогда не сможет полюбить того, кто не любит и не принимает его дочь полностью и безоговорочно.

Не без труда он положил конец этой постыдной связи, но с тех пор все его свободное время и любовь принадлежали Марис.

На протяжении десятилетий Дэниэл пользовался репутацией одного из лучших издателей страны. У него было как будто шестое чувство, которое подсказывало ему, какую рукопись отклонить, а какую – приобрести за любые деньги, какого автора поддержать, а с каким – расстаться без сожаления. За время, что Дэниэл возглавлял «Мадерли-пресс», стоимость компании возросла чуть не в сотню раз. В последние годы он зарабатывал денег больше, чем был в состоянии потратить, – больше, чем могла потратить за всю свою

жизнь Марис и, возможно, ее дети. Но деньги никогда не были для него главным, хотя он не имел ничего против богатства. Основным движущим мотивом было для Дэниэла стремление сохранить и упрочить то, что было создано тяжелым и самоотверженным трудом его предков. Семейный бизнес перешел к нему по наследству еще до того, как Дэниэлу стукнуло тридцать, и он считал своим долгом передать дело следующему поколению Мадерли. Правда, Марис была женщиной, а это означало, что ее дети, скорее всего, будут носить фамилию отца, однако, зная, как дорожит Дэниэл семейными традициями, Марис нашла замечательный выход. Она решила взять двойную фамилию и впредь именоваться Мадерли-Рид, чтобы передать ее своим детям. Таким образом практически исключалась ситуация, когда во главе издательства мог оказаться человек, который не носит фамилию Мадерли.

Для Дэниэла, впрочем, этот вопрос был скорее формальностью, так как кровное родство было для него намного важнее. И какую бы фамилию ни носила Марис, она оставалась его главным сокровищем. Ею он гордился и ею дорожил гораздо больше, чем издательством. Вместе с тем Дэниэл понимал: одно не может существовать без другого, поэтому он и предпринимал самые серьезные меры, чтобы обезопасить «Мадерли-пресс» от хищников, которых с годами становилось все больше и которые всегда были голодны и нахальны. Увы, избавить Марис от всех невзгод и напастей он был

не в состоянии, как бы ему этого ни хотелось. Никакие, даже самые заботливые родители не могут оградить своего ребенка от синяков и шишек, да они и не должны этого делать. Дэниэл всегда признавал за Марис право жить своей, а не чужой жизнью, совершать свои ошибки и радоваться своим успехам. Лишить ее этого было бы с его стороны не правильно и нечестно.

Дэниэлу оставалось только надеяться, что разочарования, которые суждено пережить Марис, не будут слишком глубокими, что побед в ее жизни будет намного больше, чем поражений, и что, дожив до старости, она сможет оглянуться на прожитые годы по крайней мере с тем же удовлетворением, какое испытывал сейчас он сам.

Смерти Дэниэл не боялся. Но никто, кроме Максины, не знал, что в прошлом месяце он дважды встречался со священником. Розмари была ревностной католичкой, и, хотя Дэниэл так и не обратился к вере по-настоящему, он в какой-то мере перенял ее убеждения и взгляды. Во всяком случае, он твердо верил, что в будущей – и лучшей – жизни он и Розмари снова будут вместе.

Нет, умереть Дэниэл не боялся.

Он боялся умереть дураком!

Именно по этой причине Дэниэл почти не спал прошлой ночью. Он даже не смог читать – просто лежал неподвижно и смотрел в потолок, пока заря не заглянула в незашторенные окна его спальни.

Но и утро не принесло облегчения, не избавило его от беспокойства.

Дэниэл никак не мог избавиться от ощущения, что он не заметил какого-то важного слова, поступка, события, которое еще лет десять назад ни за что бы не упустил из вида.

Да что там десять лет!.. Еще год назад он был гораздо внимательнее и реагировал на любое изменение ситуации молниеносно – почти как в молодые годы.

Ну, почти как в молодые...

Что же с ним творится? Может быть, это паранойя или обычная стариковская мнительность, а может – действительно было что-то?..

Или он не заметил, как к нему подкралось старческое слабоумие?

Дэниэл хорошо помнил, как перед смертью его дед устраивал скандал за скандалом экономке, которую подозревал в краже столового серебра. Однажды он обвинил ее в том, что она является глубоко законспирированной германской шпионкой, заброшенной в Соединенные Штаты с заданием травить мышьяком американских ветеранов – участников Первой мировой войны. Несколько позднее он с безапелляционной уверенностью маньяка убеждал всех и каждого, что экономка носит его ребенка. Ничто не могло убедить его, что экономка, которая и вправду выглядела полноватой, вряд ли способна произвести на свет ребенка – ведь ей было ни много ни мало шестьдесят восемь. (Дедушка, впрочем, тоже дав-

но вышел из репродуктивного возраста, однако на это ему даже намекнуть было страшно.) Не к тому ли теперь идет он сам, задумался Дэниэл. Быть может, его беспричинное беспокойство является предупредительным звонком, возвещающим о необратимых изменениях в мозгу, который уже никогда не будет работать, как когда-то?

Самому Дэниэлу, однако, хотелось думать, что его тревога свидетельствует как раз об обратном – о том, что его ум все так же ясен и что его знаменитая интуиция, не раз выручавшая его в сомнительных ситуациях, нисколько не притупилась за прошедшие пятьдесят лет.

Нет, решил Дэниэл, пока он не убедится, что его инстинкты никуда не годятся, он должен доверять своему внутреннему чутью. А инстинкты подсказывали – что-то не так.

Быть может, рассудил Дэниэл, он беспокоится из-за Марис. Она не так хорошо умела скрывать свои чувства, как ей казалось, – кого-то другого она могла обмануть, но только не его. Дэниэл безошибочно уловил сигналы семейного неблагополучия, хотя о его причинах ему оставалось только догадываться. Одно было ясно: это неблагополучие достигло такой глубины, что Марис была уже не в силах его не замечать и пребывала в расстроенных чувствах. А Дэниэл не мог не переживать вместе с ней.

Все эти рассуждения привели его к Нюю. Дэниэл хотел бы доверять ему и как зятю, и как наемному работнику, но только при условии, что Ной окажется достойным доверия.

Кряхтя от усилий, Дэниэл привел свое кожаное кресло в вертикальное положение и выдвинул ящик стола. Достав оттуда истрепанную записную книжку, он некоторое время задумчиво листал ее, потом достал из специального кармашка визитную карточку.

На карточке было написано: «Дэвид Сазерленд» – и ничего больше. Ни названия фирмы, ни адреса – только номер телефона, напечатанный четким черным шрифтом на бледно-голубом фоне.

Несколько минут Дэниэл задумчиво вертел карточку в руках. Он получил ее пару недель назад и с тех пор часто доставал и рассматривал, но так ни разу и не набрал обозначенный на ней номер. Но после утренних размышлений Дэниэл решил – пора. Нужно позвонить и обстоятельно поговорить с мистером Сазерлендом обо всем, что его тревожит.

Дэниэл отлично понимал – то, что он собирался сделать, было не совсем честно и, уж во всяком случае, непорядочно. При одной мысли об этом он начинал чувствовать себя старым параноиком. Но ведь никто не узнает, попытался успокоить Дэниэл свою совесть. Все останется тайной, если, не дай бог, не сбудутся худшие его опасения. . . Но, скорее всего, дело закончится ничем, и тогда он с легкой душой посмеется над своими страхами. В конце концов, мог же он ради своего спокойствия позволить себе одно небольшое расследование пусть даже потом он будет выглядеть в собственных глазах старым напуганным дураком. Чего Дэниэл не мог себе поз-

волить – это беспечности. На карту было поставлено слишком много, чтобы, презрев голос здравого смысла и обычной осторожности, поступать «по правилам». Если все закончится благополучно, совесть не будет терзать его слишком долго, но если он не исполнит по отношению к Марис свой отцовский долг, ему не будет ни прощения, ни пощады.

Как гласила любимая пословица Дэниэла, лучше сто раз подстраховаться, чем один раз оказаться в дерьме.

И Дэниэл потянулся к телефону, решив про себя, что отныне он будет особенно внимателен, станет уделять больше внимания случайно вырвавшимся словам, выражениям лиц и поступкам, какими бы незначительными они ни казались на первый взгляд. Меньше всего ему хотелось последним узнать о... о чем бы то ни было.

Нет, Дэниэл не боялся умереть. Он только не хотел умирать дураком.

– На всякий случай держитесь от него подальше – стены могут в любой момент завалиться, – предупредил Майкл, любовно оглаживая каминную полку куском шлифовальной бумаги.

– Вот как? – удивилась Марис. – А разве в таком случае Паркеру не опасно бывать там одному?

– Конечно, Опасно, но попробуйте-ка сказать ему об этом.

– Майкл...

Почувствовав ее колебания, он обернулся.

– Да нет, ничего... – поспешно сказала Марис. – С моей стороны было бы нечестно спрашивать... Ни по отношению к вам, ни по отношению к нему.

– Спрашивать? О чем?

– О том, почему... что с ним случилось.

– Да, это было бы нечестно.

Марис кивнула и, усилием воли стряхнув с себя задумчивость, снова спросила:

– Как все-таки туда пройти?

– Куда? В хлопкоочистительный сарай? Это правда может быть опасно, Марис...

– Обещаю, что убегу, как только он начнет падать.

– Дело не в этом. Опасность может грозить вам со стороны... Паркера. Он не любит, когда его беспокоят.

– И все же я бы, пожалуй, рискнула, – упрямо сказала Марис. – Это далеко?

– Скажите, вам много приходится ходить пешком?

– В Нью-Йорке я каждый день хожу пешком, если погода хорошая. И еще бегаю три раза в неделю.

– Тогда вы доберетесь туда без труда. – Майкл вкратце рассказал Марис, каким путем ей следует идти, потом еще раз предупредил:

– Паркеру очень не понравится, если вы там появитесь!

– Может быть, – ответила Марис и беззаботно рассмеялась.

Весь день она сидела в комнате и читала, пока не раз-

болелись глаза, так что теперь выйти на свежий воздух ей было приятно вдвойне. Впрочем, в данном случае выражение «свежий воздух» было лишь штампом, не отражавшим действительное положение дел. Жара была ужасная, влажность – и того хуже. Яркое солнце слепило глаза, и даже тень не дарила желанной прохлады. Несмотря на это, остров по-прежнему выглядел очень живописно. Высокие пальмы, как на картинках в книжке о Робинзоне Крузо, покачивали узорчатыми перистыми листьями, столетние виргинские дубы стояли неподвижно, одевшись в гирлянды седого испанского мха, яркие тропические цветы наполняли воздух густым, сладким, чуть дурманящим ароматом. С океана тянуло запахами соли и сырой рыбы – не такими уж неприятными, как можно было предположить.

Не спеша шагая по дороге, Марис прошла мимо дома, стоявшего в глубине зарослей, которые накануне вечером она приняла за глухую чащу. Во дворе, представлявшем собой узенькую, засеянную травой лужайку, играли мальчик и девочка в ярких костюмчиках. Оба были еще достаточно малы, чтобы с радостным визгом скакать вокруг вращающейся поливочной головки, из которой били две тонкие водяные струйки, и над головами детей то и дело вспыхивали маленькие радуги. Оба давно промокли насквозь, и Марис не без зависти подумала, что при такой жаре это даже приятно.

Возле другого дома, стоявшего недалеко от первого, она увидела большую желтую собаку, вытянувшуюся в тени

небольшого грузовичка. Опасливо косясь в ту сторону, Марис замедлила шаг, но беспокойство оказалось напрасным. Почувяв ее, собака лишь лениво подняла голову, широко зевнула, продемонстрировав жаркую розовую пасть и блестящие зубы, и снова задремала.

Больше Марис не встретилось ни одной живой души. Только цикады, укрывшись в чаще кустарников, сопровождали ее непрерывным звоном.

Указания Майкла оказались довольно точными, и она без труда отыскала заброшенный хлопкоочистительный, сарай, хотя он и был скрыт густыми зарослями, поднявшимися во-круг за прошедшие десятилетия. Чтобы добраться до него, нужно было свернуть с проезжей дороги и пройти по узкой тропинке, засыпанной битыми ракушками. Марис так и поступила.

Это была именно тропинка – не больше ярда в ширину, она местами совсем заросла колючками и жесткой травой с острыми листьями, и Марис с сомнением поглядела на свои голые ноги. Она даже подумала, не благоразумней ли будет оставить старый сарай в покое и познакомиться с другими достопримечательностями острова, которые так настойчиво рекламировал Майкл.

– Трусишка!.. – пробормотала она сквозь зубы и огляделась по сторонам в поисках подходящей палки. Палка нашлась довольно скоро, и Марис осторожно двинулась по тропе, раздвигая перед собой траву, сбивая колючки и стараясь

производить как можно больше шума, чтобы заранее известить о своем приближении грызунов, насекомых и рептилий, к которым она никогда не испытывала симпатии.

Очевидно, ее маневр имел успех, так как ни змей, ни лягушек ей не встретилось. Отшвырнув в сторону ненужную палку, Марис отряхнула руки и запрокинула голову, чтобы получше рассмотреть массивное старое строение.

Как и предупреждал Майкл, сарай действительно выглядел так, словно мог развалиться в любой момент. Бревна, из которых он был сложен, прогнили и потемнели от старости. Жестяная крыша проржавела, и в ней во многих местах зияли проломы и дыры. По стенам карабкались разнообразные вьюнки и лианы, которые цвели роскошными ярко-алыми граммофончиками, чья красота резко контрастировала с общим видом здания.

Без особой охоты Марис приблизилась к распахнутым настежь воротам и заглянула внутрь.

Изнутри сарай показался ей еще больше, чем снаружи. Он напоминал глубокую сырую пещеру, в которой царил густой таинственный сумрак. Лишь кое-где его пронзали прямые, как копья, лучи солнечного света, пробивавшиеся сквозь отверстия в крыше, но от этого темнота казалась только еще гуще.

В глубине сарая Марис разглядела что-то вроде помоста, опиравшегося на массивные бревна. Прямо под ним находилось деревянное колесо диаметром около десяти футов,

укрепленное на короткой колоде толщиной с хорошую бочку. Ничего подобного Марис еще никогда не видела.

Она несколько раз моргнула, чтобы глаза привыкли к темноте, потом неуверенно позвала:

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Не получив ответа, Марис сделала несколько шагов вперед:

– Паркер?.. Эй!..

– Да здесь я, здесь!..

От неожиданности Марис подскочила на добрых полтора фута и, прижав ладонь к груди, быстро обернулась. Паркер сидел в кресле в углу позади нее. В темноте он был практически невидим – лишь слабые отблески света играли на хромированных ободьях и ручках инвалидного кресла.

Немного придя в себя, Марис сердито спросила:

– Почему ты не отзываешься? Разве ты меня не слышал?

– Интересно, как я мог тебя не слышать? Нет, Марис, из тебя никогда не получится порядочного следопыта. Я услышал тебя, еще когда ты рубилась с колючками на тропе.

– Тогда почему ты не ответил, когда я тебя звала? Он покачал головой:

– Как ты сюда попала?

– Пришла. А как ты сюда попал?

– Приехал.

– Разве твое кресло может пройти по тропе?

– Как видишь – может. – Паркер не двинулся с места, но

Марис чувствовала, что, он разглядывает ее из своего угла. – Где ты взяла новую одежду?

Марис машинально опустила голову и посмотрела на свою джинсовую юбку, тонкую хлопчатобумажную рубашку в красную и синюю клетку и кожаные сандалии на ремешках. Эту одежду она обычно брала с собой, когда ездила в загородный дом в Беркшире – по ее мнению, ничего лучшего для барбекю под открытым небом и походов по антикварным лавочкам в природе не существовало. Минуло всего два дня с тех пор, как она уложила эти вещи в дорожную сумку, но сейчас ей казалось, что времени прошло гораздо больше.

– Это Майкл... – объяснила Марис. – Он позвонил в отель и договорился, чтобы мои вещи переслали сюда с почтовым катером. Майкл сам съездил за ними на причал и привез сюда.

– Старина Майкл совсем спятил.

– Что ты имеешь в виду?

– По-моему, старый болван просто влюбился в тебя.

– А по-моему, он просто очень милый, хорошо воспитанный человек.

– Мы об этом уже говорили.

Да, Марис хорошо помнила этот разговор, и ей совсем не хотелось к нему возвращаться, поскольку тогда он закончился... Нет, даже думать о том, чем он закончился, Марис не хотелось.

Последовала долгая пауза. Глаза Марис совершенно при-

выкли к темноте, но она по-прежнему не могла рассмотреть Паркера, лицо которого скрывали глубокие тени. Решившись первой нарушить молчание, она сказала:

– Любопытное здание... Должно быть, это что-то вроде местной достопримечательности?

– Да, – согласился Паркер. – Это весьма примечательное здание, только туристов здесь обычно не бывает. Как ты его отыскала?

– Майкл объяснил мне дорогу.

– Что-то он очень много болтает, этот Майкл...

– Он не болтает. Во всяком случае, ни одного твоего секрета он мне не открыл.

– Вот как? Вообще-то, еще полчаса назад этот сарай как раз и был одним из моих секретов. Я люблю приходить сюда, когда мне хочется побыть одному.

Похоже, Паркер намекал, что ему неприятно ее общество, но Марис притворилась, будто ничего не поняла. Сделав еще пару шагов вперед, она огляделась по сторонам. Земляной пол сарая был засыпан мусором, высохшим птичьим пометом и перьями. Когда-то здесь, очевидно, жгли костер, поскольку среди мусора она разглядела обугленные доски и золу. На помост в глубине сарая вела прикрепленная к стене деревянная лестница, но половины ступенек у нее не хватало, а оставшиеся выглядели слишком гнилыми, чтобы выдержать сколько-нибудь значительную тяжесть.

В целом это было довольно жуткое место – в особенности

под помостом, где тени были гуще и стоял древний станок, похожий на старинное орудие пыток. Что мог найти здесь Паркер? Почему ему так нравилось в этом грязном хлеву? Этого Марис не могла даже представить.

– Вероятно, – рискнула она предположить, – у этого... у этой постройки интересная история?

– А ты знаешь что-нибудь о хлопке? – ответил Паркер вопросом на вопрос.

– Как же... – Марис улыбнулась. – «Король-хлопок»... А также «Здоровый материал для здоровой жизни», – процитировала она почерпнутый из телевизионной рекламы лозунг.

К ее огромному удивлению, Паркер расхохотался. Это был настоящий смех, а не тот презрительный, издевательский хохот, который она слышала от него до сих пор. Кажется, ему было по-настоящему весело, и Марис решила воспользоваться этим обстоятельством.

– Кроме того, – добавила она, – хлопковой ватой очень удобно удалять лак с ногтей.

Паркер еще некоторое время смеялся, потом внезапно замолчал, отчего наступившая тишина показалась Марис почти зловещей.

– Ну-ка, подойди сюда... – промолвил он наконец.

Марис колебалась. Паркер ясно видел это, однако не стал повторять своей просьбы, надеясь на то, что она не устоит и примет вызов, содержащийся не столько в его словах, сколько в интонации. И он не ошибся. После секундного размышления Марис осторожно двинулась вперед.

Ее волосы были собраны в аккуратный, как у школьницы, «конский хвост», благодаря чему Марис выглядела лет на пять моложе. Клетчатая рубашка была завязана узлом на талии, а джинсовая юбка была достаточно короткой, чтобы он мог оценить безупречную форму бедер – округлых, стройных бедер, одним своим видом способных разжечь желание даже у полного импотента.

– Такие сараи у хлопководов называются «джин», – начал Паркер. – Давным-давно, когда он только был построен, это был скорее навес, так как три стены из четырех у него отсутствовали. Все механизмы приводились в движение животными...

– Животными? – удивилась Марис. Однажды они с отцом ездили на ярмарку, и она видела там белку в колесе. Колесо было соединено с игрушечной канатной дорогой, в вагончиках которых должны были кататься хомячки, но в тот день белка была не в настроении, и дорога бездействовала.

– Иди за мной, – приказал Паркер и покатило свое кресло

в глубь здания, под помост. Следуя за ним, Марис невольно наклонила голову, и Паркер улыбнулся. Нет, она не доставала головой до затянутого пыльной паутиной настила, но совсем немного.

– У меня никогда не было этой проблемы, – заметил он и, повернувшись, показал пальцем на едва заметную кольцевую канавку в земляном полу.

– Смотри, эту дорогу вытоптали мулы, вращавшие ведущее колесо, которое, в свою очередь, приводило в действие хлопкоочистительный станок.

– Очистка хлопка происходила здесь?

– Именно здесь! В те времена, когда царствовал Король-хлопок, сырье привозили сюда огромными фургонами. Это был превосходный, длиноволокнистый хлопок, который не рос нигде, кроме побережья Джорджии и ближайших к нему островов. Хлопок высший сорт! Он был тонким и мягким, точно шелк, к тому же его было гораздо легче отделять от семян, чем все остальные сорта.

– И поэтому он пользовался хорошим спросом, – догадалась Марис.

Паркер кивнул.

– Англичане, которые были основными покупателями американского хлопка, буквально охотились за ним. Этот сорт ценился ими на вес золота, а песчаная почва острова идеально подходила для выращивания хлопка и к тому же была достаточно плодородна, чтобы давать высокие уро-

жаи. Сырье выгружалось снаружи и подавалось на помост, где стоял станок, отделявший волокна и пух от семян и мусора. Потом волокна, провеивались и подавались на винтовой пресс, который тоже приводился в действие мулами. Спрессованный в тюки хлопок зашивали в мешковину, перетягивали стальной лентой и везли через весь остров на причал, откуда он попадал на континент, на хлопковую биржу.

– Должно быть, это был нелегкий труд, – заметила Марис.

– Ты права. С того дня, когда семечко хлопка сажали в землю, и до того дня, когда последний тюк отправлялся на континент, проходил почти год.

– На острове это был единственный хлопкоочистительный джин? – поинтересовалась Марис.

– Снова в точку! Один плантатор, один станок, одна семья. Она и выстроила особняк, который теперь принадлежит мне. Фамилия их была Бакер – не Бейкер, а именно Бакер, – и им принадлежал фактически весь остров. Монополия на хлопок приносила им огромные прибыли до тех пор, пока существовал рынок. После крушения рынка Бакеры, подобно плантаторам с других островов, пытались переключиться на выращивание устриц, но поскольку они ничего в этом не смыслили, то у них ничего и не вышло. За какой-нибудь год они разорились дотла и вынуждены были бежать с острова.

– Значит, этот са... этот джин можно назвать своеобразным памятником истории?

– Да, истории острова, – ответил Паркер. – И не толь-

ко острова. В архивах я нашел немало интересных свидетельств, связанных с этим местом. Например, в 1878 году здесь произошло одно довольно мрачное происшествие. Маленькую дочь одного из работников лягнул мул, вращавший винтовой пресс. Удар пришелся прямо в голову. Через два дня девочка умерла. Обезумевший от горя отец застрелил упрямое животное, но на этом дело не кончилось. Впрочем, о том, что он сделал с трупом, я, пожалуй, умолчу...

Несколько раньше, в 1855 году, где-то поблизости от джина стрелялись из-за женщины двое родственников хозяина – сын и его троюродный брат. Оба стреляли отменно и уложили друг друга наповал. Об этом тоже есть запись в архивах.

Кроме того, старики на острове до сих пор рассказывают красивую легенду о том, как белый надсмотрщик влюбился в черную рабыню. Когда история выплыла наружу, хозяева-плантаторы поступили с обоими крайне жестоко. Говорят, они посадили обоих в крошечную лодку, отбуксировали в открытый океан и там бросили – без продовольствия и почти без воды. Официальная версия гласила, что надсмотрщик и его любовница бежали в Чарльстон, чтобы пробираться дальше на Север, однако нашелся человек, который якобы видел в бинокль, как лодка перевернулась во время шторма, а двое пассажиров пошли ко дну. И многие жители острова считали, что так им и надо.

Однако прошло сколько-то лет, и на одном из крошечных островков, который находился довольно далеко от берега и

считался необитаемым, была обнаружена немногочисленная колония мулатов. Тогда многие считали, что это потомки той самой смешанной пары и нескольких чернокожих рабов, спасшихся с потерпевшего крушение корабля.

Это были очень красивые люди – высокие, статные; у многих были зеленые глаза и кожа цвета кофе с молоком. Обнаружил их какой-то французский аристократ, который отправился на рыбалку, но был застигнут непогодой и причалил к острову в надежде переждать бурю. Пока он оставался там, ему приглянулась одна из местных девушек. Вскоре они поженились, и он забрал с собой во Францию и ее, и ее семью. По некоторым сведениям, они жили долго и счастливо и умерли в один день.

Марис глубоко вздохнула.

– Ты рассказываешь очень красивые истории, Паркер.

– Это только легенды, – напомнил он. – Возможно, в них нет ни слова правды.

– И все равно, это очень красивые легенды!

– Ба! Неужто передо мной романтик?! – воскликнул Паркер, насмешливо изогнув бровь.

– И не простой, а неисправимый, – с улыбкой подтвердила Марис. – Кстати, – сказала она после небольшой паузы, – я хотела спросить: откуда ты так много знаешь о хлопке? Может быть, твои родители тоже когда-то его выращивали?

– Не исключено, что мой прадед собирал его вручную во времена Великой депрессии, когда никакой другой работы

не было, – ответил Паркер. – Тем же бизнесом занималась большая часть трудоспособного населения Юга. Дети, женщины, белые, черные – все хотели только одного – выжить. Голод не знает дискриминации ни по расовому, ни по половому признаку – он уравнил всех.

– А кем был твой отец?

– Врачом. Это наша семейная традиция. Он был универсалом и занимался буквально всем – принимал роды, вправлял вывихи, прокалывал нарывы.

– Сейчас он, наверное, на пенсии? Паркер покачал головой:

– Мой старик не смог одолеть многолетней привычки и лечил людей до конца. К сожалению, себя он вылечить не смог, рак легкого его доконал. Он умер намного раньше, чем должен был.

– А мать?..

– Она пережила отца на двадцать лет и умерла сравнительно недавно. Кстати, заодно скажу, что я – единственный ребенок.

– Я тоже.

– Это мне известно.

Его осведомленность удивила Марис, но потом лицо ее разгладилось.

– Ах да! – сказала она. – Та статья!..

– Да, она самая.

Несколько пшеничного цвета прядей, выбившись, упали

на лицо Марис. Они казались влажными и даже слегка курчавились, и Паркер неожиданно поймал себя на том, что не может оторвать от них взгляда. Сделав над собой усилие, он отвернулся и молчал несколько секунд, приходя в себя.

– В той статье, – сказал он наконец, – было очень много сведений о тебе, о твоём отце и даже о муже. Кстати, какой он? И что он из себя представляет?

– О, он у меня замечательный! Для семидесятивосьмилетнего мужчины он еще довольно крепок и предпочитает вести активный образ жизни. Конечно, я не хочу сказать, что он занимается спортом, но... Некоторые в его возрасте целыми днями лежат и стонут.

– Я имел в виду твоего мужа. Разве ему тоже семьдесят восемь?

– Мы, кажется, договорились избегать чересчур личных вопросов.

– Если бы я спрашивал об этом твоего мужа, тогда это был бы личный вопрос, но я спрашиваю тебя. Ведь об отце ты мне рассказала...

– Это совсем другое дело.

– Дело то же самое. Похоже, ты просто не хочешь говорить со мной о муже. Почему бы это?

– Ни почему. И вообще, я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать моего мужа.

– А для чего?

– Я хотела поговорить с тобой о «Зависти».

– Может, присядешь?

Его неожиданный вопрос, как это уже не раз бывало, застал Марис врасплох. Растерянно оглядевшись по сторонам, она покачала головой:

– Здесь не на чем сидеть, да и обстановка, гм-м... несколько мрачноватая, – сказала она, поглядев на прогнившие доски помоста над головой.

Паркер махнул рукой в направлении входа в сарай, и Марис поспешила первой выйти из-под помоста. Почти сразу она заметила на земляном полу выложенный в два кирпича круг диаметром примерно футов пять.

– А это что? – спросила она.

– Осторожнее! – Паркер неожиданно оказался рядом с ней. – Это заброшенный колодец.

– Зачем здесь колодец?

– Одно время владелец этой лавочки носился с идеей построить паровую машину, чтобы с ее помощью приводить в движение станки и механизмы. По его распоряжению и начали копать этот колодец, но еще до того, как работы были закончены, заказчик умер от дифтерита, а его наследнику идея механизации показалась не особенно практичной. Я, кстати, с ним согласен. Плантация давала не так уж много хлопка, чтобы использование паровой машины, – а она, как известно, потребляет чертову уйму угля, который пришлось бы возить с континента, – было экономически оправдано.

Марис осторожно заглянула в черный провал. Кирпичная

ограда колодца была невысокой, поэтому свалиться туда действительно ничего не стоило.

– Он глубокий?

– Достаточно глубокий.

– Достаточно для чего?..

Несколько мгновений Паркер выдерживал ее взгляд, потом откатился в сторону и, развернув кресло, кивком головы указал ей на перевернутый дощатый ящик.

– Можешь сесть сюда, если не имеешь ничего против.

Проверив ящик на прочность, Марис осторожно опустилась на него.

– Смотри не занози... гм-м... В общем, будь осторожна. Впрочем, обещаю удалить все занозы, сколько бы ты ни посадила, и совершенно безвозмездно. Это будет даже любопытно...

Марис бросила на него негодующий взгляд.

– Я постараюсь не ерзать.

– Нет, Марис, правда, я буду только рад избавить тебя от заноз, но боюсь, твой восьмидесятисемилетний муж может это не одобрить.

– Что это? Гром?! – Марис насторожилась.

– Хочешь сменить тему?

– Угу. – Она улыбнулась обезоруживающей улыбкой.

– Изволь... – Ухмыльнувшись в ответ, Паркер повернулся к дверям. Снаружи действительно заметно потемнело, а в самом сарае сгустился самый настоящий мрак.

– Летом после обеда часто бывает гроза, – пожал плечами Паркер. – Иногда непогода длится меньше часа, но изредка налетает настоящий шторм, который может затянуться до самого утра.

По ржавой жестяной крыше застучали первые, пока еще редкие капли, и Паркер поднял голову.

– Думаю, это обычная гроза, хотя сказать наверняка не берусь – я прожил на острове не так уж долго, чтобы разбираться в капризах местной погоды.

Марис глубоко вздохнула.

– А я чувствую дождь! – сказала она и зажмурилась от наслаждения. – Приятный запах, правда?

– И звук тоже, – отозвался он, прислушиваясь к барабанной дробі дождевых капель. – Иногда после шторма океан пахнет арбузами... Впрочем, – добавил он более трезвым тоном, – я помню случай, когда после урагана все побережье провоняло сырой нефтью. Это было в год, когда у Багамских островов потерпел крушение нефтеналивной танкер...

Несколько минут оба прислушивались к шуму дождя, который вскоре превратился в настоящий тропический ливень. Он не принес желанной прохлады, но его воздействие на атмосферу было несомненным. Воздух стал ощутимо более плотным, парким, удушливо-влажным, и Паркер сразу это почувствовал. Как и Марис, впрочем. Вряд ли бы она описала происшедшую перемену теми же словами, но в том, что их ощущения были сходны, никаких сомнений быть не могло.

Оторвав взгляд от распахнутых дверей сарая, за которыми вставала сплошная стена воды, Марис повернулась к Паркеру, и несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Как ни странно, ни один из них не чувствовал никакой неловкости. Если бы Паркеру пришлось подыскивать подходящий оборот, чтобы описать, как они смотрели друг на друга, он бы пожалуй, выбрал слово «выжидательно». Ему казалось – это определение как нельзя лучше отражает ту смесь любопытства, настороженности, легкого недоумения и подсознательного страха, которую они оба испытывали в эти мгновения.

Вместе с тем ее взгляд действовал на Паркера как магнит; он как будто притягивал его, и Паркер с трудом находил силы ему сопротивляться. Но и он смотрел на Марис не менее пристально и внимательно, и она не могла этого не заметить. «Что-то она скажет?» – пронеслось у Паркера в голове.

Марис выбрала самый нейтральный вариант, заговорив о его романе.

– Мне кажется, Тодд сыграл с Рурком довольно грязную шутку, – сказала она.

– Ты имеешь в виду – когда он сказал другу, будто Хедли перенес аудиенцию на час?

– Да. Весьма неожиданный поворот сюжета. Ничего подобного мне и в голову не приходило.

– Я рад.

– Хотелось бы знать, что теперь предпримет Рурк.

– А что, по-твоему, он должен предпринять?

– Набить Тодду морду.

Услышав подобное заявление, Паркер даже присвистнул. Ему было удивительно слышать от Марис такие слова.

– Разве в подобных случаях мужчины ведут себя иначе? – продолжала напирать Марис.

– Возможно, ты права, – медленно проговорил Паркер. – Во всяком случае, его первой реакцией были возмущение, ярость, обида, и я не исключаю, что он попытался бы выместить свою злость на Тодде. Но давай попробуем разобрать этот эпизод подробнее. Во-первых, таким образом Тодд только оплатил Рурку за трюк с зубной щеткой...

– Но ведь та шутка была... Конечно, это отвратительно – то, что он сделал, но ведь студенты – особенно те, которые живут в общежитии, – часто развлекаются подобным образом. Разве я не права?

– А много ты знала студентов, которые бы шутили так... неостроумно?

– Я училась в женском колледже.

– Ах да, конечно, я совсем забыл! – Паркер хлопнул себя по лбу, словно Марис напомнила ему факты, которые он обязан был знать. – То есть ты никогда не общалась со студентами-мужчинами и не знаешь, как они ведут себя в отсутствие женщин?

– С меня достаточно того, что я знаю, как они ведут себя на свиданиях.

– Значит, вот как, ты познакомилась со своим мужем?

Училась в колледже и бегала к нему на свидания?

– Нет. Мы познакомились позже.

– Насколько позже?

– Когда он поступил на работу в «Мадерли-пресс».

– С его стороны это был довольно умный шаг, – заметил Паркер и ухмыльнулся. – Ведь начинал-то он, наверное, младшим редактором или секретарем, но вот женился на дочери босса и сразу стал начальником отдела, а потом и вице-президентом!

Марис раздраженно повела плечами. Паркер был далеко не первым, кому приходили в голову подобные соображения, но редко кто осмеливался высказать их в лицо, предпочитая судачить и сплетничать за ее спиной. Впрочем, что греха таить – сама Марис тоже задумывалась об этом чересчур часто, чтобы спокойно относиться к разговорам на данную тему.

– Может, поговорим о твоей книге? – спросила она сухим деловым тоном.

– Конечно. Извини, если я тебя отвлек.

Но Марис слишком разволновалась, чтобы сразу вернуться к «Зависти». Пытаясь собраться с мыслями, она рассеянно теребила верхнюю пуговицу рубашки. Этот бессознательно-женственный жест показался Паркеру настолько эротичным и возбуждающим, что он как замороженный следил за ее пальцами.

– Одно дело – дружеский розыгрыш, – проговорила на-

конец Марис. – Но в том, что проделал Тодд, проглядывает нечто большее. Это уже не безвредная шутка, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Я не имела в виду, что это сознательная подлость, но... Поступок Тодда мог иметь далеко идущие последствия, устранить которые намного труднее, чем приобрести новую зубную щетку. Ведь он поставил под удар само будущее своего приятеля. Эта выходка могла повлиять и на результаты выпускных экзаменов, и на оценку Рурка за дипломную работу. Я думаю, он мог даже утратить веру в себя и навсегда оставить мечту сделаться писателем. Вот почему мне кажется, что в данном случае Рурк не должен безропотно подставлять под удар другую щеку – он обязан действовать!

– Да, ты права, – согласился Паркер. – Как мне видится, Рурк не из тех, кто легко сдается и складывает оружие. А этот случай... он мог бы стать для него дополнительным стимулом.

– Да, да! – с воодушевлением воскликнула Марис. – Рурка препятствия только раззадоривают. Он готов стараться за двоих, даже за троих, чтобы добиться успеха!

– Успеха, какому Тодду останется только...

– ...Завидовать, – закончила его мысль Марис. Паркер ухмыльнулся.

– В таком случае я, пожалуй, последую твоему совету и позволю Рурку выпустить пар и надавать Тодду оплеух, которые тот, по зрелом размышлении, сочтет вполне заслужен-

ными.

– Разве после того, что случилось, они смогут быть друзьями, как раньше?

– Если бы они поссорились на всю жизнь и разошлись, моя история закончилась бы, так толком и не начавшись, – возразил Паркер.

– Вовсе не обязательно. Она даже может стать еще более интересной и захватывающей, если после этого инцидента Рурк и Тодд станут заклятыми врагами.

– Что ж, поживем – увидим.

– Что?

– Дай мне время, Марис, я должен подумать. Она изумленно уставилась на него:

– Но ведь ты сказал, что уже разработал сюжет!

– Большую часть, – признался Паркер, небрежно пожимая плечами. – Но есть еще некоторые детали, которые... гм-м... требуют дополнительной шлифовки.

Марис попыталась притвориться уязвленной, впрочем – без особого успеха.

– Ты хочешь сказать – все это время ты водил меня за нос?

– Мне хотелось тебя заинтриговать.

– Я и так заинтригована! – ответила Марис, и, взглянув на ее лицо, Паркер понял, что она не обманывает. – Можно мне сделать еще одно предложение?

– Валяй, – согласился он, но тут же поправился:

– Только я не обещаю, что приму его.

– Хорошо, я согласна.

– Ну и что у тебя за предложение?

– Пусть Рурк влюбится! По-настоящему!

– Но ведь он уже влюблялся – в девушку, которая потом вернулась к своему прежнему ухажеру.

– Да, я помню. Ее звали Кэти, кажется?.. Но ведь ты только сообщил об этом читателям, но они не видели этого, не переживали вместе с Рурком, не страдали, как он. А ведь эти подробности способны помочь тебе лучше показать характер героя. Пусть читатели узнают, как Рурк борется с разочарованиями, как преодолевает трудности и все такое... Слушай, а что, если?..

– Ну, договаривай!

– Что, если в их разрыве окажется замешан Тодд?

Паркер задумчиво потер щеку и, уколовшись собственной щетиной, вспомнил, что сегодня утром не побрился.

– Такой серьезный конфликт практически в самом начале книги? Не слишком ли рано? – с сомнением сказал он. – В первых главах я собирался показать, что Рурк и Тодд были настоящими, близкими друзьями, и только потом соперничество, ревность начнут постепенно размывать их отношения. Но если уже в самом начале Тодд сначала поссорит приятеля с любимой девушкой, потом подложит ему эту свинью с профессором Хедли... Тут каждому сразу станет ясно, кто положительный герой, а кто негодяй.

– А разве это не правда? Я, например, именно так о них

и думаю.

– Ты серьезно?

– Совершенно серьезно. А почему тебя это удивляет?

– Потому что книга еще не закончена. Я даже не начал ее писать. Кто-кто, а ты должна знать, что от пролога до эпилога автор проходит весьма долгий путь и может сто раз передумать.

Марис посмотрела на него пристально, словно старалась увидеть в глазах Паркера готовый план романа.

– Ты хочешь сказать – мне все-таки придется подождать? – проговорила она наконец.

– Да.

– Тогда обещай, что ты хотя бы подумаешь о моем предложении.

– Дай мне время, Марис!

Но в его глазах что-то блеснуло, и Марис наклонилась вперед.

– Ты уже написал про что-то подобное, правда? Я угадала? С той девушкой?..

– Слушай, почему бы тебе не сделать пирсинг?

– Что-что?

– Если ты носишь юбки, которые сидят на бедрах, и завязываешь полы рубашки под грудью, почему бы тебе не пройтись кожу возле пупка и не вставить сережку – колечко или «гвоздик»?

– Потому что я не хочу.

– Жаль.

– Во-первых, серьги в носу и в других частях тела, кроме ушей, носят только дикари, а во-вторых, при одной мысли о пирсинге у меня начинают дрожать коленки.

– Брось, сейчас это делается под «заморозкой» – ты ничего не почувствуешь. А небольшое золотое колечко тебе бы пошло. С ним ты бы выглядела очень и очень сексуально! То есть еще сексуальнее, чем... – Он оторвал взгляд от ее живота и посмотрел Марис в лицо. – Нет, с сережкой или без – ты способна завести любого мужчину!.. – добавил он серьезно.

– Послушай, Паркер!.. – Марис слегка расправила плечи. – Если мы собираемся установить нормальные деловые отношения, ты должен держаться в рамках приличий.

– Я никому ничего не должен, Марис! Она упрямо покачала головой:

– Если ты хочешь работать со мной, тебе придется разговаривать нормально.

– Я буду разговаривать так, как мне больше нравится! И вообще, я тебя не держу, можешь уезжать!

Но Марис осталась сидеть на своем ящике, как Паркер и рассчитывал. Снаружи грохотал гром, потоки дождя продолжали изливаться на жестяную крышу, однако этот шум несколько не нарушал установившегося между ними враждебного молчания. Наконец Паркер подкатился к ней и, остановившись в считанных дюймах от ее коленей, вкрадчиво спросил:

– Кстати, что ты сказала мужу?

– О чем?

– О своей поездке сюда. Ты, наверное, ему звонила?

– Да, звонила. И просила передать ему, что у меня все в порядке и что дела идут, в общем, успешно.

– Просила передать? Кого?! – удивился Паркер.

– Его секретаршу.

– Разве у твоего мужа нет мобильного телефона? Мне казалось – такой человек, как он, не расстается со своим мобильником даже в туалете!

– Когда я звонила, он как раз обедал с нашим начальником отдела электронных изданий, и мне не хотелось его отвлекать. Я позвоню ему еще раз, попозже...

– Когда будешь ложиться спать?

– Наверное. А какое это имеет значение?

– Просто мне интересно, наденешь ты ночнушку или снова будешь спать в чем мать родила?

– Паркер!..

– А о чем вы будете говорить? – невозмутимо спросил он.

– Не твое дело!

– Разве ваши отношения настолько хороши? Или, наоборот – плохи?

– Я собираюсь сказать ему, – процедила Марис сквозь зубы, – что мне посчастливилось отыскать очень талантливого автора, который...

– О, Марис, я сейчас покраснею!

– ...Который ведет себя, как неотесанный мужлан. Паркер ухмыльнулся.

– Что поделывать, если это правда? – сказал он, потом его улыбка погасла. Взявшись за блестящие ободья колес, он подъехал к ней еще на пару дюймов ближе. – Готов спорить на что угодно, ты не расскажешь ему о нашем поцелуе! – проговорил он негромко. – Я абсолютно уверен, что ты об этом умолчишь!

Марис поспешно встала, опрокинув ящик, на котором сидела, и шагнула к дверям сарая. Она хотела обогнуть Паркера, но он оказался проворнее и успел преградить ей дорогу своим креслом.

– С дороги, Паркер! – почти крикнула Марис. – Я немедленно возвращаюсь в дом!

– Дождь еще не кончился, – предупредил он.

– Ничего, я не сахарная – не растаю.

– Но, может быть, остынешь. Ты очень сердита, Марис. Или боишься...

– Я тебя не боюсь, Паркер.

– Тогда сядь на место.

Когда она не двинулась с места, Паркер показал на дверь.

– Что ж, иди... Промокай, если тебе так хочется, только помни – тебе придется объяснить все Майклу. Будет большой скандал, но если ты этого добиваешься...

Марис машинально посмотрела на дождь за дверями сарая, потом нехотя придвинула ящик и снова села. Лицо ее,

впрочем, сохраняло напряженное выражение, и Паркер понял – она и обиделась, и разозлилась.

– Расскажи мне, как ты познакомилась со своим мужем, – попросил он, стараясь придать своему лицу смиренное выражение.

– Зачем?

– Мне просто хочется знать.

– Но зачем?!

– Давай назовем это творческим любопытством.

– Я бы назвала это извращенным любопытством.

– Хорошо, будем называть вещи своими именами. Итак, я болезненно любопытен. Как все-таки ты познакомилась со своим мужем?

Он был почти на сто процентов уверен, что Марис не станет ничего ему рассказывать, однако она только вздохнула и, сложив руки на животе (несомненно, чтобы прикрыть пупок), сказала:

– Ной пришел на работу в «Мадерли-пресс». Там мы и встретились, хотя я давно знала – это он является вдохновителем и организатором ряда успешных акций одного издательства, которое неожиданно потеснило нас на рынке. Когда отец переманил его к нам, я была просто счастлива, что мне представилась возможность работать с ним рядом. Лишь некоторое время спустя я поняла, что чувства, которые я питала к нему, не ограничиваются одним восхищением его издательским талантом. Короче говоря, я влюбилась в него.

Моему отцу это очень не понравилось. Он всегда был категорически против служебных романов, считал, что ни к чему хорошему они все равно не приводят. Кроме того, его смущала разница в возрасте – ведь Ной старше меня на десять лет. Бедный папа!.. Он даже пытался – довольно неуклюже, впрочем, – заняться сводничеством, знакомя меня с сыновьями и племянниками своих друзей и знакомых в надежде, что кто-то из этих молодых людей меня заинтересует. Но я не уступала. Кроме Ноя, мне никто не был нужен. К счастью, он питал ко мне такие же чувства. В конце концов мы поженились. – Она энергично кивнула головой, словно ставя точку. – Ну как? Теперь ты доволен?

– Сколько лет вы уже женаты?

– Без малого два года.

– А дети у вас есть?

– Нет.

– Почему?

Марис бросила на него сердитый взгляд, и Паркер в притворном испуге выставил перед собой ладони, словно защищаясь:

– Ты права, это чересчур личный вопрос. Если ты бесплодна...

– Я не бесплодна.

– Значит, это он стерилен?

Марис сделала движение, словно собиралась снова встать с ящика, и Паркер умоляющим жестом сложил руки на гру-

ди:

– Хорошо, хорошо, не будем говорить о детях, только не уходи! Обещаю, что этой темы я больше касаться не буду. – Он немного помолчал, словно приводя в порядок свои мысли. – Итак, ты каждый день встречалась с Ноем на работе и в конце концов втрескалась в него по уши... – резюмировал он после небольшой паузы.

– Не совсем так, – поправила Марис. – Говоря откровенно, я «втрескалась» в него гораздо раньше – еще до того, как мы с ним встретились.

– Как это? – удивился Паркер.

– Я прочла его книгу.

– «Побежденного»?! – невольно вырвалось у Паркера.

– Так ты ее знаешь? – обрадовалась Марис. – Ах да, конечно, снова та статья... Я припоминаю – там писали, что Ной является автором нашумевшего бестселлера.

– Да, в статье об этом писали, – кивнул Паркер. – Но я читал «Побежденного» раньше, когда книга только вышла.

– Я читала ее, наверное, пятьдесят раз!

– Надеюсь, ты шутишь? – мрачно спросил Паркер.

– Нисколько! Я очень люблю эту книгу. Ее главный герой стал для меня идеалом мужчины. Я грезила о нем буквально днями напролет...

– Ты склонна к романтическим мечтаниям? – перебил Паркер.

– А кто из нас не мечтает? – пожала плечами Марис. – По-

моему, в этом нет ничего удивительного.

– Возможно, но только для тебя. Что касается меня, то мои фантазии обычно таковы, что о них не очень-то прилично распространяться. Впрочем, тебе бы я мог рассказать...

– Нет, ты неисправим!

– Именно так сказала моей матери моя учительница начальной школы.

– Когда...

– ...Когда в третий раз застучала меня в туалете, где я испытывал свою любимую игрушку.

– Пожалуй, я не стану спрашивать, что это была за игрушка.

– Да, уж лучше не спрашивай... Так на чем мы остановились?

– На Сойере Беннингтоне.

– Ах да... Твой любимый литературный герой, он же предмет твоих романтических грез... Знаешь, мне это кажется немного странным.

– Что именно?

– Что он тебе так понравился. Ведь он же совершенно криминальный тип!

– Просто вор и убийца.

– Вообще-то, в нашей стране воровство и убийство считаются общественно опасными преступлениями.

– Но его поступки можно оправдать – ведь он мстил за свою жену и сына. Я рыдала в три ручья над теми страница-

ми, где описано, как он находит их тела. До сих пор, когда я перечитываю «Побежденного», у меня в этом месте слезы наворачиваются на глаза. – На лице Марис появилось мечтательное выражение. – Сойер суров и безжалостен со всеми, кроме Шарлотты, – продолжила она. – Их любовь настолько сильна, что против нее бессильна даже смерть. Когда Сойера линчевали за его преступления, он думал о...

Марис неожиданно смутилась и, не договорив, слегка пожала плечами.

– Извини, – сказала она. – Я, кажется, увлеклась. Теперь ты, наверное, считаешь меня душой, но... Я действительно очень люблю эту книгу.

– Ты говоришь о ее героях так, словно они – живые люди, – заметил Паркер, и Марис кивнула:

– Да. Ной описал их так живо, с таким мастерством, что перестаешь думать о них как о вымышленных персонажах. Иногда я даже начинаю по ним скучать. Тогда я открываю книгу на любой странице, читаю подряд несколько абзацев, и мне сразу начинает казаться, будто я побывала у них в гостях.

– Помнится, по этому роману даже сняли фильм.

Марис кивнула:

– Да, но это была такая чушь, что... Словом, книга намного лучше. Впрочем, я не виню ни режиссера, ни продюсеров – на мой взгляд, экранизировать такие вещи практически невозможно. Ты, наверное, знаешь, что критика назва-

ла «Побежденного» лучшим историческим романом после «Унесенных ветром»?..

– Да, это серьезный комплимент, – сказал Паркер.

– И, по-моему, вполне заслуженный.

– А что еще написал твой муж? – поинтересовался Паркер.

– В том-то и дело, что ничего... – Оживление внезапно оставило ее, а взгляд потух. – Ной участвовал в подготовке «Побежденного» к изданию и настолько увлекся процессом, что... В общем, он решил, что его призвание не литература, а книгоиздание. Наверное, его можно понять. Когда твой первый роман производит такую сенсацию, невольно начинаешь бояться, что следующая книга будет намного хуже. Как бы там ни было, Ной больше не пробовал писать. Только недавно... Взгляд Паркера неожиданно стал внимательным и острым.

– Он снова взялся за перо?

– Да. Ной даже купил небольшую квартиру в Челси и оборудовал там кабинет, чтобы работать спокойно, без помех. И, сказать по правде, я этим очень довольна.

Но особенно довольной она не выглядела. На лбу Марис появилась неглубокая вертикальная морщинка, неподвижный взгляд уперся в замусоренный пол. Интересно, задумался Паркер, сознает ли она, насколько выразительна ее мимика. Скорее всего – нет, иначе бы она лучше за собой следила.

После небольшой паузы он спросил:

– Ну а кроме Сойера Бенningтона?.. Были у тебя еще какие-нибудь любимые герои?

Марис улыбнулась.

– Были, конечно, и даже несколько, но... Соьер Беннингтон затмил их всех.

Подавшись вперед, Паркер спросил так тихо, что его было едва слышно за шумом дождя по крыше:

– Скажи, Марис, ты уверена, что влюбилась именно в автора, а не в главного героя книги?

Ее лицо сделалось сердитым, как грозовая туча, но это выражение тотчас исчезло. Криво улыбнувшись, Марис кивнула:

– Справедливый вопрос – особенно после того, что я тут наговорила о Сойере Беннингтоне. Многие писатели рассказывали мне, что читатели часто отождествляют их с героями понравившихся книг и бывают весьма разочарованы, когда убеждаются, что автор – совершенно обычный человек. Сплошь и рядом случается, что писатель не соответствует представлениям, которые сложились о нем у читателей благодаря созданному им литературному герою. Исключения из этого правила есть, но они так редки, что их можно пересчитать по пальцам. Например, Шерлок Холмс и Конан-Дойль – вот один из немногих примеров, когда автор и его герой вполне достойны друг друга, хотя, по мнению некоторых литературоведов, сэр Артур был куда более интересным и разносторонним человеком, чем знаменитый сыщик. А пред-

ставь себе сутулого, хилого очкарика с гнилыми зубами и желтым лицом заядлого курильщика, который строчит что-то вроде саги о Тарзане... Я уверена, что встреча с таким субъектом разочарует любого читателя, который рассчитывает увидеть нечто совершенно противоположное...

– Любопытное наблюдение, – заметил Паркер. – Но ты не ответила на мой вопрос.

Марис раздраженно поморщилась.

– Не говори глупости! Я влюбилась в своего мужа – и точка! Сначала – в его талант, а уж потом в него самого. Кстати, я до сих пор его люблю, если это тебя интересует.

Паркер долго смотрел на нее.

– И о чем он думал? – спросил он наконец.

– Кто, Ной?

– Нет, Сойер Беннингтон. Ты сказала – когда его вешали, он думал о...

– Ах да!.. Он вспоминал свою первую встречу с Шарлоттой.

Марис заколебалась, но Паркер знаком попросил ее продолжать.

– Ной описал этот момент так красочно, с такими яркими подробностями, что я словно наяву видела сад, чувствовала запах нагретой травы и созревших фруктов, ощущала жару... Перед этим Сойер несколько дней был в пути, помнишь? Случайно он натывается на ферму родителей Шарлотты и решает заглянуть туда, чтобы попросить воды для

себя и своего коня. Но на ферме никого нет, она кажется брошенной. И лишь когда Соьер ведет коня к колодцу, он замечает Шарлотту, которая спит на одеялах в тени персикового дерева. Рядом с ней спит маленький мальчик, и он решает, что это ее ребенок. – Марис улыбнулась. – Впоследствии Соьер был очень рад узнать, что малыш – ее младший брат.

«Конечно, он был рад!» – хотел сказать Паркер, но не смог. Голос Марис словно околдовал его, и на несколько мгновений он сам едва не ощутил себя Беннингтоном, сжимающим в заскорузлом кулаке сыромятные поводья своего вороного.

– Шарлотта была самой красивой женщиной, какую ему когда-либо приходилось видеть, – самозабвенно продолжала Марис. – Описание ее лица, волос, губ занимает несколько страниц. Из-за жары она завернула подол платья почти до колен, и вид ее икр и лодыжек воспламеняет в Соьере чувственность, так как по складу характера он очень женолюбив. С тем же успехом Шарлотта могла бы спать голой. Точно зачарованный глядит Соьер на то, как мерно поднимается и опускается ее грудь, как влажно блестят между приоткрывшимися губами ровные белые зубы, однако в этом разглядывании есть что-то благоговейное, словно перед ним не обычная фермерская дочка, а сама мадонна, к которой страшно прикоснуться даже пальцем.

Разумеется, Соьеру следовало бы поступить, как подоба-

ет джентльмену, и поскорее удалиться, пока Шарлотта не проснулась, но он остается и продолжает разглядывать девушку, пока на гребне ближайшего холма не показывается фургон. Это возвращаются ее родители, которые ездили в город, чтобы пополнить запасы продовольствия.

Шарлотта так и не узнала, что Сойер видел ее спящей в тот день. Сам он никогда ей об этом не рассказывал, что, как мне кажется, было с его стороны только правильно. Это воспоминание было слишком дорого Сойеру, чтобы поделиться им даже с ней. Именно о том далеком дне он вспоминал в свой последний час, когда под его ногами вот-вот должен был отвориться люк эшафота, и я уверена – он умер почти счастливым!

Паркер внимательно слушал. Он не двигался и почти что не дышал, жадно ловя каждое слово. После того как Марис закончила, оба долго молчали, боясь разрушить неуловимое нечто, связавшее их воедино на эти несколько минут.

Когда Паркер наконец заговорил, голос его звучал как-то странно:

– Тебе бы самой следовало стать писательницей, Марис.

– Мне? О, нет!.. – ответила она и негромко рассмеялась, качая головой. – У меня нет этого дара, и я завидую тем, у кого он есть. Я могу распознать талант в других, но не больше. Сама я способна только помогать таким людям, но не творить.

Некоторое время Паркер обдумывал ее слова, потом ска-

зал:

– А ты знаешь, что сделало сцену в саду такой эротичной?

Марис вопросительно наклонила голову:

– Что?

– То, что физически познав многих женщин, Сойер был близок с Шарлоттой только в воображении и без ее ведома.

– Да, пожалуй...

– Его глаза и разум прикасались к тому, к чему ему хотелось бы прикоснуться руками, губами. Я согласен – Сойер видел совсем немного, и все равно он чувствовал себя виноватым, потому что смотрел...

– Запретный плод?

– Точно. – Паркер кивнул и добавил негромко:

– Со дня сотворения мира это, наверное, самый сильный половой стимулятор. Мы вождеееем в первую очередь то, что нам нельзя, вредно, недоступно. То, что мы жаждем попробовать на вкус, но не смеем даже прикоснуться...

Марис прерывисто вздохнула и ничего не ответила. Словно только сейчас заметив, что ее волосы растрепались, она попыталась заправить выбившиеся пряди за ухо, но без особого успеха. Сдавшись, Марис снова опустила руки на колени, машинально тронув верхнюю пуговицу рубашки, с которой она время от времени бессознательно принималась играть. На этот раз, однако, Марис лишь слегка коснулась ее кончиками пальцев, словно желая убедиться, что пуговица на месте.

Пуговица была на месте, и Паркер снова не мог оторвать от нее взгляда.

Неожиданно Марис остановилась:

– Я, пожалуй, пойду назад. Дождь кончился.

Это было не совсем так. Ливень, правда, прекратился, но облака еще не разошлись, и по крыше продолжали барабанить редкие дождевые капли. Паркер, однако, не стал спорить.

И не стал ее задерживать.

Вернее, он не собирался ее задерживать, но, прежде чем Марис шагнула к выходу, он потянулся вперед и обхватил ее руками чуть ниже талии. Его запястья легли на ее бедра, пальцы обхватили округлые ягодицы, а глаза смотрели прямо на полоску гладкой кожи между узлом рубашки и поясом юбки. Прошла целая секунда, прежде чем Паркер сумел поднять взгляд.

Марис смотрела на него удивленно и чуть-чуть растерянно. Руки ее бессильно висели вдоль тела, словно она собиралась оттолкнуть его, но вдруг передумала.

– Мы оба знаем, почему я поцеловал тебя вчера вечером, Марис, – сказал он.

– Да. – Она кивнула. – Ты хотел напугать меня, заставить уехать. Так?

Паркер нахмурился:

– Не так. Я поцеловал тебя, потому что ты не испугалась ни Терри, ни людей в баре. Я поцеловал тебя, потому что да-

же смотреть на тебя мне было больно. Я поцеловал тебя потому, что я – законченный сукин сын, а твои губы выглядели очень... соблазнительно. Короче говоря, я поцеловал тебя просто потому, что мне так захотелось, и я не стыжусь в этом признаться. Я не могу понять только одного... – Его взгляд стал острым и пронзительным. – Скажи, Марис, почему ты ответила на мой поцелуй?..

12

Марис позвонила в самое неподходящее время, но Ной решил ответить, чтобы не возбуждать ненужные подозрения. До начала деловой встречи оставалось меньше десяти минут, однако он все же велел секретарше соединить его с женой.

– Дорогая! – воскликнул он, услышав в трубке голос Марис. – Я так рад твоему звонку.

– Наконец-то я тебя застала, – проговорила Марис. – Мы так давно не разговаривали, что твой голос кажется мне странным.

– Станным?

– Ну да! Должно быть, я здесь уже привыкла к южному выговору, – объяснила она.

– Бедная, бедная Марис!.. Я чувствую, тебе нелегко приходится!

– Дело обстоит даже хуже, чем ты думаешь. Недавно я поймала себя на том, что вместо «Нью-Йорк» сказала «Нурк». Здесь все так говорят. А еще мне нравится здешняя овсянка, которую на самом деле готовят из пропаренной кукурузы. Знаешь, ее вполне можно есть – главное класть побольше перца и соли, а также сливочного масла.

– Сливочного масла? – переспросил Ной. – А ты не боишься, что тебя разнесет?

– Вообще-то, боюсь, – призналась Марис. – Но ничего не

поделаешь – таковы особенности местной кухни. Южане все блюда готовят либо со сливочным маслом, либо со свиным жиром. Знаешь, получается ужасно вкусно! Ты когда-нибудь пробовал жареные зеленые помидоры со шкварками?

– Кажется, был такой фильм – «Жареные зеленые помидоры», – припомнил Ной.

– И книга! – добавила Марис. – Я всегда думала, что это удачная авторская метафора, а оказывается, такое блюдо действительно существует. Зеленые томаты нужно обвалить в муке и зажарить в растопленном сале. Получается очень здорово, просто пальчики оближешь! Майкл меня научил. Когда я вернусь, обязательно тебе приготовлю.

– Твой гениальный автор еще и готовит?

– Нет, это не он. Майкл просто... В общем, он занимается всеми домашними делами.

Ной бросил взгляд на серебряные настольные часы от Тиффани, не зная, как поскорее закончить этот разговор.

– Как продвигается книга? – спросил он. – Ты уже начала работать с автором?

– Нет, то есть еще не совсем. Он, бесспорно, талантлив, но упрям, как мул. Иметь с ним дело нелегко, порой – просто невозможно, однако дело того стоит. В целом, я думаю, что в конце концов нам удастся обо всем договориться.

– То есть твоя поездка была продуктивной?

– Да, и весьма, так что, если у вас там нет ничего срочного, я, пожалуй, задержусь на выходные и попробую лестью и

уговорами наставить нашего автора на путь истинный. Ведь у вас там все в порядке? Я не нужна?

– Нет, если не считать того, что я очень по тебе соскучился.

– Это, конечно, не пустяк, но...

– Я понимаю, – перебил Ной. – И не стану настаивать, как бы ни хотелось мне тебя увидеть. С моей стороны это было бы чистой воды эгоизмом, к тому же по твоему голосу я слышу, как ты рада вернуться к редакторской работе.

– Да, я действительно очень рада, – призналась Марис. – А как твои дела? Ты пишешь?

– Когда бывает свободная минутка. Приходилось много работать с бухгалтерской отчетностью за первое полугодие, но часа по два в день я выкраиваю. – Он сделал небольшую паузу и добавил:

– Ты ведь не станешь настаивать, чтобы к твоему возвращению я предъявил готовый бестселлер?

– Ну, не знаю, не знаю... – шутливо сказала Марис, но тут же стала серьезной. – Ты же понимаешь, что мне хочется увидеть твою новую книгу как можно скорее!..

– Я понимаю, но ведь не могу же я посвящать писательству все свое время, – возразил Ной. – Как-никак для меня это не основная работа, а что-то вроде хобби, которым я могу заниматься только на досуге.

– Я знаю. И все равно я очень жду новое произведение своего любимого автора!

– Раз я твой любимый автор, в таком случае изволь меня не подгонять, иначе вместо шедевра получится «мокрая псина».

Марис фыркнула. «Мокрой псиной» на издательском жаргоне назывались книги-скороспелки, написанные на гребне успеха издания-бестселлера. Такие книги действительно пользовались некоторым спросом, однако из-за их низкого качества репутация автора – и издательства – часто оказывалась подмочена. В «Мадерли-пресс» «мокрой псины» всегда старались избегать.

– Но главную идею ты для себя определил? – спросила Марис.

– Еще не совсем, – уклончиво ответил Ной, и Марис вздохнула.

– Что ж, твоя книга, несомненно, заслуживает того, чтобы немного потерпеть, потому что это твоя книга, – сказала она. – Кстати, я могла бы ее отредактировать...

– Если у тебя есть время на такую ерунду, значит, ты у нас недостаточно загружена, – пошутил Ной.

– Черта с два – недостаточно загружена! – отрезала Марис. – Я уже предчувствую, что с этим новым автором не расслабишься. С ним придется возиться, как с ребенком, а от моих прямых обязанностей меня никто не освободил. Кроме того, в ближайшие месяцы нам обещали еще несколько рукописей, с которыми тоже придется работать мне. Редактировать твой новый роман я смогу разве что по ночам!

– Очень тебе сочувствую, Марис! – сказал Ной, но в душе он был доволен. Если Марис будет загружена работой, он сможет без помех проверить свою сделку с «Уорлд Вью». Срок, назначенный Моррисом, висел над ним дамокловым мечом, и Ной начинал нервничать – главным образом потому, что терпеть не мог, чтобы его подгоняли. Вместе с тем он был рад, что у него появилась конкретная цель – своего рода финишная черта, к которой можно было стремиться.

Каждый раз, когда Ной думал об этом, он испытывал волнение, подобное тому, какое бывает у спортсменов перед финалом. В успехе Ной не сомневался; единственное, что вызывало у него некоторые сомнения, это сумеет ли он уложиться в назначенный срок – как-никак старый Мадерли был крепким орешком, и чтобы обработать его надлежащим образом, требовалось время. Вместе с тем Ной был уверен, что сумеет уговорить Морриса подождать еще немного – уж больно лакомым куском был для магната издательский дом «Мадерли-пресс».

Впрочем, Ной и сам не собирался медлить. А отсутствие Марис в значительной степени развязывало ему руки. Теперь, думал он, никто не помешает ему вплотную заняться Дэниэлом. Главное, чтобы старик ничего не заподозрил, пока не станет слишком поздно! Ной успел неплохо изучить характер тестя и прекрасно знал: атаковать в лоб бессмысленно и опасно. Из одного упрямства старик будет сопротивляться до последнего вздоха. И даже если в конце концов он

уступит, время будет безвозвратно потеряно. Нет, в данном случае необходимо действовать тонко, очень тонко. Легкого намека может оказаться достаточно, чтобы заставить Дэниэла повернуться в нужном направлении. Конечно, это произойдет не сразу, но Ной верил – он сумеет убедить Дэниэла в том, что слияние с «Уорлд Вью» выгодно всем.

Кроме всего прочего, отсутствие Марис позволяло ему чаще видаться с Надей. Она превращалась в настоящую стерву, когда ей что-то не нравилось, а не нравилось Наде, когда ей уделяли меньше внимания, чем – как ей казалось – она заслуживала.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты поскорее прочел эту книгу, – сказала Марис, и Ной, вздрогнув, вернулся с небес на землю. «Какую книгу?» – чуть не ляпнул он, совершенно забыв, о чем они только что говорили.

– А о чем она? – нашелся Ной.

– К сожалению, автор еще не рассказал мне, в чем там дело, но я думаю – роман будет отличный.

– Если ты так думаешь, значит, нам с Дэниэлом можно не волноваться, – сказал Ной, снова бросая взгляд на часы. – Послушай, Марис, мне ужасно неловко, но мне пора бежать. Через две минуты я должен быть на втором этаже.

– Что-нибудь важное? – уточнила Марис деловым тоном. Работа была для нее святым, поэтому она ничуть не обиделась на Ноя за то, что он свернул разговор.

– Мне нужно поговорить с Говардом, а ты сама знаешь,

какой он нудный тип. Если я опоздаю хоть на секунду, он будет дуться на меня месяц.

Говард Бэнкрофт был старшим юрисконсультom и начальником юридического отдела «Мадерли-пресс».

– О чем? – спросила Марис.

– Точно не знаю. Кажется, у него возникли сомнения по поводу одного нашего иностранного партнера, которому мы уступили права на несколько наших книг.

– Мне очень не хочется ссорить тебя с Говардом, однако я хотела задать тебе еще один вопрос, – сказала Марис.

– Я слушаю, – коротко ответил Ной, стараясь скрыть нетерпение. – Говард подождет.

– Как там папа? Ты давно его видел?

– По-моему, неплохо. Я разговаривал с ним вчера вечером и сегодня утром.

– Он приезжал в издательство?

– Нет, вчера вечером я сам ездил к нему, а сегодня он позвонил, чтобы спросить, сумею я справиться один или его присутствие обязательно. Я сказал, что никаких срочных дел нет и что он может отдыхать до понедельника. Поскольку ты в отъезде, на этой неделе у нас не запланировано никаких важных мероприятий. Так что пусть Дэниэл отдохнет.

– Боюсь, папа будет скучать.

– Не думаю. Насколько я понял, у него много своих дел. Он говорил, что давно хочет привести в порядок кое-какие личные бумаги. Кроме того, сегодня Дэниэл обедает с ка-

ким-то своим старинным приятелем во «Временах года».

– Обедает со старинным приятелем? – рассеянно повторила Марис. – Надеюсь, он не будет слишком много пить – ведь там не будет Максины, чтобы за ним приглядывать.

– А мне кажется, что несколько бокалов хорошего вина ему не повредят, – заметил Ной, еле сдерживая нетерпение.

– Я знаю, но я боюсь, как бы он не захмелел и не оступился на лестнице, когда вернется домой, – ответила Марис. – Ты же знаешь, у него болят колени, и...

– ...И он может потерять равновесие, – закончил Ной. – Пожалуй, ты права.

– Он может сломать шейку бедра, – продолжала Марис. – А эта травма очень плохо поддается лечению – особенно в его возрасте. Он будет прикован к постели, а для него это непереносимо, и в первую очередь – психологически.

– Я попрошу Максину, чтобы она ему помогла.

– Только не это! – воскликнула Марис. – Ты что, не понимаешь?! Это же будет Третья мировая война! Отец терпеть не может, когда его начинают опекают. Кроме того, он сразу поймет, откуда ветер дует, и разозлится на меня, а мне этого совсем не хочется.

– Тоже верно, – согласился Ной. – Может быть, мне самому с ним поговорить? Один на один, как мужчина с женщиной? Я мог бы воззвать к его отцовскому долгу, гражданской совести и прочему...

– Знаешь, это хорошая мысль, – с облегчением сказала

Марис. – Попробуй, может, что и выйдет.

– Тогда я съезжу к нему сразу после встречи с Говардом. Или позвоню, хотя это, конечно, хуже...

– Съезди к нему, пожалуйста! Тогда я не буду волноваться.

– Хорошо.

– Спасибо, Ной.

– Не за что. У тебя все, Марис?

– А что?

– Говард ждет, я же сказал тебе.

– Ох, извини, я совсем забыла! Мне не следовало тебя задерживать.

– Пустяки! К тому же насчет Дэниэла – это действительно важно. – Ною давно хотелось швырнуть трубку на рычаги, но, если бы он ее не успокоил, она, чего доброго, могла примчаться из Джорджии, а это не входило в его планы. – Не беспокойся, – сказал он как только мог убедительно. – На самом деле Дэниэл крепче, чем мы с тобой думаем. Кстати, в последние несколько дней он выглядит молодцом – совсем как в прежние времена. Он буквально излучает энергию...

– Хорошо, если так, – сказала Марис, успокаиваясь. – Может, я действительно преувеличиваю?.. Каждый раз, когда я куда-нибудь уезжаю, мне начинает казаться, что с ним непременно должно что-то случиться, и тогда я просто места себе не нахожу.

– Ну и напрасно, – ответил Ной, начиная приплясывать

на месте от нетерпения. – А теперь извини, но мне и правда пора.

– Извинись перед Говардом от моего имени. Скажи ему, что это я тебя задержала.

– Конечно, скажу, только это вряд ли поможет. Старый Говард Бэнкрофт не слушает ни бога, ни черта – одного только Дэниэла Мадерли.

Марис рассмеялась, потом сказала нежно:

– Ну, ладно, до свидания. Я люблю тебя, Ной.

Ной не ожидал такого признания, но быстро взял себя в руки и ответил рассеянным тоном любящего, но слишком занятого супруга:

– Я тоже тебя люблю, дорогая.

Но на самом деле все любовные клятвы ничего для него не значили. Это были всего лишь слова, которые было необходимо произносить в определенных случаях. Ной много раз признавался в любви самым разным женщинам, но только для того, чтобы затащить их в постель. Ухаживая за Марис, он много говорил с ней о своих чувствах, но только потому, что она от него этого ожидала. Ной поклялся ей в любви только для того, чтобы получить благословение на брак от отца Марис, и продолжал разыгрывать страсть даже после свадьбы, чтобы не вызвать подозрений старика. Лишь в последние несколько месяцев он стал несколько небрежнее и почти не заговаривал с Марис о своих чувствах.

Марис была, конечно, гораздо более чувствительной и

сентиментальной, что раздражало Ноя. Он терпеть не мог всех этих излишней, и поначалу ему было невероятно трудно сдерживаться, когда Марис говорила: «Я люблю тебя». Она же ничего не замечала, и не было дня, когда бы Марис не объявила ему о своих чувствах. Впрочем, со временем Ной привык к этим нежностям и воспринимал их уже спокойно.

Но сегодня ее слова застали его врасплох, и дело было даже не в том, что она сказала, а как сказала. Сегодняшнее «люблю» Марис прозвучало так, словно она пыталась убедить в этом то ли его, то ли себя. Неужели, задумался Ной, вечеринка-сюрприз, которую он так тщательно спланировал и организовал, не успокоила ее? Неужели Марис все еще подозревает его в неверности?

Входя в приемную Бэнкрофта, Ной все еще думал о разговоре с Марис. Что-то было не так, но что? В ее последних словах явно прозвучало что-то похожее на отчаяние. Интересно было бы узнать, что с ней такое? Что она знает? О чем догадывается?

Ной не сдержал улыбки. Несомненно, Марис говорила бы с ним совершенно по-другому, если бы ей стало известно содержание папки, которую он держал в руках.

На ходу кивнув секретарю Бэнкрофта, Ной толкнул дверь кабинета.

– Добрый день, Говард. Извините, что задержался, – начал он с порога, зная, что лучшая защита – нападение. – Мне как раз звонила Марис, и я обещал ей, что документы, о которых

мы с вами говорили, будут у нее завтра, в крайнем случае – послезавтра. Она находится в командировке в каком-то медвежьем углу Джорджии, но, насколько я понял, такое достижение цивилизации, как срочная почта, там существует.

Не дожидаясь приглашения, Ной сел в обитое красной кожей кресло и, закинув ногу на ногу, положил папку на колени. Сам он с удобством откинулся на спинку, а руки положил на подлокотники, стараясь, чтобы его поза выглядела как можно более беззаботной. Поглядев на окно позади рабочего стола Бэнкрофта, Ной заметил:

– Прямо не знаю, за какие заслуги вам предоставили этот кабинет. Отсюда открывается прекрасный вид!..

На самом деле ему было решительно наплевать, какой вид открывается из окон кабинета Говарда Бэнкрофта. Его нарочитая развязность была призвана отвлечь старого юриста от дела, ради которого Ной сюда пришел. Впрочем, Бэнкрофт был слишком хитер и опытен, чтобы поддаться на такую нехитрую уловку. Сухонький, невысокий, он выглядел лет на десять старше своих лет и был похож на злого гнома. Самой выдающейся его чертой был яйцевидный и совершенно лысый череп с шарообразной шишкой на самой макушке. Одевался Говард Бэнкрофт всегда одинаково – в лоснящийся на локтях пиджак, белую сорочку и просторные твидовые брюки, которые наверняка бы сваливались на ходу, если бы не широкие старомодные подтяжки. На носу Бэнкрофта ловко сидели круглые очки в тонкой металлической оправе

с очень сильными линзами – юрист был отчаянно близорук, хотя и пытался это скрывать.

– Ну что, бумаги готовы? – спросил Ной, хотя ему было хорошо видно – нужный документ лежал перед Бэнкрофтом на столе.

– Да, бумаги готовы, – ответил юрист.

– Вот и отлично! Позвольте поблагодарить вас за оперативность, мистер Бэнкрофт... – Ной наклонился вперед, чтобы взять документ, но Бэнкрофт положил на него свою сухонькую, переплетенную синеватыми венами стариковскую руку.

– Не спешите, мистер Рид, – ответил юрист. – Документы готовы, но я их вам не отдам. Сегодня не отдам.

– Это еще почему?

– Я исполнил ваше распоряжение и составил договор в точности, как вы просили, но... Могу я говорить откровенно?

– Разумеется.

– Так вот, мистер Рид, содержание этого договора меня очень и очень беспокоит... – Бэнкрофт снял очки и принялся протирать их большим белым носовым платком, который он вытащил из кармана. Со стороны это выглядело так, словно юрист машет белым флагом, собираясь сдаваться, и Ной усмехнулся про себя. При всем своем опыте и знаниях этот раунд Бэнкрофт выиграть не мог.

– Отчего же? Что вам не нравится? – спросил он таким то-

ном, чтобы юрист понял: причины, побудившие Ноя затребовать именно такой комплект документов, не подлежат обсуждению. Бэнкрофт, однако, предпочел пропустить намек мимо ушей.

– Вы уверены, мистер Рид, что Марис одобрит содержание документов, которые я составил?

– Как вы помните, мистер Бэнкрофт, я просил вас подготовить их от ее имени.

– В таком случае скажите мне, почему Марис решила, что эти документы могут понадобиться?

– Потому что ей – как, впрочем, и нам с вами – прекрасно известно: современное книгоиздание – это не загородная прогулка джентльменов. В этой области бизнеса – как и во всякой другой – идет жесткая, даже жестокая конкурентная борьба. Если ты просто занял место на рынке и не движешься вперед, не прогрессируешь, значит, ты откатываешься назад. Если ты стоишь на месте, это значит – конкуренты тебя обойдут. Не успеешь и глазом моргнуть – и вот ты уже последний. Но мы с Марис – как, несомненно, и вы – не хотим, чтобы издательство «Мадерли-пресс» глотало пыль из-под чужих колес. Мы должны быть впереди, и пусть неудачник плачет!

– Прекрасная речь, мистер Рид. Я уверен, что-то подобное вы скажете на следующем совещании в отделе реализации, чтобы, так сказать, поднять боевой дух войск. Но мне непонятно, какое отношение все это имеет к моему вопросу

– и к этому документу.

– Этот документ, – сказал Ной, указывая на лежащие перед Бэнкрофтом бумаги, – наш резерв, наша страховка на крайний случай. Издательское дело постоянно и стремительно меняется. «Мадерли-пресс» должно быть готово к любой неожиданности, к любому изменению ситуации на рынке. Если нам представится соответствующая возможность, мы будем действовать без промедления!

– И даже без согласия Дэниэла? Ной состроил скорбную мину.

– Ах, мистер Бэнкрофт, мистер Бэнкрофт, в этом-то все и дело! И Марис, и мне очень тяжело об этом думать и говорить, однако надо смотреть правде в глаза: Дэниэл Мадерли уже не тот, каким был когда-то. И хотя он еще в состоянии принимать решения, рисковать мы не можем. Ему, как вы знаете, уже семьдесят восемь, а в этом возрасте с человеком может случиться все, что угодно. Обыкновенный инсульт может вывести Дэниэла из строя, и что тогда будет с издательством? Эта доверенность гарантирует плавный переход руководящих полномочий ко мне и к Марис, что избавит компанию от ненужных потрясений.

– Я знаю законы, мистер Рид, и знаю толк в оговорках, без которых не обходится ни один серьезный документ. Мне также известно, что Дэниэл предвидел ситуацию, о которой вы говорили, и давно обо всем позаботился. Соответствующие документы были составлены его личным адвокатом

мистером Штерном, когда Марис исполнился двадцать один год. Копии этих документов хранятся у меня в сейфе, поэтому я знаю: в завещании Дэниэла предусмотрены все мелочи. В частности, там говорится, что, если с ним что-то случится, право принимать решения от его имени автоматически переходит к Марис.

– Я знаю о завещании Дэниэла. Документ, который я просил вас составить, совсем другой.

– Да, он другой. В частности, он отменяет завещание Дэниэла в части, касающейся управления издательством, и передает право принимать деловые решения вам.

Ной притворился оскорбленным:

– Уж не хотите ли вы сказать, что я пытаюсь узурпировать...

– Нет-нет! – быстро сказал Бэнкрофт, поднимая вверх сухонькие ладошки. – И Дэниэл, и Марис не раз говорили мне о необходимости внести в документы соответствующие поправки, чтобы включить вас в число лиц, облеченных соответствующими полномочиями. Однако это не моя компетенция, мистер Рид. Этими вопросами должен заняться мистер Штерн.

– Однако мы сочли более удобным обратиться к вам.

– Кто это «мы», мистер Рид?

Ной бросил на старого юриста злобный взгляд.

– Что еще вам не нравится, мистер Бэнкрофт?

Прежде чем ответить, Бэнкрофт немного подумал, словно

взвешивая все «за» и «против», однако убеждения все же одержали верх над осторожностью.

– У меня сложилось впечатление, мистер Рид, что все это делается за спиной Дэниэла.

– Но ведь десять секунд назад вы сами сказали, что таково было его желание!

Бэнкрофт в замешательстве почесал шишку на макушке.

– Мне бы не хотелось выпускать из рук столь важный документ, пока он не подписан в моем присутствии и не заверен нотариусом.

– Я сказал Марис, что не стану его подписывать, пока она не поставит свою подпись, – быстро сказал Ной. – И не просто сказал, а настоял. Именно поэтому я хочу отправить документы ей в Джорджию. Я думаю, вы не станете возражать, если ее подпись заверит тамошний нотариус? Когда документы вернутся, я тоже их подпишу. Ну а когда командировка Марис закончится, мы вместе пойдем к Дэниэлу. Мне кажется, он будет только рад, что все уже готово, – ведь мало кому хочется думать о собственной смерти.

– Насколько я знаю Дэниэла, – сухо возразил Бэнкрофт, – он никогда не боялся даже самых мрачных сторон действительности. Впрочем, дело даже не в этом. Мне непонятно другое – почему не подождать, пока вернется Марис? Объясните мне, к чему такая спешка?

Ной вздохнул, словно стараясь справиться с нетерпением.

– Отсутствие Марис и есть та причина, по которой она

просила меня заняться этим делом. В настоящее время она работает с одним очень талантливым автором, который, мягко говоря, не отличается покладистым характером. Издательство весьма в нем заинтересовано, поэтому пока его книга не будет закончена – а когда это будет, сказать не может никто, – Марис придется его опекать. Я вовсе не имею в виду, что все это время она будет торчать у него в Джорджии, но... Скорее всего, ей все же придется ездить туда довольно часто. Черт побери, Бэнкрофт, давайте смотреть на вещи реально! Никто из нас не застрахован от несчастья. Самолеты разбиваются, корабли тонут, а вашему покорному слуге уже завтра может упасть на голову кирпич. А сколько происходит автомобильных аварий с человеческими жертвами! Вот почему Марис хочет, чтобы издательство не пострадало, что бы ни случилось с ней, с Дэниэлом или со мной.

– И именно поэтому в одном из пунктов говорится, что при определенных обстоятельствах заключенные от имени издательского дома договора могут иметь законную силу даже с одной вашей подписью?

– Я же уже говорил, – сказал Ной напряженным голосом, – что не буду ничего подписывать, пока на доверенности не будет подписи Марис!

Бэнкрофт смерил его долгим, внимательным взглядом, потом отрицательно покачал головой:

– Извините, мистер Рид, но я хочу, чтобы Марис лично подтвердила: я составил документ именно так, как ей хо-

телось. И даже если она скажет «да», я буду настоятельно советовать ей изменить несколько пунктов, которые... гм-м... выглядят несколько необычно и противоречат здравому смыслу. Я работаю у Мадерли уже много лет, и они всегда могли на меня положиться. Надеюсь, вы меня понимаете...

– Я все отлично понимаю, мистер Бэнкрофт. Ваша верность Дэниэлу и Марис достойна всяческих похвал, но вы забыли об одном – теперь я тоже принадлежу к семье Мадерли, и ваша осторожность, вполне понятная и оправданная в любой другой ситуации, меня оскорбляет.

– И тем не менее, мистер Рид...

– Очень хорошо. В таком случае позвоните Марис. – Ной театральным жестом указал на телефон. С его стороны это был чистый воды блеф, но он был уверен – Бэнкрофт не станет никуда звонить. – Или еще лучше – позвоните Дэниэлу, – добавил Ной, – Он сегодня отдыхает дома. Попросите его приехать и взглянуть на эти документы.

– Прежде чем разговаривать с Дэниэлом или с Марис, я должен освежить в памяти то, первое завещание. Пока я этого не сделаю, я не считаю себя вправе занимать их время, – возразил Бэнкрофт, накрывая лежащие на столе документы обеими ладонями. Это был достаточно красноречивый жест, и Ной едва не выругался вслух. Мерзкий старикашка, да как он смеет!

– И я не отдам вам эти бумаги без личного распоряжения Дэниэла или Марис, – твердо добавил юрист.

Ной с ненавистью взглянул на него. Потом неожиданно ухмыльнулся. Он почти надеялся, что сегодняшняя встреча закончится таким образом и что этот мерзкий клоп немного потрепыхается, прежде чем он размажет его по стенам этого уютного кабинета с живописным видом из окна. Получив отказ. Ной уже не сомневался в своем праве применить радикальные средства, о которых он заблаговременно позаботился.

– Так-так, мистер Бэнкрофт, – проговорил он, – мне кажется, вы подозреваете меня в мошенничестве и предательстве интересов корпорации.

– Ни в чем подобном я вас не подозреваю, – возразил юрист.

– Я рад это слышать. Что может быть отвратительнее человека, предавшего своих родных? Или свою расу, свой народ?..

Пристально глядя на старого юриста, Ной взял в руки папку, которую принес с собой, и, положив на край стола, слегка подтолкнул в сторону Бэнкрофта. Тот посмотрел на нее, как на готовую разорваться гранату, потом поднял голову.

– Что это?

– Взгляните сами, мистер Бэнкрофт. Вы ведь еврей, верно?..

Юрист вздрогнул, как от удара. Втянув голову в плечи, он трясущимися руками открыл папку и стал просматривать документы.

Ной с притворным сожалением вздохнул.

– Кто бы мог подумать!.. – сказал он. – Такой уважаемый человек, и вдруг... Готов спорить на что угодно – вы никому не сказали, что ваша мать трахалась с нацистами!

Бэнкрофт ничего не ответил, только еще больше ссутулится, и Ной продолжил:

– Видите ли, Бэнкрофт, в наше время власть – это чаще всего не деньги, а информация, хотя одно связано с другим довольно тесно. Я понял это довольно давно и взял за правило знать об окружающих людях как можно больше. В особенности о тех, кто может мне помешать... Расследование вашего прошлого обошлось мне в кругленькую сумму и заняло порядочно времени, но сейчас я могу сказать – за свои деньги я получил гораздо больше, чем рассчитывал.

Вам, вероятно, будет интересно узнать, что я лично посетил вашу матушку в доме для престарелых, в который вы ее поместили. Не скрою, мне пришлось слегка на нее нажать, но в конце концов она призналась мне во всем, а санитарка за чисто символическое вознаграждение записала ее исповедь слово в слово. Потом ваша мать собственноручно подписала свои откровения... Вы, несомненно, узнаете ее подпись, хотя к концу нашей беседы мисс Сарра настолько ослабела, что едва могла удержать в руке ручку. Я вовсе не удивлен, что через несколько дней она скончалась. Но большой беды в этом нет, поскольку санитарка готова подтвердить каждое сказанное ею слово...

Вам эта история, несомненно, хорошо известна, мистер Бэнкрофт, но я был просто потрясен! Вашей матери было всего двадцать три года, когда ее и всех ее родных арестовали. Ее родителей, братьев и сестру расстреляли на следующий день, но Сарре повезло – ее отправили в концентрационный лагерь.

В те времена в Старом Свете, да еще среди евреев, свято чтивших древние традиции, незамужняя двадцатитрехлетняя девушка считалась почти что старой девой. Неспособность Сарры нравиться мужчинам даже привела к конфликту в семье, так как ее мать не позволяла младшей дочери выходить замуж только потому, что ее старшая сестра никак не могла найти себе супруга.

Однако в лагере Сарра пользовалась популярностью, или, лучше сказать, спросом... Ее клиентами были охранявшие заключенных солдаты. Так ваша мать променяла свою девичью честь на жизнь. Она готова была трахаться с каждым, кто обладал хоть толикой власти, и в конце концов ей это даже начало нравиться. На протяжении пяти лет она регулярно обслуживала немецких солдат и офицеров и в конце концов добилась совершенно исключительного положения. Мисс Сарра не ходила на работы, не брила голову, не жила в бараке, не страдала кровавым поносом, который открывается у человека, изнуренного голодом и непосильным трудом. Она хорошо питалась, пила вино, спала в отдельной комнате на чистых простынях, но – вот странность-то, а? – никто ей

не завидовал. В лагере ее презирали и ненавидели.

Стоит ли удивляться, что после войны она предпочла назваться вымышленным именем? Она даже выдумала трогательную историю об участнике польского антифашистского подполья, который пожертвовал своей жизнью ради нее и своего еще не родившегося ребенка. К сожалению, в этой истории не было ни слова правды, и вы, мистер Бэнкрофт, узнали об этом, когда вам было – сколько? Восемь? Десять?.. В любом случае вы были уже достаточно большим, чтобы понять, в чем дело. Как-то, вернувшись из школы, вы спросили у матери, почему вас, еврея, дразнят в школе нацистским ублюдком и почему другие еврейские дети плюют на вас, вместо того чтобы защищать. Именно тогда ваша мать и решила перебраться в Америку – подальше от своих соотечественников...

Руки Говарда Бэнкрофта тряслись так сильно, что, попытавшись снять очки, он уронил их на стол. Закрыв лицо ладонями, он громко застонал, и Ной насмешливо посмотрел на него.

– Мисс Сарра не знала точно, кто из охранников был вашим отцом, – сказал он. – Через ее постель прошли многие, очень многие, однако она подозревала, что понесла от помощника коменданта – истинного арийца, который застрелился за несколько часов до того, как лагерь был освобожден англичанами. Сарра к этому моменту была уже на пятом месяце, а на таких сроках, как вам известно, аборт уже не дела-

ют. А может, она просто была равнодушна к этому белокурому немчику – ведь говорят же, что даже у шлюх есть чувства. Как бы там ни было, вы появились на свет и даже стали уважаемым человеком... – Ной покачал головой. – Ах, мистер Бэнкрофт, мистер Бэнкрофт!.. Честное слово, мне вас жаль! Вряд ли еврейское сообщество с пониманием отнесется к тому, что ваша мать добровольно обслуживала нацистов, отправивших в газовые камеры миллионы ее соплеменников.

А если станет известно, что ваш отец вовсе не герой-подпольщик, а офицер СС, собственноручно пытавший и расстреливавший еврейский патриотов, ваше положение станет еще хуже. Учитывая вашу деятельность в поддержку уцелевших жертв холокоста, вас сочтут в лучшем случае лицемером, а в худшем – предателем. Ваши израильские друзья, которых у вас, как я понимаю, довольно много, отрекутся от вас – ведь вы для них теперь даже не еврей, коль скоро в ваших жилах течет кровь арийских убийц.

Вы можете возразить, что доказать все это будет довольно сложно, но разве ваша реакция не лучшее доказательство? Кроме того, я и не собираюсь ничего доказывать. Достаточно пустить слух, и ваша репутация будет погублена раз и навсегда. Простого намека хватит, чтобы вы превратились в изгоя.

Подумайте о своей семье, мистер Бэнкрофт! Что будет с вашей женой и детьми? Ведь они ни о чем не подозревают! Они верят той лжи, которую рассказали им вы с вашей мате-

рю. Мне даже трудно представить, как они это воспримут, как объяснят своим детям и вашим внукам, что их дед – сын шлюхи и нацистского преступника? Вас перестанут уважать, и никто – ни один человек – не будет вам доверять. Да и как можно уважать лжеца, человека, предавшего свою религию и свой народ?!

К этому моменту Говард Бэнкрофт уже рыдал, закрыв лицо руками. Все его тщедушное тело содрогалось и корчилось, как у эпилептика, но Ной не слышал ни звука.

– Впрочем, никто об этом не узнает, – сказал он самым оптимистичным тоном и, поднявшись, взял со стола свою папку и приготовленный Бэнкрофтом пакет документов. – Я умею хранить тайны. Клянусь чем угодно – я вас не выдам... – Ной быстро перекрестил левую сторону груди и добавил:

– Но, как вы понимаете, я обязан был принять меры предосторожности. Одна копия признания вашей матери с ее собственноручной подписью находится в моей депозитной ячейке в банке. Другую я передал на хранение адвокату, которую нанял специально для этой цели. Это прожженный и не особенно щепетильный тип, который почему-то не выносит евреев, поэтому, если со мной что-нибудь случится, он медлить не станет. В тот же день показания вашей матери окажутся во всех газетах и во всех синагогах Нью-Йорка и окрестностей. Думаю, это будет интересное чтение – в особенности та часть, в которой она признается, как она отса-

сывала у ээсовцев. Как известно, им не разрешалось спать с женщинами неарийского происхождения, однако минет, по всей видимости, не считался за полноценное соитие.

Повернувшись на каблуках, Ной шагнул к выходу. Старый юрист продолжал рыдать за столом; он не сделал ни малейшей попытки встать, однако Ной все же сказал:

– Нет, нет, мистер Бэнкрофт, не беспокойтесь – не надо меня провожать. Всего вам хорошего...

– Ты уезжаешь завтра? – спросил Паркер.

– Да, утром – ответила Марис, старательно избегая его взгляда. – Майкл договорился – меня захватит почтовый картер. Мой самолет вылетает из Саванны в половине десятого.

– Что ж, счастливого пути, – сказал Паркер. Судя по его голосу, он бы предпочел, чтобы ее самолет разбился где-нибудь между Атлантой и Нью-Йорком.

За весь день это был первый раз, когда Марис увиделась с Паркером. Утром она наскоро перекусила в кухне холодной овсянкой (на этот раз настоящей, а не кукурузной) и вернулась в свою комнатку во флигеле. Обед она пропустила, а на ужин довольствовалась несколькими сэндвичами, которые ей принес сердобольный Майкл. Все это время Марис притворялась, что работает, хотя на самом деле ей хотелось побыть в одиночестве. Майклу, во всяком случае, она сказала, что должна еще раз перечитать рукопись спокойно и без помех, а он сделал вид, будто удовлетворен этим объяснением.

Недовольная гримаса, появившаяся сейчас на губах Паркера, убедила Марис, что она поступила весьма разумно, когда решила как можно дольше не попадаться ему на глаза. Паркер был взвинчен и, похоже, искал ссоры, и Марис подумала, что чем скорее она выскажет ему все и вернется к себе,

тем лучше будет для всех.

– Прежде чем я уеду обратно в Нью-Йорк, – начала Марис, – я хотела бы в последний раз поговорить с тобой о рукописи. Я посвятила ей весь сегодняшний день, хотела взглянуть на нее другими глазами...

– Ах вот как это называется!..

– Что именно?

– Твое нежелание видеть меня.

«О'кей, – подумала Марис. – Ты хочешь ссоры – ты ее получишь!»

– Да, – ответила она. – Я избегала тебя, Паркер, и знаешь почему? Потому что ты...

В «солярий» вошел Майкл, и она оборвала себя на полуслове.

– Кто хочет свежий персиковый кобблер?⁴ – спросил он, ставя между ними на стол поднос с тремя высокими запотевшими бокалами, в которых плескалась ярко-желтая жидкость.

Ухмылка на лице Паркера стала еще более едкой.

– А где мороженое? – сварливо осведомился он.

– Ты хотел, чтобы оно растаяло до того, как я его подам? – огрызнулся Майкл и ушел обратно на кухню, что-то бормоча себе под нос о том, какие все сегодня нервные. Вскоре он вернулся с картонной упаковкой ванильного мороженого. Вооружившись серебряным половником, Майкл опустил по

⁴ Кобблер – напиток из вина, сахара и фруктового сока со льдом

два шарика мороженого в бокалы с кобблером.

– Я, пожалуй, пойду к себе, – объявил он, забирая с подноса третий бокал. – Сегодня по телевизору показывают мой любимый фильм с Бет Дэвис, так что, если тебе что-то понадобится, будь добр – обслужи себя сам, – сказал Майкл Паркеру и повернулся к Марис:

– А если вам что-то понадобится, просто постучите мне, хорошо? Моя комната находится на втором этаже – первая дверь направо.

– Спасибо, Майкл, – поблагодарила Марис. – Отдыхайте спокойно, я думаю – мы тут справимся.

– Ну что ж, в таком случае – спокойной ночи.

Когда Майкл ушел, Паркер набросился на свой бокал с кобблером с такой яростью, словно был за что-то на него сердит. В считанные секунды расправившись с холодным напитком, он вытряхнул в рот дольку персика и с грохотом поставил бокал на поднос. Оттолкнувшись от стола, он подкатился к компьютеру и, повернувшись к Марис, спросил:

– Хочешь почитать, над чем я сегодня работал?

– Разумеется, хочу, – ответила Марис, и Паркер включил принтер. Пока рукопись печаталась, она взяла свой бокал и, деликатно черпая ложечкой густую холодную сладкую массу, подошла к книжному шкафу и стала просматривать названия.

– Я вижу, тебе нравятся детективы, – заметила она наконец.

Паркер обернулся:

– Да, если они хорошо написаны.

– Похоже, ты считаешь Маккензи Руна хорошим автором.

– Да, он пишет довольно сносно.

– Сносно – и только? Тогда почему у тебя здесь полное собрание книг о Дике Кейтоне?

– Тебе приходилось их читать?

– Кое-что я читала, конечно, но не все. – Марис сняла одну книгу с полки и стала задумчиво перелистывать страницы. – Жаль, что не мы их издаем. Эти книги идут нарасхват.

– И как ты думаешь – почему?

– А почему они нравятся тебе? Паркер ненадолго задумался.

– Мыслей в них не шибко много, но читать их бывает довольно занятно. Марис кивнула:

– Именно так и считают миллионы читателей во многих странах мира. Дик Кейтон – герой серии – одинаково нравится и мужчинам, и женщинам, и я прекрасно понимаю почему. Он богат и независим, работа детектива для него – просто хобби. Дик живет на роскошной яхте, гоняет на спортивных машинах, летает в собственном реактивном самолете и одинаково свободно чувствует себя во фраке и в джинсах.

– А еще свободнее – без них, – вставил Паркер.

– А-а, ты, вероятно, имеешь в виду книгу, в которой рассказывается о расследовании убийства в колонии nudистов? Паркер ухмыльнулся.

– Одна из моих любимых вещей!

– Знаешь, меня это почему-то не удивляет, – парировала

Марис.

– Ну ладно, что ты там говорила о Дике Кейтоне? Марис задумчиво слизнула с ложечки растаявшее мороженое.

– Дик Кейтон очень хорошо выписан. Он находчив, остроумен, хорош собой. Кроме того, он...

– ...Зануда.

– Да, иногда. Причем с самой большой буквы. Но автору удалось создать настолько убедительный характер, что читатели охотно прощают Дику недостатки. Понимаешь, Маккензи Рун поступил очень умно, когда не стал делать из него супермена. Дик Кейтон – обычный человек, и читатели это ценят, потому что так им гораздо легче представлять себя на его месте. Ведь согласишься, что, хотя Дик Кейтон агрессивен и опасен, в глубине души он человек чувствительный и ранимый, способный к глубоким и искренним переживаниям.

– Ты имеешь в виду смерть его жены?

– Да. Правда, я не читала той книги, где об этом рассказывается, но в других выпусках серии Маккензи Рун часто на это ссылается.

– Эта книга была самой первой, – медленно проговорил Паркер. – Дик Кейтон и Сабина катались на горных лыжах. Он сам предложил ей посостязаться, кто быстрее спустится с горы вниз. На одном из виражей Сабина не справилась с лыжами и врезалась в дерево. Посмертное вскрытие показа-

ло, что она была на восьмой неделе беременности. Тебе обязательно надо прочесть этот роман – он один из самых сильных в серии.

– Обязательно прочту... – Марис задумчиво постучала ложечкой по верхней губе. – Вот, кстати, еще одна причина, почему Дик Кейтон так нравится читателям. Это несчастье, которое с ним произошло... оно заставляет их еще больше сочувствовать герою.

– Слушай, ты говоришь как настоящий редактор! Марис рассмеялась.

– Прости. Это просто привычка. Паркер покачал головой.

– Не только. Мне кажется, ты много об этом думала.

– Я взяла за правило тщательно анализировать каждый бестселлер, в особенности выпущенный конкурентами. Это один из профессиональных секретов, который передал мне отец. Я думаю, ты и сам понимаешь, почему мне как редактору очень важно знать, какую струнку в душе читателя затрагивает тот или иной популярный персонаж. Только в этом случае я могу успешно предсказывать, какая книга «пойдет», а какая «зависнет».

Ее бокал опустел, на дне остался только ломтик персика и несколько полурастаявших льдинок. Поддев персик ложечкой, Марис отправила его в рот.

– Впрочем – добавила она, – моя работа не мешает мне любить книги вообще и Дика Кейтона в частности. Даже если отставить в сторону скрытые движения его души и побу-

дительные мотивы его поступков, он типичный положительный герой, который в состоянии раскрыть любую тайну, наказать злодея, уложить в постель ребенка...

– Дик, конечно, не педофил, но вот уложить в постель понравившуюся ему девчонку он способен. И не просто уложить, но даже заставить ее кончить...

Марис резко захлопнула книгу и поставила ее на полку. Она отлично понимала – Паркер сказал эту пошлость только затем, чтобы разозлить ее, и ему это вполне удалось, но будь она проклята, если покажет, что его уловка сработала.

– Так вот, – как ни в чем не бывало продолжила Марис, – Дик Кейтон нравится и мужчинам, и женщинам.

Это утверждение заставило Паркера ухмыльнуться, но на сей раз он сдержался и никак не прокомментировал ее слова.

– А какая книга из этой серии тебе больше всего нравится? – спросил он.

– «Мелочь в кармане».

Паркер скривился:

– Ты серьезно? В этой книге Дик сам на себя не похож – к середине он совершенно разнюнился. Хорошо, что Маккензи Рун вовремя спохватился и переехал эту бабешку поездом...

– Ты так считаешь, потому что в этой книге Дик Кейтон впервые проявляет настоящую нежность по отношению к женщине? – холодно осведомилась Марис. – Тебя это злит?

В ответ Паркер прижал руки к сердцу и с шутовским по-

клоном сказал:

– Нет, просто он дал волю своей чувствительной и тонкой натуре. Проще говоря – обабился...

– Зато потом Дик весьма убедительно доказал, что является грубияном и невежей, проще говоря – настоящим мужчиной, – парировала Марис. – Впрочем, я не права: к концу романа он снова становится героем, походить на которого мечтают многие...

– А как насчет того, другого?..

– Кого? – удивилась Марис.

– Твоего мужа, разумеется. Помнишь, ты рассказывала, как его книга разбудила в тебе интерес сначала к герою, а потом и к нему самому, и ты начала фантазировать, мечтать о нем... Скажи, ты не разочаровалась в своем муже, когда наконец оказалась с ним в одной постели? Соответствовал ли он тому идеальному образу, который сложился в твоей юной романтической головке? И соответствует ли сейчас?

Марис всем корпусом развернулась к нему:

– Это неуместный вопрос, Паркер!

– То есть иными словами – нет, не соответствует. Я так и думал!.. – И он скорбно покачал головой.

– Иными словами – это не твое дело! – вспыхнула Марис. – Твое любопытство относительно моей личной жизни – оно... оно просто большое! И если хочешь начистоту, именно поэтому я избегала тебя весь сегодняшний день. То, что случилось в сарае... Это просто ни в какие ворота не лезет. В

конце концов, я замужем!

– А что такого случилось в сарае? – удивился Паркер. – Я что-то не припомню ничего такого, что могло бы скомпрометировать тебя как замужнюю женщину.

Его притворная наивность еще больше разозлила Марис, и она решила, что пора дать ему отпор. Приняв вид равнодушный и спокойный, она поставила на поднос опустевший бокал и снова повернулась к Паркеру.

– Ты, я вижу, придаешь этому поцелую слишком большое значение... Тебе действительно так интересно, почему я позволила себя поцеловать? Что ж, попробую объяснить, только тебе это объяснение не понравится...

– Ничего, выкладывай.

– Так вот, Паркер... – Марис облизала вдруг пересохшие губы. – Я не стала сопротивляться тебе только потому, что не хотела поставить тебя и себя в неловкое положение. Вряд ли даже твой усовершенствованный гольф-кар может считаться самым подходящим местом для матча по борьбе между инвалидом и женщиной, вынужденной защищать свою добродетель. Да-да, Паркер, именно инвалидом!.. – добавила она, заметив, как потемнело от гнева его лицо. – Я имею в виду не твою неспособность ходить, а твою неспособность держать себя в рамках общепринятых норм. И не воображай, пожалуйста, – вовсе я тебя не испугалась. – Она насмешливо посмотрела на него. – В крайнем случае я могла бы от тебя просто убежать!

– А ты, оказывается, умеешь бить ниже пояса! – пробор-мotal Паркер сквозь стиснутые зубы. – Это нечестно!

– К сожалению, я успела убедиться, что правила для тебя неприемлемы, поэтому мне пришлось играть в твою игру – без правил, – отрезала она.

– Игра без правил – единственный вид игры, который имеет право на существование.

– Другими словами, ты готов добиваться своего любой ценой, не считаясь с окружающими?

– Совершенно верно, – подтвердил Паркер. – Именно любой ценой. Я хорошо выучил этот урок, или, точнее, его вбила в меня сама жизнь. Если хочешь чего-то добиться, нужно быть готовым к жертвам... В том числе и среди мирного населения.

Эти его последние слова хотя и напоминали попытку пошутить, прозвучали слишком уж мрачно, и Марис почла за благо не расспрашивать, в чем состояли его «уроки». Вместо этого она сказала:

– Я хотела работать с тобой над твоей «Завистью». И если ради этого я должна была позволить тебе один ничего не значащий поцелуй – что ж... Такую цену я готова была заплатить из снисхождения к... твоему дурному характеру и отсутствию воспитания, – быстро закончила она, вовремя сообразив, что чуть было не сморозила глупость. – Так, может быть, мы перестанем вести себя как дети и сосредоточимся на вопросе, ради которого я сюда приехала? Я имею в виду

твою книгу, Паркер! Твою еще не написанную книгу, которую я готова купить...

– Сколько ты за нее дашь?

За все время они еще ни разу не заговаривали о деньгах, и Марис была застигнута этим неожиданным вопросом врасплох.

– Я... я пока об этом не думала, но...

– Что ж, подумай.

– Не кажется ли тебе, что называть конкретные суммы, пожалуй, рановато?

– Почему же?

– Потому что я еще не видела готовой рукописи, Паркер. И пока я ее не увижу, мы не сможем подписать договор.

– Очень жаль, потому что я не собираюсь лезть из кожи вон и заканчивать книгу, которую ты, может быть, откажешься покупать.

– Мне очень жаль, Паркер, но не мною так заведено. Таков общепринятый порядок, и...

– Мне не нравится этот порядок, – отрезал Паркер.

Только что распечатанные, еще теплые листы бумаги лежали у него на коленях аккуратной стопкой, и Марис ужасно хотелось поскорее их прочитать, но упрямо выпяченная челюсть Паркера подсказывала ей – он будет стоять на своем до конца.

– Мы могли бы попробовать отыскать компромисс... – начала она.

– Что ж, я слушаю.

– Если бы ты представил мне подробный план книги, я могла бы выписать тебе... гм-м... небольшой аванс.

– Ничего не выйдет. Я не собираюсь корпеть над подробным планом.

– Почему?

– Потому что мне нравится импровизировать и писать так, как мне хочется. Любой план, кроме того, который сложился у меня в голове, будет мне только мешать.

– Но тебе вовсе не обязательно строго придерживаться плана! – возразила Марис. – Если в процессе работы ты найдешь новый, интересный сюжетный ход – ради бога! Никто не заставит тебя писать по плану. Все, что мне нужно, – это общая идея книги и краткое содержание сюжета. Ведь должен же ты знать, чем все кончится!

– Я-то знаю, – усмехнулся Паркер. – Но если и ты будешь знать, тогда никакого сюрприза не получится.

– Я твой редактор, и мне не нужны сюрпризы.

– Во-первых, ты пока еще не мой редактор, – возразил Паркер. – К тому же, как я успел заметить, ты в первую очередь читатель и только потом – редактор. Вот почему я решил использовать тебя как барометр – прибор, который показывает, насколько хорошо то, что у меня получается. А во-вторых, я предпочитаю тратить силы на настоящую работу, а не на написание глупых планов, которые все равно никому не нужны. Кроме того, неожиданные повороты сюжета дела-

ют книгу только увлекательнее, разве не так?

– Ради всего святого, Паркер, не спеши! От этого выиграешь не только ты, но и я!

– Я и не собираюсь.

– Ты говоришь совсем как Тодд!

– Тодд?!

– Да. – Марис подошла к столу, на котором оставила прочитанную ею часть рукописи. – Кажется, это было в шестой главе... Нет, в седьмой. Помнишь сцену между ним и Рурком? Тодд жалуется приятелю, что Хедли предложил ему изменить характер отношений главного героя с отцом, а Рурк отвечает, что проф в данном случае прав, хотя он и скотина... – Марис быстро перелистала страницы. – Вот, смотри, страница девяносто вторая... Тодд говорит: «Когда наш уважаемый профессор сам напишет роман, он может делать со своими героями все, что угодно, но эти герои – мои. Я их создал, я знаю, что творится у каждого внутри, и не собираюсь изменять их в угоду профессору Хедли – нет, не собираюсь!»

Марис посмотрела на Паркера. Тот пожал плечами:

– Пусть Тодд говорит за меня, если тебе так больше нравится.

– Ну и упрям же ты!

Несколько секунд они сердито тарасились друг на друга и молчали. Наконец Паркер спросил:

– Ну как, хочешь послушать, что я успел написать за те несколько часов, пока ты пряталась от меня во флигеле?

– Конечно, хочу, – ответила Марис, стараясь не обращать внимания на сарказм. – Очень... Постой-постой, ты, кажется, сказал – «послушать»?

– Будет лучше, если я тебе прочту этот кусок вслух, поскольку он еще не доведен до ума. Я писал быстро, так что там наверняка много огрехов – например, я не особенно затруднял себя расстановкой заглавных букв, запятых и прочего... Короче говоря, садись и слушай.

Марис села на подушку, брошенную на сиденье одного из плетеных кресел, и, сбросив сандалии, поджала ноги под себя. Паркер подкатился к ней поближе, поставил колеса на тормоз и поправил абажур настольной лампы таким образом, чтобы свет падал на страницы.

– Я последовал твоему совету, Марис, и разработал тему единственной настоящей любви Рурка. Этот эпизод – один из самых важных. Дело происходит вечером того же дня, когда Рурк опоздал к Хедли. Конечно, профессор в конце концов смягчился и назначил ему новую консультацию после Дня благодарения. Сразу после этого Рурк отправился в общежитие, спихнул приятеля с подвесной койки и, как ты и хотела, принялся вправлять ему мозги. Они подняли такой шум, что пришлось вмешаться соседям по общежитию. В конце концов их разняли. Рурк разбил Тодду губу и расквасил нос. Тот осознал свою ошибку и принес приятелю извинения.

– В самом деле?..

– Да, он так поступил. Тодд заявил, что хотел разыграть

Рурка, а о последствиях не подумал. По его словам, он не ожидал, что старый зануда окажется таким пунктуальным. Тодд думал – Хедли как следует проберет Рурка за опоздание, а потом все пойдет своим чередом.

– И его извинения были искренними?

– У нас пока нет оснований считать иначе, не так ли?

– Пожалуй...

– Итак, Рурк выслушивает объяснения Тодда и принимает его извинения, однако он все еще зол, как тысяча чертей. Настроение у него, во всяком случае, препаршивое. И вот он звонит своей девушке и назначает ей свидание. Сначала она отказывается, но Рурк говорит, что у него был неудачный день и что он действительно хочет ее видеть.

– Понятно. Рурк в поисках мягкого теплого женского плеча...

Паркер пристально посмотрел на нее.

– Примерно так... – Паркер перевернул несколько страниц и бросил их на пол. – Этот переход ты сможешь прочесть потом, если тебе интересно. Кстати, девушку я назвал Лесли.

– Мне это имя нравится больше, чем Кэти...

– Рурк повез ее в кафе для автомобилистов и заказал картофельные чипсы с перцем и вишневым лимонадом.

– Да он шикает, этот твой Рурк!

– Послушай, не надо ехидничать, ладно? В конце концов, парнишка не какой-нибудь сынок преуспевающего издателя, а обычный бюджетный студюзуз. К тому же – хотя тебе, воз-

можно, это покажется странным – он любит картофельные чипсы с перцем и вишневый лимонад!

– Извини. Продолжай, пожалуйста!

– После того как они перекусили, Рурк повез Лесли к озеру. Там он остановил машину на берегу и выключил радио – почему-то ему показалось, что тишина больше подходит к данному случаю. Та-ак, как это у меня?.. Вот: «Тишина, окружившая его, была мягкой, плотной и успокаивала, как материнская грудь. Сегодняшний день был до краев наполнен суетой, неприятными сюрпризами и переживаниями, но труднее всего оказалось совладать с разочарованием. А разочаровался Рурк не только в своем лучшем друге, но и в себе самом...»

– Неплохо, – похвалила Марис.

– Спасибо... – рассеянно отозвался Паркер, продолжая быстро листать страницы. – «...Погруженный в свои мысли, он не сразу обратил внимание, что девушка тоже была не похожа на себя. Она казалась угнетенной, задумчивой, хотя обычно Лесли излучала оптимизм и веселье. Очевидно, подумал Рурк, его мрачное настроение передалось и ей. В кафе они говорили о...» Словом, о всяких пустяках. Это ты тоже прочтешь сама, ладно?

Паркер перевернул еще страницу и принялся водить пальцем по строкам, ища нужный абзац.

– Ага, вот... Слушай!..

– Я слушаю.

– «Полная луна висела над самым горизонтом. Колеблющаяся лунная дорожка протянулась почти от берега до берега, но свет луны был холоден. На противоположной стороне озера темнел густой лес. Ночь выдалась безветренной, и со стороны леса не доносилось ни звука. Высокое звездное небо дышало близкими заморозками».

– Мне нравится, – снова сказала Марис.

– Чтобы не тратить зря времени, достаточно сказать, что Рурк и Лесли испытывали непонятную неловкость и поэтому говорили мало. Лесли не спросила, куда они едут; за весь путь от кафе она даже не пукнула... господи, неужели я такое написал?! – спохватился Паркер и, достав из кармана рубашки красный карандаш, что-то вычеркнул в рукописи. – ...Но довольно скоро ее молчание начало действовать Рурку на нервы. Он спрашивает себя, о чем она может думать... – С этого места Паркер снова стал читать:

– «Рурк терпел до тех пор, пока ему не стало казаться – он больше не вынесет этого молчания.

– О чем это ты все время думаешь? – спросил он раздраженно.

Тон, каким был задан этот вопрос, был без малого оскорбителен. Рурк бы и сам обиделся, если бы кто-то, кто целый час молчал, как покойник, неожиданно стал допрашивать его, отчего он сегодня не в себе. Однако, когда Лесли повернулась к нему, в ее глазах он прочел только понимание и доброту. Она не собиралась ни в чем его упрекать. Напротив, Лесли была готова

помочь ему – только не знала как. А у Рурка внезапно перехватило дыхание – до того красивой она показалась ему в этот момент.

Когда Рурк впервые увидел Лесли, она не произвела на него сильного впечатления. Да, она была мила, даже прелестна, но не больше. Впрочем, в баре, в котором в тот вечер сидели Рурк с приятелями, равных Лесли, пожалуй, не было, и они подробно обсудили ее между собой, отметив в первую очередь те анатомические особенности, на которые обычно обращают внимание мужчины. Общее мнение было таково: с такой девчонкой можно не только перепихнуться по быстрому, но и пройтись по студгородку на зависть другим студентам.

Но сегодня Лесли была красива какой-то особенной красотой, не имевшей никакого отношения ни к чертам ее лица, ни к пропорциям фигуры. Она как будто излучала что-то совсем особенное – более ценное, чем физическая красота, и более редкое, чем ее глаза поразительно яркого василькового оттенка.

Рурк хорошо понимал, что такого рода красота плохо сочетается с принятыми в современном обществе стандартами и потому редко бывает оценена по достоинству. В Лесли не было ни снобизма, ни агрессивности, ни хищного стремления подать себя с наиболее выгодной стороны. Она казалась по провинциальному простой и понятной и вместе с тем – отзывчивой и близкой. Рядом с ней Рурк невольно чувствовал, что его любят и принимают таким, каков

он есть вместе со всеми недостатками и достоинствами. Именно таким в его представлениях должен был быть идеальный спутник жизни...»

Паркер перестал читать и, подняв голову, посмотрел на Марис, но она была так взволнована, что смогла только кивнуть.

– Дальше Лесли спрашивает, что стряслось и отчего Рурк весь вечер молчит, как в воду опущенный. Именно так и написано...

Паркер бросил на пол очередную страницу и отыскивал на следующей новый абзац.

– «Рурк говорил не меньше десяти минут подряд, не делая даже пауз, чтобы перевести дыхание. Слова лились свободным потоком, словно на протяжении всего дня его подсознание специально отбирало их, готовило, расставляло по порядку, чтобы в полной мере выразить глубину его отчаяния.

Но вскоре его уныние превратилось в ярость, и Рурк высыпал на Лесли целый ворох безупречно логичных доводов, оправдывавших его досаду, гнев и раздражение.

– К черту Тодда, к черту все его извинения! – воскликнул он, крепко сжимая кулаки. – Ведь никакими словами он не сможет исправить зло, которое он мне причинил!

Закончив проклинать Тодда, Рурк принялся за профессора, которого считал упрямым,

самовлюбленным ублюдкой. При этом он отчаянно боялся, что ему так и не удастся восстановить с Хедли нормальные отношения, без которых нечего было и думать о том, чтобы получить за дипломную работу удовлетворительную оценку.

Наконец этот словесный поток начал слабеть, и вскоре совершенно иссяк. Рурк замолчал и, нахохлившись, плотнее запахнул на себе куртку. Ему не было холодно – он сделал это от стыда перед Лесли и перед самим собой – ведь он вел себя не как мужчина, а как беспомощный младенец, которому необходимо было выплакаться...»

И снова Паркер поднял голову и посмотрел на Марис:

– Ну как? Можно продолжать или лучше сразу выбросить все это в корзину?

– Продолжай. Пожалуйста, – тихо попросила она, и Паркер поправил лежавшую у него на коленях рукопись.

– «Лесли терпеливо ждала, пока его гнев окончательно остынет. Только когда Рурк замолчал, с несчастным видом завернувшись в куртку, она осторожно сказала, словно обращаясь к пугливому зверьку:

– На самом деле то, что произошло сегодня, скорее хорошо, чем плохо.

– Хорошо?! – удивился Рурк. – Как это может быть? Объясни мне ради бога... хотя я в него и не верю.

Он знал, что эти последние слова будут неприятны Лесли, которая была убежденной католичкой и весьма болезненно

реагировала на любые, самые невинные шутки, направленные против ее веры. Каждый раз, когда Рурк допускал что-то подобное, Лесли довольно резко его осаживала, но сегодня она предпочла пропустить его слова мимо ушей.

– Главная причина, по которой ты так остро это воспринял, заключается в том, что твоя литературная работа много для тебя значит.

Рурк немного подумал и решил, что Лесли права, но этого ему было мало. Он хотел знать, что еще она скажет.

– И что из этого следует? – спросил он.

– Из этою следует, что раз для тебя это так важно, значит, рано или поздно ты добьешься успеха, – просто ответила Лесли. – Если бы ты не обратил особого внимания на инцидент с Хедли или даже вместе с Тоддом посмеялся над тем, какое было у профессора лицо, когда ты пытался втолковать ему, что пришел вовремя – тогда я бы посоветовала тебе избрать какую-нибудь другую специальность. Но литература стала твоей страстью, твоей единственной любовью, и именно поэтому ты не смог отнестись к этой истории спокойно.

Твоя реакция... Она показала глубину твоей увлеченности литературой, писательством. То, что ты так расстроился из-за... нет не из-за пустяка, а из-за простого дефекта в существующем порядке вещей, наглядно свидетельствует о силе твоего желания писать, и писать хорошо. Удар, который нанесли тебе обстоятельства, угодил в самое больное место,

и это тоже подтверждает – ты нашел свою судьбу, свое предназначение в этом мире... – Лесли улыбнулась. – Впрочем, мне и не нужно было никаких доказательств, но, возможно, в них нуждался ты сам. А раз так, значит, твой сегодняшний опыт стоил всех переживаний, отчаяния, гнева... – Она взяла его руку в свою и несильно пожала. – Подумай о том, что я тебе сказала, и ты убедишься, что я права».

Паркер замолчал, и молчал довольно долго. Наконец Марис не выдержала.

– А девушка мудра не по годам! – сказала она.

– Ты думаешь?

Марис кивнула. Потом она заметила, что на коленях у Паркера еще осталось несколько листов бумаги.

– А как отреагировал на ее слова Рурк? – поинтересовалась она.

– Так, как большинство мужчин реагирует на стрессовые ситуации, – уклончиво ответил Паркер.

– А именно? – настаивала Марис.

– В зависимости от обстоятельств, нам хочется либо кого-то трахнуть, либо трахнуться. Угадай, какой из этих вариантов предпочел Рурк?

Марис неуверенно хмыкнула.

– Я... я не думаю, чтобы Рурку захотелось ударить Лесли.

– Разве не ты предложила мне развить любовную тему?

– Да, я, но...

– Тогда слушай дальше. Они поцеловались, а дальше все покатило по накатанной колее. Рурк расстегнул ее куртку и блузку и прижался к ее груди. «Бархатно-мягкой, теплой, душистой женской коже», как у меня написано. Впрочем, развивать так развивать – над этой сценой я еще поработаю, – сказал Паркер, делая в рукописи какую-то пометку.

– «Рурк ласкал ее груди. Впервые за время их знакомства он использовал губы и язык, и Лесли поняла, что такое настоящее наслаждение и какие приятные возможности открываются перед мужчиной и женщиной, если они не боятся их исследовать»...

Марис почувствовала, что ее сердце забилось чаще.

– «Ее запах... Ее теплое дыхание. Привкус ее кожи на языке. И все это после долгого, трудного дня, до краев наполненного разочарованиями и тревогами... Одними объятиями и поцелуями этой проблемы было не решить, поэтому Рурк расстегнул джинсы и направил руку Лесли туда, где – как ему казалось – сконцентрировалось напряжение целого дня...» Мягко говоря, – пояснил Паркер, подняв глаза на

Марис, – Лесли завела его с помощью «пусковой рукоятки».

– Это называется «мягко говоря»? – Голос Марис неожиданно прозвучал хрипло, и Паркер удивленно приподнял бровь.

– Да, особенно по сравнению с известными мне вариантами.

– Ну, хорошо, продолжай.

– Рурк сказал Лесли, что любит ее.

– Он действительно имел это в виду?

– В тот момент он верил в это всей душой и всем сердцем.

«А также своей „пусковой рукояткой“», – хотела сказать Марис, но, увидев серьезное лицо Паркера, сдержалась.

– Так, – сказала она. – И как отреагировала на это признание Лесли?

Паркер нахмурился.

– Эта, так сказать, «ручная работа» оказалась прощальным подарком Лесли. Она его бросила.

– То есть ушла от него? Прямо там?

– Да.

– И она поступила так по причинам, о которых ты писал в первом варианте?

– Верно.

– В таком случае, – задумчиво проговорила Марис, – Лесли не просто умна. Она по-настоящему добра и милосердна. Как ни больно ей было... поступать подобным образом, она все же сделала то, что считала необходимым для обоих,

в особенности – для Рурка. В эти минуты она думает не о себе, а о нем, о его карьере.

– Не исключено, – кивнул Паркер. – Но должен сказать откровенно: мужчина, который только что кончил, чувствует себя не очень приятно, когда женщина вдруг встает и уходит. Это все равно что пощечина, даже хуже...

– Может быть. Я как-то не думала...

– Я тебя не обманываю. – Паркер со знающим видом кивнул. – Спроси любого мужика.

– Лучше я поверю тебе на слово.

– С точки зрения Рурка, Лесли поступила, как последняя дрянь. Он не нуждается ни в ее милосердии, ни в жалости. Да кем она себя вообразила – Матерью Терезой? Короче говоря, он обиделся и разозлился...

Марис хотела возразить, но Паркер жестом остановил ее:

– Во всяком случае – сначала. – Он взял в руки оставшиеся страницы. – Читать?

– Да, конечно.

– «Скверно начавшийся день закончился сущим кошмаром. Рурку хотелось напиться до полного беспамьятства, но, поразмыслив, он понял, что это ничего не даст. Сегодняшние потери и разочарования не исчезнут и даже не забудутся – они будут подстерегать его завтра утром, когда он проснется, а с похмелья ему будет еще труднее с ними справиться.

К тому же, подумал Рурк, никакого права напиваться у него нет. Настоящий мужчина пьет только от большой ра-

дости или с большого горя. А какое горе у него? Если бы свалившиеся на него несчастья были обусловлены поворотом Судьбы или Провидения, тогда, пожалуй, он бы еще мог оплакивать свой горький жребий, но рыдать за бутылкой над собственными ошибками?..

Да, как бы ни хотелось ему возложить всю ответственность за происшедшее на Лесли, на Тодда, на профессора Хедли, в глубине души Рурк знал – основная, если не вся вина лежит на нем. Он давно понял, что Лесли умна и разбирается в жизни куда лучше его. Кроме того, она была честна – отказать ей в этом Рурк не мог, хотя ее честность и прямота часто причиняли ему боль.

Ах, Лесли, Лесли... Их желания, их мечты оказались слишком разными, чтобы они могли быть счастливы вдвоем. И никакого будущего у них не было и быть не могло. Уже сейчас их цели и стремления противоречили друг другу; в будущем же они начнут то и дело сталкиваться, высекая искры, пока чья-нибудь жизнь не окажется разбита вдребезги. Расставание было неизбежно, вопрос заключался лишь в том, как много глубоких ран они успеют нанести один другому прежде, чем это произойдет.

Рурк понимал, что решение Лесли вернуться в свой провинциальный городок, к своему провинциальному ухажеру, к своим делам, к своим маленьким радостям было единственно правильным, но от этого его боль не становилась слабее. Ему было жаль терять ее именно сейчас, жаль пре-

рывать отношения, которые только-только начались, однако ему было ясно, что, поступив так, Лесли избавила их обоих от еще более сильных страданий.

По крайней мере они расстались, сохранив друг о друге самые светлые воспоминания.

Что касалось профессора Хедли, то он имел все основания негодовать и возмущаться. Как и любому преподавателю, студенты-тупицы ему были не нужны. Он слишком высоко ценил свое время и знания, чтобы тратить их на дураков и лентяев, которые даже не считают нужным являться на консультацию вовремя. Правда, Хедли заметно расстроился, когда узнал, что Рурк опоздал не по своей вине, однако он не счел нужным первым сделать шаг навстречу. Исправлять положение Рурку предстояло самому. Он должен был доказать профессору Хедли, что он не кретин, что он любит писать, хочет писать и готов этому учиться.

Но чтобы научиться чему-то новому, сначала ему следует извлечь необходимые уроки из сегодняшнего печального опыта, чтобы не повторять одних и тех же ошибок.

Этот ноябрьский вторник был первым по-настоящему холодным осенним днем, предвестником скорой зимы. Он же стал первым днем взрослой жизни Рурка Слейда. Без помпы, без парада свершился этот обряд превращения из юноши в мужчину. Сегодня Рурк утратил последние иллюзии, последние остатки детской невинности. Отныне доверие, дружба, верность превратились для него просто в слова, в отвле-

ченные понятия, не имеющие никакого практического приложения. Их заменил насмешливый, чуть циничный взрослый скепсис, ставший спутником Рурка на долгие годы.

Впрочем, сам он о своем преображении не подозревал. Лишь несколько лет спустя, когда у него появилась необходимость занять чем-то избыток свободного времени, Рурк попытался вернуться в прошлое, чтобы понять, когда его жизнь из благословения превратилась в проклятие. И наткнулся на этот день.

Но пока Рурк ничего этого не знал. Он даже не догадывался, что на протяжении ближайших месяцев будет размышлять об этом вторнике накануне Дня благодарения – о том, что он извлек из столкновения с профессором Хедли, о том, что узнал он от Лесли о себе. Эти мысли займут у него не одну бессонную ночь, но в конце концов это время не пройдет для него зря.

И лишь о своем бывшем друге Тодде Рурк старался не думать».

Закончив читать, Паркер некоторое время внимательно разглядывал последнюю строчку, потом разжал пальцы, и лист бумаги плавно скользнул под колеса его инвалидного кресла, где уже лежали другие такие же листки. Не поднимая глаз, он спросил:

– Ну как?

Марис пошевелилась в кресле и, с трудом распрямив затекшие ноги, спустила их вниз. Потом она провела ладонями

по бедрам и, положив сцепленные руки на колени, негромко вздохнула.

– Очень хорошо, Паркер, – сказала она. – Настолько хорошо, что я... Конечно, это будет против правил компании и моих личных принципов, но я готова выплатить десять тысяч долларов аванса под одно твое обещание закончить рукопись. Когда она будет готова, мы сможем обсудить условия контракта. Если мы не сможем договориться и ты решишь продать книгу другому издателю, ты должен будешь вернуть эти деньги из первых полученных тобою выплат. Если же ты примешь наши условия, десять тысяч будут учтены при выплате официального аванса, сумма которого будет оговорена при составлении договора. Ну а пока тебе следует обзавестись литературным агентом. Я бы посоветовала обратиться к...

– Я вижу, ты кое-что соображаешь в книгоиздании, но ведь и я тоже не вчера родился, – перебил Паркер.

– Что такое?! Ты не согласен?

– Двадцать пять «штук», и ни центом меньше. Между прочим, эта сумма едва-едва покрывает мои издержки – мне ведь надо покупать картриджи для принтера и бумагу.

– Похоже, ты привык пользоваться самой дорогой бумагой, – заметила Марис. – Ладно, так и быть, предлагаю пятнадцать тысяч, хотя с моей стороны это чистое безумие – ведь у меня нет синопсиса романа, под который я даю деньги.

Несколько секунд Паркер размышлял.

– Пусть будет пятнадцать, только без этого твоего пункта о возврате в случае продажи другому издательству и без зачета при выплате аванса. Иными словами, эти пятнадцать тысяч должны остаться у меня при любом раскладе, идет? Ну же, Марис!.. Неужели «Мадерли-пресс» боится рискнуть какими-то паршивыми пятнадцатую тысячами?

Он был прав, и Марис не видела смысла торговаться дальше – разве только для того, чтобы поддержать собственную репутацию. Впрочем, спорить с ним ей придется еще раз – при подписании официального договора. Уж тогда-то она не уступит ему ни одного цента!

– Договорились. – Марис протянула ему руку. – Как только я вернусь в Нью-Йорк, наш юридический отдел оформит это джентльменское соглашение, подготовив договор о намерениях. Пока же тебе придется положиться, на мое слово, а мне – на твое...

Сняв кресло с тормоза, Паркер уцепился за протянутую руку Марис и подкатился к ней совсем близко.

– Насколько я успел заметить, ты женщина, а не джентльмен, – сказал он.

– Насколько я успела заметить, ты тоже далеко не джентльмен, – парировала Марис. – А кто ты – этого я, пожалуй, говорить не буду.

Рассмеявшись, Паркер выпустил ее руку.

– Ты совершенно права! Хочешь забрать остальное с собой? – Он показал на разбросанные по полу листы рукописи.

– Конечно. Мне хочется показать эти страницы отцу.

– А мужу?

– Ной, как правило, занимается чисто практическими делами; творческие вопросы лежат на мне, раз уж он знает, что я всерьез заинтересовалась этой рукописью, я думаю, он тоже захочет на нее взглянуть.

Взявшись за колеса, Паркер отъехал назад, чтобы Марис могла собрать с пола рассыпанные листы.

– Я бы тебе помог, но... – начал он проникновенным тоном.

– Не беспокойся, я справлюсь, – перебила Марис, опускаясь на колени и запуская руку под кресло, куда улетело два самых первых листа.

– ...Но мне слишком нравится смотреть на тебя в таком положении, – невозмутимо продолжил Паркер. – Знаешь, у меня ведь тоже есть свои мечты и фантазии. Я уже несколько раз представлял, как ты стоишь передо мной на коленях и...

– ...И упрощаю продать твою рукопись именно «Мадерли-пресс»?

– Об этом я не подумал. Пожалуй, и это тоже, но... Это не главное, как ты понимаешь...

Марис посмотрела на него и сразу же об этом пожалела. Лучше бы она этого не делала. Паркер не улыбался. Он даже не дразнил ее, к чему Марис уже начала привыкать. Похоже, он говорил совершенно серьезно, и у нее по спине пробежал холодок.

– Грязные фантазии... – Паркер пожал плечами. – В каком-нибудь другом штате меня даже могли бы арестовать.

– Прекрати! – почти выкрикнула она.

– О'кей, прекращу...

– Большое спасибо.

– Но только когда ты перестанешь ползать передо мной на карачках и так соблазнительно оттопыривать зад. Так и хочется задрать тебе юбку и засадить по самые гланды...

– Пишешь ты неплохо, но разговаривать не умеешь.

– А по-моему, я очень ясно выражаю свои мысли.

– Мне следовало бы заявить на тебя в полицию и обвинить в сексуальных домогательствах.

– Я буду все отрицать. К тому же я инвалид, и любой состав присяжных сразу поймет, что при всем моем желании у меня не было ни намерения, ни реальной возможности засадить тебе по самые...

– Только потому что ты инвалид, я так не поступлю, – сердито перебила Марис, продолжая собирать с пола рассыпанные страницы.

Потом она увидела шрам.

По случаю жары Паркер был без носков. На ногах у него были легкие кожаные сандалии – совершенно новенькие, даже не поцарапанные. Белесый, изломанный шрам шириной в добрых полдюйма пересекал плюсну правой ноги и убежал вверх, в штанину брюк. Выглядел он жутко, и Марис невольно замерла.

– Выше – еще хуже, – сообщил Паркер. – По сравнению с остальными это даже не рубец, а царапина.

Марис посмотрела на него.

– Мне очень жаль, Паркер. Я...

– Не надо извиняться. Нездоровое любопытство свойственно человеку. Испокон веков толпы зевак собирались на базарных площадях, чтобы поглазеть на какого-нибудь уродца. Я уже привык к тому, что на меня таращатся. Не всем же хватает такта вовремя отвернуться.

– Я хотела сказать, – перебила Марис, – я сожалею, что с тобой случилось такое несчастье... Тебе было очень больно?

– Сначала – да, очень... – ответил Паркер с наигранным равнодушием. – И потом тоже, когда врачи пытались приделать мне ноги обратно. Смешное выражение – «приделать ноги», правда? О вещи, которую кто-то украл, обычно говорят – «приделали ноги». Впрочем, я отвлекся... С годами я настолько привык к боли, что почти перестал ее замечать. Я не заметил даже, как боль прошла. Теперь у меня только к холодам ноют колени, и хотя колен как таковых у меня не осталось, боль бывает просто адская!

– И поэтому ты переехал на Санта-Анну? Ведь здесь, кажется, не бывает холодов...

– Да, сильных холодов здесь не бывает, – согласился Паркер. – Но это только одна причина... – Он неожиданно взялся за колеса кресла. – Я хочу еще кобблера. Привезти на твою долю?

– Нет. – Марис наконец-то собрала последние страницы и встала во весь рост. – Мне завтра рано вставать, поэтому я хотела бы лечь пораньше. Майкл меня разбудит.

– В таком случае – спокойной ночи.

В считанные секунды его настроение из развязно-игривого стало холодным, почти официальным, и Марис догадывалась почему. Ведь она видела его раны – как те, что были у него на ногах, так и раны души, и Паркер не мог этого вынести. Он считал эти раны признаком слабости, несовместимой с его мужским достоинством, что было по меньшей мере смешно. Марис, во всяком случае, прекрасно видела – если бы не ноги, Паркер был бы просто образчиком мужественности. У него была развитая грудная клетка, широкие плечи и сильные, загорелые руки, на которые она обратила внимание еще в тот вечер, когда увидела его в первый раз. Да и ноги под брюками выглядели достаточно мускулистыми и стройными, хотя Паркер только недавно обмолвился, что у него совсем нет коленей (что бы это ни означало).

Кроме того, он совсем не махнул на себя рукой, а старался поддерживать физическую форму. В одном из углов «солярия» Марис заметила довольно увесистые гантели, несомненно, принадлежавшие ему. Когда же она спросила Майкла, почему Паркер не пользуется инвалидным креслом с электромотором, он ответил, что усилия, которые приходится прилагать его подопечному, чтобы катить тяжелое кресло, являются отличной тренировкой, с успехом заменяющей

упражнения с отягощениями.

Лицо Паркера тоже казалось Марис довольно интересным, хотя, не в пример Ною, его нельзя было назвать красивым. В резких чертах Паркера была какая-то не правильность, асимметричность, которая и делала его лицо необычным и запоминающимся. Квадратный волевой подбородок, темные брови, пронзительный взгляд и густые, непокорные волосы, взъерошенные так, словно Паркер только что встал с постели, тоже придавали его облику добротную мужскую привлекательность, от которой замужней женщине разумнее всего было держаться подальше.

Что Марис и собиралась сделать.

– Постараюсь позвонить тебе как можно скорее, – пообещала она.

– Я и не собираюсь никуда уезжать, – возразил он.

– В таком случае мне остается пожелать тебе только одно: писать, писать как можно больше, писать всем сердцем!

– Да, конечно. До свиданья, Марис. – И Паркер, не оглядываясь, покатило свое кресло в кухню. Он не особенно спешил, но Марис все равно показалось – по каким-то одному ему ведомым причинам Паркер решил спастись бегством. Вот дверь за ним с грохотом захлопнулась, и Марис осталась в полутемной комнате одна. Отчего-то она чувствовала себя разбитой и разочарованной. Марис и сама толком не знала, чего, собственно, ожидала, но поспешное исчезновение Паркера ее огорчило. Правда, Марис получила то, ради

чего приехала: он обещал закончить «Зависть» и, кажется, готов был продать ее «Мадерли-пресс», однако ей казалось, что еще одно прощальное рукопожатие – просто для того, чтобы скрепить договор, – его не убило бы. Провожать ее утром Паркер тоже не собирался – об этом он даже не упомянул. И хотя Марис вовсе не рассчитывала на долгие и теплые проводы, настроение у нее упало.

Вдобавок ей было жаль уезжать – жаль чуть не до слез, хотя теоретически перспектива возвращения к привычной обстановке, к повседневным делам, должна была ее только радовать. Должно быть, решила Марис, все дело в самом острове. Он покорила ее своими вечнозелеными лесами, запахами моря и цветов, едва слышной музыкой ночи, наполненной стрекотом невидимых насекомых. Даже высокая влажность, поначалу изрядно ей досаждавшая постоянным ощущением испарины на лбу и под мышками, больше не беспокоила Марис. Она привыкла к ней, привыкла к неумолчному шуму прибоя, к жаркому солнцу и таинственным теням, мелькавшим под пологом листвы, и добровольно расставаться с этим волшебным, древним, как сам океан, местом ей очень не хотелось.

К тому же на этом острове жил Паркер Эванс, добавила про себя Марис, но тут же поспешила отогнать от себя эту мысль.

Только сейчас она заметила, что с такой силой сжимает в кулаке страницы рукописи, что верхние листы помялись и

стали влажными от пота. Усмехнувшись, Марис переложила рукопись в другую руку и покачала головой. Она догадывалась, откуда взялись у нее эти сентиментальные мысли. Они родились у нее в мозгу в тот момент, когда Паркер читал ей отрывок о последнем свидании Рурка и Лесли. Все эти «поцелуи», «гладкая кожа», «податливая и теплая грудь» подействовали на нее так сильно, что она нет-нет да и задумывалась о «приятных возможностях», которые становятся доступны мужчине и женщине, если они этого захотят.

Что ж, подумала Марис, пожалуй, стоит вернуться в свою комнату и перечитать это место еще раз, чтобы освободиться от его магии. Она даже шагнула к выходу, но передумала. Лучше она вернется к этой главе дома – в знакомой обстановке, при свете любимой настольной лампы, надежно оградив себя от посторонних мыслей стенами их с Ноем спальни или рабочего кабинета. Читать же эти страницы сейчас, когда буквально в соседней комнате их автор предавался непристойным фантазиям, попадавшим под юрисдикцию полиции, было по меньшей мере неблагоразумно.

И прежде чем покинуть «солярий» – он же рабочий кабинет Паркера, – Марис сняла с полки один из романов Маккензи Руна. Она чувствовала, что заснуть ей будет нелегко, и надеялась, что приключения Дика Кейтона отвлекут ее от ненужных размышлений.

И от пустых фантазий, если они вдруг придут ей в голову.

Приехав на следующий день в хлопкоочистительный джин, Паркер спугнул енота, который рылся в мусоре.

– Эй, парень, уже утро! Ну-ка, брысь отсюда!.. – прикрикнул он, и енот стремглав бросился к пролому в стене. Мелькнул полосатый хвост, и зверек исчез в густых зарослях.

Паркеру нравилось приезжать сюда рано утром, еще до рассвета, пока воздух был относительно прохладен, а с океана дул легкий ветерок. Сидя неподвижно в своем кресле, он смотрел, как сквозь щели в досках протискиваются внутрь первые несмелые, нежно-розоватые лучи утреннего солнца. В такие моменты ему казалось, что старая постройка – живое существо, которое каждое утро пробуждается в надежде, что наступающий день вернет ему молодость.

Эта мысль была особенно близка Паркеру, потому что ему самому слишком часто хотелось, чтобы какое-нибудь чудо вернуло ему подвижность и радость полноты жизни.

Кроме того, он хорошо понимал, что чувствует каждый – будь то человек или старый джин, – от кого все отвернулись, на кого махнули рукой, решив: эта старая развалина ни на что путное больше не годится.

Сколько раз по утрам Паркер просыпался с этим гнетущим ощущением! Только иногда, еще находясь наполовину во власти сна, он забывал о своих невеселых обстоятельствах и – как в ранней юности – встречал новый день с волнением и надеждой. Но уже в следующее мгновение боль наваливалась на него всей тяжестью, и вместе с окончательным про-

буждением приходило горькое сознание, что и этот день не принесет ничего, кроме все того же одиночества и балансирования на грани отчаяния.

Слава богу, он сумел в конце концов справиться с собой, хотя это потребовало почти нечеловеческих усилий и напряжения всей его воли. Он наполнил свои дни содержанием, поставил Себе цель, от которой не отступал, хотя страдания – и физические, и моральные – были порой таковы, что другой, более слабый человек давно опустил бы руки. И вот теперь до осуществления его мечты остались считанные недели.

Какая-то птица, впорхнув в сарай сквозь открытые ворота, вывела Паркера из состояния задумчивости. Усевшись на край настила, она принялась охорашиваться, и Паркер сумел ее рассмотреть. Коричневая пичужка величиной с кулак, покрытая мелкими желтыми крапинками... Майкл, любивший птиц, определил бы, что это за птица, с первого взгляда, но он в этой области был не силен.

Наклонив хохлатую головку, птица озадаченно посмотрела на Паркера блестящим глазком.

– Готов спорить – негромко проговорил он, – ты гадаешь, какого хрена я сюда приперся?

Впрочем, Паркер и сам не мог бы объяснить, почему он сидит здесь и разговаривает с животными и птицами, однако это его мало беспокоило. Паркер твердо знал, что не сошел с ума, и не испытывал страха. Все было в норме, он сам был

и норме. Но были времена (и Паркер слишком хорошо их помнил), когда он разговаривал, нет – кричал на орды воображаемых крыс, которые вылезали из щелей в стенах и в полу, карабкались по его неподвижным ногам, ползали по колоннам, копошились в паху, взбирались по животу вверх и, скрежеща длинными желтыми зубами, подбирались к горлу и лицу. Именно из того мрачного периода своей жизни Паркер вынес привычку беседовать вслух с каким-нибудь безобидным, живым, реальным существом вроде енота или этой пестренькой птахи. Такие разговоры успокаивали его, к тому же настоящих птиц и зверьков можно было легко прогнать одним движением руки, если их общество почему-то переставало ему нравиться.

Тут Паркер вспомнил: он прикатил в эти развалины, чтобы еще раз обдумать свой план и попытаться выявить не замеченные раньше ошибки. Он явился сюда, чтобы убедиться в своей готовности привести этот план в исполнение. Наконец, он просто хотел без помехи помечтать о том, как насладится своей мстостью, когда она наконец свершится.

Говорят, месть – блюдо, которое лучше подавать охлажденным. Что ж, он последовал этому правилу: он ждал достаточно долгой – целых четырнадцать лет. И теперь ему, пожалуй, уже ничто не помешает.

Усмехнувшись, Паркер снова посмотрел на птицу, которая, успокоенная его неподвижностью, снова принялась чистить перышки. Почему-то он вдруг решил, что это виргин-

ский дрозд, хотя полной уверенности у него по-прежнему не было. Дрозд чем-то напомнил ему Майкла, и Паркер улыбнулся, вспомнив, как иногда он убегал сюда, чтобы скрыться от своего домоправителя. Ситуация, когда двое убежденных холостяков живут в одном доме («два медведя в одной берлоге», – невольно подумал он), была взрывоопасной просто по определению. Впрочем, когда разражалась ссора, виноват почти всегда оказывался Паркер. По сравнению с ним Майкл обладал терпением святого.

При этом Паркер отлично понимал, что без Майкла он обойтись не может, – понимал и со страхом думал о том, что когда-нибудь им все-таки придется расстаться. Майкл упорно отказывался сказать, сколько ему лет на самом деле, но Паркер почти наверняка знал – ему уже за семьдесят. И, говоря откровенно, ему следовало день и ночь благодарить бога за то, что, несмотря на свой почтенный возраст, Майкл сохранил достаточно сил и энергии, чтобы ухаживать за ними обоими.

Паркер любил Майкла. Нет – боготворил!

И все же бывали дни, когда даже многострадальный и долготерпеливый Майкл начинал безмерно его раздражать. Это случалось в те мрачные периоды, когда Паркеру необходимо было полное одиночество и когда даже самая большая комната становилась ему тесна, не в силах вместить всех демонов, с которыми он был вынужден сражаться.

Но сегодня утром Паркер удрал в джин не столько для то-

го, чтобы скрыться от укоризненного взгляда своего друга, сколько для того, чтобы подумать о Марис. Именно здесь, среди этих ветхих стен, в его голове зародился план, как заманить ее на Санта-Анну, как подчинить своему влиянию и сделать послушным орудием своей мести. Все сработало так, как он хотел, кроме одного...

Он не рассчитывал, что Марис так глубоко его взволнует, овладеет всеми его помыслами. Паркер понимал: если уж он решил заставить Ноя Рида на своей шкуре испытать, что такое настоящий ад, использовать его жену было бы не только логично, но и необходимо. Но он не учел, что в результате осуществления его плана Марис может оказаться в жерле действующего вулкана.

«Ну и пусть, – подумал Паркер сердито. – Она этого заслуживает, раз вышла замуж за такого подонка!»

– Выйти замуж только потому, что влюбилась в героя книги, которую он написал, – ну не глупо, а?.. – спросил он у дрозда. – Разве можно быть такой непроходимо наивной?!

Он не должен жалеть Марис Мадерли-Рид – это решено. Да, она рассмешила его; да, с ней приятно было поговорить – ну и что с того? Допустим, ему понравился ясный, прямо-таки акварельный взгляд, который Марис бросила на него, когда заметила его изуродованные ноги, но ведь это могло быть просто случайностью. И даже если Марис сочувствовала ему по-настоящему, это ничего не меняло. Ему не нужна была ее жалость. К тому же она, несомненно, не пожалела бы его,

если бы догадывалась, какую дьявольскую штуку он приготовил для...

– Грязный сукин сын!

Паркер резко повернулся вместе с креслом и едва успел уклониться от увесистой книги, летевшей ему прямо в голову.

Подняв тучу пыли, книга упала в двух шагах позади него, но Паркер узнал обложку. Это была первая книга из серии о детективе Дике Кейтоне.

В дверях стояла Марис, и вид у нее был самый воинственный. Когда она пришла сюда в первый раз, она вошла в помещение с опаской, но сегодня решительность сквозила в каждом ее жесте. Гнев и возмущение бурлили в ней, били через край, и Паркеру даже показалось – Марис испускает ослепительный свет, словно готовая взорваться сверхновая звезда. Вряд ли она испугалась бы, даже если б за порогом, на который она вошла столь решительно, начинался ад.

Но ее ярость не произвела на Паркера большого впечатления – главным образом потому, что лучи только что вставшего над горизонтом солнца били ей в спину, и он ясно видел просвечивающие сквозь тонкую юбку ноги – длинные, стройные, идеальные ноги. Взгляд Паркера поднялся по ним вверх и остановился на смутно очерченном трусиками треугольнике лобка, однако он постарался справиться с собой и остановил свой взгляд на более нейтральной зоне – чуть выше пояса и значительно ниже бурно вздымающейся груди. Он знал: Марис буквально кипит, и ему не хотелось провоцировать ее на необдуманные действия и поступки.

– Тебе не понравилась книга? – поинтересовался он са-

МЫМ ВЕЖЛИВЫМ ТОНОМ.

– Будь ты проклят!..

– Я уже проклят.

Сжимая кулачки, Марис шагнула вперед.

– «По крайней мере они расстались, сохранив друг о друге самые светлые воспоминания»!.. – процитировала она, остановившись в нескольких шагах от его кресла, и Паркер с удивлением заметил у нее на носу очки. – Либо ты плагиатор, либо обманщик, но и в том, и в другом случае ты – проклятый сукин сын!

– Ты это уже говорила, – заметил Паркер.

– Так кто же ты?! – воскликнула Марис, потрясая перед его носом сжатым кулаком. – Скажи, чтобы я знала, с кем связалась. Впрочем, плагиатор ничем не лучше лжеца!

– Насколько я помню, – хладнокровно проговорил Паркер, – это глава семнадцатая, страница двести сорок третья... Дик Кейтон на могиле жены. – Он попытался изобразить удивление. – Я не знаю законов, которые бы запрещали автору цитировать самого себя. Или пока я сидел на Санта-Анне, появилось какое-то новое правило?

Марис хотела что-то сказать, но гнев не позволил ей произнести ни слова.

– Кейтон, конечно, убит горем, – продолжал Паркер, – но вместе с тем он благодарен судьбе за то, что в его жизни была такая женщина, как Сабина. Мне казалось – это весьма удачная фраза.

– Действительно удачная. Настолько удачная, чтобы использовать ее еще раз. В «Зависти».

Когда, спросил себя Паркер, она взяла эту книгу? Когда наткнулась на этот абзац? Было ли это вчера вечером или сегодня утром, когда она читала за завтраком? Впрочем, где и когда значения не имело, важно было другое: теперь Марис знала его секрет. Не удивительно, что она разозлилась и начала метать икру.

– Почему ты солгал мне, Паркер?

– Я не сказал тебе ни слова лжи, – парировал он. – Если бы ты спросила, не я ли знаменитый Маккензи Рун, написавший популярную детективную серию о приключениях Дика Кейтона, я бы сказал – да. Но вчера вечером, пока мы обсуждали его... то есть мои книги, ты ни разу...

– Хватит нести чушь, Паркер! Ты промолчал, а это такой же обман, как и прямая ложь. Кстати, хотелось бы знать, почему ты скрыл от меня, кто ты такой на самом деле?

– Разве это так важно? – Паркер пожал плечами. – Я думал, для тебя важно качество текста, а не моя репутация. Впрочем, повторю: если бы ты спросила, я...

– Ты бы придумал какую-то глупую сказку, – отрезала она. – С самого начала ты только и делаешь, что лжешь, лжешь, лжешь!..

– Если бы я хотел сохранить тайну, я бы не вставил эту фразу в «Зависть». И уж, конечно, не стал бы советовать тебе прочесть первую книгу из серии о Дике Кейтоне.

– А вот я уверена, что это был очередной твой дурацкий тест на сообразительность! – раздраженно бросила Марис. Волосы ее растрепались, а щеки порозовели, словно всю дорогу от дома до сарая она бежала бегом, но пахло от нее не потом, а разгоряченным женским телом и немного – ванилью, как от свежеиспеченных булочек. Даже в гневе Марис была очаровательна, но Паркер понимал – сейчас не самое подходящее время для комплиментов.

– Я еще не видел тебя в очках, – сказал он. – Вероятно, обычно ты пользуешься контактными линзами; так почему же сейчас...

Но Марис отмахнулась от него.

– Я хочу знать только одно – почему?.. – спросила она, слегка понизив голос, хотя это и стоило ей большого труда. Паркер ясно видел, что ее грудь так и ходит ходуном, а в глазах сверкают молнии. – Почему ты решил сыграть со мной в эту глупую игру, Паркер? Или как там тебя зовут по-настоящему? Рун? Маккензи?

– Паркер Маккензи Эванс. Маккензи – девичья фамилия моей матери, поэтому, когда я подыскивал себе псевдоним, я решил: она мне подходит. Мама была польщена, к тому же Маккензи очень неплохо звучит. Я бы сказал – звенит, слышишь? Мак-кен-зи. – проговорил он по слогам. – Наконец, это довольно распространенная фамилия, и следовательно...

– Ты не ответил на мой вопрос.

– ...И следовательно, наиболее подходящая.

– Подходящая для чего?

– Для псевдонима, конечно. А надежный псевдоним – это безопасность.

Он произнес это последнее слово, словно бросил перчатку, однако она так и осталась не поднятой. Марис молчала, и Паркер вынужден был продолжить:

– Когда я работал над первой книгой о Дике Кейтоне, я решил, что никто не должен знать моего настоящего имени. Я этого не хотел и до сих пор не хочу.

– Но ведь эта серия пользуется бешеным успехом! Неужели ты настолько скромн, что... Зачем прятаться за вымышленным именем – я не понимаю!

Паркер сложил руки на груди и посмотрел на Марис в упор.

– А ты подумай.

Ее губы чуть заметно дрогнули, словно она хотела что-то сказать, потом крепко сжались. Марис поняла – поняла и отвернулась, чтобы он не видел краски стыда, заливавшей ее лицо и шею.

– Вот именно... – с нажимом сказал Паркер. – Дик Кейтон нравится всем: и мужчинам, и – если верить тебе – женщинам. Он силен, ловок и быстр, он способен догнать самого быстрого преступника и отнести женщину в постель на руках. Как ты сама говорила, многие читатели отождествляют автора с его героем. Так зачем мне компрометировать популярного героя, появляясь на презентациях в инвалидной

коляске?

– Теперь я понимаю, – задумчиво проговорила Марис, – почему на суперобложках книг Маккензи Руна не было портретов автора. Ни презентаций, ни встреч с читателями, ни раздач автографов... Признаться, подобная маркетинговая политика твоего издателя меня всегда озадачивала, но сейчас мне ясно: они тебя берегли!

– Ничего подобного, – возразил Паркер. – Я сам себя берег. Мой издатель не знает, кто такой Маккензи Рун. Мой редактор не знает моего настоящего имени, не знает даже, кто я – мужчина или женщина. Ни один человек в мире этого не знает, кроме моей агентши. Она как-то рассказывала мне, что в издательском мире обо мне ходят самые дикие слухи. Говорят даже, что меня вовсе не существует и что мои романы...

– Ну конечно!.. – воскликнула Марис. – Ведь у Маккензи Руна есть литературный агент, ее зовут Сильвия Фицгерберт. Я неплохо ее знаю, но... Почему же ты послал «Зависть» по почте, а не через нее?

– Потому что Сильвия ничего не знает об этой книге.

– Вот как? А почему – можно спросить?

– Потому что я ничего ей не сказал. Свой процент от издания она все равно получит, потому что, когда дело дойдет до подписания официального договора, торговаться с вами, миссис Мадерли-Рид, будет именно она, а не я. Но до того, как настанет этот момент, я бы хотел сделать все сам.

– Почему?

– Что ты заладила – почему да почему? По кочану!

– И все-таки, – ледяным тоном заявила Марис, – прежде чем я задушу тебя голыми руками, мне бы хотелось понять, почему ты решил поступить именно так, а не иначе.

Несмотря на угрозу, она выглядела скорее озадаченной, чем сердитой, но Паркер боялся, что гнев Марис может снова разгореться, как солома на ветру.

– Объясни, зачем такая секретность! – требовательно добавила она и тряхнула головой.

– Просто я хотел написать другую книгу. Быть может, не такую динамичную и захватывающую, зато более философскую, чем сериал про Дика Кейтона. И значительно более серьезную... – Он натянуто улыбнулся. – Я давно собирался написать нечто подобное, потому что, между нами говоря, Дик Кейтон – это ерунда, ширпотреб... качественный ширпотреб, но не больше того. Только теперь – с твоей помощью – я понял, почему мои книги обрели такую популярность, но мне от этого не легче... Впрочем, – добавил Паркер после небольшой паузы, – от Дика мне все равно не уйти, хотя он и надоел мне хуже горькой редьки. Я слишком хорошо знаю, что для моих читателей он стал чем-то вроде близкого друга или члена семьи, и я не могу обмануть их ожидания. Эти люди ждут от меня того же самого и вместе с тем – другого. Иными словами, в каждой новой книге я должен рассказывать о новых головоломных похождениях Дика, однако, если

я отклонюсь от их излюбленной темы, мне этого не простят.

Он вздохнул, покачал головой, потом снова повернулся к Марис.

– Должен сказать, что писать популярные детективы на самом деле непросто. Но у меня, кажется, получилось неплохо. Во всяком случае, каждая новая книга из этой серии разошлась лучше, чем предыдущая, и я рад этому. Но теперь мне уже нельзя работать спустя рукава и опускать мою личную планку, ведь от чемпиона ждут только рекордов и второе место – уже неудача. От книги к книге психологическое давление только нарастает; я уже не могу позволить себе расслабиться и сделать «проходную» вещь. Каждый новый роман о Дике Кейтоне обязательно должен попасть в верхние строки списка бестселлеров, иначе... иначе я просто перестану себя уважать.

– ...Или потеряешь веру в себя, – добавила Марис задумчиво. – Я знаю, Паркер, так думает абсолютное большинство популярных авторов. После первого успеха они стараются прыгнуть выше головы в своих следующих книгах, а это... изматывает. Превзойти самого себя – что может быть сложнее? Так говорил мне и Ной после успеха «Побежденного»...

Она ждала, что Паркер что-то скажет по этому поводу, но он, похоже, был не расположен обсуждать Ноя и его успешный роман.

– Вот, – сказал он, – я тебе все рассказал как на духу. Теперь и ты ответь честно и откровенно, какой была бы твоя

реакция, если бы Сильвия позвонила тебе и сказала: «Знаете, Марис, у меня на столе лежит совершенно новый, только что законченный роман автора популярной серии про Дика Кейтона, но это не детектив и не триллер. Это совершенно другая, серьезная книга, и мы хотели бы, чтобы вы увидели ее первой». Готов спорить, ты бы писала кипятком от счастья!..

Это выражение покорило Марис, но она даже глазом не моргнула, а продолжала спокойно смотреть на Паркера, который буквально сверлил ее взглядом.

– Но я хотел, чтобы ты писала кипятком от «Зависти», а не от того, что такой популярный и прибыльный автор обратился именно в ваше издательство, – закончил он.

Только теперь Марис сочла возможным отвести глаза. Поправив очки, она рассеянно смахнула с руки какого-то жучка и сказала:

– О'кей, ты прав. Я действительно... была бы рада подобному звонку. Но что такого ужасного, если бы я с самого начала знала, что автор рукописи – Маккензи Рун?

– Потому что я хотел быть уверенным в твоей непредвзятости. Мне нужна была объективная оценка...

– И поэтому ты решил сделать из меня дурочку?

– Черт, нет, конечно! Я просто... – Паркер почувствовал, что тоже начинает сердиться, и он догадывался почему. В том, что говорила Марис, был здравый смысл, от которого нельзя было так просто отмахнуться, и Паркер решил начать

все сначала.

– Я отправил пролог по почте, подписавшись одними инициалами, потому что только это гарантировало мне объективное отношение к рукописи. Я даже думал, что ты будешь к ней особенно строга – ведь в вашем издательстве обычно не рассматривают рукописи, которые поступают не через лит-агентов. Ты спросишь, зачем это мне было нужно? – Паркер усмехнулся. – Как ты говорила – чтобы не утратить веры в себя. Я должен был точно знать: то, что выходит из-под моего пера, хорошо само по себе, и моя репутация популярного и плодовитого автора здесь ни при чем.

– Твоя рукопись понравилась бы мне и без этих сложностей, – заметила Марис. – Уверяю тебя – если бы я знала, что автор пролога – Маккензи Рун, я бы отнеслась к нему точно так же.

– Но я не мог знать наверняка, не правда ли? Паркер ждал ответа, но Марис молчала. Сказать ей было нечего – он ее убедил.

– Да, я поступил не совсем честно, – негромко добавил Паркер после небольшой паузы. – Но я хотел доказать себе – и всем остальным тоже, что я способен на что-то более серьезное, чем моя детективная серия. Ведь, строго говоря, Дик Кейтон – этот костолом с большим пистолетом в кармане и огромным членом наперевес – вряд ли способен войти в золотой фонд американской литературы.

– Не могу с тобой согласиться, – покачала головой Ма-

рис. – Успех Дика в том и заключается, что, кроме пистолета и... прочих атрибутов мужественности, у него есть душа. Он живой, понимаешь?!

– Спасибо... Наверное, так и есть. Просто я не был уверен, что ты это понимаешь.

Марис наклонилась и подняла с пола книгу.

– Ты передумала меня душить и собираешься насмерть забить этим томом? – осведомился Паркер.

– Возможно. – Марис еще не успокоилась; гнев ее несколько не остыл, просто теперь она взяла его под контроль. – Только книгу жалко... Сколько себя помню, я никогда не портила книги. Я даже никогда не загибала странички, а пользовалась закладками.

– Я тоже очень люблю книги, Марис.

– Нечего ко мне подлизываться, – огрызнулась она. – Все равно ничего не выйдет. – Она отдала ему книгу и отряхнула руки от пыли. – То, что ты сделал...

– ...Было ужасно?

– Я собиралась использовать совсем другое слово.

– Но именно это слово точнее всего отражает мое состояние, когда я вкладывал пролог в конверт. Ты не поверишь, но у меня буквально поджилки тряслись.

– Чего же ты боялся? Что твою рукопись отвергнут?

– Да. Ты могла прислать мне стандартный ответ: дескать, спасибо за сотрудничество, но ваша рукопись нам не подходит. Ты могла бы написать, что моя рукопись – это пол-

ное дерьмо и что мне лучше всего заняться вышиванием или плетением циновок. И тогда мне бы не оставалось ничего другого, кроме как купить пачку бритвенных лезвий и запереться с ними в ванной комнате...

– Это не предмет для шуток, Паркер.

– Ты права, это не смешно.

– Кроме того, ты слишком большой эгоист. Такие, как ты, не кончают с собой.

Паркер только вздохнул. Как же мало она знала! Он хорошо помнил времена, когда душа болела сильнее, чем искалеченные ноги, а сердце истекало кровью и не желало поддаваться лечению. Если бы тогда Паркер был в состоянии двигаться, он, пожалуй, пошел бы по пути наименьшего сопротивления и отрубил все разом.

Но, как ни странно, именно безысходное отчаяние, в которое он был погружен, разбудило в нем волю к жизни. Именно страдания закалили характер Паркера и вдохнули в него решимость во что бы то ни стало остаться в живых. Это было настоящее чудо, словно какая-то космическая сила вмешалась в его судьбу и сделала то, на что был не способен слабый человеческий дух. Что это было, Паркер не знал. Лишь в одном он был уверен – это не мог быть ни бог, ни кто-то из ангелов, ибо его планы относительно Ноя Рида противоречили всем десяти заповедям сразу.

Взяв Марис за руку, Паркер крепко ее сжал.

– Это действительно очень для меня важно, – сказал он. –

Ты мне веришь?

Не ответив на его пожатие, Марис пристально посмотрела ему прямо в глаза.

– Почему ты послал пролог именно мне? Я хорошо знаю редактора, который работал с твоими книгами о Дике Кейтоне. Он настоящий профессионал, один из лучших в стране!

– Так и есть, – согласился Паркер.

– Тогда почему я? Ведь существуют сотни отличных редакторов, многие из которых гораздо лучше меня. Почему ты остановил свой выбор именно на мне?

– Во всем виновата та статья. Помнишь, я тебе говорил?..

Он лгал, однако ему казалось – его ответ звучит достаточно правдоподобно, чтобы удовлетворить Марис. Но она продолжала пристально смотреть на него, и под ее взглядом Паркер вдруг почувствовал себя неуютно.

– Некоторые твои высказывания, которые там приводились, убедили меня, что ты подходишь для моей «Зависти» лучше других, – поспешно добавил он. – Например, мне понравилось, как ты говорила о существующей в книгоиздании тенденции развивать коммерческий успех в ущерб качеству, которое в последнее время неуклонно снижается. Именно поэтому твоя реакция была мне особенно интересна.

Ведь я пишу не ради денег, Марис... Денег у меня гораздо больше, чем мне на самом деле необходимо – Дик Кейтон об этом позаботился. Теперь я могу позволить себе писать не то, что нравится большинству, а то, что нравится мне. Ес-

ли «Зависть» найдет своего читателя – я буду очень рад. Если же нет, что ж... По крайней мере, ты нашла в ней что-то заслуживающее внимания, а для меня это чертовски много. Другого подтверждения мне и не требуется!

– «Зависть» обязательно найдет своего читателя. – Марис осторожно высвободила руку. – Об этом позабочусь я. Я слишком много вложила в эту книгу, чтобы теперь бросить ее на произвол судьбы.

– Пятнадцать «косых» – это, по-твоему, много?

– Я имела в виду совсем не деньги.

Улыбка на лице Паркера сменилась выражением серьезности, под стать серьезному лицу Марис.

– Я имела в виду...

На мгновение ему показалось, что в ее глазах блеснули слезы, но это мог быть случайный блик в стеклах очков.

– Я знаю, о чем ты, Марис...

Они обменялись долгим, выразительным взглядом, и Паркер поймал себя на том, что ему очень хочется прикоснуться к ней.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала!..

Эти слова вырвались у него совершенно непроизвольно. Паркер не хотел говорить ничего подобного, но его желание никуда не отпускать Марис было совершенно искренним. И главное – это желание не имело никакого отношения к его мстительным планам.

Марис вздохнула.

– Ты должен писать, Паркер.

– Останься!

– Я буду звонить... – Пятясь, она отступила на несколько шагов и только потом повернулась лицом к дверям сарая, за которыми сияло и звенело птичьими голосами ясное солнечное утро.

– Марис!..

Но она не обернулась и даже не замедлила шаг, и Паркера охватило горькое чувство неизбежного поражения.

– Нам давно пора было встретиться. Я рада, что ты смогла выбрать время и прийти, – сказала Надя Шуллер, улыбаясь через стол госте.

В качестве места встречи Надя избрала небольшой уютный ресторанчик на Парк-авеню. Меню здесь было простое, без изысков, а обстановка выдержана во французском деревенском стиле. Правда, кружевные занавески на окнах выглядели, пожалуй, слишком старомодно для Манхэттена, однако именно они создавали в ресторане располагающую, почти семейную атмосферу.

А именно к установлению дружеских, почти семейных отношений и стремилась Надя. Ведь женщина, с чьим мужем ты трахаешься, становится тебе почти родственницей.

– Спасибо за приглашение, – с натянутой улыбкой ответила Марис и открыла свое меню, давая понять, что готова приступить к трапезе – и закончить ее – так скоро, как только позволяют приличия.

Тотчас к их столику подошел официант в длинном белом фартуке.

– Что будешь пить, Марис? – спросила Надя.

– Лимонный чай со льдом.

– А я, пожалуй, выпью белого сухого вина. Может, заказать и тебе тоже?.. – Надя произнесла это таким тоном, слов-

но без ее позволения официант ни за что бы не принес Марис ничего более крепкого, чем чай.

– Пожалуйста, лимонный чай со льдом, – повторила Марис, обращаясь на этот раз непосредственно к официанту. – Положите побольше льда и свежий ломтик лимона. – Повернувшись к Наде, она сказала:

– Я привыкла к чаю, пока была на Юге.

– Они там пьют его круглый год, не так ли? Лимонный чай и кукурузный самогон – вот два их излюбленных напитка. – Надя наконец выбрала вино, и официант с поклоном удалился. – Кстати, о твоём путешествии в Диксиленд⁵ мне известно.

– Известно? Откуда?

– От твоей секретарши... Джейн, кажется... Когда я позвонила, чтобы пригласить тебя на ленч, она сказала, что ты уехала в Джорджию.

– А я думала, это Ной тебе сказал.

– Нет. Его я не видела с... чуть не с того дня когда мы встретились на приеме по поводу вручения литературных премий.

Некоторое время Надя и Марис болтали о разных пустяках, ожидая, пока вернется официант с напитками. Затем они ознакомились с перечнем фирменных блюд, которые готовились только на заказ, и Надя попросила официанта дать им несколько минут на размышление. Эта небольшая за-

⁵ Диксиленд – общее название южных штатов США

держка заметно расстроила Марис, однако Надя Шуллер была не из тех, кого смущали подобные мелочи.

Она терпеть не могла Марис и ни секунды не сомневалась, что та отвечает ей столь же сильной неприязнью. Обе были весьма успешными деловыми женщинами, но на этом сходство между ними заканчивалось. Все остальное – отношение к карьере, к мужчинам, к жизни вообще – было у них разным, если не сказать – противоположным.

В глубине души Надя была уверена, что Марис Мадерли-Рид пользовалась в жизни всеми преимуществами, которых она сама была лишена. Про таких, как Марис, говорили – она родилась с серебряной ложкой во рту. Действительно, Марис происходила из уважаемой, состоятельной семьи, и ее детство и юность были счастливыми и безоблачными. Она училась в закрытой частной школе для избранных и была частой гостьей на вечеринках и приемах в фешенебельных особняках Ист-Хэмптона,⁶ а ее фотографии то и дело появлялись на страницах светской хроники. Кроме того, Марис много путешествовала и повидала почти весь мир.

Иными словами, воспитание и благополучие буквально перли у Марис из задницы (любимое выражение Нади) – из аккуратной, подтянутой задницы, которая не нуждалась ни в массаже, ни в многочисленных и болезненных операциях по отсасыванию лишнего жира. Надя, впрочем, была уверена, что безупречная задница Марис только на то и годится,

⁶ Ист-Хэмптон – популярный морской курорт в восточной части Лонг-Айленда

чтобы выставлять ее напоказ при каждом удобном и неудобном случае.

Надя – она же Надин Шульц – росла в бедности, почти в нищете, но это было еще полбеды. Чего она не могла простить своим родителям – это грубости и невежества. Еще в подростковом возрасте Надин поклялась себе, что ни за что не останется в Бруклине. Выйти замуж за какого-нибудь пьяницу и неудачника и провести остаток жизни в спорах из-за того, как прокормить себя и свое вечно сопливое потомство? Черта с два! Надин была уверена, что судьба предназначила ее для другой, лучшей жизни.

Девственность она потеряла в тринадцать лет. Владелец галантерейной лавки, где Надин подрабатывала после школы, поймал ее с поличным, когда она пыталась вынести из подсобного помещения тюбик губной помады и флакончик лака для ногтей, и предложил выбирать: либо она с ним трахнет, либо он заявит в полицию, и тогда ее ждет суд и исправительный дом для несовершеннолетних преступников.

Если не считать того, что Надин не очень понравилось трахаться на ящиках с товаром в сырой и холодной подсобке и дышать чесночным перегаром, которым несло от ее первого кавалера, это был очень неплохой обмен.

Впоследствии Надин не раз приходилось отдаваться разным мужчинам, чтобы получить что-то, что ей хотелось, или наоборот – избежать чего-то, что грозило ей неприятностями.

Школу Надин все-таки закончила, хотя в последние два года она чувствовала себя там немногим лучше, чем в тюрьме. Единственным ее развлечением было отбивать ухажеров у одноклассниц. Надин было ровным счетом наплевать, сколько сердец она разбила. Ни одной настоящей подруги у нее никогда не было, но это ее не смущало. Покуда парни ходили за ней табунами, дарили подарки, водили б кино и кафе, а потом умоляли сделать то, что Надин и так нравилось, она чувствовала себя прекрасно. Зачем ей еще подруги – эти глупые покрашенные куклы с опилками вместо мозгов? Разве нельзя прожить без этих дур?

Когда выяснилось, что из-за низкой успеваемости ее могут не допустить до выпускных экзаменов, Надин сразу нашла выход. Преподаватель математики довольно быстро согласился помочь ей в обмен на миньет. Учительница истории – невзрачная простушка – рыдала в три ручья, когда Надин призналась ей в своей тайной страсти. После визита в ее тесную квартирку, насквозь провонявшую кошачьей мочой, годовая оценка Надин поднялась от двойки до четверки с плюсом.

Получив аттестат зрелости, Надин решила не продолжать образование. От учебы ее тошнило, и она предпочла обратиться к практической деятельности. С тех пор она регулярно меняла места работы, пока однажды ее не взяли младшим редактором в местную еженедельную газету.

Это была первая работа, которая понравилась Надин по-

настоящему. Точнее, она чувствовала, что это занятие как нельзя лучше соответствует ее склонностям и талантам. Проработав в газете считанные недели, Надин окончательно убедилась, что именно на этом поприще сможет создать новую себя и стать знаменитой и богатой.

Она начала с того, что изменила имя и упростила выпускающего редактора позволить ей писать небольшие статьи. Переговоры прошли на заднем сиденье машины редактора, припаркованной прямо у стены дома, где он жил с женой и четырьмя детьми, и увенчались полным успехом. Доведенный до полубезумного состояния, редактор обещал Наде, что даст ей попробовать себя в журналистике.

Первые статьи Нади Шуллер напоминали скорее основанные на слухах забавные истории о более или менее известных людях, живших в районе, где распространялась газета. Вскоре эти истории или анекдоты стали в газете самой популярной рубрикой, и Надя поняла, что идет по верному пути.

И вот теперь, двенадцать лет и сотни любовников спустя, она сидела за столиком напротив рафинированной Марис Мадерли-Рид и старательно разыгрывала дружелюбие и симпатию, хотя в сердце Нади продолжал тлеть жаркий огонь ненависти к женщине, которая превосходила ее буквально во всех отношениях.

И вот странность!.. Если бы Марис ненавидела ее сильнее, Надя, пожалуй, относилась бы к сопернице с большим ува-

жением. Но показное равнодушие Марис, которая держала себя так, словно Надя не заслуживала особенного внимания, доставало ее буквально до печенок. Из-за этого Надя часто срывалась и говорила дерзости, когда разумнее было бы промолчать, однако Марис только улыбалась снисходительно и холодно, и в душе Нади вспыхивал еще более жаркий огонь.

Например, когда они встретились у входа в ресторан, Надя посчитала нужным отметить ровный золотистый загар, приобретенный Марис во время поездки в Джорджию. Комплимент, однако, не удался, поскольку Надя, не удержавшись, тут же напомнила Марис, какими вредными для кожи могут быть прямые солнечные лучи. На этот выпад Марис преспокойно ответила, что когда она в следующий раз поедет в Джорджию, то непременно захватит с собой шляпу.

Но вот была подана первая перемена, и Надя, протягивая Марис корзиночку с хлебом, сказала:

– Ты уже слышала про Говарда Бэнкрофта? Ужасная история!..

На этот раз ей удалось добиться реакции. Отказавшись от хлеба, Марис печально покачала головой:

– Действительно, это большое несчастье для всех нас! Я узнала о том, что случилось, только вчера вечером, когда вернулась из поездки.

– Сколько лет он возглавлял ваш юридический отдел? Десять? Двадцать?..

– Точно не знаю, но наверняка больше тридцати. Когда я

родилась, Говард уже был нашим старшим юрисконсультom.

– А почему он покончил с собой? У тебя есть какие-нибудь предположения?

– Надя, я...

– О, это не для моей колонки. В газетах уже писали о том, что с ним произошло... – Надя нарочито вздрогнула. – Прямо жуть берет!.. А вот в вашем официальном бюллетене почему-то ничего не говорится о том, как он умер, – все больше о том, сколько Говард Бэнкрофт сделал для «Мадерли-пресс». Это, знаешь ли, наводит на размышления...

Говарда Бэнкрофта нашли в его автомобиле, припаркованном в двух кварталах от дома на Лонг-Айленде, где он жил. Старый юрист выстрелил себе в рот из пистолета крупного калибра, поэтому от его головы почти ничего не осталось.

– У вас, в «Мадерли-пресс», очень дружная команда, – продолжала Надя. – Неужели никто ничего не знал, не заметил? Ведь должны же быть какие-то тревожные признаки...

– Нет. – Марис с горечью покачала головой. – Скорее, наоборот... Как раз в тот день Ной был у Говарда незадолго до того, как... все это случилось. Он сказал, что Говард Бэнкрофт выглядел как обычно. Его многие уважали и любили, и не только у нас. В еврейской общине Нью-Йорка он был весьма заметным человеком и даже возглавлял общество переживших холокост. Я даже не представляю, что могло толкнуть его на столь отчаянный шаг!

Принесли главное блюдо, и обе женщины обратились к менее мрачным темам. Марис заговорила о книгах, которые «Мадерли-пресс» подготовило к изданию этой осенью.

– Я уверена, новый сезон будет для нас очень успешным, – сказала она. – Может быть, даже самым успешным за последние пять лет.

– А могу я процитировать эти слова в своей колонке?

– Пожалуйста...

Надя достала из сумочки блокнот, с которым никогда не расставалась, и попросила Марис перечислить хотя бы некоторых авторов, чьими произведениями «Мадерли-пресс» собиралось облагодетельствовать читающую публику. Сделав необходимые пометки и убрав блокнот, она отправила в рот изрядный кусок морского окуня, зажаренного на овощной подушке.

– А что ты можешь рассказать о проекте, ради которого ездила в Джорджию? – спросила она.

– Ничего, – ответила Марис. Надя даже перестала жевать.

– Почему?

– Потому что этот проект не подлежит оглашению. Кроме того, я связана определенными обязательствами...

– Потрясающе!.. – воскликнула Надя. – Мои читатели обожают разного рода издательские секреты.

– Но это действительно секретный проект, и таковым он должен остаться, – предупредила Марис. – Ты не должна о нем даже упоминать.

Задумчиво глядя на Марис, Надя сделала глоток вина из бокала.

– Ты разбудила мое любопытство, – проговорила она. – И профессиональное, и человеческое... Может быть, хотя бы намекнешь?

– Нет, – отрезала Марис.

– Скажи хотя бы, что это за автор, с которым ты работаешь!..

– Автор тоже пожелал оставаться неизвестным, и я ему это твердо обещала. Это, кстати, тоже не для публикации. Его настоящее имя знаю только я, так что можешь даже не пытаться выудить что-то из сотрудников издательства.

– Его и правда никто не знает? Совсем-совсем никто?

– Я не говорила, что это «он».

– Да, да, ты не говорила. Значит, это «она»?

– Это значит, что я не хочу об этом говорить.

– И все же я почему-то уверена, что это мужчина... – Надя вздохнула почти жалобно. – Марис, пожалуйста, расскажи мне хоть что-нибудь! Хотя бы по старой дружбе, а?

– Разве мы друзья? С каких это пор?!

Тон, каким она это сказала, застал Надю врасплох. Резкое заявление Марис круто изменило тему беседы, и анонимный автор из Джорджии оказался забыт. Наде, впрочем, удалось сохранить на лице улыбку.

– Это правда, Марис, – согласилась она. – Мы действительно относились друг к другу довольно прохладно – ведь

нам обоим надо было делать карьеру, а это отнимает очень много времени и сил. Но я хотела бы изменить это положение. Нам надо лучше узнать друг друга и...

– Мы никогда не будем друзьями, Надя.

И снова прямота Марис заставила Надю сбиться с мысли.

– И... почему, можно узнать?..

– Потому что ты хочешь соблазнить моего мужа.

Эти слова произвели на Надю еще более сильное впечатление. Оказывается, Мисс Добродетель была не совсем близорука и обладала довольно острой интуицией. Кроме того, Марис только что продемонстрировала характер, какой трудно было заподозрить в избалованной папенькиной дочке. Что ж, откровенность за откровенность...

Отбросив всякое притворство, Надя посмотрела на Марис в упор:

– Не понимаю, почему это тебя так удивляет. Твой Ной – весьма привлекательный мужчина.

– Но он женат!

– Ну, меня это никогда не останавливало.

– Да, я наслышана...

Вместо того чтобы обидеться, Надя расхохоталась.

– Я рада. Ничто так не содействует популярности, как хороший скандал! – заявила она и, отпив из бокала еще глоток, принялась водить по его краю пальцем. Одновременно она продолжала исподтишка разглядывать соперницу. Прямота и непосредственность всегда восхищали Надю, но ей и в го-

лову не могло прийти, что Марис будет держаться с ней до такой степени откровенно.

Потом Надя подумала, сумеет ли Марис сохранить хладнокровие, если прямо сейчас она возьмет да и признается ей в своих шашнях с Ноем. А соблазн был велик. Наде очень хотелось посмотреть, как будет выглядеть холеное личико этой примерной женушки, если она подробно, шаг за шагом расскажет, что они с Ноем вытворяли накануне вечером на ковре в ее гостиной. Надя готова была спорить на что угодно, что, несмотря на всю ее выдержку, Марис вряд ли удастся сохранить спокойное выражение лица.

Но в конце концов Надя все же решила, что поступить так было бы с ее стороны неразумно. Когда-нибудь потом она попробует привести свой план в исполнение, но не сейчас. Сейчас слишком многое было поставлено на карту, слишком многое зависело от того, как долго представители семейства Мадерли будут оставаться в блаженном неведении. И, совладав с собой, Надя поинтересовалась небрежно:

– А ты не пробовала поговорить об этом с Ноем?

– Как ни странно, пробовала.

– И что он сказал?

– Он сказал, что ты интересуешь его только с точки зрения бизнеса. Ной считает твою колонку «Поговорим о книгах...» достаточно влиятельной, поэтому предпочитает не портить с тобой отношений. Вот почему он принимает участие в твоих сомнительных... интригах.

Надя пожала плечами:

– Что ж, всего, что у меня есть, я действительно добилась благодаря умению использовать людей в качестве источников информации. А они, в свою очередь, используют меня для достижения известности. Когда твое имя на слуху, карьеру делать не в пример легче. Согласись, ведь есть же разница между мистером Смитом, который зашел с улицы, и тем самым мистером Смитом, о котором снова писали в колонке «Поговорим о книгах...»! Ной это понимает и... иногда помогает мне.

Так она танцевала вокруг истины, избегая как лжи, так и всей правды, надеясь, что Марис этим удовлетворится. Сделка с «Уорлд Вью» была слишком важна, и ни Наде, ни Ною не нужны были лишние проблемы.

Воспользовавшись молчанием Марис, Надя быстро сказала:

– Я рада, что мы выяснили этот вопрос. Не хочешь ли еще кусочек окуня?

– Нет, спасибо.

– Но он и вправду очень вкусен, а я уже наелась.

На самом деле Надя все еще была голодна, однако она отодвинула тарелку, притворившись, будто не может проглотить ни кусочка. Несмотря на недавнюю операцию липосакции, ее бедра и ляжки снова начали обрастать жирком, и Надя старалась учитывать каждую калорию. Физические упражнения были единственной разновидностью веры, ко-

тору ю она готова была исповедовать, и она действительно ее исповедовала, ежедневно доводя себя гимнастикой до полного изнеможения. Ной посмеивался над ее жестким спортивным режимом, утверждая, что лучшая аэробика – это постель. И он был совсем недалек от истины, так как в глубине души Надя считала секс чем-то очень близким к занятиям фитнесом. Во всяком случае, она точно знала, сколько килокалорий сгорает в организме за одно соитие.

В целом Ной действительно знал ее очень неплохо. Иногда Наде даже казалось, что он был единственным на свете человеком, которому она могла бы хранить верность. При этом Надя не могла сказать, что любит его – во всяком случае, Ноя она любила ничуть не больше, чем он ее. Они оба не верили в Любовь с большой буквы и презирали так называемые романтические чувства. Как-то Ной проговорился, что его брак с Марис был вызван лишь одним – жгучим желанием любимым путем стать членом семьи Мадерли, и Надя поверила ему, хотя обычно относилась к подобным заявлениям (особенно исходящим от мужчин, с которыми она спала) с осторожностью.

Но здесь был совсем другой случай. С чувством, близким к восхищению, она узнала, как удалось Ною наладить отношения со старым Мадерли и сделаться его протеже. Став зятем Дэниэла, Ной сделал еще один важный шаг к достижению своей мечты. Свойство было ничем не хуже кровного родства, оно настолько укрепило позиции Ноя, что у На-

ди не было никаких сомнений – еще немного, и он станет в «Мадерли-пресс» полновластным хозяином. В конце концов, должен же Дэниэл когда-нибудь умереть! Если бы это случилось, Марис осталась бы единственным препятствием на пути Ноя, и Надя удивлялась, почему он не заделал ей ребенка. Тяготы беременности и начальный период материнства надолго вывели бы ее из строя, и Ной смог бы обделать свои дела без помех.

Но у Ноя был свой, лучший план. Наде даже не верилось, что один человек, в особенности – мужчина, способен самостоятельно разработать такую сложную и вместе с тем реально осуществимую схему. Но Ной не только все спланировал, но и начал претворять свой дерзкий замысел, для которого требовалась изрядная решимость и полное отсутствие совести.

А бессердечие, или, точнее, полное пренебрежение интересами окружающих, всегда было для Нади сильнейшим возбуждающим средством. Это качество она заметила в Ное чуть не в первую их встречу. Распознав в нем честолюбие и эгоизм, почти равные ее собственным, Надя захотела переспать с ним, о чем и объявила Ною недвусмысленно и прямо.

Их первый деловой обед завершился в номере Нади в «Пьере». К ее полному восторгу, Ной относился к сексу с такой же ненасытной жадностью и животным бесстыдством, как и она сама. Когда он наконец ушел, оставив ее лежать на скомканных, влажных простынях, Надя была близка к пол-

ному изнеможению, однако сердце ее переполнял восторг. Наконец-то она нашла себе идеального партнера!..

Но и вне постели они подходили друг другу ничуть не хуже. Каждый с полуслова понимал, что у другого на душе, а их амбиции и стремление добиться своего во что бы то ни стадо часто приобретали характер открытого столкновения, что придавало их отношениям еще большую пикантность и остроту. Таким образом, Надя и Ной прекрасно дополняли друг друга и могли бы составить почти непобедимую команду.

По этой – и только по этой – причине Надя мечтала сделаться когда-нибудь миссис Ной Рид.

Так, во всяком случае, она утверждала. Но на самом деле существовала и еще одна причина. Ее желание непременно выйти замуж объяснялось тем, что в Наде осталось слишком много от Надин Шульц, которая очень боялась одинокой старости. Все пышные приемы, деловые обеды, завтраки и ужины со знаменитостями не могли изгнать этого страха. Остаться старой девой – таков был главный кошмар ее жизни.

И в двадцать, и в тридцать лет идея замужества не вызывала у Нади ничего, кроме насмешливого презрения. Каждому, кто готов был слушать, она клялась, что ни брачное ложе, ни супружеская верность нисколько ее не привлекают. Как, смеясь, говорила сама Надя, жить всю жизнь с одним человеком – это ж можно затрахаться!

Но печальная истина, о которой ей не хотелось даже думать, состояла в том, что ни один из тех десятков мужчин, которые вздыхали и вскрикивали в экстазе то на ней, то под ней, не попросил Надю стать его женой.

Ной, впрочем, тоже пока не сделал ей предложения. Но Надя и не ждала, что он явится к ней с букетом цветов и, преклонив колено, предложит ей выйти за него замуж. Ной был мужчиной иного склада, да она ни в чем подобном и не нуждалась. Во всяком случае, бриллиантовых колец у нее было больше, чем пальцев на руках и ногах, и еще одно погоды бы не сделало. Поэтому о своих матримониальных планах Надя сказала Ною сама – сказала откровенно и прямо, уверенная, что сказать «нег» он не сможет или не посмеет. И действительно, Ной ответил, что он совсем не против – надо только подождать, пока выгорит дело. Против этого Наде возразить было нечего, однако сама она с тех пор считала вопрос решенным.

И вот теперь она сидела напротив жены своего будущего мужа, которая с явным отвращением допивала горячий кофе по-турецки. Глядя на нее, Надя испытала иррациональное желание выхватить у Марис чашку и вылить ей кофе за вырез блузки, однако она была слишком умна, чтобы пойти на поводу у собственных эмоций. И все же раздражение не оставляло ее. Обычно Наде без труда удавалось выудить у человека – любого человека – полезную информацию для своей литературной колонки, но Марис так и не сказала ей

ни слова о своем секретном проекте. Она не хотела говорить ни о будущей книге, ни о ее авторе, и Надя, привыкшая побеждать везде и всегда, испытывала вполне объяснимую досаду.

Впрочем, этот глупый секретный проект вряд ли имел большое значение, так как главной целью, которую ставила Надя перед сегодняшней встречей с Марис, было отвлечь ее внимание, отвести глаза, подпустить тумана, навешать лапши на уши, чтобы любым способом усыпить ее бдительность.

Увы, «подружиться» с Марис Наде не удалось, однако встреча все же прошла не без пользы. Надя убедилась, что эта куколка не так уж безвольна и наивна, как она полагала, следовательно, им с Ноем придется быть осторожнее. Она, впрочем, надеялась, что ей удалось развеять подозрения Марис относительно возможной измены Ноя. Ревнивая, подозрительная жена, которая не спускает с мужа бдительного ока и сует нос буквально во все щели, могла существенно осложнить реализацию плана, который уже был близок к завершению.

– Может, хочешь что-нибудь еще, Марис? – любезно предложила Надя. – Скажем, еще чашечку кофе с пирожным? Здесь подают просто чудные пирожные!

– Нет, благодарю, – решительно отказалась Марис. – Мне еще надо вернуться на работу – пока я была в отъезде, скопились кое-какие текущие дела, и теперь приходится наверстывать.

– Тогда зачем же ты согласилась встретиться?! – Этот вопрос сорвался у Нади прежде, чем она успела прикусить язык, и Марис с удивлением посмотрела на нее. – Мне просто любопытно... – поспешно добавила Надя, стараясь сгладить возможное неприятное впечатление от своего вопроса.

– Что ж, мне тоже было любопытно угнать, что тебе от меня нужно, – откровенно ответила Марис. – Кроме того... – Она немного подумала и добавила:

– Мы не выносим друг друга, однако до сих пор это не мешало нам соблюдать приличия. Я ненавижу двуличие и фальшь, особенно в себе самой, а также ложь и лжецов. Поэтому я решила, что пришла пора сказать тебе в лицо: я вижу тебя насквозь, знаю, что ты собой представляешь, и мне крайне неприятно иметь с тобой дело.

Надя криво улыбнулась.

– Что ж, с твоей стороны было очень... любезно сказать мне об этом прямо. Значит ли это, что ты больше не будешь снабжать меня новостями для моей колонки?

– Буду, но только новостями, а не сплетнями. Они встали из-за столика и направились к выходу.

– А когда ты будешь готова раскрыть тайну своего проекта – ты дашь мне знать?

– Автор, с которым я работаю, не любит огласки и шума, так что я сомневаюсь...

– Надя, какой приятный сюрприз!..

Обернувшись на голос, Надя нос к носу столкнулась с

Моррисом Блюмом, чье бескровное лицо выглядело особенно бледным в окружении тюлевых занавесок и льняных скатертей французского рестораника. Черт его принес, выругалась про себя Надя. Моррис Блюм не должен был видеть ее в обществе Марис – ни в коем случае не должен! Вот почему «сюрприз» не казался Наде особенно приятным.

– Как дела, Моррис? – Она протянула руку, но тон ее остался отстраненным и холодным. – Рекомендую взять морского окуня на подушке из овощей – он очень неплох...

– А я рекомендую мартини, – ответил Моррис, слегка приподнимая бокал, который держал в руке. – Скажу без лишней скромности – это я научил местного бармена использовать вместо джина русскую водку.

– Ну и как?

– Превосходно. Впрочем, попробуй сама...

Марис тем временем успела дойти до гардероба, где оставила свой плащ и зонт, и Надя решила, что может немного пофлиртовать. Не следовало строить из себя недотрогу – ведь никогда не знаешь, где упадешь. Кроме того, их совместный ужин в «Радужной комнате» прошел очень приятно, поэтому, если бы сейчас она дала ему полный от ворот поворот, Моррис несомненно бы задался вопросом, что за этим кроется.

– С удовольствием.

– Прошу... – Моррис Блюм выловил из бокала маслину и поднес к губам Нади. Глядя прямо на него, Надя схватила

маслину вытянутыми трубочкой губами и с легким чмоканьем всосала в рот.

– Гм-м... Обожаю!..

– Не желаешь ли ко мне присоединиться?

– Боюсь, сейчас я не смогу. Давай в следующий раз?

– Хорошо, я позвоню.

Надя улыбнулась Моррису самой многообещающей улыбкой. Она старательно отработывала ее несколько лет, и сейчас улыбка выходила у нее почти автоматически. Пожелав Моррису приятного аппетита, Надя повернулась, чтобы идти в гардероб, где ее ждала Марис.

К ее огромной досаде, улыбка сработала даже слишком хорошо. Блюм двинулся за ней, и Наде ничего не оставалось, как представить его Марис. Стараясь, чтобы ее голос звучал как можно небрежнее, она сказала:

– Познакомься, Марис, это мистер Моррис Блюм. А это – миссис Мадерли-Рид.

Пожимая руку Марис, Моррис Блюм сказал:

– Я давно восхищаюсь вашим издательским домом, Марис. Превосходное предприятие!

– И поэтому вы мечтаете прибрать его к рукам? – осведомилась она.

Моррис Блюм обезоруживающе улыбнулся:

– Стало быть, вы знакомы с содержанием многочисленных писем, которые я послал вашему многоуважаемому отцу?

– И с его ответами на них – тоже.

– А ваше личное мнение? Вы согласны с мистером Дэниэлом?

– Целиком и полностью. Разумеется, мы весьма польщены тем, что такая могущественная корпорация, как «Уорлд Вью», интересуется нашим скромным издательским домом, однако предпочитаем оставаться независимым предприятием.

– Да, – вздохнул Блюм. – Примерно то же самое сказал мне на днях ваш муж, когда мы встречались с ним в последний раз...

Ной просматривал свежие счета и накладные, когда Марис ворвалась в его кабинет. С силой захлопнув за собой дверь, она швырнула сумочку и мокрый плащ на кресло и решительным шагом подошла к столу.

С тех пор, когда вчера вечером Марис вернулась из Джорджии, она была подавленной и раздражительной, однако выглядела прекрасно. На жарком южном солнце ее лицо покрылось ровным загаром, на щеках выступил румянец, а волосы чуть выгорели и посветлели, что очень молодило Марис. Простой деловой костюм, в который она была одета сегодня, выгодно облегал фигуру, и Ной невольно залюбовался ее тонкой талией и стройными ногами.

Но взгляд Марис не предвещал ничего хорошего.

– Что случилось, Марис? – спросил Ной. – Как вы пообедали?

– Мы пообедали прекрасно, – отрезала Марис. – А знаешь, что было на десерт? Надя познакомила меня с этим чудо-ребенком – Моррисом Блюмом. Он просил передать тебе привет!

«Черт бы побрал Надю!.. – в панике подумал Ной. – Почему она не позвонила и не предупредила меня об этой встрече?!» Не сразу он вспомнил, что велел секретарше ни с кем его не соединять, пока он работает с финансовыми докумен-

тами. По иронии судьбы, Ной решил заняться этим именно в связи с «Уорлд Вью». Медленно и методично просматривая бухгалтерские отчеты, он искал потенциальные узкие места, которые могли вызвать озабоченность Блюма и ею людей. Ной знал: чтобы все прошло как по маслу, он должен иметь готовый ответ на любой вопрос, который может быть ему задан.

– Как это мило с его стороны, – проговорил Ной, стараясь казаться спокойным. – Я был уверен, что он меня не помнит.

– Думаю, ему не пришлось особенно напрягать память, поскольку Моррис сказал, что «в последний раз» вы виделись буквально на днях. – Опершись руками о стол, Марис наклонилась вперед. – О какой встрече он говорил, Ной? И почему я ничего о ней не знаю? Что это была за встреча?!

Ной встал и, обогнув стол, подошел к ней:

– Марис, успокойся...

– Не смей говорить мне, чтобы я успокоилась!

– Я не говорю, а прошу. Пожалуйста! Ной хотел обнять Марис за плечи, но она попятилась, и его протянутые руки повисли в воздухе.

– Может быть, принести тебе воды? – спросил он, но Марис только отмахнулась.

– Я требую объяснений, – отчеканила она. – Ведь ты прекрасно знаешь, как мы с отцом относимся к идее объединения с «Уорлд Вью».

– Поверь, я отношусь к этой идее точно так же. – Ной усел-

ся на край стола и обхватил руками колено, хотя больше всего на свете ему хотелось схватить Марис за горло и придушить. – Именно поэтому я и согласился на эту встречу.

Марис недоверчиво покачала головой. У нее был такой вид, словно она до последнего надеялась, что Блюм солгал, но теперь все ее надежды рухнули.

– Ты встречался с этими гиенами? Неужели это правда, Ной? О чем ты с ними разговаривал? И почему сделал это без моего ведома, за моей спиной?

Ной вздохнул и с обидой посмотрел на нее.

– Да, я действительно с ними встречался, – сказал он. – Но, может быть, ты все же меня выслушаешь?

Марис молчала, и Ной воспринял это как знак согласия.

– Присные Блюма охотились за мной на протяжении нескольких месяцев. Они звонили мне по несколько раз на дню, так что в конце концов я велел Синди не соединять меня с ними. Это был весьма прозрачный намек, но они не обратили на него внимания и буквально забросали меня факсами – я даже устал выбрасывать их в корзину.

Так они продолжали донимать меня, пока я не решил, что единственный способ взять ситуацию под свой контроль, – это встретиться с ними лицом к лицу и объяснить Блюму, что мы не заинтересованы в слиянии с «Уорлд Вью». Так я и поступил. Не знаю, можно ли было высказаться яснее – по моему, нельзя. А тебе я ничего не сказал, потому что ты была очень занята и лишние тревоги были тебе ни к чему.

– Я всегда занята, и тебе это известно.

– Но эта встреча все равно не имела никакого значения.

– А мне кажется, что все не так просто...

– И, кроме того, – невозмутимо добавил Ной, – я знал, что ты отреагируешь на это событие скорее эмоционально, чем рационально. Я был уверен: ты выйдешь из себя, потеряешь всякое чувство меры, поэтому, когда я решил ничего тебе не говорить, я старался только избежать ненужных истерик.

– Это не истерика, Ной! Я просто хочу знать: неужели я не заслуживаю твоего доверия ни как жена, ни как партнер по бизнесу?

– Если ты так ставишь вопрос, – ответил Ной, тоже повышая голос, так как Марис уже почти кричала, – тогда я тоже хочу знать: неужели я не заслуживаю твоего доверия как муж и деловой партнер?

– Считаю, что я вышла из себя, потеряла всякое чувство реальности и вообще слетела с катушек!..

– Но ведь ты действительно ворвалась ко мне, словно ураган, грохнула дверь, напугала секретаршу и вдобавок обвинила меня чуть ли не в заговоре против «Мадерли-пресс»!

– Но здесь действительно пахнет предательством! Зачем тебе понадобилось якшаться с этим Блюмом?! Ведь он – наш враг!

Стук в дверь заставил обоих обернуться. На пороге, тяжело опираясь на свою трость с золотым набалдашником, стоял Дэниэл.

– Прошу прощения, если я помешал, – сказал он. – Но врываться без приглашения в самый неподходящий момент – одна из основных привилегий родителей и стариков.

– Вы несколько не помешали, Дэниэл, – быстро ответил Ной. – Марис только что вернулась с деловой встречи, и мы обсуждали...

– Я все слышал, – кивнул Дэниэл. – Вы так кричали, что вас было слышно не только в приемной, но и в коридоре.

Закрыв за собой дверь, Дэниэл шагнул к креслу, и Марис поспешила убрать с сиденья свои вещи.

– Как я понял, Марис недовольна тем, что ты встречался с Моррисом Блюмом из «Уорлд Вью», – добавил он, усаживаясь.

Эти слова заставили Марис застыть на месте.

– Так ты знал?... – спросила она отца.

– Ной сообщил мне о своем решении встретиться с этими стервятниками. Мне показалось, что это правильная мысль, и я был только рад, что вместо меня на встречу пойдет он. Боюсь, мне это было бы уже не по плечу.

– Почему же вы ни слова не сказали мне?

Марис обращалась сразу к обоим, но ей снова ответил Ной:

– Ты как раз уезжала в Джорджию. Дэниэл и я видели, как ты интересуешься этим проектом, и боялись, что, узнав о переговорах с «Уорлд Вью», ты можешь изменить свои планы. А нам не хотелось тебя расстраивать.

– Но я не ребенок! – Марис сердито посмотрела сначала на мужа, потом – на отца.

– Очевидно, мы допустили ошибку, – сказал Дэниэл. – Мы хотели только уберечь тебя от ненужных... переживаний, и я надеюсь, что это в какой-то степени нас извиняет.

– Вы поступили со мной, как с маленьким ребенком! – снова вспылила Марис. – Я не нуждаюсь в том, чтобы меня берегли и вообще обращались со мной, будто я хрустальная. Давайте договоримся раз и навсегда: когда дело касается бизнеса, я перестаю быть дочерью и женой, ясно? Я – сотрудник фирмы, один из ее совладельцев и директоров, и вы обязаны советоваться со мной, когда решаете столь важные вопросы вне зависимости от того, куда я еду и по какому делу. Я уже не говорю о том, что вы выставили меня полной идиоткой перед Надей и Моррисом!

– Я готов извиниться перед тобой, Марис, – сказал Дэниэл.

– Я тоже, – поддержал тестя Ной. – Мне очень жаль, что из-за нас... из-за меня ты оказалась в столь неловком положении. Дэниэл ни при чем, это я во всем виноват.

Марис ничего не ответила, но Дэниэл понял: извинения приняты.

– Приедете ко мне ужинать? – спросил он. – Максина собирается тушить телятину с овощами.

– Мы будем у вас в семь, – пообещал Ной, и Дэниэл ушел, украдкой бросив беспокойный взгляд на дочь и на зятя.

Когда дверь за ним закрылась, Марис подошла к окну и встала там, повернувшись к Ною спиной. Ной остался сидеть на уголке стола. Прошло несколько минут, прежде чем Марис заговорила.

– Прости, что я вышла из себя... – сказала она. Ной улыбнулся.

– Кажется, я уже говорил тебе – ты становишься еще красивее, когда сердисься.

Марис стремительно обернулась, и в глазах ее сверкнул гнев.

– Сколько раз тебе говорить: я терпеть не могу, когда ты разговариваешь со мной вот так, свысока!..

– Что-то в последнее время ты стала слишком чувствительной! – огрызнулся Ной.

– Чувствительность тут ни при чем! Просто я ненавижу унижительные, сексистские выпады!

– Где же тут сексизм? Я сказал тебе комплимент, а ты усмотрела в нем черт знает что!

– Когда мы ссоримся, лучше обходиться без комплиментов. Они звучат, как... как издевательство!

Ной нахмурился. Ему вдруг показалось, что его мужское обаяние, которое раньше действовало на Марис безотказно, утратило часть своей силы, и он не на шутку встревожился.

– Что с тобой, Марис? – спросил он как можно мягче. – С тех пор, как ты вернулась из Джорджии, с тобой очень трудно ладить! Ты стала колючей, как дикобраз. Если работа над

этим проектом так на тебя действует...

– Как – так?

– Ты ведешь себя как женщина, у которой на нервной почве развился хронический предменструальный синдром. Поэтому...

– А это разве не сексизм?!

– ...Поэтому я советую тебе...

– Кроме того, мое состояние не имеет никакого отношения к поездке в Джорджию.

– Кто же виноват в этом твоём состоянии? Уж не я ли?

– Надя.

– А при чем тут Надя?

– Скажи, она знала о твоей встрече с Блюмом?

Ной делано рассмеялся, стараясь скрыть замешательство.

– Откуда?! Неужели ты думаешь, что я мог рассказать об этой встрече Наде – самой известной литературной сплетнице во всем Западном полушарии?

Сложив руки на животе, Марис снова повернулась к окну.

– Ты лжешь.

Ной соскочил со стола.

– По-моему, ты должна объяснить, почему...

– Она знала, Ной, – перебила Марис. – Надя – самая бесстыдная баба из всех, кого я знаю, и обычно она не делает из этого секрета. Напротив, она даже гордится своим бесстыдством, но, когда Блюм упомянул о своей встрече с тобой, она вдруг побледнела, а это для нее совсем не характерно. К

тому же мне показалось, что Наде с самого начала не хотелось представлять нас друг другу, но у нее не было выхода – Блюм впился в нее, как репей. Даже после того, как знакомство состоялось, она не чаяла, как бы поскорее от меня избавиться. Когда мы прощались, Надя была воплощенная доброжелательность, но я видела: она нервничает... – Марис медленно повернулась к мужу:

– Она знала, тут меня не обманешь!

Взгляд, который она устремила на Ноя, был исполнен такого глубокого сознания собственной правоты, что он пришел в самое настоящее неистовство. Кровь бросилась ему в голову с такой силой, что Ной ясно представил, как от ее напора лопаются в мозгу тоненькие сосудики-капилляры. Только нечеловеческим напряжением воли Ной сумел не выдать себя.

– Ну сама посуди, зачем бы я стал рассказывать Наде о том, что ее не касается? Если она даже что-то узнала, то не от меня, а от Блюма. По-моему, они достаточно дружны, если не сказать больше. Я, например, не удивлюсь, если мне скажут, что Надя спит с ним ради сенсационных новостей для своей колонки.

– Да, так оно и бывает – одно в обмен на другое, – негромко сказала Марис, словно разговаривая сама с собой. Потом она снова посмотрела на Ноя и спросила:

– Но если Надя узнала о переговорах от Блюма, почему в таком случае она до сих пор ничего не написала в своей

колонке?

– Ну, это-то как раз легко объяснить. «Уорлд Вью» владеет несколькими газетами и журналами, которые печатают Надины материалы, и ей, несомненно, не хочется сердить своих основных работодателей рассказом о том, как Давид натянул нос Голиафу. А именно так можно прокомментировать результаты моей встречи с Моррисом. – Ной притворно вздохнул. – Ах если бы я только знал, что все закончится таким скандалом, я бы и дальше продолжал бегать от подручных мистера Блюма! Но – клянусь чем угодно! – я был совершенно уверен, что после этого они от меня отстанут.

– Она призналась.

Сердце в груди Поя подпрыгнуло. Лишь мобилизовав всю свою выдержку и силу воли, он сумел сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Кто – она? И в чем?..

– Я сказала Наде, что вижу ее насквозь. У нее на тебя определенные виды.

– Виды? – повторил Ной. – Любопытная у тебя манера выражаться!

– Все не так безобидно, Ной! – резко возразила Марис. – Надя практически открытым текстом заявила мне, что не прочь с тобой переспать.

Ной в комическом отчаянии закатил глаза к потолку.

– Марис, ради всего святого!.. Надя готова трахаться буквально со всеми – это ее пунктик, навязчивая идея, кото-

рая превратилась в образ жизни. Неужели ты не видишь, что она не женщина, а один большой, ненасытный гормон? Надя действительно несколько раз подкатывалась ко мне с разных сторон, но это ровным счетом ничего не значит. Я уверен: Надя делает подобные предложения всем без разбора. официантам, шоферам, консьержу, возможно, даже мусорщикам, которые обслуживают ее дом. Завидная компания, ничего не скажешь! Кроме того, хотел бы я знать, как у нее получится переспать со мной, если я этого не хочу?!

– Многие мужчины находят ее привлекательной.

– Надя действительно недурна собой, но я не спал с ней, когда был холостяком, и уж, конечно, не стану делать этого теперь, когда я женат на тебе... – Ной огорченно покачал головой. – Кажется, я догадываюсь, в чем дело! Надя все-таки тебя догребла, правда?

– Вообще нет. Куда больше меня расстроила история с «Уорлд Вью». Что касается Нади, то... Если она тебе нужна, значит, ты ее заслуживаешь!

Ной рассмеялся почти с облегчением.

– Я рад, что ты дала мне возможность объясниться. Такие вещи надо выяснять сразу – молчать о них не годится, это может отрицательно повлиять на нашу семейную жизнь...

Ной дал Марис немного подумать над этими словами, потом улыбнулся просительной, почти робкой улыбкой – ни дать ни взять щенка, которого выбрали за испорченные тапочки.

– Если следствие закончено, я хотел бы обнять следователя! – добавил Ной и, поскольку Марис не сделала никакого движения, означавшего, что он прощен, первым шагнул к ней и, обняв за плечи, зарылся лицом в волосы. – От тебя все еще пахнет Джорджией, – сказал он. – Море и солнце... Прости меня за то, что я сказал про предменструальный синдром, но, согласишься, я не так уж не прав. Ты на себя не похожа!.. – Ной погладил Марис по спине. – Скажи, что так на тебя подействовало? Может быть, южный климат пришелся тебе не по нраву?

– Наконец-то тебе пришло в голову поинтересоваться результатами моей поездки! – едко заметила Марис.

– Ну, Марис, так нечестно!.. – воскликнул Ной. – С тех пор как ты вернулась, к тебе было страшно подступиться. Я уж думал, придется привязать тебя к стулу, спустить штанишки и как следует выпороть!..

Марис не улыбнулась, но Ноя это не смутило. Чмокнув ее в висок, он продолжал болтать:

– Как все-таки прошла поездка? Тебе понравился остров?

– Очень даже неплохой остров, – нехотя ответила Марис. – Только из-за высокой влажности там здорово парило, но я быстро привыкла. А вообще, там все по-другому.

– По-другому?..

Марис слегка пожала плечами:

– Не так, как в Нью-Йорке. Это довольно трудно объяснить...

– А твой автор? С ним действительно так сложно иметь дело?

– Сложнее некуда. Он оказался еще упрямее, чем я думала.

– Послушай, ведь у нас есть целая куча авторов, с которыми подписаны договора, – они обеспечат нас книгами на год вперед. Зачем тебе возиться с этим упрямым отшельником?

– Он очень хорошо пишет, Ной. Даже не хорошо, а отлично.

– Но стоит ли он тех усилий, что ты в него вкладываешь?

– От своего проекта я не откажусь!

– Я вовсе не призываю тебя к этому. Просто я забочусь о тебе... и о себе. Если общение с ним так тебя раздражает...

– Не раздражает.

К счастью, Марис не видела лица мужа, иначе бы ей стало ясно, как близко она была к тому, чтобы получить хорошую затрещину за то, что осмелилась его перебить. Выждав, пока его гнев немного уляжется, Ной спросил нарочито ласковым голосом:

– А как зовут этого нового Хемингуэя?

– Я обещала никому не говорить.

– Это он тебя попросил? – Ной удивленно поднял брови. – А тебе не кажется, что это уже просто смешно? Подумаешь, Джеймс Бонд!

– У него есть веская причина. Он – инвалид.

– Как это?

– Честное слово, Ной, я не могу, да и не хочу об этом говорить. Этот человек мне доверяет, и я не могу его предать.

– А ты уверена, что твое высокое мнение о его литературных способностях никак не связано с его инвалидностью?

– Ты имеешь в виду – уж не жалею ли я его?.. – Марис покачала головой. – Нет, Ной, ведь рукопись понравилась мне еще до того, как я встретила с ним лицом к лицу и узнала о его... обстоятельствах. Конечно, он очень раздражителен и упрям, как большинство людей с ограниченными возможностями, однако это никак не влияет на его талант. И хотя работать с ним очень нелегко, я думаю, мне это будет даже полезно. В последние годы редактор во мне разжирел и обленился – пора заставить его немного напрячься.

– Ну, может быть, немножко разленился, но ни капли не растолстел... – Он ощупал руками ягодицы Марис, привлекая жену к себе. Ной хорошо знал, что она обожает подобные ласки, и ожидал быстрой и бурной реакции, но сегодня эффект оказался куда слабее обычного.

– Это был образ, Ной, метафора... Я говорила не буквально!

– Я понимаю, и все-таки... – Наклонившись, Ной поцеловал жену сначала в щеку, потом в губы. Он хотел убедиться, что Марис не сомневается в его лояльности по отношению к «Мадерли-пресс» и что сегодняшняя ее вспышка вызвана каким-нибудь пустяком – приступом ревности или все тем же предменструальным синдромом.

К его огромному облегчению, Марис ответила на поцелуй. Быть может, она сделала это не с тем жаром, какого Ной ожидал, однако этого хватило, чтобы его сомнения окончательно улеглись.

– Если бы не эти бумажки у меня на столе, – проговорил он, – я бы, пожалуй, запер дверь и устроился с тобой прямо на диване. Увы, финансовая отчетность требует, чтобы я неотложно ею занялся...

– Почему бы тебе не послать финансовую отчетность к черту и не устроиться со мной прямо на ней? – подзадорила его Марис.

Ной снова поцеловал ее, потом решительным движением отстранился:

– Дьявольски соблазнительное предложение, но увы!.. Долг превыше всего.

– Понимаю и поддерживаю, хотя...

– Может, сегодня вечером? После ужина у Дэниэла?

– Договорились. – Марис быстро клюнула его в щеку и взяла плащ и сумочку. – Я сегодня, наверное, задержусь – мне тоже нужно расчистить бумажные завалы, которые скопились на моем столе за это время. Скорее всего, я даже переодеться не буду – просто не успею.

– Тогда давай поедем к Дэниэлу вместе. Я распорядюсь, чтобы без четверти семь нам подали машину.

– Что ж, в таком случае – до без четверти семь...

В ответ Ной послал Марис воздушный поцелуй. Когда она

вышла, он вернулся за стол и тяжело упал в кресло. Он чувствовал себя, как человек, который только что избежал смертельной опасности. К счастью, Марис было довольно легко успокоить, проявив немного внимания и заботы, да и старый добрый метод «распускания рук» пока тоже действовал безотказно. Вместе с тем Ной понимал, что ее резко отрицательное отношение к вопросу о слиянии с «Уорлд Вью» может представлять серьезную проблему.

Сегодня он чуть не попался. Думая об этом, Ной мысленно пожелал Моррису Блюму самой страшной смерти. Несомненно, упомянув в разговоре с Марис об их встрече, этот лысый ублюдок хотел лишний раз напомнить ему, Ною, что назначенный срок неумолимо приближается. Для Морриса это была прекрасная возможность показать, кто является хозяином положения, и он не преминул ею воспользоваться, не подозревая, что Марис абсолютно не в курсе дела.

К счастью, Ной знал, что именно такие непредвиденные случайности способны погубить любое дело, как попавшая в подшипник крошечная песчинка способна вывести из строя огромный механизм. Именно поэтому он заранее позаботился о том, чтобы застраховаться от любых неожиданностей, и заблаговременно рассказал тестю о встрече с представителями «Уорлд Вью». И когда то, чего Ной так боялся, случилось, его невиновность подтвердил не кто иной, как сам Дэниэл. Таким образом ему удалось убить сразу двух зайцев: успокоить Марис и завоевать еще большее доверие старика.

Да, Мадерли были совсем не глупы, но до него им было далеко. Выстраивая свой план, он предусмотрел все, не оставив случайности ни одной лазейки. А терпения, осторожности, решимости Ною было не занимать. Он привык полагаться на свой разум, инстинкты и интуицию, но самым главным его ресурсом было знание человеческой природы. Манипулировать окружающими, заставить их плясать под свою дудку было очень легко – для этого достаточно было просто знать, что тот или иной человек любит или не любит, чего боится, что скрывает, чем дорожит.

А у Ноя был к этому настоящий талант. В последний раз он опробовал его на Говарде Бэнкрофте и преуспел. Впрочем, свои способности он развил и отточил задолго до того, как узнал о существовании этого жалкого еврейчика. Многие, очень многие люди выполняли его желания и капризы в полной уверенности, что следуют своим собственным желаниям и решениям.

Телефон на его столе зазвонил. Ной взял трубку и услышал голос секретарши:

– Простите, мистер Рид, я знаю – вы велели ни с кем вас не соединять, но мисс Надя Шуллер звонила уже шесть раз. Она утверждает, что у нее к вам срочное дело...

– Хорошо, я с ней поговорю, – ответил Ной и нажал кнопку селектора каналов. – Привет, Надя! – сказал он самым беззаботным тоном. – Ну, как прошел твой обед с Марис? Вкусно поели?

«ЗАВИСТЬ»

Глава 12

Ки-Уэст, Флорида

1986 год

Поначалу Ки-Уэст не вызвал у Тодда никаких чувств, кроме жгучего разочарования.

О том, чтобы перебраться сюда, они с Рурком мечтали почти год, и Тодд уже давно не мог ни думать, ни говорить ни о чем другом. Он буквально считал дни, оставшиеся до выпускных экзаменов, и с трудом мог сосредоточиться на повседневных вопросах и проблемах, не имевших отношения к переезду. Сердцем, разумом, душой он давно находился в вожаделенной Флориде.

Но теперь, когда его заветная мечта осуществилась, Тодд не испытывал ни восторга, ни даже душевного подъема. Скорее напротив, он чувствовал себя подавленным и опустошенным.

Когда Тодд впервые увидел этот заштатный городок,

он невольно подумал, что его можно сравнить с вышедшей в тираж потаскухой. Неряшливый, замусоренный, кричаще вульгарный, он выглядел усталым и больным и действительно напоминал не изысканную куртизанку, чья внешность и жесты исполнены тонкой чувственности, а пожилую шлюху, которая, выставив напоказ не первой свежести товарец, пристаёт к прохожим на оживленной улице. Все претензии на роскошь и романтическое очарование не могли обмануть Тодда. Ки-Уэст оказался совершенно заурядным населенным пунктом, каких по всей Америке – десятки и сотни тысячей был явно не способен предложить ему ничего, кроме стандартного набора дешевых (отнюдь не в смысле цены) удовольствий, начиная от теплого пива и катания на «русских горках» и заканчивая плохо очищенным героином и контрабандным кубинским ромом, который, по слухам, изготавливали прямо в городе.

Тодд и Рурк планировали отправиться в Ки-Уэст сразу после выпускных экзаменов. Их вещи были давно упакованы, и единственное, что оставалось сделать приятелям, было вернуть взятые напрокат мантии и шапочки, в которых они ходили на церемонию вручения дипломов.

Ехать они собирались каждый в своем автомобиле. Обе машины были уже довольно заслуженными, однако в том, что до Флориды они как-нибудь дотянут, приятели не сомневались. Рурк и Тодд даже

договорились о том, где они останутся и бросят монетку, чтобы жребий решил, кому достанется право первым выехать на Дюваль-стрит,⁷ но неожиданное вмешательство судьбы изменило их планы. Тодду пришлось задержаться по семейным обстоятельствам. Рурк великодушно предложил дожидаться приятеля, однако, посоветовавшись, они решили, что будет лучше, если он отправится вперед и подыщет подходящее жилье.

– Я буду разведчиком. К тому времени, когда ты приедешь, лагерь уже будет разбит, а над костром будет булькать в котелке рагу из аллигатора, – пообещал Рурк, когда приятели обнялись на прощание. Его «Тойота» тяжело оседала на все четыре колеса, набитая под завязку самым разнообразным барахлом, которое сопровождало Рурка на протяжении четырех лет студенческой жизни и которое он решил взять с собой в новую жизнь.

– Жаль, что мне приходится задержаться, – пробормотал Тодд. – Хотел бы я поехать с тобой!

– Мне тоже жаль, – согласился Рурк. – Но ведь по большому счету эта задержка – сущий пустяк, мелочь, на которую не стоит обращать внимания!

– Тебе легко говорить, – скривился Тодд. – Ведь это не тебе приходится задерживаться. Пока я буду улаживать свои дела, ты, пожалуй, успеешь накропать пару шедевров!

⁷ Дюваль-стрит – название шоссе, на которое путешественники попадают при пересечении границы штата Флорида

– Ну, это вряд ли, – возразил Рурк. – Ведь мне придется искать нам квартиру, устанавливать телефон и... Да мало ли что еще понадобится сделать! Я, во всяком случае, почти уверен, что, пока ты не приедешь, мне будет не до работы.

Но Тодд знал, что это было не так. Рурк писал всегда и везде, был он трезв или пьян, болен или здоров, весел или печален. Он работал, когда слова сами ложились на бумагу и когда над каждой фразой приходилось сидеть по полчаса или больше. Иными словами, Рурк был способен писать в самых неблагоприятных условиях, и Тодд знал: что бы ни утверждал его приятель, отправляясь в Ки-Уэст раньше его, он получал солидную фору, ликвидировать которую ему будет непросто.

Садясь за руль «Тойоты», Рурк попытался ещё раз подбодрить заметно скисшего приятеля.

– Когда-нибудь, – сказал он, – и ты, и я даже думать забудем об этой ерунде.

Как и было договорено, Рурк позвонил Тодду в тот же день, когда добрался до Ки-Уэста. Еще через пару дней он позвонил снова, чтобы сообщить – ему удалось снять подходящую квартиру. Тодд тут же забросал приятеля вопросами. Рурк, однако, отвечал весьма уклончиво, так что, положив трубку, Тодд понял – о новой квартире ему известно только то, что стоимость аренды им более или менее по средствам.

Прошло почти полтора месяца, прежде чем Тодд смог выехать в Ки-Уэст. И хотя впереди лежала

неизвестность, родительский дом он покидал без сожаления. Он чувствовал себя так, словно вырвался из тюрьмы, и настроение у него было самое приподнятое.

В первый день Тодд провел за рулем двадцать часов. Только после того, как граница штата Флорида осталась позади, он позволил себе свернуть на парковку возле шоссе и немного поспать прямо на переднем сиденье. Утром он отправился в дальнейший путь и уже в три пополудни прибыл в Ки-Уэст.

Несмотря на первое неблагоприятное впечатление, кое-какие его ожидания все же сбылись. Во-первых, воздух. В этом самом южном городке Соединенных Штатов воздух был очень влажным и теплым, а это означало, что ветреными зимними утрами ему больше не придется бегать бегом на занятия, спасаясь от мороза. С высокого безоблачного неба светило жаркое солнце. Повсюду росли бананы и персики, а из дверей многочисленных забегаловок доносилась зажигательная латиноамериканская музыка.

Пока, следуя оставленным Рурком расплывчатым указаниям, Тодд ехал по узким улочкам городка, по которым толпами бродили отдыхающие и туристы, его разочарование понемногу отступало. Звуки, запахи и открывавшиеся ему виды снова разбудили в нем надежду, так что в конце концов Тодд решил, что здесь им будет совсем не так уж плохо.

Но его вновь окрепшим ожиданиям суждено было пережить еще одно крушение. Это произошло в тот момент, когда Тодд увидел дом, где ему предстояло

жить. Не веря своим глазам, он дважды проверил адрес, от души надеясь, что где-то по дороге свернул не на ту улицу.

Потом Тодд подумал, что приятель, похоже, решил его разыграть. Он был почти уверен – еще немного, и Рурк выскочит из-за разросшейся живой изгороди и, хохоча, как гиена, воскликнет: «Видел бы ты свою рожу, приятель! У тебя такое лицо, словно тебя только что ткнули носом в навоз!» Потом они вместе посмеются, и Рурк отвезет его туда, где им предстоит жить на самом деле. По дороге они купят пива, чтобы как следует отпраздновать новоселье, а история с розыгрышем превратится просто в очередную главу книги, которую они с удовольствием перечитывали при каждом удобном случае. В этой воображаемой книге были собраны все шутки и забавные происшествия, которые случились с ними за годы совместного житья, и только для одной истории не нашлось места на ее страницах. И Тодд, и Рурк старались даже не вспоминать об инциденте с профессором Хедли, однако обоим было ясно – этот случай изменил в их отношениях многое.

Но Рурк так и не появился, и Тодд, остановив машину у выщербленного бордюрного камня, выбрался на тротуар. К живой изгороди, которая выглядела так, словно ножницы садовника не прикасались к ней уже лет десять, было даже страшно подойти – стволы и ветки-кустов были такими толстыми, словно кто-то специально подкармливал их анаболиками, а торчащие

во все стороны острые шипы были длиной с карандаш. Поэтому Тодд двинулся вдоль нее и вскоре набрел на перекошенную калитку. Висевшая на одной петле, она была не заперта; Тодд толкнул ее и зашагал по дорожке к дверям здания.

Трехэтажное строение – язык не поворачивался назвать его домом, – было сложено из шершавых шлакобетонных блоков и выкрашено розовой краской, которая, несмотря на свой кричаще-яркий оттенок, только подчеркивала низкое качество строительного материала. От крыши до фундамента фасад пересекала изломанная трещина, в которую мог свободно пройти указательный палец Тодда. На высоте нескольких футов над его головой из трещины торчали листья неведомо как попавшего туда папоротника. В противоураганных жалюзи цвета растертого гороха не хватало пластин, да и сами жалюзи, казалось, держались на окнах лишь чудом. Возможно, впрочем, они просто боялись свалиться в зловонную воду, скопившуюся вдоль всего фундамента и служившую чем-то вроде общефлоридского питомника для комаров и москитов. Алюминиевая рама противомоскитной двери была покорежена и не закрывалась как следует, к тому же сетка на ней была во многих местах прорвана, так что в дыры могли проникать не только комары, но и ящерицы.

Двух этих представительниц местной фауны Тодд обнаружил на стене вестибюля. Одна ящерица тотчас удрала, вторая заняла оборонительную позицию, запрокинув голову назад и распахнув ярко-красное

горлышко.

Кроме ящериц, на стене разместились шесть почтовых ящиков, висевших вкривь и вкось. Как только глаза Тодда немного привыкли к темноте, он разобрал на одном из них фамилию Рурка и даже застонал от огорчения.

Их квартира располагалась на самом верхнем, третьем этаже. Перешагнув через лужу какой-то маслянистой жидкости, Тодд начал подниматься по лестнице. На площадке второго этажа до него донеслось приглушенное бормотание включенного телевизора. Если не считать этого, в здании царила мертвая тишина.

К тому моменту, когда Тодд добрался до третьего этажа, он обливался потом и чуть не в голос проклинал влажность, которая так понравилась ему вначале, когда, опустив боковое стекло, он любовался из машины длинноногими загорелыми флоридскими девчонками. Ну ничего, уж квартиры-то наверняка оборудованы кондиционерами, подумал Тодд, останавливаясь перед дверями квартиры 3-А и с трудом переводя дыхание.

Дверь оказалась заперта, и Тодду пришлось довольно долго стучать, прежде чем Рурк отозвался. При виде приятеля его загорелое лицо расплылось в широкой улыбке.

– Ну, наконец-то!.. – воскликнул он. – Я ждал тебя еще утром.

– Что я, по-твоему, робот, чтобы гнать без передышки? – Тодд огляделся по сторонам. – Здесь что, нет кондиционера? Или ты его выключил, чтобы

подразнить меня?

В квартире было еще жарче, чем на лестнице, хотя это и казалось невозможным. И отсутствие вентиляции было всего лишь одним, причем далеко не самым главным недостатком их нового жилища. Оглядывая его, Тодд понял, что сбылись самые худшие его опасения. Это была не квартира, а самая настоящая крысиная нора, причем назвать ее так мог только человек прекрасно воспитанный и очень, вежливый. Тодд, во всяком случае, был уверен, что ни одна уважающая себя крыса не поселилась бы здесь ни за какие коврижки.

– Что за дерьмо, Рурк?.. – мрачно спросил Тодд, покосившись на скрипучий вентилятор под потолком, который лишь смешивал горячий влажный воздух с запахами нестиранных носков и недоеденной пищи. Он имел в виду квартиру, но Рурк его не понял.

– Извини, – сказал он, – я был в душе.

И действительно, волосы у него были мокрыми, одно плечо – в пене, а вокруг бедер было намотано хорошо знакомое Тодду по общежитию полосатое махровое полотенце, весьма похожее по расцветке на американский флаг и даже однажды выполнявшее эту функцию по случаю инаугурации очередного президента.

– А я уже решил, что у тебя женщина, и мне придется куковать на лестнице, пока вы не натрахаетесь, – сварливо сказал Тодд, разглядывая гостиную. Кроме крошечного стола и нескольких табуретов в стиле

«картофельный мешок», никакой мебели здесь не было. В углу за прорванной пластиковой занавеской помещалась кухня, состоявшая из раковины и стоявшей на низкой тумбочке электроплитки.

– Иди лучше взгляни на это!.. – Схватив Тодда за руку, Рурк толкнул дверь в соседнюю комнату и потащил приятеля за собой.

Тодд был так сердит, что почти не сопротивлялся. Единственное, о чем он был способен думать, это о том, как посмел Рурк истратить деньги – свою и его долю – на такое убожество! Что ж, если договор найма уже подписан, он может съесть его с маслом или без масла – по своему выбору. Тодду было наплевать – он твердо решил, что платить за такую квартиру не будет. Несомненно, только приступом слабоумия – или затяжным похмельем – можно было объяснить, что Рурк польстился на эту развалину.

– Черт бы тебя побрал, Рурк! – прорычал Тодд. – Какого черта!..

Вторая комната оказалась совсем небольшой. В ней стояли две полутороспальные кровати, одна из которых прогибалась под тяжестью вещей Рурка, большая часть которых была еще не распакована. Вскрыты были только одна или две коробки с одеждой и бельем.

На другой кровати Рурк спал и... работал. Тодд с удивлением рассматривал компьютерный монитор и клавиатуру, которые поместились на подушке. Рядом, на полу, стояли системный блок и принтер.

– Ты купил компьютер?! – воскликнул Тодд. –

Когда?!

Оба приятеля мечтали о компьютерах даже сильнее, чем некоторые девушки мечтают о муже-миллионере, но Рурк почему-то не сообщил о своей покупке ни слова.

– Это на него ты угрохал все наши деньги? – уточнил Тодд.

– Мне подарил его мой дядя по случаю окончания университета, – сообщил Рурк театральным шепотом. – А теперь заткнись и иди сюда, только скорее!

Недоумевая, Тодд повернулся к стене, в которой зияла квадратная дыра. Когда-то здесь была дверь, но сейчас она стояла рядом и как будто подпирала стену, чтобы та не упала. За деформированной дверной коробкой находилась ванная комната. Она была совсем небольшой и отличалась от общей ванной в общежитии студгородка лишь тем, что в последней – несмотря на плевки табачной жвачки на полу, плесень в душевых и неведомо чьи полотенца на холодных трубах-сушилках – было значительно чище.

Но еще сильнее, чем состояние раковины и унитаза, подействовал на Тодда вид друга, который, сбросив на пол патриотической расцветки полотенце, снова шагнул в душ. Стоя под струйками воды, он пристально смотрел за окно, забранное алюминиевыми жалюзи.

– Послушай, откуда у тебя дядя? – спросил Тодд. – Ты никогда про него не говорил! Он что, настолько богат, что может...

– Ты идешь или нет? – нетерпеливо перебил Рурк.

– Я не полезу с тобой в этот грязный душ, – едко сказал Тодд. – Что я тебе – гомик? И вообще – кончай валять дурака! Объясни лучше...

– Слушай, я тебе все объясню, только потом, а сейчас перестань болтать и иди сюда. Скорее, пока они не ушли!

Его волнение передалось Тодду, и он почувствовал себя заинтригованным. Забыв о раздражении, он сбросил одежду и шлепанцы и, встав под душ рядом с Рурком, с любопытством заглянул в щель между пластинами жалюзи.

Из окна ванной комнаты открывался отличный вид на плоскую крышу небольшого двухэтажного домика, стоявшего по соседству. На крыше, вытянувшись на надувных матрацах, принимали солнечные ванны три совершенно голые девицы. Их загорелые тела, покрытые маслом для загара, так и блестели на солнце. Пока Тодд обалдело таращился на них, одна из девиц перевернулась на спину и принялась смазывать маслом торчащие в разные стороны груди.

– Ее зовут Эмбер, – шепнул приятелю Рурк.

Эмбер не спеша втирала масло в соски. Они были у нее большими и красными, как клубничины, и Тодд судорожно сглотнул.

– Ты с ними знаком?

– Теперь – да. То есть я знаю всех трех по именам; иногда мы даже болтаем о всякой ерунде, когда встречаемся на автостоянке за домом. Они танцуют в ближайшем стрип-клубе.

Тодд снова сглотнул. Теперь он понял, откуда в этих девицах столько томной чувственности. С самого первого взгляда ему было ясно, что перед ним не обычные студентки. Тела у этой троицы были по-настоящему... живописны. Правда, он подозревал, что сиськи у них все-таки не настоящие, но кого это волнует?

– Ту, у которой выбрит лобок, зовут Звездочка, – снова шепнул Рурк. – Она обрабатывает его специальной пудрой с блестками, и в финале ее номера он начинает сверкать что твое звездное небо.

– Ты не врешь?

– Богом клянусь! Звездочка садится на корточки, а осветитель направляет прожектор прямо туда...

– Вот черт!

– А брюнетку зовут Мария Катарина.

– Странное имя для стриптизёрши!

– Вовсе нет. Она выходит на подиум в одежде монашки. Сначала она раздевается под музыку, а потом берет четки и начинает...

– Молчи, ничего не говори! – перебил Тодд. – Я хочу увидеть это своими собственными глазами! – Брюнетка лежала лицом вниз на своем банном полотенце, и Тодд причмокнул губами. – Ты только посмотри на эту попку!

– Я уже видел, – усмехнулся Рурк. – Похожа на «валентинку», верно? Откровенно говоря, я к ней равнодушен. Кстати говоря, из всех троих Мария Катарина самая общительная.

– Они загорают здесь каждый день?

– Да, кроме воскресений. В субботу вечером они работают, а по воскресеньям отсыпаются.

Эмбер тем временем закупила флакончик с маслом и, снова вытянувшись на матрасе, широко развела ноги, чтобы солнечные лучи попадали на внутреннюю поверхность бедер.

– Вот это да!.. – простонал Тодд. – Хотел бы я оказаться где-нибудь между!

Рассмеявшись, Рурк вышел из душа.

– Мне кажется, тебе надо минут пять побыть наедине со своей Мамашей Правой и ее дочерью, – сказал он, поднимая с пола полотенце.

– Хватит и минуты, – отозвался Тодд.

Когда Тодд снова вернулся в маленькую спальню, Рурк сидел на кровати, скрестив ноги и расслабленно опираясь спиной о стену. На коленях у него лежала компьютерная клавиатура. Поглядев на приятеля, Рурк ухмыльнулся.

– Ну, что ты скажешь о нашей новой квартире теперь?

– Отличное место! – с воодушевлением ответил Тодд. – Я бы не променял его на номер в самом шикарном отеле!

Отложив в сторону рукопись, Майкл Стротер задумчиво отпил глоток лимонада, который он приготовил из только что выжатых лимонов. Сегодня он решил немного отдохнуть от своих реставрационных хлопот. Накануне вечером Майкл покрыл окончательно расчищенную облицовку камина первым слоем лака. Лак был на основе летучего растворителя, но Майкл знал, что на влажном воздухе лак сохнет дольше, и не хотел спешить.

Во всяком случае, именно так Майкл ответил на вопрос Паркера, почему он сегодня «бездельничает».

На самом деле Майкл, конечно, не бездельничал. Все утро он проработал в саду. Из «солярия» Паркеру было хорошо видно, как его друг ползает по клумбам на четвереньках и рыхлит землю маленькой ручной тяпкой. Покончив с этим, Майкл подмел веранду и вымыл выходявшие на крыльцо окна. В полдень он приготовил обед, но поесть Паркер так и не собрался.

Сам Паркер большую часть дня писал, точнее – переписывал некоторые главы, и сейчас ему не терпелось узнать, что скажет о них Майкл.

Мнением друга он дорожил. Когда Майкл критиковал его за ошибки и погрешности стиля, Паркер старался не заводиться и сдерживался, как мог, хотя частенько ему хотелось

послать Майкла куда подальше вместе с его занудством. Даже если «разбор полетов» заканчивался ссорой, при работе над окончательным вариантом Паркер старался учесть все его замечания, которые неизменно оказывались справедливыми.

Больше всего Паркера злило, что Майкл никогда не торопился высказывать свое суждение вне зависимости от того, было ли оно благоприятным или нет. Тогда, томясь неизвестностью, он принимался всячески изводить и подначивать друга, однако это, как правило, не приносило желаемых результатов. Напротив – не на шутку разобидевшись, Майкл уходил к себе в комнату и сидел там до тех пор, пока Паркер не успокаивался и не приносил ему свои извинения.

Но сегодня Майкл просто превзошел самого себя, причем молчал он, скорее всего, только для того, чтобы хорошенько досадить своему подопечному. Паркер, однако, не склонен был поддаваться на провокацию и упрямо кусал губы, пока Майкл не торопясь перелистывал рукопись в третий раз, то и дело останавливаясь, чтобы перечитать какой-то абзац, покачать головой или с сомнением хмыкнуть. В эти минуты он больше всего походил на старого сельского врача, который, слушая многочисленные жалобы мнительного больного, в задумчивости тянет себя за ус или теребит нижнюю губу.

Спектакль этот длился не меньше четверти часа. Наконец Паркер сдался.

– Может, хватит дурака валять? – сварливо осведомился он. – Будь добр, перестань хмыкать и выскажись по-человечески!..

Майкл посмотрел на него с таким видом, словно совершенно забыл о его существовании. Это тоже было частью спектакля, и Паркер нетерпеливо побарабанил по столу костяшками пальцев:

– Ну, я жду!

– На мой взгляд, ты слишком часто используешь словосочетание «черт побери» и прочие производные.

– И об этом ты думал целых пятнадцать минут?! – взорвался Паркер. – Неужели тебе не пришло в голову ничего более умного?

– Но я не мог не заметить очевидного!

– Я знаю, что молодые люди предпочитают совсем другие слова, но не могу же я писать как есть! Хотя сейчас это, кажется, модно... Современные авторы как с цепи сорвались – каждый старается перещеголять другого по части нецензурных выражений.

– Ты мог бы последовать их примеру.

– Не мог. Хотя бы потому, что я не такой, как они.

– В любом случае ты мог бы проявить больше изобретательности. Ведь существуют же слова «гребаный», «долбаный» и прочие. И хотя я сам не особенно их люблю, они с успехом заменяют прилагательные, которые ты из стыдливости предпочитаешь опускать.

– Прекрати надо мной измываться, Майкл!

– Я не измываюсь – я просто констатирую факт. Речевая характеристика – вещь чрезвычайно важная, а ты позволяешь себе ею пренебрегать. Я, во всяком случае, не заметил, чтобы ты над ней серьезно работал. То ты по поводу и без повода пишешь «черт побери», то бросаешься в другую крайность и используешь слово «гомик». По-моему, это просто оскорбительно и...

– Но в восьмидесятых годах, когда никто и слыхом не слышивал о политкорректности, это слово было в большом ходу. И никто не обижался, в том числе и сами гомики... А это слово добавляет моим героям исторической достоверности. Согласись, что в разговоре между собой два молодых человека, придерживающихся, как сказали бы сегодня, «традиционной сексуальной ориентации», вряд ли бы стали деликатничать. Тодд употребил слово «гомик», чтобы доступно выразить свою мысль; о том, что попутно он может оскорбить представителей сексуальных меньшинств, он даже не думал.

– Ладно, допустим. Но вот в другом месте написано – «сиськи». Женщины Тодда интересуют больше мужчин, почему же в таком случае он относится к ним с таким пренебрежением? К тому же в другом месте он говорит «попка» – заметь, не «жопа», не «задница», не «пердак»...

– Можешь не продолжать, – перебил Паркер. – По части синонимов я могу дать тебе сто очков вперед. Что касается твоего вопроса... Достаточно будет, если скажу, что в дан-

ном случае все дело в личных предпочтениях Тодда? Ведь одним мужчинам нравится в женщинах грудь, другим – ноги, третьим...

– Но из текста этого не следует, – перебил Майкл твердым голосом.

– А по-моему, здесь все совершенно нормально, и нет никакой необходимости пояснять, что Тодд назвал кошку кошкой, а не киской, только потому, что предпочитает собак. Что же касается твоего замечания насчет «черта», то... я подумую. Это и вправду звучит как-то слишком литературно. – Он вздохнул. – Ладно, это мы выяснили. Что еще ты хотел сказать?

– Ты был утром в старом джине? Паркер прищурился.

– Не пойму, какое отношение это имеет к рукописи...

– А почему это должно иметь отношение к рукописи?

– Слушай, Майкл, сегодня ты просто невыносим! Ты что, забыл принять на ночь слабительное?

– Меняешь тему, Паркер?

– А может, ты тайком плеснул в свой лимонад «Джека Дэниэлса»?

– Нет, ты не просто меняешь тему, ты уклоняешься от нее!

– Разве? Мне казалось – мы обсуждаем мою рукопись. Ты первым заговорил о...

– О Марис.

– ...О хлопковом джине.

– Одно связано с другим, – уверенно заявил Майкл. – На

протяжении месяцев ты бывал там чуть не каждый день, но стоило ей уехать – и ты туда носа не кажешь.

– Ну и что?

– А то, что сей факт, по-видимому, не имеет никакого отношения к тому, что произошло между тобой и Марис в то утро, когда она нас покинула.

– Конечно, не имеет! То есть... Тьфу, дьявол! В общем, можешь думать, как тебе больше нравится. – Паркер обиженно нахохлился. – Кроме того, между нами ничего не произошло.

– Из этого я могу заключить, что старый сарай не вызывает у тебя никаких ассоциаций – ни приятных, ни... наоборот.

– Знаешь, что мне пришло в голову? – Паркер запрокинул голову назад и оглядел Майкла с головы до ног. – Тебе бы следовало родиться женщиной.

– Гм-гм... Мы с тобой разговариваем всего несколько минут, но за это время ты успел обвинить меня в сочувствии гомосексуалистам, в алкоголизме и... хроническом запоре. Теперь ты оскорбил мое мужское достоинство. К чему бы это?

– Ни к чему, просто ты любопытен, как старуха, которой больше нечего делать, как совать нос в чужие дела.

– Марис – это и мое дело тоже!

– Вот как? – огрызнулся Паркер, но твердый тон Майкла недвусмысленно свидетельствовал, что пикировка закончена и дальше разговор пойдет серьезный.

Отвернувшись к окну, Паркер стал смотреть на океан. День был безветренный и жаркий, и поверхность океана горела на солнце, словно надраенная медь. Небольшая стайка пеликанов следуя ежедневной традиции, пронеслась низко над верхушками деревьев, спеша на ночевку, и Паркер – как с ним часто бывало – невольно задумался, приятно или не очень быть частью такой тесной группы. На протяжении многих лет он вел уединенную, почти отшельническую жизнь и почти не помнил, каково это – чувствовать себя членом семьи, студенческого сообщества или любого другого сплоченного коллектива.

Это было тем более странно, что Маккензи Руна любили миллионы читателей во всем мире. Его книги стояли на их полках, лежали на ночных столиках, в портфелях и карманах пиджаков. В своей книжной ипостаси он сопровождал своих читателей в поездках, на пляже, даже в туалете. Они брали его с собой в ванны и в постели, и Паркер изредка тешил себя мыслью о том, что такая почти интимная близость с огромным количеством людей недоступна простым смертным.

Но все это относилось только к Маккензи Руну. Что касалось самого Паркера, то его знало очень мало людей, и почти никто не любил. Таков был его сознательный выбор, и лишь в последнее время Паркер начал сознавать, какую дорогую цену он заплатил за годы спокойствия и уединения. Он привык быть один и лишь недавно начал чувствовать себя одиоко. В этом-то и заключалась разница, которую обычно не

замечаешь, но которая становится слишком очевидной, когда вдруг понимаешь: тебе больше не нравится оставаться одному. Именно в этот момент уединение превращается в одиночество.

Стараясь справиться с подступающим отчаянием, Паркер повернулся к Майклу.

– Извини, что я... втянул тебя в свои планы, – сказал он негромко и серьезно. – Я знаю, ты чувствуешь себя виноватым перед ней, и восхищаюсь тобой. Ты человек, у которого есть совесть, а в наши дни это редкость.

Майкл только головой покачал.

– Я помог тебе, когда ты вздумал подвергнуть Марис этому идиотскому испытанию, но я до сих пор не уверен, что это было необходимо. А что скажешь ты?

– Может быть, и нет, – тихо признался Паркер.

– Я мог бы сказать ей, что ты Маккензи Рун, – добавил Майкл. – Я мог бы притвориться, будто это случайно сорвалось у меня с языка. Разумеется, тебя бы это разозлило, но в конце концов ты бы это преодолел. Однако вместо того, чтобы поступить так, как подсказывала мне элементарная порядочность, я продолжал участвовать в твоём постыдном спектакле и теперь казню себя за это.

– Не надо, Майкл. Ты ни в чем не виноват – я все это затеял, мне и отвечать. С самого начала и до конца – каким бы он ни был, этот конец, – вся ответственность лежит на мне и только на мне.

– Но это вовсе не извиняет моего добровольного участия в твоей дурно пахнущей пьеске. Паркер уныло пожал плечами:

– Нет, пожалуй, не извиняет. Но, к сожалению, тут уж я ничего не могу поделать. Я просто не вижу другого способа добиться своего...

Оба надолго замолчали и сидели, погруженные каждый в свои мысли. Наконец Майкл снова водрузил на нос очки для чтения, невольно напомнив Паркеру Марис. В их последнюю встречу она тоже была в очках. И эта встреча, напомнил себе Паркер, действительно может оказаться последней, и он никогда больше ее не увидит.

– Судя по тому, что здесь написано, – сказал Майкл, снова беря в руки рукопись, – Рурк и Тодд окончательно помирились. Я, во всяком случае, не чувствую в их отношениях никакой неловкости, никакой остаточной напряженности. А так, по-моему, не бывает. Во всяком случае – не в книгах, где на этой напряженности основывается весь сюжет.

– После инцидента с Хедли и драки Рурк решил никогда больше не вспоминать об этой неприятной истории, чтобы не дать глупой случайности разрушить их дружбу, – пояснил Паркер. – Вот он и не вспоминает.

– Весьма благородно с его стороны. И тем не менее напряженность...

– ...Должна присутствовать? – закончил его мысль Паркер. – Как родимое пятно, которое портит милое личико но-

ворожденного младенца?.. Никто не говорит о нем вслух, надеясь, что со временем пятно исчезнет само и что настанет день, когда никто не сможет припомнить, на какой именно щечке оно было. Но пока пятно есть, и от этого никуда не деться!..

– Хорошая аналогия, – согласился Майкл. – Именно это ты и должен показать. Кстати, в одном месте ты пишешь, что Рурк и Тодд «старались не вспоминать» об инциденте с профессором, но хороший писатель должен показывать, а не перечислять факты.

– Хорошо, я об этом подумаю. – Паркер сделал пометку в растрепанном блокноте.

– Кроме того, ты ничего не сказал об обстоятельствах, которые помешали Тодду выехать в Ки-Уэст вместе с приятелем.

– Об этом я подробно расскажу в следующей главе. По моей задумке, Рурк должен принести Тодду свои соболезнования в связи со смертью матери. Она не хотела отвлекать сына от учебы в последние месяцы перед выпускными экзаменами и ничего не сказала ему о том, что врачи обнаружили у нее саркому. Правда, на вручение диплома она все-таки приехала, но это стоило ей огромных усилий. Лечение, которому она подвергалась, только ослабило ее, но не победило болезнь. Вот почему вместо того, чтобы поехать с Рурком в Ки-Уэст, Тодду пришлось везти мать домой. Он оставался с ней, пока она не умерла.

– Что является с его стороны большой жертвой – особенно если учесть, что означал для Тодда переезд в Ки-Уэст. Паркер сардонически улыбнулся.

– «Оставь пустые похвалы!..» – продекламировал он. – Лучше послушай, что он у меня говорит...

Паркер порылся сначала в блокноте, потом в ворохе рукописных листов, разбросанных по его рабочему столу, и наконец выхватил оттуда замызганный лист бумаги.

– Тодд благодарит Рурка за сочувствие, и так далее и тому подобное, и наконец заявляет: «...Хотя если быть откровенным, мама умерла очень своевременно». Рурк, как и полагается, шокирован. Тогда Тодд добавляет: «Но ведь это правда!..»

«Жестокая правда», – говорит Рурк, но его друг только пожимает плечами.

«Может быть, – отвечает он, – но я, по крайней мере, не лицемерю, а говорю, как есть. Жалею ли я о том, что она умерла? Нет. Ее смерть даровала мне высшее благо – свободу. Теперь меня ничто не связывает, ничто не мешает. Я могу думать только о себе и не испытывать при этом ни малейших угрызений совести. Мне не перед кем отчитываться и не о чем волноваться, кроме книги, которую я напишу!»

Майкл некоторое время размышлял, потом сказал:

– Значит, в следующей главе сбрасываются маски?

– Нет, если ты имеешь в виду истинный характер Тодда.

Однако читатель должен понять, что и на солнце есть пятна.

– Как ты начал понимать, что пятна есть и на лице Ноя Рида?

Лицо Паркера застыло, как бывало всегда, когда Майкл произносил имя Ноя вслух. Наконец он проговорил сквозь стиснутые зубы:

– Рурку понадобится всего несколько глав, чтобы понять, что собой представляет его так называемый друг. Мне понадобилось полных два года... И все равно я раскусил его слишком поздно.

Несколько мгновений он пристально смотрел на свои неподвижные ноги, потом, усилием воли совладав с неприятными воспоминаниями, снова вернулся к своим заметкам.

– Кстати, в следующей главе я намерен снова вызвать призыв профессора Хедли, – сказал он.

Майкл налил себе еще лимонада и, откинувшись в кресле, обратился в слух.

– Я решил – пусть Тодд заговорит о нем первым, – продолжал объяснять Паркер. – В один из дней он признался Рурку, как он рад, что в свое время они сумели преодолеть последствия той неудачной шутки. Впрочем, Тодд тут же добавляет, что, если бы ему не пришлось в голову разыграть Рурка, сейчас их отношения с профессором не были бы такими дружескими. «По-хорошему, ты должен поблагодарить меня за то, что я тогда сделал», – говорит он в заключение. И хотя Рурк вовсе не склонен благодарить Тодда, он признает, что в итоге дело обернулось совсем не так плохо. – Паркер пере-

вел дух и добавил:

– Этот разговор я ввел для того, чтобы читатель знал – профессор Хедли считал обоих героев настолько талантливыми, что предложил бесплатно консультировать их даже после окончания учебы.

– Ужасно любезно с его стороны, – вставил Майкл Паркер нахмурился.

– Я уверен, что им руководили не только альтруистические побуждения. Я собираюсь написать главу – возможно, даже от лица профессора, – в которой мистер Хедли рассуждает о том, почему он решил и дальше заниматься с этими двумя начинающими писателями. С одной стороны, перед ним, безусловно, очень талантливые люди, и профессор хочет помочь им раскрыться наиболее полно. С другой стороны, честь открытия новых имен в литературе тоже чего-нибудь да стоит! Ведь настоящий талант – это редкость еще большая, чем алмазы; и, как алмаз, любой талант недостаточно отыскать – его нужно еще огранить, отшлифовать, вставить в подходящую оправу... Именно этим и занимается профессор Хедли. Разумеется, мировая известность – удел писателей, а не их учителей, однако в случае успеха почет и уважение коллег ему гарантированы.

– Иными словами, этот твой профессор Хедли просто эгоистичный и тщеславный старый ублюдок. Паркер рассмеялся.

– Тщеславие – не порок, Майкл, иначе придется допу-

стить, что порочны буквально все. Просто любовь к славе не должна заслонять других, более важных вещей, а быть, так сказать, сопутствующим товаром. Что касается эгоизма, то и тут все дело только в том, как далеко человек готов зайти ради того, чтобы добиться своего. Многие либо сдаются сразу, либо со временем переключаются на что-то, что кажется им более достойным – или доступным. Но некоторые... – Он замолчал, глядя в пространство перед собой, потом добавил:

– Чтобы получить желаемое, некоторые готовы буквально на все и не считаются ни с чем и ни с кем. Именно такие люди в конце концов переступают и закон, и мораль, не говоря уже об общепринятых правилах приличия. Главное для них – собственное «я», а на окружающих им наплевать...

Майкл, похоже, хотел сказать что-то по поводу этих философских излияний, но передумал и задал вопрос, который, очевидно, казался ему более нейтральным:

– Стоит ли отдавать целую главу второстепенному персонажу?

– Ты имеешь в виду Хедли? – переспросил Паркер. – Да. Быть может, он и не главный герой, но его роль чрезвычайно важна. Это, если можно так выразиться, одна из несущих конструкций сюжета.

– Ну раз ты так считаешь...

– Да, я уверен. Правда, это еще предстоит обосновать.

Майкл рассеянно кивнул, словно его вдруг отвлекла какая-то новая мысль. Примерно минуту оба молчали, потом

Паркер спросил, что его смущает.

– Тебе не нравится темп развития сюжета? Или диалоги? Может быть, следовало дать более подробное описание квартиры в Ки-Уэсте?

Майкл подумал еще немного.

– Та девушка на крыше... как ее там?

– Мария Катарина.

– Да. Это та самая девушка, которая в прологе отправляется на прогулку с Рурком и Тоддом?

– Да. Помнишь, еще до того, как яхта вышла из гавани, один из героев сорвал с нее лифчик от купального костюма и принялся размахивать им, точно флагом? Этот эпизод кажется мне весьма двусмысленным, но я не хочу совсем от него отказываться. Теперь я должен показать читателям, что Мария Катарина была вовсе не шлюхой, а просто жизнерадостной, дружелюбной, раскованной девушкой, которая больше всего на свете любит веселиться. В следующих главах я обязательно к ней вернусь.

– Она очень хорошая девушка, Паркер.

– Кто? Стриптизерша с попой в форме сердечка?

Майкл недовольно поморщился, и Паркер выругался вполголоса. Похоже, его друг твердо решил поговорить с ним о Марис, а Паркер знал – если уж Майклу что-то втемяшилось в голову, он от своего не отступит.

Протяжно вздохнув, Паркер положил свои заметки на рабочий стол, решив, что чем скорее он покончит с неприят-

ной темой, тем лучше.

– Во-первых, она не девушка, а женщина – взрослая замужняя женщина. Во-вторых, я что-то не помню, чтобы я говорил, будто она – плохая. Наоборот, она очень мила: всегда говорит «спасибо», «пожалуйста», пользуется салфеткой и прикрывает рот, когда собирается зевнуть.

Майкл с упреком покачал головой:

– Согласись, она оказалась совсем не такой, как ты рассчитывал.

– Да, Марис на пару дюймов выше ростом и полнее в груди, – ответил Паркер и был награжден еще одним сердитым взглядом. – Ну, чего ты от меня хочешь?.. – Паркер развел руками. – Чтобы я сказал, что она не сноб? О'кей, я это сказал. Что еще?

– Ты ожидал, что увидишь перед собой избалованную, богатую девчонку...

– И при том – законченную стерву.

– ...Агрессивную, упрямую, эгоистичную...

– Этакую амазонку, которая терпеть не может мужчин.

– ...Которая ворвется на твой тихий маленький остров, чтобы смутить твой покой и заставить нас испытать комплекс неполноценности своей спесью и своим нью-йоркским произношением. Но этого не случилось. Марис оказалась... Впрочем, ты лучше меня знаешь, какой она оказалась. Как бы там ни было, – добавил Майкл после небольшой паузы, – она ведь произвела на тебя впечатление, не так ли?

Да, она произвела на него впечатление, но совсем не такое, на какое рассчитывал Паркер. И теперь он не знал, что делать.

Взгляд его упал на стоявшую на журнальном столике вазу. Во время одной из своих утренних прогулок Марис набрала веточек жимолости и попросила позволения поставить их здесь, чтобы «немного оживить комнату», как она выразилась. Майкл, которого она совершенно очаровала, перерыл вверх дном всю кухню, пока не отыскал для них подходящую посудину. Цветы простояли в «солярии» почти неделю, наполняя воздух нежным, пьянящим ароматом, но теперь они увяли и почернели, а из вазы ощутимо тянуло болотом. Паркер, однако, так и не собрался попросить Майкла выбросить букет; сам он тоже не проявлял инициативы. Похоже, цветы, собранные ее рукой, стали для них своеобразным сувениром, с которым они оба никак не решались расстаться.

Кроме цветов, о Марис напоминали и ракушки, найденные ею на океанском берегу. Они были разложены на одной из тумбочек, на которой Марис разбирала свою добычу. Паркер отчетливо помнил, что, когда она вернулась с пляжа, ее босые ноги были запорошены бархатным влажным песком. При каждом шаге песок сыпался на пол, оставляя на нем следы, которые Марис – несмотря на все протесты Майкла – сама же и убрала, вооружившись найденными на кухне метелкой и совком.

Наполовину засохшая герань на подоконнике снова ожила

и тянула к солнцу молодые зеленые листочки, так как Марис не только регулярно ее поливала, но и передвинула горшок на другое, более подходящее место.

Два модных журнала, которые она листала, пока Паркер работал над очередной главой, по-прежнему валялись на кресле, в котором она сидела. Тут же, на диванчике, лежала обшитая тесьмой подушечка, которую Марис прижимала к груди, когда он зачитывал ей отрывки из своей рукописи.

И так везде, куда бы он ни посмотрел, его взгляд без труда находил что-то, что напоминало о ней.

– Марис – умная женщина, и она это доказала, – сказал Майкл. – Умная, но ранимая.

Майкл говорил тихо, почти шепотом, словно дух Марис все еще витал в этой комнате и ему не хотелось его спугнуть. Паркера это раздражало сильнее, чем если бы Майкл принялся водить по стеклу гвоздем. Что за глупость! Ведь он почти старик, а ведет себя как сентиментальный идиот, как влюбленный мальчишка! Впрочем, если говорить откровенно, то и сам Паркер держался немногим лучше.

Ну кто, скажите на милость, сказал, что «солярий» непременно надо оживлять?! Пока Марис не было, он чувствовал себя здесь отлично, но стоило ей шагнуть на порог, и он сразу размяк и начал потакать ее бабским капризам!

– Не стоит обманывать себя, – сказал Паркер голосом, который прозвучал чуть более хрипло, чем ему хотелось. – Она разыграла чувствительную, тонкую штучку только за-

тем, чтобы получить мою книгу.

– Вот именно – книгу, а отнюдь не прибыль, не выгоду. Я уверен – ей наплевать, если «Зависть» не принесет ни цента или даже окажется убыточной. Ей нравится то, что ты пишешь и как!

Паркер с безразличным видом пожал плечами, но в глубине души он был доволен. Несмотря на то что Марис пыталась с ним торговаться, ее, похоже, действительно заинтересовала именно книга, а не то, сколько сможет на ней заработать издательство.

– ...Кроме того, Марис умеет посмеяться над собой, – добавил Майкл. – А это качество мне всегда нравилось в людях. В тебе, например, этого нет или почти нет. – Он искоса посмотрел на Паркера и закончил:

– Наконец, она просто красива.

– Угу... – буркнул Паркер.

– Стало быть, ты тоже это заметил? – усмехнулся Майкл.

– Я хромой, а не слепой, – огрызнулся Паркер. – Да, на нее приятно посмотреть... – Он сделал небрежный жест, который означал «Ну и что с того?» – Но ее внешность меня как раз не удивила – ведь мы видели в журнале ее фотографию.

– Честно говоря, портрет был хуже оригинала, – заметил Майкл.

– Говорю тебе – я знал, что она должна быть хорошенькой. Ной никогда не встречался с девушками, чью внешность можно было назвать хотя бы заурядной. Ему нравились кра-

сивые яркие девушки... Впрочем, – добавил Паркер мрачно, – если бы ему что-то понадобилось, он мог бы переспать и с жабой...

Майкл ничего не сказал. Так и не дождавшись его реакции. Паркер продолжил:

– Знаешь, я даже рад, что она оказалась хороша собой. Действительно рад!.. Тем приятнее мне будет осуществить мой план...

– Что ты собираешься предпринять? – осторожно спросил Майкл, и Паркер усмехнулся.

– Ты же знаешь – я никогда не обсуждаю сюжет будущей книги, пока не напишу хотя бы половину, так что тебе придется напрячь свои мыслительные способности.

– Ты собираешься использовать Марис?

– В самую точку, старина! – Паркер вытер со лба капельку пота. Кондиционер работал на всю мощность, но ему отчего-то было жарко. – А теперь давай закончим на сегодня. Мне нужно еще поработать...

Майкл спокойно допил лимонад, потом снова перелистал напечатанные страницы. Наконец он встал и, подойдя к Паркеру, протянул ему рукопись.

– Что ж, в целом все отлично. Не забывай только браниться поизобретательнее.

– Ладно уж, перехвалишь – на один бок кривым стану, – отмахнулся Паркер. – А твои замечания я учту.

Майкл направился к выходу, но на пороге остановился.

– Мне кажется, тебе стоит еще раз обдумать мотивировки... – проговорил он.

– Мои герои в этом не нуждаются – там все ясно и понятно.

– Я имел в виду вовсе не твоих героев... – ответил Майкл, но ему не хватило духа обернуться и встретиться с Паркером взглядом.

– Это комната всегда была моей любимой! – воскликнула Марис, наслаждаясь уютом домашнего кабинета отца, где они сидели вдвоем. Ною в последнюю минуту понадобилось срочно встретиться с менеджером контрактного отдела, чтобы обсудить несколько спорных договоров, и Марис пришлось отправиться к отцу без мужа. Ной обещал подъехать, как только освободится, но Марис была даже рада возможности побыть наедине с Дэниэлом. Со дня своего возвращения из Джорджии она виделась с отцом только дважды, да и то мельком, и несколько раз говорила с ним по телефону.

– Я и сам ее люблю, – признался Дэниэл. – Здесь я провожу почти все свое время. А когда ты со мной, комната нравится мне еще больше.

Марис рассмеялась.

– Ну, так было не всегда, – сказала она. – Я отлично помню времена, когда я приходила сюда, чтобы отвлечь тебя от работы, которую ты брал на дом, а ты меня прогонял. Вернее, пытался прогнать, но у тебя это получалось редко. – Она улыбнулась воспоминанию. – Я вела себя как овод, который пытается прогнать с луга быка.

Дэниэл вздохнул.

– Ах, как бы мне хотелось вернуть те времена, дочка, – сказал он. – Если бы это было возможно, я бы... Честное

издательское, я бы чаще ходил с тобой на каток и играл в «Монополию». Увы, теперь мне остается только сожалеть об упущенных возможностях.

– Не переживай! – Марис нежно погладила его по руке. – Я совсем не чувствовала себя брошенной. У меня было все, и у меня был ты!

– Спасибо на добром слове, но мне все же кажется – ты преувеличиваешь! – Это было сказано бодрым тоном, но Марис без труда расслышала в голосе отца затаенную грусть. Дэниэл был рад видеть ее, однако в его оживлении угадывалась какая-то напряженность. Даже привычная перебранка с Максиной выглядела так, словно оба играли хорошо заученную роль, и только улыбка Дэниэла, оставаясь прежней – сердечной и доброй, порой казалась искусственной.

– Что-то не так, папа? – осторожно спросила Марис. – Как ты себя чувствуешь?

– Честно говоря, дочка, мне действительно немного не по себе. Ведь утром похороны Говарда Бэнкрофта.

Марис сочувственно кивнула:

– Я тебя понимаю... Ведь дядя Говард был не просто нашим главным юрисконсультom. Он был добрым и преданным другом всем нам.

– Мне будет его недоставать. И не только мне, я думаю... Не понимаю, что толкнуло его на... на этот ужасный шаг?!

Было только естественно, что Дэниэл скорбит о своем старом и преданном друге, однако Марис подозревала, что дело

не только в этом. Быть может, подумалось ей, Дэниэлу передано ее собственное не особенно веселое настроение? Весь вечер Марис была задумчива и молчалива, и причин этому она могла найти только две: Ной и Паркер, Паркер и Ной...

О муже Марис думала больше. Объяснения, которые он ей дал, выглядели весьма правдоподобно, к тому же слова Ноя подтвердил и сам Дэниэл. И все же Марис казалось странным, что отец и муж не удосужились сообщить ей о таком важном деле, от которого, без преувеличения, зависело будущее «Мадерли-пресс». Да, в последнее время она действительно была занята по горло, но все же не настолько, чтобы от нее следовало скрывать подобную информацию! Кроме того, по своему положению в компании она обязана быть в курсе всех дел. Старший вице-президент фирмы просто не имеет права находиться в неведении, когда речь идет о столь важной вещи, как предложение о слиянии, и ее статус жены и дочери не должен был повлиять на решение Дэниэла и Ноя ничего ей не сообщать. Либо она заслуживает их доверия, либо нет – третьего не дано.

Однако вовсе не это разозлило Марис больше всего. Ее привело в ярость то, как небрежно Ной отмахнулся от всех ее требований, будто она милая, но глупая девчонка, которая хороша в постели, но ничего не смыслит в бизнесе. Он поступил с ней как с ребенком, которого легко можно отвлечь от баловства со спичками, пообещав мороженое или сунув в руки леденец.

Да, то, как Ной с ней обошелся, было еще унижительнее, чем его оскорбительные сексистские выпады. Неужели он всерьез считал, что ее можно просто погладить по головке – и она успокоится?!

– Марис!

Она подняла голову и улыбнулась отцу.

– Прости, я немного задумалась...

– О чем, если не секрет? Марис пожала плечами.

– О, в последнее время у меня так много всего на уме...

Сразу и не расскажешь.

– В таком случае плесни мне еще виски с содовой. Марис заколебалась, и Дэниэл раздраженно махнул рукой:

– Знаю, знаю, ты тоже считаешь, что я слишком много пью. Кстати говоря, твоего Ноя с его «мужскими разговорами» я вижу насквозь. Я сразу понял – это ты его подослала!

– Я не имею ничего против виски, – возразила Марис. – Говорят, виски даже расширяет сосуды и снимает стресс. Дело не в нем, а в твоих больных ногах. Как ты будешь подниматься по лестнице, если и без виски это для тебя достаточно трудно?

– Ну, если я напьюсь, ты всегда сможешь дотащить меня наверх, закинув за спину. Как тебе такой план?..

Окинув Дэниэла критическим взглядом, Марис взяла у него стакан и подошла с ним к бару.

– Кстати, и сама выпей, – добродушно сказал Дэниэл. – Мне кажется, тебе это не повредит.

Марис налила отцу скотча с содовой, а себе – бокал «Шардонэ».

– С чего ты взял? – спросила она, поворачиваясь к отцу.

– С чего я взял, что тебе необходимо снять стресс? – Дэниэл улыбнулся и принялся набивать трубку. – Все очень просто, дочка. Сегодня у тебя весь вечер такое лицо, будто твой любимый щенок удрал из дома.

Он был прав. Гнетущее чувство потери преследовало Марис почти постоянно, и она знала, кто тому виной.

Паркер Эванс, кто же еще?

Поставив перед отцом стакан с виски, она села в кресло и оглядела – в который уже раз! – собрание переплетенных в кожу первых изданий, стоявших за стеклянными дверцами в массивном шкафу. Каждая книга здесь стоила несколько сотен или даже тысяч долларов, поэтому не удивительно, что все они содержались в образцовом порядке. И сразу же ей вспомнились потрепанные книги в особняке Паркера – книги на полках, на подоконниках, на полу, на сиденьях плетеных кресел. Дэниэл не допустил бы у себя ничего подобного – даже если предположить, что он стал бы терпеть у себя в кабинете какие-то плетеные кресла! Мебель в его доме была добротной и дорогой, а камин, у которого он любил посидеть с книгой и трубкой в зубах, был вывезен из Италии – из какого-то дворца, принадлежавшего разорившемуся дожу.

Размышляя обо всем этом, Марис неожиданно поймала себя на том, что, как ни дороги ей воспоминания детства,

она скучает по острову Санта-Анна – по скрипучим дубовым полам в особняке Паркера, по светлому и просторному «солярию», по старинной ванне на медных «львиных лапах» и уютному гостевому домику на обрыве, Ей не хватало звона посуды, доносившегося из кухни, где хозяйничал Майкл, не хватало перестука компьютерной клавиатуры, на которой Паркер двумя пальцами набирал очередную страницу своей «Зависти». Марис с грустью подумала о том, что она еще долго не услышит звона цикад и шороха прибоя за окном, сладкого запаха цветущей жимолости и не увидит Паркера...

Да, продолжать обманывать себя было бы глупо. Ей не хватало Паркера, и Марис ничего не могла с этим поделать.

– Ты думаешь о нем? – мягко спросил Дэниэл, нарушив течение ее мыслей. – Это он тебя так расстроил?

– Расстроил? Ну, я бы не сказала... – Марис решительно качнула головой. – Скорее, разозлил. Иногда мне казалось – так бы его и задушила, если б могла! Он меня постоянно провоцировал – каждую секунду от него можно было ждать какого-нибудь подвоха. А его отношение к писательскому ремеслу... Этот человек органически не приемлет критики; каждый раз, когда даешь ему совет, он принимается спорить, причем его аргументация носит эмоциональный, а не рациональный характер. И хотя замечания он старается учитывать, сразу было видно – ему очень не нравилось, что какая-то нью-йоркская фифа пытается им командовать. Кроме того... – Марис немного помолчала, прежде чем про-

должить. – Кроме того, этот уединенный островок, каким бы райским уголком он ни был, стал для него своего рода укрепленным бастионом. И он засел в нем, чтобы держать оборону против всего света, хотя на самом деле ему просто необходимо быть среди нормальных, живых людей, среди собратьев по перу, издателей. Я-то хорошо знаю, как писатели заинтересованы в том, чтобы продвигать, рекламировать свои рукописи; обычно автор хватается буквально за любую возможность издать свою книгу, а он... Он делает вид, что он выше этого. Но я-то знаю, что это не так. И главная причина, по которой он предпочитает уединение, – это его инвалидность.

– Инвалидность? – переспросил Дэниэл.

– Разве я тебе не сказала? – удивилась Марис. – Он передвигается в инвалидной коляске. Я тоже этого не знала, пока не попала на остров. Поначалу это меня просто потрясло. Из нашего телефонного разговора нельзя было понять, что у него есть какие-то проблемы со здоровьем. Впрочем, по прошествии какого-то времени я... Нет, нельзя сказать, чтобы я привыкла – тут все гораздо сложнее. Понимаешь, когда я смотрю на него, я даже не замечаю его коляски.

Марис немного помолчала, пораженная тем, насколько точно соответствовали истине эти ее слова. Она действительно перестала замечать инвалидную коляску Паркера и его покалеченные ноги, но вот в какой момент это произошло, она затруднялась сказать.

– Должно быть, – продолжила Марис после паузы, – все дело в том, что он очень сильная личность. Это доминирующая черта его характера, которая делает все остальное не существенным, неважным. И знаешь, он прекрасно владеет языком. Я больше чем уверена, что непристойности, которые он не стесняется произносить вслух – тоже способ самозащиты, который он для себя изобрел. Во всяком случае, в его текстах непристойных выражений почти нет – кроме случаев, когда они абсолютно необходимы, – и это его выдает.

Он не чужд юмора, но его юмор довольно своеобразен и не всегда безобиден. Впрочем, в подобных обстоятельствах человек, вероятно, имеет право ворчать, жаловаться и даже мстить тем, кто здоров и способен передвигаться на своих ногах. В особенности такой человек, как он, – ведь он молод, и ему вдвойне обидно, что он не может... Одним словом, эта его раздражительность не только понятна, но и простительна, но... – Марис поколебалась. – Я вовсе его не оправдываю, папа, потому что на самом деле он ведет себя глупо. Он стесняется своих шрамов, не понимая того, что люди – в том числе женщины – могут находить его привлекательным. Я бы не сказала, что он... красив, но... В нем есть некий природный магнетизм, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Кажется, он излучает энергию, даже когда сидит неподвижно. А стоит ему заговорить, и вовсе чувствуешь себя как под гипнозом. Я испытала это на себе и скажу откровенно: слушая его, очень трудно думать о чем-нибудь постороннем, кроме

предмета разговора. Этой гипнотической силой он наделен в избытке – должно быть, в качестве компенсации за его ограниченную подвижность.

Марис посмотрела на отца, который внимательно ее слушал, и добавила:

– Только не подумай, будто он этакий subtilный крючок и при том – гигант духа! На самом деле он довольно неплохо развит физически. Видел бы ты, какие у него руки!..

Его руки... Марис отлично помнила, как они удерживали ее голову во время поцелуя, с какой силой они сжимали ее бедра, когда он схватил ее в джине. Но эти руки умели быть нежными и мягкими – Марис почувствовала это, когда он вынимал запутавшийся у нее в волосах лист. В другой раз она показывала ему найденную на берегу раковину. Тогда Паркер провел пальцем по ее затейливым завиткам с такой осторожностью, словно боялся невзначай раздавить хрупкую вещь. Такое прикосновение способно было заставить любую женщину замереть и затаить дыхание.

– В общем, – сказала Марис взволнованно, – более сложного и противоречивого человека я, пожалуй, не встречала. Но он очень талантлив... – На мгновение она представила себе лицо Паркера и добавила почти против собственной воли:

– Хотя он зол, очень зол на всех или, быть может, на кого-то... Это тоже чувствуется в том, как он пишет, хотя иногда это прорывается, даже если он спокоен или шутит с Май-

клом. Да и в его улыбках есть что-то... тревожное, какое-то двойное дно. Больше всего это похоже на жестокость, хотя я и не верю, что он жесток по складу характера. Скорее всего, это все та же озлобленность.

В одной из глав романа есть описание гнева, которое Рурк испытывает к Тодду. Он сравнивает его с темно-стального цвета змеей, которая бесшумно скользит в спокойной черной воде. Она почти не поднимается на поверхность и ничем не выдает своего присутствия, и тем не менее змея здесь – грозная, зловещая, готовая неожиданно ужалить, отравить врага своим ядом. Знаешь – это меня потрясло! Рурк – и автор – понимают, что гнев способен погубить не только того, против кого он направлен, – гнев убивает и того, кто несет его в сердце. Такое можно написать только основываясь на личном опыте. Впрочем, – перебила сама себя Марис, – возможно, я преувеличиваю, и все дело только в том, что он чувствует себя ущемленным и завидует всем, кто здоров. И все же... все же мне кажется – есть что-то, что я пропустила, не заметила...

Она вдруг негромко рассмеялась и отпила глоток вина.

– Интересно было бы узнать, что это может быть? Этот человек уже преподнес мне несколько сюрпризов, и не все они были приятными. – Марис слегка пожала плечами:

– Вот, пожалуй, и все, папа. Ну как, ответила я на твой вопрос?

Некоторое время Дэниэл задумчиво разглядывал ее, про-

должая машинально набивать трубку табаком. Курил он теперь редко, но Марис знала – отказаться от самого ритуала Дэниэлу было гораздо труднее, чем от никотинового допинга. Кроме того, отец всегда говорил: чтобы собраться с мыслями, что ему необходимо чем-то занять руки.

– Вообще-то, – проговорил наконец Дэниэл, – я спросил тебя о Ное, а не об этом твоём гениальном и сердитом авторе.

Марис почувствовала, что её лицо заливается краской. Добрых десять минут она расписывала Паркера, а оказывается, Дэниэл говорил о её муже.

– Ну, в общем... Он... Да, пожалуй. Я бы не сказала, что он меня расстроил, но... Честно говоря, мне действительно было неприятно узнать о его встрече с Блюмом. И ещё больше я была огорчена, что он ни слова мне не сказал об этом.

Отложив в сторону трубку, Дэниэл взял со столика стакан с виски. Задумчиво разглядывая янтарную жидкость, он спросил:

– Ной сказал тебе, что встречался с Говардом Бэнкрофтом в тот самый день, когда Говард покончил с собой?

Тон, каким был задан этот вопрос, заставил Марис вздрогнуть. Она сразу поняла – отцом движет не праздное любопытство, но, к чему Дэниэл клонит, Марис не понимала.

– Он... он упоминал об этом. Да.

– Ной побывал у Говарда меньше чем за два часа до трагедии.

Вино вдруг показалось Марис безвкусным, и она отстави-

ла бокал в сторону. Ладони у нее были влажными, и она машинально потерла их друг о друга.

– А о чем они разговаривали?

– Ной утверждает, что Говард хотел показать ему новый вариант лицензионного договора между «Мадерли-пресс» и одним из наших зарубежных партнеров. Ной одобрил все сделанные Говардом поправки. Так, во всяком случае, он утверждает.

– Ты... – Марис слегка покашляла. – У тебя есть какие-то сомнения?

– Для сомнений у меня нет оснований. Как будто нет, но...

Марис, затаив дыхание, ждала, что Дэниэл скажет дальше.

– Но?.. – не выдержала она наконец. Дэниэл покачал головой:

– Секретарь Говарда сказал мне, что в тот день его патрон ни с кем больше не встречался и что, когда он уходил домой, на нем лица не было.

– И что это значит?

– Это значит, что он выглядел весьма расстроенным. Во всяком случае, так показалось его секретарю. – Дэниэл отпил глоток виски. – Возможно, конечно, что одно никак не связано с другим. Говарда могло расстроить что-то совсем другое – например, какие-то личные проблемы, которые не имеют никакого отношения ни к Ною, ни к «Мадерли-пресс». К тому же у него недавно умерла мать, которую он очень любил...

Но Марис видела – Дэниэл сам не верит в то, что он только что сказал. В противном случае он бы не стал заводить этот странный разговор.

– Скажи честно, папа, неужели ты думаешь...

– Я вижу, вы начали без меня! – громко сказал Ной, распахивая широкие двойные двери кабинета. – Извините, что заставил вас ждать... – Он приблизился к Марис и поцеловал ее в губы, потом слегка причмокнул. – Отличное вино. «Шардонэ» и, кажется, очень хорошего года? – добавил Ной с видом знатока.

– Да, – подтвердила Марис и, встав с кресла, снова направилась к бару, стараясь скрыть от себя и от мужа свое волнение. – Налить тебе?

– Нет, спасибо, лучше я выпью то же, что и Дэниэл, только без льда. У меня был тяжелый день.

Пожав руку тестю, Ной опустился на низенький диванчик и принял из рук Марис бокал.

– Ну, за здоровье присутствующих! Кстати, Максина просила передать, что ужин будет готов через десять минут.

– Надеюсь, она не пересолила рагу, как в прошлый раз, – проворчал Дэниэл.

– Максина никогда не пересаливает, – возразила Марис, удивляясь про себя, как они могут так спокойно обсуждать столь тривиальные вещи, как пересоленная телятина, если всего несколько секунд назад разговор шел о загадочном самоубийстве Говарда.

– Пересолено оно или нет, вам лучше поспешить, иначе от него ничего не останется, – сказал Ной и первым поднялся с дивана. – Я просто умираю с голода!

«Возможно, одно никак не связано с другим», – пронеслось в голове у Марис. Ей очень хотелось этому верить, ведь речь шла не о ком-то постороннем, а о ее муже – о человеке, в которого она влюбилась когда-то и которого продолжала любить, о мужчине, с которым она делила постель и от которого хотела иметь ребенка.

– Идем, – сказала она, протягивая ему руку, и Ной рассеянно накрыл ее пальцы своей рукой, продолжая разговаривать с Дэниэлом. Этот жест выглядел таким семейным и глубоко интимным, что Марис почувствовала себя успокоенной.

Ужин прошел превосходно. Нежнейшее телячье рагу было выше всяческих похвал. К тому времени, когда Максина подала чай и тарталетки с лимонной цедрой, Дэниэл уже зевал. Сразу после ужина он попросил у Марис и зятя прощения, сказав, что хочет отдохнуть.

– Посидите еще, если хотите, – сказал он, вставая. – Максина приготовит вам кофе. А мне пора в постель – завтра я иду на похороны Говарда, нужно встать пораньше. – Он вздохнул. – Печальное событие, но ничего не поделаешь!

– Спокойной ночи, папа, – ответила Марис. – Но мы, пожалуй, тоже поедem. Сегодня у всех нас был тяжелый день.

Дэниэл первым вышел из гостиной. Марис задержалась и задержала Ноя. Как только дверь за папой закрылась, она повернулась к мужу и, привстав на цыпочки и взявшись за лацканы его пиджака, нежно поцеловала.

– Знаешь что, – сказала она, – я сейчас поеду домой, а ты еще немного побудь с отцом, ладно? Ной обнял ее за талию и привлек к себе.

– Мне казалось, на сегодняшний вечер у нас с тобой было запланировано одно мероприятие...

– Я помню, но мне хотелось попросить тебя об одолжении. Не мог бы ты помочь отцу лечь? Я знаю, это не твое дело, но...

– Да нет, пожалуйста...

– Понимаешь, папа всегда так сердится, когда речь заходит об этой ужасной лестнице и о том, как ему трудно подниматься наверх, а я имела неосторожность заговорить с ним об этом, когда наливала ему вторую порцию виски. Вот если бы ты придумал какой-нибудь предлог, чтобы подняться с ним, тогда это бы не выглядело, будто ты его сопровождаешь. А уж я бы постаралась тебя отблагодарить! – Она игриво ущипнула его за подбородок.

– Хорошо, дорогая, я все сделаю и поеду вслед за тобой. Они вышли в прихожую. Дэниэл уже ждал их, чтобы попрощаться. У самых дверей Марис притворилась, будто забыла взять из своей спальни на третьем этаже старую записную книжку.

– Ее придется искать, – сказала она. – Я не помню, где именно она лежит.

– Хочешь, я найду ее? – тут же предложил Ной. – А ты не жди меня – поезжай домой и ложись. У тебя усталый вид.

– Хорошо. Спасибо тебе, милый, – ответила Марис, гадая, удалось ли им провести Дэниэла или нет. Как бы там ни было, отец ничего не сказал, и Марис вздохнула спокойнее. По крайней мере на этот раз она не волновалась, что Дэниэл может оступиться на лестнице.

Потом они в последний раз пожелали друг другу спокойной ночи, и Дэниэл крепко обнял дочь.

– Как-нибудь расскажи мне поподробнее про эту новую книгу и ее автора. Судя по тому, что я сегодня услышал, это очень-очень необычный человек.

Напоминание о том, как она захлеб рассказывала отцу о Паркере, смутило Марис.

– Я буду рада узнать твое мнение, – нашлась она. – Завтра утром я сделаю копию с тех глав, которые он дал мне с собой, и пришлю тебе с курьером. Когда ты их прочтешь, мы с тобой встретимся и поговорим конкретно.

Дэниэл кивнул и несильно пожал ей руку. В этом рукопожатии было столько тепла и заботы, что Марис захотелось снова, как в детстве, забраться к отцу на колени, прижаться щекой к его груди и почувствовать, что все ее тревоги – сущие пустяки.

Но, к сожалению, это было уже невозможно. И в прямом,

и в переносном смысле она стала большой, и ее страхи и заботы были не детскими, а взрослыми. И далеко не всеми проблемами Марис готова была поделиться с отцом.

Ной обнял Марис за плечи.

– Дэниэл немного перевозбужден, – шепнул он. – Я хочу предложить ему капельку бренди, как только он уляжется. Сразу после этого я приеду.

– Хорошо, – так же шепотом ответила Марис. – Только поспеши, ладно? Я буду ждать.

Но Марис не сразу поехала домой. Ей было не по себе от того, что пришлось использовать в качестве предлога здоровье Дэниэла, чтобы заставить Ноя задержаться, однако другого выхода у нее не было. Да и не стала бы Марис обманывать мужа и отца, если бы не назойливые подозрения, которые в последнее время терзали ее постоянно.

Остановив такси, она назвала водителю адрес в Челси, где находилась новая квартира Ноя. Меньше чем через десять минут она уже стояла перед знакомой дверью, чувствуя, как часто стучит в груди сердце. Марис слишком боялась того, что она могла обнаружить в этой квартире.

Открыв дверь ключом, который остался у нее со дня вечеринки, Марис нащупала на стене выключатель и включила свет. В квартире стояла полная тишина – только негромко урчал кондиционер и капала на кухне вода из плохо закрытого крана.

Немного постояв на пороге, Марис шагнула в коридор, направляясь в кухню. По дороге она заглянула в гостиную, и ей показалось, что подушки на диване были недавно взбиты.

На кухне она машинально завернула кран и огляделась. В посудомоечной машине не было ни одной тарелки, мусорная корзина под раковиной тоже была пуста.

Марис задумалась. Приходящая прислуга? Ной не говорил, что нанял уборщицу, но это вовсе не означало, что он этого не сделал.

Вернувшись в коридор, Марис подошла к двери кабинета мужа и, взявшись за ручку, мысленно произнесла коротенькую молитву, хотя она не могла бы сказать, о чем, собственно, молится.

Потом она повернула ручку и толкнула дверь.

Окинув взглядом кабинет, Марис разочарованно привалилась плечом к дверному косяку. Кабинет выглядел так же, как в тот день, когда она была здесь в последний раз. Все вещи лежали на своих местах, словно с тех пор к ним никто не прикасался. В корзине под столом не было скомканных листов бумаги. На столе не валялись раскрытые справочники и записные книжки с пометками и загнутыми страницами. К экрану компьютера не было приклеено ни одного самоклеящегося листочка.

Марис хорошо знала, как выглядит – должно выглядеть – рабочее место писателя. В этом отношении оборудованный в «солярии» кабинет Паркера мог бы служить образцом. Шат-

кие стопки атласов и справочников, залитые кофе блокноты, компьютерные дискеты, отдельные листы бумаги с наскоро нацарапанными заметками, красные карандаши и маркеры, скрепки, словари, старые распечатки – все это было разбросано в полнейшем беспорядке, который обычно принято называть «творческим», однако Марис уже знала, что стоило Майклу что-нибудь тронуть или переложить на другое место, и Паркер устраивал другу грандиозный скандал. Это казалось невероятным, но он совершенно точно помнил, где что лежит, и требовал, чтобы все оставалось как есть. Майклу запрещалось даже прибираться в комнате, словно беспорядок помогал Паркеру сосредоточиться на работе.

Рабочее место Ноя, напротив, было в идеальном порядке, но, приглядевшись, Марис заметила тонкий слой пыли, покрывавшей клавиатуру компьютера. Если на ней когда-нибудь и работали, то довольно давно.

Марис выпрямилась. Ее сердце больше не билось как сумасшедшее – оно как будто заledenело.

Погасив свет, Марис вышла из квартиры на площадку и автоматически заперла за собой дверь, хотя, зачем она это делает, ей самой было непонятно – ведь внутри не было ровным счетом ничего, что было бы ей дорого.

Спускаясь по ступенькам, Марис со страхом думала о неизбежном объяснении с Ноем. Что она ему скажет? И что он скажет ей? Ной вернется домой в полной уверенности, что его любящая покорная жена с нетерпением ждет своего

ненаглядного супруга, чтобы заняться с ним сексом на ковре у камина. Она сама его к этому приучила, сама дала повод считать себя податливой и мягкой, как глина, из которой он может лепить все, что ни пожелает.

Он вернется домой в уверенности, что их спор из-за переговоров с «Уорлд Вью» давно забыт. Он по-прежнему будет думать, что никто не считает его причастным к самоубийству Говарда Бэнкрофта. Он, возможно, попросит налить ему перед ужином рюмочку бренди, так как сегодня он «набросал вчерне» пролог своего будущего бестселлера.

Но на этот раз вместо бренди он получит неприятный сюрприз.

Марис огляделась в поисках такси и сразу заметила остановившуюся невдалеке машину, из которой как раз выходил пассажир. На подобное везение Марис не рассчитывала, поэтому сразу подняла руку, подавая сигнал водителю освободившегося такси.

Рассчитавшись с пассажиром, таксист, не закрывая дверцы, лихо подкатил к Марис, но она на него даже не взглянула. Взгляд ее был прикован к мужчине, который уверенно взбежал по ступеням такого же трехэтажного дома из красного кирпича и вошел в подъезд с таким видом, словно торопился домой после долгого и трудного рабочего дня.

Медленно опустив руку, Марис махнула водителю в знак того, что машина ей не понадобится, а сама зашагала вдоль тротуара к дому, в котором скрылся мужчина.

Дом был очень похож на тот, из которого она только что вышла. Подъезд был не заперт, консьержа в вестибюле тоже не оказалось, и Марис никто не остановил. Подойдя к почтовым ящикам на стене, она принялась изучать таблички с фамилиями жильцов. Один из ящиков привлек ее внимание. На нем не было таблички, а это означало, что квартира 2-А либо свободна, либо ее владелец получает почту по другому адресу.

Марис поднялась по лестнице и остановилась у дверей квартиры 2-А. Она была на удивление спокойна. Решительно постучав, Марис повернулась так, чтобы ее лицо было хорошо видно в дверной «глазок».

Прошло несколько секунд, дверь распахнулась, и Марис оказалась лицом к лицу с Надей Шуллер. На ней был только тонкий шелковый халатик, небрежно завязанный поясик которого она еще не успела выпустить из рук.

Лицо ее не выражало ни смятения, ни неловкости. Надя вызывающе улыбнулась и распахнула дверь шире, и взгляд Марис невольно устремился в глубь квартиры. В узком коридорчике она увидела Ноя, который вышел из кухни с двумя стаканами в руках.

Увидев жену, Ной остановился как вкопанный.

– Марис?!

– Надеюсь, – вставила Надя, – вы оба достаточно воспитанные люди и не станете разыгрывать здесь пошлую мелодраму?

Но Марис не слышала ее слов. Взгляд Марис был устремлен на мужа. Она словно впервые видела этого человека, невозможно было и представить себе, что ее Ной с его безупречным вкусом, с его умом и интеллигентностью может изменить ей с этой вульгарной женщиной.

– Не надо извиняться и «все объяснять», – сказала она холодно. – Ты лжец и предатель, и я больше не желаю тебя видеть. Я хочу, чтобы отныне ты больше не показывался мне на глаза. Никогда! Я сейчас же позвоню Максине; она соберет и передаст тебе твои вещи, потому что я не хочу к ним даже прикасаться. Между нами все кончено!

С этими словами она повернулась и, стремительно сбегав по лестнице вниз, выбежала на улицу. Марис не плакала – ее глаза были совершенно сухими. Она не испытывала ни гнева, ни сожаления, ни боли. Она и сама еще толком не осознала, что произошло, но какое-то необъяснимое облегчение пришло в ее сердце.

Но далеко она не ушла. Догнав, Ной грубо схватил ее за руку и рывком повернул к себе. На губах его играла холодная злая усмешка, которая испугала Марис.

– Ну что ж, Марис, очко в твою пользу... – прошипел он. – Вот уж не ожидал, что у тебя хватит ума следить за мной!

– Отпусти меня сейчас же! – Марис попыталась вырваться, но Ной держал ее крепко. Его пальцы лишь еще сильнее впились в руку Марис.

– Заткнись и слушай!.. – Он так резко встряхнул ее, что

Марис прикусила язык и вскрикнула. – Я же тебя выслушал, Маленькое Отважное Сердце! Твоя речь произвела на меня сильное впечатление – особенно твои заключительные слова. «Между нами все кончено!» – это надо же!.. По-моему, этот затертый штамп давно перестали употреблять даже графоманы. Пожалуй, дорогая, мне придется сказать тебе, как все будет на самом деле, чтобы ты не питала пустых иллюзий. Наш брак всегда был таким, каким хотелось мне, и таковым он и останется! Я уйду из твоей жизни только тогда, когда я захочу, а не когда захочешь ты. Это тебе понятно, Марис? Все будет так, как решу я. Тебе придется подчиниться. Поверь – у тебя нет другого выхода.

– Ты делаешь мне больно, Ной! Ной рассмеялся.

– Я еще даже не начал делать тебе больно, – процедил он сквозь зубы и в подтверждение своих слов так стиснул ее руку, что у Марис потемнело в глазах. Но хотя от боли у нее по щекам покатались слезы, сдаваться она не собиралась. – Так вот, – продолжал Ной, – пока мы вместе, я буду делать, что захочу. Я буду на твоих глазах трахаться с Надей, а ты будешь подавать нам кофе в постель и молчать, как подобает послушной маленькой женушке, ясно? Иначе я превращу твою жизнь и жизнь тех, кто тебе дорог, в ад. Ты ведь знаешь – мне это по силам. – Он наклонился к ней, и его глаза угрожающе сверкнули. – И я сдержу свое обещание!

Ной отпустил ее так внезапно, что Марис, не ожидавшая этого, покачнулась и больно ударилась спиной о стальную

решетку, которой были отгорожены мусорные контейнеры. Но Ной даже не взглянул на нее. Повернувшись, он зашагал назад – к дому Нади.

– Не жди меня, сегодня я домой не приеду, – бросил он через плечо и скрылся в подъезде.

Проводив Ноя взглядом, Марис еще долго смотрела на захлопнувшуюся за ним дверь. Страха она почти не испытывала – в душе Марис бушевали совсем другие эмоции. Несмотря на то, что рука и спина немилосердно ныли, а во рту стоял металлический привкус крови, она до сих пор не верила тому, что только что произошло. Неужели Ной и вправду ей угрожал? Неужели он действительно готов исполнить все, о чем говорил?

Потом Марис начало тряссти. Только сейчас все происшедшее предстало перед ней в реальном свете. Оказывается, она совершенно не знала своего мужа! Человека, в которого она была влюблена, на самом деле вообще не существовало. Ной играл роль, и играл настолько убедительно, что она ему поверила. Зная, что Марис очарована Сойером Беннингтоном, он искусно подрожат персонажу собственной книги и ни разу не отступил от этого образа ни на дюйм.

Вплоть до сегодняшнего дня – ни разу...

Марис содрогнулась, поняв: только что она познакомилась с настоящим Ноем Ридом!

«ЗАВИСТЬ»

Глава 15

Ки-Уэст, Флорида

1987 год

– Рурк? Это ты?

Рурк с силой потер слипающиеся глаза и крепче прижал к уху телефонную трубку.

– Алло? Кто говорит? – спросил он сиплым со сна голосом.

– Ты спишь?

Будильник показывал половину пятого утра, а он лег только в три. Ночной клуб, где они с Тоддом подрабатывали, закрывался в два пополуночи, но Рурку часто приходилось задерживаться и после закрытия, так как в его обязанности входило запирать и опечатывать кассовые аппараты. Ничего удивительного, что после восьмичасовой рабочей смены, которой предшествовало несколько часов напряженной работы за компьютером, Рурк спал как убитый.

– Да кто же это?! – воскликнул он, зевая во весь рот.

– Это я, Мария Катарина. Прости, что побеспокоила, но...

– А-а, это ты, Мэри... – Рурк спустил ноги с кровати и тотчас наступил на пустую жестянку из-под пива, которая громко хрустнула на бетонном полу. Рурк пинком отшвырнул ее под кровать. Тогда банка загремела еще громче, и Тодд что-то недовольно пробормотал в подушку, но не проснулся.

– Что стряслось?

– Я хотела спросить... Не мог бы ты прийти?

– Сейчас?!

Стриптиз-бар находился через несколько домов от клуба, где Рурк за стойкой обслуживал посетителей, а Тодд отгонял их машины на стоянку. По выходным или в свой обеденный перерыв приятели часто отправлялись посмотреть выступления девушек. Вскоре они познакомились с девушками настолько близко, что их стали пускать в бар бесплатно. Вышибала открывал им черный ход, и они наблюдали за представлением из-за кулис. Правда, им редко удавалось полюбоваться зажигательным танцем больше четверти часа, однако именно эти минуты скрашивали их унылое существование. Для того чтобы встречаться с девушками по-настоящему, приятелям не хватало денег. К счастью, три танцовщицы были к ним весьма расположены и изредка оказывали им услуги, так сказать, по-соседски.

Однажды Рурк вызвался отогнать машину

Звездочки на станцию технического обслуживания для замены масла и регулировки карбюратора. То, что механик сделал с «убитым» мотором ее тачки, не шло ни в какое сравнение с тем, что Звездочка в благодарность сделала с «мотором» Рурка, даром что она была профессионалкой высокого класса. По мнению Рурка, Звездочка затмила всех, с кем ему до сих пор приходилось встречаться.

Но этот телефонный звонок вряд ли означал предложение приятно провести время. Кроме того, Мария Катарина, или Мэри, как для краткости называли ее приятели, никогда не проявляла к Рурку романтического интереса. Она относилась к нему чисто по-дружески или, лучше сказать, по-сестрински, зато Тодд совершенно ее очаровал. Как было достоверно известно Рурку из первых рук, Мэри уже несколько раз переспала с Тоддом совершенно бескорыстно.

– Пожалуйста, Рурк... – жалобно сказала в трубке Мария Катарина. – Приходи! Я здесь совершенно одна и... В общем, я хотела попросить тебя об одном одолжении.

Сердце Рурка подпрыгнуло от радостной надежды.

– Конечно, Мэри. Уже иду.

– Только ничего не говори Тодду, ладно?..

Эта просьба несколько убавила его радость, так как Рурк уже предвкушал возможность утратить приятелю нос, переспав с одной из его девушек. В последнее время в своих отношениях с девушками Тодд стал потрясающе самонадеян.

Натянув шорты и майку, Рурк взял в руки сандалии и потихоньку выбрался из комнаты, стараясь не разбудить Тодда. Внизу он обулся и, перепрыгнув через окружавшую дом зловонную лужу, свернул за угол и двинулся по хорошо знакомой утоптанной тропинке, соединявшей оба дома. Нетерпение его было столь велико, что, поднимаясь по лестнице, Рурк прыгал сразу через две ступеньки и слегка запыхался.

Мария Катарина открыла дверь еще до того, как Рурк успел постучать.

– Заходи. Я видела тебя в окно.

Рурк шагнул в квартиру, стараясь никак не показать своего разочарования. Одного взгляда на девушку ему было достаточно, чтобы понять – его пригласили вовсе не для того, чтобы приятно провести время. Сейчас Мария Катарина меньше всего напоминала сногшибательную красотку, которая, скинув монашеский балахон, виртуозно играла в свете прожекторов с длинными черными четками. Не была она похожа и на фигуристую девчонку, которая, разбросав руки и ноги, загорала на крыше нагишом. На лице Мэри не было ни следа яркого грима. Нос и глаза у нее были красными, словно она недавно плакала; длинные волнистые волосы были небрежно стянуты резинкой, и одета Мэри была по-домашнему – в клетчатые хлопчатобумажные шорты и трикотажную кофту с растянутыми рукавами и воротом.

– Я тебя разбудила? – спросила она.

– Нет, – солгал Рурк. – Я работал.

– Но у вас не было света...

– Я обдумывал сюжет. Для этого свет не нужен.

– Понятно... – Мэри оттянула ворот кофты. – Мне очень не хотелось просить тебя об этом, но...

– Что-нибудь случилось?

– Да. У меня был выкидыш. Только что.

Несколько мгновений Рурк глупо тарачился на Мэри, не в силах произнести ни слова.

– У меня должен был быть ребенок, – продолжала Мэри. – Но вот, нет его... В общем, ты понимаешь. Мне срочно нужны лекарства, а я чувствую себя паршиво. Не мог бы ты сбегать в аптеку? Я знаю, где есть дежурная...

Рурк сглотнул застрявший в горле комок и кивнул.

– Конечно, – сказал он, облизав пересохшие губы. – Я буду только рад помочь. Слушай, а с тобой все в порядке? Выглядишь ты, честно говоря, неважно. Может быть, лучше позвать доктора, а? Я мог бы отвезти тебя в больницу, чтобы... чтобы они там все проверили.

– Нет, я в порядке. – Мэри со всхлипом вздохнула. – Я знаю, потому что... Это у меня не в первый раз. Рурк в замешательстве потер подбородок.

– Слушай, надеюсь, ты не... не сделала никакой глупости? Я хочу сказать – этот выкидыш... Может быть, ты нарочно?..

Мэри слабо улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Нет. Это просто случилось, и все. Должно быть, у меня что-то не в порядке в организме. В первый раз

я действительно пошла в клинику, чтобы они отсосали мне эту штуку вакуумом, но сегодня все случилось само. Боли начались у меня еще на работе, и я решила пойти домой, чтобы отлежаться. Ну вот и отлежалась!

Рурк с сочувствием кивнул, хотя, о чем идет речь, он представлял довольно слабо.

В ее глазах заблестели слезы, но, прежде чем Рурк успел что-нибудь сказать, Мэри отвернулась. Несколько раз шмыгнув носом, она достала из кармана деньги и вырванный из блокнота листок.

– Вот, я написала здесь, что мне нужно, – названия, дозировку и прочее. Ты, наверное, в этом не разбираешься.

– Аб... абсолютно, – Рурк попытался говорить небрежно, но поперхнулся. – Давай список – я все куплю, – добавил он серьезно.

– Денег должно хватить. Если все-таки не хватит – внизу я написала, что покупать не обязательно.

Рурк взял у нее деньги и список.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Мне кажется, я ничего не забыла. – Мэри пошатнулась и поспешно оперлась рукой о стену. – Слушай, я пойду лягу... Дверь я запираю не буду, чтобы не вставать лишней раз, о'кей?

– Хорошо. – Рурк кивнул и повернулся, собираясь идти, но Мэри неожиданно тронула его за плечо:

– Спасибо, Рурк. Огромное тебе спасибо...

Рурк ободряюще похлопал по лежащей у него на плече руке.

– Иди ложись, я постараюсь побыстрее вернуться. Не волнуйся. Все обойдется.

Когда Рурк вернулся, Мэри лежала на диване в гостиной. Одной рукой она прикрывала от яркого света глаза, другую положила на живот. Рурк решил, что она спит, поэтому старался двигаться как можно тише, но она услышала и, открыв глаза, слабо улыбнулась.

– Ты все купил?

– Кажется, да.

– Денег хватило?

– Хватило, хватило... Скажи лучше, почему ты не в постели?

– Там все... грязное, сам понимаешь.

– Угу. – Рурк положил пакет с лекарствами на пол возле диванчика и, выйдя в коридор, двинулся к спальне Мари.

– Рурк, не надо! – слабо запротестовала она и попыталась сесть, но Рурк жестом остановил ее.

– Займись лучше собой, а я пока там все уберу, – уверенно сказал он.

Рурк действительно все убрал, но это была долгая и неприятная работа.

Труднее всего было не думать о том, что делаешь. Рурку очень нелегко было отрешиться от мысли о том, что окровавленные простыни и прочее означают загубленную жизнь, которая еще даже не началась толком. По причинам, которые не были известны никому, кроме разве самого

господа бога, зародыш вдруг решил прекратить борьбу, сдаться, отступить. Рурку приходилось слышать мнение, будто самопроизвольный выкидыш – это хорошо замаскированная милость божья, так как матка, дескать, сама отторгает дефективный плод. В целом он был с этим согласен, однако сегодня он еще раз убедился в том, что теория подчас бывает достаточно далека от практики.

К тому же ему казалось, что никакая милость не должна сопровождаться таким количеством крови.

Возможно, впрочем, все дело было в том, что выкидыш случился на достаточно больших сроках.

Сдерживая подступавшую к горлу тошноту и отгоняя невеселые мысли, Рурк снял пропитавшуюся кровью простыню, пододеяльник и на матрасник, торопливо свернул все и затолкал в большой пластиковый пакет. Завязав его обрывком бечевки, он вынес пакет в мусорный бак за домом и снова поднялся в квартиру.

Мэри была в ванной комнате – Рурк услышал доносящийся из-за двери шум льющейся воды. Убедившись, что Мэри по крайней мере жива, он прошел в комнату и принялся рыться в шкафу в поисках свежего белья. Вынув чистые простыни, Рурк стал перестилать постель. Он почти закончил, когда в комнату вошла Мэри.

Отступив в сторону, Рурк жестом указал на кровать:

– Все готово, ложись.

– Спасибо. – Мэри легла со вздохом облегчения, и Рурк накрыл ее одеялом.

– Ты приняла тайленол?

– Целых три таблетки. Думаю, вреда от этого не будет.

– Согреть тебе чаю?

– Не надо. Ты и так очень много для меня сделал.

– Так ты хочешь чаю или нет? Она посмотрела на него и кивнула.

Через пять минут Рурк вернулся с кружкой горячего чая и пачкой сахара.

– Я не знаю, ты пьешь чай с сахаром или без. По-моему, сейчас тебе лучше выпить сладкого...

– Спасибо, Рурк, чай сейчас очень кстати. К тому же... раньше мне никто никогда не подавал чай в постель.

– А моя мама всегда готовила мне чай, когда я болел.

– Она была добрая?

– Очень добрая. Мне повезло. Мэри вздохнула.

– А моя мать выперла меня из дома, когда мне исполнилось пятнадцать.

– Почему?

– У нее был приятель. Он начал меня лапать, а мамаша его застучала.

– Почему же тогда она не прогнала его? Мэри рассмеялась, словно Рурк сказал что-то очень забавное.

– Ты славный парень, Рурк, – сказала Мэри. Рурк поморщился, и она поспешно добавила:

– Вообще-то, я хотела сказать тебе комплимент!

– Спасибо, но... – Рурк улыбнулся. – Я бы предпочел быть не славным, а крутым. Дерзким и опасным.

Улыбка Мэри погасла, а взгляд затуманился, словно обратившись внутрь.

– Это Тодд дерзкий и опасный.

Рурк промолчал и слегка подался вперед, собираясь встать.

– Ну, если тебе ничего не нужно, я, пожалуй, пойду...

– Подожди, Рурк!.. Ты был так добр, что... Я сама терпеть не могу девчонок, которые навязываются, но мне не хотелось бы оставаться сегодня одной. Побудь со мной еще немножечко, а? Хотя бы до тех пор, пока я не засну.

– Ну ладно...

– Тогда ложись сюда.

Рурк осторожно вытянулся рядом с ней. Мэри прижалась к нему всем телом, положила голову на плечо, и Рурк обнял ее одной рукой.

– Может, тебе все-таки стоит пойти к врачу? – спросил он.

– Не знаю... – протянула Мэри. – Врач должен сделать выскабливание, а мне очень не хочется проходить через эту процедуру.

Рурк не знал, что такое «выскабливание». Сначала он хотел спросить об этом Мэри, но потом передумал.

– Разве ты не принимаешь противозачаточные пилюли? – спросил он.

– Нет. От них я толстею, – объяснила Мэри. – А он забыл захватить презерватив. Во всяком случае, так он мне сказал. Наверное, я поступила глупо, что не

настояла.

– Действительно, глупо, – согласился Рурк. – Ведь беременность – это еще не самое страшное, что могло случиться.

– Я знаю, но он очень осторожен насчет болезней, – отозвалась Мэри.

– Значит, это был не случайный человек? – удивился Рурк. – Я хочу сказать – ты его хорошо знала?

– Слушай, Рурк, не спрашивай меня ни о чем, ладно? Не обижайся!

Примерно с полчаса они лежали молча и почти не шевелились, только Рурк лениво перебирал пальцами все еще влажные пряди ее волос.

– А знаешь, на самом деле меня зовут не Мария Катарина и даже не Мэри, – внезапно сказала она.

– А как? – спросил Рурк.

– Шейла.

– Очень красивое имя, – сказал Рурк. Он и правда так думал.

– Я назвалась Марией Катариной только для своего номера, – объяснила Шейла. – Ты, наверное, и сам догадался. Ты ужасно умный. – Она вздохнула. – А я бросила школу тогда же, когда мать выгнала меня из дома. Я тогда училась в десятом... Ну и дура же я была! – Шейла немного помолчала. – Скоро клиенты устанут от моего номера с четками, и мне придется придумать что-нибудь новенькое. У меня даже есть одна идея. Хочешь, скажу – какая?

– Хочу.

– Я оденусь русалкой. Для этого нужен рыбий хвост. Он должен выглядеть как настоящий, я хочу, чтобы он сверкал. И парик – длинный парик, лучше голубой с блестками или зеленый, чтобы волосы доставали до задницы, а может быть, даже до колен.

– Что ж, это отличная идея, – сказал Рурк, подумав. – Но тебе понадобится и новое имя. Я думаю, ты можешь назваться Лорелеей.

– Лоле... Роле... Как?

– Лорелея, – сказал Рурк, глядя в потолок. – О ней рассказывается в древних германских легендах. Лорелея жила на высокой скале в устье Рейна, и у нее был чудесный голос. Когда она пела, моряки забывали об опасности и направляли свои корабли прямо на скалы.

– Ты не выдумываешь? – с недоверием спросила Шейла. – Пожалуй, это надо запомнить.

– Я могу записать, чтобы ты не забыла. Шейла приподнялась на локте и посмотрела на него с восхищением и завистью:

– Вот видишь?! Я же говорю – ты офигительно умный!

Рурк рассмеялся. Шейла рассмеялась тоже, потом вдруг снова стала серьезной.

– Если хочешь, – сказала она, – можешь с ними поиграть!

Рурк посмотрел на нее. Шейла высоко задрала майку, обнажив крупные груди, которыми до сегодняшнего дня Рурк любовался только издали.

Теперь лишь считанные дюймы отделяли их от его глаз, губ, рук. И Шейла сама предлагала их ему.

Рурк протянул руку и... прикрыл ее грудь майкой.

– Что случилось?! – удивилась Шейла. – Сам понимаешь, трахаться я сегодня не могу, зато могу классно отсосать, если хочешь.

– Замолчи.

– Подумай как следует, Рурк. Я сделаю это только для тебя! – Она просунула руку Рурку под шорты и нащупала его напрягшийся член. – Мне давно было интересно, что ты там прячешь, – проговорила Шейла. – Звездочка у нас известная лгунишка, но насчет тебя она не соврала.

С этими словами она сжала его, и у Рурка перехватило дыхание. Тем не менее он решительно отвел ее руку в сторону.

– Не надо, Шейла, – сказал он. – Я... Это было бы не правильно.

– Как так?

– Ну, я бы не хотел воспользоваться моментом...

– Господи, Рурк, о чем ты?! Я знаю – большинство парней готовы убить за такую возможность, а ты отказываешься?! Неужели ты серьезно?

– Совершенно серьезно, хотя утром буду об этом жалеть. Шейла неожиданно хихикнула.

– Ты по крайней мере можешь подрочить у себя в душе, пока мы загораем. – Она посмотрела на его вытянувшееся лицо и снова улыбнулась. – Не такие уж мы глупые, Рурк, иначе зачем бы вам так часто мыться?

И именно в те часы, когда мы принимаем солнечные ванны? – Шейла снова опустила голову ему на плечо и добавила неохотно:

– Ты прав, конечно... Я паршиво себя чувствую, так что, наверное, не смогла бы обслужить тебя по первому разряду.

В ответ Рурк снова погладил ее по волосам.

– Тебе надо выспаться, Шейла. Завтра утром все, что произошло сегодня, будет казаться дурным сном.

Он продолжал гладить ее по спине и по волосам до тех пор, пока ровное дыхание не подсказало ему – Шейла-Мэри-Мария Катарина заснула. Тогда Рурк крепче прижал ее к себе и тоже закрыл глаза.

Когда на следующее утро Рурк вернулся в свою квартиру, Тодд уже встал.

– Где тебя носило? – осведомился он, на минуту оторвавшись от своего купленного в рассрочку компьютера.

– Гулял на берегу.

Тодд подозрительно прищурился.

– С кем?

– Один.

– Да ладно тебе!.. Как ее зовут?

– Я гулял один, – оборвал его Рурк.

– Ну ладно... – Тодд недоверчиво фыркнул. – Кофе готов, но молоко кончилось... – сказал он, задумчиво поглядывая на экран. – Если будет время, сходи в магазин. Кстати, хлеба тоже нет.

Ной решил дать Марис неделю.

Он считал, что жене, которая застала своего мужа на месте «преступления», нужен некий период времени, чтобы смириться со своим новым положением. По его мнению, семи дней Марис должно было хватить, чтобы зализать раны, нанесенные ее самолюбию. За этот срок бог создал мир; задача же, которая стояла перед нею, была куда скромнее.

Существовала и еще одна причина. Через неделю истекал срок, назначенный, а вернее – навязанный ему Блюмом, и Ной хотел, чтобы к этому времени он мог со спокойной душой сообщить своему новому партнеру, что все идет нормально.

Это было тем более важно, что Ной прекрасно понимал: он интересуется Блюма лишь постольку, поскольку является членом семейства Мадерли. И если Марис – а вслед за ней и Дэниэл – решат от него отделаться, сделка с «Уорлд Вью» будет сорвана. Вот почему перед встречей с магнатом ему необходимо было примириться – или создать видимость примирения – с Марис.

Ной даже готов был сам попросить у нее прощения, если по какой-либо причине Марис не сделает этого первой. Пусть ему придется унижаться и поползть перед ней на коленях – все это было сущим пустяком по сравнению с награ-

дой, которая ожидала его в ближайшем будущем.

Пока же Ной снял номер в «Плазе» и перевез туда свои вещи. Пусть Марис пока поживет одна, рассуждал он. Пусть перебесится. И пусть как следует подумает о том, что будет с ней и с Дэниэлом, если она все же решит с ним развестись.

«Ничего у тебя не выйдет, моя дорогая!» – думал Ной. Он был уверен, что высказался достаточно ясно, чтобы мысль о разводе могла прийти Марис в голову.

Но на следующее утро после ссоры у дома Нади Ною пришлось снова встретиться с Марис на похоронах Говарда Бэнкрофта. Это было очень некстати, но не пойти на похороны Ной не мог, чтобы не вызвать ненужных разговоров.

Когда Ной подъехал к синагоге, первым, кого он увидел, был Дэниэл. Он стоял у входа один, и по его виду Ной сразу догадался, что его тесть ничего не знает. Это был хороший знак.

Ной напустил на себя подобающий случаю печальный вид и, подойдя к тестю, обменялся с ним крепким рукопожатием.

Дэниэл спросил, где Марис.

– Я думал, она уже здесь, – ответил Ной. – Мне пришлось выехать раньше ее, чтобы заскочить в офис.

Похоже, Дэниэл ему поверил. Во всяком случае, он ничего не сказал и даже позволил Ною взять себя под руку и увести с улицы под крышу, когда пошел теплый летний дождичек.

Марис приехала несколько минут спустя. В черном траур-

ном платье она казалась бледной и болезненно худой. Черное ей не шло – Ной, во всяком случае, терпеть не мог, когда Марис облачалась в черное.

Заметив Ноя и Дэниэла, которые стояли у стены, ожидая ее, Марис на мгновение замедлила шаг потом высоко подняла подбородок и стала пробираться к ним сквозь толпу. Глядя на нее, Ной едва сдержал улыбку. Он твердо знал, что Марис не станет устраивать сцен ни здесь, ни на кладбище, как был уверен, что она ни слова не скажет отцу о том, как застала его у Нади. Для этого Марис была слишком горда, однако именно это делало ее такой предсказуемой.

И управляемой.

Нежно обняв отца, Марис спросила:

– Как ты, па?

– Хорошо, насколько это возможно в подобных обстоятельствах, – отозвался Дэниэл. – Мне жаль Говарда и жаль его семью... Может, пройдем вперед?

Марис кивнула и первой двинулась по проходу, постаравшись сделать так, чтобы Дэниэл оказался между ней и Ноем. Держалась она спокойно и с достоинством, как того и требовала обстановка, но Ной был уверен – Марис дорого бы дала, чтобы избавиться себя от его присутствия. При одной мысли о том, каким испытанием для нее будут эти похороны, он снова чуть не улыбнулся во весь рот.

На протяжении всей службы Марис всячески опекала Дэниэла и под конец даже выдумала какой-то предлог, что-

бы не ехать с мужем в одной машине, избавив Ноя от необходимости изображать заботливого супруга. В тот день он ее больше не видел.

В последующие дни Ной тоже не стремился остаться с Марис наедине. Во время совещаний и деловых встреч Марис делала вид, будто все в порядке. Это было тем более легко, что на работе они всегда старались не выставлять напоказ свои отношения, придерживаясь ровного делового стиля. Только изредка, на минуту уединившись, они позволяли себе объятия и поцелуи. Поэтому никому из сотрудников издательства и в голову не могло прийти, что между ними пробежала кошка.

В один из дней, точно зная, что Марис не будет дома, Ной зашел на старую квартиру, чтобы забрать кое-какие свои вещи. Принадлежащие ему книги и белье лежали на своих местах, что несколько не удивило Ноя. Марис так и не послала за Максиной, чтобы она упаковала его вещи, не желая доверять их секрет преданной отцу экономке. Сообщить ей, что они расстались, было равнозначно тому, чтобы известить об этом самого Дэниэла, а Марис, видимо, решила не расстраивать отца. Это тоже было обнадеживающим признаком. Похоже, Марис обдумала ситуацию и готова была согласиться на его условия.

Дэниэл по-прежнему пребывал в полном неведении. Он отвечал на звонки Ноя и разговаривал с ним по-дружески, как, собственно, и всегда. Ной продолжал, как было заведе-

но, навещать старика после работы, чтобы обсудить итоги дня. Их отношения оставались такими же, как были прежде, а это означало, что Марис страдает в одиночестве. Что ж – она сама виновата! Незачем было корчить из себя оскорбленную добродетель и предъявлять ему ультиматумы. Сама выставила себя на посмешище, так пусть теперь помучается!

Однако прошло несколько дней, но никаких попыток к примирению Марис не делала. Ной почувствовал, что начинает нервничать из-за затянувшейся неопределенности. Ему хотелось немедленно поговорить с Марис и положить конец этой глупости, однако он упрямо держался назначенного им самим недельного срока.

Впрочем, он заранее знал, как все будет происходить. Марис станет плакать, обзывать его, бросать ему в лицо оскорбительные слова, истерически вопрошать, как он мог так с ней поступить?! Он даст ей возможность выговориться, после чего она простит его, и они займутся сексом.

В своем сценарии Ной ни на секунду не усомнился. Он знал, что у Марис попросту не было другого выхода. Она должна была простить его хотя бы ради отца. Марис готова была идти на любые жертвы, лишь бы избавить Дэниэла от огорчений. Кроме того, она простит его просто потому, что женщины любят прощать мужчин – чтобы потом превратить их жизнь в ад. Ной был уверен, что Марис готовит ему нечто в этом роде, и хотя он, разумеется, не собирался позволять ей третировать себя, однако, имея в виду предстоящую сдел-

ку с «Уорлд Вью», он решил не спешить и не разочаровывать ее раньше срока. Всему свое время.

Пока же он наслаждался своим положением оставленного мужа. Марис не разговаривала с ним без крайней необходимости, и он был избавлен как от ее слюнявых нежностей, так и от мелочных придирок.

Правда, Ной пока не решил, как быть дальше с Надей. Теперь она требовала, чтобы он развелся с Марис, настойчивее, чем когда-либо, и Ною это стало надоедать. Сначала он старался сдерживаться, но напряжение между ними нарастало и, по иронии судьбы, достигло наивысшей точки в последний день назначенного им Марис недельного срока.

В тот день они встретились в одном из самых дорогих и модных ресторанов в деловом центре города. Позже к ним должен был присоединиться один из самых знаменитых авторов, работавших с «Мадерли-пресс», которого Надя давно хотела проинтервьюировать для своей колонки «Поговорим о книгах». Но писатель запаздывал, и, ожидая его, Нон и Надя заказали по коктейлю.

– Марис все о нас известно, – начала разговор Надя. – Так чего же ждать? Подай на развод, и вопрос будет закрыт.

– Я не могу расстаться с этой семейкой, пока не проверну сделку с «Уорлд Вью», – возразил Ной. – Неужели ты этого не понимаешь?!

– Разве одно связано с другим?! – Надя пожала плечами. – Интересно знать – как?

– Ты задаешь idiotские вопросы, – отрезал Ной.

Улыбка застыла на губах Нади. Эта оскорбительная реплика глубоко задела ее, и, будь они где-то в другом месте, она бы дала волю своему гневу. Но здесь и сейчас Надя ограничилась тем, что метнула на Ноя свирепый взгляд. Отпив глоток мартини, она поставила высокий стакан на стол и нервным движением поправила тройное жемчужное ожерелье на шее.

– Будь осторожен, Ной, – проговорила она негромко. – Не дай бог тебе меня разозлить!

Как и Надя, Ной не убрал улыбку со своего лица, но в его голосе зазвучал металл.

– Ты мне угрожаешь?!

– А ты в этом сомневаешься? По-моему, такой бездушный и хладнокровный ублюдок, как ты, должен прекрасно отличать угрозы от комплиментов.

– Да, я бессердечный, хладнокровный ублюдок, Надя, – спокойно подтвердил Ной. – Разве не поэтому ты со мной связалась?

Увидев, что писатель наконец прибыл и метрдотель ведет его к их столику, Надя ослепительно улыбнулась гостю и, наклонившись вперед, чтобы слышал ее один Ной, проговорила:

– Возможно. Только запомни – по этой части я могу дать тебе сто очков вперед!

Из ресторана Ной вышел вместе с Надей. У входа их жда-

ла арендованная машина с шофером, но Надя отказалась от предложения Ноя ее подвезти. Прощаясь с Надей, Ной сказал:

– Если я не особенно спешу с разводом, то только потому, что не хочу совершить ошибку, которая нам обоим будет стоить очень дорого. Мне нужна эта сделка, Надя, она нужна нам обоим. Но чтобы добиться цели, придется пойти на определенные жертвы. Я не могу развестись с Марис сейчас – это совершенно исключается! Надеюсь, ты понимаешь – почему?

К его несказанному облегчению, Надя улыбнулась.

– Да, конечно, я понимаю. Просто я хочу, чтобы все поскорее закончилось и мы могли быть вместе.

– Мне хочется этого не меньше твоего, – ответил Ной, делая шаг к ней. – Больше того: я хочу быть внутри тебя прямо сейчас!

Закрыв глаза, Надя качнулась к нему навстречу.

– Гадкий, гадкий, гадкий! – прошептала она. – Из-за тебя я возбудилась!

– Скорее бы шесть часов, правда?

Он быстро пожал ей руку и, сев на заднее сиденье ожидавшей его машины, самодовольно улыбнулся. Управлять Надей тоже оказалось просто – достаточно было заговорить с ней о сексе, и она таяла, забывая обо всем остальном. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Секс был центром ее вселенной, осью, вокруг которой вращался Надин

мир. Она могла быть счастлива, лишь когда чувствовала себя удовлетворенной физически, и Ной этим пользовался, чтобы окончательно подчинить ее себе.

Правда, порой она доставала его своим занудством буквально до печенок, но их сегодняшняя перепалка принесла ему и пользу. Ной решил, что пора наконец поговорить с Марис по душам.

«Пусть это будет, так сказать, генеральная репетиция», – решил он, поднимаясь на лифте на этаж, где располагались персональные кабинеты высших руководителей издательства. Толкнув ведущие в коридор стеклянные двери, он направился к кабинету Марис, но тот оказался закрытым.

Выходя из приемной, Ной столкнулся с секретаршей Марис Джейн.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Рид? – спросила она.

– Да. Я ищу Марис...

Джейн удивленно уставилась на него сквозь толстые стекла очков.

– Но... ведь ее нет! Разве вы забыли – Марис снова поехала в Джорджию!

Снова поехала в Джорджию?.. Вот дьявольщина! В его планы это совершенно не входило.

Ною понадобилась вся его находчивость, чтобы не выдать себя и не показать, что он слышит об этой поездке в первый раз.

– Я знаю, знаю... – пробормотал Ной. – Но она мне сказала, что заедет на работу по дороге в аэропорт, и я надеялся застать ее здесь.

– Вот как? – Джейн слегка приподняла брови. – А мне Марис ничего не сказала.

– Гм-м... Возможно, она передумала или уже не успевала заехать в офис. – Ной выдавил улыбку, надеясь, что она выглядит достаточно естественно. – Ладно, попробую позвонить ей на мобильный телефон.

Он позвонил Марис раз десять – не меньше, но каждый раз наткнулся на сообщение «голосовой почты». Было совершенно очевидно, что Марис не хотела ни с кем разговаривать, и до конца рабочего дня Ной мысленно проклинал ее и желал ее самолету разбиться в лепешку. Если бы сейчас она вдруг оказалась в пределах его досягаемости, он с наслаждением разорвал бы ее на куски голыми руками.

Ной считал, что Марис выбрала не самое удачное время, чтобы притворяться обиженной. В конце концов, разве он не предупредил, что не потерпит с ее стороны никаких выходов! Но нет – она, видите ли, решила показать свой гонор и именно в такой момент, когда от ее примерного поведения зависело многое, если не все!

Но, подумав как следует, Ной решил – наплевать на нее, пусть летит хоть в Джорджию, хоть к черту на рога. В конце концов, у него был документ, составленный Говардом Бэнкрофтом. Правда, Ной не собирался использовать его без

крайней необходимости, так как он мог придать предстоящей сделке сомнительный характер, а ему очень не хотелось, чтобы у Морриса Блюма возникли сомнения. Однако он все же запасся им на крайний случай; с тех пор документ лежал в секретной ячейке депозитного сейфа в банке как страховка, как последнее средство, к которому он мог прибегнуть в случае, если бы случилось что-нибудь непредвиденное.

Эти мысли успокоили Ноя, и он снова почувствовал прилив уверенности. В шесть вечера он вызвал такси и в начале седьмого был уже у Надиного дома в Челси.

Взбегая по лестнице на второй этаж, Ной уже предвкушал холодный коктейль, прохладный душ, жаркие объятия и активный, агрессивный секс. Он даже начал негромко насвистывать себе под нос, однако, когда он открыл входную дверь своим ключом и вошел, свист замер у него на губах. Навстречу ему из спальни, на ходу застегивая часы на руке, вышел накачанный молодой парень в черной майке и облегчающих слаксах, весьма выразительно подчеркивающих его несомненные достоинства. Небрежно кивнув Ною, парень подхватил на плечо спортивную сумку и преспокойно вышел из квартиры.

Он давно скрылся из вида, а Ной все стоял на пороге, закипая, как паровой котел. Чувствуя, что еще немного, и он начнет крушить все подряд, Ной постарался чем-то занять руки – поправил манжеты, нервно пригладил волосы и вытер с верхней губы капельки пота. Лишь почувствовав, что сно-

ва владеет собой, он подошел к двери спальни и осторожно ее приоткрыл.

Надя обнажённая лежала на широкой кровати, на влажных смятых простынях. Ее волосы тоже были перепутаны и влажны от пота, а кожа блестела от испарины.

Увидев Ноя, Надя улыбнулась мечтательно и сонно.

– А-а, Ной, это ты?.. – протянула она. – Неужели уже шесть? Я и не заметила, как пролетело время.

Ной чувствовал, что набухшие сосуды на висках и шее вот-вот лопнут, но постарался, чтобы голос его звучал спокойно.

– Что это за тип?

– Так ты видел Фрэнки? Это мой новый личный тренер.

– И что ему здесь понадобилось?

Надя приподнялась на локте и посмотрела на Ноя с нескрываемой злостью:

– Ты задаешь идиотские вопросы, дорогой...

Дэниэл Мадерли закончил читать рукопись и, выровняв страницы, отложил ее в сторону. Некоторое время он задумчиво молчал, потом поднял голову и посмотрел на Марис:

– Это все, что у тебя есть?

– Пока да, – кивнула Марис. – С тех пор, как я вернулась, он прислал мне только эти несколько страниц. Я не раз звонила на Санта-Анну, чтобы поговорить с ним, но он не подошел к телефону. Я говорила только с Майклом – его помощ-

ником по хозяйству. Он сказал, что Па... автор в последнее время пишет очень мало.

– Интересно, почему?

– Мне кажется, он просто хандрит.

– Его оставила его муза?

– Не думаю, что дело в этом. Просто он упрям, как мул, а чтобы заставить мула работать, нужно его постоянно подгонять... – Она немного поколебалась и добавила:

– Вот почему я хочу снова туда поехать.

– В самом деле? – удивился Дэниэл. – Когда?

– Честно говоря, я заскочила к тебе по дороге в аэропорт.

– Понятно.

– Я хотела увидеть тебя и сказать «до свидания». И, разумеется, услышать твое мнение о том, что ты только что прочел.

После того как Марис застала Ноя с Надей, она почти сразу же решила уехать в Джорджию, но многочисленные дела задержали ее с отъездом почти на неделю.

Марис не обманывала себя: она ехала на Санта-Анну не столько из-за книги, сколько для того, чтобы разобраться в самой себе и в тех сложных чувствах, которые она питала к Паркеру. Ей хотелось быть справедливой к нему и к себе тоже, и прошедшая неделя предоставила ей прекрасную возможность как следует обдумать отношения, которые сложились между ними за несколько дней ее пребывания на острове. Кроме того, было бы не правильно поддаваться перво-

му же импульсу, первой реакции на неожиданные перемены, происшедшие в ее жизни. Меньше всего Марис хотелось выглядеть разозленной и мстительной женой – даже в своих собственных глазах.

Вот почему в прошедшие семь дней она не думала почти ни о чем другом. В последний день Паркер не на шутку разозлил ее, но, несмотря на это, уезжать с острова ей не хотелось. Теперь Марис могла себе в этом признаться. Больше того – с той самой минуты, когда она покинула Санта-Анну, больше всего на свете ей хотелось снова встретиться с Паркером.

Поначалу она старалась не думать об этом, но чувство вины продолжало жечь ее, словно раскаленные уголья. Ведь она была замужней женщиной, она поклялась перед алтарем хранить мужу верность и относилась к словам «пока смерть не разлучит нас» очень серьезно. Но теперь Марис знала, что клятва верности имела значение только для нее одной. Ной нарушил свой обет, а Надя, скорее всего, была отнюдь не первой женщиной, с которой он ей изменял. До брака у Ноя не было недостатка в подружках, так почему все должно было измениться после того, как он произнес ничего не значащие слова и обменялся с ней кольцами? Теперь Марис не верилось, что он мог в один день превратиться из ловеласа в примерного мужа. Больше того: его измена была, несомненно, неслучайной. Что ж, она поступит обдуманно и трезво, положив конец их браку, – заведя себе любовницу, Ной те-

рять право и привилегию называть ее своей женой.

Но даже если бы Марис ничего не знала об отношениях Ноя с Надей, она все равно бы ушла от него после того, что произошло между ними. Во время той ссоры Ной показал себя с такой стороны, что теперь Марис не испытывала к нему ничего, кроме отвращения и страха. Она не могла жить с человеком, который угрожал ей. А в том, что Ной способен привести свои угрозы в исполнение, сомнений у нее не возникло.

Итак, их браку – конец. Ной Рид превратился в прошлое. Теперь ей предстояло узнать, что ждет ее в будущем и найдется ли там место для Паркера Эванса. Этот вопрос был для нее, пожалуй, самым главным. Марис больше не могла отрицать или не замечать того, что ее влекло к Паркеру с необычайной силой. И дело тут было не в его уме или бесспорном таланте, как она пыталась себя уверить. Ее влекло к нему как к человеку и как к мужчине. Бессчетное число раз Марис вспоминала их поцелуй и воображала, как он снова прикасается к ней, прижимает к себе, целует в крепко сжатые губы...

Она не знала, способен ли Паркер заниматься любовью, в особенности – традиционным способом, но как раз это почти ее не занимало. Ей хотелось просто прикасаться к нему, прикасаться – и чувствовать ответные ласки. Марис мечтала о близости – о близости в их отношениях, но как этого добиться, она не знала.

Разумеется, оставаясь мужней женой, Марис не позволила бы себе идти на поводу у своих желаний. Даже до свадьбы, пока Ной за ней ухаживал, Марис не заглядывалась на других мужчин, но теперь, когда ее супружеские обязательства остались в прошлом, мысли о возможной близости с Паркером не покидали ее.

Когда Марис летела из Саванны в Нью-Йорк, она почти сумела убедить себя, что во всем была виновата обстановка жаркого тропического острова, которая и разбудила в ней эти фантазии. Она была почти уверена, что стоит ей вернуться в Нью-Йорк, и наваждение исчезнет и снова все пойдет по-прежнему. И к тому моменту, когда ее самолет приземлился в нью-йоркском аэропорту Ла-Гуардия, она уже не сомневалась, что в их отношениях с Ноем действительно наступил период некоторого охлаждения, который, однако, ничего не стоит преодолеть, а все бредовые идеи, которые приходили ей в голову на Санта-Анне, исчезнут раз и навсегда, как только их страсть разгорится с прежней силой.

Только теперь Марис понимала, как наивно и глупо с ее стороны было на это надеяться. Как она могла быть такой близорукой?! Неужели она одна не догадывалась об интрижке Ноя? Скорее всего, люди, с которыми она встречалась каждый день, обо всем знали, и только она одна оставалась в неведении. Или в глазах подчиненных она уже успела превратиться в трагикомический персонаж бесчисленных анекдотов и историй – в жену, которая узнает обо всем послед-

ней? Бедная, глупая Марис, думали сотрудники издательства, встречая ее в коридорах, в то время как Ной отправлялся на свидания с любовницей.

Марис хорошо знала, что в издательстве у Ноя есть не только противники, но и сторонники. В основном это были руководители среднего звена, перешедшие в «Мадерли-пресс» вместе с Ноем, когда Дэниэл пригласил его на работу, и их молчание было вполне объяснимо. Все они опасались за собственное благополучие, понимая, что развод означал для Ноя немедленное увольнение с поста вице-президента издательского дома.

Марис задумалась о том, как сообщить о разрыве отцу. Было ясно, что избежать этого невозможно, но она решила максимально оттянуть неприятное объяснение. Марис понимала: для Дэниэла это будет жестокий удар, так как в лице Ноя он терял не только зятя, но и своего протеже, человека, которого он своими руками ввел в руководство издательским домом. Она была почти уверена, что отец воспримет это сообщение с достоинством и мужественно, как на протяжении всей жизни он встречал любые разочарования и неприятности, и все же ей не хотелось расстраивать его раньше, чем необходимо. Правда, это означало, что ей еще сколько-то времени придется притворяться, будто у них с Ноем все идет отлично, однако ради спокойствия отца она готова была пойти даже на это.

Сейчас Дэниэл смотрел на дочь пристально и внимательно-

но, словно чувствовал что-то, и Марис стоило огромного труда не опустить глаза.

– Так что ты скажешь? – снова спросила она.

– О рукописи? – Дэниэл заворочался в кресле. – Скажу, что она интересна. Как издатель я бы порекомендовал тебе приложить все усилия, чтобы заставить автора довести работу до конца, и поскорее.

– В таком случае, – сказала Марис, вставая, – я увезу с собой в Джорджию твое благословение. Я тебя правильно поняла?

– А что думает Ной?

– Он еще не читал рукопись, но...

– Я говорю не о книге, Марис. Как Ной отнесся к тому, что ты снова собираешься в Джорджию, чтобы нянчиться с этим твоим автором?

– Я в его разрешении не нуждаюсь, – не сдержавшись, отрезала Марис, но, видя, что Дэниэл удивлен ее ответом, попыталась смягчить впечатление:

– Извини, папа, я не хотела быть резкой.

– Ничего страшного, тем более что я сам виноват. Я вовсе не собирался лезть в твои личные дела, просто...

– Ну, договаривай, раз уж начал, – подбодрила его Марис, видя, что отец в замешательстве замолчал. Дэниэл взял ее за руку:

– Просто я хорошо помню один случай, когда ты влюбилась сначала в книгу, а потом – в ее автора. Марис выдавила

улыбку.

– Ах вот ты, оказывается, о чем думаешь?! О том, что я, как школьница, способна влюбиться в автора понравившейся мне книги?

– Как я сказал, в мировой истории такие случаи уже бывали.

Марис покачала головой:

– Теперь я стала старше, умнее и... – «...И больше не повторю подобной ошибки», – чуть не сказала она. – ...Этот автор и эта книга не имеют никакого отношения к нашим с Ноем отношениям и к нашему браку. Совершенно никакого, уверяю тебя!..

И это была сушая правда. Марис уже решила, что не вернется к Ною независимо от того, увидится ли она с Паркером снова или нет. Их брак развалился не потому, что она встретила с Паркером или прочла его «Зависть», а потому, что Ной оказался совсем не таким, каким она его себе вообразила.

– Значит, Ной согласился тебя отпустить?

Почему-то мнение Ноя казалось Дэниэлу очень важным, и Марис не без раздражения подумала, что если бы он знал все подробности, то не задавал бы подобных вопросов. Марис очень хотелось закатать рукав и показать отцу синяки, которые за прошедшую неделю только слегка побледнели. Она хотела рассказать ему, как она до крови прикусила язык, и послушать, что он скажет, если она повторит угрозы, кото-

рыми осыпал ее Ной.

Но она промолчала. Марис знала, что Дэниэл будет потрясен не меньше, а может быть, даже больше ее. Возможно, несмотря на возраст, он сам отправится к Нюю, чтобы объясниться с бывшим зятем.

Именно поэтому она решила пока ничего не говорить отцу. Она сделает это позже – когда разберется со своими собственными чувствами и когда у нее будет собственный план организации работы «Мадерли-пресс» без Ноя. Только после этого она сможет разговаривать с отцом спокойно и аргументировано.

И, поглядев отцу прямо в глаза, Марис сказала твердо:

– Да, Ной не против моей поездки.

Дэниэл встал и, взяв ее лицо в ладони, крепко расцеловал в обе щеки.

– Во сколько у тебя самолет? Марис поглядела на часы.

– Ой, мне пора бежать, иначе я опоздаю. – Она обняла и поцеловала Дэниэла, стараясь, чтобы он не заметил выступивших у нее на глазах слез.

– Ты самый лучший, папа, и я ужасно тебя люблю! – прошептала она.

– Я тоже тебя люблю, Марис, – ответил Дэниэл и, мягко отстранив Марис, поглядел ей в лицо. – Ну а теперь беги, а то действительно еще опоздаешь из-за меня... А я никогда не прощу себе этого.

Паркер сам открыл ей дверь. Несколько секунд он удивленно смотрел на нее, потом сказал:

– Ты что-нибудь забыла?

– Ты чертовски любезен, Паркер.

– Спасибо.

– На здоровье. – Она смерила его взглядом. – Может, пригласишь меня войти?

Паркер немного помолчал, словно раздумывая, потом откатился вместе с креслом назад в прихожую, освобождая проход.

– А где Майкл? – спросила Марис, оглядываясь по сторонам.

– Поехал на материк за чаем, сахаром, кофе, перцем, туалетной бумагой и прочим.

– И оставил тебя одного?

– Я вполне способен сам о себе позаботиться, – не ответил, а скорее прорычал Паркер. – Если хочешь знать, до того, как появился Майкл, я несколько лет жил один. И неплохо справлялся. Кроме того, я вовсе не один...

«Он был с женщиной», – догадалась Марис. В самом деле, все признаки были налицо: рубашка Паркера была расстегнута, а волосы растрепаны больше, чем обычно. Кроме того, эта поездка Майкла за продуктами... Неужели кофе и чай

нельзя было купить на причале?

– Извини, я не хотела мешать... – пробормотала она, смутившись. – Я знаю, мне следовало позвонить и предупредить о своем приезде, но...

– Вот именно, – сердито заметил Паркер. – Но раз уж ты все равно здесь, тут уж ничего не попишешь. Проходи, присоединяйся к нам...

Развернув кресло, он покатил в столовую, и Марис неохотно последовала за ним. Она предпочла бы удрать, но никак не могла придумать подходящего предлога. Знакомиться с подружкой Паркера она была совсем не расположена.

По совести сказать, ей не хотелось знакомиться вообще ни с кем, но меньше всего с женщиной, которую Паркер пригласил к себе, чтобы приятно провести время. Во-первых, по сравнению с ней Марис бы выглядела настоящей растрепой: юбка помялась, на чулках появилась затяжка, а переброшенный через руку плащ, который пришелся очень кстати в Нью-Йорке, выглядел на острове столь же уместно, как водолазный костюм в центре Сахары.

А главное, ей очень не хотелось делить Паркера с кем бы то ни было.

Поставив дорожную сумку в коридоре, Марис кинула поверх нее плащ и несколько раз провела рукой по волосам, которые пришли в полный беспорядок во время поездки на катере. Это было все, что она успела сделать. «Ну, где ты там застряла?» – крикнул из столовой Паркер, и Марис, решив-

тельно вздохнув, шагнула под арку, соединявшую коридор и обеденный зал.

Ее беспокойство оказалось напрасным. Кроме Паркера, в столовой никого не было, и Марис посмотрела на него с недоумением.

Он, очевидно, догадался, о чем она собиралась спросить, так как поднял голову и кивком указал на потолок.

– Смотри!

Марис посмотрела на слегка покачивающуюся люстру.

– Я уже видела, – сказала она. – Там рядом находится вентиляционное отверстие, и поток воздуха...

– Очень удобное объяснение, – перебил ее Паркер. – Но совершенно не правильное. Люстру раскачивает призрак самоубийцы – на острове это известно каждому младенцу.

– Какого самоубийцы? – удивилась Марис, и Паркер вкратце пересказал ей историю о несчастном плантаторе.

– ...Все его идеи, призванные спасти семью от окончательного банкротства, были обречены с самого начала. Бакер только глубже увязал в долгах, – сказал он. – В конце концов он понял, что все бесполезно, и повесился прямо здесь, на крюке от люстры, – закончил Паркер.

– И ты действительно веришь, что его дух... или призрак... – Марис показала на люстру. – Что он до сих пор живет здесь?

– Черт, конечно!

– Разве это так приятно – знать, что в твоём доме водятся

привидения?

Паркер рассмеялся.

– Дух прожил здесь лет сто, прежде чем мы с Майклом сюда переехали, так что скорее уж мы завелись в его доме, а не наоборот. Но он, кажется, ничего против нас не имеет. Как правило... К примеру, сегодня призрак мистера Бакера решил составить мне компанию. С ним дьявольски приятно побеседовать!

Марис подозрительно уставилась на Паркера, но потом заметила на буфете откупоренную бутылку виски.

– Ты пьян! – воскликнула она.

– Нет еще, – возразил Паркер. – Но я к этому стремлюсь.

– Это заметно, – усмехнулась Марис.

Паркер подъехал к буфету и взял бутылку в руки.

– Не желаешь ко мне присоединиться? – спросил он через плечо.

– С удовольствием.

Паркер стремительно повернулся к ней. Ее ответ застал его врасплох, но гримаса удивления на лице Паркера тут же сменилась довольной ухмылкой.

– Порок вам очень идет, миссис Мадерли-Рид, – проговорил он. – Вам следует предаваться ему почаще. – Паркер взял с серебряного подноса чистый стакан. – Скажешь, когда хватит...

– Достаточно.

Он наполнил оба стакана – свой и ее, зажал их между но-

гами и подъехал к ней.

– Прошу.

Это была явная провокация. Глядя ему прямо в глаза, Марис протянула руку за бокалом.

– Смотри не перепутай...

Марис вытянула ближайший к ней стакан и поднесла к губам.

– Твое здоровье.

– Твое также... – Паркер залпом осушил свой стакан. Марис осторожно пригубила неразбавленный бурбон.

– Именно этим ты занимаешься вместо того, чтобы писать?

Паркер ухмыльнулся.

– Это тебе Майкл наябедничал?

– Ты перестал отвечать на мои звонки, и мне захотелось узнать причину.

– Ах он предатель!

– Кое-что я способна увидеть и сама.

– Я всегда знал – ты способная девочка.

– И все-таки, Паркер, почему ты перестал работать над «Завистью» и почему ты пьешь днем, один?

– А разве есть лучшее время, чтобы пить, за исключением, конечно, раннего утра и позднего вечера? Кроме того, все великие писатели были пьяницами. Разве ты этого не знала? Держу пари, старик Гомер посещал что-то вроде древнегреческого Общества анонимных алкоголиков. Все амери-

канские писатели, начиная с Эдгара Алана По и заканчивая Скоттом Фицджеральдом, все крупные писатели, я хочу сказать...

– Почему ты пьешь, Паркер? И не заговаривай мне зубы, пожалуйста!

– А почему ты приехала? – ответил он вопросом на вопрос.

– Я первая спросила.

– Потому что все наркотики у меня вышли, а повеситься на крюке от люстры мне будет трудновато, – усмехнулся он.

– Это не смешно, Паркер.

– Я и не собирался смеяться.

– Ты заговорил о самоубийстве. Это оскорбительно и... бестактно. Особенно сегодня. Только утром я побывала на похоронах близкого мне человека, который покончил с собой на прошлой неделе.

– Он тоже повесился на люстре?

– Нет, застрелился.

На этом их пикировка закончилась. Паркер отвернулся, и на протяжении нескольких минут ни он, ни она не произнесли ни слова. Марис потихоньку потягивала бурбон. Когда стакан опустел, она поставила его на стол.

Наконец Паркер сказал:

– Кстати, Майкл закончил отделявать камин.

– Я заметила. Получилось очень красиво. – Марис подошла к камину и осторожно прикоснулась кончиками пальцев

к покрытому темно-вишневым лаком дереву.

– Превосходная работа!

– Не забудь сказать ему об этом, когда он вернется. Майкл будет очень доволен.

– Не забуду.

– А что это был за человек? Ну, который застрелился?

– Старший юристконсульт нашего издательства. Я знала его с детства. Он был другом отца, а для меня... для меня он был чем-то вроде дяди.

– Мне очень жаль...

– Для него все кончилось мгновенно. Я думаю, он не успел почувствовать никакой боли – даже наверняка не почувствовал. Но для людей, которые его хорошо знали и любили, это была большая потеря.

– Из-за чего он застрелился? У него были какие-то проблемы?

– Нет, насколько мне известно.

– Тогда из-за чего?

– Я не знаю. И никто не знает. – Марис пожала плечами и неожиданно для себя добавила:

– В тот день Ной был последним, кто видел его живым.

– И твой муж тоже ничего не знает?

– Абсолютно ничего.

– А о чем они разговаривали?

– Обсуждали разные деловые вопросы. А почему ты спросил? – Марис повернулась к нему.

Вместо ответа Паркер спросил, не хочет ли она еще выпить.

– Нет, спасибо. С меня достаточно.

Он посмотрел на ее туфли.

– Ты одета для Нью-Йорка. Переоденься, и я дам тебе прочесть главы, которые я написал за это время. Марис удивленно улыбнулась.

– Значит, ты все-таки работал?..

Паркер самодовольно улыбнулся.

– Майкл только думает, будто он все знает!

– Все сложилось как нельзя более удачно, так что мы можем говорить откровенно... – Ной попытался изобразить уверенность, которой на самом деле не чувствовал, и для пущей убедительности небрежно взболтал в бокале остатки виски с содовой. – Вам, вероятно, уже известно, что Марис снова уехала?

– Она часто поступает подобным образом?

Моррис Блум, по своему обыкновению, держался надменно и несколько покровительственно. Ной специально оговорил, чтобы на эту неформальную встречу, назначенную в их с Марис квартире в Вест-Сайде, он приехал без своей свиты. Сопровождавшие Блума эксперты и советники чем-то напоминали Ною птичек колибри, которые, зависнув в воздухе над чашечкой крупного тропического цветка, стремительно работают крылышками, производя гром-

кое, назойливое жужжание.

Ноя пришлось заплатить консьержу приличные чаевые, чтобы тот не только впустил Блюма в дом, но и забыл об этом как можно скорее. Сам он встречал Блюма на лестничной площадке, предупредительно распахнув двери. Но, как видно, на Блюма манеры Ноя не произвели большого впечатления. Он ворвался в квартиру, как сержант в казарму, и придирчиво оглядел ее всю, словно рассчитывая увидеть брошенное на пол полотенце или сушащиеся на батарее носки, но, как видно, не нашел никаких нарушений, так как сказал:

– Очень, очень мило...

– Это все Марис – у нее к этим вещам настоящий талант.

Выпьете что-нибудь?

Сейчас они сидели друг напротив друга на небольших диванчиках и держали в руках по бокалу – Моррис попросил мартини, Ной пил виски с содовой.

Упоминание о Марис заставило Морриса поинтересоваться, часто ли она уезжает.

– Как правило – нет, – объяснил Ной. – Но сейчас она работает над одним перспективным проектом, который требует ее постоянного внимания. Автор, которого нашла Марис, живет на каком-то островке у побережья Джорджии. Должен сказать откровенно, он – весьма капризный субъект, и его приходится постоянно подгонять.

– Вы в этом уверены?

От этих слов Ноя покорило, главным образом потому,

что он чувствовал – в последнее время его жена и его любовница совершенно отбились от рук.

– Уверен в чем? – зло спросил он. – В местонахождении моей жены?

Бескровные губы Блюма растянулись в холодной улыбке.

– Я знал одного человека, который думал, будто его жена инструктирует подрядчиков, перестраивавших их недавно купленное имение в Сономе. А на самом деле она была в Лос-Анджелесе – консультировалась там с известным адвокатом по бракоразводным делам, который, кстати, имел привычку обсуждать проблемы клиенток, не покидая постели. Дело кончилось тем, что жена заполучила и адвоката, и имение, и много чего еще. Когда процесс наконец завершился, этот парень остался буквально ни с чем. Ему еще повезло, что он не лишился гениталий, ибо это было последнее его имущество. Я всегда привожу этот случай как пример того, до чего может довести нас излишняя доверчивость.

Ной только усмехнулся в ответ на этот плохо замаскированный выпад.

– Насколько мне известно, этот автор – прикованный к инвалидному креслу, скрюченный калека. Нет, дорогой мой мистер Блум, Марис отправилась в Джорджию вовсе не в поисках приключений.

– А вы не боитесь, что за этим отъездом может крыться причина гораздо более серьезная, чем простая любовная интрижка?

Ной допил виски и некоторое время молча рассматривал тающие на дне льдинки.

– Вы плохо знаете Марис, – сказал он наконец. – Иначе бы вам и в голову не пришло, что она затеяла какую-то свою игру. Марис не умеет мыслить масштабно, как мы с вами, она – настоящий книжный червь, помешанный на литературе романтик и мечтатель. Большую часть времени Марис витает в облаках, куда даже мне бывает нелегко подняться, хотя когда-то я и написал книгу, наделавшую много шума. – Ной усмехнулся. – Поверьте, нет причин опасаться, что Марис преподнесет нам неприятный сюрприз.

– Но она, вероятно, удивится, когда «Мадерли-пресс» станет подразделением «Уорлд Вью»?

– Ну, это мы скоро узнаем.

– Мне бы вашу уверенность!

Не переставая улыбаться, Ной потянулся к кейсу, достал подготовленные Говардом Бэнкрофтом бумаги.

– Мне кажется, – многозначительно произнес он, – у меня уже есть ответ на вопросы, которые вы только собираетесь задать.

И Ной протянул документы Блюму. После измены Нади и после фортеля Марис с этой незапланированной поездкой в Джорджию он решил, что его следующий шаг должен быть решительным и быстрым. Ной устал от осторожности, ему осточертело постоянное лавирование и необходимость угождать то Наде, то Марис, то Дэниэлу, и он был намерен пе-

рейти от ожидания к атаке. Пора, думал он, позаботиться и о Ное Риде, а остальные могут пойти и трахнуть сами с собой. Или, на худой конец, со своим личным тренером.

Блюм пролистал документы. Он был достаточно осведомленным в юридических делах человеком, чтобы ухватить суть.

Ной ожидал поздравлений, но Блюм только покачал головой и положил бумаги на журнальный столик.

– Очень хорошо, – сказал он, – но я не вижу на документе подписей.

Ной с шумом выдохнул воздух.

– В них нет необходимости, Моррис. Разве вы не обратили внимания на параграф, где говорится...

– ... Что документ считается действительным и с одной вашей подписью? – Моррис усмехнулся. Поднявшись, он застегнул верхнюю пуговицу своего безупречно серого пиджака. – На мой взгляд, это довольно спорный пункт, мистер Рид. С меня достаточно и того, что приходится обходить антимонопольные законы с сотнями поправок к ним, и лишние неприятности мне ни к чему. – Он небрежно взмахнул рукой. – Безусловно, существующие законы только отнимают время и не способны по-настоящему помешать людям, которые в состоянии нанять квалифицированных юристов, но все остальное должно быть в порядке. В идеальном порядке, мистер Рид! Поэтому я предпочитаю сразу расставить все точки над «i». Я не стану заключать сделку такого мас-

штаба, пока существует хоть малейшая возможность осечки. А она существует, мистер Рид, поверьте мне на слово! Этот документ... – Он кивнул на лежащие на столе бумаги. – В нынешнем своем виде он способен подействовать на власти как красная тряпка на быка. И даже если они по какой-то причине его пропустят, Мадерли могут поднять визг и вой, и тогда мы с вами окажемся в глубокой заднице. Не знаю, как вы, мистер Рид, но, когда меня имеют, я привык получать удовольствие.

Он подмигнул, и Ною захотелось треснуть по его лысой башке тяжелой хрустальной пепельницей.

– А теперь, мистер Рид, прошу меня простить – у меня назначена еще одна встреча.

Он повернулся и пошел к двери, Ной тоже поднялся, чтобы проводить гостя.

– Не беспокойтесь, мистер Блюм, подписи будут, – сказал он, энергично моргая, чтобы прогнать застилавшую глаза красную пелену гнева.

– Я никогда не волнуюсь, – ответил Блюм.

В дверях он, однако, остановился и повернулся к Ною:

– Знаете, мистер Рид, мне пришло в голову, что одной подписи должно быть достаточно. Пусть документ подпишет ваша жена или ваш тесть, и тогда мы с вами сможем работать дальше. – Он немного подумал и кивнул:

– Да, если, кроме вас, эту бумагу подпишет кто-то из них, я буду чувствовать себя достаточно уверенно.

– Я этим займусь, – пообещал Ной. – Ваша задача – разобраться с монопольными законами, а Мадерли предоставьте мне.

– С удовольствием. Между нами говоря, лучше иметь дело с федеральным правительством, чем со старым Мадерли. – Улыбка сделала лицо Блюма похожим на оскаленный череп, вырытый из могилы. – Позвоните мне, когда все будет готово. Только не раньше, договорились? Я привык ценить свое время, и, как ни приятно мне было с вами побеседовать, я бы предпочел, чтобы следующая наша встреча прошла в более конструктивном ключе.

И, кивнув Ною в последний раз, Моррис Блум вышел.

Час спустя Ной входил в домашний кабинет Дэниэла Мадерли. Последний выстрел Блюма попал в цель, и ему потребовалось всего несколько минут, чтобы решить, с кого из Мадерли он начнет.

С Марис Ной не разговаривал уже почти неделю. Она все еще сердилась на него из-за Нади, а документ, который он держал в руках, вряд ли мог сойти за оливковую ветвь мира. Кроме того, Марис неожиданно продемонстрировала упрямство, о наличии которого Ной прежде не подозревал.

Из них двоих Дэниэл был, пожалуй, самым слабым звеном. Правда, когда-то давно и у него были клыки, но со временем они затупились, а потом и вовсе выпали, и Дэниэл Мадерли был уже не так грозен, как гласили легенды. На борь-

бу со старческой слабостью уходили все оставшиеся у него силы, и Ной был уверен, что, если даже Дэниэл попытается сопротивляться, он сумеет в конце концов его уломать.

Открыв Ною дверь, Максина впустила его в дом и сказала, что Дэниэл у себя в кабинете. Когда Ной вошел, Дэниэл сидел в кресле, а на коленях у него лежала раскрытая книга. Сам он, однако, сидел совершенно неподвижно, уронив голову на грудь, и на мгновение Ной испугался, что старик отдал концы. Он, впрочем, вряд ли бы этому удивился – сегодня ему не везло с самого утра.

– Дэниэл! Мистер Мадерли! – негромко позвал Ной. Старик быстро поднял голову и открыл глаза.

– А-а, это ты? Я зачитался и не слышал, как ты вошел.

– Вы всегда храпите, когда читаете? Дэниэл усмехнулся:

– Иногда я даже пускаю слюнку... Если книга очень хорошая.

– Ну, на этот раз книжка была, похоже, так себе, – заметил Ной. – Вы спа... читали без всякого аппетита.

– Вот и хорошо. Присаживайся, Ной. Выпьешь что-нибудь?

– Нет, что-то не хочется. – Оглядываясь в поисках места, где можно было бы удобнее расположиться. Ной неожиданно подумал: что, если Марис успела рассказать отцу о его связи с Надей? Она вполне могла сделать это перед отъездом в Джорджию – больше того, это было вполне в ее стиле. Что ж, обвинение в измене и приказ немедленно покинуть дом

были бы достойным завершением этого паршивого дня!

Впрочем, старый Мадерли держался вполне спокойно, и Нои несколько приободрился.

– Мне очень не хотелось беспокоить вас, – сказал он, опускаясь на узкий диван, – но Марис обещала позвонить мне поздно вечером, и мне придется дать ей подробный отчет о том, как вы себя чувствуете и что вы ели на ужин.

– Рис, жареную камбалу и сваренные на пару овощи.

– Гм-м, я думаю, Марис подобное меню одобрит. Она просила почаще навещать вас, пока ее не будет.

Дэниэл фыркнул:

– Мне не нужна сиделка.

– Совершенно с вами согласен, но поймите и меня: если Марис узнает, что я был к вам невнимателен, она устроит мне настоящую головомойку, а мне этого совсем не хочется. – Он уперся локтями в колени и, подавшись вперед, подпер руками подбородок. – Знаете, у меня появилась одна идея. Что, если мы с вами отправимся на несколько дней в ваш загородный дом? Порыбачим, отдохнем и все такое... Честно говоря, я тоже не прочь немного развеяться.

– В последнее время я редко туда езжу...

– Я говорил об этом с Марис, ей идея тоже понравилась, – поспешно сказал Нои. – Мне кажется, она чувствует себя виноватой, потому что у нее совсем нет времени, чтобы вывозить вас на свежий воздух. И если мы с вами побываем в Беркшире, пока Марис будет торчать в Джорджии, мы одним

махом уьем двух зайцев: во-первых, мы действительно отдохнем, а во-вторых, Марис будет довольна, что вы побывали за городом. Может, завтра и отправимся, а?

Дэниэл задумался. Ной больше ничего не сказал, боясь перегнуть палку и вызвать ненужные подозрения. Он свой ход сделал, теперь нужно было только дожждаться, чтобы Дэниэл принял решение.

– Завтра? А во сколько?

Ной почувствовал, как у него камень с души свалился.

– Рано утром у меня завтрак с одним из наших партнеров, и мне не хотелось бы его переносить. Но, думаю, часам к десяти я уже освобожусь...

– Боюсь, Максина не успеет...

– Когда я сказал «только вы и я», я имел в виду, что Максина останется здесь. – Ной заговорщически покосился на дверь кабинета, словно для того, чтобы убедиться, что Максина не подслушивает, и добавил:

– Только подумайте, какие заманчивые перспективы это перед нами открывает! Вам не нужно будет отчитываться перед ней за каждую лишнюю чашку кофе, за каждый лишний глоток виски, за каждый бифштекс!

– Да, – согласился Дэниэл, – Максина иногда ведет себя как настоящая сварливая жена, к тому же о каждом моем поступке она докладывает Марис.

– Она просто не понимает, что мужчина иногда имеет право на уединение.

– Это верно.

– Итак, решено?

– Пожалуй, я не против.

– Вот и отлично. – Ной встал и подошел к Дэниэлу, чтобы пожать ему руку. – Я заеду за вами в начале одиннадцатого. Соберите только все самое необходимое, а я позвоню беркширскому бакалейщику и договорюсь, чтобы он заранее доставил в дом еду и напитки, чтобы нам не нужно было ни о чем беспокоиться.

Уже подходя к двери, Ной обернулся через плечо и добавил:

– Кстати, если хотите, я сам могу сказать Максине, что она останется дома.

Ответом ему была благодарная улыбка Дэниэла.

Пока Марис читала рукопись, Паркер изучал ее.

Чтобы переодеться и привести себя в порядок, ей понадобился почти час. Теперь вместо порядком измятой дорожной одежды на ней была длинная, закрывавшая лодыжки юбка и тонкая светлая блузка без рукавов, завязанная на талии кокетливым узлом. Устраиваясь на плетеном диванчике, она сбросила сандалии и подобрала ноги под себя, но Паркер успел заметить, что ногти на ногах у нее выкрашены бледно-розовым лаком почти естественного оттенка.

Марис успела вымыть голову и слегка подвела губы блеском, распространявшим аромат персиков. На щеках ее горел легкий румянец, но Паркеру так и не удалось определить, результат ли это выпитого виски или какое-то косметическое ухищрение. Выглядела она, во всяком случае, восхитительно и свежо, и Паркер не мог на нее налюбоваться.

К счастью, Марис с головой ушла в чтение и не замечала, что ее разглядывают. Взгляд ее был устремлен на страницы, лежавшие у нее на коленях, и Паркер почувствовал иррациональную ревность к своему детищу, которому досталось столько внимания.

Незадолго до ее неожиданного приезда Паркер решил как следует напиться и даже приступил к осуществлению своего замысла. За весь день он не написал ни одной стоящей строч-

ки, хотя день для работы был самый подходящий. Именно в такие удушливые, жаркие, бессолнечные дни ему было легче всего с головой погрузиться в перипетии сюжета, так что в реальный мир он возвращался, только когда его вынуждали к этому голод и усталость. Но сегодня его мозг был пуст, как экран сломанного телевизора.

То есть нет, не совсем пуст. Просто Паркер не мог записать то, что было у него на уме, потому что думал о Марис. С тех пор, как она уехала, он думал о ней почти постоянно, но сегодня Паркер оказался не в состоянии думать ни о чем и ни о ком, кроме нее.

Он представлял Марис на совещании в офисе.

Представлял, как Марис улыбается Ною.

Как она останавливает такси.

Как она целует Ноя.

Как она работает за столом.

Как она сладко дремлет рядом с храпящим мужем.

Как она делает покупки на Пятой авеню.

Как она раздвигает ноги для Ноя.

Эти картины сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой и едва не свели его с ума. Спасаясь от безумия, Паркер и решил выпить.

Теперь ему казалось, что это было чем-то вроде предчувствия, знака, возвещавшего о ее приезде. «Все может быть», – подумал он сейчас, ибо что-то словно подтолкнуло его обосноваться с бутылкой именно в столовой, которую он

не любил и где бывал крайне редко. Там Паркер сел у выходявшего на крыльцо окна и принялся стакан за стаканом поглощать виски, бездумно глядя за окно на унылые серые облака, затянувшие небо.

Заслышав шум гольф-кара, сворачивавшего с главной дороги на ведущую к особняку тропу, он решил, что это вернулся Майкл. Тогда он еще подумал, не забыл ли Майкл купить упаковку шоколадных батончиков, которыми Паркер привык подкрепляться во время работы.

Но когда за рулем гольф-кара он увидел Марис, сердце у него подпрыгнуло так сильно, что едва не вырвалось из груди.

Может быть, подсознательно он ждал ее все это время? Недаром же он сел у окошка – ну точь-в-точь соломенная вдова, которая глядит на выпуклый океанский горизонт и ждет, не покажется ли вдали родной парус.

Нет, так низко он еще не пал, поспешил поправиться Паркер, но тут же ему пришло в голову, что себя-то он не обманет. Он действительно ждал Марис, ждал, как неделями и месяцами ждет хозяина брошенный пес.

Паркер знал: это чувство появилось у него в тот момент, когда Марис, разозлившись на него, выскочила из хлопкового сарая. Именно с того утра его жизнь пошла наперекосяк. Он то тонул в волнах жалости к себе, то задыхался в огне жаркой ревности, то хватался за виски, то часами валялся на кровати и, закрыв глаза, предавался безудержным фантази-

ям.

Он представлял себе Марис с Ноем, и это было для него пыткой.

Он воображал Марис и себя, и эти минуты наполнялись для него блаженством рая.

По ночам его, словно половозрелого подростка, преследовали эротические сны, в которых Марис прижимала его к себе, низким от страсти голосом выкрикивая его имя. Пробуждение становилось для него мукой, и днем Паркер утешался тем, что представлял себе, как Марис ласкает его, как она проводит кончиками пальцев по его груди и животу, а ее мягкие губы скользят к его...

– Это был ребенок Тодда?

Паркер резко выпрямился, словно кто-то кольнул его булавкой.

– Что-что? – Он откашлялся и постарался стряхнуть с себя наваждение. – Прости, я задумался.

– Я говорю о ребенке, которого скинула Мария Катарина. Он – от Тодда?

– А как ты думаешь?

– Мне кажется, это вполне укладывается в сюжет. Ты собираешься где-нибудь это уточнить?

– Пожалуй, нет... – Паркер покачал головой. – Пусть предположение остается предположением, иначе получится слишком банально. Пусть каждый читатель сам для себя решает, кто тут виноват.

– Да, так действительно лучше. – Марис задумчиво перелистывала страницы, изредка останавливаясь, чтобы заново перечитать тот или иной абзац. – Знаешь, – промолвила она, – он начинает мне нравиться. Я имею в виду Рурка... Очень яркий персонаж – живой и с характером. Как сказала Мария Катарина, Рурк очень славный.

Паркер презрительно сморщился.

– Надеюсь, не слишком? Я бы не хотел, чтобы героем моей книги был святой или ангел во плоти.

– Не слишком. – Марис улыбнулась, но Паркер продолжал хмуриться, и она добавила:

– Можешь мне поверить, я говорю правду. Я же сказала, он – живой человек, а значит, у него есть недостатки и слабости. Терпеть не могу идеальных героев! Они слишком скучные, а с твоим Рурком... не соскучишься.

– Читательниц редко «заводят» положительные герои; точно так же и читатели-мужчины недолюбливают слишком добродетельных героинь. Чтобы персонаж полюбился читателю, достаточно бывает снабдить его хотя бы одним простеньким недостатком... Например, чрезмерным пристрастием к бутылке.

– Ты прав, – согласилась Марис, – но насчет Рурка можешь не беспокоиться – достоинства и недостатки смешаны в нем в нужной пропорции. Читательницы способны полюбить его за одну эту сцену у Марии Катарини. Он вел себя как настоящий мужчина, во всяком случае, его подсозна-

тельные реакции – чисто мужские. На каждую ситуацию он смотрит сначала в сексуальном аспекте и лишь потом начинает учитывать другие факторы – такие, как мораль, приличия и прочее. Но его нельзя назвать бесчувственным. Просто он знает, где заканчивается порядочность и начинается эгоизм, в особенности – эгоизм мужской, сексуальный. Ты не тыкаешь читателя носом в добродетельность Рурка, не морализируешь, так сказать, «в лоб»... – Марис подняла голову и увидела, что Паркер беззвучно смеется.

– В чем дело? – спросила она растерянно.

– Ты, я вижу, всерьез увлеклась работой над этой рукописью!

– Это моя профессия, Паркер. Не вижу, что тут смешного!

– Я понимаю, книга может увлечь, но проходит день, а книга так и остается книгой.

– Только не для меня... – Марис говорила негромко и чуть смущенно. – Когда книга мне по-настоящему нравится, ее персонажи оживают, становятся для меня реальными людьми. Возможно, это происходит оттого, что я относительно рано лишилась матери. Книжки в детстве были моим миром, и эта детская страсть к книгам сохранилась у меня и во взрослом возрасте и определила мою судьбу – ведь я стала не врачом, не адвокатом, а редактором.

Несколько секунд она сидела, задумчиво опустив голову, потом снова взглянула на Паркера. Наклонившись к ней, он негромко проговорил:

– Я понял, книга способна тебя завести, но я хотел бы знать, что еще ты любишь...

Марис сразу догадалась, о чем он думает. Она уже убедилась – они мыслят очень похоже, и глаза ее мечтательно затуманились.

– Еще меня заводит... угадай – что. Начинается на букву «е»...

– На букву «е»?.. – Паркер, как видно, не ожидал такого ответа, поэтому растерялся.

– Я знала – ты ни за что не угадаешь. Это вовсе не «езда», а «еда».

Паркер откинул голову назад и захохотал. Это был такой громкий, искренний смех, что он, казалось, и сам был удивлен. И действительно, Паркер уже забыл, когда в последний раз он так смеялся. В этом смехе не было ни его цинизма, ни горечи – только беззаботная радость.

Марис нацелила на него палец:

– Пиф-паф, Паркер. Надеюсь, намек понятен?

– Понятен. Ты здорово проголодалась?

– Честно говоря – да. То, чем кормят в самолетах, мне никогда не нравилось, а позавтракать я не успела, так что я просто умираю с голода.

– Майкл никогда мне не простит, если я тебя не накормлю. Думаю, мне удастся что-нибудь приготовить на скорую руку, но тебе придется мне помочь. Вдвоем будет быстрее.

– С удовольствием. Показывай, куда идти.

Они перебрались на кухню и, осмотрев имеющиеся в холодильнике запасы, решили сделать сэндвичи с беконом, салатом и томатами.

– Как насчет салата из авокадо? – осведомился Паркер, когда Марис включила микроволновку, чтобы поджарить нарезанный полосками бекон.

– Это было бы замечательно.

– Тогда тебе придется самой их почистить. Майкл говорит, я не могу почистить даже картошку, не помяв ей бока, а авокадо – штука нежная.

– Одна вещь мне в тебе нравится, Паркер...

– Только одна?

– ...Ты не стыдишься признаться в своих недостатках.

– Их настолько мало, что я могу себе это позволить, – парировал Паркер, и Марис в ответ швырнула в него шариком из фольги.

Пока готовился салат, они решили перекусить картофельными чипсами и маринованными огурцами, которые они по очереди доставали прямо из банки.

– Небось ты к такому не привыкла... – проговорил с полным ртом Паркер.

– Мне кажется, ты все еще принимаешь меня за привередливую избалованную папенькину дочку... – возразила Марис.

– Нет, не принимаю, – возразил Паркер. – Для избалованной любимицы книжного магната ты слишком много рабо-

таешь.

– И на том спасибо.

– Кроме того, ты предана своему делу.

– Это точно.

– И никогда не бросаешь дела на полдороге.

– Я стараюсь.

– Значит, именно за этим ты вернулась? Я – твое дело, которое необходимо доделать?

– Я приехала, чтобы вручить тебе для подписи наше предварительное соглашение и чек на пятнадцать тысяч долларов.

– Разве вы там, в Нью-Йорке, никогда не слышали про службу срочной доставки «Федерал экспресс»?

– Я не знала, обслуживает ли она ваш островок. Курьер мог бы сюда и не поехать, испугавшись Терри и его пиратов.

Паркер окинул Марис взглядом, который яснее ясного говорил: он не поверил ее отговоркам, и она опустила глаза.

– О'кей, если говорить начистоту, я приехала, чтобы убедиться – ты работаешь над своей книгой. И если нет – чтобы тебя подтолкнуть. Мне посоветовал поступить так мой отец.

– Значит, ты приехала только потому, что твой папа считал это необходимым?

– Нет. То есть не совсем...

– Тогда почему?

Она внимательно посмотрела на него, потом открыла рот, собираясь что-то сказать, но передумала и начала снова:

– Я... Перед тем как я уехала отсюда, мы поссорились. И мне хотелось убедиться, что ты... что я... В противном случае, наши деловые отношения могли бы...

Паркер заблеял – совсем как главный герой в какой-то компьютерной игре.

– Слушай, может быть, тебе Санта-Анна и кажется глухоманью, но – веришь ты или нет – у нас здесь есть и телефоны, и факсы, и электронная почта, и многое другое.

– Но ведь ты не хотел разговаривать со мной по телефону и отвечать на мои послания.

– В конце концов я бы ответил...

– Я совсем не была в этом уверена.

– Нет была. – Он поднял руку, как регулировщик, прекращая дискуссию, которую считал никчемной и пустой. – Ты села на самолет, в котором тебя так плохо кормили, чтобы увидеться со мной. Признайся, Марис, ведь так и было?

Марис вздернула подбородок, и на мгновение Паркеру показалось, что она намерена все отрицать. Но Марис снова удивила его, сказав:

– Да, ты прав. Я хотела увидеться с тобой. Положив руки на стол, Паркер некоторое время их разглядывал, потом снова посмотрел на нее.

– Зачем? – негромко спросил он. – Вряд ли в этом повинно мое врожденное обаяние и безупречные манеры – ведь мы с тобой, кажется, уже установили, что я не наделен ни тем, ни другим. – Он поскреб плохо выбритый подбородок. –

Все вышесказанное неизбежно приводит меня к мысли, уж не расплевалась ли ты со своим благоверным? Может быть, вы поссорились, и ты подумала: «Ах так? В таком случае я отправлюсь в Гарлем и заведу роман с одноногим нефом?»

Паркер был уверен: после этого она пулей вылетит из кухни, схватит вещи, запрыгнет обратно в гольф-кар и умчится прочь. И все это – не переставая проклинать его на все лады, но он снова ошибся. Марис осталась сидеть, где сидела. Когда же она заговорила, ее голос звучал на удивление спокойно.

– Скажи, пожалуйста, Паркер, почему ты так хочешь казаться грубым? Может быть, ты считаешь, что это добавляет тебе силы и мужественности в глазах окружающих? Или ты стремишься делать людям больно потому, что не хочешь – или боишься – подпускать их слишком близко? Может быть, ты стремишься нанести удар первым из страха, что кто-то может тебя ранить, обидеть, уязвить? Если дело обстоит именно так, в таком случае мне тебя жаль.

Он вздрогнул, и она пристально посмотрела на него.

– Да, я тебя жалею, но моя жалость не имеет никакого отношения к твоим физическим недостаткам, – добавила Марис и встала из-за стола. Она держалась очень прямо и с достоинством: голова поднята, спина напряжена, плечи развернуты. Не глядя на него, она вышла из кухни, и Паркер, провожавший ее взглядом, почувствовал себя бесчувственным червем.

Он обвинил Марис в том, что она использовала его, чтобы досадить Ною, хотя на самом деле все обстояло как раз наоборот – это он собирался использовать ее, чтобы отомстить.

Испугавшись, что Марис уедет прежде, чем он успеет извиниться, Паркер выкатился в коридор. Входная дверь была открыта, и сердце у него упало, но Марис никуда не ушла. Она стояла на веранде и, облокотившись на один из опорных столбов, смотрела в пространство.

– Марис...

– Утром я уеду.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала.

Она рассмеялась, но смех ее был невеселым.

– Ты сам не знаешь, чего хочешь! Писать – не писать, быть знаменитым или жить в неизвестности на этом острове, прогнать меня – не прогонять меня... Ты даже не знаешь, хочешь ты жить дальше или нет!

Она посмотрела на него краем глаза, потом стала разглядывать виргинские дубы вдоль подъездной дорожки.

– Пожалуй, мне действительно не стоило сюда возвращаться, – прибавила она. – Я и сама не знаю толком, почему я это сделала... Мне следовало остаться в Нью-Йорке, чтобы не мешать тебе упиваться собственным горем и лакать виски в обществе призрака. Но ничего, эту ошибку исправить легко: завтра я уеду, и ты сможешь снова жить как жил.

Подъехав к ней сзади, Паркер положил руки на ее бедра.

– Не уезжай, – сказал он и, наклонившись вперед, уперся

лбом ей в поясницу. – Не уезжай, – повторил он и крепче стиснул ее талию. – Мне наплевать, почему ты вернулась, Марис. Клянусь – для меня это совершенно неважно! Даже если ты захотела досадить мужу, я... я только рад. Главное – ты здесь, а все остальное ерунда.

Его руки сомкнулись и некоторое время лежали на узле блузки, потом опустились вниз и коснулись кожи. Несколько секунд он осторожно поглаживал ее живот, потом несильно потянул, и Марис что-то пробормотала удивленно и жалобно. Паркеру показалось, она хотела остановить его, но он продолжал тянуть ее на себя. Наконец Марис уступила – ноги ее подогнулись, и она оказалась у него на коленях. Паркер развернул ее боком, так что ноги Марис оказались перекинуты через подлокотник кресла, и подсунул одну руку ей под спину.

– Тебе удобно?

– А тебе? – Она поглядела на него с тревогой, и Паркер, улыбнувшись, провел руками по ее все еще влажным волосам, потом погладил по щеке.

– Никогда не чувствовал себя лучше.

Ему пришлось мобилизовать всю свою волю, чтобы не поцеловать ее. Паркер знал – Марис ожидала чего-то подобного, и именно поэтому сдержался. Кроме того, он все еще чувствовал себя виноватым перед ней за то, что усомнился в чистоте ее побудительных мотивов.

Можно было подумать, что его побудительные мотивы были чисты и благородны!

– Не хочешь немного прокатиться? – спросил он.

– Прокатиться?

– Ну, спуститься к берегу...

– Я могла бы пойти пешком.

– Но лучше я тебя прокачу.

Он снял кресло с тормоза и, съехав с веранды по специально устроенному пандусу, направил его на вымощенную плитами тропинку, которая терялась в лесу.

– Какая удобная дорожка! – заметила Марис.

– Пока шел ремонт, я велел выложить плитами все дорожки вокруг особняка, – объяснил Паркер. – Только подъездная дорожка осталась засыпана ракушечником, потому что... потому что я редко ею пользуюсь.

– Майкл сказал мне, что ты отказался от кресла с мотором, потому что любишь трудности.

– Езда на инвалидном кресле – отличный спорт. Майкл

неплохо меня кормит, а мне не хотелось бы разжиреть.

– А чем это так хорошо пахнет?

– Магнолией.

– Сегодня вечером нет светлячков.

– Светилонок? Похоже, им кажется – будет дождь.

– А он будет?

– Не знаю. Посмотрим...

Вымощенная плиткой дорожка тянулась до самого пляжа.

Там она переходила в дощатый настил, который тянулся через песчаные дюны к океану. Кресло легко катилось по не струганным доскам, и пушистые метелочки морской ониолы приятно щекотали икры Марис.

Дощатый тротуар заканчивался у линии прибоя небольшой огороженной площадкой размером примерно два на три ярда. Здесь Паркер снова поставил кресло на тормоз, развернувшись лицом к океану. Кроме них, на берегу больше никого не было; с юго-восточной оконечности острова не было видно континентального побережья с его домами, мачтами высоковольтных линий и башнями маяков, и оттого берег казался первозданно-девственным, словно он только что возник из морской пучины. Солнце село, луна то скрывалась за облаками, то появлялась вновь, и хотя света от нее было мало, Марис отчетливо различала фосфоресцирующую линию прибоя, который с шипением накатывался на мелкий белый песок. С океана тянуло легким ветерком, который нес с собой запахи моря и водорослей.

– Удивительное место! – Марис почему-то говорила шепотом, словно находилась в церкви. – Лес, песок, море... Я и не знала, что в нашей стране еще существуют такие нетронутые, первозданные уголки!

– Если ты имеешь в виду пятизвездочные отели, то здесь их действительно нет, – рассеянно отозвался Паркер. Вместо того чтобы любоваться видом, он теребил в пальцах прядь ее волос, наслаждаясь их шелковистой мягкостью.

Марис повернула голову и посмотрела на него:

– Мне показалось, ты упомянул наркотики... Это правда? Паркер протяжно вздохнул.

– Надо же было мне так проговориться!.. Впрочем, я надеялся, что ты не заметишь...

– Но я заметила, и с тех пор только об этом и думаю. Ты действительно принимаешь наркотики? Какие?..

В ее взгляде, однако, не было ни осуждения, ни упрека – только интерес и сочувствие. Паркер снова вздохнул и, выпустив ее волосы, опустил руку.

– В основном мне приходится принимать болеутоляющие средства, которые прописал врач. Все они довольно слабые... Должно быть, поэтому мне приходится лопать их буквально пригоршнями.

– Это из-за... твоих ног?

– Из-за чьих же еще?

– Разве они не заживают?

– Заживают, но слишком медленно.

– Но... что с тобой случилось?

– Со мной случилась... обыкновенная глупость. Причем это была моя собственная глупость, что вдвойне обидно. – Паркер немного помолчал, словно собираясь с мыслями, потом продолжил глухим голосом:

– Я пережил несколько очень сложных операций. Сначала хирурги восстанавливали кости, заменяя недостающие кусочки пластиком и металлом. Потом настала очередь мускулов, порванных связок и сухожилий. Наконец пришел черед заняться кожей... Проклятье, Марис, неужели тебе обязательно знать все эти подробности?! Я, во всяком случае, не хочу об этом даже вспоминать! Может быть, тебе будет достаточно, если я скажу, что провел почти два года в больнице, потом еще год в... в других местах, но это было только начало. Понадобились годы физиотерапевтических процедур, прежде чем появились результаты. Все это время я жил точно в аду. Именно тогда я и подсел на болеутоляющие – производные морфия и опиаты. Если же врач отказывался выписывать мне новый рецепт, я покупал то, что мне было нужно, у уличных торговцев.

– Они торгуют смертью, Паркер!

– Но это не помешало мне стать их постоянным клиентом. Мне достаточно было позвонить, и наркотики приносили ко мне на дом, как пиццу.

Это заявление не произвело на Марис особенного впечатления, и Паркер пожалел, что не может рассказать ей о том,

до каких глубин падения он дошел.

– Короче говоря, я был в ужасном состоянии – из-за боли и из-за наркотиков, – неохотно добавил он. – Хорошо, что ты тогда меня не видела.

– Но ведь ты сумел выбраться из этого болота...

– Черта с два! – резко возразил Паркер. – Меня выволокли оттуда за волосы.

– Майкл?! – удивленно выдохнула Марис.

– Да, Майкл, – повторил Паркер и покачал головой, словно и сейчас удивлялся, как Майклу это удалось. – До сих пор не понимаю, чем я ему так приглянулся, но мы стали друзьями. Он свалился на меня как снег на голову. Я до сих пор помню его глаза, когда он глядел на меня и решал – стоит ли тратить время и силы, чтобы спасти меня от самого себя, или нет.

– Быть может, он был послан тебе свыше?

– Майкл в роли ангела-спасителя? – Паркер хмыкнул. – Едва ли... Во всяком случае, в первые недели после того, как он явился меня спасать, я желал только одного: умереть. Ведь он начал с того, что реквизирует весь мой запас наркотиков, потом вызвал парочку знакомых врачей-коновалов и устроил мне полную детоксикацию.

– Должно быть, тебе нелегко пришлось!

– Нелегко – не то слово. К счастью для нас обоих, я был еще слишком слаб, чтобы причинить себе или Майклу серьезный вред, поэтому, когда я принимался биться головой

о стену или пытался перегрызть себе вены, он довольно легко со мной справлялся. Ну а потом, когда «ломка» миновала и я все-таки не умер, Майкл перешел к психотерапии. Он привел меня в порядок, купил кое-какую одежду, снял квартиру, специально оборудованную для инвалидов, а потом... Потом он спросил меня, что я собираюсь делать дальше. Ну я и ляпнул, что когда-то мне хотелось писать, и он купил мне компьютер и бумагу.

– То есть это он подтолкнул тебя к писательству?

– Он не подталкивал. Просто Майкл слишком хорошо меня изучил и обставил дело так, что я воспринял это как вызов.

– И у тебя появилась цель, ради которой стоит жить.

– Не так... Просто к тому времени я уже решил, что должен жить, просто я еще не знал – как, – ответил Паркер. «Цель-то у меня появилась гораздо раньше!» – мрачно подумал он.

– А можно задать тебе очень личный вопрос, Паркер?

– Валяй, только не жалуйся, если ответ не придется тебе по вкусу.

– Рурк – это ты?

Паркер ответил не сразу. Он знал, что рано или поздно Марис придет к этой мысли. Она была слишком умна, чтобы не суметь сложить два и два и получить четыре. Писатель, пишущий о писателе... Она не могла не заметить явных параллелей и не задать этот вопрос. Впрочем, Паркер предви-

дел, что так будет, и заранее приготовил ответ – ответ, в котором не было ни слова лжи, но и всей правды тоже не было.

– Не совсем.

– То есть ты взял себя, свою жизнь за основу характера и творчески ее доработал?..

– Да, пожалуй, можно сказать и так.

Марис кивнула, но дальше разрабатывать эту тему ей, очевидно, показалось неудобным или преждевременным. Вместо этого она спросила:

– И ты сразу стал сочинять детективные романы?

– Нет, – Паркер покачал головой. – Я перепробовал самые разные жанры. Каждую неделю у меня появлялось по несколько идей, которые казались мне плодотворными, но в конце концов я их отвергал, чтобы схватиться за что-то новенькое. Так продолжалось два года. Один бог знает, сколько тысяч кубических футов превосходной древесины отправилось в мою корзину для бумаг, прежде чем я набрел на Дика Кейтона. В нем было что-то, что заставило меня отвлечься от собственных физических недостатков. Когда мне наконец удалось слепить нечто читабельное, я обзавелся литературным агентом. Это была Сильва – миссис Сильвия Фицгерберт, как я ее тогда называл. Прежде чем вручить ей рукопись, я заставил ее поклясться своей жизнью и жизнью детей, что она будет хранить мое подлинное имя в тайне...

– Так появился Маккензи Рун... – вставила Марис и легко коснулась его щеки. – И я рада, что все кончилось именно

так, а не иначе. О чем я жалею, это о тех страданиях, которые тебе пришлось перенести.

– Теперь мне кажется, что я могу благодарить за них судьбу!

Едва он успел произнести эти слова, как ему пришло в голову, что он употребил настоящее время. Паркер боялся, что Марис начнет расспрашивать, что он имел в виду, но она уже отвернулась и, глядя в сгущающуюся над океаном темноту, думала о чем-то своем.

С неба упали первые капли дождя. Падая на песок, они оставляли на нем темные рябинки и глухо стучали по доскам помоста. Паркер услышал этот звук еще до того, как почувствовал дождевые капли на своей коже. Отчего-то они показались ему солеными, словно слезы.

– Паркер...

– Да?

– Помнишь, в тот день, когда я в первый раз пришла в хлопковый сарай, ты сказал, что Ной женился на дочке босса, чтобы сделать карьеру?

– Конечно, помню. Ты тогда взвилась, точно тебя оса ужалила.

– Да, но только потому, что ты угодил в точку. В глубине души я всегда это знала... только никому не признавалась, даже себе. – Она повернула голову и заглянула ему в глаза. – На днях я застала его с другой женщиной.

За этим заявлением последовала продолжительная пауза;

Марис словно давала ему время, чтобы что-то сказать, но выражение лица Паркера осталось бесстрастным.

– Не стану утомлять тебя подробностями, но...

– Так вот в чем дело! Значит, ты примчалась сюда из-за этого? Чтобы отплатить Ною? Око за око...

– Нет! Клянусь, у меня этого и в мыслях не было. Это было бы... низко. – Она серьезно посмотрела на него. – Конечно, Ной поступил со мной отвратительно и подло, но это еще не причина, чтобы вести себя как... как... словом, еще хуже. – Марис покачала головой. – Я вернулась совсем по другой причине. На самом деле, мне и в тот первый раз не хотелось отсюда уезжать...

– Тогда почему же ты уехала?

– Меня заставила поступить так моя совесть. – Марис по-детски трогательно улыбнулась.

– Совесть? Но ведь между нами ничего не было! Не произошло ничего такого, за что ты могла бы себя винить.

– Это так, но... Что-то произошло со мной, – ответила она, упираясь ему в грудь ладонями. – Мне хотелось остаться с тобой, и поэтому я уехала. Мне казалось, что, если я задержусь на острове еще немного, это может отразиться на моей семейной жизни. Тогда я думала – у меня есть семейная жизнь... – Она горько усмехнулась. – Как бы там ни было, то, что я думала и чувствовала тогда, напугало меня достаточно сильно, и я... удрала. Мне необходимо было убедить себя в том, что я – мужняя жена, что я счастлива в браке и все

такое... Но, по злой иронии судьбы, я обнаружила, что Ной мне изменяет, в тот же день, когда вернулась в Нью-Йорк.

– Твой Ной просто глуп.

Услышав этот плохо замаскированный комплимент, Марис попыталась улыбнуться, но улыбка у нее не получилась.

– Я тоже поступила достаточно глупо, когда старалась не замечать, что наш брак совсем не такой, каким бы мне хотелось его видеть. Да и Ной оказался совсем другим – не таким, каким я его себе представляла. Он вовсе не похож на героя своей книги!

– Теперь твоим героем стал Рурк?

Марис отрицательно покачала головой:

– Я давно уже не путаю реальность и вымысел, Паркер. Я переросла эту детскую привычку. Ты – настоящий, я могу коснуться тебя... – Взяв его руку в свою, она провела кончиками пальцев по вздувшимся венам. – Мой брак как таковой перестал существовать, и я больше не хочу о нем говорить.

– Меня это устраивает. – Намотав ее волосы на руку, Паркер заставил Марис наклониться, так что их губы оказались на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Выждав несколько мгновений, он прижался ртом к ее губам, снова подождал немного и чуть-чуть повернулся, словно ища наиболее удобное положение. Марис издала какой-то странный звук, и, заглянув в ее глаза, Паркер увидел в них желание едва ли не более сильное, чем его собственное.

В следующее мгновение всякая сдержанность оказалась

отброшена. Заключив ее лицо в ладони, Паркер покрыл его неистовыми, жадными, грубыми поцелуями. Марис отвечала тем же. Но вот их губы сомкнулись в долгом, страстном поцелуе, и оба замерли.

Лишь когда воздух в его легких иссяк, Паркер ненадолго оторвался от нее и, переведя дыхание, снова начал целовать Марис. На этот раз он не спешил, вернее – старался не спешить. Он скользил языком по ее губам, прикается к ним в неутолимой жажде. Их поцелуй длился и длился, и ни один из них был не в силах прервать его.

Чуть слышно Марис прошептала:

– Помнишь, когда мы впервые встретились?

– Да...

– Я сама хотела, чтобы ты продолжал меня целовать...

– Я знаю.

– Знаешь?!

– Неужели ты думаешь, я этого не почувствовал?

Вместо ответа она запустила пальцы в его взлохмаченные волосы и поцеловала Паркера, позволяя его нетерпеливым рукам развязать узел и расстегнуть пуговицы ее блузки.

Ее груди были небольшими, соблазнительно округлыми и упругими. Они тотчас покрылись дождевыми каплями, которые соединялись друг с другом и тонкими струйками сбегали вниз, заполняя ямочки и ложбинки ее тела.

– Ты заметил, что пошел дождь?

– Да, – ответил он и, накрыв ее грудь ладонью, несильно

сжал. Он осторожно смахнул с ее соска капельку воды. Тотчас Паркер наклонился ниже и потерся о сосок губами. – Как ты мне однажды сказала – ты не растаешь.

– Сейчас я в этом не уверена, – пробормотала Марис и, обхватив руками его голову, крепко прижала к себе. – О, Паркер, Паркер!.. – простонала она голосом, который, показалось ему, он уже слышал в своих снах и фантазиях.

Рука Паркера скользнула ниже. Сначала он запутался в складках длинной, успевшей намокнуть юбки, но вскоре его пальцы коснулись ее шелковистой кожи и двинулись по ногам выше – туда, где было горячо и влажно.

– Можно? – шепотом спросил он, теребя тонкую ткань ее трусиков.

В ответ раздалось какое-то смутное восклицание, которое вдохновило Паркера на дальнейшие действия.

– Паркер, боже!.. – голос Марис был едва слышен.

Он гладил ее, он погружал свои пальцы в ее влажное горячее лоно. И скоро Марис начала отвечать ему короткими рывками, устремляясь навстречу его пальцам.

– Не спеши...

Марис послушалась и больше не торопила неизбежную разрядку. Паркер продолжал ласкать ее грудь, но вот он почувствовал, как тело ее напряглось, как вся она содрогнулась. Сдержат эту сладостную дрожь было уже невозможно. Спина Марис изогнулась дугой, голова откинулась назад, глаза закрылись. Напряженная шея словно умоляла о поце-

луях, и Паркер прижался губами к ямочке между ключицами, в которой скопилась чуть солоноватая дождевая вода, чувствуя, как под кожей вибрируют от сладострастных стонов напряженные связки.

Он продолжал прижиматься губами к ее шее, пока тело Марис не обмякло. Только тогда он отодвинулся, освободил руку и поправил измятый мокрый подол ее юбки. Марис продолжала вздрагивать, медленно успокаиваясь. Паркер прижал ее к себе и положил подбородок на ее макушку.

Марис слегка пошевелилась и коснулась рукой его груди.

– У тебя застегнута рубашка?

– Мама не разрешала мне выходить к ужину не застегнувшись.

Нащупав в темноте пуговицы рубашки, Марис расстегнула их и прижалась щекой к его груди.

– Так будет лучше...

Дождь усилился, но они его почти не замечали. Паркер нежно гладил Марис по спине, задерживая руку на каждом позвонке.

– Вы давно не трахались, да? – спросил он вдруг и почувствовал, как Марис напряглась. На мгновение ему показалось, что он зашел слишком далеко, а может, ей не понравилось слово, которое он употребил. Но это была только первая реакция; почти сразу Марис успокоилась и, снова прильнув к нему всем телом, тихо ответила:

– Да. Довольно давно.

– Я так и понял. Ты очень хотела.

– Я сама не понимала этого, пока... пока ты не прикоснулся ко мне. Наверное, наша благополучная супружеская жизнь тоже была самообманом.

Должно быть, она почувствовала его улыбку, подняла голову и посмотрела на Паркера.

– Ты, наверное, ужасно собой доволен!

Но его улыбка не была ни самодовольной, ни торжествующей. Целуя ее, Паркер шепнул:

– Ты права – мне действительно очень хорошо. Но тебе было лучше.

Потом они снова поцеловались. Паркеру очень не хотелось прерывать этот поцелуй, но он пересилил себя и сказал:

– Пожалуй, нам пора возвращаться, пока Майкл не поднял тревогу.

С этими словами он потянулся к тормозу, но Марис остановила его.

– А как же ты? – Она слегка потерлась бедром о его напрягшийся под брюками член. – Может быть, ты хочешь, чтобы я тоже... что-то сделала?

– Да, хочу! – Морщась, Паркер крепко схватил ее за талию. – Перестань, пожалуйста, ерзать!

– Ох, извини, я не хотела! Паркер криво улыбнулся.

– Когда я буду у тебя внутри, я хочу получать удовольствие, а не думать о том, как бы мне кончить и при этом не свалиться в воду вместе с креслом!

– Твой оргазм так похож на землетрясение?

– Боюсь, что да.

Марис упрямо тряхнула головой:

– И все равно это несправедливо: я получила удовольствие, а ты – нет.

– Как же ты мало знаешь!..

Она улыбнулась, и Паркер быстро поцеловал ее. Потом он развернул кресло и покатил обоих назад к дому.

– Кстати, – добавил он, съезжая с дощатого настила на вымощенную плитами дорожку, – чтобы ехать в гору, мне нужны обе руки, так что, может быть, ты застегнешься, пока Майкл тебя не увидел?

На следующее утро Дэниэл проснулся рано. Приняв душ и одевшись, он быстро уложил в саквояж несколько смен одежды и белья и спустился вниз. Максина была очень недовольна тем, что он решил ехать за город без нее. Она не скрывала своего раздражения, и Дэниэл не без робости осведомился, не будет ли ей трудно накрыть завтрак в саду.

– Вовсе не трудно, мистер Мадерли, – ворчливо ответила она. – Через пять минут все будет на столе.

– Вот и отлично. А я пока сделаю несколько деловых звонков.

Уединившись в своем рабочем кабинете, Дэниэл набрал номер. За время разговора он почти ничего не говорил – только слушал. Наконец Уильям Сазерленд закончил свой

доклад и сказал:

– У меня пока все. Мне продолжать или этого достаточно?

– Обязательно продолжайте, – ответил Дэниэл и положил трубку.

Потом он набрал второй номер.

Несмотря на то что, по его представлениям, в этот час большинство служащих находились еще в пути по дороге в офисы в автобусах или в подземке, в издательстве «Дженкинс и Хоув» трубку взяли почти сразу.

– Мистера Хоува, пожалуйста.

– Я слушаю... – Оливер Хоув всегда гордился тем, что работает по четырнадцать часов в сутки, исключая выходные и праздники, когда он работал всего по десять часов. Он был уже немолод, но Дэниэл знал, что его деловое расписание остается все таким же напряженным, как и двадцать лет назад.

Свою издательскую карьеру Олли Хоув начинал примерно в одно время с Дэниэлом. Как и Дэниэл, Хоув получил компанию по наследству от своего деда через считанные недели после окончания университета. На протяжении почти пяти десятков лет Хоув и Дэниэл оставались соперниками и конкурентами, что, впрочем, не мешало им ценить друг друга. В конце концов из этого соперничества родилась дружба, которую сам Хоув называл «неслыханным феноменом за всю историю книгоиздательского бизнеса».

– Олли? Это Дэниэл Мадерли.

Хоув был очень рад услышать старого друга. После обмена приветствиями он сказал:

– Извини, Дэн, старина, но я больше не играю в гольф. Завязал. Проклятый ревматизм сделал свое дело...

– Я не за этим тебе звоню, Олли. Хотел задать тебе один деловой вопрос...

– А я думал, ты давно отошел от дел.

– Такие слухи действительно ходили, но... Уж ты-то должен меня знать! Впрочем, сейчас речь не об этом. Послушай лучше, что я хочу тебе предложить...

Несколько минут спустя он уже выходил из кабинета. Разговор с Оливером настолько взбодрил Дэниэла, что он даже забыл у стола трость. Довольно потирая руки, он вышел на веранду и, повернувшись к Максине, сказал:

– Будь так добра, съезди-ка в «Кошерную кухню» и купи этот еврейский хлеб, который мне так нравится. Я хочу взять его с собой.

– Что, в Массачусетсе своего хлеба нет? – недовольно проворчала Максина. – Мистер Рид обещал, что запасет все заранее.

– Я знаю, но мне хочется именно такого хлеба... К тому же он полезен для желудка.

– Я знаю, что он полезен, но «Кошерная кухня» находится на другом конце города! Я поеду, когда вы позавтракаете.

– Ной обещал заехать за мной сразу после завтрака, так что лучше съезди сейчас. Не беспокойся, я сам себя обслужу.

Максина с подозрением оглядела его, и Дэниэл подумал, что за многие годы она прекрасно его изучила. Его желание непременно взять с собой особый сорт хлеба действительно было только предлогом, чтобы удалить из дома экономку. Дэниэл ждал к завтраку гостя и не хотел, чтобы это стало известно кому бы то ни было.

Максина еще немного поворчала, но в конце концов смирилась и, бормоча что-то себе под нос, отправилась в «Кошерную кухню». Не прошло и пяти минут после ее отъезда, как раздался звонок у входной двери, и Дэниэл пошел открывать.

– Моя экономка отправилась за покупками, – объяснил он, первым выходя на веранду за домом. Максина всегда накрывала завтрак на троих – на случай, если вдруг заедут Марис и Ной. Не изменила она этой традиции и сегодня, хотя Марис вообще не было в Нью-Йорке, а Ной должен был приехать позже.

Указав на кованный железный стул, Дэниэл сказал:

– Прошу вас, присаживайтесь. Кофе?

– Да, с удовольствием.

Дэниэл налил гостю кофе и поставил на середину стола сахарницу и кувшинчик со сливками.

– Спасибо, что откликнулись на мое приглашение, – сказал он. – Прошу меня простить, если я нарушил ваши планы, но мне нужно было срочно повидаться с вами.

– Это было не столько приглашение, сколько приказ, ми-

стер Мадерли.

– Тогда почему же вы пришли?

– Из любопытства.

Прямота ответа понравилась Дэниэлу, и он кивнул.

– Значит, вы были удивлены моей просьбой?

– Более чем.

– Я рад, что мы можем говорить друг с другом откровенно. Ваше время дорого, а сегодня утром я тоже тороплюсь. Мой зять должен заехать за мной около десяти часов, чтобы отвезти в наш загородный дом. Ной пригласил меня немного отдохнуть вдвоем, пока Марис находится в отъезде. – Он указал на накрытую салфеткой серебряную корзинку:

– Возьмите булочку, они, наверное, еще горячие.

– Нет, спасибо.

– Это булочки из отрубей, и они совсем неплохи. Моя экономка сама их печет.

– Большое спасибо, но я, пожалуй, все-таки воздержусь.

– Ну, как угодно... – Дэниэл сам взял булочку и аккуратно накрыл корзинку салфеткой. – Так на чем я остановился?..

– Послушайте, мистер Мадерли, не надо передо мной притворяться. Я отлично знаю, что, хотя вы и пожилой человек, в маразм вы еще не впали. Кроме того, вы, несомненно, просили меня приехать вовсе не для того, чтобы обсудить, какие булочки печет ваша экономка.

– О'кей. – Дэниэл отложил надкушенную булочку и выпрямился. – Я готов поставить все свое состояние, что, когда

Ной и я приедем в наш загородный дом, у него в кармане чисто случайно окажется некий документ, уполномочивающий его единолично управлять моим издательским домом, – сказал он решительно и жестко. – Больше того: в течение ближайших дней я, скорее всего, буду вынужден подписать этот документ... Нет ничего не говорите, – быстро сказал он. – Только слушайте, а выводы сделайте сами...

Дождавшись неуверенного кивка своего собеседника, он продолжил:

– Итак, я предлагаю вот что...

«ЗАВИСТЬ»

Глава 20

Ки-Уэст, Флорида

1987 год

Тодд не ожидал, что задача, которую он перед собой поставил, потребует столько сил и времени.

Он собирался разбогатеть и стать знаменитым (именно в таком порядке) как можно скорее.

Продажа родительского дома принесла ему сущие гроши, так как большая часть денег ушла на выкуп закладной. Конечно, каждый из родителей был застрахован на случай преждевременной кончины, однако страховку отца мать истратила, чтобы его похоронить, ее страховка тоже почти целиком ушла на ее похороны. После устройства всех дел на руках у Тодда остались жалкие крохи, которые и наследством-то назвать было нельзя. Их едва хватило, чтобы приобрести все необходимое для переезда во Флориду, так что в Ки-Уэст он прибыл практически без единого цента в кармане.

Стоимость жизни в этом самом южном городке Соединенных Штатов оказалась куда выше, чем они с Рурком рассчитывали. Правда, работая на парковке автомобилей, Тодд получал неплохие чаевые, однако все они уходили на оплату счетов за электричество и телефон, а также на другие насущные нужды.

Кроме того, каждый месяц Тодд откладывал некоторую сумму на покупку компьютера. В отличие от Рурка, у него не было богатого дядюшки, который бы мог сделать ему такой дорогой подарок, поэтому Тодд приобрел компьютер в рассрочку, спеша ликвидировать незаслуженное преимущество приятеля.

И теперь хроническое отсутствие денег буквально убивало его.

Но еще хуже было полное отсутствие сколько-нибудь стоящих идей.

О славе, таким образом, говорить не приходилось

вовсе. Она отстояла от него еще дальше, чем запланированные миллионы на текущем счету.

Писать оказалось гораздо труднее, чем он рассчитывал. На лекциях по предмету Тодд обычно дремал, однако он был совершенно уверен, что ни один из преподавателей никогда не говорил им о том, как мучительно тяжел писательский труд. В конспектах и учебниках об этом тоже не было ни слова, и, насколько он помнил, ни один из его сокурсников никогда не задавал лектору подобного вопроса. Если такие мысли все же приходили Тодду в голову, он сразу вспоминал Александра Дюма-отца, который с непринужденной легкостью творил непрерывно (страшно подумать, сколько он мог бы написать, будь в его распоряжении компьютер). По глубокому убеждению Тодда, труднее всего работалось Бальзаку, который мог писать только по ночам и вынужден был поглощать невероятное количество кофе. Что касалось того факта, что абсолютное большинство классиков мировой литературы едва сводили концы с концами (тот же Дюма всю жизнь бегал от кредиторов и умер почти в нищете), то он Тодда почти не волновал. В этих случаях он всегда напоминал себе, что Дюма (Бальзак, Достоевский, Шекспир и многие другие писатели) жили много лет назад в убогой консервативной Европе; он же живет в наши дни в Америке – в государстве, предоставляющем своим гражданам такие возможности, какие и не снились гениям прошлого. Взять ту же Маргарет Митчелл с

ее «Унесенными ветром»... Один-единственный роман обеспечил ей богатство и славу, и надо было быть полной идиоткой, чтобы не суметь ими воспользоваться и нелепо погибнуть под колесами такси.

Примерно раз в неделю Тодд и Рурк бывали в дом-музее Хемингуэя. Это строение в испанском стиле было их Меккой, а они – паломниками. Разумеется, Тодд всегда был почитателем Хемингуэя, но только теперь он начал постигать его подлинные масштабы.

Тодд всегда считал, что талант – это нечто, что дается тебе при рождении; талант либо есть, либо его нет. Но чтобы проснулся талант, подчас нужны месяцы и годы. Проза Хемингуэя написана предельно простым языком, но Тодд на собственном опыте знал, какой труд стоит за этой кажущейся простотой.

Тодд искренне считал, что после стольких часов, потраченных на изучение художественной манеры Хемингуэя, он сам начнет писать легко и органично. Но чуда так и не произошло.

Скрипнув зубами, Тодд скомкал письмо с отзывом профессора Хедли и швырнул его в угол комнаты. Не успел бумажный комок приземлиться на пол рядом с мусорной корзиной, как в комнату вошел Рурк.

– Что пишет старик? – осведомился он. – Судя по твоему лицу, он опять устроил тебе полный разнос.

– Хедли просто жопа в очках!

– Можно подумать, я этого не знаю. Меня он тоже вздрючил, разделал в пух и прах.

– Значит, сегодня вечером мы имеем полное право

устроить себе выходной и как следует напиться! – предложил Тодд.

– Я бы не прочь, – ответил Рурк хмуро. – Только вряд ли я могу себе это позволить. Хотя работа в баре имеет свои преимущества. Гляди!.. – С этими словами Рурк выхватил из-за спины бутылку дешевого виски и помахал ею в воздухе.

– Ты ее украл?

– Этих помоев все равно никто не хватится. Идем...

– Ну, меня тебе упрашивать не придется. – Тодд скатился с кровати и стал натягивать джинсы.

Расположившись на пляже, они пили за закат, за сумерки, за ночное небо, передавая бутылку друг другу до тех пор, пока звезды на небосводе не начали расплываться и двоиться.

– Слушай, Тодд, а какую рукопись ты послал ему для отзыва?

– «Побежденного».

– Но ведь это твоя главная работа! И что тебе ответил этот придурок?

Тодд глотнул из бутылки.

– Он сказал, что сюжет не правдоподобен, а диалоги хромают.

– Про мои диалоги он ничего не сказал, а вот сюжет... Моему сюжету недостает живости: по мнению Хедли, он слишком предсказуем и скучен. – Рурк посмотрел на Тодда. – Может быть, нам попробовать работать вместе?

– Черт, нет! Не хочу ни с кем делиться славой! Я и так

почти два года хожу в учениках, а что я с этого имею?

– Но ведь ты сумел загнать один рассказ, – напомнил Рурк.

– Паршивый рассказ для паршивого местного журналчика за паршивые двадцать долларов, – уточнил Тодд. – Если ею кто-то когда-то и прочитает, то только в туалете – прежде чем использовать бумагу по назначению. – Он выковырял из песка ракушку и швырнул обратно в воду. – Надоело! Надоело жить в нищете – в квартире, где тараканы сбиваются в стаи, точно хищники, а соседи все как один вооружены до зубов и опасны.

– Зато какой вид из окна! На каких девочек любимся задарма! – воодушевился Рурк. – Согласись, даже в «Хилтоне» нет ничего подобного!

– Это точно, – кивнул Тодд и взялся за бутылку. – За танцовщиц, которые любят загорать нагишом! – провозгласил он и отхлебнул виски. – У меня в кармане – ни гроша, – мрачно продолжал он. – Моя машина прошла сто шестьдесят тысяч миль и вот-вот развалится...

– В то время как сам ты загоняешь на парковку «Порше» и «БМВ», – ввернул Рурк.

– Точно, чтоб им провалиться! А ведь эту работу могла бы исполнять и обезьяна!

– Обезьяна получала бы больше чаевых, – насмешливо заметил Рурк, и Тодд бросил на приятеля сердитый взгляд.

– Ты дашь мне договорить или нет?

– Извини. Я вовсе не собирался прерывать твой трагический монолог. – Рурк кивнул на бутылку:

– Выпей!

– И выпью! – Тодд сделал глоток, рыгнул и вытер губы тыльной стороной ладони. – Я это к тому говорю, что после всех трудностей и лишений вся слава должна достаться мне, мне одному. Не обижайся, но... я не хочу ни с кем ею делиться.

– Я и не обижаюсь. Мне тоже неохота работать с кем бы то ни было. Ладно, проехали! Считаю, что это была неудачная шутка. Тодд кивнул и растянулся на песке.

– Так что же сказал о твоей работе Хедли на самом деле?

– Я же тебе только что сказал...

– А это правда?

– Зачем бы я стал тебе врать?

– Не знаю. Может быть, чтобы я не расстраивался и не завидовал.

Рурк фыркнул:

– Разве я похож на человека, пекущегося о благе ближнего своего?

– Я знаю, что ты – порядочный сукин сын. Но ты мог солгать и по другой причине...

– Интересно, по какой? Что у тебя на уме, Тодд? Может, выскажешься яснее?

– Эти замечания, которые делает тебе Хедли... Ты как будто не обращаешь на них никакого внимания.

– Не то чтобы не обращаю... Просто в отличие от тебя я не намерен рвать на себе волосы каждый

раз, когда Хедли скажет про мою работу что-нибудь нелестное. Для меня его замечания – всего лишь мнение постороннего человека, к которому я могу и не прислушиваться, если не сочту нужным. Твоя беда в том, что ты реагируешь на критику слишком остро и...

– Но есть и другой вариант, – перебил Тодд, не слушая его.

– Какой же?

– Может, и нет никаких замечаний, ты просто пытаешься сбить меня с толку.

– О чем ты говоришь?! – изумился Рурк.

– Так, ни о чем... Забудь...

– Черта с два! – Рурк потряс Тодда за плечи. – Сначала ты обвинил меня в том, что я тебя обманываю, а теперь говоришь, что я делаю это ради собственной выгоды. На кой мне это нужно, по-твоему?!

Тодд резким движением сбросил руки Рурка:

– Чтобы обставить меня! Ты боишься, что я начну печататься раньше тебя!

– Можно подумать, ты будешь в восторге, если я опубликую свою книгу первым!

– Конечно, нет! Скорее я дам отрезать себе руку.

На протяжении нескольких секунд Тодду казалось, что драки не миновать. Он уже сжал кулаки, приготовившись дать отпор, но, к его изумлению, Рурк неожиданно расхохотался.

– Говоришь, пусть лучше тебе руку отрежут?!

Тодд старался оставаться серьезным, но его боевой задор так же быстро остыл, как и разгорелся, и вскоре

он уже смеялся вместе с Рурком.

– Представляю себе эту картину! А чем писать-то будешь?! – покатывался Рурк.

Отсмеявшись, оба некоторое время разглядывали темный океан, потом Рурк сказал:

– Что-то спать охота. Как ты думаешь, сумеем мы дойти до машины?

То, что Рурк сломался первым, немного утешило Тодда. Покачивая головой, он проговорил задумчиво:

– Честное слово, не знаю. У меня перед глазами все плывет.

Держась друг за друга, они кое-как поднялись на ноги и побрели на стоянку, где оставили машину. На это им потребовалось не меньше получаса, так как они часто спотыкались и падали или останавливались, чтобы перевести дух. Ни один из них не был в состоянии вести машину, но в конце концов приятели сбросились на пальцах, и садиться за руль выпало Рурку.

Как ни странно, домой они добрались без приключений.

На следующий день, когда приятели безуспешно пытались жидким чаем и чипсами привести себя в нормальное состояние, Тодд вдруг сказал:

– А знаешь, соперничество нам может даже пойти на пользу.

– О господи!.. – простонал Рурк, страдальчески морщась и сжимая виски. – Только не начинай все сначала! И потом, если говорить начистоту, я вовсе не считаю тебя конкурентом.

– Врешь! Конечно, считаешь!..

– Но с чего ты решил, что соперничество может быть нам полезно?

– Соперничество мобилизует. Теперь каждый из нас будет работать больше. Согласись, ведь, когда ты видишь, что я пишу, ты сам садишься за работу. Точно так же и я: когда я вижу тебя за компьютером, я не могу спокойно смотреть футбол по телику. Если ты работаешь по семь часов в день, я не успокоюсь, пока не стану работать по восемь. Подумай сам – разве это плохо?

– Это не плохо, но... Я так много работаю вовсе не потому, что мне хочется тебя опередить. Я просто хочу писать хорошую прозу – и ничего больше!

Тодд замахал в воздухе руками:

– Святой Рурк и все ангелы его, аллилуйя!

– Прекрати паясничать!

– Ладно, не буду. – Тодд отправил в рот пригоршню чипсов. – Все равно я опубликую своего «Побежденного» и получу за него целую машину баксов задолго до того, как ты закончишь свою книгу. А ты локти будешь кусать от зависти!

– Никогда этого не будет! – отчеканил Рурк. Тодд рассмеялся.

– Видел бы ты свою рожу, приятель, – эка тебя перекосило!.. И после этого ты хочешь, чтобы я поверил – ты не хочешь опубликоваться раньше меня?!..

– Есть в этом доме еще кофе?!

– Разве его когда-нибудь не было?

Паркер бросил на Майкла угрожающий взгляд и, направив свое кресло в другой конец кухни, налил себе кофе из кофеварки.

– Обычно ты заходишь и спрашиваешь, не нужно ли мне что-нибудь... – добавил Паркер укоризненно.

– Мне просто не хотелось рисковать своей головой, – попытался объяснить Майкл. – За завтраком ты довольно недвусмысленно дал нам с Марис понять, что разорвешь на мелкие клочки каждого, кто будет иметь неосторожность попасться тебе на глаза. Вот почему мы решили... э-э-э... тебя не раздражать.

– Я работаю над очень трудным местом и не желаю, чтобы меня отвлекали.

Паркер уже был в коридоре, когда Майкл пробормотал вполголоса:

– Ты мог бы сказать об этом и по-человечески, а не рычать.

– Ты что-то сказал? – переспросил Паркер, останавливаясь и разворачивая кресло.

Майкл бросил на стол посудное полотенце и повернулся к нему лицом:

– Я сказал, что когда вчера вечером ты наконец сообразил – дождь не самое подходящее время для прогулок, и соизволил вернуться, чтобы я не сошел с ума от беспокойства, блузка Марис была застегнута криво.

– Ф-фу ты! Какое длинное предложение, и как много в нем всего намешано! Может быть, лучше разберем все мои проступки, один за другим, так сказать, поштучно? Или ты сказал все это только для того, чтобы я знал: ты опять на меня дуешься? В таком случае ты своей цели достиг. Я понял, что опять обидел старину Майкла, и теперь возвращаюсь к своей работе с тяжелым сердцем, полным раскаяния и осознания вины...

– Нет, подожди... – остановил его Майкл. – Когда я вернулся с континента, входные двери были распахнуты настежь, в комнатах горел свет, но в доме никого не было. Я даже подумал – тебя похитили!

– Разве тебе не пришло в голову, что бог мог взять меня живым на небо, а тебя оставить? Думаю, если бы это произошло, ты бы дулся на меня до конца своей жизни!

– Это и не могло прийти мне в голову, потому что ты и рай – вещи несовместимые, – холодно парировал Майкл. – Впрочем, довольно скоро я отбросил и версию похищения. Кому ты, на хер, нужен?

– Ого! Да ты завелся не на шутку!

– У меня есть для этого основания. К счастью, я заметил в мойке два грязных прибора, салат из авокадо и бекон в мик-

роволновке. Это навело меня на мысль, что у тебя – гости. Когда же я проверил комнату во флигеле и увидел там вещи Марис...

– Да ты просто Шерлок Холмс! Ничто не скроется от твоего пронизательного взгляда...

– Ты мог бы оставить мне записку и известить, что приехала Марис и что вы решили немного побродить по берегу.

– Материнский инстинкт – страшная штука, Майкл, а у тебя он развит, как у наседки. Если бы я оставил такую записку, ты тотчас помчался бы на берег, чтобы отнести нам зонтик и посмотреть, как там твои цыплятки...

– Возможно, мне действительно захотелось бы убедиться, что вы ведете себя примерно.

Улыбка сползла с лица Паркера, в глазах появился злой блеск.

– Вот именно, Майкл... – сказал он напряженным голосом. – Мы там играли во взрослые игры, и мне не хотелось, чтобы ты застал нас за этим занятием. Мне-то все равно, а вот Марис это могло не понравиться.

– Именно об этом я и собирался с тобой поговорить.

– Не желаю я ни о чем таком с тобой говорить!

– Боюсь, придется. Ты разработал план мести и, насколько я понял, не собираешься от него отказываться. Я прав? Ты пойдешь до конца, не так ли?

– Об этом мы с тобой уже говорили, и я считаю тему закрытой.

– Ты пойдешь до конца, Паркер?

– Да, черт побери! – заорал он. Майкла это, впрочем, не смутило.

– И каков же будет финал? – осведомился он с горькой улыбкой.

– Зачем я буду тебе рассказывать? – пожал плечами Паркер. – Я не хочу портить тебе удовольствие и пересказывать содержание заключительных глав. Сам прочтешь скоро.

Майкл мрачно взглянул на него.

– Почему-то у меня такое чувство, что в этой твоей книге хеппи-энда не будет.

– В жизни хеппи-энд встречается очень редко. К тому же я не гонюсь за дешевой популярностью.

– Тебя интересует только месть, не так ли?

– По-моему, это достаточно веский мотив. А где мотив – там и замысел, интрига, сюжет. Так что все вполне в рамках строгих литературных канонов.

– Вот именно – литературных. А как насчет Марис?

– Слушай, может, достаточно, а?

– Нет, недостаточно. Я задал тебе вопрос и хочу услышать ответ.

Паркер усмехнулся:

– Марис – одно из действующих лиц моего романа.

– То есть ты используешь ее в своих целях. Используешь, несмотря на то, что прекрасно понимаешь, кто она?

– Именно поэтому я ее и использую.

В голосе Паркера прозвучала стальная решимость, и Майкл почувствовал, что больше ничего он сделать не сможет. Убеждать было бессмысленно, злиться – тоже. Похоже, он исчерпал все свои возможности, и теперь ему не оставалось ничего другого, кроме как выбросить белый флаг.

Так он и поступил. Его решительно расправленные плечи сутулились, голова поникла. И все же Майкл решился на последнюю попытку.

– Я прошу тебя, Паркер, оставь это... – проговорил он глухо. – Откажись от своего замысла и расскажи все Марис. Скажи ей правду, это необходимо и ей, и тебе. Скажи ей все, Паркер!

– Что именно «все» он должен мне рассказать? – спросила Марис, остановившись в дверях кухни.

При звуке ее голоса оба мужчины быстро обернулись, и по их расстроенному виду Марис поняла, что помешала какому-то серьезному разговору, грозившему перейти – или уже перешедшему – в ссору.

– Что же именно он должен мне рассказать? – повторила она.

– Я написал еще несколько страниц, – сказал Паркер. – Они, наверное, уже напечатались.

– Я пойду принесу. – Майкл бросил на Паркера многозначительный взгляд и вышел.

– Майкл приготовил кофе, так что угощайся, – любезно

предложил Паркер.

– Спасибо, но на сегодня с меня, пожалуй, хватит. – Марис рассмеялась, несколько искусственно, впрочем. – Я чувствую – еще одна чашка, и я буду качаться на люстре вместе с твоим призраком.

– Дорого бы я дал, чтобы это увидеть. – Его улыбка была вымученной и совсем не веселой.

Марис недоуменно покачала головой. Она чувствовала: что-то случилось, но не могла понять что. Все началось вчера вечером, когда они с Паркером вернулись с пляжа. Когда они подъехали к крыльцу, Майкл, который вернулся с континента в их отсутствие, стоял на веранде и сурово смотрел на них. Они оба промокли до нитки, и Майкл сердито их отчитал. «От тебя, – сказал он Паркеру, – я ожидал любой глупости, любого безрассудства, но я не думал, что ты сможешь поступить так безответственно! Ведь по твоей милости Марис может простудиться и заболеть. И вообще, – закончил он недовольно, – что это за новая мода – шляться по ночам под дождем?»

Потом он решительным жестом взялся за кресло Паркера и покатил в его спальню в глубине дома. Марис знала, где находится спальня, но еще ни разу там не была. Даже когда Майкл показывал ей дом, он демонстративно не повел ее туда, хотя и свою спальню, и даже неотремонтированные комнаты на втором этаже он ей показал.

Марис не оставалось ничего другого, кроме как вернуть-

ся в гостевые комнаты во флигеле. Она чувствовала себя разочарованной и подавленной столь неудачным завершением романтического вечера. Марис, конечно, догадалась, что дело было совсем не в том, что они гуляли под дождем и промокли, и даже не в том, что Майкла встревожило их длительное отсутствие. Ей казалось, что все эти мелочи не могли так сильно расстроить старшего товарища Паркера.

Будь на его месте кто-то другой, Марис бы решила, что Майкл просто ревнует Паркера к ней, посторонней женщине, которая нарушила спокойное и размеренное течение их уединенной жизни. Любой ценой сохранить свое положение и влияние, а также защитить своего подопечного от любых возможных неприятностей – таким должно было быть первое побуждение Майкла, и Марис подумала, что в этом случае такая реакция Майкла была вполне объяснима.

Но вряд ли Майкл испытывал к ней ревнивые чувства. Во всяком случае, в прошлый, свой приезд Марис не заметила никаких признаков этого. Напротив, Майкл, казалось, был очень доволен тем, что она скрасила их уединенное существование. Он был неизменно вежлив, старался всячески ей услужить, когда же ей случалось не сойтись с Паркером во мнениях, Майкл неизменно принимал ее сторону.

Но сейчас все изменилось, и Марис не могла не связать эту перемену с тем, что произошло на берегу между ею и Паркером. А в том, что Майкл догадался о многом – если не обо всем, – она ни секунды не сомневалась.

Ее уверенность в правильности этой гипотезы еще более окрепла, когда, вернувшись во флигель, Марис обнаружила, что впопыхах криво застегнула блузку. Одна эта деталь способна была многое сказать наблюдательному человеку, а от Майкла не ускользала ни одна мелочь.

И все же Марис была скорее заинтригована, чем встревожена или смущена. В конце концов, и она, и Паркер были взрослыми людьми, способными отвечать за свои поступки, и Майкл не мог не понимать: что бы ни произошло между ними на берегу, это произошло по взаимному согласию. «Быть может, – подумала Марис, – все дело в том, что Майкл – человек строгих моральных правил». Не зная, что ее брак с Ноем существует теперь только на бумаге, он мог осудить Паркера за попытку оболгать чужую жену и не одобрить ее распушенность и несдержанность. Но, с другой стороны, Майкл был человеком деликатным и никогда бы не показал ей своего осуждения.

Так и не придя к какому бы то ни было выводу, Марис вернулась в свою комнату во флигеле, приняла горячий душ и легла в постель, стараясь не думать о странностях прошедшего дня. Довольно долго она лежала, борясь со сном, наполовину уверенная, что Паркер придет к ней после того, как Майкл ляжет спать. Но он так и не появился, и Марис наконец незаметно для себя самой заснула.

Утром она проснулась довольно поздно и появилась в особняке, когда Паркер и Майкл уже сидели за столом. За

завтраком Паркер много язвил и был раздражителен; каждое, самое невинное замечание Майкла заставляло его свирепо хмурить брови и отпускать едкие замечания. Если не считать этого, он держался так, словно вчера на берегу между ними ровным счетом ничего не произошло.

За столом Марис чувствовала себя неуютно. И как ни старалась она справиться с волнением – ничего не выходило. Она просто не могла не думать о том, что произошло вчера. А теперь? Что делать ей теперь, когда Паркер едва глядит в ее сторону? Тоже делать вид, что не было этой прогулки, их внезапной близости? Она не хотела ни о чем его спрашивать, боясь наткнуться на насмешки, холодность, быть может, даже на упреки, которые – она знала – повергнут ее в отчаяние.

Нет, в одном мужчине она уже обманулась и второй раз наступать на одни и те же грабли не собиралась. Марис поклялась себе самой страшной клятвой, что больше не совершит подобной ошибки. Никогда. И уж, во всяком случае, не через какие-то семь или восемь дней...

После ее дурацкой шутки насчет люстры и покойника Марис и Паркер надолго замолчали. Пауза опасно затянулась, и, чтобы что-нибудь сказать, Марис спросила безмятежным голосом, доволен ли он тем, что успел написать за утро.

– Мне кажется, вышло довольно-таки неплохо... – буркнул в ответ Паркер.

Марис усмехнулась. Паркер вел себя не как взрослый, а

как подросток, которого застукали в школьном туалете с сигаретой и вызвали к директору. До вчерашнего вечера он держался с ней вызывающе, почти развязно, и не упускал буквально ни одного случая встать в разговор какую-нибудь сальность, какую-нибудь скабрёзную шуточку. С самого первого дня их знакомства он не скрывал своего влечения к ней и поэтому его сегодняшнее смятение выглядело неестественно.

– Что, попало тебе от Майкла? – осведомилась Марис.

– За что это? – он с вызовом посмотрел на нее.

– За попытку соблазнить замужнюю женщину.

– А была попытка?

– Не могу сказать, чтобы ты сделал это против моей воли, но...

– Разве в таком случае можно сказать, что я тебя соблазнил?

– Послушай, Паркер, ты ответишь на мой вопрос или нет?

– Майкл очень за тебя волнуется.

– Почему?

– Он считает, что я – до предела развращенный тип, у которого за душой нет ничего святого.

– А по-моему, ты для него – и солнце, и луна, и свет в окошке.

– И все равно он боится, что я могу причинить тебе боль, – упрямо возразил Паркер.

Марис пристально посмотрела на него.

– Ну и... как? – осторожно спросила она. – Ты действительно можешь сделать мне больно?

– Могу.

Этот прямой ответ застал Марис врасплох. Не отрывая взгляда от его лица, она медленно опустилась на стул.

– Что ж, по крайней мере честно... – проговорила она тихо.

– Я всегда говорю, что думаю. Иногда это звучит жестоко и... Большинству людей это не нравится.

– Ничего удивительного, но я – не «большинство».

Его губы, до сих пор сурово сжатые, чуть дрогнули, а в глазах, которые лишь несколько мгновений назад казались такими чужими и холодными, что-то блеснуло.

– Действительно, ты не «большинство», – проговорил Паркер, пристально вглядываясь в лицо Марис, словно видел ее в первый раз.

Майкл вернулся на кухню с несколькими листами бумаги в руках.

– Текст вышел довольно бледным, поэтому мне пришлось заменить картридж и распечатать страницы заново, – объяснил он, протягивая рукопись Марис.

– Я собираюсь вернуться к работе, – сказал Паркер, поворачивая кресло. – Нужно кое-что пересмотреть. А вы не вздумайте обо мне сплетничать, пока меня не будет.

– У нас найдутся более интересные темы для разговоров, – заметил на это Майкл, провожая Паркера долгим вниматель-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

Марис рассмеялась.

– Вы как братья-близнецы, которые постоянно ссорятся, но и жить друг без друга не могут. Или как старая супружеская пара. Вы когда-нибудь были женаты, Майкл?

– Я старый холостяк, Марис. Кстати, как насчет крабов в кляре на обед?

– Отлично. А Паркер?

– Был ли Паркер женат? Нет, не был.

– А... женщины у него были?

– А вы как думаете?

Марис опустила взгляд и принялась водить пальцем по узору на клеенке.

– Я думаю, женщины у него были.

– Были, Марис, – не так много, но и не так уж мало. Впрочем, ничего серьезного...

Марис кивнула, и Майкл принялся шарить в буфете, доставая муку и другие необходимые продукты.

– Паркер рассказывал мне, как вы его спасли, – сказала она.

Майкл снова повернулся к ней, и Марис заметила, что он удивлен ее словами.

– Он преувеличивает мои скромные заслуги, – ответил Майкл. – Все, что я сделал, – это сказал ему то, что он знал и без меня.

– Например?

– Например, я сказал, что дорожка, на которую он ступил, непременно приведет его к гибели, но что произойдет это не сразу. Смерти от передозировки обычно предшествует довольно длительный период распада личности и полная потеря человеческого облика. Если хочешь превратиться в растение, в амебу, которая только жрет «колеса» и испражняется под себя, – валяй, действуй, сказал я ему. Только имей в виду, что тот, кто действительно хочет свести счеты с жизнью, обычно находит более короткий путь.

– Мне кажется, с психологической точки зрения это были очень правильные слова, – заметила Марис. Майкл лишь пожал плечами.

– Главное, это сработало. – Он показал на страницы, которые Марис все еще держала в руках. – Как вам новая глава?

– Я ее еще не смотрела – я перечитывала то место, где рассказывается про ребенка Марии Катарины. Именно в этой главе Тодд впервые показал себя отъявленным мерзавцем.

– Странно, что вы считаете его мерзавцем, – пробормотал Майкл растерянно.

– Разве я не права? – удивилась Марис.

– Пожалуй, правы. – Майкл пожал плечами. – Во всяком случае, Паркер именно этого и добивался.

– А вы читаете все, что он пишет?

– Только когда он меня об этом просит.

– И часто он вас просит?

– Честно говоря, постоянно.

– Я так и думала! По-моему, Паркер очень дорожит вашим мнением.

– Этот тип считается только с самим собой – и ни с кем больше.

– Пожалуй, его интересуют не столько ваши советы, сколько ваша реакция. Для него это как обратная связь с читателями. Я работала с писателями и знаю: многим из них необходимо что-то вроде камертона, сверяясь с которым они строят сюжет и выбирают стиль. Им необходим преданный слушатель.

Майкл не стал развивать эту тему дальше. Вместо этого он спросил, читал ли рукопись кто-то из редакторов издательства.

– Паркер так настаивал на анонимности, что я показала рукопись только одному человеку – моему отцу. Он прочел ее и... Отец разделяет мое мнение.

– И больше никто рукописи не видел?

– Нет.

Марис покачала головой, вспоминая, как она просила Ноя посмотреть рукопись, но он так и не сподобился этого сделать. Каждый раз, когда она пыталась заставить его прочесть хотя бы несколько страниц, он рассеянно отвечал, что делает это, как только позволит его расписание. Теперь-то Марис знала, чем он был так занят. Очевидно, свое свободное время Ной тратил на развлечения с Надей.

– Кстати, об отце... – вспомнила Марис и достала из кар-

мана мобильный телефон. Ей казалось маловероятным, чтобы она не слышала, как он звонил, однако она все же проверила экран полученных сообщений.

– Надо позвонить ему еще раз, – сказала она озабоченно. – Утром я звонила домой, но никто не взял трубку, а это... странно.

Марис не беспокоилась – ей было только непонятно, куда подевалась Максина и почему она не подходит к телефону. Обычно продукты привозили им на дом, так что по магазинам пожилая экономка почти не ходила.

Что касается Дэниэла, то на работу он не приезжал – Марис в этом уже убедилась.

«Значит, – решила она, – они отправились куда-то вместе». Дэниэл любил иногда «выбраться в город», как он это называл, а Максина всегда его сопровождала – не столько по обязанности, сколько для того, чтобы немного отдохнуть от однообразной работы по дому.

Марис не в первый раз делала попытки дозвониться домой. Она оставила отцу несколько голосовых сообщений, в которых просила перезвонить ей, однако звонка так и не последовало.

– Можете воспользоваться нашим аппаратом, – предложил Майкл, заметив беспокойство Марис.

– Спасибо, я позвоню с мобильного телефона. Сунув под мышку рукопись, Марис направилась к задней двери.

– Мне не терпится поскорее узнать, что же было дальше.

Мобильный телефон Ноя звонил резко и требовательно.

– Алло? – сказал он, нажимая на кнопку ответа.

– Ты где?

– Это ты, Надя?

– Да, Ной, это Надя, – нервно отозвалась она, и Ной украдкой бросил взгляд через плечо, чтобы убедиться – Дэниэл еще не спускался. Яркий солнечный свет бил в поднятые жалюзи и ложился на пол ровными параллельными полосами. В лучах света крутились золотые пылинки. Мягко светились обитые темно-шафранным атласом стены.

На вкус Ноя, загородный дом Мадерли был слишком роскошным и старомодным; сам он предпочитал прямые углы, плоские полированные поверхности, составлявшие основу современного, функционального стиля, однако и он отдавал должное мастерству реставраторов и дизайнеров, сумевших с такой точностью воссоздать колониальный стиль начала восемнадцатого века. Что ни говори, в нем что-то было – что-то такое, что Ною никак не удавалось определить словами. Ему, однако, было вполне достаточно того, что особняк стоил целую кучу денег, а деньги Ной уважал. Деньги и еще славу, если быть точным. Впрочем, дом Мадерли был и известным тоже – лет пять назад о нем писали в «Архитектурном журнале».

В гостиной, в которой расположился Ной, стояли широкие и удобные мягкие кресла ручной работы, к каждому из которых прилагалась низенькая скамеечка для ног. Медная решетка камина была старинной – ей было столько же лет, сколько самому особняку. За стеклянными дверцами высокого буфета мягко поблескивал коллекционный фарфор, который собирала Розмари Мадерли. Как было достоверно известно Ною, эти тарелочки, чашки и блюда обошлись Дэниэлу в кругленькую сумму, но за прошедшие два десятка лет стоимость коллекции выросла по крайней мере в семь раз.

На приставных диванных тумбочках, на стенах и на полках книжных шкафов были расставлены многочисленные фотографии, на которых Дэниэл Мадерли был снят со знаменитыми авторами и издателями, а также со звездами эстрады, спорта и политики, включая двух президентов. На отдельной полке стояли рассортированные по годам альбомы с фотографиями Марис, в которых была запечатлена вся ее жизнь – с самого детства и по настоящее время.

На столе в центре комнаты стояла в рамке и свадебная фотография Ноя и Марис, сделанная на приеме в честь их бракосочетания. На снимке смеющаяся невеста кормила Ноя из рук свадебным тортом, и теперь, глядя на фотографию и разговаривая по телефону с любовницей, Ной даже испытал своего рода удовольствие.

– Я весь день пытаюсь тебе дозвониться! – накинулась на него Надя. – Почему ты не отвечаешь?

– Потому что мне так захотелось, – ответил Ной, блаженно потягиваясь. – Каждый раз, когда на определителе появлялся твой номер, я выключал звонок.

– Ты меня избегаешь? Я так и поняла, поэтому решила позвонить тебе с телефона подруги.

– Эта твоя подруга случайно не носит штаны? – осведомился Ной.

– Все будет зависеть от того, будешь ты со мной разговаривать или нет, – парировала Надя.

– У тебя замечательная память, Надя, – сказал Ной. – Кое-что ты отлично помнишь, а кое о чем предпочитаешь забыть. Мне кажется, это весьма удобно, но не у каждого получается.

– Что же я забыла? – спросила Надя.

– Ты забыла, почему я не хочу с тобой разговаривать.

– Ничего подобного, я прекрасно помню, в чем дело. Просто когда сегодня утром я проснулась, я решила простить тебя и...

– Простить меня?! – перебил Ной. – Но ведь это не я трахался со своим тренером!

– Я видела твоего персонального тренера – по доброй воле никто с ним трахаться не захочет.

Ной едва сдержал грубое ругательство. Надя снова взялась за свое. Опять она его высмеивала и пыталась разозлить. Точно так же она держалась, когда он застал ее вытянувшейся на смятых простынях. Тогда он едва не задушил Надю; и теперь стоило ему только услышать в ее голосе на-

смешливые нотки, как прежняя ярость тотчас проснулась в нем с новой силой. Это была именно ярость, а не ревность, поскольку Ною было абсолютно наплевать, с кем еще трахалась Надя. К ее изменам Ной был равнодушен, он не выносил только одного – насмешек над собой.

И тогда тоже Надя не смутилась, не пыталась раскаяться или оправдаться, она только улыбалась, улыбалась вызывающе и насмешливо. Именно это дерзкое и надменное выражение ему и хотелось стереть с ее лица кулаками.

Да, тогда он был зол настолько, что, казалось, мог бы убить Надю голыми руками. Ной уже представлял себе, как сжимает обеими руками ее горло, как трепещет в агонии ее тело, как вылезают из орбит глаза и перестает биться сердце. Это желание уничтожить ее было столь сильным, что он с трудом удержался от рокового шага. К счастью, Ною удалось справиться с собой и не совершить непоправимой ошибки, однако пережитые эмоции были достаточно сильны, чтобы он осознал: только что он снова заглянул в бездну.

Да, у его души была обратная, темная сторона. Как обратная сторона Луны, она обычно была не видна, но она существовала.

За последние время Ной дважды побывал в плену темной стихии своего «я». В первый раз это случилось, когда Марис застала его с Надей. Во второй раз – когда он сам застукал Надю с тренером. В обоих случаях он испытал сильнейшее желание отомстить. Заставить обидчицу замолчать навсегда.

Изуродовать. Искалечить. Убить.

Теперь он вполне владел собой, но интерес к собственным переживаниям остался. Ной был словно зачарован мрачной глубиной разверзшейся перед ним бездны. Ему хотелось исследовать ее, опуститься глубже, чтобы получше рассмотреть, что же скрывается в клубящемся на дне мраке.

А Надя, не подозревая ни о чем подобном в душе своего любовника, продолжала наивно полагать, что Ной злится на нее за интрижку с накачанным тренером.

– Ты сам виноват, – твердила она. – Припомни-ка, дружок, как ты вел себя тогда за завтраком! Никто не смеет называть меня глупой и надеяться, что я это так оставлю. Ты первый начал – я только отплатила тебе за оскорбление, так что теперь мы квиты. Так, может, мы забудем об этом маленьком недоразумении и займемся делом?

Ною очень хотелось обозвать Надю словом, которое вертелось у него на языке и прекрасно характеризовало основные свойства ее натуры, – обозвать и повесить трубку, чтобы она поняла, как он относится к ней на самом деле. Но он не сделал этого, так как прекрасно понимал – на данном этапе ему выгоднее иметь Надю союзником, а не врагом. Сделка с «Уорлд Вью» висела на волоске, и разрыв с Надей мог означать крушение всех его надежд.

Кроме того, Ной уже заметил, что Надя, похоже, нравится Моррису Блюму и, следовательно, еще может быть ему полезна. В конце концов, ведь именно она свела их, так почему

бы ему не использовать и другие выгоды, вытекающие из ее доброго расположения? Когда-нибудь – он знал это точно – Надя получит свое, но не раньше, чем будет подписан договор с «Уорлд Вью» и у него на счету не появятся денежки. Десять миллионов долларов награды за пять минут смирения? Да с удовольствием! За такие деньги и единоличный контроль над «Мадерли-пресс» Ной готов был пойти и на большее.

– Эй, Ной? Ты что, заснул? Куда ты пропал?!

Голос Нади вернул его к действительности. Теперь он звучал мягко, почти просительно, и Ной понял, что Надя решила подсластить пилюлю. Что ж, это делало его задачу еще более простой.

– Я здесь, – ответил он.

– Нет, я имею в виду – где ты сейчас находишься? Улыбнувшись, Ной сказал:

– Я нахожусь в загородном доме моего тестя.

– У Дэниэла Мадерли? Ной снова усмехнулся.

– У меня только один тесть, Надя.

– И зачем тебе это понадобилось?

– Нам нужно кое-что обсудить, Надя. Я сам предложил ему поехать сюда.

– Ага, понятно. Ты собираешься нанести последний удар?

– Точно. – Он сказал Наде, что Марис снова уехала в Джорджию, а экономка осталась в Нью-Йорке. – Так что мы здесь только вдвоем, – закончил он самодовольно. – Рыбал-

ка, немного виски, откровенные мужские разговоры и все такое...

– Потом небольшой нажим и...

– ...И курочка снесет золотое яичко. Впрочем, я сомневаюсь, что мне придется давить на старика очень уж сильно.

– Дэниэл Мадерли гораздо упрямее, чем ты думаешь, и так просто не сдастся.

– Никто и не говорит, что будет просто, но я уверен – мне удастся его убедить. Надя немного помолчала.

– А поддержка тебе не нужна? – спросила она наконец. – Я могла бы подъехать. Надеюсь, ваш загородный дом достаточно просторен, чтобы там нашлось местечко и для меня?

– Интересное предложение. Даже очень хорошее предложение, но я боюсь, ты не сумеешь удержаться в рамках благоразумия. К тому же, когда старик немного выпьет, он начинает путать двери. Вдруг он зайдет не в ту спальню и увидит на кровати прилежных последователей Камасутры?

– А что мы ему можем показать на этот раз?

– Нет, ты неисправима!

– Абсолютно! И у меня нет ни капли стыда. Вот почему мне так нравится заниматься сексом, когда я знаю, что меня могут увидеть. К тому же, если твой старенький тесть случайно наткнется на нас, кто знает, может, из этого и выйдет что-то... Ты, часом, не знаешь – сердце у него здоровое? – Она перешла на соблазнительный шепот. – Лучший секс – это секс с выдумкой, Ной! Мы купим шоколадные конфеты с

какой-нибудь тягучей начинкой – такие, которые ты так любишь слизывать, и...

– Отличный секс по телефону, Надя, – честно признался Ной. – Я даже возбуждился.

– Дай мне два... нет, полтора часа, и я буду у тебя!

– Я бы дорого дал, чтобы ты была здесь сейчас! Но ведь ты знаешь, Надя, – тебе нельзя приезжать.

– К сожалению, знаю. Я тоже многое теряю, если эта сделка сорвется. Просто мне тебя очень не хватает. Наверное, придется мне достать мой верный вибратор и немного пофантазировать.

Ной негромко рассмеялся:

– Надеюсь, у тебя есть батарейки?

– Даже два комплекта.

– Слушай, кажется, Дэниэл идет. Мне пора, Надя. Увидимся, как только я вернусь.

– Пока, дорогой.

Ной выключил аппарат, потом проникновенно добавил в молчащую трубку:

– ...Я тоже люблю тебя, милая.

Обернувшись, он увидел входящего в гостиную Дэниэла.

– О, это вы! Марис только что звонила. Она не хотела звонить на ваш телефон – боялась, что вы легли отдохнуть. Хотите, я сейчас же ей перезвоню? Правда, она сказала – они там как раз садятся ужинать, но я думаю...

– Нет, нет, не стоит, – остановил его Дэниэл. – Как у нее

дела?

– Марис работает над рукописью. Говорит – жара стоит ужасная. У нее все отлично, только очень соскучилась.

– Ладно, не будем ее беспокоить, – решил Дэниэл и опустился в кресло. Трость он прислонил к журнальному столику рядом. – Я действительно немного вздремнул, только теперь пить хочется.

Ной непринужденно рассмеялся и, легко поднявшись с кресла, направился к одной из тумбочек, служившей баром.

– Виски?

– Со льдом, пожалуйста.

– Я позвонил в кафе. Они доставят двойные сэндвичи, картофельный салат с майонезом, шоколадный торт и ванильное мороженое на десерт. Вот такой у нас будет праздничный ужин.

Дэниэл хмыкнул.

– Эта холостяцкая жизнь с каждым днем нравится мне все больше и больше, – сказал он, принимая из рук зятя стакан с виски. – Отличная была идея, Ной!..

Марис была рада, что она переделалась к ужину, так как Майкл впервые за время их знакомства накрыл стол в большом обеденном зале.

Сегодня на Марис было серое шелковое платье, которое она купила в начале лета у Бергдорфа, полагая, что оно как нельзя лучше подойдет для какого-нибудь загородного пик-

ника. Так и вышло, если, конечно, можно было назвать пикником этот ужин в особняке восемнадцатого века. И хотя элегантное платье и крупные коралловые бусы не делали ее похожей на томную южную леди, выглядела она в этой обстановке вполне достойно.

Сегодня Майкл превзошел самого себя. Застеленный белой льняной скатертью стол украшала низкая ваза, в которой плавали душистые цветы магнолии; по обеим сторонам от вазы стояли до блеска начищенные бронзовые подсвечники с белыми свечами. Тарелки были из тончайшего костяного фарфора, начищенные серебряные приборы сверкали, хрустальные бокалы разбрызгивали во все стороны крошечные зайчики.

– Как красиво, Майкл! – воскликнула Марис, замерев на пороге зала.

– Только не думай, будто все это мое, – сказал из своего кресла Паркер. – Все это великолепие взято напрокат на один вечер.

– Угу, – подтвердил Майкл. – В баре у Терри... Ты, наверное, не знаешь, что он зарабатывает на жизнь, сдавая напрокат сервиз, доставшийся ему от прабабушки?

Марис рассмеялась.

– Откуда бы ни взялась эта посуда, мне она очень нравится. Даже в самых дорогих ресторанах Нью-Йорка редко можно увидеть что-нибудь подобное.

– Боюсь, что ничего подобного нельзя увидеть даже на

столе у наследного принца Брунея, – заметил Майкл. – Это действительно очень старая посуда. Она принадлежала матери Паркера, а до нее – ее семье. – Он налил Марис вино в высокий хрустальный фужер. – Удивительно, но за двести лет треснула только одна соусница и разбился один бокал.

– За двести лет? – Марис удивленно посмотрела на Паркера, и тот кивнул.

– Этот сервиз на двенадцать персон состоял из двухсот с лишним предметов и передавался в семье матери из поколения в поколение. Как правило, он доставался в качестве свадебного подарка старшей дочери или – если в семье не было дочерей – невестке. А поскольку у моей мамы не было ни дочерей, ни женатых сыновей, сервиз перешел ко мне. Что касается того, что он уцелел, то тут нет ничего удивительного – им пользовались только по самым торжественным случаям. Интересно только, что у нас сегодня за дата? Десятая годовщина твоего избавления от геморроя, а, Майкл? – И он бросил на своего друга быстрый взгляд.

Майкл выпрямился и хотел что-то ответить, но Марис, боясь, как бы их обычная пикировка не превратилась в ссору, поспешила вмешаться.

– Давайте выпьем за то, – сказала она, поднимая бокал, – чтобы Паркер поскорее закончил свою «Зависть».

– За это я бы выпил, – согласился Майкл.

– Но до конца еще далеко, – уточнил Паркер.

Звон сдвигаемых бокалов напомнил Марис бой старин-

ных часов. Только сейчас Марис заметила, что Паркер тоже приоделся к ужину, и невольно подумала, сделал ли он это по настоянию Майкла или по собственной инициативе. Правда, волосы его были, как обычно, растрепаны, однако это ему даже шло. Судя по исходившему от него запаху сандалового крема, он недавно побрился; кроме того, он надел свежую рубашку, которая, как ни странно, была застегнута на все пуговицы и аккуратно заправлена в легкие голубые брюки. Рукава ее были закатаны до локтей, обнажая загорелые мускулистые предплечья.

Облюбованная призраком люстра не горела, и мягкий свет свечей скрадывал глубину и резкость избородивших его лицо морщин – следов пережитых страданий. Марис даже показалось, что сегодня Паркер пребывает в благодушном настроении, что было для него по меньшей мере не характерно. Пока Марис с Майклом ели, он развлекал их рассказами о Терри и о том, какой репутацией пользуется на континенте его бар. По слухам, это было нечто среднее между базой современных пиратов и подпольным притоном, где активно шла торговля наркотиками и «живым товаром».

– Не знаю, что тут правда, а что выдумка, – закончил Паркер. – Мне известно одно: у Терри подают отличные бифштексы!

При воспоминании о своем посещении таверны у причала Марис передернуло.

– Увы, я вряд ли решусь порекомендовать это место ко-

му-то из своих друзей – уж больно неприветливая там публика, – заметила она.

– Но-но, ты не очень-то!.. – оскорбился Паркер. – Как-никак Терри делает нам скидку как постоянным клиентам, и я не позволю...

Марис решила, что пора сменить тему, и заговорила о романе:

– Насколько я заметила, напряжение между Рурком и Тоддом понемногу нарастает.

– Вот как? – осведомился Паркер с показным интересом. – Майкл, будь добр, положи мне еще вон того салата...

– Да, – с нажимом сказала Марис. – Оно чувствуется в каждой фразе. Похоже, скоро наступит кризис. Я угадала?

– Ни словечка не скажу – иначе будет неинтересно, – отрезал Паркер.

– Ну хоть намекни! Пожалуйста!

Паркер поглядел на Майкла:

– Как тебе кажется, могу я рассказать ей о какой-нибудь из своих идей относительно сюжета?

Майкл несколько секунд раздумывал, потом пожал плечами.

– В конце концов, Марис – твой редактор – сказал он.

– Вот именно! – подтвердила Марис, и все трое рассмеялись. Потом она слегка наклонилась к Паркеру и проговорила громким театральным шепотом:

– Что, если ты допустишь фатальную ошибку – фатальную

в литературном смысле? Чтобы исправить ее, придется приложить немало труда, тогда как, если мы с тобой обговорим следующие сцены, я постараюсь указать тебе на возможные опасности и избавить от лишней работы.

Паркер подозрительно сощурился:

– Знаешь, на что это похоже? На завуалированную угрозу.

– Вовсе нет. – Марис ослепительно улыбнулась. – Это самый обыкновенный неприкрытый шантаж.

Паркер накрыл ладонью бокал, рассеянно скользя пальцами по затейливой гравировке. При этом он пристально посмотрел на Марис, но она выдержала его взгляд и даже с вызовом вскинула подбородок.

Майкл отодвинул стул и встал:

– Как насчет клубничного шербета? Я сам приготовил его из свежих ягод.

– Вам чем-нибудь помочь? – тут же откликнулась Марис, продолжая неотрывно смотреть в глаза Паркеру.

– Пожалуй, я справлюсь. – Майкл отправился в кухню, прикрыв за собой дверь.

Марис почувствовала, как у нее слегка закружилась голова. Это было странно: после двух бокалов легкого вина опьянеть она вряд ли могла, поэтому Марис решила – все дело в том, как Паркер на нее смотрит. Действительно, взгляд у него был таким, словно именно Марис, а не клубничный шербет, была долгожданным десертом к сегодняшнему ужину.

– Итак, что же дальше? – спросила она, безуспешно пытаюсь справиться с внутренней дрожью.

– Сказать – что? – Его взгляд, остановившийся было на вырезе ее платья, снова обратился к лицу Марис. – Нет, просто взять и сказать – это неинтересно. У меня есть идея получше. Мы сыграем в «Старшую карту». Помнишь сцену из «Соломенной вдовы», где Дик Кейтон и невольная свидетельница убийства играли в эту игру?

– Смутно, – солгала она. На самом деле Марис отлично помнила этот эпизод. – Как звали эту свидетельницу? – спросила она с самым невинным видом.

– У нее было прозвище – Френчи Француженка. Ее прозвали так потому, что она была обольстительно стройной, светловолосой, с крупным ртом. А главное, она обожала делать...

– Да-да, я вспомнила, – поспешно сказала Марис, и Паркер плотоядно улыбнулся.

Стараясь оставаться серьезной, Марис сказала:

– Я подзабыла правила этой игры. Ты не напомнишь?

– С удовольствием. Они использовали обычную колоду в тридцать две карты. Каждый вытаскивает по одной карте. Старшая карта выигрывает. Как видишь, все очень просто.

– Что именно выигрывает старшая карта?

– Если выигрывал Кейтон, Френчи должна была сообщить ему одну из примет убийцы.

– А если старшую карту вытаскивала Френчи?

– В этом случае Кейтон обязан был исполнить одно ее желание – обязательно сексуального характера.

– Кейтон должен был исполнить желание Френчи?

– Совершенно верно.

Марис слегка вытянула губы и постучала по ним кончиками пальцев, словно раздумывая.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сказала она, – по мне кажется, что Дик Кейтон выигрывает и в том, и в другом случае.

– Ничего удивительного – ведь в данном случае именно Кейтон устанавливал правила, а он был далеко не глуп.

– Но Француженка...

– Ты же помнишь, какой она была. Настоящий сексапил! Длинные светлые волосы, ноги от ушей, огромные сиськи, а попка... Это же просто мечта поэта! Добавлю в скобках – и прозаика тоже... Тебе этот тип должен быть знаком. Среди них изредка попадаются весьма приятные особы, но бедняжка Френчи, к сожалению, никогда не была особенно умна.

– Таким образом, – подвела итог Марис, – умный-преумный Кейтон ухитрился сесть сразу на оба стула – сумев получить и удовольствие и информацию.

– По-моему, – заметил Паркер, – это была неплохая идея.

– Идея-то неплоха; жаль только, что ты считаешь меня не умней Француженки. Ты действительно уверен, что я буду играть с тобой по таким правилам?

– Это зависит от...

– От того, насколько сильно мне хочется услышать, что будет в твоей книге дальше?

Паркер кивнул.

– Или от того, насколько сильно ты хочешь, чтобы я исполнил твои сокровенные желания.

Последний шедевр Говарда Бэнкрофта Дэниэл читал не спеша. Ной специально не показывал документы тестю до ужина. Только после того, как они поели и, взяв по бокалу рейнвейна, устроились перед телевизором в уютной малой гостиной, он достал из кейса небольшую кожаную папку и, протянув Дэниэлу, сказал: «Взгляните на эти бумаги, мистер Мадерли, и скажите, что вы о них думаете».

Наконец Дэниэл отложил документы и поглядел на Ноя поверх своих старомодных очков.

– Итак, для этого уик-энда у тебя были свои причины, – сказал он. – Ты хотел остаться со мной один на один, так? Ной выпустил к потолку тонкую струйку сигарного дыма.

– Вовсе нет, мистер Мадерли. Я мог бы прийти к вам с этим предложением и в Нью-Йорке.

– Но предпочел сделать это здесь.

– Потому что за городом вы отдыхаете и ваш мозг начинает работать четче, яснее. Здесь нет Максины, которая только мешала бы нам своей заботой. Кроме того, здесь мы можем говорить о деле, не отвлекаясь на текущие дела и проблемы, – говорить, откровенно, по-родственному, как члены одной семьи.

Но Дэниэл все еще сомневался. Впрочем, Ной был к этому готов. Чего он не ожидал, так это того, что старикотреагиру-

ет так спокойно. Ною казалось, что знакомство с таким документом способно вызвать ярость, крик, взрыв, и ему придется ждать, пока гнев Дэниэла хоть немного остынет.

Не без опаски следил Ной за тем, как Дэниэл выбирается из своего кресла и встает, тяжело опираясь на трость.

– Вам что-нибудь нужно, мистер Мадерли? – заботливо осведомился Ной, наклоняясь вперед. – Еще рейнвейна? Позвольте я вам принесу...

– Спасибо, я возьму сам, – коротко ответил Дэниэл и вышел. Ной остался в гостиной. Его буквально трясло от волнения и возбуждения. Ной вытянулся в кресле и сделал вид, что его до крайности занимают колечки дыма, которые он пускал к потолку.

Наконец вернулся Дэниэл. Он долго усаживался, потом раскурил трубку, отпил несколько глотков из своего бокала и наконец заговорил:

– Если это, как ты говоришь, семейный разговор, тогда почему ты начал его в отсутствие одного из ближайших родственников?

Ной ответил не сразу. Разглядывая тлеющий кончик сигары, он тщательно подбирал слова. Наконец он проговорил:

– Это очень непростой вопрос, мистер Мадерли. Я бы даже сказал – деликатный.

– Именно это я и имел в виду, – кивнул Дэниэл.

– Тогда вы, несомненно, должны понимать, почему я не стал обсуждать его с Марис. Ведь по телефону такие пробле-

мы обычно не решаются.

Ной в свою очередь сделал глоток рейнвейна. Он бы предпочел виски, но пришлось пить вино, чтобы составить стариком компанию. Возвращая бокал на стол, Ной коснулся пальцами рамки, в которую была заключена их свадебная фотография, и улыбнулся – с нежностью и чуть печально.

– Марис думает не столько головой, сколько сердцем, – проговорил он, снова поднимая взгляд на Дэниэла. – Ее первая реакция всегда бывает слишком эмоциональной. Впрочем, вы знаете это лучше меня – ведь вы ее вырастили.

– Но Марис уже не ребенок.

– Да, она женщина, и у нее чисто женские реакции. Они мне очень нравятся; можно даже сказать, что именно они делают Марис такой привлекательной личностью. Однако с профессиональной точки зрения излишняя эмоциональность ей вредит. Помните, как она рассердилась, когда узнала о моей встрече с представителями «Уорлд Вью»? Не может быть никаких сомнений, что, когда Марис увидит этот документ, ее реакция будет еще более острой!

Ной сделал небольшую паузу и посмотрел на бумаги, которые теперь лежали между ними на журнальном столике.

– Насколько знаю свою жену, – добавил он, – Марис способна удариться в панику. Она решит, что мы что-то от нее скрываем. Например, что у вас рак. Или что вам срочно необходима пересадка сердца. Или... В общем, вы меня поняли. – Ной покачал головой и негромко рассмеялся. – Вы же

помните, как на прошлой неделе она обвинила нас в том, что мы намеренно держали ее в неведении, оберегая от ненужных волнений. И если...

– Но если я подпишу этот документ, не посоветовавшись предварительно с ней, она будет в ярости, – перебил Дэниэл.

– Без сомнения, мистер Мадерли, без сомнения! Так что в данном случае весь выбор сводится к одному: произойдет ли этот скандал до того, как будет подписан документ, или после. Однако, мне кажется, что в первом случае нам понадобится гораздо больше времени, чтобы убедить Марис в разумности принятого решения. Когда же документ вступит в силу, Марис будет проще примириться с неизбежным. – Ной вздохнул.

– Например, с неизбежностью моей возможной смерти? Ной кивнул утвердительно:

– Вы верно уловили мою мысль. Впрочем, к реальностям, которые Марис отказывается признавать, можно отнести самые разнообразные жизненные обстоятельства. Вы – ее кумир, поэтому она просто не верит, что с вами может случиться что-то плохое. Подписать эту доверенность для нее все равно что признать: вас может разбить паралич или – простите меня, мистер Мадерли, – вы можете впасть в старческое слабоумие. Да что там подписать!.. Сама мысль о существовании подобного документа может показаться ей невыносимой. Марис немного суеверна; не буди лихо, пока оно тихо – вот ее девиз, поэтому для нее подписать эту доверен-

ность равнозначно тому, чтобы самой накликав беду.

Ной выдержал еще одну хорошо рассчитанную паузу.

– Вот почему я уверен, что Марис не станет подписывать документ, пока этого не сделаете вы, – сказал он наконец. – Поступив так, вы снимете с ее плеч львиную долю ответственности за события, которые могут произойти – а могут и не произойти в самом ближайшем будущем. По крайней мере тогда совесть не будет особенно ее терзать.

Дэниэл снова взял документ со стола и, пощипывая нижнюю губу двумя пальцами, проговорил:

– Я не глупец, Ной...

При этих его словах Ной едва не поперхнулся.

– И я вижу, что необходимость в составлении такого документа давно назрела...

Сдержав вздох облегчения, Ной кивнул.

– Несомненно, так считал и Говард Бэнкрофт. Это он подготовил бумаги.

– Ты уже говорил. И, говоря по совести, мне это не совсем понятно. Ведь он не мог не знать, что сходный документ уже давно готов и лежит в одной папке с моим завещанием и прочими личными бумагами. Мой личный адвокат составил его несколько лет назад, но у Говарда должна была быть копия.

– Как объяснил мне мистер Бэнкрофт, составленные вашим поверенным документы устарели...

Ной потянулся к пепельнице и с хорошо разыгранной небрежностью стряхнул с сигары пепел. Он вступал на зыб-

кую почву и сам знал это. До сих пор Ной только убеждал Дэниэла, и его доводы были достаточно разумны и аргументированы – это признал и сам старик. Настала пора совершить ловкий обходной маневр, и ошибиться он не мог. Один неверный шаг мог погубить все.

– Я думаю, – прибавил он задумчиво, – Говард Бэнкрофт решил обсудить эту проблему со мной, а не с Марис, руководствуясь теми же причинами, о которых мы с вами только что говорили. Он не хотел расстраивать ее раньше времени.

– Тогда почему он не поговорил со мной? – удивился Дэниэл.

– По той же причине, мистер Мадерли. – Ной потупился, словно ему было трудно говорить. – Говард Бэнкрофт боялся, что и вы можете отреагировать... гм-м... болезненно. Кроме того, вам могло показаться, будто ваши служащие начинают считать вас неспособным эффективно руководить издательством и принимать столь важные решения.

– Чушь! – резко перебил Дэниэл. – Мы с Говардом были близкими друзьями, и он никогда бы не побоялся сказать мне правду в глаза. Мы ничего не скрывали друг от друга, Ной. Черт побери, мы даже спорили, кому из нас придется первым отправиться на пенсию по состоянию здоровья, и жаловались друг другу на артрит, ревматизм, давление и прочие стариковские болячки.

– Охотно верю, но этот документ будет посерьезнее ревматизма, – возразил Ной. – Несомненно, Говард Бэнкрофт хо-

рошо понимал, насколько щекотливым может оказаться это дело... – Он знаком остановил Дэниэла, пытавшегося что-то сказать. – Как бы там ни было, я рассказал вам то, что узнал от него. В двух словах это можно определить так: из врожденной ли деликатности или по какой-то другой причине мистер Бэнкрофт предпочел действовать через меня.

– Ты имеешь в виду – он боялся, что я прикажу повесить гонца, принесшего дурную весть?

Ной пожал плечами, словно хотел сказать: «Что-то в этом роде...» Вслух же он проговорил:

– Как бы там ни было, это действительно очень личный вопрос, и Бэнкрофт мог посчитать, что будет лучше, если первым с вами побеседует кто-то из близких.

Дэниэл фыркнул, отпил еще глоток рейнвейна и снова пролистал документ. Неожиданно он остановился, чтобы перечитать какой-то абзац. Ной уже знал, о чем пойдет речь.

– До тех пор, пока Марис не поставит свою подпись, все полномочия по управлению компанией будут находиться...

– В моих руках. Я знаю, Дэниэл. Мне этот пункт тоже не понравился.

– Но почему Говард составил доверенность именно таким образом? Ведь он не мог не понимать, что это противоречит моей воле! Не то чтобы я не доверял тебе, Ной, но... «Мадерли-пресс» – это Марис, и наоборот, поэтому ни одно важное решение не может быть принято без ее непосредственного участия и прямого и недвусмысленного согласия.

– Разумеется, Дэниэл, разумеется! И Говарду Бэнкрофту – так же, как мне и любому другому сотруднику издательства, – это, несомненно, было известно. И когда я указал ему на этот пункт, он очень расстроился и признался, что проглядел его. – Ной усмехнулся. – Лично я считаю, что в данном случае его подвело традиционное европейское воспитание. В Старом Свете до сих пор уверены, что женщина может быть только женой, любовницей, дочерью или матерью. Поэтому европейцам трудно свыкнуться с мыслью, что женщина может быть вице-президентом фирмы с оборотом в несколько миллионов долларов. Кроме того, я знаю, что мистер Бэнкрофт всегда любил Марис. Не исключено, что для него она до самого конца оставалась просто маленькой девочкой с косичками, которую он когда-то качал на колене. Вот почему я настоял, чтобы мистер Бэнкрофт добавил к документу соответствующую оговорку, согласно которой доверенность считается недействительной, если ее не подпишет хотя бы один из вас.

Расчет Ноя строился на том, что Дэниэл не обратит внимания – упомянутая оговорка помещается на самой последней странице, которую можно легко удалить, не вызывая подозрений. Этот ход он придумал буквально несколько дней назад и теперь жалел, что нечто подобное не пришло ему в голову раньше. Оговорку составил по его просьбе тот самый не слишком щепетильный адвокат, о котором Ной упоминал во время своей последней беседы с Бэнкрофтом. Правда,

стиль оговорки не отличался присущими Говарду Бэнкрофту блеском и лаконичной точностью, исключавшей двойное толкование, однако Ной был уверен, что Дэниэл не заметит и этого.

В последний раз затянувшись сигарой, Ной потушил ее и оставил лежать в пепельнице. Сам он слегка хлопнул себя по коленям и, поднявшись, сдержанно зевнул.

– Что-то устал я сегодня, – пожаловался он. – Да и вам тоже надо отдохнуть. Давайте вернемся к этому вопросу завтра, мистер Мадерли. Как говорится, утро вечера мудренее. Кстати, что бы вы хотели на завтрак?

– Мне бы не хотелось больше к этому возвращаться, – внешне сказал Дэниэл. – Давай я подпишу эту чертову бумажку, и покончим с этим. Есть у тебя ручка?

Ной заколебался.

– Может быть, не стоит решать вот так, сгоряча? – спросил он. – Возьмите эти бумаги с собой в Нью-Йорк и покажите их мистеру Штерну. Пусть он тоже выскажет свое мнение.

Дэниэл упрямо покачал головой.

– Если бы я так поступил, я тем самым подверг бы сомнению честность и порядочность моего покойного друга, – заявил он. – Его смерть и так породила множество слухов и кривотолков, и я не хочу, чтобы люди говорили, будто Говард начал совершать ошибки и утратил мое доверие. Дай мне ручку, Ной!..

– Но ваша подпись еще не делает документ действитель-

ным с точки зрения закона. Ее еще надо удостоверить нотариально. – Это, кстати, тоже могло оказаться серьезной проблемой, однако Ной решил ее достаточно просто: в Нью-Йорке хватало нотариусов, готовых оценить свою профессиональную честь в кругленькую сумму наличными. У Ноя даже имелся на примете один такой тип, оказывавший подобные услуги каждому, кто готов был платить. Единственное, чего Ной пока не знал, – это как потом от него избавиться, чтобы не сделаться объектом шантажа, однако этот вопрос можно решить позже.

– Удостоверить подпись у нотариуса можно потом, когда мы вернемся, – проворчал Дэниэл. – А я хочу покончить с этой проблемой сейчас. Это необходимо мне ради собственного спокойствия, иначе я просто буду не в состоянии в полной мере наслаждаться отдыхом. Ты не забыл, что завтра утром мы идем на рыбалку? Так вот – на рыбалке я хочу думать о рыбе, которую поймаю, а не об этом документе. Говард был прав – мне уже давно следовало подумать о чем-то подобном. – Дэниэл снова фыркнул. – Так я получу сегодня ручку или нет?!

Ной и сам был поражен своим актерским мастерством. С видимой неохотой он вытащил из кармана свою любимую ручку с золотым пером и протянул тестю. Но прежде чем выпустить ее из рук, он пристально посмотрел Дэниэлу в глаза.

– Вы много выпили, мистер Мадерли, – заботливо сказал Ной. – Может быть, все-таки лучше подождать до завтра?

Ничего не случится, если...

Но Дэниэл решительно вырвал перо из его пальцев и раз-
машисто расписался в конце основной части документа...

Ужин решено было закончить на веранде за домом, где было заметно прохладнее. Но не успели они подняться из-за стола, чтобы перейти на веранду, как вдруг в обеденном зале появился откуда-то крупный желто-коричневый шершень. Сделав круг над столом, он опустился на край чашки с кофе, которую Марис как раз взяла в руки. При виде насекомого Марис не удержалась и вскрикнула – что было очень некстати, так как ее вопль можно было принять за ответ на реплику Паркера, касавшуюся ее сокровенных желаний.

Впрочем, сейчас Марис об этом не думала. Припомнив, что говорил им в детстве инструктор летнего лагеря скаутов, она застыла на месте, ибо это считалось лучшим способом избежать укуса насекомым или змеей.

Паркер сперва насмешливо поднял брови, но потом, увидев истинную причину ее тревоги, воскликнул:

– Майкл! Спрей от насекомых, живо!

Майкл метнулся в кухню и вернулся с большим баллоном «Черного флага». Хладнокровно прицелившись, он пустил в шершня шипящую струю. Шершень свалился на стол, несколько раз дернул лапкой и затих.

Паркер первым пришел в себя. Он предложил перебраться на веранду.

Розовый клубничный шербет в высоких вазочках был украшен листочками душистой мяты.

Паркер, нахмурившись, долго рассматривал свою крошечную кофейную чашку, потом мрачно изрек:

– Кофеина здесь не хватит, чтобы взбодрить и муху. Где моя большая кружка, Майкл?

Но ни Марис, ни Майкл не обратили на его ворчание ни малейшего внимания. Осторожно потягивая горячий кофе, Марис слегка покачивалась на качалке и прислушивалась к ночным звукам.

– О чем ты задумалась? – спросил наконец Паркер.

– Я думала, сумею ли я когда-нибудь снова привыкнуть к шуму ночного Манхэттена – к реву машин и пароходных сирен, – ответила Марис. – Теперь мне гораздо больше нравится звон цикад и пение лягушек.

Майкл собрал на поднос пустые вазочки от десерта и унес в дом. Как только дверь за ним закрылась, Паркер наклонился вперед и спросил:

– Собираешься нас покинуть?..

Вентиляторы под потолком раздували его волосы, а свет, лившийся из окон возле двери, освещал только половину его лица; другая же половина пряталась в тени, и Марис никак не могла уловить выражение его глаз.

– Рано или поздно мне все равно придется уехать, – вздохнула она. – Когда ты закончишь первый вариант «Зависти», моя помощь будет тебе не нужна. И тогда...

– Одно никак не связано с другим, Марис, – перебил Паркер нетерпеливо.

Одного звука его голоса оказалось достаточно, чтобы Марис снова почувствовала, как разгорается ее смятение.

Входная дверь по-домашнему уютно скрипнула – это вернулся Майкл.

– Ужин был неплох, – неожиданно сказал Паркер. – Спасибо, Майкл.

– На здоровье. Но чтобы достойно завершить вечер, – добавил он, – нам не хватает какой-нибудь занятой истории.

– Действительно! Вот если бы среди нас был хороший рассказчик!.. – подыграла ему Марис, лукаво поглядев на Паркера.

Паркер соорудил страшную гримасу, однако их интересно ему польстил. Сцепив пальцы, он поднял вытянутые над головой руки, громко хрустнув суставами.

– О'кей, против вас двоих мне не выстоять, – проговорил он. – Где ты остановилась?

– Я дошла до того места, где Рурк и Тодд отправились на пляж, напились и чуть не подрались, – проговорила она. – Тодд обвинил Рурка в том, что он скрывает от него критические отзывы профессора Хедли. То есть скрывает, что они достаточно благоприятны.

– А ты уже прочла, как Рурк обиделся?

– Да, и должна сказать, он имел для этого все основания. Насколько я заметила, Рурк еще ни разу не дал Тодду повода

подозревать его в преднамеренном обмане. Тодд же, напротив, то и дело ему лжет...

– Да, как в случае с Мэри-Шейлой. Похоже, мне придется добавить пару-тройку сцен с ее участием, – задумчиво проговорил Паркер. – Например, пусть она признается Рурку, что ребенок, которого она выкинула, действительно был от Тодда.

– Мне казалось, ты собирался дать читателям возможность самим решать, кто тут виноват.

– Да, собирался, но я, может быть, передумаю. Эта сцена еще больше усилит антагонизм между главными действующими лицами. А что, если... – Паркер немного подумал. – Что, если Тодд расстанется с Мэри-Шейлой? Просто бросит ее – и все: надоела мне, дескать, эта дурища! Только представь: он демонстративно избегает встречаться с ней и даже жалуется Рурку, что у нее совсем нет гордости, что она, мол, сама вешается ему на шею и все такое... Шейла со своей стороны открывает Рурку душу и признается, что забеременела от Тодда, потому что влюбилась в него. Рурку Шейла давно нравится. Кроме того, в ту ночь он ей очень помог, поэтому ему не все равно, как обращается с ней его приятель...

– А Тодд в конце концов узнает про ребенка? – перебила Марис.

– Вряд ли. Мария Катарина не хочет ему говорить, и Рурк решает не подводить девушку, которая доверила ему свою тайну.

– Я же говорила – этот парень знает, что такое порядочность!

– Не спеши делать выводы, – негромко возразил Паркер. – Разве ты не заметила, как бурно он протестует, когда Тодд обвиняет его в неискренности?

Марис немного подумала, потом кивнула:

– Теперь, когда ты об этом сказал, мне тоже кажется, что... Значит, отзывы профессора действительно были лучше, чем Рурк готов признать?

Улыбнувшись, Паркер достал из кармана рубашки несколько сложенных пополам страниц.

– Я набросал это сегодня утром...

Марис потянулась было к бумагам, но Майкл попросил Паркера прочесть написанное вслух.

– Ты тоже этого хочешь? – спросил Паркер у Марис, и она кивнула.

– Очень хочу, – сказала она.

Развернув сложенные страницы, Паркер положил их так, чтобы на них падал свет.

– «Уважаемый мистер Слейд, – начал читать он. – Если я правильно вас понял, вы выразили желание, чтобы в будущем я направлял свои письма не на ваш адрес, а на почтовое отделение, где вы арендуете ящик для корреспонденции. Поскольку лично для себя я не вижу в этом никаких преимуществ, позволю себе предположить – вы сделали это исключительно ради собственного удобства!» – Паркер поморщился. – Велеречивый старый баран!

– В конце концов, профессор Хедли специализируется на изящной словесности, – пожалала плечами Марис. – И мне кажется, некоторая экспансивность в манерах и способе выражать свои мысли вполне простительны... Хотя мне тоже показалось, что профессор выражается чересчур цветисто, Паркер, – сказала она. – Надо его немного подсократить. Со всем капельку! Впрочем, продолжай, пожалуйста.

Кивнув, Паркер принялся читать дальше:

– «...Человеческие отношения, которые годами строились на каком-то определенном фундаменте, очень трудно перевести, так сказать, „на новые рельсы“ – для этого сначала необходимо разрушить старый фундамент. Когда же он оказывается разрушен, отношения приходится фактически

строить заново; при этом можно быть совершенно уверенным, что они уже никогда не будут прежними...»

– О чем он говорит? – вмешался Майкл. – Я что-то не пойму!

– Мы ведь договорились, что я буду выкидывать лишнее? – Паркер с показным смирением пожал плечами и заскользил пальцем по строкам. – Вкратце, речь идет о том, что поначалу отношения между Рурком и Хедли были отношениями между студентом и преподавателем, и поэтому профессору трудно справиться с привычкой поучать, наставлять, критиковать и относиться к Рурку как к равному. – На секунду оторвавшись от текста, Паркер посмотрел на Майкла:

– Теперь тебе понятно?

– Да, спасибо. Теперь мне все понятно.

– Вот, здесь он пишет... «При этом я вовсе не хочу сказать, мистер Слейд, будто я обрел в вас равного себе. Мои знания и способности больше не позволяют мне адекватно оценивать то, что вы, пишете. Вы переросли их – вот почему давать вам советы должен кто-то более сведущий, нежели ваш покорный слуга. Впрочем, боюсь, что найти человека, чей талант критика и редактора был бы по крайней мере равен вашему таланту писателя, будет очень непросто. Редко, очень редко заурядному преподавателю вроде меня выпадает возможность работать с талантом такого масштаба, как ваш. Я считаю, что мне выпала большая честь наблю-

дать становление великого американского романиста, каким вы, я надеюсь, когда-нибудь станете!»... – В этом месте Паркер поднял вверх указательный палец, давая своим слушателям понять – он подбирается к самому важному месту. – «Ваши работы – то, что вы пишете и как пишете, – намного превосходят работы всех студентов, какие у меня были и есть, не исключая и вашего друга Тодда Грейсона. Он написал захватывающий роман, в котором вывел несколько любопытных характеров, однако ему недостает эмоциональной глубины, души, если угодно, в то время как ваша проза буквально пульсирует горячей, живой кровью.

У меня нет никаких сомнений, что его роман будет опубликован. Мистер Грейсон вполне способен создать технически безупречную рукопись, включающую все формальные признаки художественной прозы, однако сие вовсе не означает, что он пишет хорошо.

Я могу обучить студентов основам творческого письма, могу познакомить их со всем арсеналом художественных приемов, существующих в американской и мировой литературе, могу, наконец, познакомить с произведениями авторов, в совершенстве владеющих упомянутыми приемами, но я не могу дать человеку талант – это прерогатива бога. А между тем талант – это неопределимое, неуловимое нечто – и есть самое главное, без чего не может состояться писатель, как бы прилежно он ни учился. Эту печальную истину я постиг на собственном опыте. Если бы талант можно было

приобрести путем долгих упражнений и накопления знаний, сейчас бы я был одним из известнейших писателей Америки.

Так возблагодарите же бога, которому вы молитесь, за тот удивительный талант, которым он наградил вас при рождении. Писательский дар – это поистине волшебная способность, хотя благословение он или проклятье, я сказать не берусь. У вас, мистер Слейд, этот дар есть. У вашего друга, к сожалению, нет, и я боюсь, что рано или поздно это обстоятельство приведет вас к разрыву.

За десятилетия своей преподавательской деятельности я повидал сотни молодых мужчин и девушек. Все они были совершенно разными, и я льщу себе надеждой, что за это время я научился разбираться в человеческих характерах. Во всяком случае, я способен разглядеть, кто на что способен.

Некоторые качества в равной степени присущи всем нам и зависят от внешних обстоятельств, в какие мы по воле случая попадаем. Каждый из нас в тех или иных случаях испытывает страх или радость, разочарование или любовь.

Но существуют и другие качества, которые определяют характер или, лучше сказать, индивидуальность каждого человека. Некоторые из них достойны всяческого восхищения – я имею в виду милосердие, смирение, храбрость. Другие заслуживают порицания и осуждения – это такие качества, как зависть, эгоизм, скупость. К сожалению, люди, в которых эти последние качества преобладают, как правило, скрывают их под личиной обаяния или хороших манер и проделывают

это весьма успешно.

Но, как бы хорошо их ни скрывали, отрицательные черты характера никуда не исчезают. Напротив, они все глубже проникают в человеческое естество, отравляют человека своим ядовитым соком. Представьте себе угря в норе под берегом, который терпеливо ждет и даже предвкушает тот краткий миг, когда он сможет нанести удар тому, кто ему угрожает.

Я бы не хотел плохо говорить о вашем друге. Уж лучше бы моя интуиция меня подвела и я допустил бы ошибку, пытаясь оценить движущие им скрытые мотивы! Увы, я слишком хорошо помню, из-за чего, а вернее – из-за кого вы однажды опоздали ко мне на консультацию. Тогда все мы притворились, будто это был просто неудачный розыгрыш, тогда как на самом деле шутка (если только можно назвать подобный поступок шуткой) мистера Грейсона пахнет чем-то большим, чем грубость и недомыслие. И, между нами говоря, я немало удивлен тем, что после этого вы остались друзьями. Несомненно, это целиком ваша заслуга, ибо я убежден: поменяйся вы ролями, и мистер Грейсон вряд ли сумел бы простить вас так легко. Насколько я успел заметить, он вообще чужд снисходительности и прощения, и это – еще одно качество души, которое делает вас такими непохожими друг на друга.

Поймите меня правильно, мистер Слейд, я вовсе не присваиваю себе право выбирать вам друзей за вас. Даже если

бы вы сами попросили меня о чем-то подобном, я бы постарался уклониться от столь серьезной ответственности. И все же позвольте мне в заключение привести выражение, которое я на днях вычитал в одной книге и которое, несомненно, относится к одной из тех старинных идиом, которые так украшают английский язык.

Итак, мистер Слейд, „берегитесь бед, пока их нет“.

В заключение еще несколько слов. С нетерпением жду очередного варианта рукописи с вашей последней правкой. В сопроводительных письмах вы неизменно извиняетесь за то, что позволяете себе злоупотреблять моим добрым расположением и тратить мое время, и благодарите за тот подробный анализ, которому я подвергаю вашу работу. Давайте договоримся раз и навсегда: работать с вами для меня не наказание, а большая честь, которой я когда-нибудь буду гордиться. Искренне ваш – профессор Хедли».

Паркер сложил листы и вернул их в нагрудный карман. Несколько секунд все молчали. Наконец Марис, которую монотонный голос Паркера едва не убаюкал, стряхнула с себя сонное оцепенение и выпрямилась.

– Итак, интуиция не подвела Тодда – отзывы профессора Хедли о работе Рурка действительно были намного лучше, чем те, которые получал он, – подвела она итог.

Паркер кивнул:

– И Рурк скрывал это от него. Попросту говоря – лгал...

– Мне почему-то кажется, что такая ложь не в счет. Пар-

кер посмотрел на нее пристально, и Марис почувствовала, что должна объяснить свою позицию.

– Я уверена, Тодду было бы очень неприятно, если бы Рурк сказал, что Хедли считает талантливым его, в то время как сам Тодд просто дисциплинированный компилятор, способный лишь правильно составлять фразы.

– Если бы Тодд узнал, что профессор называл Рурка вторым Стейнбеком, он бы прекратил с ним всякие отношения тогда же, на берегу, – добавил Майкл. – И тогда никакого романа бы не было.

Паркер пробормотал что-то невнятное. Чтение, похоже, утомило его; во всяком случае, его настроение заметно упало, хотя Марис и не могла понять, что было тому причиной.

– Что тебя беспокоит, Паркер? – решила она на прямой вопрос.

– Ведь Рурк – положительный герой, так? И в паре «агнец и лев» именно он является агнцем, не правда ли?

– Можно сказать и так, – подтвердила Марис.

– И тебя не смущает, что этот положительный герой нагло обманывает своего друга?

– Не смущает, – без колебаний ответила Марис. – Ведь Рурк лжет не ради корысти. Наоборот, он жалеет друга, во всяком случае – щадит его самолюбие. Я не исключаю, что Рурк с самого начала их знакомства чувствовал... – Марис прищелкнула пальцами. – ...Нет, он знал, что Тодд одарен не так щедро, как он сам. Рурк просто не мог этого не по-

нимать! Иначе зачем бы он арендовал для своей корреспонденции почтовый ящик?! Ведь, кроме профессора, ему никто больше не писал! Но он сделал это, потому что не хотел, чтобы отзывы Хедли попали в руки Тодда.

– Ничего-то от тебя не ускользает! – заметил Паркер, заметно повеселев. – А теперь, Марис, постарайся об этом забыть.

– Почему? – удивилась она.

– Потому что об этом подробно рассказывается в следующих главах.

– То есть это упоминание о почтовом ящике было не случайным? Это был своего рода намек на... Паркер загадочно улыбнулся.

– Тодд перехватит одно из писем – я правильно догадалась? – Марис обрадовалась собственной проницательности. – Понимаю... Быть может, ему в руки попадет то самое письмо, которое ты только что прочитал, потому что именно оно способно нанести их приятельским отношениям наибольший вред!.. Но как оно могло к нему попасть?.. – Марис на мгновение задумалась. – Ага, я, кажется, знаю! Тодд взял у приятеля взаймы джинсы или рубашку, – быть может, даже без разрешения хозяина, – а письмо оказалось в кармане?!

– Прекрасно! – сухо сказал Паркер и трижды хлопнул в ладоши. – Ты подала мне неплохую идею. Честно говоря, я еще не думал, каким способом лучше подсунуть письмо Тодду. Сначала я хотел написать, будто Рурк случайно оставил

его на видном месте...

– ...На бачке унитаза, – подсказал Майкл.

– ...Но на него это не похоже. Еще раз спасибо, Марис. Марис просияла.

– Тодд читает письмо, – сказала она. – Как он поведет себя дальше? Сначала он просто не верит своим глазам – не верит, что подтвердились самые худшие его опасения. Но в конце концов он убеждается, что Рурк и профессор... нет, не то чтобы в заговоре против него – просто они не говорят ему всей правды. Тодд взбешен – в том числе и потому, что его попытка поссорить Рурка и профессора не удалась. Напротив, она привела к совершенно противоположному результату. Тодд ошибся, раскрыл карты раньше времени, и профессор догадался, в чем дело. Кроме того, профессор хвалит Рурка, а этого Тодд уже не в силах вынести. Он решает... Что же он решает?

– Ну, подумай сама – у тебя неплохо получается, – подбодрил ее Паркер.

Марис сосредоточилась, прикусив нижнюю губу.

– Я было подумала, что Тодд будет уничтожен, раздавлен, но это маловероятно, – промолвила она задумчиво. – У Тодда есть и характер, и воля, и просто так он не сдастся. И он чересчур эгоистичен, чтобы позволить суждениям какого-то профессора помешать осуществлению его честолюбивых планов. Но и не обратить на них внимания Тодд не может – слишком уж глубоко задето его самолюбие. – Марис

подняла руки и сжала ими виски. – Тодд возненавидит обоих лютой ненавистью – это как пить дать! Он будет в ярости!

– Но какой выход даст он своей ярости?

– Он покажет письмо Рурку и потребует объяснений. Паркер покачал головой:

– Нет, Тодд этого не сделает.

– Послушай, Паркер... – начал было Майкл, но он только отмахнулся от старшего товарища.

– Тодду отнюдь не свойственна подобная откровенность. Он скорее...

– Паркер!.. – повторил Майкл, слегка повысив голос.

– Он затаится и будет выжидать. Он...

– Паркер!!!

– Ну, что ты, черт возьми, заладил – Паркер да Паркер?! – Паркер резко повернулся к Майклу, но тот и ухом не повел. Больше того: к огромному удивлению Марис, на свирепый взгляд Паркера Майкл ответил взглядом не менее яростным. В воздухе сразу запахло грозой, как это уже было утром, причину такой вспышки Марис опять не удалось постичь.

Паркер первым отвел взгляд. Закрыв глаза, он некоторое время тер лоб, словно у него разболелась голова, потом сказал:

– Извини, Майкл. Я, кажется, действительно немного увлекся.

– Ничего страшного.

– Ужин был великолепен.

– Ты уже говорил.

– Ах да, верно... Значит, еще раз спасибо.

– Еще раз – не за что. Я рад, что тебе понравилось. – Майкл выбрался из скрипучей качалки и взял со стола поднос с пустым кофейником. – Пожалуй, я пойду в дом, пока москиты не выпили у меня последнюю кровь.

– Спокойной ночи, Майкл.

– Спокойной ночи, – эхом повторила и Марис.

У входной двери Майкл остановился и повернулся к Паркеру:

– Хочешь, я помогу тебе...

– Нет-нет, – поспешно перебил Паркер. – Я управлюсь.

Спокойной ночи.

Майкл немного поколебался, потом бросил быстрый взгляд на Марис и ушел.

Когда они остались одни, Марис слегка пожала плечами и повернулась к Паркеру:

– Объясни мне, пожалуйста, что сейчас произошло.

– Когда?

– Только что. Мне показалось, между тобой и Майклом что-то...

– Между нами ничего не произошло.

– Паркер! – негромко воскликнула Марис. – Ты лжешь.

В ответ он заморгал с самым невинным видом. Марис смотрела ему прямо в глаза, но Паркер не желал сдаваться, и в конце концов, испугавшись, что он вовсе не захочет ей ни-

чего рассказывать, Марис со вздохом поднялась с дивана-качалки.

– Ла-адно, – сказала она, нарочито растягивая слова на южный манер. – Продолжайте играть в свои игры, мистер Эванс, а я не хочу в них участвовать. Спокойной ночи!

– Марис, не сердись! – неожиданно попросил Паркер.

– В таком случае не надо разговаривать со мной вот так, свысока. Я этого терпеть не могу.

Паркер потер ладонями лицо.

– Извини. Это... – сказал он глухо. – Это действительно касается только меня и Майкла. Иногда он видит, как меня снова охватывает... не знаю... Может быть, можно назвать это помрачением. Я снова погружаюсь во тьму – в ту самую тьму, в которой я жил, когда Майкл отыскал меня. Должно быть, эти приступы его пугают. Он боится, что я могу снова сорваться, и тогда... Вот он и спешит оттолкнуть меня подальше от края пропасти, куда я в нее не свалился. – Повернувшись к Марис, Паркер пристально посмотрел на нее. – Примерно это самое и произошло между нами пару минут назад, – добавил он. – Быть может, я объяснил непонятно, но лучше я не умею.

Марис кивнула:

– Я поняла. Спасибо за объяснение.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, потом Паркер широко улыбнулся.

– Интересный у нас получился вечерок!

– Да, – согласилась Марис. – Как на «русских горках»: то вверх, то вниз, так что дух захватывает...

Паркер протянул руку, бережно взял ее за запястье и несильно потянул. Марис качнулась вперед, но Паркеру явно хотелось, чтобы она подошла ближе. Обняв ее за талию, он заставил Марис приблизиться еще на полшага, обхватил свободной рукой за шею и заставил наклониться для поцелуя. Марис в свою очередь сжала его лицо в ладонях, их губы слились.

Когда наконец они сумели оторваться друг от друга, Паркер уткнулся головой в живот Марис и прошептал:

– Об этом я мечтал весь сегодняшний день!

– А мне иногда казалось – ты и вовсе забыл о том, что... было.

Паркер коротко усмехнулся:

– Едва ли это возможно.

Он поднял голову и слегка боднул ее потяжелевшие груди. Его горячее дыхание просачивалось сквозь тонкую ткань и приятно щекотало кожу. Свои руки Паркер положил на бедра Марис и еще плотнее прижался к ее телу.

Машинально перебирая пальцами его волосы, Марис прошептала:

– О, Паркер, пожалуйста...

– Что? Только попроси – и я все сделаю!

– Я...

– Что?

– Я не могу...

– Можешь. И должна. Ты уже сделала это. Вчера вечером – помнишь? – Одна из его рук скользнула ей под платье и заскользила по гладкой чувствительной коже. Это было так неожиданно и приятно, что Марис почувствовала, как у нее начинают подгибаться колени, однако она собрала всю свою волю и, оттолкнув руку Паркера, отступила на шаг назад.

– Я не могу, – повторила она. – Мы... не можем...

Судорожно сглотнув, Паркер спросил:

– Но почему?

– Я... очень беспокоюсь об отце.

– Об отце? – недоуменно переспросил Паркер. У него был такой вид, словно она вдруг заговорила по-китайски. – А при чем тут твой отец? Может быть, ты боишься, что он... не одобрит то, что мы тут затеяли? Или ты имеешь в виду – он явится сюда с двустолкой и заставит меня на тебе жениться?

Марис улыбнулась и покачала головой:

– Нет, дело совсем не в этом. Просто я никак не могу ему дозвониться – ни домашний, ни мобильный телефоны не отвечали, а на работе его не было... – Она торопливо рассказала Паркеру о своих звонках. – Наконец я дозвонилась сестре нашей экономки – Максина изредка бывает у нее по выходным. И она оказалась там! Максина сказала мне, что отец поехал на уик-энд в наш загородный дом в западном Массачусетсе...

– Один? – Паркер удивленно приподнял брови.

– Нет, с Ноем. Они решили, что поедут одни, без Максимины.

– Ну и что? По-моему, они оба вполне взрослые, самостоятельные люди! Я, во всяком случае, не понимаю, как их поездка может быть связана с... с нашими отношениями?

– Прямой связи, конечно, нет, но все же я беспокоюсь...

– Почему? Я не понимаю!.. – Паркер пожал плечами.

– Максина следит за отцом, как наседка... – Марис усмехнулась. – Во всяком случае, пока она с ним, я уверена – ничего плохого не случится. И мне очень не нравится, что он там один... И не подходит к телефону.

– Но он там не один!..

С Ноем, хотела сказать Марис, но вовремя прикусила язык. Она не сказала Паркеру, что Ной убедил Максину в том, будто Марис не только знает об этой поездке, но и чуть ли не сама ее предложила. Когда же верная экономка узнала, что Марис абсолютно не в курсе, она ужасно расстроилась и даже хотела немедленно ехать в Беркшир. «Почему он так сказал, мисс Марис? – вопрошала она, начиная всхлипывать. – Почему мистер Ной обманул меня?»

Действительно, почему? Зачем понадобился весь этот спектакль?!

Кроме того, Максина сообщила Марис, что утром у Дэниэла был гость.

«Кто?» – вырвалось у Марис.

«В том-то и дело, что я не знаю, – ответила экономка. –

По-моему, мистер Дэниэл специально послал меня купить его любимый хлеб, чтобы я не встретила с этим человеком. Когда я вернулась, он уже мыл посуду...»

«Отец мыл посуду?!» – поразила Марис. Это и в самом деле было необычно.

«Ну да, – объяснила Максина. – Я, как всегда, накрыла завтрак на троих, хотя вас и не было в городе. Я думала, может быть, мистер Ной придет раньше... Только это был не ваш муж. Мистер Дэниэл стал мыть посуду, чтобы я не догадалась, – с ним завтракал второй человек. А когда я спросила, кто к нему приходил, он сказал – никто, и еще добавил, что это, мол, его блюда, поэтому если он захочет, то может пользоваться не двумя, а десятком приборов сразу. Это, конечно, была полная чушь, и позднее он извинился. Больше мы об этом не разговаривали, но я уверена: пока меня не было, к мистеру Дэниэлу приходил какой-то человек, и он очень не хочет, чтобы кто-то про это узнал».

«Скажи, Максина, как выглядел папа? – спросила тогда Марис. – Он был расстроен, огорчен или, может быть, сердит?»

«Нет, миссис Марис, наоборот! Он выглядел очень бодрым и даже веселым, а когда за ним приехал мистер Рид, мне даже показалось, что ему не терпится поскорее отправиться за город».

«В таком случае, – медленно проговорила Марис, – мы напрасно волнуемся».

Однако, несмотря на собственное бодрое заявление, на душе у нее было тревожно. Максину ей удалось успокоить, но себя обмануть не в пример труднее. Даже предположения относительно причин внезапного отъезда Дэниэла, которые она пересказала Паркеру, показались ей сейчас пустыми и надуманными.

– Конечно, я рада, что отец наконец нашелся, – закончила она. – Я уверена, у него все в порядке, но окончательно я успокоюсь, только когда переговорю с ним.

– А ты пыталась дозвониться ему в ваш загородный дом? – спросил Паркер.

– Обычная линия перегружена звонками, его мобильник тоже почему-то занят. Конечно, я оставила ему «голосовое сообщение» и номер этого телефона... Надеюсь, ты не против? – спохватилась она, и Паркер покачал головой:

– Нет, покуда мое настоящее имя остается в тайне.

– Конечно, я никому не говорила! Но никто так и не перезвонил. И на моем мобильнике тоже нет никаких сообщений!

– Странно... – проговорил Паркер задумчиво.

– Ты тоже так считаешь?

– Да. С чего это вдруг твой отец согласился провести уикенд с твоим бывшим супругом?

– Он не знает, что мы с Ноем... расстались, – сказала Марис. Паркер изобразил на лице вежливое удивление. – Наверное, я должна была сразу ему сказать, но... Просто не бы-

ло подходящего момента. Я хотела выбрав такое время, чтобы не очень его расстроить и...

– Как тебе кажется, может ли Ной сообщить твоему отцу о вашем разводе? Я имею в виду – пока они оба отдыхают за городом?

– Сначала я так и подумала, – сказала Марис. – Мне казалось, он собирается попросить отца помирить нас. Наверняка Ною не хочется терять пост вице-президента «Мадерли-пресс»! Если ради этого он женился на мне, значит, у него есть основания опасаться развода.

– И как тебе кажется, мистер Мадерли может вмешаться?

– Ни в коем случае! – категорическим тоном заявила Марис. – Он уже догадался, что у нас не все благополучно, просто не знал – насколько. – Она опустила глаза и добавила:

– До тех пор, пока я не приехала на Санта-Анну и не познакомилась с тобой, я и сама не знала, счастлива ли я или несчастна. Мне казалось, что у меня есть все для счастья и, следовательно, я должна быть счастлива. Теперь знаю – я ошибалась.

Паркер застонал:

– Пожалуйста, не надо смотреть так на меня, Марис!

– Как – «так»?

– «Увлажнившимся взором», – процитировал он. – И вообще, на твоём месте я бы сходил и ещё раз проверил мобильник, пока мне не надоело разыгрывать сочувствие и понимание. – Он вздохнул. – А какая эрекция пропала зря! По-

хоже, по очкам я проигрываю со счетом ноль – два. Вернее, не по очкам, а по оргазмам...

Марис не выдержала и, рассмеявшись, пригладила его взлохмаченные волосы – без особенного, впрочем, успеха.

– Ты действительно вульгарный, донельзя развращенный тип, как и говорил Майкл, – сказала она. – И все равно, спасибо за прекрасный вечер.

– Он мог стать еще прекраснее, – проворчал Паркер.

– Прости. – Наклонившись, Марис запечатлела на его губах беглый поцелуй. – Спокойной ночи!

– О, я буду спать, как младенец. Но только на спине, потому что перевернуться на живот мне помешает...

– Если тебя это немного утешит...

– Что?

– Насчет вчерашнего вечера, Паркер... Я ничего не забыла.

Но ее телефон не зарегистрировал ни одного входящего звонка.

Собравшись с духом, Марис набрала номер мобильного Ноя, но автоответчик сообщил ей, что абонент недоступен.

Вне себя от тревоги, она снова позвонила в беркширский особняк.

Дэниэл взял трубку на втором звонке.

– Папа, наконец-то!.. – с облегчением воскликнула Марис, но в ее голосе звучал и упрек. – Где ты был?!

– Последние два часа я был в ванне, – отозвался Дэниэл. – И прошу прощения, что не спросил сначала твоего разрешения.

– Нет, это ты извини, я вовсе не хотела лезть в твои дела, просто... Я с утра пытаюсь до тебя дозвониться. Почему ты не сказал мне, что собираешься ехать за город? Я узнала об этом, только когда поговорила с Максиной. С тех пор я названиваю сюда каждые пятнадцать минут, но никто не брал трубку!

– Странно... У меня должно было быть занято. Перед тем, как подняться наверх, я заметил, что трубка на кухонном телефоне лежит немного криво. Должно быть, Ной не положил ее как следует, когда звонил в ресторан и заказывал еду.

– Говорю тебе – никто не отвечал ни по городскому те-

лефону, ни по твоему мобильнику, – ответила Марис, с трудом сдерживая раздражение. Скорее всего, поняла она, Ной, зная, что она будет звонить отцу, выдернул аппарат из сети, а трубку положил не правильно просто для отвода глаз. Но для чего ему это понадобилось? Может быть, он таким образом хотел наказать свою строптивую жену за то, что она отправилась в Джорджию вместо того, чтобы умолять его о прощении? «Скорее всего, так и было», – решила Марис и удивилась, как ясно она теперь видит его истинное лицо. А ведь было время, когда ничего этого она не замечала. Что же застигло её глаза? «Неужели книга, которую он написал?» – подумала Марис, злясь на себя за свою наивность и доверчивость.

К счастью, теперь она прозрела и хотела только одного: чтобы Ной навсегда исчез из ее жизни и из жизни ее отца. Марис было противно даже думать о том, что – пусть только формально – Ной продолжает оставаться членом их семьи. «Так чего же я в таком случае жду? – спросила себя Марис. – Почему не расскажу отцу о своем разрыве с Ноем прямо сейчас?»

К счастью, Марис сумела совладать с собой и не поддастся минутному порыву. Заводить разговор о Ное сейчас не стоило хотя бы потому, что в Массачусетсе было так же поздно, как в Джорджии, и Дэниэл, несомненно, устал за день. Кроме того, серьезные проблемы Марис предпочитала обсуждать не по телефону, а встретившись с отцом лично. По-

этому Марис лишь спросила, как Дэниэл себя чувствует.

– Прекрасно, – отвечал Дэниэл все еще ворчливо. – А что, собственно, произошло? Почему я должен чувствовать себя иначе?

– Ну, поскольку я никак не могла дозвониться до тебя, мне приходили в голову разные... вещи, – нехотя призналась Марис.

– Готов спорить, все они были одна другой страшнее, – усмехнулся Дэниэл. – Точно так же и я воображал себе всякие ужасы, стоило тебе задержаться с прогулки хотя бы на десять минут.

– Ты хочешь сказать – теперь мы поменялись ролями?

– Вовсе нет. Я все еще волнуюсь, когда ты не приезжаешь ко мне вовремя. Впрочем, не беспокойся, сегодня у меня был отличный день!

«...И начался он с визита неизвестного гостя», – сказала про себя Марис. Ей очень хотелось расспросить отца, кто приходил к нему утром, но она не могла выдавать Максину. Оставалось только надеяться, что отец сам поделится с ней своим секретом, но он, судя по всему, не собирался этого делать.

– Что же такого хорошего произошло сегодня? – спросила она.

– Хотя бы то, что утром я проснулся живым и здоровым – в мои годы это уже неплохо, – сдержанно ответил Дэниэл. – Впрочем, ты сможешь оценить это только лет через сорок,

не раньше.

– Понятно... – протянула Марис, стараясь скрыть свое разочарование. – Как там наш дом? С ним все в порядке?

– В полнейшем, – подтвердил Дэниэл.

– А где вы ужинали? – снова спросила Марис. – У Гарри или ходили в какой-нибудь другой из твоих излюбленных ресторанчиков?

– Мы поели дома. Разве Ной ничего тебе не сказал?

– Когда?

– Он же разговаривал с тобой вечером! Я спустился в гостиную, наверное, через полминуты после того, как он поговорил с тобой.

Марис открыла рот, собираясь возразить, но так ничего и не сказала. Ной солгал Дэниэлу. Очевидно, он застал конец его разговора с какой-то женщиной, и Ною пришлось притвориться, что это была она, Марис.

Проклятье!

– А я его и не спрашивала, впрочем, может быть, он и говорил, я просто запамятовала.

Дэниэл явно не заметил прозвучавших в голосе Марис тревожных ноток.

– Ты так много работаешь... Кстати, как продвигается книга?

– Отлично! Давно мне не приходилось так плотно заниматься редакторской работой и участвовать в творческом процессе! Я очень довольна.

– Об этом нетрудно догадаться по твоему голосу. Кстати, как там твой автор? Он по-прежнему ведет себя как бирюк?

– Мне кажется, он немного оттаял, хотя возможно, я просто привыкла к его манерам, – сообщила Марис. – Уж не знаю, чего тут больше...

– Наверное, понемногу и того, и другого, – заметил Дэниэл.

Последовала пауза. Марис чувствовала – отец хочет что-то сказать, но колеблется. Наконец Дэниэл проговорил:

– Я рад, что ты доверилась своей интуиции и поехала в Джорджию, чтобы поработать с автором лично. Но тебе там нравится? Довольна ли ты книгой? А остальным?..

– Да, папа, – негромко ответила Марис.

Постороннему человеку этот разговор показался бы вполне невинным, но для них обоих каждая фраза приобретала особый смысл – особенно если припомнить их последний разговор перед ее отъездом из Нью-Йорка. Теперь Марис была уверена: отец знает больше, чем говорит.

Он давно догадался, что она разочаровалась и в своем браке, и в самом Ное, и Марис бы несколько не удивилась, если бы отец каким-то образом узнал о неверности Ноя. Дэниэл Мадерли обладал редкой способностью узнавать чужие тайны. Когда Марис была у него в последний раз, ей стоило огромного труда скрыть чувства, которые она испытывала к Паркеру, и все равно она едва не попалась, когда чуть не час говорила о нем с восторгом, свойственным только влюблен-

НЫМ.

И теперь отец давал ей понять, что он кое-что знает и одобряет ее поступки.

Горло ее сжалось от нежности, и, сглотнув комок, Марис сказала:

– Мне очень нужно было услышать твой голос, папа.

– Я тоже был рад тебя слышать.

– Извини, что побеспокоила тебя в такой поздний час.

– И совсем ты меня не побеспокоила. Кроме того, я все равно не спал...

– Давай я лучше позвоню тебе утром, – предложила Марис. – Хотя подожди...

При одной мысли о том, что все выходные Дэниэлу придется провести с Ноем, который все-таки оставался его зятем, Марис сникла. Несомненно, Ной рассчитывал за это время привлечь ее отца на свою сторону. Может быть, он даже признается ему в измене, чтобы, воспользовавшись ее отсутствием, подать происшедшее под выгодным для себя углом. Ну уж нет! Она этого не допустит!

– Я бы хотела, чтобы завтра утром к тебе приехала Максина, – решительно сказала Марис. – Ей давно хотелось побывать в Беркшире и увидеть, как поживают ее любимые цветочные клумбы. Пожалуйста, не отказывай ей в этом удовольствии.

– Цветочные клумбы? Гм-м... – Дэниэл фыркнул, давая ей понять, что уловка Марис его не обманула. – Признаться,

я еще не успел отдохнуть от нее как следует, но если тебе так будет спокойнее...

– Так мне будет намного спокойнее, – с чувством ответила Марис. – Завтра я первым делом позвоню Максине и попрошу ее приехать.

Она была уверена, что Максина не станет медлить и, бросив все дела, сразу помчится в Беркшир. По ее расчетам, экономка могла быть в загородном доме уже ко второму завтраку.

– Позвони мне, когда Максина будет у тебя, чтобы я знала, что она доехала благополучно, ладно? – попросила Марис.

– Хорошо, милая, – ответил Дэниэл. – В таком случае – до завтра... И еще, Марис...

– Что?

– Можешь не спешить с возвращением. Постарайся выжать из этой командировки все, что только возможно... Я имею в виду – пусть она принесет тебе не только пользу, но и радость. Догадываешься, о чем я?.. Постарайся ни о чем не тревожиться – все будет в порядке. Ты мне веришь, Марис?

– Я верю... – Марис крепче прижала к щеке трубку. – Я люблю тебя, папа. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, малышка...

Марис обвела взглядом спальню Паркера. Кровать Паркера показалась Марис совершенно чудовищной. Для двуспальной кровати она была слишком узкой и довольно вы-

сокой. Подголовник и изножье тоже были высокими и покрыты затейливой резьбой. От времени дерево потемнело, а лак, которым была покрыта кровать, растрескался, как старая кожа, и подернулся матовой патиной, в которой отражался бледный свет привинченной к изголовью лампы.

Единственным современным предметом обстановки была тумба для телевизора и видеомэагнитофона, установленная в углу напротив кровати. Она да еще инвалидное кресло, аккуратно припаркованное у ночного столика. Марис удивило отсутствие каких-либо специальных приспособлений, с помощью которых Паркер мог бы пересестъ из кресла на кровать, но потом она вспомнила, как он влезал и вылезал из «Крокодила», и успокоилась. Для Паркера это действительно было пустяковой задачей.

Паркер лежал на кровати и читал, подложив под спину подушку. Когда Марис приоткрыла дверь, он поднял голову и медленно опустил книгу на колени.

– Привет, – сказал он. – Ты что, заблудилась? Марис нервно рассмеялась.

– А мне кажется, ты меня ждал.

– Не ждал, но... надеялся. И даже поминал тебя в своих молитвах.

– Значит, ты не возражаешь, если я...

– Ты что, издеваешься? – перебил он.

– Нет, но я подумала: Майкл может...

– Не может, если ты запрешь дверь.

Нащупав за спиной защелку на ручке, Марис повернула ее и вдавила кнопку замка, гарантировав их от непрошеного вторжения. Затем, продолжая держать руки за спиной, она осторожно приблизилась к кровати. Паркер внимательно за ней наблюдал.

– Я принесла тебе подарок, вернее – два, – сказала она и, сунув руку в карман халата, достала оттуда тонкий чайный стакан, позаимствованный из бара во флигеле, и протянула ему. Паркер взял его и некоторое время озадаченно его разглядывал. Потом он заметил внутри бледные фосфоресцирующие пятна, и лицо его прояснилось.

– Светляки! – сказал он и улыбнулся.

– Светоноски, – с гордостью поправила Марис. – Я сама наловила их, пока шла сюда.

Горлышко стакана было завязано куском целлофановой пленки, в котором Марис проткнула несколько отверстий, чтобы насекомые не задохнулись.

– Это замечательный подарок, – сказал Паркер негромко. – Спасибо.

– Не за что. – Марис взяла у него стакан и поставила на ночной столик.

– А это, вероятно, второй подарок? – осведомился Паркер, показывая на книгу, которую Марис прижимала к своей груди. – Ты, вероятно, собиралась прочесть мне на ночь какую-нибудь сказку?

– Вроде того.

– А я-то думал, зачем тебе очки!

– Я уже вынула контактные линзы. – Марис кивнула на край кровати:

– Можно?..

– Располагайся, будь как дома.

Чтобы забраться на высокую кровать, Марис пришлось встать на цыпочки. Подобрав под себя ноги, она облокотилась о спинку кровати и повернулась лицом к Паркеру.

– По-моему, одну сказку на ночь ты уже прочел, – сказала она, и Паркер, захлопнув книгу, отложил ее в сторону.

– Я предпочитаю послушать твою, – ответил он. Марис повернула книгу так, чтобы он увидел название, вытисненное золотом на темно-зеленом переплете.

– «Соломенная вдова»?.. – удивился Паркер.

– Да. Это один из лучших романов моего любимого автора.

– Которого? Этого Руна, что ли?.. Да он пишет – как дрова колет!

– Ну-ну, не надо быть большим скромником, чем ты есть на самом деле, – поддела Паркера Марис.

– У вас высокие требования, мисс Мадерли. Вам нелегко угодить. Ладно, что же вам так нравится в этом романе?

Он назвал ее девичью фамилию, и это не ускользнуло от внимания Марис, однако ей не хотелось останавливаться на этом и прерывать их игру.

– Больше всего мне нравится эпизод, когда Дик Кейтон, –

этот пронырливый красавчик – использует трюк с картами, чтобы добиться необходимых показаний от проститутки.

– Ее прозвали Френчи Французенка, потому что она мастерски делала... Кстати, тебе известно, что именно французы изобрели миньет?

– Ничего подобного, – спокойно ответила Марис. – Еще в 1776 году Джордж Вашингтон писал англичанам: «Я вас в рот имел и насквозь вижу...»

Паркер фыркнул:

– Вот не думал, что ты тоже знаешь этот анекдот.

– Исторический анекдот, – подчеркнула Марис. – Но сейчас речь не об этом, а о... об этом эпизоде. Он один из самых провокационных и захватывающих во всей книге!

– Так считало большинство читателей и большинство критиков.

Марис сжала губы и нахмурилась.

– И тем не менее...

– Так я и знал!.. – Паркер протяжно вздохнул. – Вот она – ложка дегтя в бочке меда!

– Когда я перечитывала эту сцену во второй раз, у меня возникло несколько вопросов...

– Редакторы – они всегда так, – пробормотал Паркер. – Сначала похвалят за какой-нибудь пустяк, а потом разгромят тебя по всем пунктам, так что не знаешь – то ли утираться, то ли так и сидеть оплеванным!

– Послушайте, мистер Эванс, если вам не интересно... –

Марис слегка повысила голос.

– Нет-нет, мне очень интересно, – поспешно возразил Паркер. – Эти ваши вопросы... – Он опустил взгляд и посмотрел на нежные холмики ее груди. – Я готов встретить их как мужчина. У меня и самого встает один вопрос, но я готов сначала ответить на ваши, мисс Мадерли.

И, закинув руки за голову, Паркер усмехнулся. Он был без рубашки, и его темные подмышки уставились на нее, как два внимательных глаза.

– Как ты понимаешь, это была метафора.

– Скорее – игра словами. – Марис продолжала хмуриться. – Итак, могу я продолжать?

– Валяй. Так что же тебе не понравилось?

– Гхм!.. – Марис с трудом оторвала взгляд от его подмышек. – Во-первых, мне не понравилось, как все это написано. На мой взгляд, можно было обойтись и без некоторых...

– Деталей?

– Да.

– Почему это плохо? Разве не призвание каждого писателя отражать жизнь подобно правдивому зеркалу?

– Я не сказала, что это плохо. Просто приведенные в этом отрывке подробности иногда оборачиваются против тебя.

Паркер фыркнул, но сразу же стал серьезным. Задумчиво погладив подбородок, он проговорил:

– Кажется, я понимаю... Но, может быть, ты приведешь конкретный пример?

– Пожалуйста! – Марис открыла книгу на заложенной странице. – Вот, например... Хотелось бы убедиться, что мужчина и женщина, принявшие такую... гм-м... замысловатую позу, способны испытывать что-то еще, кроме ломоты в пояснице.

– Ты хотела бы убедиться в этом на собственном опыте? – вкрадчиво уточнил Паркер.

– Именно так, – напрямик ответила Марис. Несколько секунд Паркер лежал совершенно неподвижно и задумчиво ее разглядывал.

– Как мне помнится, «пронырливый красавчик» Дик Кейтон начинает с того, что кладет руку на бедро Френчи. Этот жест должен успокоить ее и ничего больше! Дик хочет только убедить девушку, что с его стороны ей ничто не угрожает. – С этими словами Паркер положил руку на ногу Марис чуть выше колена и несильно сжал. Сквозь тонкий халатик она отчетливо ощущала силу и жар его руки.

– Не угрожает? Что-то я в этом сомневаюсь, – промурлыкала она. – Ладно, оставим это. В конце концов, по закону любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого.

– Сейчас я докажу, что в этом жесте нет никакого сексуального подтекста, – заявил Паркер. – Хотя Дик и вытаскивал карту меньшего достоинства, в качестве благодарности за это чисто дружеское прикосновение, Френчи рассказывает ему, что примерно в то время, когда произошло убийство, она услышала доносящийся из переулка шум борьбы.

–..Который и заставил ее выглянуть из окна, – подхватила Марис и, зачем-то заглянув в книгу, добавила:

– Именно тогда она и увидела мужчину в красной бейсболке, который бежал вдоль переулка в направлении ее Дома.

– Это довольно ценные сведения, так как Френчи в состоянии подробно описать бейсболку вплоть до вышитой на ней эмблемы. За это Дик вознаграждает ее поцелуем. Вот таким... – Паркер осторожно снял с Марис очки и сжал ее лицо в ладонях. Он гладил ее скулы большими пальцами, в то время как взгляд его скользил по ее лицу. Губы следовали за взглядом, прикасаясь к коже Марис легкими, но бесконечно чувственными поцелуями.

Марис стоило огромного труда, чтобы не застонать от наслаждения.

Наконец Паркер выпустил ее и прошептал:

– Ее кожа показалась ему восхитительной на вкус.

– В книге этого нет! – возразила Марис.

– Нет? Должно быть! Я отчетливо помню, что Дику захотелось повторить поцелуй.

– Френчи не возражает.

Паркер продолжил осыпать ее поцелуями. Быстрые, дразнящие, они все сильнее возбуждали обоих, и прошло несколько минут, прежде чем они решились на еще одну передышку. К этому моменту Марис уже ни о чем не могла думать. Блаженная истома разливалась по ее телу, и она жаж-

дала продолжения игры. Потянувшись за очками, Марис попыталась их надеть, но потом отложила в сторону.

– Не важно... – пробормотала она, роняя очки и книгу на одеяло. – Кажется, Френчи повезло – она снова вытянула старшую карту...

– Дику Кейтону тоже везет. Теперь он должен исполнить ее желание.

– Но это не очень удобно, поэтому он сажает ее к себе на колени.

Паркер обнял ее за талию, Марис приподнялась на кровати и села на него верхом.

– Потом он целует мочки ее ушей, шею, ее...

Но Паркер ее опередил – ведь он сам написал эту книгу и знал, что за чем последует. Он уже расстегнул пуговицы халатика и спустил с плеч бретельки короткой ночной рубашки. Его руки легли на груди Марис. Некоторое время Паркер осторожно гладил большими пальцами соски, потом взял один из них в рот и с жадностью втянул в себя.

Марис не испытывала ни смущения, ни стыда. Прижимая к груди его голову и негромко постанывая от наслаждения, она целовала его макушку, виски, темя, затылок. Ей не хотелось, чтобы он останавливался. Ее лоно наполнилось горячей влагой и раскрылось, подобно перезревшему персику.

Вот Паркер, протянув руку, коснулся ее, и Марис непроизвольно вздрогнула, почувствовав, как в ее влажную плоть погружаются его пальцы.

– Не бойся, – прошептал он. – Ведь ты знаешь – ты сама этого хочешь. Что мы оба хотим...

– О, Паркер! – простонала Марис, чувствуя, как его пальцы проникают все глубже в ее горячее лоно. Сначала неосознанно, потом со все большим пылом, она начала подниматься и опускаться, словно насаживая себя на его руку. Паркер слегка поглаживал ее изнутри и снаружи, и вскоре Марис ощутила приближение разрядки.

Во всяком случае, ей казалось, что разрядка близка, но Паркер не желал торопиться. Он почти поднял ее своими сильными руками атлета и... просунул голову между ног Марис. От неожиданности она вскрикнула, но тут же застонала от удовольствия и, навалившись грудью на высокое изголовье кровати, позволила его упругому, горячему языку хозяйничать в своей пещере.

Ее пальцы впивались в его плечи. Влажные от пота волосы Паркера щекотали ей живот, а щетина приятно царапала чувствительную кожу на внутренней поверхности бедер.

Ощущения, владевшие ею в эти минуты, были столь сильны и так быстро сменяли друг друга, что Марис потеряла всякое представление о времени и о том, где находится. Ее тело и разум подчинялись сейчас одним лишь инстинктам и чувственным импульсам, которые вызывало в ней каждое его прикосновение. Уже несколько раз она чувствовала подступающую разрядку, но каждый раз Паркер останавливал ее нежнейшими, легчайшими поцелуями и словами, чтобы уже

через несколько секунд снова довести ее до иступления.

Когда он наконец позволил ей кончить, Марис показалось, будто под ее опущенными веками вспыхнуло ярчайшее из солнц, жар которого испаряет плоть и грозит погасить сознание. Последняя ниточка, связывающая ее с реальностью, натянулась и разорвалась, и душа Марис, легкая, как воздушный шар, устремилась в голубое солнечное небо.

Сознание возвращалось медленно и неохотно, как, должно быть, опускается на землю пушинка чертополоха, занесенная ураганом на головокружительную высоту.

Тело Марис было мокрым от пота; грудь порозовела, напряженные соски приятно покалывало. Когда же Марис открыла глаза, в них стояли слезы.

Она лежала, распластавшись, на груди Паркера, словно жертва кораблекрушения, которую волны вынесли наконец на берег. Ночная рубашка куда-то исчезла, влажные волосы прилипли к его щеке.

Увидев, что она открыла глаза, Паркер провел руками по спине Марис и несильно стиснул ей ягодицы, заставив улыбнуться. Она слышала, как громко стучит его сердце. При каждом вдохе волосы, росшие на груди Паркера, слегка щекотали ей ноздри, и Марис едва удерживалась, чтобы не чихнуть. В гуще волос темнел маленький мужской сосок, который был совершенно плоским, пока она не коснулась его кончиком пальца.

Паркер судорожно вздохнул, и она почувствовала, как

снова нарастает его возбуждение.

– Дай мне еще минуточку... – негромко пробормотала Марис слегка заплетающимся языком.

В груди Паркера глухо загремело, и Марис не сразу поняла, что слышит его смех.

– Я никуда не тороплюсь, – ответил он.

Но прошла не одна минута, а несколько. Марис наслаждалась ощущением установившейся между ними спокойной интимности и удивлялась про себя тому, как, оказывается, приятно вот так лежать с мужчиной – просто лежать и ничего не делать.

Впрочем, тут же поправилась Марис, мужчины у нее уже были, но ни с одним из них она не чувствовала себя так хорошо. Пожалуй, до этой минуты она даже не подозревала о том, что разница между этим мужчиной и всеми остальными может быть так велика.

– Ты отклонился от текста, – прошептала она.

– В самом деле? – слабо удивился Паркер. – Мне казалось, я неплохо помню свои книги.

– Ничего подобного в книге не было, – уверенно сказала Марис. – Ничего даже отдаленно похожего. И не только в твоей книге...

Она приподняла голову и, посмотрев на него, легко поцеловала в губы. Одновременно она соблазнительно задвигала бедрами, стараясь еще больше возбудить Паркера. Издав какое-то хриплое восклицание, он откинул голову далеко на-

зад и с силой сжал руками ее бедра, не давая Марис пошевелиться.

– В чем дело?! – притворно удивилась она.

– Этого в книге тоже не было.

– Ох, извини, пожалуйста. Давай посмотрим, что было дальше... – Протянув руку, Марис нашарила на тумбочке очки и надела их, потом открыла книгу и сделала вид, будто читает. – Ага... Теперь я вспомнила! Дик взял Френчи за руку и направил ее к...

– ...К своему члену.

– Да, именно так там и написано. – Скатившись с груди Паркера, Марис снова вытянулась рядом с ним. Под руки ей попалась смятая рубашка, и она уже собиралась ее надеть, когда Паркер отрицательно покачал головой.

Несколько мгновений Марис прижимала рубашку к груди, потом решительным жестом отшвырнула в сторону. Паркер прерывисто вздохнул и провел рукой по ее груди, по животу и влажному лобку, потом несильно стиснул между пальцами сосок. Марис в свою очередь положила руку ему на живот чуть ниже пупка, откуда убегала под простыню темная полоска волос. Она напоминала дорожку, и рука Марис отважно двинулась по ней навстречу неизвестности. Но Паркер успел перехватить ее руку:

– Здесь выдумка заканчивается, Марис.

Она подняла на него глаза. Выражение лица Паркера сделалось решительным и строгим, почти суровым, и Марис по-

няла – он не шутит. За какие-то доли секунды он оказался на расстоянии нескольких миль от нее, хотя физически они по-прежнему были рядом.

– Что ты хочешь сказать?

– Это не книга, Марис.

– Я рада, что это не книга, Паркер.

– Это реальность!

– Ну и что? – Она слегка пожала плечами. – Я этому только рада.

– Ты не понимаешь... – хрипло проговорил он. – Если ты заглянешь под простыню, ты увидишь... нечто такое, что ни тебе, ни кому-либо другому лучше не видеть никогда.

Марис машинально покосилась на его скрытые простыней ноги и, улыбнувшись, покачала головой:

– Ты думаешь, я испугаюсь твоих шрамов?

– Думаю, что да, – уверенно ответил он.

– В таком случае ты ошибаешься. – Она посмотрела ему в лицо и, чувствуя, как к глазам подступают непрошеные слезы, зашептала, сбиваясь, быстро и горячо:

– Ты и сам не представляешь, что ты для меня сделал! Нет, не перебивай, пожалуйста!.. – воскликнула она, увидев, что Паркер собирается возразить. – ...Потому что в другой раз у меня может не хватить смелости сказать тебе то, что я хочу сказать сейчас...

Марис облизала вдруг пересохшие губы.

– Раньше мне приходилось только читать о подобных сек-

суальных играх, но я никогда не испытывала ничего подобного. Должно быть, поэтому подсознательно я считала – все, что я пережила сейчас: восторг, трепет, исступление, – все это выдумки донельзя развращенных беллетристов. То, что ты сказал мне вчера на берегу... было жестоко, но это была правда. С Ноем я никогда не чувствовала себя раскрепощенной настолько, чтобы не только самовыражаться в любовной игре, но и получать от этого удовольствие. И то, что произошло между нами сейчас, еще неделю назад показалось бы мне невыносимым и невероятным.

Выпалив все это на одном дыхании, Марис перевела дух и продолжала чуть медленнее:

– Могу сказать одно: женщина, которая разыскивала тебя в баре Терри, вряд ли была способна на такую отдачу. А главное – до сегодняшнего дня я сама не понимала, что я теряю. Подсознательно мне всегда не хватало именно этой дикой, ничем не сдерживаемой страсти, когда забываешь обо всем, растворяешься в... в другом человеке. Ты подарил мне свободу, Паркер, но твоему подарку кое-чего недостает. Я имею в виду взаимность. Страсть только тогда может принести удовлетворение, когда она не для одного, а для двоих, когда не только даешь, но и берешь. Так позволь мне разделить твой дар с тобой! – закончила она торопливо. – Пожалуйста, Паркер, я прошу тебя!

Паркер продолжал разглядывать ее из-под насупленных бровей, но в глазах у него появилось какое-то странное вы-

ражение. Марис было трудно поверить, что он может выглядеть таким беззащитным и ранимым. Но она не ошиблась. Следующие же его слова подтвердили ее догадку.

– Эти шрамы... они ужасны! Я урод, Марис!

– Не говори глупости. Ты прекрасен!

Она наклонилась к нему, и Паркер, хотя и ощутимо напрягся, не стал ей мешать. Ее губы заскользили по его коже сверху вниз, задержавшись на одном из сосков, и Паркер, сдавленно выругавшись, запустил пальцы ей в волосы.

Марис запечатлела еще один поцелуй на его мускулистом животе и, отбросив простыню, взялась рукой за напрягшийся член. Под ее пальцами он горячо запульсировал, и Паркер застонал.

Марис гладила его, сжимала и отпускала, понемногу поднимаясь к головке, пока не почувствовала под пальцем выступившую на самом кончике капельку семени.

– За что, ты говоришь, Француженка заработала свою кличку? – спросила она и сама удивилась, насколько соблазнительно прозвучал ее неожиданно севший голос.

– Марис!... – сорвалось с его губ, когда она склонилась над ним.

Приятный мускусный запах ударил ей в ноздри. Живот Паркера судорожно сокращался, до ее слуха долетали его хриплые и бессвязные возгласы, но Марис едва слышала их, поглощенная новым для себя ощущением.

Потом она почувствовала, что Паркер сильнее потянул ее

волосы. Марис не было больно, но она поняла, что он даст ей знак – пора переменить положение. Выпрямившись, она перекинула через него ногу и, направляя его одной рукой, потерлась промежностью о гладкую головку члена, стараясь распалить себя еще сильнее. Только потом она медленно опустилась вниз, стараясь вобрать в себя его целиком.

– Подожди!.. – прошептал Паркер, и Марис послушно замерла. Его руки двинулись вверх по ее бедрам и, сойдясь в самой гуще лобковых волос, принялись тереть, гладить, щипать ее, пока Марис, откинув голову назад, не застонала в голос.

Только после этого Паркер пошевелился, давая ей понять, что пора начать скачку. Так она и поступила, то меняя темп, то замирая, когда он сильнее прижимал ее к себе или знаком показывал, что хочет растянуть удовольствие. Во время этих пауз она наклонялась вперед, касаясь грудями его груди, и глаза Паркера темнели, а с губ срывались громкие возгласы.

Они кончили почти одновременно. Марис почти упада на него, и он прижал ее голову к себе одной рукой, а другую опустил на крестец. Губы Паркера нашли ее рот и впились в него долгим, жадным поцелуем. Его член пульсировал в тесных объятиях ее горячего лона. Казалось, они стремятся проникнуть друг в друга как можно глубже, чтобы утолить сжигающую обоих страсть.

Прошла целая вечность, прежде чем они нехотя разжали объятия. Марис с наслаждением вытянулась на его теле во

весь рост и ощутила под тонкой простыней изрытый шрамами ландшафт его искалеченных ног. Но думать об этом сейчас ей не хотелось. У Марис тоже были свои шрамы, и хотя они не бросались в глаза, болели они ничуть не меньше. У них еще будет время, чтобы задавать вопросы, ужасаться, сочувствовать, и, может быть, они сумеют оставить свои несчастья и беды в прошлом, чтобы больше никогда к ним не возвращаться.

Но ни за что она не позволит воспоминаниям отравить их чудесное настоящее! Сейчас Марис было важно только одно – сумела ли она доставить Паркеру удовольствие. Она ненавидела Ноя за измену, но еще больше за то, что он подавлял ее и пренебрегал восхитительными и долгими прелюдиями, которые были едва ли не более приятными, чем сам секс. Это из-за него она чувствовала себя неловкой, неумелой – и не особенно желанной.

Но и думать о Ное Марис не стала – ей было жаль тратить на это время. Мысль о том, как он с ней обошелся, лишь уколола и пропала. Она по-прежнему лежала на Паркере, обвиняя его ногами и прижимаясь к нему всем телом, что еще усиливало ощущение возникшей между ними близости.

Одними губами Марис коснулась его шеи.

– Ну что, конец?.. – прошептала она.

Прошло несколько секунд, прежде чем Паркер отозвался:

– Нет, еще не совсем... – ответил он, но Марис уже спала.

Дэниэл задумчиво жевал сандвич и смотрел в кухонное окно на тьму за стеклом. Редкие вспышки молний освещали поле и лес за ним, и тогда Дэниэл видел, как гнутся под напором ветра верхушки деревьев, но гроза была несильной. Небольшой ночной дождь с громом и молнией – дождь, который пройдет к утру, отмыв небосвод до высокой лазурной голубизны.

На душе у Дэниэла было спокойно. Правда, разговор с Марис заставил его всерьез призадуматься. Но мозг Дэниэла по-прежнему работал быстро и четко, как и всегда в случаях, когда он нагружал его какой-нибудь серьезной проблемой. Будь его тело в такой же прекрасной форме, он бы смог вернуться в Нью-Йорк на велосипеде, а потом пробежать марафон. Увы, только мозг служил ему по-прежнему безотказно; одряхлевший организм потихоньку начинал сдавать, и Дэниэл – хотя и протестовал против навязываемых ему Максимой и Марис ограничений – в глубине души понимал: совсем скоро ему придется вовсе отказаться от кофе, виски, табака и бифштексов с кровью, чтобы не превратиться в окончательную развалину.

Сразу после звонка Марис Дэниэл попытался заснуть. Увы, ему это не удалось, и он спустился в кухню. Посмеиваясь над собой, Дэниэл соорудил пару сандвичей с грудинкой

и горчицей. Разумеется, подобные ночные набеги на холодильник находились под строжайшим запретом – в особенности если Дэниэлу случалось превысить недельную норму жиров, установленных для него врачами, – но, к счастью, сегодня ночью никто не мог помешать ему поесть по-человечески. Максина не стерегла холодильник, и Дэниэл с облегчением подумал, что она вернется только завтра днем, и он еще успеет выпить за завтраком столько кофе, сколько захочет, и даже плеснуть в кофе бренди или рома.

Прикончив один бутерброд, Дэниэл принялся за второй, думая о том, что уже давно не чувствовал себя таким бодрым и полным сил. Быть может, всему виной был коньяк, который он выпил, прежде чем спуститься вниз, однако факт оставался фактом: Дэниэл был готов к действиям.

А он всегда предпочитал действие бездействию и никогда не откладывал проблему в ожидании, что она решится сама собой. Не только в молодости, но и в преклонные годы Дэниэл расходовал энергию и силы продуктивно, не тратя силы на колебания и сомнения.

Он понимал, конечно, что нынешняя ситуация больше, чем какая-либо другая, требовала обдуманых, взвешенных решений. И Дэниэл пока не знал точно, в каком направлении следует двигаться, чтобы решить назревшую проблему. У него уже сложилось примерное представление о том, что предстоит сделать и в каком порядке, однако каждый шаг еще предстояло тщательно обдумать.

Главная трудность состояла в том, что проблема, с которой ему предстояло иметь дело, была многоплановой. У нее не было ядра, на котором Дэниэл мог бы сосредоточиться. Хуже того, она распадалась на несколько взаимосвязанных проблем, затрагивавших интересы семьи, бизнеса, отдельных людей, и Дэниэл понимал, что одним молниеносным, точно рассчитанным ударом их не решить. Ему предстояло спланировать и провести целую военную кампанию или, как говорят шахматисты, многоходовую комбинацию, где от правильности и своевременности каждого шага зависел успех всего предприятия в целом. А это было непросто, особенно если учесть, что при малейшей ошибке в числе пострадавших могла оказаться его единственная дочь.

Дэниэл был рад, что Марис уехала в Джорджию, хотя он бы предпочел, чтобы она оказалась где-нибудь подальше. Положение могло стать очень неприятным, а Дэниэл хорошо знал: если плеснуть на вентилятор приличную порцию дерьма, остаться чистым практически невозможно. Конечно, история обязательно попадет в газеты, но тут уж Дэниэл не мог ничего поделать. Ему оставалось только надеяться, что он сумеет смягчить удар, и география должна была ему в этом помочь. Кому приятно, когда газеты начинают копаться в твоём грязном белье, но одно дело – присутствовать при этом самому, и совсем другое – находиться на уединенном маленьком островке, где ты избавлен и от праздного любопытства посторонних, и от назойливого сочувствия близких

и друзей.

«К тому же, – подумал он с улыбкой, – существует еще один фактор, который помешает Марис принять скандал слишком близко к сердцу».

Дэниэл уже довольно давно понял, что Марис разочаровалась и в муже, и в своем браке, и ему было совершенно очевидно, что на Санта-Анне ее удерживает не только работа над новой книгой, какой бы замечательной она ни была. При всей ее занятости Марис вкладывала в новый проект уйму сил и времени. Она по-настоящему им увлеклась, и Дэниэлу было ясно, что дело здесь вовсе не в новом шедевре, а в самом авторе – в Маккензи Руне, известном также как Паркер Маккензи Эванс.

Да, он уже давно выяснил, кто этот таинственный автор – знал его литературный псевдоним и даже подлинное имя. Много лет назад, когда детективные романы о похождениях Дика Кейтона начали регулярно появляться в верхних строчках списков бестселлеров, Дэниэл потратил немало сил и времени, чтобы лестью, подкупом, шантажом и угрозами вызнать у Сильвии Фицгерберт настоящее имя нового успешного автора, чтобы переманить его в «Мадерли-пресс». Сильвия, впрочем, осталась непреклонной. «Если бы я сказала вам, Дэниэл, что это за человек, мне пришлось бы убить вас», – откровенно заявила она, и Дэниэл Мадерли не мог не восхищаться ее решимостью во что бы то ни стало сохранить имя своего клиента в тайне.

Но теперь он его знал.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как Дэниэл обратился в частное детективное агентство. Он хотел только убедиться, что все его сомнения относительно Ноя не имеют под собой никаких оснований, поэтому нанятому им детективу Дэниэл поручил собрать все материалы о прошлой жизни зятя – в особенности о том ее периоде, который предшествовал публикации «Побежденного».

Нельзя сказать, чтобы Дэниэл был в восторге от собственной идеи. Он никогда не был сторонником тайных закулисных интриг, предпочитая действовать открыто и честно. Частных сыщиков он представлял себе только по фильмам, и ему претила мысль о том, что безликие типы в серых костюмах будут копать в личной жизни его дочери. Однако, когда Дэниэл встретился с Уильямом Сазерлендом, ему пришлось пересмотреть свои прежние представления. Сазерленд – отставной сотрудник Секретной службы⁸ – был основателем и владельцем очень дорогого и весьма эффективного детективного агентства. Он держался уверенно и даже властно, носил элегантный темный костюм, а его послужной список был безупречен. Дэниэл сразу же проникся к нему доверием, что случилось с ним нечасто, и уже через пять минут

⁸ Секретная служба США – федеральное агентство в структуре министерства финансов. Ныне в ее функции входит охрана президента и высших официальных лиц США, борьба с хищением государственного имущества и подделкой государственных ценных бумаг, предотвращение махинаций в некоторых видах ссудно-сберегательных учреждений, борьба с иными финансовыми преступлениями

после первого рукопожатия выложил Сазерленду свои сомнения. Детектив внимательно выслушал его, задал несколько вопросов и назвал сумму аванса на текущие расходы. Выписывая чек, Дэниэл даже не подозревал, что уже из первого отчета узнает подлинное имя популярного детективного писателя Маккензи Руна. Но один из самых тщательно оберегаемых книгоиздательских секретов лег ему на стол в доставленном посыльным простым бумажном конверте с пометкой «лично».

Но еще больше был поражен Дэниэл, когда узнал, что Маккензи Рун и Ной Рид были хорошо знакомы друг с другом.

Они жили в одной комнате, когда учились в университете, после его окончания оба перебрались во Флориду, в Ки-Уэст. Там между ними произошел разрыв, подробности которого все еще оставались невыясненными, но Дэниэл был уверен – скоро он узнает все.

Теперь, перебирая в памяти известные ему факты, Дэниэл невольно подумал, что их хватило бы на захватывающий роман. Марис жила сейчас на отдаленном островке в Джорджии, в старом плантаторском доме, который принадлежал Паркеру Эвансу – бывшему однокурснику ее неверного супруга, с которым они расстались врагами. Этот сложный клубок отношений предполагал любовь, дружбу, ненависть, ложь, коварство, месть, зависть. Чем не сюжет для хорошего романа?

Пожалуй, единственным, чего не понимал Дэниэл, был мотив, который двигал Паркером Эвансом – одним из главных героев событий. Он не сомневался: Эванс увлек Марис своей книгой, преследуя какую-то цель. Он не мог не знать, что она жена Ноя, поэтому даже для профессионального контакта с ней у него должна была быть веская причина.

Знает ли Марис о том, что Ной и Паркер были знакомы? – спрашивал себя Дэниэл. Не решила ли она, узнав об измене мужа, отплатить ему той же монетой, переспав с его бывшим университетским приятелем?

Но такая по-детски наивная месть была совсем не в духе Марис, и это обстоятельство заставляло Дэниэла сомневаться в том, что ей что-нибудь известно. Ведь, знай Марис о том, что Паркер как-то связан с Ноем, она бы поостереглась заходить далеко. А в том, что Марис влюблена, Дэниэл был уверен. Это с каждым днем становилось все очевиднее.

Он хотел бы радоваться тому, что Марис нашла свое счастье, но предпочитал соблюдать осторожность – по крайней мере до тех пор, пока не выяснит доподлинно, какие именно мотивы руководили Паркером Эвансом, когда он задумывал свой план. Не раз Дэниэл собирался потребовать у него объяснений либо при личной встрече, либо через Сазерленда, но не мог сделать этого, не раскрыв своей тайны Марис и Ною. А к этому Дэниэл был не готов. Пока не готов.

Поэтому он вынужден был бездействовать, предоставив Сазерленду возможность выискать какую-то новую любо-

пытную информацию, которая позволит ему диктовать свои условия Ною, а если понадобится, то и Паркеру.

Дэниэл не исключал, впрочем, что Паркер невольно раскроет побудительные мотивы в своем романе. Если судить по главам, которые показывала ему Марис, в «Зависти» Паркер описывал свои отношения с Ноем, поэтому в зависимости от того, сколько времени ему понадобится, чтобы закончить рукопись, Дэниэл мог узнать его версию случившегося еще до того, как Сазерленд закончит свое расследование.

Все это, впрочем, интересовало Дэниэла лишь постольку, поскольку касалось Марис, а именно о ней он беспокоился больше всего. О том, что она едет к Паркеру, Дэниэл узнал еще до того, как Марис вернулась на Санта-Анну. Он мог бы помешать ей, но не стал этого делать. Ему было очевидно, что Марис очень хочет поехать на остров, к тому же, как удалось выяснить Сазерленду, соседи Паркера при всем их при страстном отношении к чужакам отзывались о нем неплохо, а это было уже кое-что.

Дэниэл был почти уверен, что Марис ничто не грозит и она сама, и ее чувства будут в относительной безопасности. Если дружба между Паркером и Ноем прекратилась из-за каких-то принципиальных разногласий, в таком случае Паркера почти со стопроцентной уверенностью можно было считать человеком честным и порядочным – ведь Ной Рид уже показал себя бесчестным подонком.

Дэниэл не сомневался: что бы ни произошло в ближай-

шем будущем, Ной не может и не должен оставаться членом семьи Мадерли. И он уже предпринял по этому поводу кое-какие меры. Напрасно Ной считал, будто с помощью улыбок и виски, которое он наливал Дэниэлу за спиной бдительной Максины, ему удалось завоевать расположение тестя. Неделя, которую Ной предложил ему провести за городом, не обманула бдительности Дэниэла. Он согласился на эту поездку из чистого любопытства, к тому же ему очень хотелось знать, как далеко способен зайти Ной.

Особенное удовольствие Дэниэл испытывал при мысли о том, что самоуверенный и коварный мистер Рид даже не подозревает, что его собственная голова давно лежит на плахе и топор уже занесен.

Символическим жестом отряхнув руки от крошек, Дэниэл поставил в мойку грязную тарелку и бокал. Несмотря на его прогнозы, гроза усиливалась; молнии сверкали чаще, а от ударов грома дрожали стекла и звенела в буфете фарфоровая посуда Розмари.

О, Розмари!.. Розочка, как называл ее Дэниэл в минуты нежности. Она умерла уже больше двадцати лет назад, а он все еще скучал по ней. Особенно ему не хватало Розмари, когда он оказывался в этом доме, где они провели вместе столько счастливых часов.

Выключив свет, Дэниэл вышел из кухни и медленно двинулся по темному коридору к ведущей наверх лестнице. Поднимаясь по ступенькам, Дэниэл с силой налегал на пери-

ла, щадя пораженные артритом суставы. Как всегда в сырую погоду, они ныли сильнее обычного, и он уже предвкушал, как примет еще порцию бренди и заберется под теплое одеяло.

– Проклятая старость! – пробормотал Дэниэл, останавливаясь, чтобы перевести дух.

– Вы забыли свою трость, – раздался голос над самой его головой, и Дэниэл невольно вздрогнул и крепче вцепился в перила. На верхней площадке лестницы, до которой оставалось ступеней десять, он увидел Ноя. Вспышка голубого электрического света на мгновение выхватила его из царившего на лестнице полумрака, и Дэниэл разглядел застывшее лицо зятя.

– Ты меня испугал, Ной! – сказал Дэниэл, стараясь казаться спокойным, хотя от неожиданности сердце в груди его отчаянно заколотилось.

– Вам нельзя ходить без палочки. Это... очень неосторожно с вашей стороны, мистер Мадерли, – сказал Ной. Голос его звучал как-то неестественно.

– Ничего, как-нибудь... – Дэниэл снова двинулся вперед. Прежде чем взобраться на очередную ступеньку, ему приходилось задерживаться на предыдущей, чтобы перевести дыхание. – А ты почему не спишь? Тебя разбудила гроза?

– Я еще не ложился.

И снова странный тон зятя заставил Дэниэла на мгновение замереть, но он справился с собой и одарил Ноя улыбкой.

– Мне тоже не спалось, и я решил перекусить, пока нет Максины, – сказал он.

До верхней площадки оставалось всего две ступеньки, но Ной словно прирос к полу. Он не отступил в сторону и не сделал ни малейшей попытки помочь Дэниэлу преодолеть остаток пути. Напротив, он как будто намеренно загораживал ему дорогу. Ной как бы нависал над стариком, и Дэниэлу стало не по себе, однако он сделал вид, будто ничего не замечает.

– Что это у тебя? – спросил он небрежно, указывая на бумаги, которые Ной держал в руке. – Решил еще раз просмотреть документ, который я подписал?

«Пусть хоть выучит его на память, – зло подумал Дэниэл, – все равно это не принесет ему никакой пользы!» Он-то знал, что эти бумажки годились только на то, чтобы выслать ими клетку для канарейки, хотя Ной, очевидно, считал иначе.

– Нет, – спокойно ответил Ной. – Это отчет о моей жизни, составленный частным детективом Уильямом Сазерлендом. Сами понимаете, мне было не до сна.

Дэниэл был не столько встревожен этими словами, сколько возмущен тем, что Ной рылся в его столе. Крепко сжав губы, что у него всегда служило признаком сильного гнева, Дэниэл поднялся еще на ступеньку.

– Но он же лежал дома, в моем столе, и ящик был заперт!

– Пришлось немного повозиться, но в конце концов я его

нашел, – спокойно ответил Ной. – Весьма любопытное чтение, весьма...

– Мне тоже так показалось, – сухо заметил Дэниэл.

– Неужели вы думали, я не замечу слежки? – Ной негромко рассмеялся. – Вы наняли лучших ищеек, которых только можно нанять за деньги, но ваш мистер Сазерленд слишком настойчиво расспрашивал обо мне моих знакомых. Одного моего друга это насторожило, и он счел нужным предупредить меня.

– Согласно этому отчету у тебя нет друзей.

– Что ж, можете называть моих партнеров по теннису просто знакомыми, приятелями или как вам будет угодно... – Ной издевательски поклонился. – Как бы там ни было, этот парень оказался достаточно умен, чтобы раскусить Сазерленда. И теперь меня интересует только одно: когда началось это скрытое наблюдение за мной? Может быть, вы просветите меня, мистер Мадерли?

Играть в кошки-мышки не было смысла, и Дэниэл ответил:

– Я начал собирать информацию месяца два назад. А слежка началась вскоре после вечеринки по случаю вашей с Марис второй годовщины.

Улыбка сползла с лица Ноя.

– Хотелось бы знать, почему вы решили собирать сведения, которые вас не касались?!

– Потому что я уже давно подозревал, что ты отпетый мо-

шенник и лжец.

Ной прекрасно владел собой, но сейчас одна его бровь нервно дернулась и взлетела вверх.

– Вот как? – спросил он.

– Именно так, – подтвердил Дэниэл. – Я, правда, еще не знаю, обманывал ли ты нас с самого начала, или ты пошел по этому пути лишь несколько месяцев назад, когда Моррис Блюм обратился к тебе с предложением продать мое издательство без моего ведома. Лично я предпочел бы, чтобы верно было последнее, так как в этом случае я выгляжу куда меньшим дураком, однако мне это представляется маловероятным. Научиться так хорошо лгать в такой короткий срок невозможно, Ной! Подобные способности необходимо развивать, оттачивать, совершенствовать годами...

– Вы повторяетесь, мистер Мадерли. Ведь вы уже назвали меня отпетым мошенником...

– Совершенно верно. Ты, как видно, тертый калач, но все же, несмотря на весь твой опыт и изворотливость, ты совершил несколько ошибок, на которых я поймал тебя в тот день, когда ты устроил вечеринку на квартире в Челси. Кое-какие обстоятельства показались мне странными, Ной. Правда, часть из них, пусть и с некоторой натяжкой, можно было объяснить твоим желанием устроить Марис сюрприз, но остальные всерьез меня обеспокоили.

– Какие же ошибки я совершил? – с кривой ухмылкой осведомился Ной.

– Самая первая и главная твоя ошибка, которая заставила меня насторожиться, заключалась в том, что ты начал загодя готовиться к этой вечеринке, тогда как обычно ты поручаешь покупать подарки для Марис своей секретарше. Это было так не похоже на тебя, что я волей-неволей начал к тебе приглядываться и довольно скоро обнаружил, что ты не совсем таков, каким хочешь казаться. Я увидел тебя настоящего, Ной, и...

– Просто потрясающая проницательность, мистер Мадерли!

Дэниэл покачал головой:

– К сожалению, на этот раз моя проницательность меня подвела, в противном случае тебе вообще бы не удалось меня обмануть. Но ты слишком ловко притворялся, и я не сумел распознать, что ты носишь маску. Отличную маску, Ной! Ты успел зарекомендовать себя хорошим бизнесменом и издателем задолго до того, как пришел в «Мадерли-пресс». Кроме того, я, как и Марис, был очарован твоей книгой и ошибочно полагал, что такую честную книгу может написать только человек порядочный и прямой.

Ной сложил руки на груди и самодовольно улыбнулся.

– Кому, как не вам, знать, мистер Мадерли, что все написанное в книгах – ложь, выдумка. И мой «Побежденный» вовсе не случайно написан в эдакой придурковато-честной манере... Я наделил своих героев прямодушием, благородством, честностью вовсе не потому, что придерживаюсь тех

же взглядов. Я не знаю, существуют ли честность и бескорыстие на самом деле – я лично в это не верю, но зато мне прекрасно известно, что помогает продавать книги. Выдуманная честность и выдуманное благородство выдуманных героев – вот на чем стоит книгоиздание со времен самой первой книги. Обычный человек хочет верить в то, что благородство существует, что зло можно победить добром и что добродетель – награда сама по себе. Читатели просто тащатся от этой ерунды, и каждый издатель, если только он хочет процветать, просто обязан совать им эту жвачку.

Как вы знаете, дорогой мой мистер Мадерли, я вырос в типичной южной семье, и родители с детства кормили меня байками о моих предках – благородных джентльменах-южанах, потомках средневековой аристократии. Пока я был мал, я не мог сказать им: «Хватит! Надоело!» – хотя от их сказочек о честности и благородстве меня буквально выворачивало наизнанку. Но когда я вырос, я решил использовать накопленную информацию, чтобы одурачить доверчивых читателей, которые ждут от книжных героев именно того, что не существует в жизни. Все это лживое дерьмо я слил под одну обложку и швырнул им, словно свиньям, чтобы освободиться от того, во что никогда не верил.

Ной снова усмехнулся.

– Ясноглазая героиня и отважный герой, не лишенный, впрочем, некоторых, весьма симпатичных недостатков!.. – проговорил он презрительно. – Как же мало нужно средне-

му человеку! Что ж, пусть жрут то, что заслужили. Мало кто из них способен догадаться, что волнующая история любви Шарлотты и Сойера Беннингтона – это плевок в их слюнявые хари. Лично меня переживания моих героев ни капли не трогают и не волнуют. Единственное, что меня волновало, – это размер гонорара, интерес издателей и количество положительных рецензий, которые напечатают ведущие газеты и журналы. На последние я, кстати, особенно рассчитывал, так как мне хотелось привлечь ваше внимание к своей скромной особе.

– Почему же именно мое? За что такая честь?

– Потому что из всех крупных издателей, мистер Мадерли, только у вас была взрослая незамужняя дочь, и к тому же не дурнушка. Когда же я узнал, что «Побежденный» – ее любимая книга, я просто не поверил своему счастью. Это обстоятельство открывало передо мной головокружительные перспективы, и я был бы дураком, если бы не воспользовался своей удачей.

Даже догадываясь о том, что представлял собой Ной на самом деле, Дэниэл был потрясен этим заявлением.

– И ты... так спокойно признаешься во всем этом? – спросил он. – Неужели ты и вправду относишься к своей работе, к людям, к жизни так... так цинично?!

– Даже еще хуже, – отозвался Ной, явно бравируя, и Дэниэл скорбно покачал головой:

– Как жаль, что такой талант пропал зря!

– Да будет вам, мистер Мадерли! – перебил его Ной. – Не стоит жалеть меня – я отлично себя чувствую. Что касается вашего обвинения в лицемерии и двуличии, то сами-то вы немногим лучше меня. Вам – как и мне, впрочем, – доподлинно известно, что автор, который присылает нам по два крутых полицейских детектива в квартал, очень любит, когда секретарь хлещет его кнутом и имеет его в задницу. Это настолько его возбуждает, что после каждого сеанса анального секса он бежит к рабочему столу и начинает описывать похождения своего крутого героя-гетеросексуала со внешностью Шварценеггера. А этот, как его... преподобный? Ну, тот, который стряпает книжки о христианском всепрощении и о том, что надо воздавать кесарю кесарево, а сам то и дело нарываясь на неприятности с налоговым управлением? Ведь вы издаете его, а сами говорите мне о лицемерии!..

Нет, мистер Мадерли, у вас и самого рыльце в пушку. Среди ваших авторов, которым вы посылаете поздравления на Рождество и даже приглашаете к себе в дом, полным-полно безнадежных алкоголиков и наркоманов. А брат и сестра Миллер, которые пишут вдвоем? Многие матери, которые покупают их книжки для своих чад, могли бы вчинить вам миллионные иски, если бы узнали, насколько близкородственными являются связывающие их отношения на самом деле. Я даже слышал, что в этом творческом тандеме роль мужчины исполняет именно сестра, в то время как брат только подставляет свою задницу да работает языком, но вас это

почему-то не волнует.

Вы скажете – они пишут хорошие книги, а мы их только печатаем. И я совершенно с вами согласен. Вы, мистер Мадерли, думаете только о доходах и закрываете глаза на личности ваших авторов. Больше того, вы даже оплачиваете их счета, когда кто-то из них оказывается в клинике из-за чрезмерного пристрастия к виски или кокаину. Вы прекрасно знаете, что деньги, которые вы получаете, издавая их выдумки о прекрасном и вечном, – грязные деньги, но отказаться от них вам не приходит в голову. Еще бы! Ведь вам надо платить и за ежедневный массаж, и за этот прекрасный загородный дом, и за прочие блага мира, которыми вы наслаждаетесь в своей башне из слоновой кости.

– Я понял, что ты хотел сказать! – сердито перебил Дэниэл. – Но я никогда не закрывал глаза на то, что принято называть изнанкой жизни. Все дело в том, что я не судья, а бизнесмен, и, как считается, неплохой бизнесмен. Я выстоял в схватках с нечистоплотными конкурентами, а мое предприятие сумело выдержать несколько серьезных экономических кризисов, которых, как утверждали пессимисты, не пережить никому. Да, иногда ради блага «Мадерли-пресс» мне приходилось хитрить, изворачиваться, использовать свои связи, даже предавать, когда это было необходимо... – Взгляд Дэниэла, словно огненный луч, пронзил разделявшую их тьму. – И именно поэтому я сумел разглядеть эти же качества в тебе, Ной. Как говорится, рыбак ры-

бака видит издалека. А как только я уловил первый, самый легкий запахок измены, я начал принюхиваться и вскоре обнаружил – ты прогнил насквозь.

Ной небрежно облокотился о столбик перил. Взгляд его снова скользнул по бумагам, которые он держал в руке, но вряд ли он их читал – для этого на лестнице было слишком темно.

– Должен сказать, – процедил он сквозь стиснутые зубы, – то, что здесь написано, вряд ли можно считать комплиментом.

Услышав эти слова, Дэниэл испугался, не сболтнул ли он лишнего. Как много знает Ной? Видел ли Ной самый первый, предварительный отчет Сазерленда? Дэниэл не очень хорошо помнил, что вошло в отчеты, а что детектив рассказал ему по телефону, пообещав, что подробный письменный доклад он пришлет при первой возможности.

– В этом отчете, – продолжал Ной, – мистер Сазерленд и его подручные выставили меня настоящим чудовищем, и мне остается только поражаться вашей выдержке, мистер Мадерли. Ведь вы не только не выставили меня вон, но и продолжали общаться со мной, как и подобает цивилизованному человеку.

– Охотно признаю, это было нелегко.

– Да, наверное, нелегко. Вероятно, больше всего вас разозлило то, что я снюхался с Блюмом и компанией?

Дэниэл кивнул. У него не было ни малейшего желания

разубеждать зятя, к тому же он резонно полагал, что чем глубже Ной будет заблуждаться на его счет, тем больше ошибок наделает.

– Я могу простить это скорее, чем твою измену Марис, – сказал он, сделав чуть заметное ударение на слове «простить». Пусть Ной думает, что все еще можно наладить.

– Она, кстати, знает про меня и Надю, – небрежно проговорил Ной и выпустил из рук листы бумаги, которые разлетелись по всей лестнице.

– Я знаю, что она знает.

Эти слова застали Ноя врасплох.

– Знаете? Откуда? Это она вам сказала?

– Нет, однако я уже давно заметил, что Марис разочаровалась в своей семейной жизни.

– Тем не менее, – заметил Ной, небрежно махнув рукой, – в целом Марис довольна жизнью. Вы лучше меня знаете, что она любит свою работу больше всего на свете, к тому же сейчас у нее появился этот новый автор. Он безногий калека, и это, мне кажется, привлекает ее больше всего. Марис обожает чувствовать себя заботливой благодетельницей!

Значит, он ничего не знает о Паркере Эвансе, понял Дэниэл. Что ж, тем лучше!..

– Быть может, я недооценил эту черту характера Марис, – продолжал Ной с апломбом, который показался Дэниэлу отвратительным. – Если бы я знал, что она так любит возиться со всякими убогими, я бы купил ей щенка, поскольку сам

я не нуждаюсь в ее опеке. Из-за этого у нас с вашей дочерью уже возникали кое-какие разногласия, но – повторяю! – в целом у вашей драгоценной Марис не было никаких оснований быть недовольной жизнью до тех пор, пока она не застала меня с Надей.

Дэниэл покачал головой:

– Если она и была довольна жизнью, то отнюдь не благодаря тебе, Ной. Я бы даже сказал – она была счастлива вопреки тому факту, что ее мужем был бессердечный и жестокий негодяй, который лишил ее шанса быть по-настоящему, полностью счастливой.

Ной щелкнул пальцами.

– Ага, вот в чем дело – я не сделал ей ребенка?!

– Вот именно. Ты ничего не сказал ей про операцию, которой подвергся, а она, бедняжка, винила во всем себя, – с горечью сказал Дэниэл. Сведения о тайной вазэктомии*⁹ были едва ли не самой шокирующей частью отчета Сазерленда.

– Я отлично помню, как ты не поехал с нами в Грецию, сославшись на какие-то проблемы с текущими контрактами, – добавил он. – Это было вскоре после свадьбы. Тогда-то ты и лег в клинику, не так ли?

Ной ухмыльнулся.

– Надеюсь, вы понимаете, что ребенок был мне совершенно ни к чему? – спросил он. – Ваша Марис планировала протрахаться всю дорогу туда и обратно и вернуться беремен-

⁹ Вазэктомия – хирургическое иссечение семявыводящего канала

ной, но это не входило в мои расчеты. Поэтому-то я и обратился в частную клинику, где мне сделали эту небольшую операцию, благодаря которой я мог жить спокойно. А главное – отпала необходимость каждый раз объяснять Марис, почему я так настаиваю на использовании таблеток.

– Признаться, когда я узнал о вазэктомии, меня это озадачило, – проговорил Дэниэл. – Разве, спрашивал я, ребенок не обеспечил бы тебе еще более крепкую связь с издательством и с капиталами Мадерли? Но теперь я знаю ответ. – Он поднял голову и посмотрел Ною прямо в лицо. – Ведь с рождением ребенка твоя доля в капитале уменьшилась бы!

Ной выпрямился.

– Это не так, – сказал он. – Впервые за время нашей содержательной беседы вы сказали глупость.

– Не так?! – удивился Дэниэл.

– Совершенно не так, – кивнул Ной. – С чего вы взяли, что я рассчитывал только на долю в капиталах? Дэниэл презрительно фыркнул:

– Цыплят по осени считают. Документ, который я вчера подписал, не имеет юридической силы.

– Вы так думаете? – осведомился Ной до странности безмятежным тоном.

– Я подыграл тебе только потому, что мне хотелось посмотреть, как далеко ты способен зайти. Впрочем, удивила меня не твоя наглость, а то, что ты упомянул Говарда Бэнкрофта. Он бы никогда не...

– Вы плохо его знали, – перебил Ной. – Можете мне не верить, но этот документ составил по моей просьбе именно Говард Бэнкрофт, и никто другой. Он предпочел сделать это потому, что в противном случае вскрылось бы одно не слишком приятное для него обстоятельство.

– Какое же? – насторожился Дэниэл.

– О, нет, не волнуйтесь, вас Говард Бэнкрофт не обманывал – во всяком случае, в том, что касалось текущих дел издательства. Он просто забыл упомянуть о том, что его отцом был нацистский офицер, лично уничтоживший несколько тысяч евреев.

Эти слова подействовали на Дэниэла как пощечина. Пошатнувшись, он крепче вцепился в перила.

– И ты использовал этот факт, чтобы шантажировать его? Ной улыбнулся.

– Похоже, вы знали, что его почтенная матушка была в молодости нацистской подстилкой.

– Говард был моим другом, – проговорил Дэниэл, с трудом справившись со стиснувшей горло судорогой. – Много лет назад он доверил мне свою тайну, и я не смог бы осудить его, даже если бы захотел. Напротив, я всегда восхищался тем, что Говард сумел справиться с тем, чего все равно не мог изменить, и постарался прожить жизнь достойно.

– Вы считаете – он сумел справиться? А вот я, наоборот, считаю, что правда, которую он так долго скрывал, в конце концов его доконала.

– Правда, которую ты грозил рассказать всем, – поправил Дэниэл. Теперь ему было ясно все или почти все.

– Что это за правда, о которой нельзя говорить? – Ной слегка пожал плечами и улыбнулся. – Теперь, надеюсь, вы видите, в чем разница между вами и мной, мистер Мадерли? Или, если смотреть на этот вопрос шире, между мной и любым другим человеком? Как и большинство людей, вы стремитесь удовлетворить свои потребности и желания, но что-то мешает вам употребить для этого все возможные средства. И я, кажется, знаю, что это. Где-то в вашем сознании существует невидимая черта, барьер, который вы не в силах преступить. Этот барьер еще называют совестью. Вы и такие, как вы, скованы по рукам и ногам традициями, моралью, понятиями о порядочности и поэтому в решительный момент останавливаетесь, не в силах довести дело до конца.

Что касается меня, то я свободен от всяческих условностей. Если мне чего-то хочется, то я готов на все, лишь бы добиться своего. Я-то ни перед чем не остановлюсь и не позволю, чтобы что-то или кто-то стоял на моем пути. Мой принцип: найди у человека уязвимое место – и он твой. Чтобы достичь цели, я готов на что угодно!

– Даже на то, чтобы довести до самоубийства достойного человека?

– Я ни до чего его не доводил – Говард Бэнкрофт сам принял решение и сам его осуществил. Должен признать, впрочем, что он очень облегчил мне жизнь, когда собрался по-

кончить с собой. Как вы думаете, о чем он думал, когда нажимал на спусковой крючок? О своем еврейском рае? Или об аде? А может, он представлял свою мать под эсэсовцем?

Дэниэл покачал головой. Он знал, что эта тайна преследовала Говарда Бэнкрофта всю его сознательную жизнь. Как это бывает со многими совестливыми людьми, Говард чувствовал себя виноватым и старался искупить грех матери добрыми делами, благотворительностью, терпимостью и милосердием. И надо же было случиться так, чтобы Ной Рид возник перед ним как раз тогда, когда Говард почти обрел мир и душевный покой, и принялся снова мучить его прошлым, которое все равно нельзя было изменить. И этому негодяю еще хватало наглости посмеиваться над тем, как ловко он заставил старика плясать под свою дудку!

«Пожалуй, – подумалось Дэниэлу, – впервые за свою долгую жизнь столкнулся со столь чистым, беспримесным пороком». А циничное отношение Ноя к совершенным им подлостям заставило буквально вскипеть от ярости кровь Дэниэла. Слезы праведного гнева застилали ему глаза, лицо горело, кровь оглушительно стучала в ушах.

– Ты подонок! Тварь! – рявкнул Дэниэл, бросаясь вперед.

Первым, что увидела Марис, открыв глаза, было лицо Паркера, и она невольно подумала, что никогда еще ни одно лицо не казалось ей таким красивым. Паркер сидел в своем кресле возле кровати и смотрел на нее. Спрятав улыбку в подушку, Марис потянулась и спросила нарочито сонным голосом:

– Как ты умудрился не разбудить меня, когда пересаживался в кресло?

– У меня большая практика, Марис. Она вздохнула, потом снова потянулась и села, натянув простыню до самого подбородка.

– Который час? – спросила она.

– Тебе пора возвращаться, если ты не хочешь, чтобы Майкл застал тебя с поличным, – ответил Паркер.

Он был в одних трусах. Плечи у него были широкими; руки – развитыми и мускулистыми, живот плоским, скульптурно-рельефным. Спящий член слегка приподнимал тонкую ткань трусов, и Марис на мгновение снова вернулась мыслями в прошедшую ночь.

Потом она увидела его ноги.

Вчера она старалась даже не смотреть на них, чтобы ненароком не уязвить Паркера, и ей хотелось думать – их близость окончательно убедила его, что стесняться нечего. В

противном случае он бы не сидел сейчас перед ней, не пряча ноги, а постарался бы прикрыть их хотя бы клетчатым шотландским пледом, который висел на спинке соседнего кресла.

Похоже было – он хотел, чтобы она их увидела. И Марис смотрела, смотрела во все глаза, не в силах отвести взгляд.

Но самое ужасное заключалось в том, что она не сумела скрыть свою реакцию. Каким-то чудом ей удалось не вскрикнуть, однако Паркер не мог не заметить, как у нее перехватило дыхание, а кровь отхлынула от лица.

Лицо Паркера тотчас сделалось неподвижным, словно окаменело, веки слегка опустились, а голос резал, как остро заточенное холодное лезвие.

– Я предупреждал тебя – я не особенно красив.

– О, дорогой, как же тебе было больно! – Соскочив с кровати, Марис опустилась перед ним на колени. «На него напала акула!» – вот что первым пришло ей на ум при взгляде на эти страшные шрамы. Марис приходилось видеть фотографии людей, которые подверглись нападению акул и спаслись только чудом. Из их тел были буквально вырваны куски мяса, а шрамы, которыми были покрыты ноги Паркера, весьма напоминали следы острых акульих зубов.

Самый большой шрам представлял собой впадину размером с кулак на внешней поверхности правого бедра. Другой шрам шириной в добрых полдюйма тянулся спереди вдоль всего левого бедра и, изгибаясь, уходил под колено. Обе но-

ги от колен и ниже были покрыты более короткими пересекающимися шрамами – некоторые из них были белыми, бугристыми, другие же представляли собой полоски гладкой, тонкой, как будто чужой кожи. Коленные суставы и лодыжки выглядели непропорционально маленькими, словно усохшими, и, казалось, навсегда утратили нормальную подвижность. Также на правой ноге не хватало двух пальцев.

Чувствуя, как волна жгучей жалости и сочувствия охватывает ее, Марис провела кончиком пальца по длинному гребню «дикого мяса», наросшего на одном из самых больших зигзагообразных шрамов.

– Они все еще болят? – спросила она.

– Иногда.

Марис наклонилась ниже и поцеловала страшный шрам. Паркер погладил ее по щеке, но она перехватила его руку, поднесла к губам и поцеловала ладонь.

– Ну а теперь, когда ты наконец удовлетворила свое любопытство, как насчет того, чтобы перепихнуться разок перед завтраком? – спросил он.

Марис невольно вскинула голову:

– Что-о?!..

– Разве я непонятно сказал?

Марис была потрясена так, как если бы он ее ударил. Медленно выпрямившись, она подняла с пола ночную рубашку и сделала попытку прикрыться ею.

– Ч-что случилось?

– Ничего, просто утренний стояк замучил. Необходимо безотлагательно им заняться. Обычно в таких случаях я пользуюсь услугами Мамаши Правой, но коль поблизости оказалась подходящая дырка...

Марис только головой покачала. Не грубость шокировала ее, а нечто другое. Паркер не шутил. Он даже не подмигнул ей, давая понять, что это просто предложение – быть может, не слишком удачное – заняться любовью. Нет, он сказал грубость намеренно, расчетливо, желая причинить ей боль.

– Почему ты так себя ведешь, Паркер? – спросила Марис.

– Потому что я так устроен.

– Не правда, ты совсем не такой. Ты...

Паркер небрежно пожал плечами.

– Ладно, не бери в голову... – Развернув кресло, он покатил его к шифоньеру в углу. – У меня тут кое-что для тебя есть...

– Паркер!.. – в отчаянии вскричала Марис. Он остановился, обернулся.

– Ну что?..

– Почему ты так разговариваешь со мной? Я не понимаю!.. Что-нибудь случилось? Может быть, я чем-то обидела тебя вчера?

– Так ты не понимаешь?.. Не помнишь? Ладно, постараюсь объяснить. В промежутке между вчерашним вечером и сегодняшним утром ты испытала чуть не вдвое больше оргазмов, чем я... Правда, после пятого или шестого раза я пе-

рестал считать. Конечно, когда имеешь дело с женщинами, не сразу разберешься, где кончается один оргазм и начинается другой. Трудно даже сказать, настоящие они или нет... Но даже если ты имитируешь оргазм, дорогая, ты делаешь это очень убедительно!

С этими словами Паркер открыл дверцу шифоньера и вынул из внутреннего ящика картонную коробку. Развернувшись лицом к Марис, он окинул ее откровенно враждебным взглядом.

– Ничего не могу сказать, миссис Мадерли-Рид, ваша щелка пришлась мне как раз по размеру – она у вас тугая, как мышинная норка, и мокренькая, как рот. Не понимаю, почему ваш муж решил оставить такое сокровище и поискать счастья на стороне...

Из глаз Марис потекли слезы унижения и обиды. Резким движением руки она попыталась смахнуть их со щек, поспешно натянула ночную рубашку и накинула халат.

– Я не знаю, что с тобой случилось, – проговорила она прерывисто, – но мне... я не хочу тебя слушать. Хотя бы потому, что в умении говорить гадости с тобой трудно тягаться!

– А у меня сложилось прямо противоположное впечатление. По-моему, у тебя довольно большой словарный запас. Быть может, он не такой выразительный, как у меня, но я уверен – если ты как следует напряжешь память, то обязательно вспомнишь что-нибудь подходящее к случаю. Даже если это случится в самолете на обратном пути в Нью-Йорк,

ты можешь послать мне последнее проклятье телеграммой. Ведь теперь ты уедешь, я угадал?

Не удостоив его ответом, Марис направилась к двери.

– Подожди! – окликнул ее Паркер и, подкатившись к ней, протянул коробку, которая лежала у него на коленях.

– Что это?

– «Зависть». Последний, окончательный вариант. Здесь все.

Марис так растерялась, что взяла коробку в руки и озадаченно посмотрела на нее.

– Значит, ты закончил «Зависть»? Когда?!

– Очень давно. Все это время она была готова и лежала здесь. То, что ты читала, это... мои старые черновики.

Марис открыла рот, но слов не было. Да и что она могла сказать?

Паркер наблюдал за ней, не скрывая своего удовольствия.

– Я никогда не посылаю издателю незаконченных рукописей. Никто, даже мой агент, не может увидеть книгу, пока она не закончена. Я никогда бы не послал тебе пролог, если бы за ним не стояла готовая рукопись.

– Но почему, Паркер?.. – выдавила она наконец. – Почему?!

Паркер сделал вид, что понял ее буквально:

– Возможно, это просто привычка. Я так работаю.

У Марис появилось ощущение, что пол под ее ногами начинает прогибаться и вот-вот провалится совсем, но сдавать-

ся без борьбы она не собиралась.

– Значит, ты так работаешь? Это у тебя привычка такая?! – повторила она, повышая голос чуть не до крика. – Какого черта, Паркер?! Или, может быть, ты даже не Паркер, а Джон или Патрик? Сколько у тебя имен, Паркер? Зачем тебе понадобилась эта идиотская игра? Или тебе просто нравится лгать мне, водить меня за нос?

– Согласись, игра была довольно приятной, – хладнокровно заметил Паркер. – Во всяком случае, каждый из нас получил, что хотел. Я отлично помню, как прошлой ночью ты умоляла: «Быстрее, Паркер! Еще, Паркер!» Мне даже показалось – тебе нравится то, что я делаю. Кроме того, ты получила рукопись... Что ж еще?..

Несколько мгновений Марис просто смотрела на него, гадая, когда и почему Паркер снова превратился в неприятного, злоязычного незнакомца. Потом она отшвырнула увесистую коробку так далеко, как только смогла. Коробка ударилась об пол углом, тонкий шпагат, которым она была перевязана, лопнул, и листы рукописи разлетелись по всей спальне.

Повернувшись к нему спиной, Марис рывком распахнула дверь...

...И столкнулась лицом к лицу с Майклом, который стоял в коридоре и уже поднял руку, собираясь постучать. В другой руке он держал телефон-трубку.

– Доброе утро, Марис, – сказал Майкл, не выказав ни малейшего удивления. Очевидно, он ожидал чего-то подобно-

го, однако эмоциональное состояние, в котором она пребывала, встревожило его. Заглянув в комнату поверх ее плеча, он оценил ситуацию и наградил Паркера убийственным взглядом, который мог бы быть у судьи-вешателя, готового огласить приговор. Потом Майкл снова повернулся к Марис и протянул ей телефон. – Это вас, Марис. Мне очень не хотелось вас беспокоить, но джентльмен сказал, что дело срочное.

Марис взяла телефон и вышла в коридор. Майкл же шагнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

Несколько секунд Марис неподвижно стояла, стараясь справиться с мыслями, потом глубоко вздохнула, шмыгнула носом и смахнула слезы с ресниц.

– Алло? – сказала она в трубку. – Кто это?

– Марис...

– Ной?! – Марис даже слегка растерялась. Зачем он звонит? Почему его голос звучит так глухо и печально? – В чем дело, Ной? – резко спросила она.

– Ты должна немедленно вернуться в Нью-Йорк, Марис. Я уже заказал тебе билет на обратный рейс. Вылет из Саванны в одиннадцать десять. Ты успеешь или перенести заказ на более позднее время?

– Успею, – машинально ответила Марис. Страх – холодный, парализующий страх сковал ее тело и мысли. Только сердце билось в груди отчаянно, громко. Марис крепко зажмурила глаза, но слезы все равно просочились сквозь плот-

но сжатые веки и потекли по щекам.

– Что-то с папой, да?

– К сожалению, да.

– Что с ним? У него инфаркт?

– Нет, он... Господи, Марис, я не хотел бы говорить это по телефону, но... Твой отец скончался.

Из груди Марис вырвался какой-то нечленораздельный вопль. Потом колени ее подогнулись, и она медленно опустилась на пол.

Паркер сидел в «солярии» за своим рабочим столом, но не работал. Взгляд его был устремлен на океан за окном; лишь изредка он отрывался от этого зрелища и жестом отчаяния сжимал голову в ладонях.

Он слышал, как вернулся с континента Майкл, ездивший провожать Марис, но не стал его окликать. Майкл тоже не зашел к нему. Он сразу поднялся к себе в комнату и – судя по доносившимся оттуда звукам – метался по ней из угла в угол, словно тигр в клетке.

Мысленно Паркер снова и снова воспроизводил в памяти последний разговор с Марис. Если, конечно, это можно было назвать разговором. Каждый раз, когда он вспоминал, какие ужасные вещи он ей наговорил, у него болезненно сжималось сердце, а перед глазами вставало ее потрясенное лицо.

Быть может, Марис стало бы легче, если бы она узнала, что он так же несчастен, как и она, но Паркер в этом сомне-

вался.

День тянулся мучительно медленно. Воздух был густым, жарким, давящим, и Паркер задыхался, обливаясь потом. Но только ли погода была в этом виновата? Быть может, это раскаяние сжигает его изнутри?

– Я посадил Марис на самолет...

С головой уйдя в собственные мрачные мысли, Паркер не слышал, как Майкл вошел в «солярий». Услышав его голос, он вздрогнул и, резко выпрямившись, повернулся к двери. Майкл в костюме из светлой ткани был похож на пророка – такой прямой была его спина, таким пронзительным – взгляд, таким непримиримым выражение лица.

– Самолет улетел по расписанию, – добавил Майкл.

Он отвез Марис на континент, как только она собрала свои вещи. С Паркером Марис не попрощалась, но он этого и не ждал. Паркер понимал, что не заслуживает этого. Он не заслуживал даже самого изощренного проклятья. Впрочем, стремительный отъезд Марис сам по себе был достаточно красноречив, и теперь Паркер понимал, что она в любом случае не опустилась бы до упреков и выяснений.

Спрятавшись за занавеской в окне обеденного зала, Паркер следил, как Марис садится в машину Майкла. В своей широкополой соломенной шляпе она казалась совсем маленькой, хрупкой, уязвимой. Она надела черные очки – не столько для защиты от яркого солнца, сколько для того, чтобы спрятать заплаканные глаза от взглядов любопытных. Ли-

цо Марис было бледно, несмотря на загар, который она успела приобрести за несколько дней пребывания на острове. Внезапная смерть отца, несомненно, потрясла ее, и Паркер даже боялся, что она может не выдержать свалившегося на нее горя.

Одна надежда была на характер, который угадывался под ее хрупкой внешностью.

Майкл погрузил сумку Марис в багажник машины, потом помог ей сесть на переднее сиденье. Паркер видел, как губы ее дрогнули – очевидно, Марис поблагодарила его за помощь. Заурчал мотор, машина тронулась и свернула на аллею из виргинских дубов, сразу же пропав из вида, но Паркер продолжал смотреть ей вслед, пока до него не перестал доноситься даже шум мотора.

Он знал, что, скорее всего, никогда больше не увидит Марис. Этого он ожидал, к этому был готов.

Чего он не ожидал, это того, что ему будет так больно.

Уже давно Паркер пришел к убеждению, что боль не имеет над ним власти. После всего, что он пережил, это было бы только естественно, однако он ошибался. Что ж, он знал верное средство, чтобы победить боль, однако после первой же порции бурбона*¹⁰ ему стало так худо, что Паркер поспешил в ванную комнату, чтобы освободиться от выпитого. Похо-

¹⁰ Бурбон – популярное в США кукурузное виски прямой перегонки; получило свое название от округа Бурбон в штате Кентукки, где первоначально производилось

же, во всем мире не было достаточно сильного обезболивающего средства, которое помогло бы ему справиться с тем, что он испытывал сейчас.

Снова повернувшись спиной к Майклу, Паркер продолжал пристально вглядываться в океанский простор.

– Вчера вечером Марис волновалась из-за отца, – проговорил он, не поворачивая головы. – Возможно, у нее было предчувствие.

– Ничего удивительного. Они были очень близки.

После звонка Ноя Марис была в самом настоящем шоке, однако у нее хватило сил и самообладания, чтобы рассказать Майклу, что ее отец упал с лестницы в их загородном доме и сломал шею. Умер он мгновенно – так, во всяком случае, сказал Ной, а случилось это поздно вечером, почти ночью.

По словам Ноя, его разбудил шум падения. Он поспешил на помощь Дэниэлу, но, увидев, что тесть не отвечает, позвонил в «Службу спасения». Машина с медиками прибыла через считанные минуты, но это уже не имело значения. Дэниэл Мадерли был мертв.

Но Ной не поверил их словам и потребовал, чтобы Дэниэла немедленно отвезли в местную больницу. Здесь уже не парамедики, а опытные врачи констатировали смерть. Все это случилось глубокой ночью, и Ной решил не беспокоить Марис до утра.

Теперь Майкл пересказал услышанное от Марис Паркеру. Тот некоторое время молчал, потом покачал головой.

– Я думаю, – проговорил он, – она казнит себя за то, что ее не было с отцом вчера вечером.

– Когда я вез ее на катере через пролив, она так и сказала, – ответил Майкл.

– Как... как она?

– А ты думаешь – как?

Паркер пропустил этот язвительный ответ мимо ушей. Он сам был виноват, задав глупый вопрос.

– Я думаю, она чувствует себя так, словно ее пропустили через мясорубку, – сказал он.

– Тебе виднее, – буркнул Майкл. – Ведь ты тоже приложил к этому руку.

Этого Паркер уже не мог вынести и, резко рванув колеса кресла, повернулся к Майклу лицом:

– Ты хочешь сказать, я плохо обошелся с Марис?

– Ты и сам прекрасно это знаешь, Паркер.

– Ну и что ты теперь сделаешь? Поставишь меня вместе с креслом в угол? Лишишь меня сладкого? Запретишь смотреть телевизор? Что?!

– Вообще-то я думал, что это тебя следовало пропустить через мясорубку.

В глубине души Паркер был согласен с этим утверждением, но одно дело думать, и совсем другое – слышать упреки из чужих уст.

– Я должен был переспать с Марис, – заявил он, обиженно нахохлившись. – Это была важная часть моего замысла.

Впрочем, ты должен был догадаться...

– Не беспокойся – я догадался, но это вовсе не значит, будто мне это нравится.

– От тебя этого и не требуется, – отрезал Паркер.

– А как насчет тебя? – осведомился Майкл.

– Что – «насчет меня»? – удивился Паркер.

– Тебе это нравится?

Паркер уже готов был ответить резкостью, но неожиданно смешался под взглядом Майкла и промолчал. Опустив голову, он пробормотал себе под нос:

– Это к делу не относится.

– А вот я так не думаю. Больше того, я уверен – от этого зависит, что ты предпримешь дальше. Паркер повернулся к клавиатуре.

– Извини, – сухо сказал он. – Я пытаюсь работать, а ты мне мешаешь.

– Прекрасно! Можешь сколько угодно поворачиваться ко мне спиной, можешь хоть до скончания века пялиться на пустой экран и говорить, что ты пишешь, но мы оба знаем: тебе сейчас не до работы!

Паркер, не на шутку разозлившись, снова повернулся к Майклу.

– У меня сложилось впечатление, что ты пришел к какому-то заключению и теперь тебе не терпится высказаться, – прошипел он. – Ну, давай выкладывай! Ведь я же знаю – ты не оставишь меня в покое, пока не выложишь, что у тебя на

уме!

– Я не собираюсь ссориться с тобой, – невозмутимо ответил Майкл. – В одном ты прав: я действительно собираюсь сказать тебе кое-что.

Паркер страдальчески поднял глаза к потолку, но Майкл продолжал как ни в чем не бывало:

– Тебе удалось воскресить себя, когда твоя жизнь была фактически закончена – твое брненное тело погибало. Да, я тебе помогал – делал тебе уколы, ставил капельницы и не давал перегрызть себе вены, но я бы ничего не смог, если бы ты сам не захотел вернуться к жизни. Ты проявил стальную решимость и несокрушимую волю, ты преодолел множество препятствий, которые многим, находящимся в том же положении, оказывались не по плечу. И ты выиграл, хотя все шансы были против тебя. И ты не только ожил, но и добился успеха, который не снился большинству здоровых людей, не имевших твоих проблем.

– Я с радостью отдал бы этот успех за здоровые ноги, – вставил Паркер, но Майкл снова не обратил на его слова внимания.

– Да, физически ты исцелился, но душа твоя продолжала болеть, и это неудивительно, ибо ее муки были невыносимее. Нанесенные ей раны были слишком глубоки, чтобы исчезнуть, зарубцеваться даже годы спустя. Титановые штифты и скобки скрепили твои раздробленные кости, и затянулись раны, но душа твоя продолжала кровоточить так, как

если бы все, что с тобой случилось, случилось вчера. Вот почему ты, как дикий зверь, рычишь и бросаешься на каждого, кто приближается к тебе с намерением помочь.

– Именно это я и пытался объяснить тебе на протяжении последних лет, – перебил Паркер. – Ничто не в силах мне помочь, Майкл! Я безнадежен...

– Ты не безнадежен, ты просто дурак и трус! – сердито заорал Майкл. – Ты цепляешься за прошлое, а в будущее заглянуть боишься!

– Прекрасная фраза, Майкл. Я непременно должен ее записать. Как ты сказал?.. Я цепляюсь...

– Что это? Никак сарказм? Похоже, в тебе проснулось самолюбие. Что ж, по крайней мере мне удалось завладеть твоим вниманием. – Морщинистое лицо Майкла сделалось жестче и серьезнее. – Слушай, Паркер, откажись от своего плана! Предоставь Ноя Рида богу – или дьяволу. Пусть они между собой решат, кто будет ему судьей и какое наказание ему следует назначить. Не лезь в это! Лучше пойдешь к Марис и открой перед нею свое сердце. Поговори с ней по душам, объясни все. Начни с самого начала и не останавливайся, пока не доберешься до конца. Пусть она знает, какую роль сыграл в твоей жизни Ной, какие ошибки допустил ты сам. Может быть, Марис простит тебя, может быть – нет, но и в том и в другом случае ты избавишься от того, что тебя гнетет. Впервые за четырнадцать лет у тебя появился шанс освободиться от всего, что произошло в Ки-Уэсте. Воспользуйся

им, и ты еще раз спасешь себя, спасешь раз и навсегда. А это единственное, что имеет значение, разве не так?

Сердце Паркера колотилось как бешеное, но лицо оставалось спокойным и бесстрастным.

– Прекрасная проповедь, Майкл! Нет, в самом деле, у тебя вышло ужасно трогательно, но я все же намерен придерживаться первоначального плана.

– И отказаться от возможности быть счастливым с женщиной, которую любишь?!

– Люблю? – Паркер насмешливо надул щеки. – Кто это сказал?

– Ты сам.

– Интересно, когда? Я что-то не...

– Каждый раз, когда ты глядишь на нее, это становится настолько очевидно, что никаких слов не нужно.

– Слушай, Майкл, ты что, начитался дешевых любовных романчиков? Я знаю – ты говоришь, что терпеть не можешь этой макулатуры, но, может быть, у тебя под подушкой все-таки лежит какой-нибудь слюнявый роман, а? Имей в виду, от таких книг повышается кровяное давление.

– О'кей, можешь смеяться, сколько тебе угодно; можешь даже отрицать, что влюблен в нее. Это ничего не изменит. Я отлично вижу: Марис подействовала на тебя сильнее, чем наркотики, которые ты когда-то принимал. С тех пор как она появилась на острове, ты никак не можешь прийти в себя. Ты...

– Марис – жена Ноя! – почти выкрикнул Паркер, теряя самообладание. – Она его «дорогая, любимая, единственная», и только это может иметь значение. Только это и имеет значение, черт тебя побери! – добавил он, яростно рубя ладонью воздух. – Все остальное – чушь, ерунда! Мои чувства, ее чувства – все это пустяки по сравнению с тем, что она жена Ноя, а я с ней спал! Я трахнул ее несколькими разными способами, я имел ее во все дыры, а потом вышвырнул вон. Пусть теперь бежит к Ною жаловаться; насколько я его знаю, он не уступит другому даже старой зубной щетки – не то что жены, даже если она ему давно не нужна!

Паркер стукнул кулаком по столу, и в глазах у него заблестели слезы ярости, которая охватывала его каждый раз, когда он вспоминал о Ное и о его предательстве, но сейчас впервые к ней примешивались жгучий стыд и сознание собственной вины.

Глядя на него, Майкл еще больше помрачнел. На его лице ясно читалось разочарование и... жалость.

– Возможно, ты прав, – сказал он. – Может быть, ты действительно безнадежно болен... В любом случае твоя жестокость по отношению к Марис омерзительна. Она же не виновата, что тебя интересует только собственная месть, а все остальное...

– Наконец-то ты начинаешь меня понимать... – перебил Паркер и усмехнулся.

– И что будет дальше?

– Поскольку Марис швырнула рукопись мне в лицо, я сомневаюсь, что она покажет ее Ною. Придется мне самому послать ему «Зависть» – заказной бандеролью с уведомлением о вручении и сопроводительным письмом, в котором будет сказано, что рукопись отправлена во все крупные издательства Нью-Йорка одновременно. Если и это не заставит его почесаться, тогда, вероятно, придется добавить небольшой постскриптум с описанием того, как ловко его жена умеет надувать мужчин через пипиську.

Майкл покачал головой, не скрывая своего осуждения.

– Ну а дальше, Паркер? Что будет дальше?

– Дальше, как и положено по законам жанра, наступит развязка.

Некоторое время Майкл пристально смотрел на Паркера, потом вздохнул и, отступив в коридор, поднял стоявшие там чемоданы.

– Ты куда-нибудь собираешься?

– Да. Я уезжаю.

– И куда, если не секрет?

– Куда-нибудь подальше отсюда. Не хочу участвовать в этой... в этом спектакле.

Эти слова потрясли Паркера. Майкл уезжает? Бросает его одного? Нет, невозможно!

– Но... Ты не можешь! Не забывай – ты помог мне заманить ее сюда! Ты помогал мне, а теперь...

– А теперь я об этом горько жалею. Как бы там ни было,

я тебе больше не помощник.

– Ну и отлично. Давай проваливай! Скатертью дорожка!..
Казалось, Майкл все еще медлил.

– Ты справишься один?

– Теперь это не твоя проблема, так что можешь убираться. – И, развернув кресло, Паркер снова уставился на пустой экран компьютера. Вскоре он услышал, как хлопнула входная дверь.

Паркер остался один.

Впоследствии Марис с большим трудом могла вспомнить подробности своего возвращения в Нью-Йорк. Она куда-то шла, предъявляла билеты, сдавала вещи в багаж, но все это она делала совершенно автоматически, как во сне. Вот только подсознательной уверенности, что стоит ей захотеть, и она проснется, Марис не ощущала. Смерть отца и необъяснимое поведение Паркера были двойным ударом, и мозг, стараясь защититься от эмоциональных перегрузок, словно выключил сознание, оставив только автоматические реакции.

Марис не знала, что Майкл, проводивший ее до самого аэропорта и посадивший на самолет, сумел предупредить стюардесс, поэтому во время полета к ней обращались особенно внимательно и предупредительно. Впрочем, ей нужно было только одно – чтобы ее оставили в покое, и старшая стюардесса усадила ее у окна на свободный ряд кресел.

В нью-йоркском аэропорту «Ла Гуардия» Марис встречал Ной. Видеть его ей было тяжело, но вместе с тем она была рада, что он избавил ее от обычной в таких случаях суеты. Ной проводил Марис к нанятой им машине с шофером, а сам отправился получать ее сумки.

Когда за окнами лимузина замелькали улицы Манхэттена, Ной сообщил Марис некоторые подробности, о которых не хотел говорить по телефону. Тело Дэниэла все еще на-

ходилось в Массачусетсе: в таких случаях было необходимо вскрытие. Врачи подозревали, что Дэниэл не просто осту-пился; причиной падения мог стать микроинфаркт, разрыв сосуда, эмболия легочной артерии или внезапная остановка сердца.

– Но я лично уверен, что Дэниэл просто потерял равновесие, – сказал Ной. – Мы всегда этого боялись, и вот – это случилось...

Трость Дэниэла прибывший на место происшествия шериф нашел в его спальне. Судя по положению тела, Дэниэл не спускался по ступенькам, а поднимался. Сделать это не опираясь на трость ему всегда было нелегко; неудивительно, что в темноте он оступился и упал.

– Кроме того, он был слегка навеселе, – неохотно добавил Ной. – Наверное, это я виноват, что не уследил за ним...

После вскрытия, сказал Ной, тело Дэниэла перевезут в Нью-Йорк. Кое-какие приготовления к похоронам он уже сделал, но Марис должна была их одобрить. Например, он знал, что Марис захочет сама выбрать гроб, поэтому до ее возвращения даже не стал его заказывать.

Слушая его, Марис заметила только, как быстро он всем распорядился.

– Я хотел только избавить тебя от лишних переживаний, насколько это возможно, – ответил он.

Ной был очень заботлив, внимателен, услужлив до под-бострастности.

Но Марис было трудно выносить его присутствие.

Поэтому она велела шоферу везти ее в городской особняк Дэниэла. Оттуда Марис позвонила одной из своих подруг и, снабдив подробным списком своих вещей, отправила ее на свою квартиру. Самой ей не хотелось без особой необходимости даже появляться там, где она когда-то жила с Ноем.

В особняке Марис обосновалась в своей старой спальне на третьем этаже. На протяжении последующих трех дней они с Максиной принимали друзей и знакомых, приходивших выразить им свои соболезнования и предложить посильную помощь. По вечерам, оставаясь вдвоем, они пытались утешать друг друга, но это у них получалось плохо. Максина винила во всем себя. Обливаясь слезами, она снова и снова повторяла, что не должна была отпускать Дэниэла одного, совершенно забывая о том, что ее присутствие вряд ли могло предотвратить несчастный случай. Марис, как могла, успокаивала Максину, но и ее совесть была неспокойна.

Она не могла забыть того, что ее отец умер примерно в то же время, когда они с Паркером занимались любовью.

Каждый раз, когда ее мысли сворачивали в этом направлении (а случалось это достаточно часто), Марис старалась отогнать от себя ощущение вины. Если она в чем и виновата, то только не в этом. Ведь Дэниэл сам настоял, чтобы она отправилась в Джорджию. Она поехала туда с его благословения. Марис отчетливо помнила, как на прощание он сказал ей, что она заслуживает того, чтобы быть счастливой, и

что он ее любит. Нет, она не должна позволить угрызениям совести парализовать ее. Это роковое совпадение, и она заставит себя больше не думать об этом. Но пока эта мысль преследовала ее неотступно.

Марис раньше и не подозревала, что похороны человека, занимавшего такое заметное положение в обществе, как Дэниэл Мадерли, – дело чрезвычайно деликатное и непростое. Ее отец был старейшим представителем целой плеяды нью-йоркских издателей, и посвященный ему некролог появился не где-нибудь, а на первой полосе «Нью-Йорк тайме». Другие газеты тоже посвятили его памяти свои развороты.

Весь этот долгий день Марис прилагала отчаянные усилия, чтобы выдержать, чтобы не сломаться. Ее, одетую в черное, фотографировали при входе в собор, при выходе из него, фотографировали в соборе, у ворот кладбища, у могилы, фотографировали с мэром Нью-Йорка, с известными издателями, политиками и прочими знаменитостями, которые приехали отдать последний долг покойному. Каждый из них считал необходимым произнести небольшой спич или хотя бы перечислить многочисленные достоинства и добродетели покойного, и хотя это делалось, конечно, от чистого сердца, Марис было невыносимо слушать их. Ей искренне советовали утешаться тем, что ее отец прожил долгую и плодотворную жизнь и не страдал перед смертью. Умом Марис понимала; ей следует благодарить бога за то, что все произошло так быстро и ее отец не угасал долго и мучительно, как

иные старики, но сердце ее оставалось глухо к доводам разума. Она не желала верить, что смерть вообще может быть милосердной.

Поневоле Марис прониклась особым расположением к тем, кто предпочитал молчать и старался выразить свое сочувствие лишь жестом, взглядом, коротким пожатием руки.

Но все же никто не потряс и не шокировал ее больше, чем Надя Шуллер. Марис только-только отошла от свежевырытой могилы, когда Надя подошла к ней и, пожав ей руку, прошептала:

– Мне очень жаль, Марис. Очень-очень жаль!..

При этом Марис поразила не столько дерзость Нади, посмевшейся явиться в такой день, сколько мастерство, с которым она изображала глубокое и искреннее горе. Почти вырвав руку, Марис довольно холодно поблагодарила Надю и отвернулась, но отделаться от нее было непросто.

– Нам нужно поговорить, Марис, и как можно скорее, – сказала Надя тихо.

– Если тебе нужна цитата для твоей колонки – обратись в наш отдел по контактам с прессой, – ответила Марис.

– Нет, дело не в этом... – Надя наклонилась ближе. – Это действительно важно. Позвони мне в самое ближайшее... в общем, когда сможешь. – Сунув ей в руки визитную карточку, Надя повернулась и быстро отошла. При этом Марис невольно обратила внимание на то, что ей хватило ума не искать взгляда Ноя.

Но хотя неожиданное появление Нади было Марис достаточно неприятно, гораздо тяжелее ей было выносить присутствие Ноя. А Ной, как нарочно, не отходил от нее ни на минуту. Уже после похорон, на поминании, он то демонстративно обнимал ее за плечи, то брал за руку, словно они все еще оставались любящей парой, которую смерть Дэниэла сплотила еще больше. Марис его прикосновения были отвратительны, как был отвратителен сам Ной, но ради памяти отца она сдерживалась.

Когда ушла последняя пара, уже начинало темнеть. Максина в большой гостиной следила за тем, как официанты убирают со столов, Марис подошла к Ною.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказала она.

– Конечно, дорогая... – любезно откликнулся он. Но Морис был абсолютно безразличен его тон, его внимание, его сочувствие. Она не испытывала к Ною ничего, кроме неприязни, словно тех двух лет, когда они были вместе, не было вовсе. Теперь она не могла даже представить себя его женой, хотя формально все еще оставалась ею. Марис казалось – все, что когда-то между ними было, происходило не с ней, а с какой-то другой женщиной, жившей где-то далеко-далеко...

Как она могла быть настолько слепа? Как не разглядела, что представляет собой Ной Рид?

Единственное, что в какой-то мере извиняло ее ошибку, заключалось в таланте перевоплощения Ноя, его способно-

сти казаться тем, чем он на самом деле не являлся. Марис, во всяком случае, не приходилось встречать человека, который бы лгал так искусно, так правдоподобно, так находчиво и изворотливо. Да что говорить о ней, когда его поддельное обаяние подействовало даже на Дэниэла, которого всегда было очень нелегко ввести в заблуждение.

– Можешь больше не притворяться, Ной, – проговорила она, с трудом сдерживая раздражение. – Мы одни – кроме Максины, нас никто не слышит, а она уже знает, что я от тебя ушла.

Она привела Ноя в отцовский кабинет, в котором еще пахло душистым трубочным табаком Дэниэла, пахло его бренди и пылью от многочисленных книжных корешков. Эти запахи будили в Марис множество воспоминаний горьких и радостных и мучительных одновременно, и поэтому она чувствовала себя здесь достаточно уверенно.

В кабинете Марис опустилась в большое кожаное кресло, в котором Дэниэл обычно сидел, когда работал. В нем Марис было почти так же уютно, как в отцовских объятиях. Четыре ночи подряд она провела здесь, оплакивая свои потери. Иногда ей даже удавалось забыться коротким, беспокойным сном, но и во сне ей являлись то отец, то Паркер, и она просыпалась от звука собственного голоса, произносившего их имена. Ной сел в кресло напротив.

– Я надеялся, что после твоей второй поездки в Джорджию ты немного смягчишься, Марис, – сказал он. – Но ты

по-прежнему колешься, как дикобраз.

– Смерть отца ничего между нами не изменила, Ной, – резко сказала Марис. – Все осталось по-прежнему. И ты остался прежним – лжецом и предателем. – Она помолчала и добавила:

– И мне почему-то кажется, что это еще не все твои грехи! Взгляд Ноя стал острым, как кинжал.

– Что ты имеешь в виду?

Прежде чем ответить, Марис выдвинула средний ящик стола и достала оттуда визитную карточку.

– Я нашла это в записной книжке отца, когда выписывала телефоны людей, которых следовало известить о его смерти. Как видишь, на этой карточке нет ни названия фирмы, ни адреса – только имя и телефон. Меня одолело любопытство, и я позвонила... И как ты думаешь, куда я попала?

Ной продолжал молча смотреть на нее, потом небрежно пожал плечами:

– Откуда мне знать, Марис? У Дэниэла было много самых разных знакомых и...

– Да, у папы было много разных знакомых и деловых партнеров, – подтвердила Марис. – Мне это известно. Я только не знала, что среди них есть частный детектив, которого папа нанял, чтобы собрать сведения о тебе, Ной! Мистер Сазерленд сказал мне это, когда я спросила, как могла его визитная карточка попасть к отцу.

Марис вздохнула.

– К сожалению, мне не удалось выяснить у него, что он узнал о тебе. Мистер Сазерленд – настоящий профессионал, который умеет хранить тайны своих клиентов, даже если они уже умерли. Он отказался сообщить мне что-либо конкретное, хотя я и являюсь прямой наследницей. Впрочем, когда я объяснила ему ситуацию, мистер Сазерленд сказал, что он уже отправил отцу три подробных отчета, так что, если у меня есть доступ к его бумагам, я могу взглянуть на них сама. Он также добавил, что расследование еще не закончено и что, если я захочу довести его до конца, мне достаточно только подъехать к нему в офис, чтобы перезаключить договор на мое имя.

Марис нетерпеливо побарабанила пальцами по крышке стола, потом достала из кармана связку ключей и показала Ною.

– Как видишь, доступ к документам Дэниэла у меня есть – это полный комплект ключей от его стола, сейфа и рабочих шкафов, который он сделал для меня несколько лет назад. Я перерыла все бумаги, но не нашла никаких отчетов, о которых говорил мистер Сазерленд. Их нет ни на работе, ни в сейфе в его спальне, ни в этом столе, Ной. Их нет даже в секретной депозитной ячейке в банке, о которой, кроме меня, вообще никто не знал... Ты, случайно, не знаешь, куда они могли подеваться?

Ной снова пожал плечами:

– Не имею ни малейшего представления!

– А вот я, кажется, имею. Накануне вашего отъезда в загородный дом, пока отец собирал вещи наверху, ты сказал Максине, что тебе нужно сделать несколько звонков. Под этим предлогом ты пошел в папин кабинет якобы для того, чтобы воспользоваться телефоном. В этом не было бы ничего странного, если бы Максина не обратила внимание на то, что ты плотно прикрыл за собой дверь. Кроме того, ты мог воспользоваться мобильным телефоном, как делал всегда, но тогда Максина об этом просто не подумала. И только когда я спросила, не рылся ли ты в папиных вещах, она вспомнила про этот эпизод...

Ной покачал головой и рассмеялся.

– Марис, я понятия не имею, о чем ты говоришь! Может быть, я и заходил в кабинет мистера Мадерли в тот день. Честно говоря, я не помню... С каких это пор я не могу сюда заходить? Я бывал в этом кабинете, наверное, сотни раз, к тому же, когда я звоню кому-то по делам, я всегда закрываю дверь. Как, впрочем, и большинство нормальных людей... Слушай, если ты решила поднять весь этот шум из-за Нади...

– Надя здесь ни при чем, – резко ответила Марис. – Мне наплевать и на нее, и на всех остальных женщин, с которыми ты спал.

Ной поглядел на нее взглядом, который яснее ясного говорил – он в этом сомневается, и Марис захотелось вlepить ему пощечину, чтобы стереть с его лица выражение самодо-

вольного превосходства и наглой самоуверенности. Она, однако, ограничилась тем, что сказала:

– Тебе, вероятно, будет интересно узнать, что я обратилась в полицию Массачусетса...

– Ты, я вижу, зря времени не теряешь, – со злой иронией заметил Ной, – даром что изображаешь из себя убитую горем дочь.

– Я сказала, что заключение относительно причин смерти моего отца вызывает у меня сомнение. Я сказала – это мог быть и не несчастный случай.

Эти слова подействовали на Ноя несколько слабее, чем пощечина, но все-таки подействовали. Его улыбка поблекла, а лицо сделалось неподвижным, словно окаменело.

– В полиции пошли мне навстречу, – не без внутреннего злорадства добавила Марис. – Они проведут дополнительное расследование обстоятельств смерти отца. И можешь быть уверен, что на этот раз полицейские не ограничатся простым осмотром места происшествия – они станут искать доказательства.

Ной вскочил с места.

– Доказательства? Доказательства чего?! – воскликнул он.

– Это ты спросишь у начальника полиции Рэндала. Завтра утром мы с ним встречаемся. Надеюсь, ты тоже там будешь, – сказала Марис холодно.

В штате полицейского участка Беркшира было всего

шесть человек: начальник, четверо патрульных и сотрудник, который выполнял одновременно функции дежурного на телефоне и главного городского сплетника. Обычно полиция городка занималась заторами на дорогах, поисками пропавших домашних любимцев, штрафами за не правильную парковку, когда проезжавшие через Беркшир туристы надолго застревают в антикварных лавчонках, а также выявлением и задержанием пьяных водителей, что, впрочем, случалось нечасто.

Иными словами, это был тихий провинциальный городок, поэтому и слухи, циркулировавшие в Беркшире, были провинциально-спокойными и совсем не скандальными. Они вращались в основном вокруг того, кто поехал в Нью-Йорк, чтобы сделать подтяжку лица, кто продал свой особняк восходящей звезде кино, кто отправил несовершеннолетнюю дочь в клинику для наркоманов и тому подобного. Кражи случались редко, и жители Беркшира спокойно оставляли машины и дома незапертыми.

Последнее убийство в округе произошло еще в бытность президентом Линдона Джонсона. Убийца был схвачен патрульными на месте преступления и тут же сознался в содеянном, так что заведенное в полиции дело пришлось закрыть почти сразу.

Таким образом, местные полицейские не имели никакого практического опыта в расследовании убийств. Это, несомненно, был серьезный минус. Марис, впрочем, рассчитыва-

ла не столько на опыт, сколько на тот неподдельный энтузиазм, который вызвала среди личного состава беркширского участка перспектива раскрыть столь громкое преступление. Местным пинкертонам, несомненно, осточертело разыскивать по подвалам пропавших котят и устанавливать дополнительные трибуны к празднику Четвертого июля, и они горели решимостью найти и задержать коварного убийцу, пусть это даже был кто-то из приезжих.

В Беркшир Марис и Ной отправились в разных машинах. Увитое плющом здание полицейского участка было больше похоже на антикварную лавку, чем на официальное учреждение.

Начальник местной полиции Ллойд Рэндал был крупным краснолицым мужчиной лет сорока пяти с редкими светлыми волосами, зачесанными вперед, чтобы скрыть лысеющую макушку. Когда Ной и Марис отказались от предложенного кофе со сладкими булочками, Рэндал без труда уловил желание обоих свести церемонии к минимуму и решительно взял быка за рога. Утвердившись за широким столом, он достал из ящика папку с делом и раскрыл ее; при этом лицо его выражало скорее разочарование, чем облегчение.

– Боюсь, миссис Мадерли-Рид, мне нечего добавить к тому, что было в первом отчете, – сказал Рэндал. – Мои люди тщательно осмотрели дом, но не нашли ничего, что хотя бы косвенно указывало на возможное преступление.

Краем глаза Марис заметила, что Ной небрежно закинул

ногу на ногу и сложил руки на коленях.

– Мои сотрудники утверждают – и я с ними согласен, – что ваш отец оступился и упал с лестницы. На полу, в месте падения тела, были обнаружены пятна крови, однако это, несомненно, была кровь из раны на волосистой части головы мистера Мадерли. Он рассек кожу на затылке во время падения с лестницы – на одной из ступеней также остались следы крови и волосы вашего отца.

Марис спросила, еле сдерживая дрожь:

– А что показало вскрытие?

Рэндал перевернул несколько страниц и, порывшись в кармане, достал очки.

– Содержимое желудка показывает, что ваш отец поел минимум за полчаса до смерти, – сказал Рэндал, заглянув в документы. – То же самое сообщил следствию и мистер Рид, – добавил он, поглядев на Ноя поверх очков.

Ной кивнул в ответ.

– Когда я вошел в кухню, чтобы позвонить в «Службу спасения», в мойке лежали тарелка и стакан. Я сам вымыл после ужина всю посуду, поэтому было естественно предположить, что мистер Мадерли спустился в кухню, чтобы перекусить. На обратном пути он споткнулся и... упал.

– Это не могло быть подстроено, мистер Рэндал? – вмешалась Марис.

– Что именно?

– Я имею в виду – не были ли тарелка и стакан положены

в мойку специально, чтобы создать впечатление, будто мой отец ими пользовался?

– Но он ими действительно пользовался, – ответил Рэндал. – На бокале и на тарелке обнаружены только его отпечатки пальцев.

– Отец мог поесть и в спальне – он часто так делал. Откуда известно, что он спускался вниз?

– Крошки.

– Простите, что?

– На его пижаме, на тапочках и на полу возле окна и возле раковины были хлебные крошки. Я считаю, что ваш отец смотрел в окно и ел сэндвич...

Рэндал слегка похлопал себя по волосам на макушке, словно желая убедиться, что они на месте, и снова заглянул в папку с делом.

– Кроме того, содержание алкоголя в крови покойного несколько превышало норму, установленную законодательством для водителей за рулем.

– А как насчет других химических препаратов?

– В крови вашего отца действительно были обнаружены следы фармацевтических препаратов. Их удалось идентифицировать. Все это лекарства, которые принимал ваш отец; мы специально связались с его лечащим врачом в Нью-Йорке, и он подтвердил, что действительно выписывал такие лекарства мистеру Мадерли некоторое время назад. Судя по данным химических анализов, дозировка не была превыше-

на, к тому же нигде в доме не было обнаружено никаких следов борьбы.

– А его трость? Вы нашли ее? Она действительно была в спальне?

– Да, она была прислонена к ночному столику. Мы ее проверили – на трости, которой пользовался ваш отец, не было обнаружено не принадлежащих ему отпечатков пальцев, – сказал Рэндал, предупредив ее следующий вопрос. – Никаких следов взлома нет. Никаких ссадин или ушибов, за исключением раны на затылке, на теле не обнаружено. Установленное медицинской экспертизой примерное время наступления смерти совпадает со временем звонка вашего супруга в службу «911». Все это зафиксировано документально.

Рэндал снял очки и, положив их на раскрытую папку, с сочувствием поглядел на Марис.

– Я знаю, что, когда происходит несчастный случай вроде этого, родные и близкие покойного начинают искать причины... или, если угодно, – виновника. Козла отпущения. Я понимаю, мисс Марис, вам трудно принять факты, смириться, но... Судя по данным, которыми располагает следствие, что-то помешало вашему отцу подняться по лестнице; он оступился, упал и погиб. Мне остается только принести вам свои соболезнования.

Эти слова не обрадовали Марис, но и не разочаровали. Результаты дополнительного следствия оказались именно та-

кими, как она и рассчитывала.

Взяв в руки сумочку, она встала.

– Спасибо, что сочли возможным помочь мне, – сказала Марис, протягивая Рэндалу руку через стол.

– Это моя работа, миссис Мадерли-Рид, – ответил детектив, также вставая и пожимая протянутую руку. – Да, еще одно: ваш дом включен в маршрут нашего патруля. Мы будем приглядывать за ним в ваше отсутствие.

– Это очень любезно с вашей стороны, мистер Рэндал, спасибо.

Выйдя из участка, Марис направилась к своей машине, но, прежде чем она успела открыть дверцу, ее нагнал Ной. Схватив Марис за руку, он развернул ее лицом к себе и, наклонившись, прошипел:

– Ну как, теперь ты довольна?

– Вполне, – ответила Марис, холодно глядя на него. – Если раньше у меня и были какие-то сомнения, то теперь я абсолютно уверена – этим чем-то, что помешало моему отцу подняться по лестнице, был ты!

Тонкие губы Ноя растянулись в улыбке, от которой у Марис волосы зашевелились на голове.

– У тебя нет никаких доказательств, милая!

– Отпусти мою руку, Ной, иначе я закричу. А мистер Рэндал будет только рад прийти мне на помощь.

Ной на секунду задумался, потом нехотя разжал пальцы.

– Кроме того, мистеру Рэндалу будет любопытно узнать,

что мой отец обратился к частному детективу, чтобы выяснить твою подноготную, – добавила Марис.

– Ну, это даже не улика! Что она тебе даст?

– Ничего. Ты сделал все, чтобы не оставить никаких следов своего преступления. Единственное, что ты недооценил, – это мою способность с первого взгляда оценить хороший сценарий.

– Это не роман, Марис!

– К несчастью! Но если бы это был детективный роман, я бы заподозрила именно тебя. Как ты помнишь, часть работы редактора состоит в том, чтобы вычленивать побудительные мотивы главного действующего лица. Цель, которую преследует герой, должна быть очевидна с первых страниц, иначе у сюжета не будет стержня, на котором он мог бы держаться. Твоя цель, Ной, мне совершенно ясна. Зачем ты увез отца в Беркшир? Зачем запер его в нашем загородном доме именно тогда, когда меня не было в городе? Зачем ты настоял, чтобы Максина осталась в Нью-Йорке – ведь я знаю, как ты любишь, чтобы тебя обслуживали?!

Ты изменял мне с Надей. Ты лгал, когда говорил, что снова начал писать. О чем еще ты солгал? О своих делишках с «Уорлд Вью»? Несомненно. Я готова поставить на это все, что мне дорого. Когда Моррис Блюм проговорился о вашей встрече, ты очень умело оправдывался. Ты весьма предусмотрительно подстраховался, загодя рассказав отцу о переговорах на случай, если он или я что-нибудь узнаем. Но тебе

не удалось убедить меня в своей невинности тогда, теперь же я абсолютно убеждена в том, что ты нас предал.

Должно быть, отец догадался об этом раньше меня – иначе зачем бы он обратился в агентство мистера Сазерленда? Я уверена – он знал, что ты ведешь двойную игру. Может быть, у него даже были доказательства. И когда он предъявил их, ты его убил!

Марис с горечью усмехнулась.

– Надеюсь, ты совершил это убийство не для того, чтобы обеспечить сделку с «Уорлд Вью», потому что в противном случае тебя ждет жестокое разочарование. Заруби себе на носу, Ной Рид: «Мадерли-пресс» останется независимым, каким было при отце, каким было всегда.

– Будь осторожна, Марис! – Ной говорил негромко, но в его голосе звенела угроза. Протянув к Марис руку, Ной намотал прядь ее волос на указательный палец и с силой потянул на себя. Со стороны этот жест выглядел почти игривым, но Марис едва удержалась, чтобы не вскрикнуть от боли. – Нет, это ты заруби себе на носу, – сказал он с угрозой. – Никто не помешает мне получить то, что я хочу. Никто и ничто.

Марис попыталась справиться с дрожью. Скрытая жестокость, которую она давно в нем почувствовала, ей не почудилась. В Ное жил зверь – хищный и коварный зверь, который проснулся и вышел на охоту.

Но, как ни странно, она больше не боялась. Ной утратил над ней власть; он был не в силах ни напугать ее, ни подчи-

нить себе.

– Что ты мне сделаешь? Столкнешь с лестницы? – спросила Марис и нервно рассмеялась.

– Дэниэл сам виноват в том, что с ним случилось. Он реагировал слишком бурно, позабыв о том, что он уже глубокий старик – вот и сверзился со ступенек. Так что я здесь совершенно ни при чем, хотя... – Ной понизил голос до вкрадчивого шепота. – ...Хотя, если быть откровенным, старый козел умер очень своевременно.

Марис отшатнулась, и, поскольку ее волосы все еще были намотаны на палец Ноя, это резкое движение причинило ей такую боль, что из глаз брызнули слезы. Но Марис этого даже не заметила, потому что память нанесла ей удар еще более сильный.

...Если быть откровенным, мать умерла очень своевременно.

Эту строчку она перечитывала не меньше десяти раз. В диалоге Рурка и Тодда эта фраза была ключевой, и Марис довольно долго прикидывала, как ее можно изменить или улучшить, однако в конце концов пришла к заключению, что она с максимальной точностью передает холодную откровенность Тодда. От этого его заявление становилось куда более шокирующим, чем если бы он сказал: «Старая хрычовка загнулась весьма кстати». Набор слов, которые использовал Паркер, был значительно менее эмоциональным и от того – куда более страшным.

Открытие, которое Марис только что сделала, потрясло ее.

– Ты – Тодд! – вырвалось у нее.

– Кто-кто? – переспросил Ной, слегка наклонив голову. Марис не ответила. Мысли у нее в голове беспорядочно металась, мешая ей сосредоточиться, и только одна из них горела прямо перед глазами: «Это не может быть совпадением!»

С решительностью, какой она сама от себя не ожидала, Марис сказала:

– В последний раз говорю: отпусти меня немедленно!

– Конечно, дорогая... – Ной выпустил ее волосы. – Теперь, когда мы так мило побеседовали и – я надеюсь – поняли друг друга, ты можешь идти, куда тебе захочется.

– Я прекрасно тебя поняла, Ной, – ответила Марис. – Поняла даже лучше, чем ты думаешь.

«ЗАВИСТЬ»

Глава 22

Ки-Уэст, Флорида

1987 год

Это был один из тех дней, когда слова просто не желали ложиться на бумагу.

Рурк сжал голову руками, стиснул ее как тыкву, словно надеясь выдавить застрявшие где-то глубоко в мозгу слова. Тщетно. Ничего не выходило, хоть тресни! За весь сегодняшний день к рукописи добавилось всего два с половиной предложения. Ровно восемнадцать слов. Курсор компьютера словно прилип к экрану, и вот уже часа три не двигался с места, нахально подмигивая незадачливому сочинителю.

– Издеваешься, гад?.. – прошептал Рурк и, склонившись к клавиатуре, напечатал: «Трава зеленая». Потом подумал и прибавил: «Небо – голубое». – Видал, сукин ты сын? – сказал он, откидываясь на спинку стула. – Ведь могу, если захочу!..

Но это его не утешило, так же как и мысль о том, что вчерашний день был гораздо более продуктивным, чем сегодняшней. Вчера у него был выходной, и Рурк просидел за компьютером шестнадцать часов подряд, практически без еды и питья, отрываясь от работы только по нужде. Вчера он написал двадцать страниц – двадцать превосходных страниц, если быть откровенным, но, проснувшись сегодня утром, обнаружил, что ночью какие-то злые духи проникли к нему в голову и похитили вдохновение, заполнив извилины в мозгу какой-то бездарной жвачкой.

Как еще объяснить столь внезапное исчезновение способности писать, Рурк не знал, хоть убей.

Его разочарование было столь глубоким, что он даже подумывал о том, чтобы плюнуть на все, вырубить компьютер и пойти прогуляться – побывать в кино, искупаться или порыбачить. Обычно Рурк не давал себе послаблений, опасаясь, что со временем это может войти в привычку. Было очень соблазнительно, уперевшись в глухую стену, немного отступить, чтобы потом попробовать снова, но Рурк знал, что временный писательский «затык» может стать постоянным, и тогда ему придется всерьез подумать о школе барменов или чем-то подобном.

Именно такие соображения удерживали его за столом в дни, когда работа «не шла» и мигающий курсор на экране надолго застревал на одном месте.

– Рурк!

На первом этаже громко хлопнула входная дверь,

и на лестнице послышались торопливые шаги Тодда. В последнее время он работал и когда в ресторане наступал час обеда, стараясь заработать побольше денег. И по совести сказать, Рурк был только рад этому обстоятельству. Когда приятеля не было дома, ничто не отвлекало его, ничто не мешало сосредоточиться на работе.

За спиной Рурка раздался шум, и, обернувшись, он увидел Тодда, который стремительно ворвался в комнату.

– Что стряслось? Наш дом горит? Хотел бы я, чтобы это случилось!

– Нет. – Тодд с трудом перевел дух. – Просто я... Я ее продал.

– Кого – ее? Свою машину? – Рурк с интересом поглядел на приятеля. В последнее время Тодд постоянно жаловался на свою «Тойоту» и грозился продать на металлолом.

– Нет! Я продал рукопись! – Щеки Тодда горели, глаза сверкали, а улыбка сгодилась бы для рекламы зубной пасты «Колгейт», но Рурк ничего этого не замечал и сидел огушенный новостью.

– Ты слышал, что я сказал?! – Тодд схватил его за плечи и встряхнул. – Я загнал свою рукопись!.. И за отличные бабки! Рурк отодвинул стул и медленно поднялся.

– Я... Это просто отлично... Я не знал, что ты... Когда ты успел?

Тодд на секунду смешался, однако его улыбка

осталась все такой же победоносно-ликующей.

– Я ничего тебе не сказал, потому что... В общем, с месяц назад я отправил ее еще в одно издательство, а тебе ничего не говорил, потому что думал... нет, я был просто уверен, что получу отказ. А сегодня – меньше часа назад – позвонили мне прямо на работу и...

– Ты дал издателю телефон ресторана?

– Ну да!.. В сопроводительном письме я перечислил все контактные телефоны... просто на всякий случай, понимаешь?! И вот сегодня старший менеджер клуба – ну, тот «голубенький», который нас обоих терпеть не может, – подходит ко мне и говорит, что меня просят к телефону в его офисе. Пока я туда шел, он успел раз пять мне объяснить, что это служебный телефон, что личные разговоры по нему вести не разрешается и чтобы я говорил не больше трех минут. – Тодд фыркнул. – Это он для пущей важности – чтобы все думали, будто у нас клиентов навалом, но на самом-то деле последнюю машину я отогнал на стоянку с полчаса назад. В общем, я думал, это звонишь ты или кто-то из девочек... – Для Тодда соседки-стриптизёрши давно стали просто «девочками». – Знаешь, у них ведь постоянно то унитаз засорится, то лампочка перегорит, то еще что-нибудь... Но вместо них – вместо них, Рурк, я услышал незнакомый мужской голос. Этот парень назвался редактором и сказал, что он, мол, прочел мою рукопись и она оказалась ему «по кайфу». Вот ей-богу не вру – так и сказал!.. Короче, он намерен ее издать и хочет обсудить со мной финансовые вопросы.

Сперва я едва не обделался от радости, а потом подумал, что, может быть, ты... или этот жирный педик-управляющий решили надо мной подшутить. Но нет – слышу, этот парень начинает рассказывать про мою книгу, называет героев по именам и все такое... Он предложил мне гонорар сто тысяч или около того, но я сразу смекнул, что это он только так, для затравки, и что если поторговаться как следует, то можно слупить с них и больше...

Тодд надул щеки, потом ударил по ним ладонями и, с шумом выпустив воздух, рассмеялся.

– Ты меня слушаешь или нет?! – спросил он. – Может, до тебя еще не дошло? До меня так точно нет. Я продал свою первую книгу – подумать только! Самому не верится!

Рурк шагнул навстречу приятелю и, заставив себя улыбнуться, обнял его за плечи, а потом хлопнул по плечу:

– Прими поздравления, старик!

– Спасибо, Рурк, дружище! – Тодд слегка отстранился, поглядел Рурку прямо в глаза и протянул руку. Приятели обменялись торжественным рукопожатием, но не прошло и пяти секунд, как Тодд уже снова вопил от радости, как сирена воздушной тревоги, и метался по квартире, как кот, хлебнувший валерьянки.

– Прямо не знаю, что мне делать, с чего начать! – воскликнул он, совершив в воздухе сложный кульбит и приземлившись на жалобно скрипящую кровать.

– Позвони Хедли, порадуй старика! – предложил Рурк.

– Хедли может трахнуть себя в задницу – ведь он же не верил в меня, никогда не верил. Почему я должен ему звонить и делиться хорошими новостями? Ведь это ты ходил у него в любимчиках. Нет, я знаю, что мы сделаем, – добавил он, лихорадочно потирая руки. – Устроим потрясную вечеринку, а? Только ты и я. За мой счет, естественно...

Но настроение Рурка было совсем не праздничным. Покачав головой, он сказал:

– Ты вовсе не обязан...

– Я знаю, что я не обязан, но я хочу, понятно? Прямо сегодня!.. Я все организую.

– Но мне надо идти на работу, – с кислой миной возразил Рурк.

– К дьяволу работу!

– Тебе легко говорить, ведь ты продал рукопись за сто тысяч с хвостиком!..

Его слова заставили Тодда повернуться к приятелю. Несколько мгновений он разглядывал Рурка в упор, потом удовлетворенно кивнул:

– Кажется, я просекаю... Ты злишься, что я продал книгу раньше тебя!

– Ничего подобного!

– Что ж, хорошо... – сказал Тодд самым саркастическим тоном. – Вот теперь я ясно вижу, что в этот счастливейший день моей жизни ты радуешься вместе со мной, как подобает настоящему другу. Другой

бы на твоём месте просто дерьмом изошел, но ты не такой!..

И Рурк со стыдом подумал, что Тодд прав. Он действительно вел себя как последняя задница. Зависть превратила его в бесчувственного эгоиста, зависть едва не заставила Рурка испортить другу самый счастливый день в его жизни.

Он, впрочем, был почти уверен, что на его месте Тодд вел бы себя не лучше. Он бы надулся на весь свет и целую неделю сетовал бы на то, как несправедлива жизнь. А зная характер Тодда, Рурк бы не особенно удивился, если бы дело закончилось крупной ссорой.

Впрочем, с каких это пор Тодд Грейсон стал ему примером для подражания? Сам Рурк считал себя вполне приличным человеком и надежным другом. Он был более цельной натурой, чем Тодд, у него было больше настойчивости, больше упорства, больше таланта, в конце концов! Нет, он не должен завидовать Тодду. Может, еще настанет время, когда Тодд будет завидовать ему точно так же, как Рурк завидовал сейчас своему другу.

Вымученно улыбнувшись, Рурк махнул рукой:

– В самом деле, какого черта?!.. Позвоню в бар, скажу, что заболел, и пусть этот педик-управляющий меня увольняет, если хочет. Во сколько начнем пировать, Тодд?..

Чтобы как следует подготовиться, Тодду нужно было часа два. Рурк не возражал – он еще не потерял надежду выжать

из себя хотя бы пару абзацев текста. Но как только Тодд выбежал из комнаты и с грохотом спустился по лестнице, Рурк снова погрузился в уныние. Вскоре, однако, его меланхолия уступила место гневу. Глядя на экран компьютера, Рурк снова и снова спрашивал себя, почему судьба одарила его жгучим желанием написать что-нибудь великое, но лишила возможности реализовать свою мечту. За что бог так зло над ним подшутил?

– Я рад за Тодда. Очень рад!.. – Эту фразу Рурк повторял снова и снова, как заклинание, словно надеясь убедить себя в том, что говорил. И он действительно был рад. Но это не мешало ему отчаянно завидовать приятелю. Злило его и то, что Тодд ничего ему не сказал о том, что отправил рукопись в издательство. Правда, они не договаривались сообщать друг другу о контактах с книгоиздательскими фирмами, так что с формальной точки зрения Тодд ничего не нарушил. Рурк, однако, продолжал считать, что, раз они друзья, Тодд не мог с ним не поделиться.

Что же касалось самого факта одобрения рукописи издательством, Рурк без колебаний готов был приписать успех Тодда простому везению, благоприятному стечению обстоятельств или пристрастиями редактора. Ведь не может же нормальный человек сказать о книге, что она ему «по кайфу»! Но в глубине души он понимал, что несправедлив.

Как ни убеждал себя Рурк в этом, он все равно продолжал считать, что именно он, а не Тодд заслуживает признания.

Тодд вернулся примерно через час с двумя бутылками холодного шампанского и настоял, чтобы они выпили их прежде, чем перейти к следующему этапу операции под кодовым названием «Большая вечеринка». Он также сообщил, что пригласил присоединиться к ним Марию Катарину, которую только что встретил на улице.

Рурк не возражал. С Марией Катариной у него сложились дружеские отношения. А началось все с того, что примерно через неделю после случившегося с ней несчастья он пригласил девушку на прогулку в парк и угостил мороженым. В целом идея оказалась не особенно удачной, так как в парке оказалось полным-полно молодых мам с детьми, при виде которых Мария Катарина не смогла сдержать слез. Рурк стал ее утешать, но напрасно. Громко всхлипывая и размазывая по лицу тушь и румяна, Мария Катарина призналась, что отцом ребенка, которого она скинула, был Тодд.

«Должно быть, у этого подонка особое чутье на такие вещи, потому что с тех пор он меня избегает!» – сказала она.

С тех пор прошло уже несколько месяцев. Поначалу Тодд и Мария Катарина действительно почти не встречались; потом снова начали общаться, но, насколько было известно Рурку, близкие отношения между ними не возобновились.

Но сегодня все было забыто. Во всяком случае, Мария Катарина прибыла к ним на квартиру в таком откровенном купальнике, что Рурк не сразу понял, что на ней вообще что-

то надето. Она появилась как раз в тот момент, когда они приканчивали шампанское, и успела вырвать у Тодда из рук недопитую бутылку.

– Ах ты, жадина! – воскликнула она. – Обещал угостить шампанским, а сам ничегошеньки мне не оставил! Здесь было всего два глотка!

– Там, откуда взялись эти бутылки, есть еще, – утешил ее Тодд и, погладив по аппетитной попке, с сожалением причмокнул губами. Взяв Марию Катарину за плечи, он развернул ее лицом к Рурку и слегка подтолкнул в спину. – Вот, возьми. Знай мою доброту! Сегодня она полностью в твоём распоряжении. И не говори потом, будто я никогда не был щедр!

– Что это? Утешительный приз? – рассмеялся Рурк, стараясь, чтобы смех звучал не слишком желчно.

– Опять ты недоволен? – зло бросил Тодд, а Мария Катарина прижалась к Рурку своими едва прикрытыми грудями и потерлась животом о его шорты.

– А вот меня мой приз устраивает! Между прочим, красавчик, я уже давно положила на тебя глаз! – заявила она, взасос целуя Рурка.

Этот поцелуй и выпитое шампанское подняли настроение Рурка. Мария Катарина умела целоваться, к тому же она ему давно нравилась. Что же касалось его уязвленного самолюбия, то Тодд, похоже, совершенно искренне старался компенсировать ему причиненный ущерб, и Рурк был не в силах

отвергнуть этот неожиданный дар.

И он ответил на поцелуй с таким пылом, что пять минут спустя наблюдавший за ними Тодд ехидно осведомился, не пора ли разливать их водой из пожарного брандспойта.

Смеясь, они спустились на первый этаж, сели в выдавшуюся виды «Тойоту» Тодда и отправились на побережье, к частным причалам, где Тодд взял напрокат мощную моторную яхту для океанских прогулок. Им и раньше случалось арендовать лодки у Хатча Уокера, во-первых, потому, что у него была самая низкая почасовая оплата в Ки-Уэсте, а во-вторых, потому, что он никогда не ворчал, если они возвращались позже указанного в договоре срока.

Сегодня, впрочем, старый кашалот был не в самом лучшем расположении духа. Ему явно не хотелось отдавать одну из своих драгоценных яхт в руки людей, которые были откровенно пьяны. Рурк, впрочем, окосел не столько от шампанского, сколько от жарких объятий и бесстыдных ласк Марии Катарины, которыми он наслаждался на заднем сиденье, и ему было глубоко плевать, что думает о нем этот ворчливый старик.

В конце концов договор проката был подписан, и Тодд первым поднялся на палубу яхты. Вскарабкавшись по трапу на мостик, он махнул им рукой, и Рурк полез следом. Перекинув ноги через борт, он протянул руку Марии Катарине; она ухватилась за нее и... они оба чуть не полетели в воду, но, к счастью, все закончилось благополучно. Через минуту

девушка уже стояла на палубе, тесно прижимаясь к Рурку.

Широко ухмыляясь, Рурк помахал рукой старине Хатчу, который, сняв с кнехтов пеньковые чалки, забросил их на палубу.

– Сосунки!.. – проворчал Хатч. – В заднице ветер гуляет!

– Мне кажется, мы ему не нравимся! – капризно протянула Мария Катарина.

– А мне кажется, что ты слишком тепло одета для такой погоды, – ответил Рурк и ловким движением руки сорвал с девушки крошечный лифчик. Мария Катарина взвизгнула и несколько раз хлопнула его по рукам, но Рурк отлично видел, что это была только игра. Победно размахивая лифчиком над головой, Рурк начал отступать к рубке, а девушка, подпрыгивая и тряся освобожденными грудями, пыталась отнять лифчик.

Тодд тем временем запустил дизель и медленно вывел яхту из залива. Как только ограничительные буйки остались позади, он дал двигателю полный ход, и яхта, подпрыгивая на волнах, понеслась на юго-восток.

Тодд обещал, что это будет такая вечеринка, какую они не скоро забудут, и сдержал слово. Рурк, во всяком случае, был просто поражен неслыханной щедростью приятеля. Охладители, которые они с трудом подняли на борт, были битком набиты бутылками с пивом и виски превосходных сортов. Закуска тоже не подкачала, хотя и была не из классных ресторанов, а из кафе, гордо именовавшегося «Приют эпику-

рейца».

– Отличный салат! – заявил Рурк, пытаясь кончиком языка дотянуться до испачканного майонезом подбородка.

– Давай лучше я... – Мария Катарина уселась к нему на колени и, слизнув майонез, снова поцеловала Рурка в губы. Судя по всему, роль «утешительного приза» пришлась ей по вкусу; во всяком случае, она развлекала его с явным удовольствием, стремясь угадать и исполнить все его желания. Рурк не возражал. В последнее время ему приходилось отдыхать достаточно редко, и он всю наслаждался жизнью.

Да и Мария Катарина была ему ближе, чем любая другая девушка – ведь у них был общий секрет, о котором, кроме них двоих, никто больше не знал. Когда Тодд не мог их слышать, Рурк называл ее Шейлой.

В последнее время они частенько флиртовали друг с другом, но их отношения оставались чисто платоническими. Правда, Мария Катарина не раз делала Рурку довольно прозрачные намеки, но он притворялся, будто ничего не замечает. Ему не хотелось портить отношения с Тоддом – ведь они были вынуждены жить вместе в одной квартире, так как снимать каждому свой угол им по-прежнему было не по карману. Однако сейчас, чувствуя, как острый язычок девушки щекочет ему небо, Рурк решил, что не произойдет ничего страшного, если их отношения перейдут в другую стадию. Кто сказал, что если он дружит с Шейлой, то ему нельзя трахаться с Марией Катариной? Кто выдумал это идиотское

правило? Почему он не может быть одновременно ее другом и любовником?

И почему, наконец, он должен дать пропасть великолепной эрекции, которая не ослабевала буквально ни на секунду благодаря усилиям мягких, теплых, проворных рук Марии Катарины, почти постоянно находившихся у него в шортах? В конце концов, откуда он знает, что Тодд не заплатил девушке за то, чтобы она ублажила его на славу? С его точки зрения, в этом не было ничего предосудительного, так как каждый зарабатывал себе на кусок хлеба с маслом как мог и чем мог, и Мария Катарина была вовсе не виновата в том, что, кроме великолепного тела, у нее не было другой возможности утвердиться в жизни.

Возможно, впрочем, она так активно обхаживала его только затем, чтобы заставить Тодда ревновать, однако и это Рурка не волновало. Он вообще решил, что сегодня не будет ни о чем беспокоиться.

К дьяволу литературу! К дьяволу издателей и издательства! К дьяволу все гениальные слова и фразы, которые никак не хотят приходить в голову!

И к дьяволу Марию Катарину!.. Ему до смерти надоело быть добродетельным бойскаутом, бесполом ангелочком, не подозревающим, для чего на свете существуют женщины.

Для секса, вот для чего!..

И, оглядевшись по сторонам, Рурк пришел к заключению: еда нужна для того, чтобы есть, и сегодня он будет жрать,

пока не лопнет. Виски нужно для того, чтобы пить, и сегодня он напьется до чертиков. А женщины нужны для того, чтобы трахаться, и сегодня он заставит Марию Катарину проделать для него все грязные штучки из ее репертуара, которые раньше она проделывала для других.

Иными словами, Рурк был всерьез настроен прекрасно провести время, даже если это его прикончит.

Когда Рурк очнулся, то обнаружил, что Мария Катарина тихонько храпит у него на груди. После бурных игр на койке в тесной каюте под палубой они оба отключились почти одновременно. Теперь Рурку отчаянно хотелось помочиться, да и во рту было сухо, словно он весь вечер глотал огонь. Ничего, бутылочка-другая холодного пива должна его освежить.

Отстранив Марию Катарину, Рурк неуверенно сел и спустил ноги с койки. Девушка что-то пробормотала спросонок и попыталась его удержать, но Рурк легко увернулся и поднял с пола сброшенные в спешке шорты.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы попасть ногой в штанину, однако в конце концов он все же сумел натянуть шорты и подняться на палубу.

Тодд стоял на носу и, прихлебывая пиво из бутылки с длинным горлышком, любовался крупными звездами, выпавшими на ночном небе. Заслышав шаги Рурка, он с улыбкой обернулся:

– Ты еще жив? А я-то думал...

Рурк оттянул спереди эластичный пояс шортов и, заглянув внутрь, глуповато осклабился:

– Кажется, все на месте.

Тодд снова усмехнулся.

– Вы так шумели, что я уже собирался спуститься вниз, чтобы посмотреть... не нужна ли тебе помощь, – сказал он.

Рурк покрутил головой, но сразу же схватился за стенку каюты, чтобы не упасть.

– Вообще-то, несколько раз мне действительно показалось, что помощь может мне понадобиться, – сказал он и, повернувшись к борту, стал мочиться в воду.

– А она показывала тебе фокус с большим пальцем? – осведомился Тодд, но Рурк ничего не ответил. Застегнув шорты, он оглядел палубу.

– Пивка бы... башка просто раскалывается!

– Ах да, я и забыл: мистер Рурк – истинный джентльмен и никогда не обсуждает интимные привычки леди, с которыми ему приходится трахаться. – Тодд рассмеялся, и Рурк хотел отвесить шуточный поклон, но в последний момент отказался от этого намерения, ограничившись кратким салютом.

– Дадут мне сегодня пива или нет?

– Угощайся. – Тодд кивком головы указал на стоявшие на палубе охладители.

– С удовольствием... – Рурк наклонился и потянулся к ящику. – Мне просто необходимо освежиться – все вокруг

почему-то раскачивается... и вертится. – Он снова ухватился рукой за переборку. – Я едва держусь на ногах... Мария Катарина меня измотала, и я ужасно устал...

– И ужасно завидуешь, верно?

– Что-что? – Рурк поднял голову.

– Ты все еще завидуешь мне, разве не так? Рурк пожал плечами:

– Может быть, немножко... – Он виновато улыбнулся.

– Вовсе не немножко, Рурк. Я уверен – ты завидуешь ужасно. – Тодд поднес пустую бутылку к глазу и, прищурившись, посмотрел сквозь нее на приятеля, словно это была подзорная труба. Или оптический прицел. – Признайся, ведь ты был уверен, что первым напишешь Великий Американский Роман!

Рурк все еще чувствовал себя довольно скверно. К горлу то и дело подступала тошнота, горизонт опасно раскачивался, кроме того, ему очень не нравился оборот, который принимала беседа.

– Послушай, Тодд, я очень рад за тебя. Что еще тебе надо? – сказал он, выпрямляясь во весь рост.

– Ты радовался бы куда больше, если бы сегодня мы пили не за мою, а за твою книгу. И ты, и твой поганый Хедли. Я уверен: он готов спустить каждый раз, когда только видит твою рукопись! – Тодд достал из ящика еще одну бутылку, вскрыл и сделал хороший глоток. Пустую посудину он швырнул за борт. – Как он там выразился: «Мне выпала большая

честь и незаслуженное счастье наблюдать становление великого американского романиста»? Так, что ли?

– Ты... Откуда?.. Ты читаешь мои письма?

– С твоей стороны было очень умно арендовать почтовый ящик в городе. Я бы, наверное, так ничего и не узнал, если бы ты не таскал его письма с собой – должно быть, для того, чтобы лишний раз их перечитать и насладиться заслуженной похвалой. Однажды мне не хватило мелочи, чтобы рассчитаться за заказанную на дом пиццу, и я залез в карман твоих джинсов, которые ты бросил на полу в прихожей. Вообрази же себе мое изумление, когда вместо денег я вытащил письмо и узнал почерк профессора.

– Ты не должен был его читать!

– А ты не должен был лгать мне и говорить, будто Хедли ругает тебя так же, как и меня. Для него ты «великий американский писатель», а я – лишь ремесленник, не отмеченный печатью настоящего таланта.

– Какая тебе разница, что думает Хедли о твоей книге?

– Никакой. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Я продал свою книгу, а ты – нет.

– Ну и ладно, мне все равно. Слушай, может, хватит об этом, а?..

Вместо ответа Тодд шагнул вперед, и Рурк неожиданно заметил, что его приятель держится на ногах куда крепче, чем он, словно не пил вовсе. В его движениях была опасная, грозная сила и стремительность, и Рурк почувствовал, как в

душе его шевельнулся страх.

– Что ты так переживаешь? – торопливо проговорил он. – Я признаю – ты выиграл. Хедли был не прав, когда говорил, что у тебя недостаточно таланта. Что еще тебе надо?

– Что еще мне надо? – Казалось, Тодд на мгновение задумался. – Меня беспокоят две вещи, Рурк. То, как я пишу на самом деле и... Еще кое-что.

– Что же?

– Мой характер, вероятно... Жадность, ревность, зависть, или, как выразился наш дорогой профессор, «завистливость, сластолюбие, скупость»... Помнишь, Хедли писал тебе об этом – о том, как эти качества способны отравить человека своим ядовитым соком? Кажется, он хотел намекнуть тебе, что я – негодяй и подлец...

Рурк почувствовал, как у него внутри все переворачивается, а рот наполняется горькой слюной.

– Это все ерунда, Тодд! Я даже не обратил внимания на эти слова!

– Зато я обратил...

Того, что произошло дальше, Рурк не ожидал. Тодд неожиданно бросился вперед и с силой ударил его по голове пивной бутылкой. Удар пришелся в висок, и из глаз Рурка посыпались искры. Бутылка была почти полной, и ощущение было таким, будто Тодд ударил его кувалдой. Рурк заревел от ярости и боли. Краем глаза он заметил, что Тодд снова замахнулся бутылкой, и рванулся в сторону.

Бутылка ударилась о переборку каюты и разлетелась вдребезги, забрызгав обоих пивом и засыпав осколками стекла.

Рурк не успел еще прийти в себя, а Тодд уже атаковал его, обрушив на приятеля настоящий град ударов. Он работал кулаками, как заправский боксер на ринге, с первого же удара сломав Рурку нос, подбив глаз и рассадив губу. Ошеломленный, оглушенный, Рурк наугад взмахнул кулаком и ужасно удивился, почувствовав, что попал Тодду в зубы. Он, конечно, сразу рассек до крови костяшки пальцев, но рот Тодда выглядел куда хуже. Кровь, казавшаяся черной в сгустившемся полумраке, так и хлынула на его белую майку.

При виде этой крови Рурк почувствовал, как в нем начинает нарастать неистовый, дикий восторг. В любое другое время он бы удивился этой кровожадной радости, но только не сейчас. Снедаемый злобой и... завистью, сейчас он хотел только одного: чтобы Тодд упал к его ногам, заливая кровью доски палубы. Так Рурк отомстил бы ему.

Но по сравнению с тем, что испытывал в эти мгновения Тодд, его ярость была все равно что клочкотание закипевшего чайника рядом с действующим вулканом. С гортанным, звериным ревом Тодд снова бросился на Рурка, продолжая наносить беспорядочные, жестокие удары. Под этим бешеным напором Рурк очень скоро утратил боевой задор. Он был готов отступить, сдаться, попросить пощады, но Тодд не желал останавливаться. Он продолжал атаковать, даже когда Рурк перестал отвечать на его удары и только защищался, по-бок-

серски закрывая локтями грудь, живот и лицо.

– Черт побери, хватит! – прохрипел наконец Рурк, чувствуя, что не в силах и дальше уклоняться от ударов.

– Нет, не хватит! – Оскаленные зубы Тодда заливала кровь, глаз заплывал, но он не отступал. – Не хватит! – еще раз крикнул он и снова бросился в атаку.

– Что случилось? – В дверях каюты появилась Мария Катарина. На ней не было ничего, если не считать тонкого золотого, браслета на лодыжке. Ей никто не ответил, и она, пошатываясь, выбралась на палубу и тут же наступила на острый осколок бутылочного стекла.

– Ай! – вскрикнула она. – Что происходит?!

– Заткнись! – Тодд повернулся к ней и ударил кулаком в живот. Этого оказалось достаточно, чтобы Мария Катарина, стоявшая на одной ноге, потеряла равновесие. Попятившись, она наткнулась на хромированное ограждение и, взмахнув руками, с пронзительным криком полетела за борт. Раздался плеск воды, и крик мгновенно оборвался.

Бросив взгляд на то место на палубе, где только что стояла Мария Катарина, Рурк мигом протрезвел.

– Она пьяна и не сможет держаться на воде! – С этими словами он «ласточкой» прыгнул за борт. Соленая морская вода, попав в открытые раны на лице, причинила ему жгучую боль, и он едва сдержал крик. Отплевываясь, он вынырнул на поверхность и огляделся по сторонам. Марии Катарини нигде не было. Рурк попробовал плыть к тому месту, где, по

его расчетам, она погрузилась в воду, и вдруг с ужасом осознал, что сам едва может держаться на волне. Он слишком много выпил, к тому же после удара бутылкой голова у него отчаянно кружилась, как бывает при сотрясении мозга, но Рурк не собирался сдаваться.

– Ты видишь ее? – крикнул он Тодду, который стоял на палубе и неотрывно смотрел на него. – Господи, Тодд, ты меня слышишь? Ты видишь ее?!

– Нет.

– Включи прожектор!

Но Тодд не двинулся с места.

– Проклятье! – Сложившись, как перочинный нож, Рурк нырнул. Глаза щипало зверски, но он не закрывал их, надеясь хоть что-нибудь разглядеть, но все было тщетно. Под водой царил уже непроглядный мрак. Рурк не мог разглядеть даже собственные руки.

Он оставался под водой так долго, на сколько хватило запаса воздуха в легких. Почувствовав, что начинает задыхаться, Рурк выскочил на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. К своему огромному удивлению, он обнаружил, что течением или ветром яхту отнесло от него довольно далеко. К счастью, Тодду, похоже, удалось сбросить с себя оцепенение, так как на яхте горел прожектор, все ходовые огни и даже подводные фонари, однако света, который они отбрасывали, было недостаточно. Во всяком случае, Рурк по-прежнему ничего не видел ни на воде, ни под водой.

Руки и ноги у него точно свинцом налились, голова кружилась, однако Рурк все же поплыл по направлению к яхте. Тодд возился с чем-то на правом борту, и Рурк почувствовал, как в нем оживает надежда.

– Ты нашел ее?! – крикнул он. – Мария Катарина с тобой?

Тодд обернулся и вернулся на левый борт.

– Ну что, не повезло? – невозмутимо осведомился он.

«Повезло?!» – удивился Рурк. При чем тут везенье – ведь не на рыбалку же они выехали? Что, черт побери, происходит с его приятелем?

– Свяжись по радио с береговой охраной! – крикнул он. – Я не могу ее найти. Она... О господи! – Он сам едва не пошел ко дну, когда до него дошел весь ужас положения. Мэри-Мария-Катарина-Шейла умерла – утонула, потому что он не смог спасти ее. – Вызови береговую охрану! – крикнул Рурк еще раз и снова нырнул.

Впрочем, в глубине души он уже знал, что его усилия тщетны. Он плыл под водой с открытыми глазами, держа курс на слабое зеленоватое сияние огней яхты, но по-прежнему не видел ничего. Но как он мог оставить попытки?! Пока существует хоть малейший шанс, что Мария Катарина жива, он не имел права сдаваться.

В очередной раз поднимаясь на поверхность, он почувствовал, что сил у него уже не осталось и что если он нырнет хотя бы еще один раз, то сам пойдет ко дну. В панике он энергично заработал руками и наконец почувствовал на

лице прохладу ночного воздуха. С жадностью втягивая его в легкие, Рурк из последних сил перебирал руками и ногами, чтобы удержаться на поверхности воды. У него даже не было сил доплыть до яхты, и он, развернувшись к ней, позвал хрипло:

– Тодд! Тодд!

Тодд появился у борта яхты. Из-за яркого света и попавшей в глаза воды Рурк не видел толком, что он делает.

– Я не смог ее найти! – крикнул он. – А больше искать я не могу!

Ничего не ответив, Тодд ушел в рубку. Рурк ничего не понимал – действия Тодда были по меньшей мере странными.

Силы Рурка были на исходе, усилием воли он старался держать глаза открытыми, но они закрывались сами собой.

И все же сознание его на мгновение отключилось. В себя его привел громкий рев ожившего мотора яхты.

Зачем Тодд включил двигатель? – вяло удивился Рурк. Тодд должен был просто бросить ему привязанный к веревке спасательный жилет, а потом подтянуть к яхте и втащить на борт. Но даже тогда они должны были оставаться на месте до тех пор, пока не подоспел береговая охрана. Кроме того, по правилам судоходства запрещалось запускать винты яхты, если вблизи нее за бортом находились люди.

Все эти мысли молниеносно пронеслись у него в голове, и осознание происходящего ужаснуло Рурка.

– Что ты делаешь?! – заорал он и судорожно забил по во-

де руками и ногами, но почти не сдвинулся с места. Он увидел, что Тодд развернул яхту и движется к нему. На какую-то долю секунды вернулась надежда – Тодд идет к нему на помощь.

Но Рурк понял, что яхта движется слишком быстро, к тому же с каждым ярдом она, похоже, только набирала ход.

– Эй! – крикнул он и не услышал собственного голоса.

Это было как в кошмаре, когда кричишь, но не можешь издать ни звука, когда пытаешься бежать, но остаешься на месте. Он попытался махнуть Тодду, но не смог даже поднять руку из воды.

– Тодд! – прохрипел он срывающимся голосом. – Сворачивай! Сворачивай, черт тебя побери! Вправо!!! Ты что, ослеп?!

Но Тодд не ослеп. Он стоял на мостике и смотрел прямо на Рурка, и его разбитое, опухшее лицо, слабо освещенное зеленоватыми огоньками приборной панели, походило на дьявольскую маску. В глазах Тодда пылал адский огонь.

Рурк в последний раз слабо вскрикнул и, едва не теряя от ужаса сознание, погрузился в черную воду. Через считанные секунды после этого вода вокруг него забурлила, запенилась, засветилась зеленым, и он в панике заработал руками, стараясь уйти как можно глубже в спасительную черную воду. Потом что-то толкнуло его в спину, перевернуло, потащило обратно к поверхности, и черный, гасящий сознание ужас отступил, сменившись ослепительной болью, равной которой

Рурк еще никогда не испытывал.

Эта была боль, которая калечит тело и убивает душу.

Надя приехала в коктейль-бар точно в назначенное время. На ней было обтягивающее черное платье с по-девичьи строгим воротником, но разрез на юбке превосходил все мыслимые пределы. На голове у нее красовалась шляпка для коктейлей с вуалью, скрывавшей половину лица. На руке висела на тонкой золотой цепочке маленькая черная сумочка, отделанная перьями.

Наряд очень шел Наде, делая ее почти неотразимой. Пока она шла через зал, многие оборачивали головы ей вслед. Зал был заполнен обычной манхэттенской публикой. Кто-то заговорил с Надей, она улыбнулась в ответ, помахала рукой компании из трех человек, сидевшей в углу зала.

Когда Надя наконец добралась до столика Ноя, его буквально распирало от гордости. Шутка ли – ведь Надя, без сомнения, была здесь самой привлекательной и соблазнительной женщиной. Поднявшись ей навстречу, Ной с нежностью, хотя и несколько покровительственно, обнял ее за плечи и, чмокнув в щеку, шепнул на ухо:

– Я хотел бы трахнуть тебя прямо сейчас!

– Неисправимый романтик!.. – улыбнулась Надя, опускаясь на стул рядом с ним.

– Мартини?

– С удовольствием.

Ной сделал заказ официанту, который подлетел к их столу словно на крыльях, потом снова повернулся к ней.

– Я вижу, тебя здесь знают! – сказал он с улыбкой.

– Меня знают везде. Я знаменита, Ной. Казалось, ее самознание его позабавило. Во всяком случае, он рассмеялся и сказал:

– Мы так давно не виделись, что я успел забыть – тебе палец в рот не клади.

– Только не палец, Ной! – Настал черед Нади ухмыльнуться. – Это негигиенично.

– Я скучал по тебе, – добавил Ной, понизив голос.

– Та глупая ссора...

– Надеюсь, все забыто? – Он с наслаждением потянул носом. – Ах, как мне нравится этот твой запах! Он так возбуждает!

– «Шанель», – уточнила Надя, но Ной покачал головой:

– Нет, я имел в виду запах секса. – Он многозначительно посмотрел на нее. – Жаль, что ты не можешь расфасовывать его по хрустальным флакончикам и продавать. Ты бы могла стать самой богатой женщиной в мире! – Его затуманенный взгляд скользнул по ее шляпе с вуалью. – Просто чудо, – заметил он. – Эта вуаль придает тебе таинственность, чувственность...

– Спасибо за комплимент.

– Нет, я серьезно! Ничто так не возбуждает, как легкий покров тайны, который необходимо как можно скорее со-

рвать. – С этими словами он сильно сжал под столом ее колено.

– Похоже, ты давно не трахался, – заметила Надя. – Что-то ты сегодня слишком торопишься.

– У меня были другие дела, но теперь...

– Да, я знаю... – Надя сделала вид, будто поправляет черные перья на сумочке, которые отливали синевой даже в полутьме бара. – Ты хоронил своего тестя.

– Да. Ни за что бы не подумал, что нужно соблюсти столько формальностей и учесть столько мелочей, чтобы предать земле мертвое тело. А надгробные речи...

– Надгробные речи были такими длинными и трогательными, что ты едва не спятил от тоски, – закончила Надя. – Я с тобой согласна. Ведь я тоже была там, помнишь?

Ной покачал головой:

– Ты и права, и не права. Лично я думаю, Дэниэл Мадерли заслуживал того, чтобы с ним попрощались как следует, но слава богу, это позади. Теперь мы все можем перестать аплодировать его достижениям, умиляться его успехами и заняться собственными делами.

– Странно, – пожала плечами Надя. – Ведь ты так любишь быть в центре внимания! Мне даже показалось – тебе будет нелегко расстаться с ролью убитого горем зятя. И наследника.

Ной комическим жестом прижал руки к груди:

– Поверь, я изо всех сил старался соблюсти приличия, но

это не значит, будто мне это нравилось.

Подали мартини, они чокнулись и отпили по глотку, потом Ной сказал:

– Признаться честно, все было не так уж плохо. Единственное, над чем мне пришлось поломать голову, – это над истериками Марис.

– Разве это не естественно, что она горевала по отцу?

– Естественно, конечно, только свое горе она выражала не так, как это делают нормальные люди.

Надя оставила в покое сумочку и вопросительно посмотрела на него.

Ной кивнул:

– Да-да... Она вбила себе в голову, будто я виноват в том, что ее дряхлый папаша слетел с лестницы! – Он пристально посмотрел на Надю. – Можешь ты себе это представить?!

Надя поднесла к губам бокал и сделала еще один глоток.

– Вообще-то, могу. Легко.

Взгляд, который она устремила на Ноя, едва не привел его в замешательство, и он сделал вид, будто не правильно ее понял.

– Марис всегда была чувствительной и легко возбудимой особой, но на этот раз она превзошла самое себя, – сказал он. – Я даже боялся, что у нее может случиться нервный срыв.

– Но на похоронах она держалась достойно, – возразила Надя.

– Да, – подтвердил Ной. – Зато после похорон... Знаешь, какой она отколола номер? Марис обратилась в полицию Беркширского округа и попросила провести дополнительное расследование обстоятельств смерти отца.

– И что же?

– Разумеется, копы не нашли ничего, что подтвердило бы ее подозрения.

– Как удачно!

– Удача здесь ни при чем, Надя.

– Да, твоя правда – удача ни при чем. – Надя Шуллер окинула зал рассеянным взглядом и сказала негромко, словно разговаривая сама с собой:

– Если ты столкнул пожилого джентльмена с лестницы, тебе, безусловно, хватило ума уничтожить все следы, чтобы не попасться.

– Ты права. То есть не в том, что я его столкнул, а в том, что мне хватило бы ума не попасться. Именно за сообразительность ты меня и любишь, правда?

Надя повернулась к нему:

– Правда. Я никогда бы не увлеклась неудачником, никогда бы не связала свою судьбу со звездой, которая вот-вот упадет. Только со звездой, которая поднимается все выше...

– Мы настолько похожи, что меня это иногда пугает. – Ной наклонился к ней и добавил шепотом:

– Во всяком случае, это должно пугать окружающих. – Он отхлебнул martini. – В общем, хорошая новость заключа-

ется в том, что Дэниэл умер и похоронен.

– Господи, Ной! – Надя огляделась по сторонам с таким видом, словно боялась, что их могут подслушать. – Если это хорошая новость, то какова же плохая?

– Почему плохая? – удивился Ной. – У меня действительно есть еще одна новость, но она совсем неплоха. Смерть Дэниэла стала последней каплей... Мой брак больше не существует. Вернее, он существует, но только формально; о том, чтобы вернуться к прежним отношениям или хотя бы к их видимости, и речи быть не может.

Надя слегка приподняла бокал:

– Что ж, прими мои поздравления. Или соболезнования.

– Разумеется, я рад, – кивнул Ной, пропустив ее выпад мимо ушей. – Но и это еще не все. У меня есть новость лучше!

– Какая же?

– Ты уверена, что хочешь выслушать ее здесь? Это такая новость, что... – он блаженно зажмурился, – ...что ты можешь кончить немедленно!

– Когда я отказывалась от такой возможности? – пожала плечами Надя.

Улыбка Ноя сделалась еще шире.

– Тогда слушай... Перед тем как старый болван свалился с лестницы, я его таки уболтал, и он согласился подписать документ, согласно которому я становлюсь управляющим директором «Мадерли-пресс» вместо него! Теперь я

смогу продать издательство «Уорлд Вью» хоть завтра, а Марис даже пикнуть не посмеет!

Глаза Нади расширились от удивления.

– Но ведь «Мадерли-пресс» принадлежит ей, а не тебе! Как же ты сможешь его продать?

– Надя! Вот ты где!

Обернувшись на голос, Ной увидел Морриса Блюма, который возник возле их столика, как черт из табакерки. Ной не заметил его приближения и был не особенно ему рад. Чтобы вернуть расположение Нади, он собирался угостить ее ужином и хорошим вином, немного потанцевать, а потом поехать в ее уютное гнездышко в Челси, чтобы закончить день яростным сексом. Надя была нужна ему; без ее поддержки Ною не хотелось влезать в сделку с «Уорлд Вью», так как только она могла обеспечить ему хорошую прессу.

«Это называется – не везет! – мрачно подумал Ной. – И надо же было ему появиться так некстати!»

Как обычно, магнат выглядел совершенно бесцветным в сером костюме, светло-серой рубашке и серебристом галстуке.

– Я не сразу вас заметил и подумал, что перепутал время, – сказал Моррис Блюм Наде.

– Напротив, ты приехал как раз вовремя, – кивнула ему Надя и, поднявшись из-за стола, шагнула к Моррису навстречу. Не веря своим глазам, Ной смотрел, как Блюм заключил ее в объятия и крепко поцеловал. Когда же они на-

конец оторвались друг от друга, Надя заботливо поправила сбившийся на сторону галстук Блюма.

– Ты выглядишь роскошно! – Блюм по-хозяйски оглядел ее.

– Рада, что тебе нравится! – ответила Надя, лучезарно улыбаясь. – Когда я покупала это платье, то думала о тебе...

– Восхитительно, Надя! У тебя превосходный вкус.

Этот комплимент заставил Надю смущенно захихикать, что было совсем на нее не похоже. Блюм с явным вождением гладил ее тонкую талию, а Надя, не переставая улыбаться, откровенно прижималась к нему. Ной отлично знал эту ее манеру. Надя умела сделать так, что мужчина переставал думать о чем-либо, кроме собственного члена.

На Ноя эта сладкая парочка обращала внимания не больше, чем если бы он был висящая на стене картина. Это было настолько унижительно, что Ной почувствовал, как внутри его закипает гнев. Все в зале глазели сейчас на них – все видели, что женщина, которая только что флиртовала с одним мужчиной, предпочла его этому бесцветному недоноску.

– Хочешь выпить, дорогой? – спросила Надя.

– Ты просто читаешь мои мысли, – улыбнулся Блюм, и Надя знаком подозвала официанта. Приняв заказ, он удалился, а Надя преспокойно уселась на стул, но не на тот, что стоял рядом с Ноем, а на тот, который придвинул ей Блюм. Когда он тоже сел, Ной оказался один против двоих.

На несколько мгновений он лишился дара речи. Надя си-

дела настолько близко к Блюму, насколько это было возможно, так что ее грудь почти касалась его плеча. Блюм откровенно собственническим жестом положил руку на ее бедро.

Было очевидно одно: это представление, что бы оно ни означало, предназначалось для Ноя, и ни для кого больше. Похоже, Надя намеренно вела себя подобным образом, чтобы заставить его ревновать, и Ною захотелось закатить ей хорошую, звонкую оплеуху. Она его подставила – в этом он не сомневался. Надя сама разработала этот маленький сценарий, чтобы позлить его. Ной позвонил ей на обратном пути из Беркшира и пригласил поужинать вместе. «Теперь, – сказал он ей, – никто не сможет помешать нам увидеться».

Тогда ему показалось, что Надя ведет себя так, как он и ожидал. Сначала она немного подулась, но потом все покапало по накатанной колее. Каждое слово Нади, каждый ее вздох звучали как недвусмысленное предложение. Она сама назвала время и место, где они встретятся, расположенное, кстати, совсем недалеко от ее квартиры в Челси, что не могло быть случайностью. Ной поверил, что ей тоже не терпится встретиться с ним, – и угодил в ловушку.

В классическую женскую ловушку!

О'кей! Если Наде так хочется похвастаться перед ним своим новым дружкойм – пожалуйста. Он не станет ей мешать, ведь в конечном итоге это ничего не меняло – разве только то, что теперь Надина интимная жизнь будет похожа на секс с замороженной макрелью. Судя по мертвенной бледности,

покрывавшей лицо и руки Блюма, член у него вставал только в исключительных случаях.

– Что все это значит?.. – выдавил наконец Ной, и Блюм, кивком поблагодарив официанта за коктейль, повернулся к нему.

– Разве вы не хотели со мной встретиться? – спросил он, удивленно приподнимая тонкие, словно выщипанные брови. – Мой секретарь сказал мне, что вы несколько раз звонили, чтобы договориться о встрече.

– Это верно. В свете несчастья, происшедшего в моей семье...

– Кстати, примите мои соболезнования, – бесцеремонно перебил Блюм.

– Спасибо. – Ной небрежным щелчком стряхнул с манжета воображаемую пылинку. – К сожалению, безвременная кончина мистера Мадерли не позволила мне уложиться в назначенный вами срок. Но теперь мы можем начать сначала, или, вернее, продолжить наши отношения. Вы, несомненно, будете очень довольны, когда узнаете, какой оборот приняло дело. Произошли некие события... но лучше я расскажу вам об этом в более подходящей обстановке. Как у вас со временем, мистер Блюм? Могли бы мы встретиться, скажем, завтра?

Моррис Блюм покачал своей похожей на бильярдный шар головой:

– Лично я не вижу необходимости в подобной встрече.

Теперь не вижу.

Это «теперь», которое Блюм едва заметно выделил голо- сом, очень не понравилось Нюю. Оно означало, что обстоя- тельства решительным образом изменились.

Стараясь не смотреть на Надю и сохраняя на лице бес- страстное выражение, Ной спросил:

– Интересно узнать, почему?

– Я как раз собиралась все рассказать Нюю, когда ты по- явился, – вмешалась Надя. – Он еще ничего не знает. Изви- ни, – добавила она, обращаясь к Нюю, – мне действительно очень жаль, но...

– Что ж, поскольку из всех присутствующих я один пре- бываю в неведении, может быть, вы меня просветите? – раз- драженно перебил ее Ной.

Надя бросила быстрый взгляд на Блюма, словно спраши- вая совета, но магнат только пожал плечами. Еще несколько секунд Надя словно в нерешительности покусывала губу, за- тем снова повернулась к Нюю.

– Я думала, ты уже знаешь... – сказала она. – Из уважения к Дэниэлу, я придерживала эту тему почти целую неделю, но теперь...

Ноя бросило в жар, и по спине побежали струйки пота. Это не могло быть из-за мартини, которое он едва пригубил. Значит...

– Какую тему? – почти прошептал он внезапно пересох- шими губами.

Почувствовав, что безраздельно завладела его вниманием, Надя не спеша продолжала:

– Примерно неделю назад Дэниэл Мадерли неожиданно пригласил меня к себе на завтрак. Если не ошибаюсь, это было в тот самый день, когда вы собирались ехать за город. Кто бы мог подумать, что эти маленькие каникулы закончатся так трагически? Жаль, у меня не хватило прозорливости, чтобы предвидеть последствия... Уж я бы постаралась уговорить его не ехать!.. – Надя сделала многозначительную паузу, давая Ною время переварить сказанное. – Мистер Мадерли сообщил мне сенсационную новость, но просил ничего не давать в прессу по крайней мере до тех пор, пока Марис не вернется из Джорджии...

Моррис Блюм смотрел на Надю такими глазами, словно готов был съесть ее живьем. Надя рассеянно поглаживала его руку, по-прежнему лежавшую на ее бедре, и Ною стоило огромного труда выжать из себя улыбку.

– В чем же здесь сенсация? – спросил он как можно безмятежнее.

– В том, что Дэниэл назначил Марис главным исполнительным директором издательского дома «Мадерли-пресс». Я думала, он сказал тебе, пока вы отдыхали с ним в Беркшире... Нет? Что ж, вероятно, он решил, что будет только справедливо, если Марис первой узнает о своем назначении.

Пристально глядя на Ноя, Надя быстро провела кончиками пальцев по ножке своего бокала с мартини.

– Ты всегда говорил мне, что Дэниэл Мадерли впал в детство и не может отвечать за свои поступки. Но та наша встреча убедила меня в обратном. Я не заметила никаких признаков старческого слабоумия. Напротив, у меня сложилось впечатление, что он знает, что делает, и отдает себе отчет в последствиях своих поступков.

Ной физически чувствовал, как каждый сосуд, каждый капилляр его тела набухает, наполняется черной кровью. Могучие удары пульса сотрясали все его тело, и он только удивлялся, что этого не видят окружающие. Ему удалось изобразить на своем лице улыбку, но улыбка эта походила скорее на оскал загнанного в угол зверя.

– Дэниэл был не особенно высокого мнения о твоих умственных способностях, Надя. Я склонен считать, что он просто подшутил над тобой.

– Эта мысль приходила мне в голову, – спокойно согласилась Надя. – Поэтому я проверила ее. Мистер Штерн, личный душеприказчик Мадерли, все подтвердил. Это назначение... Его невозможно ни отменить, ни оспорить. Полномочия, которые Марис получила согласно последнему распоряжению мистера Мадерли, могут быть переданы другому лицу только в случае, если она сама решит подать в отставку.

У Ноя язык прилип к гортани. На несколько мгновений он словно онемел. Наконец он проговорил, запинаясь:

– Интересно, почему ты ничего не сказала мне раньше, Надя? Например, сегодня днем, когда мы разговаривали по

телефону? – «Или тем вечером, когда ты позвонила в дом старика в Беркшире», – мысленно добавил он. Эта сука знала, знала уже тогда – и промолчала! Очевидно, ей доставляло удовольствие держать его в неведении, а самой злорадно хихикать в кулачок за его спиной.

– Это не входило в мои... гм-м... полномочия, – туманно ответила она.

– А теперь?

– Я просто хотела избавить тебя от необходимости узнать эту новость из материала в моей колонке. Это будет в газетах уже завтра. – Надя улыбнулась с поддельным сочувствием. – Честное слово, Ной, я была уверена, что ты уже все знаешь! Только сейчас мне пришло в голову, что, коль скоро вашему браку с Марис пришел конец, тебя могли и не проинформировать. Ведь ты больше не член семьи, а просто наемный работник!

– Хотите еще выпить, мистер Рид?

– Нет, Моррис, благодарю вас. Я... я уже опаздываю на деловую встречу, – ответил Ной, чувствуя, что, если он пробудет здесь еще немного, его желание при всем честном народе вцепиться Наде в горло и задушить станет непреодолимым, и тогда... Тогда он за себя не отвечает. Конечно, он отомстит ей, но не сейчас, не прилюдно, однако от этого его месть не будет менее страшной. Ной знал о Наде достаточно много, чтобы заставить ее нырять в дерьмо.

– Останься, пожалуйста! – сказала Надя умоляющим голо-

сом. – Это не единственная новость! Мы хотели отпраздновать еще одно событие! На днях сбылось одно из сокровенных желаний Морриса. «Уорлд Вью» приобрело контрольный пакет акций издательского дома «Дженкинс и Хоув». Я уверена, ты хорошо знаешь Оливера Хоува – ведь он был давним другом Дэниэла. Собственно говоря, именно мистер Мадерли познакомил Морриса с Олли Хоувом. Он хорошо знал; что «Уорлд Вью» присматривает подходящее издательство и что Оливер Хоув, в отличие от него самого, заинтересован в подобном предложении.

– Честно говоря, «Мадерли-пресс» нравилось мне гораздо больше, – вмешался Моррис. – Но когда я узнал, что теперь издательство возглавит Марис...

– Я не могла не сказать Моррису – это было бы нечестно, – поспешно вставила Надя.

– ...Когда я узнал, что «Мадерли-пресс» возглавит Марис, я решил принять это предложение. Ведь Марис совершенно ясно дала понять, что никогда не продаст издательство.

Ной с такой силой стиснул челюсти, что у него заныли зубы.

– Как все удачно для вас сложилось... – проговорил он.

– Мне пришлось выложить кругленькую сумму, – усмехнулся Блум, – но я уверен – эти деньги окупятся. Правда, издательство «Дженкинс и Хоув» не так рентабельно, как «Мадерли-пресс», но это положение сохранится недолго. – Он подмигнул Ною:

– Берегитесь, мистер Рид! Теперь я ваш конкурент.

«Берегись лучше ты – ты и твоя троянская кобыла, верхом на которой ты меня обскакал!» – мрачно подумал Ной, демонстративно взглянув на часы.

– Прошу меня простить, – сказал он, – не хочется портить вам вечер, но мне действительно пора.

– Подожди! – Надя схватила его за рукав. – У меня есть для тебя третья – еще лучшая новость! Ты, наверное, не заметил, а может – из вежливости ничего не сказал о моем новом кольце с бриллиантом. Так вот, Ной: в следующее воскресенье мы с Моррисом сочетаемся законным браком. Событие это мы отметим в «Плазе».

Она ослепительно улыбнулась Блюму, потом снова повернулась к Ною:

– В три часа, Ной! Мы обидимся, если ты не придешь! Мы ведь друзья!

Черт бы побрал Майкла Стротера!

Эта мысль была чуть не единственной свежей мыслью в голове Паркера. Не переставая проклинать своего друга – бывшего друга, по всей видимости, – он резким тычком выключил компьютер, завершив тем самым еще один сеанс работы, не принеся ему ни удовлетворения, ни результата. Паркер просидел за компьютером весь день и, занеся пальцы над клавиатурой, ожидал чуда – прилива вдохновения, но оно так и не пришло.

Такое происходило с ним в последнее время слишком часто, чтобы по этому поводу можно было не тревожиться.

Паркер работал над очередной книгой из своей детективной серии, однако главный герой – Дик Кейтон – не вызывал у него ничего, кроме отвращения. С каждой страницей он все больше походил на сексуально озабоченного дебила с пудовыми кулаками, который не в состоянии сказать ничего умного или хотя бы нетривиального. Присущая этому персонажу мужская грубоватость превратилась в грубость громилы, привлекательность и тонкий юмор вовсе исчезли, а кому нужен такой герой? Во всяком случае, не ему и не его читателям. И дело было не только в том, что мистер Кейтон превратился в заурядного костолома. Он стал карикатурой на себя прежнего, а это был уже серьезный просчет.

Что касалось подруги Дика, то и она не вызывала у Паркера симпатии. Глупая, вздорная, пустая бабенка, которую только тронь пальцем – и она уже закрывает глаза, валится навзничь и начинает раздвигать ноги. Тьфу!..

От Майкла не было никаких вестей с тех пор, как он уехал с острова. Примерно с того же самого времени Паркер не написал ни одной достойной строчки, словно старина Майкл наслал на него порчу.

Когда Майкл был дома, Паркер искал уединения и тишины, чтобы, как он говорил, «работать спокойно». Сейчас же он не переставал удивляться, как же сильно не хватает ему старого ворчуна. Несколько раз он ловил себя на том, что неосознанно напрягает слух, стараясь расслышать в тишине дома знакомые шаги, доносящийся с кухни звон посуды, скрип закрываемой двери или жужжание пылесоса. Оказывается, понял Паркер, именно эти звуки и создавали в доме уютную, спокойную атмосферу. Без них же он чувствовал себя одиноким и покинутым.

Много лет назад, когда он кочевал из одной больницы в другую, ему очень не хватало друга. Общаться он мог только с соседями по палате или с сиделками, но первые выздоравливали и покидали больницу, со вторыми же никакой дружбы не получалось. Нет, разумеется, сиделки были с ним вежливы и предупредительны; некоторые искренне жалели его, однако Паркер чувствовал – на самом деле им не до него. У каждой из них были свои заботы, свои проблемы, семьи, дру-

зья. А он был совершенно один на всем белом свете. Именно тогда в его сердце свили себе гнездо беспощадная язвительность и ненависть. Только с их помощью он мог защититься от одиночества. Язвительность была его щитом, а ненависть – мечом, которым он разил наповал.

Но когда Паркер снова начал писать и добился первых успехов после выхода книги о Дике Кейтоне, положение изменилось. Он сам начал уставать от ненависти. Она утомляла его, высасывала силы, и Паркер наконец захотел от нее избавиться. Но как он ни старался, как ни клялся себе, что с завтрашнего дня попытается любить окружающих и станет доброжелательным и внимательным – ничего не выходило. Ненависть и злость так глубоко укоренились в нем, что вырвать их из сердца можно было только «с мясом», а на это у него не хватало ни сил, ни мужества. И Паркер продолжал потихоньку подкармливать свои тайные пороки, пока в один прекрасный день не обнаружил, что уже не может без них обойтись.

Это был своего рода симбиоз. Ненависть – и как абстракция, и как вполне реальное чувство – не могла существовать сама по себе; чтобы выжить, ей нужен был он, Паркер. Но и ему ненависть была необходима, так как без нее жизнь теряла смысл, превращаясь в бессмысленное существование.

И теперь, когда Майкл исчез, Паркер снова остался один на один со своим единственным союзником.

На мгновение ему стало ужасно жалко самого себя, однако

это не помешало ему оценить злую иронию судьбы. Ведь в том, что в конце концов он остался совсем один, Паркер мог винить только себя.

– Бедный я, бедный!.. – прошептал Паркер. – Впрочем, если посмотреть на это с другой стороны, все не так уж плохо. Во всяком случае, до конца осталось немного...

Он был уверен в этом. Последний козырь лег на стол в тот момент, когда он отправил «Зависть» Ною, и теперь Паркер не мог бы ничего изменить, даже если бы захотел. Так или иначе, скоро все должно было завершиться. Цель, которую Паркер поставил перед собой четырнадцать лет назад, была близка к воплощению, и ему оставалось только дожидаться финала.

Каким будет этот финал, Паркер пока не знал, однако вне зависимости от того, победит он или проиграет, эти четырнадцать лет дались ему нелегко. Все, что он думал, делал, говорил или писал, – все было подчинено одной, единственной цели; ни на что другое у него уже не оставалось ни времени, ни сил.

Он добился известности, но его настоящего имени никто не знал, потому что Паркер сам пожертвовал славой ради своей главной цели. У него были большие деньги, но ему не на что было их потратить. Он был хозяином прекрасного особняка, но дома у него так и не было. В пустых комнатах царил одиночество, которое Паркер разделял лишь с призраком повесившегося плантатора, а жажда мести стояла

ему его единственного настоящего друга.

И, похоже, она стоила ему Марис.

Марис ему не хватало настолько сильно, что он испытывал боль почти физическую. Если бы Паркер был женщиной или ребенком, он мог бы даже заплакать, но крепился. Каждый раз, когда на глаза ему попадался предмет, к которому она прикасалась, он чувствовал, как у него сжимается сердце. Паркер даже дышать старался поглубже, надеясь уловить в воздухе запах ее духов, хотя каждый раз при этом он невольно сравнивал себя со спятившей теткой Майкла, которая жила на чердаке со своими горько-сладкими воспоминаниями о невозвратимом прошлом и страхом перед немymi фруктами.

Марис была необходима для исполнения его замысла, но Паркер не мог и подумать, что она станет так нужна ему самому. За то короткое время, что она была рядом, Марис стала для него буквально всем. Во всяком случае, без нее жизнь Паркера начинала разваливаться на части.

«Но у меня есть другое, главное дело!» – говорил себе Паркер, но это не помогало. Напрасно Паркер пытался убедить себя, что, будь Марис для него всем на свете, он бы поступил, как советовал Майкл, – предоставил бы Ноя его судьбе, а сам провел остаток жизни, любя ее и позволив ей любить себя. По вечерам, ложась спать, он едва не пускал слюну от умиления, представляя себе, как Марис на берегу бросает палку золотистому ретриверу, не забывая одним

глазом присматривать за двумя румяными малышами, строящими из песка замок. Картина была один к одному рекламный ролик цветной фотопленки «Кодак», но Паркера это не смущало.

Во всяком случае, он черпал в ней своеобразное утешение, если только несбыточная мечта способна утешить.

Еще чаще – пожалуй, даже слишком часто, чтобы он мог обрести подобие спокойствия, – ему вспоминались картины их близости, но запретить себе думать об этом Паркер был не в состоянии. Боже, как приятно было держать ее в объятиях, покрывать кожу поцелуями, прикасаться пальцами к... Но самыми сладостными были ощущения, когда он прижимал ее к себе. Просто прижимал и лежал, не шевелясь, слушая, как бьется ее сердце, и чувствуя ее теплое дыхание на своей щеке. Лишь в эти мгновения Паркер забывал о том, что у них впереди только одна ночь и что утром он должен будет смертельно ее оскорбить.

Иными словами, в его плане Марис была единственным слабым звеном, из-за которого он мог передумать или по крайней мере привести его к иному финалу.

Но Паркер не мог так поступить – не мог, даже если бы захотел. Он мстил не только за себя, но и за Марию Катарину. А Ной ее убил.

Несомненно, он разделался и с Дэниэлом Мадерли.

Паркер надеялся, что власти отнесутся к расследованию смерти старика с должным вниманием, так как от объясне-

ний Ноя несло буквально за версту. То был... запах Ноя, который Паркер знал очень хорошо. Впрочем, он сомневался, что полиции удастся найти какие-нибудь улики. Ной, конечно, позаботился о том, чтобы не оставить никаких следов. Кто-то, а уж он-то постарался бы, чтобы смерть старика выглядела как несчастный случай, а не как убийство! Что бы он ни сообщил властям, его объяснения были, несомненно, правдоподобны и внушали доверие. На этот счет Ной был большой мастер.

В истинности своих догадок Паркер не сомневался – ведь он знал Ноя так же хорошо, как самого себя. Прямая агрессия была не в его стиле – и не в его характере. Ной был умен и предпочитал действовать хитростью, а не силой. Впрочем, и в кулачной схватке он мог постоять за себя – Паркер знал и это тоже, так как над глазом у него до сих пор сохранился шрам, при виде которого во рту сразу же появлялся металлический привкус крови. Но главная сила Ноя была все же не в умении орудовать кулаками. Он искусно интриговал, превосходно маневрировал, просчитывал намерения противника на пять ходов вперед. Ной предпочитал действовать исподтишка, заставляя жертву врасплох, и наносил смертельный удар, не давая ей опомниться.

И это делало его весьма опасным хищником.

У Ноя было единственное слабое место. Он не терпел людей, которые одержали над ним верх.

Паркер был уверен: когда Ной прочтет «Зависть», он вы-

летит в Джорджию первым же рейсом. Он просто не сможет удержаться. Рукопись подействует на него, как красная тряпка на быка.

Ведь если в последние годы он и вспоминал Паркера, то, без сомнения, думал о нем как о побежденном враге, об угрозе, которую он недрогнувшей рукой устранил раз и навсегда.

В крайнем случае Ной приедет на Санта-Анну из простого любопытства. Он явится взглянуть на своего врага, покуражиться над его немощью и выяснить, что же такого нашла его жена в прикованном к инвалидной коляске калеке.

Да, Ной придет. В этом не было никаких сомнений.

А Паркер будет его ждать.

Когда Марис припарковала взятый напрокат автомобиль на стоянке для гостей, в университете вот-вот должны были начаться утренние занятия. В разгаре был летний подготовительный курс, поэтому учащихся, спешивших в аудитории, было значительно меньше, чем в начале первого осеннего семестра.

Несмотря на то что Марис никогда раньше здесь не была, ей не пришлось выспрашивать дорогу, чтобы сориентироваться. Университетский городок, в который она попала, был не просто похож на описанный в «Зависти» – это был тот самый кампус, где когда-то жили Рурк и Тодд.

Или – Паркер и Ной.

Чтобы попасть сюда, Марис проделала долгий путь. Из полицейского участка в Массачусетсе, где она побывала сутки назад, она отправилась прямо в Нью-Йорк, не переставая повторять в уме фразу Ноя: «Если быть откровенным, старый козел умер очень своевременно». Она зарезервировала билет на рейс до Нэшвилла, и поэтому ей пришлось торопиться, чтобы успеть с делами. На протяжении всего пути от Беркшира до офиса «Мадерли-пресс» на Манхэттене она несколько раз превысила установленный лимит скорости, однако, на ее счастье, ей не встретился ни один полицейский патруль.

Марис намеревалась пробыть в офисе совсем недолго. Она собиралась только забрать почту и спросить у секретарши, не звонил ли ей кто-нибудь. После этого Марис планировала отправиться в городской дом Дэниэла, собрать вещи и успеть на свой самолет. Но не все получилось так, как она хотела.

При виде Марис секретарша бросилась ей навстречу.

– Слава богу, вы здесь! Я пыталась дозвониться на ваш мобильный телефон, но вы не отвечали...

– Батарейка села, – ответила Марис. – А что случилось?

– Стойте на месте и никуда не уходите! – воскликнула Джейн, поспешно набирая какой-то номер. – Передайте мистеру Штерну: она только что вошла, – сказала она в трубку и повернулась к Марис:

– Мистер Штерн сказал, что ему необходимо срочно по-

говорить с вами.

– О чем?

– Он звонит вам с самого утра через каждые пятнадцать минут. Он думал, вы придете на работу, и...

– У меня были дела за городом, – устало сказала Марис. У нее не было ни сил, ни времени на долгие разговоры со старым юристом. Так она и сказала, но секретарша была непреклонна:

– Я все понимаю, Марис, но он заставил меня поклясться, что я не выпущу вас, пока вы с ним не переговорите. Пройдите в ваш кабинет – я уверена, он сейчас позвонит. Я соединю вас по второй линии.

Устало вздохнув, Марис вошла в кабинет и опустилась в свое рабочее кресло. Вскоре позвонил мистер Штерн. Новости, которые сообщил ей юрист, оказались поистине сногшибательными.

– ...Мистер Мадерли хотел сам объявить вам о своем решении, когда вы вернетесь из Джорджии, – сказал он в заключение. – К несчастью, у него не оказалось такой возможности, однако я не перестаю удивляться тому, как своевременно был сделан этот шаг... – Штерн немного помолчал. – Надеюсь, вы довольны?

Марис действительно была глубоко тронута тем доверием, которое оказал ей отец, поэтому ответила совершенно искренне:

– Очень!

Старый юрист с легким сердцем пустился в обсуждение подробностей последнего распоряжения Дэниэла Мадерли, но главное он уже сказал. Отец доверил Марис дело всей своей жизни, и, хотя это была гигантская ответственность, она была ужасно горда тем, что Дэниэл счел ее достойной продолжательницей семейной традиции.

Слегка откашлявшись, Штерн сказал:

– Теперь только от вас зависит, сохранить ли за мистером Ридом место вице-директора или нет. Мистер Мадерли конфиденциально сообщил мне, что, если он останется в штате даже в качестве наемного работника, в свете предстоящего развода это может быть... гм-м... нежелательно для вас, мисс Мадерли.

«Значит, – поняла Марис, – отец все знал». Ну конечно, он знал!.. И этот шаг он сделал совсем не случайно, как, видимо, казалось Штерну. Несомненно, Дэниэл уже давно планировал что-то в этом роде, так как не сомневался – как только ее брак прекратит свое существование, начнется схватка за контроль над издательством. Вот он и позаботился о том, чтобы этого не случилось.

– Откровенно говоря, – добавил мистер Штерн, – ваш отец уже довольно давно начал подозревать, что не все действия мистера Рида соответствуют интересам предприятия. Однако вопрос о его увольнении предстоит решать вам.

После этого они еще несколько минут беседовали о всяких малозначительных деталях. Наконец Марис взглянула

на часы и поспешила закончить разговор:

– Спасибо, мистер Штерн. Огромное вам спасибо.

– Не за что, мисс Мадерли. Надеюсь, что и в новом своем качестве вы не откажетесь от моих услуг?

– Безусловно, мистер Штерн.

– Я польщен. – Он немного помолчал, потом неожиданно спросил:

– Скажите, мисс Мадерли, каково это – чувствовать себя одной из самых влиятельных женщин Нью-Йорка?

Марис рассмеялась:

– Сейчас самая влиятельная женщина Нью-Йорка чувствует себя как на иголках, потому что опаздывает на самолет.

После разговора с юристом Марис отдала секретарше необходимые распоряжения и, оставив машину на служебной стоянке издательства, поехала домой на такси.

У дома ее ожидал еще один сюрприз. Взбежав по ступеням особняка, она уже взялась за ручку двери, когда к парадному подкатил шикарный лимузин и из него вышла Надя Шуллер.

– Привет, Марис!

Надя была одета в облегающее черное платье и шляпку для коктейлей, которая на любой другой женщине выглядела бы нелепо, но Наде – и это, увы, был неоспоримый факт! – шляпки очень шли.

– Я понимаю, что тебе совсем не хочется разговаривать со

мной, – добавила Надя, видя, что Марис не отвечает. – Ты, конечно, считаешь меня изрядной мерзавкой, но... я прошу тебя уделить мне минутку твоего драгоценного времени.

– У меня нет минутки, – сухо ответила Марис. – Я действительно очень тороплюсь.

– Ну пожалуйста! – воскликнула Надя совсем другим тоном. – Прежде чем я решила съехать сюда, мне пришлось выпить два... нет, даже три мартини. И все равно я чувствую себя очень неуверенно.

После непродолжительных сомнений Марис неохотно кивнула.

– Хорошо, я слушаю... – сказала она, и Надя рассказала ей о своем завтраке с Дэниэлом.

Изумлению Марис не было пределов.

– Мне сказали, что у него кто-то был перед отъездом в Беркшир, но... я не ожидала, что это окажется ты!

– Я сама не ожидала, – призналась Надя. – Когда он позвонил и попросил... нет, приказал мне съехать, я растерялась. У меня, правда, было такое ощущение, что он спешит встретиться со мной, пока его экономка отлучилась по делам, но... – Надя обезоруживающе улыбнулась. – ...Но никакого преимущества, на которое я рассчитывала, мне это не дало. Твой отец был не из тех, кого легко смутить; это был не мужчина – кремень! Кремень и умница. Он предвидел, что Ной может состряпать какой-нибудь документ, согласно которому контроль над издательством перешел бы к нему.

Но еще больше мистер Мадерли потряс меня, когда сообщил сенсационную новость о твоём назначении исполнительным директором издательства... Он хотел, чтобы я написала об этом в своей колонке.

– И ты явилась сюда, чтобы меня поздравить?

– В том числе и за этим.

– Что ж... спасибо.

– Материал о том, что «Мадерли-пресс» перешло в твои руки, появится в газетах завтра. Твой отец просил меня подождать неделю, и я согласилась. Разумеется, тогда я понятия не имела, что он... что его...

Марис с удивлением заметила в глазах Нади слезы, которые не скрыла даже вуаль.

– Мистер Мадерли был настоящим джентльменом, Марис. Даже по отношению ко мне. – Надя прикрыла рот ладонью в перчатке и несколько секунд молчала. Потом у нее вдруг вырвалось:

– Не могу себе простить, что не предупредила его! Я должна была сказать, чтобы он не ездил...

– С Ноем?

Надя кивнула.

– Ты можешь мне не верить, но я лучше тебя знаю, каким хитрым и коварным он умеет быть! Я не верила, что Ной может пойти на убийство, но, когда узнала все обстоятельства, я... я задумалась.

– Я тоже... задумалась, – негромко сказала Марис.

– Ты?!

– Да. – Марис коротко рассказала Наде о том, как они с Ноем побывали в полицейском участке Беркшира.

– Так что, даже если он и столкнул отца с лестницы, доказательств все равно нет, – закончила она.

– Какая же я была дура, что не предупредила его! Ведь я могла, могла!.. – с чувством воскликнула Надя.

– Я тоже могла предупредить его, Надя. Но я этого не сделала, – ответила Марис, опуская голову.

– Похоже, мы все недооценили Ноя.

– Похоже, что так, – подтвердила Марис.

– Кстати, мы с ним расстались...

– Меня это не интересует, Надя. Надя пожала плечами.

– Знаешь, – сказала она, – перед тем, как приехать сюда, мне представилась возможность сказать Ною, что издательство перешло теперь в твои руки. Боюсь, он воспринял эту новость болезненно, так что... Будь осторожна, Марис!

– Я его не боюсь.

Надя пристально посмотрела на Марис.

– Да, теперь я вижу, что ты его не боишься, – проговорила она наконец и на мгновение опустила голову, но тут же снова вздернула подбородок и храбро посмотрела прямо в лицо Марис. – Я никогда не испытываю чувства вины, Марис. Это... это было единственное исключение. Спасибо, что выслушала меня.

Марис кивнула и снова взялась за ручку двери, но что-то

заставило ее обернуться. Из лимузина вышел Моррис Блум и придержал для Нади заднюю дверцу. Он вежливо кивнул Марис, но она была слишком ошеломлена, чтобы ответить. Вместо этого, она снова обратилась к Наде.

– Как ты думаешь, – спросила она, – почему отец пригласил тебя к завтраку и рассказал все это?

– Я сама спрашивала себя об этом, наверное, тысячу раз, – ответила Надя. – И в конце концов... Впрочем, это только мои домыслы...

– И все равно я хотела бы их услышать.

– Мистер Мадерли знал, что Ной тебе изменяет, но он был слишком стар, чтобы хорошенько надрать ему задницу. Поэтому он решил, что публикация в моей колонке будет для Ноя хорошей зуботычиной. Для Ноя будет огромным унижением увидеть мою статью о том, как чудо-ребенок издательского мира лишился своего лаврового венка. – Надя натянуто улыбнулась. – Кроме того, твой отец, несомненно, испытывал огромное удовольствие, предлагая тайной любовнице Ноя информацию, от которой та будет не в силах отказаться.

– Несомненно, – кивнула Марис и улыбнулась. «Похоже, – подумала она, – отца все они тоже недооценили».

– Еще одно, Марис... – Надя уже собиралась сесть в машину, но снова выпрямилась. – Если, конечно, тебе это интересно...

– Да, я слушаю.

– Мне показалось, делая это, он испытывал удовольствие.

Во всяком случае, в то утро у него было прекрасное настроение!

– Спасибо, Надя! Это для меня очень много значит.

Проведя в городском доме около получаса, Марис успела в аэропорт к самой посадке. В Нэшвилле она сняла номер в отеле при аэропорте и сразу легла, едва успев раздеться. Утром она проглотила вегетарианский завтрак и, взяв машину, отправилась в университет.

И вот теперь, вышагивая по вымощенным кирпичом дорожкам университетского городка и вспоминая вчерашние события, Марис и верила, и не верила, что она действительно здесь. Оглядываясь по сторонам, она испытывала сильнейшее ощущение дежа-вю, что было, в общем-то, совсем не удивительно. Ведь однажды она уже побывала здесь, правда, только мысленно, однако это ничего не меняло. Паркер выдумал только название университета. Что касалось всего остального, то его описания были предельно точны, и Марис с первого взгляда узнавала аллеи, учебные корпуса и общежития.

Она быстро нашла общежитие студенческого землячества, с самого начала отлично зная, где оно находится. Оно было именно таким, каким его описал Паркер. В летние месяцы трехэтажное кирпичное здание с перекошенными ставнями на окнах и великолепными бредфордскими грушами перед входом пустовало, однако Марис без труда могла вообразить кипевшую здесь когда-то жизнь.

От общежития она двинулась по той самой тропе, по которой морозным ноябрьским утром Рурк бежал на консультацию к профессору Хедли. Она не удивилась, когда тропа действительно привела ее к старому учебному корпусу, где когда-то находился кабинет профессора. По-прежнему не спрашивая ни у кого дороги, Марис поднялась по широкой мраморной лестнице на второй этаж и зашагала по длинному коридору. В книге Рурк столкнулся здесь с товарищами, но сейчас коридор был сумеречен и пуст. Лишь одна дверь была приоткрыта, и Марис увидела внутри женщину, которая сосредоточенно работала за компьютером. Марис она не заметила.

Марис шла все дальше, пока не обнаружила кабинет под номером двести семь. Сверкнула в полутьме потускневшая латунная табличка. Наконец-то!..

Дверь была чуть приоткрыта – совсем как в тот день, когда Рурк принес сюда свою дипломную работу, и, когда Марис неуверенно взялась за ручку, сердце у нее стучало так же сильно.

Собравшись с духом, Марис отворила дверь и замерла на пороге.

За столом, спиной к ней, сидел мужчина.

– Профессор Хедли? – несмело окликнула она. Человек обернулся:

– Доброе утро, Марис.

Привалившись плечом к косяку, Марис растерянно хи-

хикнула, а потом рассмеялась с чувством облегчения:

– Майкл!

– Присаживайтесь, Марис.

Поднявшись, профессор снял с единственного в комнате стула стопку книг и положил их прямо на пол, где уже громоздились кипы книг, рукописей, тетрадей, каких-то папок с тесемочками, растрепанных блокнотов. Стул он придвинул Марис, и она села, не сводя взгляда с его лица.

Майкл улыбнулся:

– Я знал, что в конце концов вы догадаетесь. Интересно было бы узнать, на чем я погорел?

– О том, что Рурк – это Паркер, я начала догадываться уже довольно давно, но считала, он взял себя лишь в качестве прообраза героя новой книги. Но вчера Ной произнес фразу, которая была почти точной цитатой из «Зависти». Он сказал про моего отца, что он «умер очень своевременно»...

– То же самое Тодд сказал о смерти своей матери, верно?.. – Майкл кивнул. – Я помню. Благодаря этому событию он смог переехать во Флориду.

– Мне следовало раньше догадаться, что профессор Хедли – это вы.

– Да, это я. – Он вздохнул и улыбнулся. – Хедли – фамилия моей матери. По правде говоря, я рад, что вы не догадались раньше... Описывая меня, Паркер не слишком старался приукрасить мою скромную персону, скорее – наоборот. И если бы вы узнали меня по его описаниям, мне впору было

бы подавать на него в суд за публичную диффамацию.

Марис оглядела комнату.

– Во всяком случае, ваш кабинет он описал довольно точно. Скажите, Майкл, какое положение вы занимаете в университете?

– Заслуженный профессор в отставке.

– Это большая честь!

Майкл фыркнул.

– Это пустой титул, который означает только одно – что ты уже слишком стар, чтобы и дальше заниматься тем, чем занимался когда-то. Этот кабинет закреплен за мной пожизненно. За это я каждый семестр читаю курс лекций по Фолкнеру для двухсот молодых скучающих балбесов, которые знать ничего не желают, кроме бейсбола. Я был бы весьма польщен, если бы хотя бы один из них не дремал во время моих лекций, но... – Он пожал плечами. – Если не считать этого, никаких других служебных обязанностей у меня нет.

– Готова спорить, – тихо сказала Марис, – Паркер не спал на ваших лекциях.

– Он был исключением. В своей книге он, кстати, ничуть не преувеличил того восторга, который я питал к Рурку и к его таланту. Скорее наоборот – он его преуменьшил.

– А правда, что вы спасли его от наркотической зависимости?

– Как я уже говорил, Паркер сам себя спас. Он слишком часто прибегал к болеутоляющим средствам, и, зная, какие

он испытывает страдания, я не мог винить его за это. Но на каком-то этапе Паркер начал принимать таблетки, чтобы избавиться не от физической, а от душевной боли. И я не смог бы его спасти, если бы он сам не захотел этого. Моя заслуга состоит лишь в том, что я включил у него в голове сигнал тревоги. Но это Паркер прошел через мучительную абстиненцию, а затем сделал все, чтобы привести себя в форму. – Майкл улыбнулся. – Можно сказать – я показал ему, где находится гора, но на вершину вскарабкался он сам.

– И все равно я считаю, что Паркер перед вами в долгу.

– Как и я перед ним. Редко кому из нас, преподавателей изящной словесности, выпадает счастье тесно работать с понастоящему талантливым писателем.

– Жаль только, что писатель он куда лучший, чем человек.

Майкл долго разглядывал ее, потом потянулся к столу и извлек из кучи бумаг свернутую в трубку рукопись, стянутую широкой желтой резинкой. Взвесив ее на ладони, он протянул рукопись Марис.

Марис развернула рукопись, взглянула на первую страницу, и ее губы скривились в горькой усмешке.

– Это я уже читала!

– Большую часть, – поправил Майкл. – Но не все. Тут есть главы, которых вы не видели. Прочтите их и... не судите его слишком строго.

Он поднялся и шагнул к двери.

– Я иду в столовую. Хотите, принесу вам кофе и булочку?..

В характере Ноя было не замечать неудач. Даже если с ним случались неприятности, он продолжал держаться и действовать так, словно ничего не произошло.

На следующее утро после рокового свидания с Надей он поехал в «Мадерли-пресс», думая – нет, веря, – что ему удастся не только успешно выпутаться из сложной ситуации, но и добиться неких значительных выгод. По шкале Рихтера – Рида проблема, которую ему преподнесла Надя, была сущим пустяком силой в полбалла, на который не стоило даже обращать внимание.

Теперь Ной был даже рад тому, что «Мадерли-пресс» останется самостоятельным издательским домом. Корпорация «Уорлд Вью» серьезно опростоволосилась, приобретя издательство «Дженкинс и Хоув», поскольку всем было прекрасно известно, что эта фирма висит буквально на волоске. Оливер Хоув был еще упрямее, чем старик Мадерли, но в отличие от него не отличался ни особыми талантами, ни деловой хваткой, и ему не хватило самой обыкновенной гибкости, чтобы приспособиться к веяниям времени. Страшно сказать, но в его фирме даже не было отдела электронных изданий! Поговаривали, будто редакторы «Дженкинс и Хоув» до сих пор работают на довоенных «Ундервудах», и хотя Ной никогда этому не верил, шутка представлялась ему

более чем уместной. Оливер Хоув и сам был похож на старый, пыльный «Ундервуд» с западающими клавишами. Это признавали все, и Ной дал себе слово лично позаботиться о том, чтобы присоединение издательства «Дженкинс и Хоув» к «Уорлд Вью» закончилось ничем. Он не сомневался – пройдет сколько-то времени, и Моррис Блюм сделается по-смешившему всего делового мира, во-первых, потому, что вообразил себя издателем, а во-вторых, потому, что женился на шлюхе. Ведь если не считать глубоких стариков, Надя успела переспать с абсолютным большинством мужчин, с которыми Моррис ежедневно общался.

Что же касалось эксклюзивной статьи Нади, Ной был намерен все отрицать. Дэниэл уже не мог подтвердить достоверность информации о назначении Марис главным исполнительным директором «Мадерли-пресс». Старый мистер Штерн, скорее всего, тоже был не в курсе – Ной был на сто процентов уверен, что Надя упомянула о своем разговоре с личным юристом Дэниэла только для того, чтобы заставить Ноя помучиться. Правда, придется признаться, что одно время между ним и Надей действительно существовали некие отношения, однако даже это можно было обернуть себе на пользу, так как то же самое могли сказать о себе десятки других мужчин. Ной уже знал, как ему поступить. Он заявит, что внезапная и трагическая смерть тестя заставила его осознать свою ошибку и вернуться в лоно семьи, а Надя решила отомстить ему за это своей статьей.

Ной имел все основания считать, что, когда шумиха уляжется, никто уже не вспомнит, в чем было дело. Время и бесчисленные повторения исказят факты до неузнаваемости, и в конце концов никто уже не будет знать, чему и кому верить.

В результате он выйдет сухим из воды, заработав дополнительные очки тем, что публично попросит прощения у своей жены.

У жены. Марис была в его плане самым слабым звеном.

Его расчет строился на том, что Марис не обратит внимания на Надину статью. Она не станет ни подтверждать ее, ни опровергать. Но что он будет делать, если Дэниэл действительно передал управление издательством Марис? Что, если он подписал соответствующие документы и отдал их на хранение своему личному адвокату Штерну? Как ему быть тогда?..

Волей-неволей приходилось идти на риск, и Ной решил, что будет держаться своего. Он скажет, что Дэниэл сообщил ему о своем решении, когда они отдыхали в Беркшире, и что они обсуждали этот вопрос. Он скажет, что согласно их договоренности полномочия генерального директора действительно должны были перейти к Марис, но что Дэниэл специально просил его помогать ей, направлять, быть ее советником, оберегать от ошибок и происков нечистоплотных конкурентов.

«Да, – подумал он, – это будет неплохо, совсем-совсем неплохо! Да и кто сможет возразить, уличить во лжи?»

Никто.

Для пущей убедительности, рассуждал Ной, можно даже признаться, что он всерьез подумывал об объединении с «Уорлд Вью» и даже встречался с Блюмом, чтобы обсудить условия такого объединения. Но со смертью Дэниэла, добавит он, ситуация изменилась, и теперь он чувствует себя обязанным поддержать Марис и помочь ей сохранить и укрепить доставшееся ей в наследство от отца семейное предприятие.

Ведь на то оно и семейное, чтобы там работали члены семьи!

Превосходно!

Оставалось решить, как быть с их личными отношениями. Это было непросто, но отнюдь не невозможно. Ной давно убедился, как мало нужно, чтобы умиротворить Марис. Несколько ласковых слов, страстный поцелуй, секс в каком-нибудь необычном месте – и она растает. Может быть, учитывая важность ситуации, ему придется проявить особый интерес к рукописи, которая так ее увлекла. Он предложит Марис лично проследить за тем, чтобы книга не только была издана, но и произвела на рынке настоящий фурор. Кто усомнится, что он в состоянии этого добиться, пусть даже ему придется самому переписать книгу заново? Только не Марис. Она будет от его предложения в восторге, и проблема дальнейших отношений решится сама собой.

Ной криво ухмыльнулся, подумав о том, что знает еще

лучший способ укротить гнев Марис. Надо предложить ей предпринять еще одну попытку произвести на свет наследника издательской династии. Конечно, физически это невозможно, но Марис то об этом не догадывается и будет счастлива принять блудного муженька под свое крылышко. Ну а потом... потом он изобретет еще какой-нибудь способ держать ее под контролем.

Таким образом, у него было сразу несколько возможностей, и Ной не сомневался, что тем или иным способом он сумеет решить проблему.

Правда, оставался еще частный детектив. Ной опасался, что Сазерленд мог копнуть слишком глубоко и извлечь из небытия ту давнюю историю. Что будет тогда, спросил себя Ной и сам же ответил: да ничего! Это был самый обыкновенный несчастный случай, только и всего. Обвинение ему так и не было предъявлено, и хотя слухов и кривотолков не избежать, в конце концов, слухи – это еще не факты. Со временем они забудутся, уступив место какой-нибудь более свежей сенсации.

Все эти соображения несколько успокоили Ноя. Взлетев на лифте на свой этаж, он пронесся по коридору издательства и, ворвавшись в приемную своего кабинета, приветливо кивнул секретарше, которая поспешно поднялась ему навстречу из-за стола.

– Принеси мне чашечку кофе, Синди! – бросил он на ходу, не замечая встревоженного выражения ее лица.

– Мистер Рид, он...

Не слушая ее, Ной ворвался в кабинет и вдруг замер, словно наткнувшись на невидимую преграду.

– Штерн?!

Абрахам Штерн был очень похож на Говарда Бэнкрофта и возрастом, и внешностью – во всяком случае, у него была точно такая же яйцевидная голова, покрытая редким седым пушком.

– Доброе утро, мистер Рид, – сухо ответил адвокат и чуть заметно кивнул.

– Что вам нужно в моем кабинете? И почему вы, черт подери, роетесь в моем столе?!

Пропустив его вопрос мимо ушей, адвокат указал на двух крепких молодых людей, которых Ной сначала не заметил.

– Это сотрудники моей адвокатской фирмы, мистер Рид. Они любезно согласились помочь вам собрать ваши личные вещи и документы, а я буду внимательно следить за этим процессом. У вас есть ровно час. По истечении этого срока я попрошу вас сдать ключ от кабинета и служебный пропуск. После этого мои сотрудники выведут вас через черный ход на 51-ю улицу.

В разговоре со мной мисс Марис специально подчеркнула, что не хочет унижать ваше достоинство, и предложила не выводить вас через парадные двери. С моей точки зрения, мистер Рид, это было очень великодушное решение – гораздо более великодушное, чем вы заслуживаете.

Сказав это, он махнул рукой своим сотрудникам и посмотрел на часы.

– Время не ждет, – сказал Штерн. – Думаю, можно начинать.

Прежде чем ошарашенный Ной нашелся что сказать, в кабинет протиснулась Синди:

– Пожалуйста, мистер Рид... Вам принесли бандероль, но посыльный не хочет отдавать ее до тех пор, пока вы лично не распишетесь в квитанции.

Повернувшись к Синди, Ной так на нее взглянул, что она попятилась, но все же успела пробормотать, протягивая ему пакет:

– Вот... это от мистера Паркера Эванса.

Когда Майкл вернулся в кабинет, Марис как раз закончила читать и сидела неподвижно. Прочитанная рукопись лежала у нее на коленях. Марис так пристально вглядывалась в последнюю строчку, что буквы расплывались перед ее глазами.

«Эта была боль, которая калечит тело и убивает душу».

Марис заметила присутствие Майкла, только когда он тронул ее за плечо.

– Я вспомнил, что вы любите чай, – сказал он. – Надеюсь, вы не возражаете?

Марис машинально кивнула и взяла у него из рук стакан и рогалик.

– Одну или две? – спросил Майкл, показывая ей таблетки сукразита.

– Одну, пожалуйста. – Марис сняла со стакана тугую крышку, и Майкл, бросив подсластитель в крепкий ароматный чай, протянул ей пластмассовую ложечку. Марис принялась помешивать чай и мешала гораздо дольше, чем было необходимо. Она попробовала чай, но он был слишком горячим, и Марис, обжегшись, отставила чашку в сторону.

– Это еще не конец, не так ли? – спросила она. Майкл пожал плечами:

– Паркер не показал мне последнюю главу. Я даже не уверен, написал ли он ее. Вы ведь понимаете, Марис, для него это не просто воспоминания, это... Короче говоря, писать о том, что когда-то с ним произошло, ему и трудно, и страшно.

– Страшнее, чем это? – Марис кивком головы указала на рукопись. – Боже мой!.. Как он мог пережить такое и не повредиться в уме?! Даже то, что я прочла, просто... невероятно!

Майкл внимательно посмотрел на нее. Употребленный ею оборот не обманул его – Марис не сомневалась, что каждое слово в рукописи – правда. Теперь она знала, на что способен Ной. И то, что он поступил так со своими друзьями, ее не удивило.

– Что было потом, Майкл? – спросила она.

– Тодд стал...

– Я говорю не о книге, Майкл... Я хочу знать, что сделал

Ной. Как он жил?..

– Ной вернулся на берег.

– Да, об этом написано в прологе. Симулируя истерику, он сообщил полиции и береговой охране, что Паркер внезапно набросился на него и на девушку. Они подрались. Девушка стала их разнимать и упала за борт. Потом упал за борт и Паркер. Ной пытался спасти обоих, но не сумел.

– Ему пришлось окатить себя морской водой, чтобы одежда намочла. Он считал, что так ему скорее поверят. Так и получилось. Никто не усомнился в том, что он нырял, пока не убедился, что все бесполезно и что Паркер и Шейла утонули.

– Он сказал, Паркер напал на него потому, что завидовал...

– Это была ложь, конечно, но очень правдоподобная ложь. Береговая охрана организовала поиски, но...

– Сначала скажите, что стало с Шейлой? Ну, с Марией Катариной? – перебила Марис.

– Ее тела так и не нашли. Официально она была признана умершей.

– Так. А Паркер?

Майкл отпил глоток кофе из своей чашки, но Марис прекрасно понимала, что он просто тянет время.

– Паркеру повезло больше. По чистой случайности той же ночью его подобрал один местный браконьер, промышлявший в том районе тунца. Сразу скажу – это произошло довольно далеко от указанной Ноем точки...

– Насколько далеко?

– Разница составила полтора десятка миль. Впрочем, Ной сразу оговорился, что плохо знает навигацию и способен указать только «примерные» координаты. – Майкл покачал головой. – Просто чудо, что Паркер выжил, после того как столько часов находился в воде. Винтами яхты ему сорвало с ног все мясо. Понятно, он был в шоке; быть может, это его и спасло. Во всяком случае, он шевелил руками, стараясь удержаться на плаву, хотя лично мне совершенно непонятно, как он вообще мог двигаться после... после того, что Ной с ним сделал. Когда браконьер заметил Паркера, он даже решил, что это труп дельфина или какого-то животного, который используют ловцы акул – столько вокруг него было крови.

– А дальше? – спросила Марис.

– На протяжении двух недель его состояние оставалось критическим. Паркер жил, но... Хирурги сотворили еще одно чудо, по кусочкам восстановив изрубленные ноги.

– Паркер рассказывал мне, что перенес несколько тяжелых операций. Но что в это время делал Ной? Ведь не мог же он не понимать, что Паркер придет в себя и расскажет, как все было на самом деле! Я уверена – он мог заставить полицию ему поверить, и тогда...

Майкл покачал головой:

– Все, что я сказал, только выглядит так, будто все произошло быстро... относительно быстро. На самом деле вос-

становительные операции заняли несколько лет. В первые несколько недель врачи сражались за его жизнь, и ни у кого не было уверенности, что Паркер выживет. Когда его перевели наконец из реанимационного отделения, он провел несколько месяцев в гнойной хирургии, сражаясь с попавшей в раны инфекцией. Все это время он испытывал сильнейшие боли, перед которыми оказались бессильны любые лекарства. Даже самые сильные болеутоляющие средства действовали в течение считанных часов, потом все начиналось снова. Приходя в сознание, Паркер не переставая кричал от боли, умоляя, чтобы его прикончили. Так, во всяком случае, он мне рассказывал.

В ужасе Марис прикрыла рот рукою. Ладонь была влажной от пота.

– Он потерял очень много крови, – продолжал Майкл. – Именно поэтому ему не отняли ноги сразу. Врачи боялись, что он истечет кровью прямо на операционном столе. Возможно, впрочем, они хотели, чтобы его состояние несколько стабилизировалось, прежде чем прибегать к ампутации. Я полный профан в медицине, Марис, поэтому все это только мои предположения. Да и о самом происшествии я узнал не сразу. Майкл невесело усмехнулся.

– Как бы там ни было, не отрезав ему ноги сразу, врачи допустили ошибку. Когда Паркер пришел в себя и немного окреп, он сражался с ними как одержимый и готов был поколотить каждого, кто только заикнется об ампутации. Даже

частичной ампутации. Честно говоря, Марис, я до сих пор не понимаю, как ему удалось настоять на своем. Быть может, вмешалось божественное Провидение... – Он пожал плечами. – А может быть, на врачей произвело впечатление его мужество, и поэтому они не стали спешить с операцией. В конце концов они, видимо, решили, что отнять ему ноги они всегда успеют, и постарались сделать все, что только было в их силах.

– Я видела шрамы... – сказала Марис. – Они ужасны!

– Те, что снаружи, – поправил Майкл. – Те, что не видны глазу, гораздо глубже и страшнее.

– И их нанес ему Ной?

Майкл кивнул.

– Пока Паркер сражался за свою жизнь, Ной разыграл перед властями невинную овечку. Шейла была мертва и не могла опровергнуть его слова, так что в конечном счете все свелось к одному: его слово против слова Паркера. Ной представил своего друга как завистливого, злобного ревнивца, который напился как свинья и решил выяснить с ним отношения. Он заявил, что, когда Шейла попыталась вмешаться, Паркер ударил ее и столкнул в воду, но сила инерции увлекла за борт и его. Таким образом, к тому моменту, когда врачи разрешили властям допросить Паркера, у него уже была репутация неуравновешенного, социально опасного субъекта. А быть в роли человека, который вынужден оправдываться, очень нелегко... – Майкл покачал головой. – Кроме того, Паркер

сам невольно подыграл Ною. Когда он услышал эти чудовищные обвинения, то отреагировал довольно бурно, проявив себя именно таким – злобным, завистливым, склонным к насильственным действиям человеком, неспособным сдерживать свои эмоции. Так и получилось, что чем горячее он отрицал свою вину, тем сильнее становилось предубеждение против него. Ведь еще лежа на больничной койке он во всеуслышание поклялся убить своего лживого друга! – Тут Майкл скорбно улыбнулся. – Могу себе представить, как он его честил! У Паркера богатый запас бранных слов, которыми он активно пользуется – во всяком случае, в устной речи. Так и вижу, как он натягивает пластиковые постромки кровати и с пеной у рта клянет Ноя на чем свет стоит!

– Я думаю, вы несколько не преувеличиваете, – согласилась Марис.

– Как бы там ни было, – с горечью вздохнул Майкл, – в глазах следствия Паркер зарекомендовал себя чуть ли не буйнопомешанным, опасным как для окружающих, так и для самого себя. Его обвинили в непреднамеренном убийстве Шейлы, и когда Паркер оправился настолько, что смог покинуть больницу, он предстал перед судом. Приговор он обжаловать не пожелал.

– Но почему! – вскричала Марис. – Ведь он был ни в чем не виноват!

– Паркер чувствовал свою ответственность и... Марис опустила голову.

– Во всем был виноват Ной – только он один!..

– Я согласен с вами, Марис. Но и Паркер винил себя не в том, что Шейла оказалась за бортом, а в том, что он не сумел ее спасти. Ной на заседании суда не присутствовал, но прислал записанные на видеопленку показания, данные под присягой. На пленке он чуть не плакал, искренне сожалея о том, что случилось. Как он сказал, на море произошла двойная трагедия: утонула Шейла и умерла его многолетняя дружба с Паркером Эвансом. Серьезно глядя прямо в камеру, Ной заявил, что он и Паркер были близки, как братья, но когда он первым добился успеха, с его другом что-то случилось. Паркер словно переродился. Если я правильно запомнил слова Ноя, в тот день его приятель за считанные часы превратился в «развратника, лжеца, коварного и опасного зверя, брызжущего слюной маньяка», от которого он вынужден был обороняться, чтобы сохранить свою жизнь.

Марис глубоко вдохнула воздух и медленно выдохнула.

– Потом Ной переехал в Нью-Йорк в ореоле славы «Побежденного», а Паркер...

– ...А Паркер отправился в тюрьму, – закончил Майкл.

– В тюрьму? – Потрясенная, Марис сжала пальцами виски. – Однажды Паркер сказал мне, что провел годы в клиниках, лечебницах и «других местах», но мне и в голову...

– Учитывая обстоятельства дела и его физическое состояние, Паркера поместили в тюрьму с самым необременительным режимом и позволили продолжать лечение. Через

год его досрочно освободили за примерное поведение, хотя судья приговорил Паркера к восьми годам заключения... – Майкл покачал головой. – Не знаю, порой мне кажется, что этим власти оказали ему «медвежью услугу». Пока Паркер был в тюрьме, за ним худо-бедно следили, когда же его выпустили, он оказался на белом свете совершенно один. А в одиночестве и здоровому человеку живется нелегко... – Он поглядел на Марис из-под низко нависших седых бровей. – Думаю, вы уже знаете, что к тому моменту, когда я узнал, что случилось с моим лучшим учеником, Паркер совсем опустился.

Марис опустила руки на лежавшую на коленях рукопись.

– Господи, как же могло так случиться, что за этого человека я вышла замуж? Но ведь я любила его, Майкл... во всяком случае, мне так казалось. Я была его женой и мечтала иметь от него ребенка. Как я могла не заметить, кто он такой – что он такое?!

– Возможно, все дело в том, что вы просто к нему не пригляделись как следует.

– Все верно, но я же не была слепой! Я ни разу не задумалась о том, что Ной никогда не рассказывал, где и как он жил до Нью-Йорка. Он даже не упоминал о своих студенческих годах – правда, я знала, где он учился, но и только. У него не было ни личных вещей, ни фотографий, за исключением одной, где он снят со своей матерью; ему не звонил никто из старых друзей, и сам он никогда не вспоминал приятелей

детства, а ведь это неестественно для нормального человека. Правда, Ной говорил, что предпочитает жить будущим, а не прошлым, а я, дура, слепо верила каждому его слову! Почему, почему мне ни разу не пришло в голову, что он может что-то скрывать?!

– Не будьте слишком строги к себе, Марис, – сказал Майкл. – В Ное странным образом уживаются два разных человека, поэтому-то его так трудно распознать. Могу сказать вам в утешение – вы не единственная, кого он ввел в заблуждение.

– Скажите, в том письме, которое вы написали Паркеру во Флориду... вы действительно предостерегали его против Ноя или это был просто удачный сюжетный ход?

– Вы имеете в виду письмо, которое он читал нам тогда? Паркер воспроизвел мое очень близко к оригиналу, почти слово в слово.

– Значит, вы уже тогда знали, что собой представляет Ной, а ведь он был всего лишь вашим студентом. Мне он был мужем, но я... но мне... – Марис усмехнулась. – Что ж, как видно, на этот раз моя хваленая интуиция меня подвела.

– Но ведь Паркер жил с ним бок о бок много лет – сначала здесь, в общежитии, потом в Ки-Уэсте – и тоже не распознал его. Время от времени он замечал в нем и эгоизм, и самовлюбленность, но, только оказавшись в воде, осознал, что его приятель – само зло!

– Да, это так, – согласилась Марис. – В последнее время я несколько раз замечала проявления этого злого «я», тем-

ной стороны его натуры. – Она опустила глаза к рукописи и медленно, словно лаская, погладила страницы. – Паркер не злой, но он бывает жестоким. Почему, Майкл?

– Его сжигает месть, Марис.

– А при чем здесь я?

Впервые за весь разговор Майкл опустил взгляд.

– Я... должен извиниться перед вами, Марис, за свое участие в этом деле. С самого начала мне было немного не по себе; когда же я познакомился с вами, план Паркера мне вообще разонравился, но... – Откинувшись на спинку кресла, он несколько мгновений созерцал потолок, словно собираясь с мыслями. – Видите ли, в своих видеопозах Ной упомянул о близких отношениях между Паркером и Шейлой.

– И Паркер решил отомстить ему, вступив в связь со мной?

– Что-то в этом роде, хотя... Не знаю. Честное слово – не знаю. Мне казалось, что успеха, которого Паркер добился своими книгами о Дике Кейтоне, должно хватить ему за глаза, но я ошибался. Самой лучшей мезтью для него было описать историю их с Ноем отношений, описать ярко, талантливо, убедительно, чтобы заинтересовать вас, уважаемого и известного издателя.

– Издателя, который по случайному стечению обстоятельств был связан с Ноем брачными узами.

– Я думаю, эта идея пришла ему в голову, когда он прочел в газетах о вашей свадьбе.

– То есть его план мог сработать только благодаря мне?
Майкл мрачно кивнул.

– Любой сюжет должен иметь по крайней мере один компонент, который связывает все части повествования между собой. Вы и стали таким связующим звеном.

– И каков же должен быть финал? Чего хотел добиться Паркер?

– Я не знаю. Он мне не говорил.

– Может быть, он и сам еще этого не знает. Может быть, ему достаточно, что, залучив меня к себе в постель, он может теперь поиздеваться над Ноем-рогоносцем?

Отвечая, Майкл не сумел скрыть своей горечи:

– Поверьте, Марис, я отнюдь не оправдываю то, что он сделал, но я могу его понять. Паркер способен переживать либо очень глубоко, либо вообще никак – таково общее свойство художественно одаренных натур. Потому-то месть настолько для него важна. Уверяю вас, он не стал бы себя затруднять, если бы его желание поквитаться с Ноем было хотя бы вполовину слабее. Вы и я попали между жерновами этой мельницы, но ради нас Паркер не остановится. Ему хочется только одного – чтобы Ной испытал хотя бы десятую часть тех страданий, которые Паркер перенес по его вине. Вот почему он обманом заставил вас приехать на остров. Вы оба предали его, когда...

– О боже!.. – Марис схватила Майкла за рукав. – Я, кажется, догадалась, каким будет финал!

– Финал?

– Цель, которую Паркер ставил перед собой, когда задумывал все это. Я... Помните, вы цитировали показания Ноя, в которых он назвал Паркера развратником, лжецом, опасным маньяком, который угрожал его жизни? Два пункта этого обвинения он уже подтвердил, остался третий!

Майкл хлопнул себя по лбу.

– Ах я, старый болван! – воскликнул он. – За свою жизнь я проанализировал множество художественных произведений, но не смог угадать, к какой развязке приведет этот сюжет! Я должен был понять, в чем дело! Особенно когда он не захотел показать мне последнюю главу!

Марис содрогнулась.

– Нет, он не может!.. – прошептала она, с тревогой глядя на Майкла. – Неужели он... Нет, я знаю, Паркер не станет убивать...

– Я тоже так думаю, – кивнул Майкл, но оба вовсе не были убеждены, что страшная мысль, пришедшая им обоим в голову, так уж невероятна.

– Он на это не способен, – добавила Марис. – Если бы он был таким, меня бы не потянуло к нему. Я бы просто не смогла...

– Полюбить его?

– Ради всего святого, Майкл!.. Неужели вы думаете, что я способна повторять одни и те же ошибки?! Когда-то я полюбила главного героя «Побежденного», потом перенесла свое

чувство на автора книги, и чем все закончилось? Нет, я больше не доверяю своим эмоциям. Просто мне казалось, что я ему небезразлична, иначе бы я не... переспала с ним. Но Боюсь, что я снова заблуждаюсь.

Она прижала руку к груди, припомнив жестокие слова, которые Паркер сказал ей тем ужасным утром. Учитывая всю скопившуюся за четырнадцать лет горечь и бурливший в нем гнев, она не могла со стопроцентной уверенностью утверждать, что Паркер не способен на убийство.

Он, несомненно, считал, что Ной Рид украл у него будущее, и решил отплатить ему тем же. Око за око, зуб за зуб. Жизнь за жизнь.

Жизнь Ноя за жизнь, которую он украл у него. Жизнь Ноя за жизнь Шейлы. С точки зрения Паркера, это было только справедливо.

И в это Марис поверить могла. Паркер не стал бы убивать из мести, но ради справедливости он мог убить. Шейла ему нравилась, он помог ей, он ее жалел. Вот почему он мог считать себя вправе мстить Ною за ее убийство.

Марис вскочила.

– Мы должны его остановить! – воскликнула она, бросаюсь к двери, но на пороге остановилась, устыдившись своего стремительного порыва. Сцепив руки перед грудью, она склонила голову, словно в молитве.

– Слава богу!.. – прошептала она и снова повернулась к Майклу. – Слава богу, – повторила она, – что Ной не читал

«Зависть» и не знает, что автор, с которым я работала, – Паркер Эванс. Значит, у нас еще есть время!

Майкл тоже вскочил.

– О, нет!.. – простонал он, закрывая лицо руками.

Сойдя с катера, доставившего его на остров, Ной сразу же направился к бару Терри. Он держался так уверенно-покровительственно, что это сразу же восстановило против него всех мужчин в баре. Островитяне вообще недолюбливали чужаков – в особенности же они недолюбливали чужаков, которые глядели на них сверху вниз. Вполне возможно, что Ною бы не позволили даже ступить на причал, если бы Паркер заранее не предупредил своих друзей, что ждет важную шишку с Севера, и не попросил направить приезжего в бар, где он будет его ждать.

Облокотившись на стойку, Ной грубо окрикнул Терри:
– Эй, ты!

Но Терри, который как раз откупоривал бутылку пива для одного из клиентов, и ухом не повел.

– Ты что, оглох? – спросил Ной еще громче.

С невозмутимым видом повернувшись к нему, Терри переместил зубочистку, которую жевал, из одного уголка рта в другой и ответил, растягивая слова на южный манер:

– Я отлично слышу тебя, парень. Но тот, кто хочет со мной поговорить, должен обращаться ко мне вежливо, иначе он просто тю-тю – исчезает. А сейчас выкатывайся-ка из моего бара!

– В переводе на язык, к которому ты привык, это озна-

чает: «Добро пожаловать на остров, Ной!» – раздался позади него знакомый голос, и Ной, стремительно обернувшись, встретился глазами с Паркером, который, сидя в инвалидном кресле, улыбался ему с подчеркнутым радушием.

Ной окинул Паркера презрительным взглядом.

– Да, она говорила мне, что ты – калека! – сказал он, словно бы обращаясь к самому себе, но все же достаточно громко, чтобы его услышали.

Его услышали. Терри, наклонившись, извлек из-под стойки выдавшую виды бейсбольную битку. Один из завсегдатаев потянулся к пристегнутому к поясу длинному ножу в ножнах, остальные посетители глухо заворчали.

– А мне она говорила, что ты – ублюдок, – ответил Паркер, не переставая улыбаться. – Но я и так это знал. Ной рассмеялся.

– А ты все такой же – за словом в карман не лезешь, – сказал он. – Знаешь, я только сейчас понял, как мне не доставало твоих постоянных подначек!

– Странно. Я-то по тебе совсем не скучал. Хочешь пива? Ной покосился на Терри:

– Как-нибудь в другой раз.

Паркер кивнул и, знаком показав Ною следовать за собой, покатил свое кресло к выходу. У дверей он обернулся и крикнул Терри:

– Расплачусь в следующий раз!

– Нет проблем, – отозвался бармен с кривой ухмылкой.

Провожаемые взглядами множества глаз, Паркер и Ной вышли на залитую жарким солнцем улицу.

– Ты не трус, Ной, – надо отдать тебе должное, – заметил Паркер, не глядя на своего бывшего приятеля.

– Почему ты так решил? Потому что я не побоялся встретиться с тобой?

– Потому что не побоялся войти в бар Терри в таких шикарных ботиночках. – Паркер поглядел на лакированные туфли Ноя с эмблемой «Гуччи» на пряжках. – Фасонные корочки!

Не удостоив его ответа, Ной снял пиджак и перекинул через руку.

– Жарко тут у вас! – заметил он.

– Напоминает Ки-Уэст, ты не находишь? – парировал Паркер.

И снова Ной ничего не сказал, но по его лицу было видно, что намек ему не понравился.

Паркер подвел его к «Крокодилу».

– Залезай.

– Шикарная тачка! – заметил Ной, усаживаясь на ярко-желтое пассажирское сиденье. – У нас на Парк-авеню таких и не встретишь!

Подтянувшись на руках, Паркер уселся за руль, потом сложил инвалидное кресло и забросил в кузов. Включая зажигание, он сказал:

– Ты превратился в заурядного сноба-янки, Ной.

– Просто ты стал слишком старым и ворчливым, – ответил тот.

– Боль и страдания сделали бы с тобой то же самое.

Некоторое время они ехали молча. Ной смотрел только на дорогу, подчеркнуто не обращая внимания на окружающую природу. Ни разу он не повернул головы и не сказал ни слова по поводу красоты местного ландшафта. Паркер, напротив, то и дело помахивал рукой, отвечая на приветствия встречавшихся им на дороге островитян.

После того как одна пожилая леди прокричала ему слова приветствия с крыльца своего дома, Ной повернулся к Паркеру:

– Ты что, местная знаменитость?

– А то как же! На острове я единственный калека! – ответил Паркер.

– Ага, понимаю...

– И единственный профессиональный писатель в придачу.

– Но ведь ты, кажется, еще не продал свою книгу.

– Эту – нет, но романы Маккензи Руна идут влет, точно презервативы в публичном доме.

Наконец ему удалось добиться от Ноя искренней реакции. Глядя на его вытянувшееся лицо, Паркер рассмеялся:

– Разве ты не знал? Что ж, значит, мне удалось сделать тебе сюрприз!

Но всегдашняя самоуверенность и тут пришла Ною на по-

мощь. Он быстро оправился от потрясения и сказал:

– Вот, значит, как ты заработал денежки на прекрасный дом и верного слугу, о котором упоминала моя жена!

Паркер сразу заметил в его голосе собственнические интонации, но не стал заострять на этом внимание. Вместо этого он сказал:

– Пока это еще не дом, а просто старый особняк, который требует благоустройства. Что касается верного слуги, то он удрал от меня в начале этой недели.

– Почему?

– Он сказал – я низкий человек, и он не желает иметь со мной никаких дел.

– Разве верные слуги так поступают?

– Он вернется.

– Ты уверен?

– Абсолютно уверен.

К тому моменту, когда они добрались до старого сарая, солнце уже опустилось за кроны деревьев. В наступивших сумерках джин выглядел еще более ветхим и уродливым, чем при свете дня, и казалось, будто кустарники и молодая древесная поросль обступили его еще теснее, словно стремились задушить в своих объятиях.

Оглядев старый сарай, Ной заметил с издевкой:

– Теперь я понимаю, что ты имел в виду, когда сказал – твой особняк требует благоустройства.

Паркер достал из кузова инвалидное кресло и поставил на

землю рядом с кабиной «Крокодила».

– Здесь никто не живет, – сказал он ровным голосом, – и тем не менее это очень любопытное строение. Оно, если можно так выразиться, позволяет приезжим прикоснуться к местной истории.

Сев в кресло, он решительно покатил его к воротам джина, оставив Ною единственную возможность – следовать за собой.

В сарае было еще темнее, чем снаружи. Тени сгустились в углах; свисающие с потолочных балок клочья пыльной паутины слегка колыхались, и от этого казалось, будто свет уходящего дня, все еще просачивавшийся сквозь расщелины в досках, трепещет, как свеча на ветру. Воздух здесь был горячим и густым, и казалось, каждый вздох дается с усилием.

Паркер, как заправский экскурсовод, в нескольких словах познакомил Ноя с историей джина и связанных с ним легенд.

Его монолог наскучил Ною, и он прервал Паркера на полуслове.

– Я прочел твою книгу, – сказал он, и Паркер повернулся к нему вместе с креслом.

– Я знаю, – ответил он. – Конечно, ты ее прочел, Ной, иначе бы тебя здесь не было. Когда ты ее получил?

– Сегодня утром. Паркер покачал головой:

– Быстро же ты ее прочел! Готов спорить, не у каждого писателя есть такой пламенный поклонник, который готов не спать и не есть, лишь бы поскорее познакомиться с новым

произведением любимого автора.

– Мне достаточно было только просмотреть пролог, чтобы понять, как будет построен сюжет, – ответил Ной с великолепной небрежностью, но глаза его угрожающе блеснули. – Кстати, теперь ты пишешь еще лучше, чем раньше. У тебя вполне сложившийся слог и устоявшаяся, зрелая манера.

– Спасибо за комплимент, но... откуда ты знаешь, если прочел только пролог?

– Пока я летел сюда, я просмотрел всю рукопись.

– Но сюжет тебе уже был известен?

– Да, известен. И вот что я тебе скажу, Паркер: эта книга никогда не будет издана! Ведь ты именно это собирался сделать, не так ли? Издать «Зависть», чтобы все узнали, кто такой Ной Рид?.. Ты же понимаешь, что я никогда этого не допущу!

Паркер пожал плечами:

– Как говорят в народе – человек предполагает, а бог располагает. Все мы склонны заблуждаться относительно того, что готовит нам грядущее. Я, например, думал, что эта книга... что после стольких лет тебе может захотеться облегчить свою совесть, но ошибся. Почему ты считаешь, что ты можешь диктовать условия?

– Хватит трепаться, Паркер! – В тишине сарая голос Ноя прозвучал резко, как удар хлыста. – Скажи мне еще только одно: это из-за твоей «Зависти» Марис млела от восторга?

– Именно так, Ной. Она прочла рукопись, и, по-моему, да-

же не один раз. Ей очень понравился динамичный сюжет, понравился замысел, но больше всего ее заинтересовали поднятые автором морально-этические проблемы. Что касается персонажей, то Рурк ей импонирует больше. Один раз Марис даже сказала, что он – воплощенное благородство, а Тодд – наоборот, извини за невольный каламбур.

– Марис всегда нравились слезливые мелодрамы.

– Ты ошибаешься. Марис – хороший редактор.

– Я бы сказал – инфантильная девчонка, которая играет в редактора.

– Она не девчонка, а леди.

– Господи Иисусе!.. – насмешливо воскликнул Ной. – Да ты, похоже, ее трахнул! Каждый раз, когда тебе удавалось завалить какую-нибудь бабу, ты заявлял, что она – леди. Ну, признайся же, я прав?

Паркер стиснул зубы и ничего не сказал, но ответа и не требовалось. Ной прочел ответ по его лицу и рассмеялся.

– Ах, Паркер, Паркер! У тебя седые волосы и морщины на лице, но в глубине души ты несколько не изменился. Ты все такой же благородный рыцарь, который не целуется без любви и молчит о своих похождениях, как глухонемой! – Ной покачал головой. – Впрочем, в этом случае дело обстояло несколько иначе, я полагаю... Я хочу сказать – я отлично понимаю, зачем тебе понадобилось ее трахнуть. Ты хотел наставить мне рога, не так ли? Учитывая твое состояние, тебе, несомненно, пришлось потратить немало сил и времени,

чтобы заставить ее раздвинуть для тебя ножки, так что, надеюсь, ты не очень разочарован. С вида она, конечно, упакована что надо – как говорится, все при ней, но я лично уже давно не получаю от секса с Марис никакого удовольствия. Мне нужна женщина более пылкая, ненасытная, изобретательная! С Марис в этом отношении скучно – дальше секса на полу ее фантазии не заходят... Ну, что же ты молчишь? – неожиданно спросил он, выразительно оглядев Паркера. – Тебе понравилось, как она занимается любовью, или ты готов довольствоваться любой дыркой, лишь бы удовлетворить свое желание? – Ной задумчиво потер переносицу. – Впрочем, не знаю – на вкус и цвет товарищей нет, для кого-то и Марис, наверное, хороша. Знаешь, у нее там такие мягкие волосы... Впрочем, если ты не выключал свет, ты, наверное, заметил...

Паркер сидел неподвижно, но на самом деле ему хотелось убить Ноя прямо сейчас, убить своими руками. Ему хотелось видеть, как он будет медленно умирать, корчась в агонии у его ног.

А Ной небрежно продолжал:

– Пойми меня правильно, я не жалуюсь. Марис была мне нужна, и я за многое ей благодарен.

– Ты имеешь в виду свою карьеру?

– Ну да! – Ной шагнул вперед. – Конечно, карьеру. Ты меня знаешь, Паркер, – я никогда не откажусь добровольно от того, чего мне удалось добиться. Именно поэтому эта твоя

новая книга никогда не выйдет в свет.

– Откровенно говоря, Ной, я писал ее не для публикации, а для себя.

– Автобиография с элементами катарсиса? – Ной усмехнулся. – Бывает...

– Нет, не автобиография.

– Тогда зачем же ты потратил на нее столько времени? Уж не для того ли, чтобы затащить в постель мою жену?

– Тоже нет.

– Ты начинаешь действовать мне на нервы, Паркер!

– Я написал ее для того, чтобы заманить тебя сюда, на свою территорию. Чтобы видеть твое лицо, когда ты будешь умирать. Когда-то ты стоял на мостике яхты, смотрел, как я барахтаюсь в воде, и ждал, когда я утону. Ты даже решил ускорить этот процесс – но не из сострадания, а потому, что мои крики действовали тебе на нервы. Теперь моя очередь, Ной.

Ной презрительно фыркнул:

– Что ты мне сделаешь? Переедешь своим инвалидным креслом?

В ответ Паркер только ухмыльнулся и достал из кармана небольшую плоскую коробочку со штырьком антенны, похожую на пульт дистанционного управления.

– Ага, понимаю! – промолвил Ной с глубокомысленным видом. – Ты собираешься забить меня насмерть своим радиоприемником!

– Этот сарай принадлежит мне, – сообщил Паркер самым безмятежным голосом. – Я купил его и могу делать с ним все, что захочу. Мне здесь нравится – здесь я «ловлю настроения», как говорят писатели. Но кое-кто на острове считает, что этот ветхий сарай представляет опасность для детей, которые могут случайно сюда забраться. Потолок здесь прогнил и может рухнуть каждую секунду, к тому же этот заброшенный колодец... – Он показал рукой на низкую кирпичную ограду за своей спиной. – В общем, я решил пойти навстречу пожеланиям моих соседей-островитян и уничтожить эту старую развалину.

С этими словами он нажал на пульте одну из кнопок. В дальнем углу сарая что-то глухо хлопнуло, во все стороны посыпались искры, и Ной, обернувшись на звук, увидел языки пламени, которые быстро ползли по сухому дереву стены и по мусору на полу.

В тот же момент Паркер сильным толчком направил кресло вперед. Однако Ной, предугадав его движение, проворно увернулся и взмахнул кулаком. Ежедневные занятия в гимнастическом зале оказались ненапрасными – Ной был в отличной физической форме и успел нанести Паркеру два сильных удара.

Он не учел, что руки и плечи Паркера тоже получили хорошую тренировку. Паркер сумел не только отбить большинство выпадов Ноя, но и удержаться в кресле. Однако главное его преимущество заключалось в том, что он знал характер

Ноя. Его бывший друг редко сражался по правилам, он дрался, чтобы победить, а как – не имело для него значения.

Именно поэтому Паркер не особенно удивился, когда Ной начал толкать его вместе с креслом к колодцу. Напротив, он ушел в глухую оборону и только изредка наносил неловкий удар, от которого Ной легко уклонялся. Почувствовав, что враг слабеет, Ной атаковал с еще большим пылом. Попытки Паркера защититься от ударов лишь раззадоривали его, и Ной удвоил усилия, торопясь поскорее с ним покончить.

Но случилось непредвиденное. В точно рассчитанный момент Паркер нажал тормозной рычаг кресла. Тормозные колодки впились в резину колес, и кресло неожиданно остановилось как вкопанное. Ничего подобного Ной не ожидал. Инерция продолжала толкать его вперед; он сделал шаг, другой и споткнулся о кирпичное ограждение колодца. Нелепо взмахнув руками в тщетной попытке обрести опору, Ной с пронзительным криком полетел вниз.

Его вопль странным образом напомнил Паркеру крик Шейлы, когда, зацепившись за леер, она полетела в океан.

Тяжело, с хрипом дыша, Паркер вытер рукавом рубашки окровавленный нос.

– Безногий сукин сын! – крикнул ему Ной со дна колодца.

Усмехнувшись, Паркер сплюнул:

– Так ты еще не подох, Ной?

– Колченогий ублюдок! Паркер хрипло расхохотался:

– Жалкий неудачник! Калека перехитрил тебя! Ты сам

угодил в колодец, куда собирался столкнуть меня. Где твой ум, Ной?! Ведь рассказывая про колодец и про то, как он глубок и опасен, я сам навел тебя на эту мысль. Любой писатель, если он хоть чего-то стоит, сразу бы понял, что я что-то замыслил, но у тебя не хватило для этого извилин в мозгах!

– Вытащи меня отсюда, сволочь!

– Ради всего святого, Ной, не разрывай мне сердце своими мольбами! Колодец, конечно, глубок, но это, согласись, не Атлантический океан с его акулами и прочими хищниками. Правда, я не поручусь, что в колодце нет змей, – добавил Паркер после небольшой паузы, – но, если бы они там были, ты бы, наверное, уже оповестил меня об этом, не так ли?

– Что ты собираешься сделать? Пустить в колодец воду и утопить меня? – мрачно осведомился Ной.

– Да ты меня за дурака держишь! – возмутился Паркер. – Ведь ты не связан и к ногам у тебя не прикован мельничный жернов. Если бы я пустил воду, тебе достаточно было только шевелить ногами и руками, чтобы удержаться на поверхности, пока вода не достигнет края колодца. К тому же дерьмо не тонет, – закончил он решительно.

– Тогда что ты собираешься предпринять?

Вместо ответа Паркер нажал еще одну кнопку на пульте управления, и в другом углу сарая взорвался еще один замаскированный пороховой заряд.

– Слышал? – крикнул он. – Осталось еще двенадцать зарядов, но задолго до того, как я взорву их все, ты начнешь

задышаться. Конечно, задохнуться в дыму – это не захлебнуться в воде и не быть съеденным акулой, но важен результат! А как ты считаешь?

– Ах, как ты меня напугал, Паркер! И ты думаешь, я поверю, что ты бросишь меня здесь?

– Почему бы нет, Ной? Ведь я – опасный маньяк, способный на все, даже на убийство. Ты сам это сказал, помнишь? Ну, напряги же свою хваленую память! Я уверен – ты вспомнишь. Ты, наверное, репетировал эту маленькую речь не меньше тысячи раз, прежде чем записать ее на пленку. Во всяком случае, слезы выглядели очень убедительно. Ты прирожденный лицедей, Ной. В твоём лице сцена потеряла великого артиста. Ведь я сам готов был поверить в то, что я набросился на тебя, хотя до этого злополучного дня на яхте мы с тобой были близки, как Давид и Ионафан. Ну что, вспомнил, как ты красочно все описал?!

– Я... я хотел...

– Ты хотел отправить меня в тюрьму, и ты своего добился. Ну и поскольку я там побывал, мне показалось, что будет только справедливо, если я все же совершу преступление, в котором меня ложно обвинили.

Ной некоторое время молчал, потом проговорил несколько изменившимся голосом:

– Кажется, я сломал ногу.

– В аду ноги тебе не понадобятся. Разве только черти будут бить тебя ими по голове или засунут их тебе же в задни-

цу.

– Послушай, Паркер, мне больно, и я хочу... нет, я требую, чтобы ты немедленно...

– В твоём положении, Ной, – перебил его Паркер, – ты не можешь ничего требовать – ты можешь только просить. Ну-ка, попробуй; посмотрим, как у тебя получится!

– О'кей, я был не прав. Я поступил... плохо. Но я испугался. Испугался настолько, что ничего не соображал, и... удрал. Когда же до меня дошло, что я натворил, было уже поздно. Мне оставалось только поступить так... как я поступил. Я понимаю – ты зол на меня за то, что я бросил тебя тогда. Но теперь ты своего добился и...

– Да, ты был не прав, когда бросил меня на верную смерть. Но разве тебе этого было недостаточно? За что ты убил Марию Катарину?

– Ну, это тебе даром не пройдет! – крикнул Ной резким, каким-то чужим голосом.

– Почему бы нет? Ведь ты-то вышел из этой истории чистеньким, не так ли?

– Люди увидят дым и вызовут пожарных.

– Пожарная часть находится на противоположном конце острова. Ты успеешь задохнуться раньше, чем они сюда доберутся.

– Я задохнусь, а тебя обвинят в моей смерти.

– Вряд ли. Все, кто был в баре Терри, когда ты туда вошел, слышали твои слова. Они знают, что твоя жена прове-

ла в моем доме несколько дней. Им хватит здравого смысла, чтобы сложить два и два и понять, что ты явился сюда из своего Янкиленда, чтобы надрать мне задницу. Для них я просто несчастный калека и добрый сосед, так что их симпатии будут на моей стороне – во всяком случае, мне хочется так думать. А как ты считаешь, Ной? – Паркер усмехнулся. – Мне даже не нужно будет ничего выдумывать – достаточно будет рассказать правду. Ты разбил мне нос – этого за глаза хватит, чтобы подтвердить мои слова. Я скажу – ты напал на меня, мы боролись, потом ты оступился и упал в колодец. К сожалению, к этому моменту я уже поджег сарай и не смог ничего предпринять. Конечно, я пытался спасти тебя, но из этого ничего не вышло. Ведь я калека, Ной, или ты забыл?

Подъехав к колодцу, он заглянул внутрь и улыбнулся Ною, которого было уже почти не видно в сгустившейся на дне колодца тьме. Только лицо его выделялось бледным пятном.

– Ну что, – спросил Паркер, – по-моему, достаточно правдоподобная версия, а? Явно не хуже той истории, которую ты рассказал береговой охране.

– Постой, Паркер...

– Одну минуточку... – Паркер нажал еще кнопку, и в углу сарая с треском взорвался третий заряд. Пламя, поднимавшееся к крыше по наружной стене, начинало заглядывать в проломы, и в сарае заметно посветлело.

– Прекрати, Паркер! Не шути с огнем!

– Я и не шучу.

– Ради бога, Паркер!

– Ради бога? Ты, наверное, хотел сказать – ради тебя? Лично мне кажется, что бог вполне способен понять и простить все, что бы я с тобой ни сделал. Поначалу я собирался пристрелить тебя и сказать, что это была самооборона. Я был уверен – это сойдет мне с рук, но потом я вспомнил о долгих часах, пока я болтался в океане без надежды на спасение, вспомнил о годах, проведенных в больнице, когда я кричал от боли, и мне показалось, что просто пристрелить тебя было бы слишком милосердно. Ведь я ждал этого момента четырнадцать лет – было бы обидно покончить с тобой за пару минут! Сначала я хотел отрезать тебе яйца и дать истечь кровью, как истекал кровью я, плавая в океанских волнах, но, согласись, это была бы грязная работа; к тому же никто не отрезает своему врагу яйца для самообороны. Нет, тут нужно было придумать кое-что получше.

И вот однажды, когда я обдумывал сюжет очередной моей книги о приключениях Дика Кейтона, взгляд мой упал на этот колодец... – Паркер прищелкнул пальцами. – И мне в голову пришла гениальная идея! Я представил, как ты задыхаешься в дыму, как рвешь ногтями собственное горло, как глаза твои вылезают из орбит, как синеют язык и ногти...

Кстати, хочу тебя успокоить – мое оборудование работает отлично, Марис осталась довольна. Она, хотя и вышла за тебя замуж, никогда не была твоей женой – ведь ты совсем ее не знаешь!

Извини, я, кажется, отвлекся от главной темы. На чем я остановился?.. Ах да!.. Так вот, я попросил одного местного парня установить для меня эти заряды. Он был в армии сапером, и для него это не составило труда, – продолжал Паркер обстоятельно.

– Зачем такие сложности? – нетерпеливо перебил его Ной.

– Потому что я калека и не могу перемещаться достаточно быстро, да еще держа на коленях канистру с бензином, – тотчас ответил Паркер. – А просить кого-то сжечь сарай за меня... Ведь сарай принадлежит мне! Вот почему были установлены заряды и изготовлено это простенькое устройство дистанционного управления. Да, должен сказать – я разослал всем, кто живет поблизости, предупреждения, что собираюсь сжечь сарай, так что, увидев огонь, никто не поднимет тревоги... Впрочем, огня будет не так много, зато дым поднимется до небес... но сначала он заполнит колодец.

Уже сейчас в сарае ощутимо пахло дымом, и Ной завозился в колодце. Паркер предпочел бы, чтобы он бился головой о стены и грыз камни, но, если судить по звуку, Ной старался нащупать в кирпиче выбоины, чтобы попробовать выбраться. Когда ему это не удалось, он снова воззвал к Паркеру:

– Послушай, сарай вот-вот рухнет. Ты должен как можно скорее вытащить отсюда... нас обоих. Паркер снова рассмеялся.

– Я-то выберусь без труда – в конце концов, я на колесах. А вот ты здорово влип!

Ной решил испробовать другую тактику:

– Я вижу, ты хочешь, чтобы я просил... О'кей, прошу тебя... нет, даже умоляю!

Паркер закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Извини, Ной. Даже если бы я захотел, я бы все равно ничего не сумел сделать. Слишком поздно – мне пора спасаться самому. Жаль, что я не смогу присутствовать при твоих последних минутах, но...

– Паркер, не делай этого! – вскричал Ной и неожиданно всхлипнул. – Пожалуйста!.. Не дай мне умереть! Не убивай меня! Ну что еще я могу сказать?

Паркер снова заглянул в колодец. Лицо его сделалось каменно-неподвижным.

– Скажи, что просишь прощения...

Ной внизу перестал всхлипывать, но ничего не ответил.

– Ты хоть знал, как ее звали? – снова спросил Паркер.

– Кого?

– Марию Катарину...

– Господи, ну какое это имеет значение?!

– Ее звали Шейла, Ной. Мне показалось, ты должен знать имя женщины, которая носила твоего ребенка... носила, пока не выкинула.

– Это был обычный женский трюк, Паркер. Ловушка для холостого привлекательного парня! – донесся снизу отчаянный голос Ноя.

– Значит, ты знал... – пробормотал Паркер. – А я-то гадал,

знаешь ты или нет!

– Все это древняя история, Паркер! Хватит об этом!

– Вовсе нет, – перебил он. – Вот что я тебе скажу: если хочешь выбраться из этой ямы, признайся, что ты столкнул Марию Катарину в воду и не сделал ровным счетом ничего, чтобы ее спасти!

Ной долго молчал, и Паркер взялся за хромированные ободья своего кресла, разворачивая его к выходу.

– Ладно, Ной, счастливо оставаться!..

– Постой! Не уходи! То, что случилось с Мэри...

– С Марией Катариной, Ной. С Шейлой.

– Хорошо, пусть с Шейлой... Да, я виноват.

– И со мной. Ты нарочно направил яхту на меня.

– Да.

– Скажи это сам.

– Да, я нарочно направил яхту в твою сторону.

– Зачем?

– Я... я хотел убить тебя и представить дело как несчастный случай. Ты мне мешал, всегда мешал!..

– Ты хочешь сказать – мешал твоей карьере?

– Да.

– И по этой же причине ты убил Дэниэла Мадерли?

– Будь ты проклят, Паркер! Что ты болтаешь?!

– Ты убил и его, не так ли? – крикнул в ответ Паркер. –

Признайся в этом, или задохнешься там, внизу! Если, конечно, раньше не утонешь в собственной моче! Готов спорить,

ты уже обмочился от страха!

– Я... я...

– Как ты подстроил это падение, Ной?

– Я... спровоцировал его. У меня было что рассказать ему о Говарде Бэнкрофте, который был его другом. Дэниэл взорвался и набросился на меня. Я защищался...

– И столкнул его вниз.

– Ну, хорошо... Да, столкнул.

– Повтори еще раз.

– Да, я столкнул старика с лестницы. Можно было обойтись и без этого, но я... я подумал – если он умрет, мне вообще никто не сможет помешать.

Паркер снова закашлялся, поперхнувшись дымом, который начинал уже есть глаза и заползать в ноздри.

– Знаешь, кто ты, Ной? Самый настоящий подонок. Ничтожество. Убийца. – Он с сожалением покачал головой. – Ты даже не стоишь того, чтобы тебя убивать...

Паркер покатил прочь от колодца. Потеряв его из вида, Ной издал исполненный отчаяния вой, но Паркер отсутствовал совсем недолго. Ему нужно было только взять веревку, которую он специально на этот случай припрятал в углу. Показав ее Ною, он спросил:

– Ты действительно хочешь, чтобы я тебя вытащил? Ведь ты пойдешь в тюрьму!

– Бросай ее сюда! – Ной выпрямился и потянулся вверх.

– Я отлично понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – сооб-

шил ему Паркер. – Когда я болтался в океане, у меня тоже болели ноги – так болели, что я готов был на все, лишь бы избавиться от боли. На все, за исключением смерти. Поэтому, когда этот рыбацк подплыл ко мне, я вцепился в канат, который он мне бросил, мертвой хваткой. И не хотел его отпускать, даже когда оказался на палубе. Говорят, меня так и доставили в больницу с обрывком каната в руках.

Говоря это, Паркер начал спускать один конец веревки Ной, который с надеждой отчаяния вцепился в него.

– Не спеши, – посоветовал Паркер. – Обвяжи себя под мышками да затяни узел потуже. Хотел бы я, чтобы ты сделал затяжную петлю и надел ее себе на шею, да боюсь – ты не согласишься.

– О'кей, – откликнулся Ной. – Готово. Тащи, тащи меня!

Паркер отъехал от колодца и, натянув веревку, наклонился, чтобы привязать ее к передку кресла.

– Если там есть на что поставить ногу – поднимайся. Помоги мне.

– У меня сломана лодыжка, – напомнил Ной.

– Ладно, тогда начинаю. Только не...

«Только не дергай», – хотел сказать он, но было поздно.

В панике Ной слишком сильно потянул за свой конец веревки, а Паркер не был к этому готов. Привязать веревку к стоявшему на тормозе креслу он не успел, поэтому рывком его сбросило с сиденья и швырнуло на утопанный земляной пол.

– Проклятье! – вырвалось у него.

– Что? Что случилось, Паркер?!

Несколько мгновений Паркер лежал неподвижно, уткнувшись лицом в пол. Потом приподнялся на руках и подполз к краю колодца.

– Ты сбросил меня с кресла – вот что!

– Так залезь в него снова – и дело с концом!

– Может, заодно посоветуешь, как мне это сделать?

– Ну, придумай что-нибудь! – В голосе Ноя отчетливо слышались нотки истерики. Должно быть, и на дне колодца он слышал, как потрескивает огонь, стремительно пожирая старое строение. Правда, дым собирался в основном под потолком, и в колодце дышалось даже легче, чем наверху, но запах гари проник и сюда, и Ной не на шутку перепугался. – Паркер, ты должен вытащить меня отсюда!

– Ничем не могу помочь, дружище! Ведь я – калека, колченогий ублюдок, как ты изволил выразиться. – Паркер покачал головой. – Должен признаться, все получилось не со-

всем так, как я планировал. Я не собирался тебя убивать; мне только хотелось, чтобы ты на своей шкуре почувствовал, каково это – заглянуть в глаза смерти. Я хотел, чтобы ты пережил тот смертельный ужас, который испытал когда-то я, чтобы признался в своих преступлениях, чтобы поползал передо мной на коленях, просил, унижался... И я этого добился. На этом все должно было закончиться, но... – Паркер хрипло рассмеялся. – Я понимаю, Ной, ты здорово напуган. Вряд ли сейчас ты способен думать о чем-либо, кроме собственного спасения. Но если бы ты был в состоянии хоть на минутку отвлечься, ты смог бы оценить злую иронию судьбы. Ведь сейчас я – единственная твоя надежда, но я бессилен. Я не могу спасти тебя из-за увечий, которые ты сам нанес мне когда-то. Неплохой поворот сюжета, как тебе кажется? Жаль только, что ни одному из нас не удастся использовать его в своей книге. Профессор Стротер очень любил такие неожиданные ходы.

При упоминании имени их старого наставника Ной вздрогнул и бросил взгляд вверх. Их взгляды скрестились, как два клинка, – казалось, еще немного, и раздастся звон, как от удара стали о сталь.

– Ведь у тебя на совести есть еще один грех, Ной, не так ли? – негромко проговорил Паркер.

Ной взмахнул над головой сжатыми кулаками:

– Я должен был стать первым, Паркер! ДОЛЖЕН!

– Профессор Стротер не получал от нас писем почти год.

Все его послания возвращались нераспечатанными с пометкой: «Адресат выбыл, новое место жительства неизвестно». Сначала он был озадачен, потом – оскорблен нашим внезапным и необъяснимым молчанием. О том, что ты опубликовал «Побежденного», профессор узнал, только когда купил книгу. Разумеется, он сразу узнал и название, и имя автора, и ему стало любопытно, как ты учел его замечания и советы. Кроме того, старик был горд, что по крайней мере один из его учеников написал роман, о котором говорят буквально везде – в транспорте, на работе, дома... Ведь «Побежденный» сразу же попал в первые строчки списков бестселлеров, не так ли?

– Послушай, Паркер... – просяще проговорил Ной.

– Вообрази же себе удивление профессора, – продолжал Паркер, не слушая его, – когда, устроившись в своем любимом кресле и включив торшер, он открыл книгу Ноя Рида и увидел внутри мой текст. Мой!

– Это было то письмо! – крикнул снизу Ной. – Профессор Стротер любил тебя больше – во всяком случае, он всегда считал, что ты намного талантливее меня. Он был в восторге от твоей рукописи, и я решил проверить, действительно ли ты пишешь лучше меня. Однажды, когда ты был на работе, я забрался в твой компьютер, переписал на дискету файл и распечатал его. Я присвоил рукописи свое название, подписал своей фамилией и отправил в одно из издательств. Я не ожидал, что ее примут, но когда мне позвонил редактор...

– Тогда-то ты понял, что должен от меня избавиться. Немедленно. В тот же день.

– Да, таков был мой план...

– Готов спорить, ты здорово струхнул, когда выяснилось, что я жив.

– Да, я испугался, но не растерялся. Мне понадобилось всего десять минут, чтобы стереть файлы в твоём компьютере и записать на их место свою книгу – настоящего «Побежденного». Ты ничего не смог доказать, потому что к этому времени я уже создал тебе репутацию завистливого параноика, подверженного брутальным импульсам и склонного к насилию.

– Стротер всегда хвалил твое умение строить сюжет.

– Да, наш дорогой профессор весьма меня заботил, но, в конце концов я решил, что, если он попытается обвинить меня в плагиате...

– ...Ты сумеешь выкрутиться.

– Да. Я всегда находил выход даже из самой сложной ситуации.

– До сегодняшнего дня, – уточнил Паркер.

– Что ж, если мне придется умереть, в свою последнюю минуту я буду утешаться тем, что ты тоже подохнешь. Может быть, мы даже встретимся – в аду.

– Ты серьезно так думаешь?

– Насчет чего? А-а, понимаю!.. Да, Паркер, я уверен – ты тоже сгоришь вместе со мной. Правда, за эти годы ты,

несомненно, научился достаточно ловко ползать на брюхе, но ты все равно не успеешь. Огонь распространяется слишком быстро, ты задохнешься раньше, чем успеешь доползти до выхода.

– Все правильно, – кивнул Паркер. – Я только одно не пойму: зачем мне ползти, если я могу ходить достаточно быстро...

С этими словами он поднялся сначала на колени, потом на ноги и медленно выпрямился во весь рост.

Ной снизу смотрел на него с недоумением и страхом.

– Ах ты, грязный сукин сын!

– Это мой фирменный прием, – объяснил Паркер с улыбкой. – Быть может, он знаком тебе по книгам Маккензи Руна. Неожиданная развязка, последний крутой поворот сюжета – вот за что читатели любят мои книги. Боюсь, правда, сейчас ты не в том состоянии, чтобы по достоинству оценить...

– Я убью тебя, Паркер! Будь ты проклят! Я все равно убью тебя!!!

– С вами все в порядке, мистер Эванс? – раздался звучный голос заместителя шерифа Дуайта Харриса, появившегося в распахнутых дверях сарая. Следом за ним в хлопкоочистительный джин ворвалось еще несколько сотрудников шерифской службы с огнетушителями на изготовку.

– Все в порядке, – отозвался Паркер.

С этими словами он снова нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и огонь в углах погас сам собой.

В сарае сразу стало темно, и сотрудники шерифской службы включили фонарики.

– Пожарная машина уже подъехала, – сказал Харрис, и, будто в подтверждение его слов, струя воды из брандспойта глухо ударила в стену снаружи. – Признаться, мы начинали беспокоиться.

– Я и сам изрядно струхнул, – признался Паркер. – Ваши дымовые шашки – это что-то!..

Заместитель шерифа оглядел закопченные стены.

– Боюсь, мы немного попортили вашу собственность, мистер Эванс.

– Но дело того стоило, – возразил Паркер.

– Значит, все получилось? – спросил Харрис.

– Да. Он во всем признался. – Паркер распахнул рубашку и снял с пояса джинсов прикрепленный диктофон. Отсоединив его от микрофона, приклеенного к коже пластырем, он протянул диктофон шерифу:

– Спасибо за помощь, шериф Харрис.

– Помощник шерифа... – привычно поправил Харрис и улыбнулся. – Не за что, мистер Эванс. Напротив, это я должен поблагодарить вас за то, что обратились к нам. Возможно, благодаря этому делу я действительно когда-нибудь стану шерифом. – Он протянул Паркеру руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

Ной на дне колодца продолжал ругаться на чем свет стоит, но Харрис только сейчас обратил на него внимание.

– Давайте-ка вытащим вашего гостя, – сказал он и сделал знак своим сотрудникам, которые тут же принялись разматывать принесенные с собой веревки. – Начальнику полиции Беркшира не терпится потолковать с ним об обстоятельствах падения мистера Мадерли. А мои люди уже отправились во Флориду, чтобы опросить кое-кого из жителей Ки-Уэста – думаю, теперь мы сможем задать точные вопросы и получить нужные ответы.

– Вам решать... – Паркер пожал плечами. – Правда, на вашем месте я подержал бы мистера Рида в колодце хотя бы до завтра – после этого маленького одиночного заключения он стал бы отвечать на ваши вопросы куда охотнее. Но, боюсь, это дало бы повод обвинить нас в негуманности... и жестоким обращении с дикими животными.

С этими словами он двинулся к выходу из сарая, но вдруг замер на месте, увидев у самых дверей Майкла. Впрочем, ничего особенно удивительного в этом не было – Паркер уже привык к тому, что его старый друг всегда оказывался рядом, когда он в нем больше всего нуждался.

Но рядом с ним Паркер увидел Марис и отступил назад. Заметив его смятение, Дуайт Харрис подошел к нему и встал рядом.

– Я едва успел перехватить эту парочку прежде, чем они ворвались в сарай и все испортили, – сказал он. – Пришлось кое-что им объяснить, чтобы они не волновались.

– Они боялись, что Ной меня убьет?

– Нет, сэр, они боялись – вы убьете его. Паркер улыбнулся:

– Хотелось бы мне знать, где они набрались таких безумных идей.

– Пожилой джентльмен говорил что-то насчет вашего плана. Мисс Мадерли его разгадала.

– Ну, это меня не удивляет.

Неуклюже приволакивая ноги, Паркер снова двинулся вперед. Майкл, словно почувствовав, что Паркеру необходимо пройти эти несколько ярдов самостоятельно, не спешил ему на помощь и даже удержал Марис, которая сделала движение навстречу. Лишь когда он приблизился на расстояние вытянутой руки, Майкл спросил, не нужно ли ему инвалидное кресло.

– Спасибо, Майкл, было бы очень кстати.

Майкл пошел в сарай за креслом, а Паркер повернулся к Марис, которая продолжала смотреть на него во все глаза.

– Ты думала, я парализован? Она кивнула:

– Ты говорил что-то насчет коленей... Как будто их у тебя нет.

– Правильно – нет. У меня титановые суставы. Я ничего тебе не сказал, чтобы ты и дальше думала, будто без кресла я и шагу не могу ступить. Чтобы мой план сработал, Ной должен был быть убежден в этом...

Он немного подумал и решил, что не должен ничего скрывать от нее.

– Но эти несколько шагов, Марис, – это все, на что я спо-

собен, – добавил он. – Вряд ли я когда-нибудь смогу ходить, как все нормальные, здоровые люди.

– Это не имеет значения, Паркер. Никогда не имело...

– Знаешь, какой подарок был самым лучшим в моей жизни? – спросил Паркер, глядя Марис по спине после бурных занятий любовью. – Полный стакан светлячков.

– Светоносок.

– Или жуков-фонариков. – Он негромко рассмеялся. – Ты быстро учишься, Марис. С некоторой помощью ты скоро станешь королевой редакторов.

– А та ночь была самой удивительной, самой волшебной ночью в моей жизни. Если, конечно, не считать ночи сегодняшней...

– Знаешь, Марис, я хотел попросить у тебя прощения за то, что я тебе тогда наговорил...

– Ш-ш-ш, молчи. Я понимаю, почему ты должен был так поступить.

– Понимаешь?

– Да. Ты должен был избавиться от меня, убрать меня с острова, прежде чем сюда нагрянет Ной.

Паркер взял ее за подбородок и, заставив приподнять голову, заглянул в лицо:

– Но ведь я собирался использовать тебя, чтобы...

– Я догадалась. Мне кажется, сначала ты хотел, чтобы он застал нас в постели...

– Да.

– Но ты изменил свой план, когда влюбился в меня. Ты не захотел, чтобы я участвовала в этой сцене... И поэтому оскорбил меня, чтобы уберечь от... всего этого. Тебе необходимо было, чтобы я уехала, но ты не мог сказать мне об этом прямо.

Паркер нежно погладил ее по щеке:

– Умница ты моя!

– Значит, я права?

– Абсолютно права. Особенно насчет того, что я в тебя влюбился.

– А сейчас? Что ты чувствуешь сейчас?..

– Я полюбил тебя и люблю. – Паркер прижался к ее губам и поцеловал так, что у Марис не осталось ни тени сомнения в его словах.

– Я одного не могу понять... – сказала Марис, когда оба слегка отдышались. – Правда, мы договорились не говорить об этом сегодня, но мне все же хотелось бы прояснить один вопрос...

Они действительно решили, что сегодня ночью не будут возвращаться к прошлому. Их ожидали месяцы, быть может – годы сложнейших судебных разбирательств, которые должны были увенчаться полной реабилитацией Паркера и строгим приговором Ною. Помимо этого, Марис ждали дела издательского дома, за который она теперь отвечала единолично, а Паркеру предстояло писать новые книги. Они еще не

решили, где и как они будут жить – в Нью-Йорке или на Санта-Анне, или и там, и здесь попеременно.

Но все это они собирались отложить на завтра, чтобы сегодня без помех насладиться друг другом, поэтому Паркер сказал:

– Я не хочу, чтобы Ной оказался с нами в одной постели.

– Я тебя понимаю и вполне с тобой согласна, – задумчиво ответила Марис. – Но я хотела спросить тебя не о нем...

– Хорошо, – улыбнулся Паркер. – Так и быть, задавай свой вопрос, но только один. Мне не терпится продолжить то, что мы начали.

– О'кей. – Марис тоже улыбнулась. – Как я поняла, «Побежденный» – это твоя книга, которой Ной дал свое название, верно?

– Верно. Майкл понял это почти сразу.

– И попытался разыскать тебя, чтобы ты объяснил, как это получилось?

– Ему понадобилось больше года, чтобы напасть на мой след. – Паркер уже догадался, к чему она клонит. – За это время роман вышел и в бумажной обложке тоже.

– Но почему Майкл не пытался разоблачить Ноя? Почему не обвинил его в плагиате?

– Он испугался меня. Я поклялся на Библии, что задушу его голыми руками, если он это сделает.

– Почему?

– Потому что мое положение вряд ли можно было на-

звать выигрышным. Бывший заключенный, который жил как нищий, да и выглядел соответственно... Я был прикован к креслу, Марис, прошли годы, прежде чем я научился стоять на своих ногах после операций и ходить... если это можно назвать ходьбой. Кроме того, когда Майкл меня разыскал, я был законченным наркоманом... – Он упрямо покачал головой. – Нет, мне не хотелось предстать перед Ноем в таком жалком состоянии. Ведь он тогда уже был знаменитым писателем и успешным издателем.

– ...И вовсю наслаждался ворованным успехом.

– В общем, я решил подождать, пока я снова стану силен и уверен в себе.

– И добьешься признания.

– Это, конечно, тоже, – согласился Паркер. – Я хотел бросить ему вызов как равный. Кроме того, мне нужны были доказательства того, что я умею писать хорошие книги – такие, как та, которую Ной у меня украл. Я понимал, что на это могут уйти годы, но я был согласен ждать.

– Удивительно, как тебе удалось уговорить Майкла? – воскликнула Марис.

– А я его и не уговаривал. Я просто ему пригрозил...

– Чем же?

– Я пообещал, что не напишу больше ни строчки.

– А-а, теперь понимаю... Похоже, это была единственная угроза, способная на него подействовать. Все! Больше не буду приставать к тебе с вопросами! Я уже соскучилась по те-

бе, Паркер!

Марис прижалась к Паркеру всем телом и, касаясь чуткими пальцами его лица, груди, рук, продолжала едва слышно говорить:

– Люблю тебя здесь и здесь, люблю всего! Ну что же ты ждешь, Паркер?!

Марис продолжала ласкать его еще некоторое время. Потом Паркер опрокинул ее на себя и, крепко обняв за талию, задвигался быстрее, поднимая бедра как можно выше. Наконец он расслабился и откинулся головой на подушку.

– Тебе было приятно? – спросила Марис, отводя со лба его влажные от пота волосы.

– Мне до сих пор приятно. – Он сжал ее лицо в ладонях и, целуя, шепнул:

– Боюсь только, мы были несколько небрежны...

– Ну и что, – отозвалась Марис. – Я хочу иметь от тебя ребенка.

Паркер притворно вздохнул:

– Что ж, постараюсь привыкнуть к этой мысли...

– Или двух, – добавила Марис.

– Двух? Что ж, это даже лучше, чем одного.

– Эй, Паркер...

– Что?

– Я хочу кончить.

Она была уже готова. Ему потребовалось совершить лишь несколько движений кончиком пальца.

Потом они долго лежали молча, крепко прижавшись друг к другу, и Паркер осторожно гладил ее ладонью по мягкому плечу. Неожиданно Марис сказала:

– Я узнала тебя практически сразу, когда мы встретились. Если быть точной – когда ты меня поцеловал...

Рука Паркера замерла на ее груди, глаза широко открылись.

– Что ты имеешь в виду?

– Я узнала тебя, – повторила Марис. – Вот почему тот первый поцелуй так меня встревожил. Я знала тебя давно, и не просто знала, а хорошо знала. Почти как любовника. Ничего удивительного – ведь я провела с тобой столько ночей, впитывая каждое слово. Твоя книга была для меня как любовное послание, словно ты писал ее для меня одной, понимаешь? И когда ты поцеловал меня, ощущение показалось мне таким знакомым, словно мы целовались уже тысячу раз. – Приподнявшись на локте, она с нежностью провела кончиками пальцев по его лбу, носу, губам. – Я любила тебя давно – много, много лет. Я влюбилась в тебя в тот день, когда впервые взяла в руки «Побежденного».

Паркер поцеловал Марис в лоб.

– Умница ты моя! Когда ты говорила, я думал... Одним словом, ты все поняла правильно, – сказал он. – Ты поняла, что я хотел сказать в этой книге. Господи, да у меня чуть сердце не разрывалось, когда я слушал, как ты говоришь о «Побежденном»! Ты и представить себе не можешь, какого

труда мне стоило не признаться, что ее автор – я, а не Ной, и что именно в меня ты влюбилась, когда читала книгу.

– Почему же ты ничего мне не сказал?

– Я не мог. Во всяком случае – не сразу. Кроме того, я боялся разочаровать тебя, оказаться хуже, чем ты себе напридумывала.

Марис провела рукой по его волосам.

– Ты оказался намного лучше, Паркер. В тебе я нашла все, о чем когда-либо мечтала, и даже еще больше.

Они снова поцеловались и долго не могли разомкнуть объятий. Когда же они наконец сумели оторваться друг от друга, Марис спросила, какое название он сам хотел бы дать своей книге.

Паркер ответил, и она согласилась, что оно было намного лучше.

Хотя бы потому, что побежденный вовсе не был побежден.